

С. О. Шмидт

Россия
Ивана
Грозного

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

С. О. Шмидт

Россия Ивана Грозного

МОСКВА
«НАУКА»
1999

УДК ~~(947+957)~~

ББК ~~63.3(2)44~~

Ш 73

Рецензент

член-корреспондент РАН С.М. КАШТАНОВ

Шмидт С.О.

Россия Ивана Грозного. — М.: Наука, 1999. — 557 с.

ISBN 5-02-008622-3

Книга председателя Археографической комиссии РАН академика Российской академии образования С.О. Шмидта связана содержанием с ранее вышедшими его монографиями "Становление российского самодержавства" (название второго дополненного издания "У истоков российского абсолютизма") и "Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного". Это собрание статей 1950-х — 1990-х годов. В разделе "Социально-политическая история. Государственный строй" — статьи о венчании на царство и наименовании "Московское государство", о дьячестве и приказном делопроизводстве, Адашеве и митрополите Макарии, реформах 1550-х годов, опричнине и внешней политике, аграрной истории и городе. В разделе "Культура. Публицистика" помещены статьи о сочинениях Ивана Грозного, Курбского и других памятниках общественной мысли, Лицевом летописном своде, библиотеке Ивана Грозного, посольских книгах. Много внимания уделено проблемам современной историографии.

Для историков, филологов, архивистов, преподавателей и студентов.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-008622-3

© Издательство "Наука"

Российской академии наук, 1999

От автора

Название книги "Россия Ивана Грозного" может восприниматься неоднозначно. Это — и Россия времени Ивана Грозного, и Россия в представлении самого грозного царя, и понимание его роли в истории России и ее культуры современниками и потомками, особенно в последние десятилетия нашего века. Все эти подходы в той или иной мере — и иногда совмещенно — отражены в статьях сборника.

Публикуются статьи разных лет — и те, в основе которых была работа еще 1940-х годов, и те, где учтены труды ученых самого новейшего времени.

На первом курсе исторического факультета Московского университета, в 1939/40 учебном году, подарком судьбы оказался руководитель семинара Михаил Николаевич Тихомиров, который и стал главным моим учителем в науке отечественной истории. Из названных им тогда тем докладов я остановился на теме "Идеология самодержавия в сочинениях Ивана Грозного". Доклад явился результатом самостоятельного изучения первоисточников, да еще на языке подлинника — первое радость, горечь и гордость творчества, уже научного в своей основе. Увлечение сюжетами российской истории XVI столетия было так очевидно, что Михаил Николаевич предложил в конце года продолжить работу под его руководством, но уже по теме "Иван Грозный в Александровской слободе". И, выбирая на последующих курсах тематику докладов по другим разделам нашей и зарубежной истории, пришлось "примеряться" к проблематике государственно-политической истории и истории общественного сознания. В военные годы мы с М.Н. Тихомировым оказались первое время в разных городах. В то время у меня появилось желание написать исследование об А.Ф. Адашеве. М.Н. Тихомиров поддержал меня, и дипломная работа была написана под его руководством. Позднее в беседе с журналистом Ю.С. Лексиным*, задавшим "девять вопросов историку" (ин-

* Перепеч. в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избр. труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 441—451.

тервью с заголовком "Хочется думать, что не обрывал связь времен" опубликовано в журнале "Знание — сила", 1988, № 2), я попытался объяснить выбор темы обстоятельствами времени культа личности Сталина. Это побуждало к размышлениям о роли революций и реформ в истории, а судьба Адашева напоминала в ту пору о судьбе тех, кто зачинал социалистическое переустройство, а потом не только погиб, но и был вычеркнут из истории в кровавые 1930-е годы. Работа об Адашеве оказалась основой обеих моих диссертаций.

Исследованию явлений XVI в. уделялось преимущественное внимание именно в период подготовки диссертаций; в остальное время в большей мере был занят иной проблематикой. И к теме "Россия XVI века" потом обращался в научном творчестве с особой сосредоточенностью лишь в период подготовки докладов и статей, поводом для которых становились чаще всего как бы внешние обстоятельства — предложения участвовать в научной конференции, в сборнике статей в честь ученого, написать рецензию, выступить официальным оппонентом при защите диссертации. И потому написанное мною тогда очень четко отражает направленность интересов и уровень знаний именно в то время. В статьях и характерный для определенной поры набор выражений, и даже прием приведения цитат классиков марксизма-ленинизма, без чего существенно затруднено было обоснование той или иной новой мысли.

Возвращение на протяжении десятилетий исследовательской и преподавательской деятельности к проблемам истории России Ивана Грозного свидетельствует о том, что меня никогда не покидал интерес к этому; и на новых витках творчества к прежним соображениям добавлялись свежие (иногда вызывавшиеся знакомством с новейшими суждениями других ученых); формировался интерес и к ранее мало привлекавшим внимание сюжетам.

Все работы давних лет я написал бы сегодня по-иному — с учетом и новой литературы, и своих наблюдений последующих лет. Да и стиль мысли и образ ее выражения не остаются неизменными — и когда готовил к печати книги, в значительной мере обобщающие содержание ранее напечатанных статей о Московском восстании 1547 г., земских соборах и местничестве ("Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного". М., 1973), об архивах и летописях XVI в. ("Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного". М., 1984), многое написал заново. Новая книга по проблематике взаимосвязана с двумя предыдущими. Вместе они составляют своеобраз-

разный триптих. Но сейчас сил на переделку ранее написанного уже нет. Да и более привлекают другие проблемы: и иные сферы прошлого, и новые приемы исследования.

Потому оставлено так, как было напечатано тогда, — это ведь теперь и источник о развитии исторической мысли определенного времени и характерного именно для того времени умонастроения. Однако собрание в одной книге более 30 ранее написанных трудов — несомненный показатель того, что автор не отказывается от их основных идей и полагает, что обращение к этим трудам может быть небезынтересно и в наши дни.

Книгу предваряет обобщающего характера историографическая статья начала 1960-х годов. Обе части работы расположены по хронологическому принципу, начиная от самых ранних по времени написания. Печатаются они в первоначальном виде, лишь с необходимыми редакционными уточнениями. Остались и прежние формулировки и терминосочетания; поэтому, хотя автор последние десятилетия в своих трудах пользуется терминосочетанием "Российское государство", сохранено типичное для ранних работ словопотребление "Русское государство". Чтобы не вносить путаницу, везде заменено лишь словосочетание "источниковедческая база" на "источниковая база" (так как в статье автора 1969 г. "Современные проблемы источниковедения" объясняется различие в понимании автором этих терминов, и термин "источниковая база" именно в таком понимании с тех пор прочно утвердился в языке науки). В научный аппарат изменения внесены только во внешнее оформление (сейчас иная последовательность элементов: инициалы после фамилии автора и т.д.). Сноски на издания исторических источников и литературу, которые могли быть доступны автору именно тогда, не заменены сносками на последующие издания. Необходимые разъяснения и добавления приведены в постраничных сносках и в квадратных скобках в примечаниях.

Автор глубоко признателен за содействие этому изданию своим ученикам по Историко-архивному институту в Москве, и прежде всего Александру Александровичу Амосову, первым из них получившему ученую степень доктора исторических наук.

Февраль 1992 г.

Сигурд Шмидт

P.S.

Предисловие было написано в феврале 1992 г., незадолго до моего 70-летия. Вскоре усилиями А.А. Амосова и издательства "Хронограф" был подготовлен набор книги. Однако обстоятельства коммерческого характера помешали осуществить замысел. В

1996 г. в издательстве "Прогресс" вышла книга "У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного" (в основе которой была работа 1973 г. "Становление российского самодержавства" с добавлением новых очерков, в том числе о приказной администрации). В 1994 г. были напечатаны перечни моих трудов в "Археографическом ежегоднике" за 1992 г. и в книге "Мир источниковедения (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта)". Позднее А.А. Амосов передал подготовленный с его помощью сборник статей издательству "Глаголь", зарекомендовавшему себя изданиями, ценнейшими в деле изучения и пропаганды истории и культуры Древней Руси. Руководителям издательства "Глаголь" Василию Ивановичу и Дмитрию Васильевичу Чернышевым чувствую себя глубоко обязанным.

Сам Александр Александрович Амосов многое успел сделать для изучения источников по истории России XV—XVII вв. Об этом шла речь и на заседании его памяти в Санкт-Петербурге 29 мая 1996 г. (материалы которого публикуются в "Археографическом ежегоднике" за 1996 г.). Увлеченный и многообразно одаренный исследователь, первоклассный знаток памятников отечественной истории и культуры, он задумал сделать еще больше — и его талант, и широта научного кругозора, казалось, были тому порукой. Но внезапная смерть унесла Александра Александровича от нас 15 апреля 1996 г. — как раз в день рождения его вузовского учителя (на титульном листе подготовленной им к печати книги 1982 г. "Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание" надпись: "Дорогому Сигурду Оттовичу, учителю в науке и в жизни, крестному отцу и рецензенту этой книги, с трепетом душевным и смущением. А. Амосов").

Известно, что не только учитель выбирает учеников, но и ученик выбирает учителя. Более того, настоящий учитель лишь тот, кого сам ученик признает учителем. И учителя не готовы к тому, чтобы терять таких учеников, да еще столь многообещающих и душевно близких.

Светлой памяти Александра Александровича посвящаю теперь эту книгу.

Май 1996

Сигурд Шмидт

* * *

Оказалось, что книге этой следует предпослать и третье предисловие. Воистину, Бог любит троицу. В издательстве "Глаголь" подготовили оригинал-макет издания, но для завершения работы не

хватило средств. И книга готовится к печати по рекомендации Ученого совета Института российской истории РАН издательством "Наука". И это меня, конечно, радует. Все статьи, кроме самой ранней (об А.Ф. Адашеве), написаны в годы моей работы в Институте истории (с зимы 1956/57 г.), и большинство переиздающихся трудов напечатано в академических изданиях. В Институте истории 26 января 1965 г. защищал докторскую диссертацию по социально-политической истории России XVI в. (первая защита диссертации после переезда института в здание на ул. Дмитрия Ульянова, 19). Гриф родного для меня издательства "Наука" — на всех изданиях, подготовленных к печати Археографической комиссией РАН, председателем которой являюсь уже 30 лет.

Это издание — свидетельство труда историка на протяжении почти полустолетия. И чем больше лет проходит после первого появления в печати трудов, объединенных теперь в одной книге, тем явственнее несоответствие подчас написанного тогда современным установкам (прежде всего обращение к авторитету классиков марксизма-ленинизма, особенно в статье, открывающей издание), а во многом и тому, что вышло из-под пера автора в последующие годы. И тем не менее автор не позволяет себе внести правку в текст, приблизить его к уровню моих нынешних знаний о России XVI в. и научной литературе об этом, к мироощущению, свойственному сегодняшнему общественному сознанию. Надо либо писать заново (а для этого у автора теперь уже нет возможностей), либо оставить так, как было. И потому в данном случае следую тому же правилу, что и при издании в 1997 г. других сборников моих работ — "Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии" и "Археография. Архивоведение. Памятниковедение", и переиздаю прежние работы не в "исправленном и дополненном виде", а такими, как с ними впервые знакомились читатели.

И поскольку в сочинениях этих не мог не отразиться период их написания (и общественное настроение времени, и конкретные знания о предмете изучения), полагаю необходимым придерживаться принципа расположения материала в книге единственно по хронологии авторской работы, хотя, казалось бы, напрашивается для удобства чтения объединение групп статей по тематическим разделам (историографическая тематика, сюжеты истории внешней политики, политическая публицистика и др.). Это придает изданию определенный историографический интерес, показывая движение исторической мысли на протяжении десятилетий.

Так как изучение истории "Московского царства" оставалось и в недавнее время одной из тем моих исследовательских занятий,

решился включить в книгу статьи, в основе которых доклады на научных конференциях последнего года, — о Судебнике 1550 г. и о терминосочетании "Московское государство".

Завершает книгу предисловие к издающейся посмертно монографии А.А. Амосова о Лицевом летописном своде. Предисловие написано в 1998 г.

Душевно признателен за содействие в издании этой книги директору Института российской истории РАН Андрею Николаевичу Сахарову и тем, кто дал отзывы на рукопись книги и участвовал в ее обсуждении, — директору издательства "Наука" Владимиру Ивановичу Васильеву и сотрудникам редакции "Наука — история", требовательным и в то же время неизменно благожелательным.

Март 1997 г.

Сигурд Шмидт

Вопросы истории России XVI века в советской исторической литературе 1950-х—начала 1960-х годов*

I

В 1947 г. в юбилейном двухтомном издании Академии наук СССР, посвященном 30-летию Великого Октября, была напечатана статья видного советского историка С.В. Бахрушина "Иван Грозный в свете новейших исследований"^{1*}. Весьма характерны и содержание статьи, и ее название. Это — обзор исследований и публикаций советских историков (напечатанных главным образом в годы, непосредственно предшествовавшие написанию статьи) по истории России второй половины XVI в. Однако обзор оказался посвященным не основной проблематике 30—80-х годов XVI в., а деятельности Ивана Грозного и не случайно оканчивался фразой: "Так, в свете новых изысканий Иван Грозный вырастает в величественную и мощную фигуру одного из крупнейших государственных деятелей русского прошлого"¹.

Выбор темы статьи для сборника, казалось, должен был бы свидетельствовать не только об особом интересе к этому сюжету, но и о значительных достижениях в изучении проблем истории России XVI в. Между тем содержание обзора С.В. Бахрушина показывает, что историками в этой области сделано было тогда еще сравнительно немного. С.В. Бахрушин не мог назвать ни одной напечатанной монографии, специально посвященной истории России XVI в.

В исследованиях советских историков 1930—1940-х годов, относящихся в той или иной степени к истории России XVI в., преимущественное внимание уделялось политической истории и правовой стороне феодальных отношений. В исторической науке постепенно и прочно утвердилось представление о том, что по

* Впервые опубликовано под названием: Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962. С. 91, 136.

^{1*} В том же 1947 г. была напечатана и статья И.У. Будовнича "Иван Грозный в русской исторической литературе" (ИЗ. М., 1947. Т. 21), в основном посвященная дореволюционной литературе.

сравнению с государственным строем периода феодальной раздробленности централизованное монархическое государство было относительно прогрессивным, и его образование способствовало хозяйственному и культурному развитию страны, сохранению ее государственной независимости и успешному отпору внешним врагам. Оценены были и заслуги государственных деятелей, которые боролись за осуществление "централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны"².

Но при этом в изучении политической истории России XVI в. имели место и отклонения от объективной оценки исторических явлений. Недостаточно выявлялось то, что государство в обществе, разделенном на враждебные классы, а значит, и феодальное централизованное государство, прежде всего было аппаратом подчинения большинства меньшинству. Преувеличивалась личная роль отдельных государственных деятелей в общественной жизни и замалчивались темные стороны их деятельности. Иван III и Иван IV изображались в качестве создателей централизованного государства, как бы воплощавших в себе все положительное в процессе государственного строительства, а к событиям политической истории XVI в. подчас подходили с точки зрения позиции Ивана Грозного. Особенно обнаруживалась такая тенденция в произведениях художественной литературы и изобразительного искусства. Именно в этом усматривали восстановление исторической "правды"^{2*}.

История страны иногда подменялась историей государства, а история государства, в свою очередь, сводилась к истории государей. Фигура грозного царя заслоняла собой русское общество XVI в. Это нашло отражение даже в названиях наиболее значительных обобщающих книг о России середины XVI в. Вышедшие незадолго до напечатания статьи С.В. Бахрушина книги Р.Ю. Виппера (впервые издана в 1922 г.), И.И. Смирнова и самого С.В. Бахрушина назывались "Иван Грозный", хотя все они были посвящены не биографии первого русского царя, а истории России в целом.

Отказавшись от утвердившейся в трудах ряда дореволюционных историков традиции осуждения Ивана Грозного на том лишь основании, что он был лично жесток, и справедливо отмечая, что жестокость была свойственна и другим государям той эпохи, иногда пытались, однако, не столько объяснить, сколько оправдать жес-

^{2*} См.: Иван Грозный: Сб. статей о драматической повести А.Н. Толстого и ее постановке на сцене Малого театра. М., 1946.

токость первого русского царя и установившуюся при нем систему кровавого террора. Склонны были подчас и распространять на Россию XVI в. относящееся ко времени Петра I известное определение В.И. Ленина о варварских средствах борьбы против варварства³. При этом не учитывались значительные изменения, происшедшие в жизни нашей страны к началу XVIII в., отличия так называемого "нового периода русской истории" от предшествовавшей эпохи.

Такие отклонения от исторической истины объясняются несколькими обстоятельствами.

С одной стороны, это было своего рода реакцией на имевшие место в 1920 — начале 1930-х годов вульгарно-социологическое истолкование и модернизацию явлений истории Российского государства. Надо было во многом заново создавать представления о России периода феодализма. Однако кадров историков-марксистов тогда еще не хватало. Поэтому совершенно естественным и правильным было привлечение к такой работе крупных ученых, мировоззрение которых сложилось еще до Великой Октябрьской социалистической революции, ученых, доказавших свое искреннее стремление работать в интересах Советской власти и старавшихся овладеть теорией марксизма-ленинизма. Их опыт научно-исследовательской работы, их знания и литературно-педагогичное мастерство оченьгодились. К каким это приводило значительным положительным результатам, видно на основании трудов о Древней Руси, крестьянстве, собственно источниковедческих исследований и т.п. Вместе с тем в нашу науку иногда вносились и неправильные взгляды, свойственные дореволюционным ученым. Так, в объяснении событий политической истории "Московского царства" заметно было возрождение и некоторое распространение представлений так называемой государственной школы, взглядов Платонова и т.д.

В то же время — и это имело особенно большое значение — на изучении истории России феодального периода, как и на всей деятельности советских историков пагубно сказывалась регламентация мышления, порожденная культом личности. Следствием этого являлись односторонний, догматический подход к историческим явлениям, робость в отборе тем исследования, элементы эмпиризма в методике научной работы, несамостоятельность в объяснении и оценке исторических событий, цитатничество. Преувеличенной оценке исторической роли Ивана Грозного, оправданию его личных пороков и отрицательных явлений времени его правления, особенно опричнины, в сильнейшей мере способст-

вовали высказывания И.В. Сталина об Иване Грозном и событиях русской истории XVI в.⁴, не находящие должного подтверждения в исторических источниках и зачастую далекие от марксистского понимания исторического процесса.

Все это задерживало развитие советской исторической мысли, препятствовало распространению объективных исторических знаний. Но поступательное в целом развитие советской исторической науки не могло остановиться. Исследование истории России XVI в. продолжалось с большой интенсивностью; в эту работу включались и молодые ученые. Углубленное изучение трудов Маркса, Энгельса, Ленина обогащало исторические представления. В научный оборот был введен значительный новый фактический материал. Это, в свою очередь, побуждало ученых к дальнейшим научным изысканиям, ставило перед ними новые исследовательские задачи. В конце 40-х — начале 50-х годов появились труды по различным вопросам истории России XVI в., в том числе по истории народного хозяйства, и были опубликованы ценные исторические источники^{3*}.

Важной вехой в истории общественной жизни нашей страны, в развитии советской исторической науки явился XX съезд КПСС. Решения съезда стимулировали творческую мысль советских ученых, побудили их более глубоко и всесторонне подойти к рассмотрению многих исторических проблем, и прежде всего тех, на трактовке которых особенно заметно сказывалось воздействие культа личности. По выражению Н.С. Хрущева, советские люди "почувствовали, что стало легче дышать, творить и бороться"⁵.

Обзор новейших работ по истории России, посвященных периоду 1530—1580-х годов, хронологически сравнительно небольшому, но зато насыщенному важными историческими событиями, во многом определившими дальнейшую историю нашей страны в

^{3*} Основные труды, вышедшие из печати в 1947—1952 гг., перечислены в кн.: История СССР: Указатель советской литературы за 1917—1952 гг. // История СССР с древнейших времен до вступления России в период капитализма. М., 1956. Т. 1. Исторические исследования и публикации указаны также в кн.: Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. / Сост. Н.Ф. Дробленкова. Под ред. и со вступ. ст. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1961. Данные этих работ в той или иной мере обобщены в капитальном академическом издании (Очерки истории СССР: Период феодализма, Конец XV — начало XVII в. / Под ред. А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина. М., 1955, а также в первом томе учебника для вузов "История СССР" (М., 1956, автор главы — А.А. Зимин) и в учебном пособии (Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР, Конец XV — начало XVII в. / Под ред. И.И. Смирнова. Л., 1957).

эпоху феодализма, может конкретно показать, какие существенные изменения произошли в развитии советской исторической науки в последние годы.

II

Научная дискуссия об исторической оценке деятельности Ивана Грозного и событий времени его правления развернулась вскоре же после XX съезда КПСС. Два дня, 14 и 15 мая 1956 г., ученые Москвы и Ленинграда обсуждали яркий полемический доклад С.М. Дубровского "О культе личности и некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)"⁶. Оживленные прения свидетельствовали о большом интересе к теме⁷. С.М. Дубровский на примере трудов Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова показал, что не только в художественной и историко-компилятивной литературе, но и в работах крупных исследователей имели место идеализация деятельности Ивана Грозного, односторонняя оценка отдельных явлений истории России XVI в., в том числе опричины, затушевывание крепостнической сущности феодального централизованного государства. С.М. Дубровский остановился также и на ошибочных высказываниях И.В. Сталина об Иване Грозном и о событиях истории России XVI в.

Некоторые критические замечания в этом докладе были преувеличены, но для устранения недостатков надо было внимательно рассмотреть их, и в таких случаях увеличительное стекло бесполезно. Однако выдвинутые С.М. Дубровским конкретно-исторические позитивные положения (о возможности развития Российского государства не по пути превращения в централизованную монархию, о непринадлежности Грозному сочинений, связываемых обычно с его именем, и т.п.) оказались, как отмечало большинство участников дискуссии, малоубедительными, а его отношение к роли Ивана Грозного в истории нечетким. В изложении докладчика Иван IV с одной стороны предстает как продукт деятельности определенного класса, воплощая в себе черты класса помещиков-крепостников. В то же время некоторые существенные явления в истории России XVI в. рассматриваются С.М. Дубровским, как результат личных действий Ивана Грозного. Работе С.М. Дубровского также присуще преувеличение исторической роли Ивана IV и выпячивание отдельных, только отрицательных, сторон его деятельности.

Работы С.М. Дубровского и В.Н. Шевякова (специально об оценке опричины)⁸ показали необходимость серьезного пересмот-

ра некоторых вопросов истории России XVI в. Однако это не давало оснований для нигилистического осуждения всей большой работы, проделанной историками в этой области в предшествовавшие годы. Такой подход не способствовал бы дальнейшему поступательному развитию нашей исторической науки. Необходимо было выявить ценные наблюдения и прочно вошедшие в научный оборот выводы, имеющиеся в работах конца 30-х — начала 50-х годов, даже в тех, где явственно обнаруживались характерные для периода культа личности недостатки. Вопросы истории России XVI в. надо было изучать путем глубокого исследования первоисточников и специальной литературы, избегая как некритического повторения традиционных положений, унаследованных еще от дореволюционной науки, так и создания наскоро построенных, хотя подчас и оригинальных схем, без проверки их всем сохранившимся фактическим материалом.

Работы последних лет по истории России XVI в. свидетельствуют о больших достижениях в области исследования конкретно-исторических явлений и осмысления исторического процесса во всей его сложности, о более глубоком овладении неисчерпаемым богатством ленинских идей. Можно отметить несколько черт, характерных для изучения истории России XVI в. в последние годы.

Прежде всего, бросаются в глаза расширение тематики исследований и стремление теоретически объяснить изучаемые события. При этом явления рассматриваются в широкой исторической перспективе, во взаимосвязи с предшествовавшим и последующим временем. Ученые стараются обнаружить исторические корни изменений в социально-экономических отношениях, предпосылки государственных преобразований, активизации внешней политики и подъема общественной мысли и культуры середины XVI в. Они пытаются увидеть в XVI в. и социально-экономические предпосылки "нового периода русской истории", начало которого датируется примерно XVII в., и выяснить условия, приведшие к грандиозным народным движениям в первые годы XVII в. События политической истории и истории общественной мысли и культуры изучаются в тесной взаимосвязи с социально-экономической историей.

Все больше обращается внимания и на сравнительное изучение фактов отечественной и зарубежной истории, на выявление общего и особенного в русской истории, на определение всемирно-исторического значения событий отечественной истории. Об этом свидетельствует издание "Всемирной истории" и многочисленных специальных работ. При этом вопросы отечественной и всемирной

истории ставятся в их взаимосвязи в трудах как по отечественной, так и по зарубежной истории и культуре.

Круг ученых, исследующих историю России XVI в., расширился. Рука об руку с выдающимся историком старшего поколения акад. М.Н. Тихомировым и учеными, выдвинувшимися накануне Великой Отечественной войны или в первые послевоенные годы, в разработке этой проблематики успешно участвуют и совсем молодые исследователи. В изучение истории России XVI в. включились и представители смежных общественных наук — литературоведы, юристы, экономисты, искусствоведы, филологи. В свою очередь, и историки более действенно участвуют в изучении проблем, связанных с тематикой этих наук^{4*}.

Создается более разносторонняя источниковая база для исследований. Важно отметить, что публикация многих исторических памятников сопровождается их специальным источниковедческим и собственно историческим изучением в сравнении с другими источниками. Это также является стимулом для дальнейшего развития исследований по истории России XVI в.

Построение гипотез на основании большого научно-проверенного фактического материала, смелость в постановке и решении вопросов, дискуссионная острота, полемический задор — вот что отличает лучшие новейшие труды по истории России XVI в. Это — показатель новой, более высокой стадии развития советской исторической науки.

Уважение к традициям исторической науки, особый интерес к вопросам историографии — еще одна характерная черта исследований последних лет^{5*}. Советские историки больше используют

^{4*} Удачные примеры совместной работы ученых смежных специальностей — сборники статей: Вопросы формирования русской народности и нации / Под ред. акад. Н.М. Дружинина и Л.В. Черепнина. М.; Л., 1958; У истоков русского книгопечатания / Под ред. акад. М.Н. Тихомирова, А.А. Сидорова, А.И. Назарова. М., 1959.

^{5*} Обнаруживается глубокий интерес к овладению научным наследством историков. Издаются труды буржуазных историков (С.М. Соловьева, В.О. Ключевского), собрания сочинений советских ученых С.В. Бахрушина, Б.Д. Грекова, специально изучавших и историю России XVI в. Опубликованы труды В.И. Пичеты по истории западно-русских земель в XV и XVI вв., а также подготовленный покойным Н.П. Лупповым сборник "Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв." (Ижевск, 1958). Готовятся к печати работы С.Б. Веселовского и И.И. Полосина, посвященные различным вопросам социальной и политической истории России XVI в. Опубликована посмертно и большая статья. См.: Романов Б.А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Тр. ЛОИИ. М.; Л., 1960. Вып. 2. К сожалению, в практике нашей исследовательской работы такого типа исследования-отзывы пока еще редкость.

достижения и зарубежной науки, и в то же время все более действительно борются с фальсификаторами истории, со всеми, кто вольно или невольно искажает историю нашей страны. Возрастает и интерес зарубежных ученых к творчеству советских историков. Советские исторические труды переводятся, реферируются, рецензируются^{6*}.

III

Обязательное предварительное условие для развертывания исследовательской работы — введение в научный оборот и источниковедческое изучение исторических памятников. За последние годы сделано многое в области описания и обзора источников XVI в. Изданы ценный обзор документальных материалов ЦГАДА, составленный В.Н. Шумиловым⁹, и детальное описание рукописей так называемого Музейного собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина¹⁰. Вышло в свет вторым изданием с существенными дополнениями описание хронографов, летописей, степенных, родословных и разрядных книг Библиотеки АН СССР¹¹. Памятники истории XVI в. нашли отражение и в путеводителе по архиву Ленинградского отделения Института истории АН СССР¹², в превосходно составленных В.В. Лукьяновым описаниях рукописей архива и музея г. Ярославля¹³, а также в описаниях рукописей, обнаруженных их неумолимым первооткрывателем В.И. Малышевым, и в других работах¹⁴.

Заметно продвинулись вперед публикация и изучение летописей. Оживлению этой работы существенно способствовало создание в Институте истории АН СССР специальной группы по изданию летописей под руководством акад. М.Н. Тихомирова. Впервые опубликован такой ценный памятник, как Вологодско-Пермская летопись¹⁵. Уточнены данные о Воскресенской и новгородских летописях¹⁶. Велась работа по изучению лицевых летописей, в частности, приписок и редакционных исправлений (важных для понимания политических событий времени Ивана Грозного), а также миниатюр¹⁷. Драгоценным памятником оказался так называемый Пискаревский летописец, обнаруженный и опубликованный О.А. Яковлевой и подвергнутый источниковедческому анализу акад. М.Н. Тихомировым¹⁸. Изданы описания летописей¹⁹. Основ-

^{6*} Интересный обзор, например, новой советской литературы по истории России конца XV—XVII вв. напечатал недавно видный немецкий ученый акад. Э. Винтер: *Winter E. Literatur zur altrussischen Geschichte // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1960. Heft 8.*

ная методическая установка исследователей — изучение отдельных летописей в связи со всей историей летописания и в сопоставлении с другими источниками, с учетом фактов социально-политической истории страны.

Достигнуты значительные успехи в публикации, текстологическом изучении и научном комментировании памятников публицистики. Отдел древне-русской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), где главным образом сосредоточена эта работа, сумел привлечь к ней большую группу историков, литературоведов и филологов. Публикации, статьи и заметки печатаются в ежегодно издающихся "Трудах" отдела^{7*}. Особую научную ценность представляет серия изданий важнейших памятников древнерусской литературы. Книги эти включают тексты памятников, историко-литературные исследования, археографические обзоры, текстологические, а иногда и исторические комментарии²⁰. Таким образом, сочетается собственно историческая работа с источниковедческой и археографической. В ходе подготовки этих изданий были выявлены новые рукописи, уточнено содержание ранее известных источников. Читатель зачастую впервые получал подлинный текст памятника, казалось бы, ранее уже известного, и возможность сравнительного изучения его различных редакций^{8*}. Все это не могло не продвинуть вперед исследования многих исторических вопросов.

Значение летописей и других памятников публицистики в развитии исторических знаний определено в "Очерках истории исторической науки в СССР", в лекционном курсе по русской историографии Л.В. Черепнина, а также в учебном пособии по историографии истории СССР²².

Продолжаются ценные документальные публикации по социально-экономической истории Руси. Опубликованы акты Иосифо-Волоколамского монастыря и Московского митрополичьего дома²³. Они содержат сведения о положении феодально-зависимого населения, процессе крестьянского закрепощения, взаимоотношениях феодалов-землевладельцев, аппарате управления в государстве и монастырских вотчинах. Это лишь начало нового обширного меро-

^{7*} Значительная работа ведется и в недавно организованной группе по изучению древнерусской литературы при Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР. Вышел из печати первый том трудов группы "Исследования и материалы по древнерусской литературе" (М., 1961).

^{8*} Привлекла внимание историков и житийная литература, содержащая любопытные подробности (правда, не без труда обнаруживаемые сквозь призму церковных воззрений и сталистической витиеватости) по истории социальных отношений, общественной мысли и политической истории²¹.

приятня издания всех актов XVI в. в серии "Акты Русского государства"^{9*}.

Однако разработка методов актового источниковедения применительно к памятникам XVI в. должным образом не привлекает еще внимания исследователей. Исключением являются, пожалуй, лишь работы С.М. Каштанова, систематически изучившего иммунитетные грамоты-документы, устанавливающие ту или иную степень неподведомственности феодального владения правительственным агентам и посторонним лицам. В отличие от буржуазной историографии, иммунитетные грамоты изучались им не абстрактно-юридическим методом, для которого характерны случайные иллюстрации "сводные тексты", а в конкретно-историческом плане. С.М. Каштанов выявил в архивах и редких изданиях несколько сот иммунитетных грамот, составил хронологический перечень их за 1504—1584 гг., определил принципы классификации таких грамот²⁴ и написал, используя этот массовый источник в сопоставлении с другими видами источников, ряд исследований, показывающих судебную и финансовую политику в действии. По мнению С.М. Каштанова, иммунитет обуславливался не просто земельной собственностью, но и феодальной рентой, как проявлением специфики феодальной формы земельной собственности. При сравнении "Книги ключей" Иосифо-Волоколамского монастыря с иммунитетными грамотами впервые с такой убедительностью удалось на русском материале показать фактическую независимость основных судебно-административных и таможенных привилегий крупного феодала в XVI в. от наличия или отсутствия пожалования со стороны носителей верховной власти²⁵.

Происхождению и составу важных источников по социально-экономической истории — хозяйственных книг монастырей — посвящена ценная статья А.Г. Манькова, обобщающая наблюдения над многими рукописными и печатными документами. Им же изданы и интересные материалы по истории крестьян XVI в., извлеченные из монастырских хозяйственных книг²⁶. Изучению писцовых книг поможет удачно составленное учебное пособие большого знатока этих источников А.Ц. Мерзона²⁷. Разрабатываются вопросы методики датировки²⁸ писцовых книг и приемы

^{9*} Специально монастырские акты изучали И.А. Голубцов и А.А. Зимин (статьи в кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961); монастырские копийные книги исследовали С.М. Каштанов и Л.И. Ивина (статьи в: ЗОР ГБЛ. Вып. 18, 24).

составления карт поселений по данным таких книг^{10*} 29. Ш.Ф. Мухамедьяров, исследуя писцовую книгу Казанского уезда начала XVII в., выявил много данных, проливающих свет на социально-экономическую историю народов Среднего Поволжья в XVI в.³⁰

Писцовые книги — первостепенного значения источник по социально-экономической истории России, позволяющий рассматривать исторические явления в динамике. Однако исследуются они до сих пор недостаточно. Прекратилась и их публикация. Следует также отметить, что памятники социально-экономической истории — писцовые книги, а также акты владельческого и крестьянского хозяйства не всегда изучаются в хронологической последовательности, с учетом определенных естественно-географических районов. Между тем соблюдение этого правила необходимо для того, чтобы не впасть в ошибки и не принять за новые явления то, что прежде нельзя было заметить из-за недостатки сохранившихся источников³¹.

Историческая наука обогатилась новыми источниками по истории центрального и местного управления. Особенно интересна обнаруженная и опубликованная А.А. Зиминим "Уставная книга Разбойной избы" 1555—1556 гг., конкретизирующая наши представления о классовой борьбе и формах ее подавления³². Изданы ранее не известные губные грамоты³³. Ценные наблюдения о составлении законодательных актов во второй половине XVI в. содержатся в статье Р.Б. Мюллер³⁴. Немало сведений может почерпнуть историк из публикации описей Царского архива 1570-х годов и архива Посольского приказа 1614 г. Описи содержат данные об источниках, значительная часть которых ныне утрачена³⁵. В работах Д.Н. Альшица³⁶ и особенно В.И. Буганова впервые детально изучены разрядные книги — записи распоряжений правительства о погодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу. В.И. Буганов, исследовав более 200 рукописных разрядных книг, определил их редакции и время составления, сопоставил с другими источниками и обнаружил множество ценных фактов государственных учреждений России XVI в.³⁷ Началось обследование родословных книг³⁸. Очевидно, пора приступить к последовательному изучению и местнических записей, включающих много до сих пор еще не учтенных данных о политической истории.

^{10*} Писцовые книги изучались и как источник о расселении и социальном положении скоморохов, являвшихся в то время выразителями оппозиционных настроений народных масс, и по отношению к феодальному государству и особенно к церкви. См.: Петухов В.И. Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI—XVII вв. // Тр. МГИАИ. М., 1961. Т. 16.

Обойдены исследователями в значительной мере и посольские книги. Материалы эти в последние годы почти не издаются^{11*}. Между тем, посольские книги не только являются источником первостепенной важности по истории внешней политики и организации дипломатических сношений, но и содержат ценные сведения по внутренней политике, истории государственных учреждений и общественной мысли.

Небесполезно было бы критически исследовать, а также издать и некоторые сочинения иностранцев о России XVI в.^{12*} К настоящему времени выявлен и систематизирован большой фактический материал, позволяющий научно комментировать эти источники, определить степень их полноты и достоверности. Такая работа заставит отказаться от некоторых заблуждений и неверных оценок, сохраняющихся в трудах по истории России XVI в. из-за недостаточного критического отношения к этому типу источников.

Многосторонне изучается фольклор XVI в., отразивший отношения различных общественных слоев, прежде всего трудового народа, к памятным событиям эпохи³⁹. Вышли в свет академическое издание русских исторических песен и исследовательские работы по этой тематике.

Различные источники по истории России XVI в. изучаются и публикуются неравномерно. Однако сплошное и в то же время детальное исследование ряда источников — летописей, памятников публицистики, монастырских хозяйственных книг, разрядных книг, актового материала, особенно жалованных грамот, исторических песен — ставит на очередь вопрос о создании обобщающих трудов по источниковедению русской истории XVI в. и теоретических работ источниковедческой проблематики, в частности, о методике актового источниковедения.

Таким образом, источниковая база для исторических исследований по истории России XVI в. существенно расширилась,

^{11*} Статейные списки отдельных посольств XVI—XVII вв. выборочно публикуются в качестве литературных памятников и в тематических изданиях по истории внешних сношений. См.: Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. М., 1957. Т. 1 (XVI—XVII вв.). Значительную ценность имеет основанная преимущественно на изучении посольских дел работа Е.Н. Кушевой. См.: *Кушева Е.Н. Племена Северо-Западного Кавказа XVI—XVII вв. по документам русских архивов* // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России.

^{12*} В последнее время изданы только "реляция" императорского гонца Гофмана (Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559—1560 гг. / Подг. текста Ю.К. Мадиссона // ИА. 1957. № 6) и подготовленные И.И. Полосиным документы о сношениях Руси со странами Западной Европы, в том числе известное донесение Фейта Зенга (Материалы по новой истории СССР. Вып. II).

методика источниковедческого и текстологического анализа обогатилась, археографический опыт увеличился. Все это дает возможность более глубоко и всесторонне исследовать проблемы отечественной истории XVI в.

IV

Исследователей все больше привлекает тема об основных закономерностях социально-экономического развития России в средние века. Это свидетельствует о потребности сосредоточить внимание на коренных проблемах отечественной истории. В то же время научные доклады и дискуссии последних лет выявили недостаточную изученность истории производительных сил, истории города, истории аграрных отношений, с учетом всех социально-экономических, естественно-географических, политических особенностей развития отдельных районов страны. Без конкретного исследования этих важных вопросов трудно представить во всем многообразии социально-экономическое развитие России XVI в., а следовательно, и определить место этого столетия в истории нашей Родины.

Теоретические выводы и фактические наблюдения по социально-экономической истории России XVI в. еще не обобщены. Среди сравнительно небольших работ обобщающего характера выделяются труды Л.В. Даниловой и А.Л. Шапиро. В первом рассматриваются основные факторы социально-экономического и политического развития Руси в конце XV — начале XVII в. с точки зрения их воздействия на формирование русской народности⁴⁰, во втором — имущественное неравенство и социальное расслоение русского крестьянства в феодальную эпоху. Интересна и статья А.М. Сахарова "В.И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России"⁴¹. Усилению внимания к истории социально-экономических отношений в России XVI в. способствовало опубликование дискуссионной статьи акад. М.В. Нечкиной о "восходящей" и "нисходящей" стадиях феодальной формации в России⁴² и ее обсуждение на страницах журнала "Вопросы истории". Немалое значение имеет издание материалов симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы⁴³. Важная положительная черта некоторых из этих материалов — сравнительное рассмотрение явлений отечественной и зарубежной истории.

История производительных сил до недавнего времени была отстающим участком нашей исторической науки. Лишь в самые последние годы несколько усилился интерес к этой тематике. А.И. Копанев в небольшой работе обобщил данные многих специ-

альных работ и привлек обширный материал источников по истории населения России XVI в.⁴⁴ Он показал значительное перемещение населения внутри государства, все возрастающую роль вновь присоединенных районов в экономической жизни страны во второй половине XVI в. и катастрофическое сокращение населения в центральных и северо-западных районах. Эти общие выводы подтверждаются и наблюдениями Г.А. Победимовой, специально изучавшей состав населения вотчин Иосифо-Волоколамского монастыря, расположенных к северо-западу от Москвы⁴⁵. О производительных силах в промышленности, о развитии ремесла в XVI в. интересные материалы публикуют археологи. Однако данные эти остаются необобщенными. Продолжить столь успешно начатое акад. Б.А. Рыбаковым исследование истории русского ремесла — очередная задача советских ученых.

Определенные сдвиги наметились в области исследования развития производительных сил в сельском хозяйстве. В ряде трудов, основанных на изучении вещественных и письменных источников, обобщены данные по истории распространения и техники обработки отдельных культурных растений в России, в том числе и в XVI в.⁴⁶ Н.А. Горская, используя ужинно-умолотные книги и другие материалы монастырских архивов, пришла к выводам о стабильном характере техники земледелия и устойчивости уровня производительности сельского труда в XVI в.⁴⁷ На основании документальных материалов монастырского хозяйства изучались вопросы о структуре двора вотчинника и правовом положении зависимых людей, о связях деревни с рынком (работы А.Г. Манькова, Н.А. Горской и др.), об изменениях в вотчинном хозяйстве в связи с развитием товарно-денежных отношений⁴⁸. Работы эти конкретизируют наши представления об аграрных отношениях в XVI в., в частности, о не оформленных "правом" бытовых отношениях⁴⁹, характерных для крепостничества. Для исследования экономики деревни и истории развития феодальной ренты использованы и данные писцовых книг. Здесь особенно ценны статьи Р.Г. Скрынникова⁵⁰, показывающие рост барской запашки, распространение барщины в новгородских поместных землях в третьей четверти XVI в.^{13*}

В исторической литературе прочно утвердилось представление, что XVI в. в России — это время повсеместного возникновения и оформления поместного землевладения, распространения барщины,

^{13*} Положение крестьян и основные черты крепостного хозяйства в соседствовавшей с Новгородской землей Эстонии в XVI в. охарактеризованы в солидной монографии. См.: *Лиги Х.М.* Положение и классовая борьба эстонского крестьянства в начале Ливонской войны (1558—1561) Таллин, 1961.

а также денежной ренты, роста владельческого хозяйства и усиления крепостнического гнета. Спорными являются, однако, вопросы о причинах роста барщины, степени развития товарно-денежных отношений в деревне, особенностях и этапах процесса закрепощения крестьян, характере воздействия этих явлений на дальнейшую историю России^{14*}.

Большинство ученых полагало, что барщина и рост владельческого хозяйства связаны с развитием рыночных отношений. Для стран Восточной Европы, прилегавших к морям и вовлеченных в морскую торговлю, важным фактором был экспорт товаров. Россия же в XVI в. еще не была втянута в широкую внешнюю торговлю продуктами сельского хозяйства. Поэтому вряд ли можно объяснить возникновение так называемого "второго издания крепостничества" к Востоку от Эльбы потребностями более активного участия во внешней торговле. В связи с этим основной упор делали на усиление связей феодального хозяйства с внутренним рынком. В последнее время, однако, мнение это оспаривается, причем подчеркивается потребительское назначение владельческого хозяйства, особенно помещного, в XVI в.⁵² Для окончательного выяснения этого вопроса необходимо более детально исследовать историю смены форм поземельной собственности, степень распространения помещного землевладения, конкретные отличия помещного и вотчинного землевладения в сфере организации хозяйства, наиболее типичные черты крепостного хозяйства XVI в., а также степень рентабельности различных видов хозяйств, бюджет хозяйства феодала и крестьянина.

С середины XVI в. в источниках встречаются повсеместные упоминания о кабальном холопстве. Судьбы кабального холопства специально изучал В.М. Панеях⁵³. По его мнению, зависимость кабальных людей, возникнув как отношение экономическое (из займа), параллельно с ходом закрепощения крестьян все в большей степени приобретала черты внеэкономического принуждения, а с получением страдниками к концу XVI в. пашенных участков они по своему положению приблизились к крепостным крестьянам.

Продолжала привлекать внимание ученых и проблема закрепощения крестьян. Высказано предположение, что крепостничество в разных районах государства распространялось неравномерно, быстрее всего — в пределах Московского великого княжества. Закрепощение крестьян на Севере проводилось позднее⁵⁴.

^{14*} Спорным является вопрос о ясачном обложении народностей, вошедших в состав Российского государства. Этой теме посвящена интересная статья В.Д. Димитриева "О ясачном обложении в Среднем Поволжье" (ВИ. 1956. № 12).

Конкретную картину закрепощения крестьян на рубеже XVI—XVII вв. попытался воссоздать В.И. Корецкий. Найденные им архивные дела о бегах и вывезенных крестьянах дали необходимую источниковую базу для научной реконструкции исчезнувшего законодательства о крестьянах конца XVI в. и пересмотра значения в ходе закрепощения ранее известных законодательных памятников, в частности, законов 1580 и 1581 гг. Оказывается, кульминационным пунктом политики закрепощения на рубеже XVI—XVII в. был указ 1592—1593 гг. о запрещении выхода крестьян и бобылей. Регулируя различные стороны взаимоотношений между феодалами и крестьянами, он оформил в основных чертах крепостное право в России в общегосударственном масштабе и прозвучал непосредственным сигналом к крестьянской войне, подготовлявшейся всем ходом социально-экономического развития XVI в. Исследуя законодательство о холопстве в конце XVI в., тот же автор показал единую политику закрепощения крестьян и холопов, рассчитанную на обеспечение барщинного хозяйства рабочими руками⁵⁵. Новейшие исследования о положении крестьян и холопов в конце XVI в. помогают понять особенности народного движения начала XVII в., характер грандиозного совместного восстания крестьян и холопов.

Маркс и Энгельс отмечали, что в период средневековья крепостные "освобождались не как класс, а поодиночке"⁵⁶. Локальный характер крестьянских волнений был типичной чертой и одной из причин недостаточной эффективности борьбы крепостных крестьян против своих угнетателей. Это — следствие слабой экономической связи крестьян с внешним миром, узости их "местного горизонта"⁵⁷. Широкий характер крестьянское движение приобрело в России в связи с объединением больших масс крестьянства на окраинах страны, в казацких колониях. Академик С.Д. Сказкин полагает, что возникновение казачества являлось попыткой осуществить политически автономное объединение бывших крепостных. Именно там революционное крестьянство старалось противопоставить себя централизованному государству, лелея мечту о мужицком государстве⁵⁸ во главе с "хорошим" царем. История первой в России крестьянской войны под предводительством И. Болотникова в начале XVII в. привлекла серьезное внимание исследователей, а вот история возникновения казачества в XVI в., формирование революционных настроений среди вчерашних крепостных и холопов почти не изучается. Восполнить этот пробел — одна из первоочередных задач историков России XVI в.

Возникает вопрос о месте социально-экономических отношений, сложившихся в русской деревне XVI в., общем процессе эконо-

номического развития страны. Академик С.Д. Сказкин нарочито резко формулирует вопрос так: "Являются ли эти хозяйственные и правовые порядки переходной ступенью к возникновению более прогрессивной, капиталистической формации или они представляют собой регресс, своеобразную форму феодальной реакции, поскольку наиболее характерную черту этих новых хозяйственных порядков составляет массовое возвращение феодалов-помещиков к наиболее примитивной форме феодальной эксплуатации — барщине, т.е. к стадии, давно уже пройденной более передовой в экономическом отношении Западной Европой?"⁵⁹

Всестороннее изучение источников для ответа на этот вопрос — задача дальнейших исследований. Однако уже сейчас становится все более ясным задерживающее воздействие крепостничества и распространения барщины на поступательное развитие народного хозяйства. Известные достижения в области экономики — и в сельском хозяйстве, и промышленных предприятиях крепостников — были результатом не повышения техники производства и усовершенствования его организации, а усиления эксплуатации даровой рабочей силы, все большего приближения крепостного права к рабству. Небесполезно вспомнить высказывание В.И. Ленина о крепостном праве в России, "где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы" и "ничем не отличалось от рабства"⁶⁰. В этой связи по меньшей мере спорным представляется мнение, будто бы развитие производства в эпоху феодализма могло быть достигнуто только благодаря применению крепостного труда. Сторонники подобной точки зрения не учитывают и большой роли в развитии производства городов, где, как правило, преобладал труд свободных людей.

В свете последних лет все более очевидны успехи в развитии товарно-денежных отношений^{15*} в деревне XVI в. Однако основные потребности и феодала, и крестьянина преимущественно покрывались за счет их собственного хозяйства; сохранялись натурально-хозяйственные основы феодального хозяйства, барского и крестьянского быта. Употребляя выражение В.И. Ленина, в России XVI в. господствовал средневековый хозяйственный режим, т.е. соединение крестьянских промыслов с земледелием⁶².

Некоторые историки, обнаруживая факты наемного труда в сельском хозяйстве и товарного производства продуктов земледелия, склонны видеть в этих немногих примерах новые явления социально-экономической жизни и рассматривать их как доказательство социального расслоения крестьянства и начала капи-

^{15*} Изучению товарно-денежных отношений помогают исследования по русской метрологии и истории денежного обращения⁶¹.

талистических отношений. Особенно четко эта "тенденция к перенесению на более раннее время начала капиталистических отношений"⁶³ в России выражена в трудах акад. С.Г. Струмилина, В.А. Голобуцкого⁶⁴ и Д.П. Маковского.

Самая постановка вопроса (Д.П. Маковским, С.Г. Струминым) о более высоком уровне экономики на Руси в середине XVI в. по сравнению с последующими десятилетиями и об активном тормозящем воздействии на народное хозяйство явлений надстроечного порядка представляется интересной. Однако вывод о том, что в середине XVI в. в России "в промышленности и в сельском хозяйстве зародились капиталистические отношения и были подготовлены необходимые экономические условия для их развития"⁶⁵, кажется малоубедительным. Еще меньше оснований^{16*} для аналогии между аграрным кризисом XVI в. в России и "земледельческой революцией" в Англии⁶⁶. Попытка усмотреть в русской деревне XVI в. зарождение капиталистических отношений не встретила поддержки у большинства специалистов по экономической истории Восточной Европы. Имеющийся фактический материал позволяет применительно к России XVI в. говорить лишь об имущественном неравенстве среди крестьянства, а не о социальном расслоении.

Сторонники точки зрения о появлении капиталистических отношений в сельском хозяйстве России XVI в. рассматривают подчас разделение труда между городом и деревней, присущее и раннефеодальному периоду, как признак товарного производства, не замечая различий между последним и товарным обращением⁶⁷. Смешиваются также явления пауперизации крестьянства, хорошо известные и рабовладельческому, и раннефеодальному хозяйству, с пролетаризацией. Между тем пауперизация вызывалась как ростом крепостнического гнета, так и политическими мероприятиями правительства, усилением фискального нажима, войнами, стихийными бедствиями^{17*}. Игнорируется подчас тот факт, что феодальные отношения не были статичными, и прогрессивные изменения в экономике и в организации производства использовались нередко для усиления и укрепления феодального способа производства. Не учитывается и то, что для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве необходимо наличие более или менее крупного

^{16*} Несостоятельность подобной точки зрения хорошо показана в работе академика С.Д. Сказкина "К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы" (Ежегодник за 1959 г.).

^{17*} Многочисленные примеры подобной пауперизации к середине XVI в. приведены в кн.: Носов Н.Е. Очерки. С. 224 и далее. Широко известны факты пауперизации в годы опричнины и Ливонской войны.

сельскохозяйственного производства. Как показывают исследования С.Б. Веселовского и Б.А. Романова, даже крупные светские феодалы XVI в., несмотря на тенденцию к укрупнению селений, имели, как правило, сравнительно небольшие разрозненные владения, в которых эксплуатация барщинного труда не могла дать особенно значительный экономический эффект. Наконец, забывают то обстоятельство, что для проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство надо, чтобы такие отношения существовали уже в промышленности.

Настала пора предпринять попытку предварительного обобщения и теоретического осмысления накопленного фактического материала по аграрной истории России XVI в. При этом следует строго определить степень достоверности и типичности источников, возможность их сопоставимости и распространения сообщаемых ими данных на другие районы, другие десятилетия XVI в. и другие виды хозяйств. Дело в том, что сохранившиеся источники по аграрной истории России XVI в. распределяются крайне неравномерно. В распоряжении ученых мало данных о светском вотчинном землевладении, преобладают документы о монастырском, практически неотчуждаемом в то время землевладении. О помещичьем же землевладении мы узнаем, главным образом, по материалам Новгородского района. Скудны сведения о крестьянском хозяйстве — они относятся преимущественно к черносошным крестьянам Севера. Между тем на основании этих случайных и трудно сопоставимых данных делаются иногда выводы обобщающего характера.

Так, хорошо известно, что в Новгородской земле природные условия для хлебопашества были хуже, а торговля, в том числе транзитная, была развита шире, чем в других [районах] страны. Этот край не почувствовал в такой степени, как центр страны, ужасов татарского ига. В то же время в XVI в. это был район сравнительно молодого поместного землевладения, испытывавший последствия "вывода" Ивана III и опричных разгромов. Здесь постоянно чувствовалась близость военных действий во время длительной Ливонской войны. Тем не менее, данные о Новгородской земле особенно широко используются для характеристики всей экономики России XVI в. (например, в "Очерках истории СССР"). При изучении явлений аграрной истории России XVI в. надо также обязательно учитывать особенности и тип владельческих хозяйств — монастырских и светских, вотчинных и поместных, крупных и мелких, населенных старожильцами или новоприходцами.

Воссоздать действительно объективную картину аграрных

отношений в России XVI в. можно только в результате обобщения всех конкретных наблюдений, с учетом особенностей сохранившихся источников и разнообразия местных условий. Примером такого типа работы может служить имеющая крупное научное значение монография В.В. Дорошенко об аграрных отношениях в Латвии XVI в.⁶⁸ Ее автор учитывает специфику как источников, так и отдельных районов, им изучаемых. Такой подход тем более необходим к русским материалам. "Россия велика, — говорил В.И. Ленин, — и местные условия в ней различны"⁶⁹. Для исследования же вопроса о так называемом "втором издании крепостничества" и особенностях этого процесса в России придется, очевидно, систематически сопоставить данные по собственно русской истории и истории других народов к востоку от Эльбы^{18*}, отмечая особенности их социально-экономического развития, а также проследить возможные связи процессов закрепощения крестьян на Востоке Европы и первоначального накопления в западноевропейских странах.

Пожалуй, наименее изученный вопрос русской истории XVI в. — история городов^{19*}. Монографически исследована только история двух крупнейших городов страны — Москвы (1-й том многотомного академического издания "История Москвы") и Новгорода (ценная книга А.П. Пронштейна). Между тем, без изучения социально-экономических отношений в городе, без определения удельного веса городов в общественной жизни страны и их роли в процессе образования централизованного государства, без выяснения особенностей развития русского города нельзя решать коренные вопросы социально-экономической, политической и культурной истории XVI в. Многие интересные суждения об уровне экономического развития, специфике классовой борьбы, политической направленности государственных реформ, степени распространения гуманистически-реформационных идей остаются в значительной мере гипотетичными до тех пор, пока не будут выяснены основные черты истории русского города тех лет. Без этого трудно разглядеть "завязь" явлений, определяющих особенности наступавшего "нового периода русской истории".

В последние годы на примере Пскова⁷⁰ и Новгорода выявлено

^{18*} При таком сравнительно-историческом подходе к теме поможет изучение новых трудов по истории крестьянства западных районов нашей страны (Х.М. Лиги и Э.Я. Тарвеля — по Эстонии, Я.Я. Зутиса и В.В. Дорошенко — по Латвии, Д.Л. Похилевича — по Белоруссии и Литве, И.М. Шекеры — по Правобережной Украине и др.), а также сочинений историков Польши и ГДР.

^{19*} Примерное число городов XVI в. определено А.А. Зиминим в статье "Состав русских городов XVI в." (ИЗ. М., 1955. Т. 52).

наличие центростремительных тенденций не только в политике, но и в экономике конца XV—XVI вв. Монография А.П. Пронштейна показала несостоятельность традиционного мнения о том, что вхождение Новгорода в состав Российского государства привело к падению его экономики. Напротив, Новгород к середине XVI в. поднялся на новую, более высокую ступень экономического развития⁷¹.

Выявляется все большая взаимосвязь развития экономики страны и внешней торговли. В монографии М.Ф. Фехнер⁷², впервые обобщившей огромный материал о торговле России со странами Востока, показано, что основное место в вывозе занимали товары отечественного происхождения, в том числе ремесленные изделия. Автор считает, что в этом отношении восточная торговля имела большее значение для экономического развития страны, чем торговля с Западной Европой, куда вывозилось из России преимущественно сырье. Эти ценные выводы важны также и для изучения взаимоотношений русского народа с другими народами нашей страны. Выделяется четкостью выводов и тщательностью сравнительного источниковедческого анализа "Торговой книги" и счетов нидерландских купцов небольшое исследование М.М. Громыко о русско-нидерландской торговле в Мурманском Поморье. Выясняется, что тенденция роста этой торговли обуславливалась не только развитием капиталистических отношений в Нидерландах, но и процессами внутреннего развития России. Последние делали возможным экономическое оживление даже такого отдаленного района, как Поморье и возникновение в нем торговли, связанной с разными отраслями хозяйства и различными областями страны⁷³. Таким образом, в эпоху "появления современной мировой торговли и мирового рынка"⁷⁴ Россия сразу же оказалась втянутой в мировую торговлю⁷⁵.

Исследователи отмечают дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в России XVI в., расширение межобластных рыночных связей, которые зиждились главным образом на общественном разделении труда, связанном с различиями естественно-географических условий. Однако факты эти не дают еще оснований говорить об экономическом единстве страны. Обильный фактический материал, введенный в научный оборот, подтверждает справедливость той точки зрения, что в России XVI в. еще не было условий для развития капиталистических отношений. Развитие товарно-денежных отношений не только не привело в XVI в. к разложению старого способа производства, но, напротив, способствовало расширению феодально-крепостнических отношений. Барщинное хозяйство и крепостничество мешали складыванию

буржуазных связей⁷⁶. Укреплению феодализма, распространению его вширь способствовала и возможность освоения новых территорий. Колонизация приводила к рассредоточению людских и экономических ресурсов, замедлению процесса пролетаризации мелких производителей⁷⁷.

Понятно, что ученые особенно стремятся обнаружить тенденцию перспективного развития. Советские историки многое сделали в данной области. Но это не означает, что обнаруженные ими спорадические явления следует принимать за типичные черты рассматриваемой эпохи. О развитии капитализма можно говорить лишь тогда, когда отдельные явления количественного порядка перерастают в качественные. В России XVI в. по сравнению с предшествовавшим временем, в социально-экономических отношениях произошли существенные изменения, однако они, приближая возникновение капиталистических отношений, отнюдь еще не знаменовали их наличие. Начало капиталистического развития России можно датировать лишь последующим временем⁷⁸.

Широко известно положение Маркса о характерных чертах начальной стадии капиталистической эры в Западной Европе XVI в. "Там, где она наступает, — писал Маркс, — уже давно уничтожено крепостное право и поблекла блестящая страница средневековья — вольные города"⁷⁹. В России был иной путь развития, и капиталистические отношения складывались в то время, когда крепостное право продолжало усиливаться. Это определило особенности развития капитализма и его темпы. Задача историков — выявить начальный этап этого длительного процесса.

В XVI в. видны зародышевые явления процесса перерастания русской народности в нацию. Применительно к этому времени рано еще говорить о русской нации. Процесс ее формирования задерживало отсутствие экономической общности. Однако уже тогда у русской (или великорусской) народности имелись известные отличия по сравнению с XIV или XV в. Обнаруживались заметные признаки расшатывания местной хозяйственной замкнутости, некоторые элементы консолидации народности в нацию. В XVI в. уже произошло "государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке", и были устранены препятствия "развитию этого языка и закреплению его в литературе". Но "завоевание внутреннего рынка буржуазией" — необходимое условие "для полной победы товарного производства"⁸⁰ — еще не имело места. В России образовалось не национальное, а многонациональное централизованное государство, т.е. централизован-

ное государство докапиталистического периода. "Национальное государство есть правило и "норма" капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение"⁸¹, — писал В.И. Ленин.

Сплочение земель под властью государя всея Руси, а позже царя было закреплено распространением в XVI в. официального наименования страны — "Российское государство", "Российское царство", появлением названия "Россия". Это наблюдение акад. М.Н. Тихомирова⁸² подтверждается многими источниками — документами дипломатических сношений, памятниками публицистики (например, знаменитое послание Ивана Грозного Курбскому было адресовано "во все его Российское царство").

V

За последние годы советскими учеными достигнуты значительные успехи в изучении истории государственного строительства, внутренней и внешней политики Российского государства XVI в. Главная проблема, привлекающая внимание, — образование и развитие централизованного государства в России. Историки единодушны в том, что этот процесс был длительным. Однако хронологические грани его определяются по-разному.

Л.В. Черепнин полагает, что этот процесс начался в конце XIII в., отчетливо проявился к началу XIV в., а переломным его моментом стали 80-е годы XV в., когда политическое единство русских земель означало их включение в единое государство с центральным правительством. С указанного рубежа и датируется образование централизованного государства. Завершение процесса складывания единой государственной территории, политической централизации, оформление единой системы управления происходили в конце XV и на протяжении XVI в., но уже в рамках централизованного государства. И.И. Смирнов считает, что процесс образования централизованного государства в России продолжался с конца XV по начало XVII в. По его мнению, содержание политической истории этого периода составляет ликвидация старых форм государственной власти и управления, существовавших во времена феодальной раздробленности, и создание вместо них новых форм и институтов централизованного государства. "Обе стороны этого единого в своем существе процесса, — пишет И.И. Смирнов, — проявляются в форме сложной и острой борьбы как между классами антагонистами: феодалами и крестьянством и городскими низами, так и между различными группировками вну-

три господствующего класса"⁸⁴. И.И. Смирнов датирует образование централизованного государства только тем временем, к которому Л.В. Черепнин относит завершение этого процесса. Менее четкую позицию занимает А.А. Зимин. Он характеризует как "неверный" взгляд И.И. Смирнова относительно продолжавшегося в XVI в. процесса образования централизованного государства⁸⁵, но в то же время всем содержанием своей книги подтверждает, что этот процесс отнюдь не завершился ко времени правления Ивана Грозного.

Не останавливаясь на датировке начального этапа процесса образования централизованного государства в России, можно констатировать, что как Л.В. Черепнин и И.И. Смирнов, так и фактически А.А. Зимин процесс ликвидации удельных порядков и оформления единой системы государственного управления свойственной централизованному государству, относят к концу XV—XVI вв.^{20*} Причем "процесс строительства централизованного государства" вовсе не исключал существования уже в первой трети XVI в. "аппарата власти и управления централизованного государства"⁸⁶. Для завершения строительства централизованного государства требовалась ликвидация политической и экономической самостоятельности крупнейших феодалов с их прочными удельными традициями, организация единого для всей территории центрального и местного аппарата управления с чиновничьей администрацией и одинаковыми принципами судопроизводства, создание войска, подчиненного прежде всего верховной власти, оформление достаточно многочисленной дворянской военной бюрократии, унификация налогов и повинностей и т.п. — словом, преодоление остатков феодальной раздробленности. Это и составляло основное содержание политической истории России XVI в.

В настоящее время все более конкретизируются наши представления о значении классовой борьбы в процессе образования централизованного государства в России, а также о роли различных прослоек господствующего класса в этом длительном процессе. Классовая борьба оказывала определяющее воздействие на изменение форм государственного управления, а эти изменения, в свою очередь, были направлены на укрепление аппарата насилия, еще большее закабаление трудящихся и деревни, и города.

Политическое объединение страны, как известно, произошло в условиях господства феодального способа производства и отсут-

^{20*} Л.В. Черепнин пишет, что "процесс ликвидации" удельных порядков занял длительное время и растянулся даже на вторую половину XVI в. См.: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 6.

ствия капиталистических отношений и было осуществлено прежде, чем оформилось экономическое единство русских земель. Это явилось важнейшей причиной жестоких политических кризисов, с которыми была сопряжена централизация государственной власти в XVI в. при сохранении могущества феодальной аристократии⁸⁷. В России процесс централизации возглавила военная дворянская бюрократия; оформление ее было и следствием, и выражением этого процесса. Ее усилению послужило создание, начиная с конца XV в., поместной системы, обеспечившей экономическое положение дворянства и в то же время нанесшей серьезный удар местной обособленности, а также распространение крепостнических отношений. Государственная централизация способствовала преодолению экономической раздробленности "с помощью насилия"⁸⁸.

Работы последнего времени еще раз показали историческую обоснованность характеристики государственного строя России XVI в., данной В.И. Лениным еще в конце прошлого столетия. Государство в то время, писал В.И. Ленин, «распадалось на отдельные "земли", частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т.д.»⁸⁹ О большой политической и экономической силе княжат и боярства еще в первой половине XVI в. свидетельствуют исследования С.М. Каштанова, В.С. Шульгина⁹⁰, И.И. Смирнова, А.А. Зимина, Н.Е. Носова и др. В конце XV—первой половине XVI в. постепенно отмирали отдельные институты типичные для удельной эпохи, но одновременно нарастало сопротивление процессу государственной централизации со стороны феодальной аристократии, старавшейся сохранить традиционные права и привилегии. Это особенно обнаруживают перипетии борьбы княжеско-боярских группировок за власть в годы малолетства Ивана Грозного, достаточно подробно изученные в книгах И.И. Смирнова, А.А. Зимина и в других работах.

Факты политической истории России 1530—1540 гг. убеждают в том, что боярские распри времени малолетства Ивана IV ослабили не только центральную власть, но и самое боярство. Это исключало возможность солидарных действий боярства в целом и обуславливало поддержку многими крупными феодалами мероприятий центральной власти и дворянства в борьбе против экономических и политических привилегий боярства. На помощь одних крупных феодалов и борьбе с другими не без основания рассчитывал Иван Грозный и в 1550-е годы, и даже во время

опричины. Единодушны были крупные феодалы — как и все остальные феодалы — лишь в вопросе о праве господства над трудящимся населением. И только когда создавалась угроза их социальному благополучию, в дни массовых народных восстаний, взаимный антагонизм отдельных прослоек класса феодалов внутри этих прослоек отступал перед общеклассовым интересом.

Отсутствием сплоченности у крупных феодалов, неясностью их политической программы объясняются и нечеткость политических позиций различных группировок боярства в 1530—1550 гг., и временные союзы вчерашних недругов, и кровавые столкновения вчерашних соратников. Они и не склоны были уступать свои наследственные привилегии, и в то же время, опасаясь возвышения какой-либо другой боярской группировки, готовы были ради ослабления ее поддержать в известный момент идею централизаторского преобразования.

Вовсе не всегда можно найти какие-то четкие линии в этом клубке политических противоречий и личного соперничества, взаимной зависти и корыстолюбия, византийской хитрости и воинственного задора. Нельзя не учитывать и того, что среди соперничавших между собой придворных деятелей XVI в. значительное место занимали, так сказать, нейтральные, которые, примыкая к тем или иным группировкам, определяли подчас их политический вес. Разумеется, это не означает, что все боярские группировки были политически беспринципными или одинаково враждебными идеям централизации государства. Идея эта пробивалась к жизни, и отдельные боярские группировки вольно или невольно способствовали ее осуществлению.

Постановка вопроса об основной политической тенденции в деятельности той или иной группировки — заслуга советских историков. Но не следует преувеличивать степень последовательности в проведении этой тенденции и уровень политической сознательности примкнувших к лидерам группировок придворных деятелей. В XVI в. более или менее ясный взгляд на характер государственного управления и пути его изменений имели лишь особо выдающиеся государственные деятели и публицисты. Поэтому усилия И.И. Смирнова, весьма заметные в его книге, составить представление о политической программе тех или иных государственных деятелей на основании фактов об их участии в борьбе придворных группировок и в так называемых "придворных мятежах" являются, по существу, модернизацией событий истории XVI в., попыткой приписать этим деятелям такую определенность политического мышления, какой они еще не могли обладать.

История государственных преобразований 30—50-х годов XVI в. впервые исследована советскими учеными столь полно, причем в тесной связи с классовой борьбой, ростом народного недовольства и изменениями форм его выражения. Советские историки исходят из ленинского положения о том, что "классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований"⁹¹. Усиление "татбы" и "разбоев" в 1530-е годы, за которыми скрывались в большинстве случаев открытые выступления против феодального гнета, привели, по мнению Н.Е. Носова, к введению губной реформы⁹². Обострение классовой борьбы к концу 1540-х годов, массовые городские восстания и рост волнений в деревне, заставили временно сплотиться все прослойки господствующего класса феодалов и определили направление правительственной деятельности Избранной рады⁹³.

В плане воздействия выступлений трудящихся на правительственную деятельность изучает реформы 1550-х годов. А.А. Зимин, посвятивший истории классовой борьбы особую главу в своей монографии. Как ответ господствующего класса на взрыв классовой борьбы в городе и деревне рассматриваются первые соборы середины XVI в.⁹⁴ Ростом классовой борьбы объясняется и подъем реформационного движения⁹⁵. Однако, несмотря на повышенный интерес к этой теме, история классовой борьбы к середине XVI в. остается до сих пор недостаточно исследованной. Основная причина — бедность сохранившихся источников, особенно по истории классовой борьбы в деревне; очень мало известно о связи городских движений конца 1540-х годов с волнениями в деревне, еще меньше — о самих волнениях крестьян.

Исследования последних лет позволили прийти к выводу о том, что реформы государственного аппарата в 1530—1550 гг. начались с местного управления, а это вызвало в дальнейшем необходимость перестройки центральных органов власти. Начало обстоятельному анализу процесса складывания местных органов централизованного аппарата насилия положила основанная на большом фактическом материале монография Н.Е. Носова, специально изучившего возникновение и развитие институтов городских приказчиков и так называемых губных старост. В первом из них проявились главным образом военные потребности государства, во втором — его классовая крепостническая природа⁹⁶. Исследованиями Н.Е. Носова и С.М. Каштанова⁹⁷, подчеркивается классовая сущность этих реформ, опровергается несостоятельное утверждение русской до-

революционной и современной зарубежной буржуазной историографии о том, что они якобы отвечали интересам народа.

А.А. Зимин исследовал роль дворцового управления в процессе уничтожения самостоятельности отдельных княжеств и в централизации местного управления, а также состав Боярской думы и наместников в XVI в.⁹⁸ В монографии А.К. Леонтьева детальному изучению подверглись основные реформы в области приказного управления в первой половине XVI в. Автор попытался установить несколько этапов этих реформ и убедительно показал, что образование каждого из приказов имело свои специфические особенности и являлось "результатом синтеза деятельности ряда существовавших в то время ведомств"⁹⁹. Конкретные наблюдения и выводы названных работ дают основание полагать, что главной тенденцией внутренней политики на протяжении первой половины XVI в. была, несмотря на все, подчас довольно существенные отклонения, централизаторская тенденция, отвечавшая прежде всего интересам феодалов-крепостников, стремившихся к укреплению аппарата принуждения.

Особенно подробно исследованы реформы конца 1540-х—1550-х годов, времени деятельности правительства "Избранной Рады", долгие годы остававшиеся слабо изученными. О деятельности Избранной рады много спорили, невольно становясь на сторону одного из двух непримиримых политических противников — царя Ивана или Курбского, — но по-настоящему ее не изучали. Между тем, исследования последних лет убедительно показывают, что имеется достаточно объективных исторических источников, прежде всего актового материала, для углубленного изучения правительственной деятельности конца 1540-х—1550-х годов.

Новый подход к реформам 1550-х годов впервые обнаружился еще в научно-популярной книге И.И. Смирнова "Иван Грозный". Этот же исследователь одним из первых приступил к детальному изучению реформ. Статьи его на данную тему были объединены в "Очерках", изданных в 1958 г. В последнее время успешно занимался этой тематикой и А.А. Зимин, также обобщивший в книге результаты своих прежних детальных исследований.

Предметом специального рассмотрения стали отдельные реформы и история государственных учреждений¹⁰⁰, состав правительства и характер его деятельности^{21* 101}, общественная мысль середины XVI в. Отличительная черта большинства таких работ —

^{21*} Попытку И.И. Смирнова пересмотреть вопрос о составе и времени деятельности Избранной рады, несмотря на остроумие методов доказательств, трудно признать основательной.

сочетание собственно исторического исследования со специальным источниковедческим анализом документов^{22*}. При этом и ученые зачастую вступали в полемику друг с другом, обосновывая, как правило, свои взгляды значительным документальным, в том числе архивным, материалом. Все это способствовало серьезным сдвигам в изучении внутренней политики и общественной жизни Российского государства середины XVI в., а также помогло понять некоторые стороны последующей опричной политики 1560-х—1570-х годов.

Советские ученые единодушны в определении классовой направленности реформ середины XVI в. Целью и результатом реформ было укрепление основ классового господства феодалов. Детальное изучение истории России этого времени лишь конкретизируют «ту истину классовой борьбы, что "реформы", проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия»¹⁰². Вопреки легендам буржуазной историографии, народ никакого участия в правительственных преобразованиях не принимал. В XVI в., как и в век абсолютизма, царь издавал законы, назначал чиновников, собирал и расходовал народные деньги *"без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением"*¹⁰³.

Споры, однако, вызывает вопрос о том, в чьих интересах проводились реформы середины XVI в. И.И. Смирнов подчеркивает чисто дворянский характер этих преобразований; А.А. Зимин вслед за С.В. Бахрушиным и другими советскими историками утверждает, что реформы носили компромиссный характер и были проведены в интересах господствующего класса в целом. Вторая точка зрения представляется более правильной и отвечает наличному фактическому материалу источников. Возможность временной консолидации всех прослоек класса феодалов (боярства, дворянства, церковных феодалов) и, видимо, верхушки, горожан была обусловлена угрозой усиления народных волнений в конце 1540-х годов, а также проведением восточной внешней политики, выгодной всем слоям господствующего класса¹⁰⁴.

^{22*} Показательным примером такого типа исследования является очень интересная статья Н.Е. Носова "Боярская книга 1556 г.: Из истории происхождения четвертчиков" в сборнике "Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII—XVII веков". Источниковедческий анализ памятников позволил автору поставить под сомнение общепринятое представление о кормленщиках 1550-х годов как носителях феодальной реакции и сепаратизма и показать отсутствие резких социальных граней между боярством и верхушкой столичного дворянства.

Политика Избранной рады имела своеобразные черты. Она была направлена, по существу, к уравниванию в привилегиях боярства и дворянства. У крупных феодалов не столько отнимали их права, сколько распространяли эти права и на дворянство, лишая тем самым боярство в какой-то мере его привилегированного положения. Это, в конечном счете, содействовало укреплению экономического и политического положения дворянства. В условиях приблизительного равновесия политических и экономических сил боярства и дворянства особое влияние приобретала церковь во главе с митрополитом Макарием, служившая помехой делу дальнейшей централизации государства; встречающаяся в трудах некоторых историков и литературоведов мысль, будто бы единение светской и духовной власти символизировало национальное единство страны и способствовало централизации Российского государства, далека от исторической правды.

Причины и поводы падения правительства "Избранной рады" и непосредственные предпосылки опричнины еще слабо исследованы. Зато история самой опричнины изучается более разносторонне, чем прежде, и распространенные в исторической и, особенно, в художественной литературе представления о ходе проведения опричной политики, ее классовой направленности, политических и экономических последствиях серьезно пересматриваются.

Уже в статье В.Н. Шевякова, насыщенной примерами варварских действий Ивана Грозного и опричников, утверждалось, что опричная система и тирания существенно подорвали производительные силы страны и привели к известным событиям начала XVII в.¹⁰⁵ Исследование во всей конкретности взаимосвязи опричной политики царского правительства и классовой борьбы угнетенных против угнетателей, уточнение роли опричнины в процессе дальнейшего закрепощения крестьян (антикрестьянская направленность опричнины подчеркивалась уже прежде в работах И.И. Смирнова), в перераспределении земельной собственности среди различных групп класса феодалов, в изменениях городского тягла и взаимоотношениях между группировками населения городов, установление степени влияния опричнины на сельское и городское хозяйство страны — эти темы не могут не привлечь внимания историков России XVI—XVII вв.

Необходимо определить и роль опричной политики в осуществлении задач дальнейшей централизации государства, а также в области внешней политики. Если в результате опричной политики Ивана Грозного было ликвидировано такое наследие периода фео-

дальной раздробленности, как княжеско-боярское удельное землевладение, то одновременно ослабла и политическая роль сословно-представительных учреждений — земских соборов, деятельность которых особенно характерна для конца 1540-х — начала 1550-х годов. Не может не броситься в глаза и то обстоятельство, что внешнеполитические успехи перестали сопутствовать Ивану Грозному после учреждения опричнины. Перенапряжение политических и экономических сил страны не могло не сказаться отрицательно на ходе Ливонской войны.

В результате исследований последних лет серьезно поколеблен тезис об антибоярской направленности опричной политики и резком противопоставлении опричников и земщиков. А.А. Зимин, изучив организацию аппарата центрального управления в опричнине, отметил такое важное обстоятельство, что опричнина по существу укрепляла положение феодальной аристократии в правительстве, вручая Боярской думе все повседневное управление и суд; формы опричной политики были почерпнуты из стародавнего арсенала государственной практики времен феодальной раздробленности, а образцом для организации опричнины послужил дворцовый аппарат¹⁰⁶. Особое значение имеет ценное исследование В.Б. Кобринина о социальном составе Опричного двора. Тщательное изучение биографий и родственных связей, земельных владений и имущественного положения опричников показало близость социального состава средних руководителей и рядовых служилых людей опричнины и земщины, при относительно большей "худородности" высших руководителей опричнины¹⁰⁷. Таким образом, представление о том, что главной целью опричнины была внутриклассовая борьба, значительно поколеблено. Все больше обнаруживается и непоследовательность политики Грозного в годы опричнины, стремление в условиях незавершенной еще централизации государственной власти бороться с остатками феодальной раздробленности путем возрождения ее институтов. Это проявилось и в середине 1570-х годов, примером может служить временная передача управления государством Симеону Бекбулатовичу^{23*}.

Вопросы политической истории 1560—1570-х годов нуждаются еще в серьезном изучении. Но уже сейчас становится ясным, что в деле централизации государства в XVI в. наибольшее значение имела не опричнина, как многие полагали еще недавно¹⁰⁹, а реформы середины столетия. Именно в те годы был в основном оформлен аппарат центрального и местного управления, создано

^{23*} В последнее время появилось несколько работ, облегчающих понимание этого "политического маскарада"¹⁰⁸.

единое для всей страны законодательство, укреплено положение дворянской военной бюрократии, проведены преобразования в военном деле и в финансовом управлении, которые определили дальнейшее развитие государства по пути к абсолютизму.

В XVI в. еще не сформировалось абсолютистское государство^{24*} 110. Формой государственного управления была монархия с боярской думой¹¹¹, однако не только экономическое, но и политическое влияние дворянства все усиливалось. Это отразилось в своеобразных формах сословной монархии XVI в., когда государь совещался, как правило, лишь с представителями различных прослоек господствующего класса. Представители так называемого третьего сословия обычно на таких "соборах" в XVI в. еще не присутствовали.

Тема земских соборов, некогда столь популярная в научной и публицистической литературе, долгие годы вовсе не привлекала внимания ученых. Первым советским исследованием, специально посвященным сословно-представительным учреждениям XVI в., является статья акад. М.Н. Тихомирова, содержащая как общую постановку вопроса, так и много важных замечаний конкретно-исторического характера, в частности, о "совещаниях соборной формы"¹¹². Характеристика земских соборов XVI в. дана была в обобщающей статье Л.В. Черепнин о земских соборах XVII в. Напечатана специальная статья о соборах середины XVI в.¹¹³ Однако тема эта изучена еще не полностью и ждет исследователя¹¹⁴. Такая работа небесполезна еще и потому, что современная зарубежная буржуазная историография, подобно дореволюционной, пытается представить земские соборы как пример непосредственного общения власти с народом.

Следует, очевидно, более полно изучить историю государственных учреждений России второй половины XVI в. Это позволит, в частности, определить до сих пор еще недостаточно выясненную роль приказных людей в процессе образования и укрепления централизованного государства, уточнить особенности и этапы постепенной бюрократизации государственного управления.

Накопленный материал о государственных преобразованиях в XVI в. свидетельствует о том, что они, как правило, проводились

^{24*} В другой статье этого сборника, написанной И.Б. Зильберманом ("Принцип суверенитета государственной власти в русской политической литературе XVI в."), Иван IV рассматривается без должных оснований как идеолог абсолютизма. Одновременно в статье проводится верная мысль о том, что церковные идеологи (иосифляне) отнюдь не были последовательными сторонниками самодержавной царской власти.

постепенно, захватывая сначала сравнительно небольшую территорию (например, губная реформа^{25*} 115, земская реформа, отмена кормлений¹¹⁶, опричные порядки, заповедные годы) или относительно небольшой круг лиц (например практика "соборов"), причем сохраняли еще и методы управления, унаследованные от прошлых лет, даже от удельных времен. Русский царь в XVI в. в гораздо большей степени чувствовал себя "самодержавцем" в личном "государевом" уделе, чем в "государстве", где он был стеснен соправительством Боярской думы. Поэтому-то Иван Грозный стремился впоследствии к обособлению внутри "Российского царства" такого "государства"-удела—опричнины, а позже — княжества "Московского и Псковского, и Ростовского". Здесь очень рельефно обнаруживается отмеченная Марксом *"врожденная человеку казуистика — изменять вещи, меняя их названия, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!"*¹¹⁷ Именно "в рамках традиции" в России XVI в. и ломались традиционные представления об управлении государством.

В этой связи нуждается в пересмотре распространенная в нашей литературе оценка местничества¹¹⁸. В середине XVI в. оно было более выгодно центральной власти, чем крупным феодалам, и представление о нем как о явлении только отрицательном кажется односторонним. Местнические обычаи четко определяли, что служебное положение знатного человека обеспечивается прежде всего верной потомственной службой московскому государю, степенью приближения его родственников к государю. Эти обычаи в какой-то мере приравнивали потомственных удельных князей к потомственным нетитулованным боярам русских великих князей: те и другие рассматривались прежде всего как служилые люди московского государя. Тем самым юридически и психологически устранялось самое представление о политической независимости княжат. Местничество помогало центральной власти разобщать аристократию, разбивать крупных феодалов на группировки и находить опору в одной из них против другой. Оно давало центральной власти способ борьбы с "мятежами" княжат, так как измена одного члена рода "мяла в отечестве" весь род, и заставляло самих княжат сдерживать друг друга.

Таким образом, местничество, как и тесно связанная с ним практика крестоцеловальных и поручных записей, становилось способом ослабления политического могущества княжат. Воз-

^{25*} Н.Е. Носов в своей монографии переоценил степень единообразия и централизации форм местного управления в первой половине XVI в.

возможность рассмотрения местничества первой половины XVI в. как одного из средств преодоления феодальной раздробленности становится еще более очевидной в связи с наблюдениями о постепенном переходе княжат — владельцев значительных уделов из числа "слуг"-вассалов на положение великокняжеских бояр, терявших при этом остатки былой самостоятельности¹¹⁹.

Для более глубокого понимания вопросов внутренней политики следует изучать их в большей связи с внешнеполитической проблематикой. Между тем такого рода исследований, где учитывалось бы взаимодействие факторов внутренней и внешней политики Российского государства XVI в., до сих пор еще не имеется.

VI

До середины 1940-х гг. вопросы, связанные с обороной страны и внешней политикой России середины XVI в., не подвергались монографическому исследованию¹²⁰. К настоящему времени положение заметно изменилось.

Многое сделано в изучении так называемой "восточной политики" и истории взаимоотношений России с народами Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа. Разработка этой темы особенно важна потому, что активизация внешней политики на Востоке и Юге была существенным фактором, ускорявшим процесс централизации, а вхождение в состав государственной территории земель, населенных иноязычными народами, — характерной чертой создания централизованного многонационального государства.

Освобождение от феодальной раздробленности было тесно связано с борьбой против татарского ига. "В России, — писал Ф. Энгельс, — покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига..."¹²¹ Дальнейшая централизация государства переплеталась с борьбой против остатков Золотой орды и новой турецкой опасности. Потребности обороны ускоряли процесс образования централизованного государства, а успехи в деле централизации, в свою очередь, обеспечили Российскому государству победу над Казанским ханством и помогли сдержать нашествие народов Востока.

Первостепенное значение борьбы с Казанским ханством для дальнейших судеб Российского государства и развития международных отношений в Восточной Европе отметил еще в 1944 г. И.И. Смирнов¹²². Однако специально эта проблематика до последних дней не изучалась. В ряде работ, в частности у С.В. Бахрушина, огромное самостоятельное значение восточной политики Российского государства и международный характер борьбы Рос-

сии с Казанским ханством преуменьшались, а присоединение Среднего и Нижнего Поволжья к России рассматривалось лишь как вводная глава к истории Ливонской войны. Недостаточное внимание уделялось также многовековым взаимоотношениям и тесным взаимосвязям русского народа с народами Поволжья.

Одна из причин слабого освещения в исторической литературе вопросов восточной политики — скудость сохранившихся источников: большая часть документов (русские посольские дела, архив казанских ханов) исчезла. Имело значение и то обстоятельство, что Поволжье давно уже стало частью России. С начала XVIII в. внимание как специалистов в области современной внешней политики, так и историков прошлого России было сосредоточено на взаимоотношениях с западноевропейскими странами и Турцией. В умах историков происходило известное смешение исторической перспективы: наиболее важным линиям внешней политики XVIII—XIX вв. приписывали такое же значение, как и в предшествовавшие века. Вследствие этого основное внимание уделялось тем явлениям русской внешней политики, где интересы России непосредственно сталкивались с западноевропейскими.

Исследования последних десятилетий (Е.Н. Кушевой, А.А. Новосельского, М.Г. Сафаргалиева, И.И. Смирнова, Н.А. Смирнова, М.В. Фехтер и др.) заставили отказаться от этих традиционных воззрений. Одновременно обнаружилось, что имеется достаточно источников для восстановления более или менее полной картины внешней политики России и на Востоке, и на Юге. В недавнее время изучались русско-турецкие, русско-крымские, русско-ногайские и русско-иранские¹²³ отношения, предпосылки и ход Казанской войны и весь комплекс взаимоотношений России с мусульманскими юртами в середине XVI в.¹²⁴, политика Российского государства на Северном Кавказе¹²⁵, дипломатические и торговые сношения с государствами Закавказья и Средней Азии¹²⁶.

В свете новейших исследований все больше выясняется огромное международное значение восточной политики Российского государства в середине XVI в. и воздействие ее на внутреннюю политику. В обобщающих трудах по истории отдельных народов нашей страны¹²⁷ и в специальных работах охарактеризованы взаимоотношения русского народа с народами Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа, показано прогрессивное историческое значение включения этих народов в Российское государство¹²⁸. Исследуется и история освоения Сибири русскими людьми в XVI в.¹²⁹

Очень важно детально ознакомиться с характером взаимо-

отношений русского народа и царского правительства с присоединенными народами. Следует глубже изучать историю именно народной колонизации окраин и прогрессивное воздействие русского трудового населения на развитие местной культуры и общественных отношений, исторические корни дружбы народов нашей страны. В то же время необходимо проследить первоначальные формы колониальной политики царизма, превратившей Россию в "тюрьму народов".

Вступило в новую фазу и изучение Ливонской войны. Впервые обращено столь большое внимание на вопросы взаимоотношений русского народа и народов Прибалтики, особенно в первые годы войны, и выяснено, что война стимулировала взрыв классовой борьбы крестьян Прибалтики, направленной против немецкой феодальной верхушки^{26*} ¹³⁰. Пристально изучается разнообразная отечественная и зарубежная документация по дипломатической истории войны. Продолжает успешно трудиться в этом направлении Х.Х. Круус¹³¹. Удачной попыткой обобщения в научно-популярной форме данных о Ливонской войне можно признать книгу В.Д. Королюка, содержащую много оригинальных положений¹³². По-новому охарактеризована политика русского правительства накануне войны. Как показал И.П. Шаскольский¹³³, русское правительство пыталось первоначально оттянуть войну, добиться мирным путем удовлетворения своих интересов на Балтийском море и ограждения от враждебной политики правящих немецких кругов Ливонии. Здесь уместно напомнить, что старания использовать прежде всего мирные средства для достижения своих целей характерны для политики правительства Избранной рады и в русско-казанских отношениях вплоть до весны 1552 г. Русско-шведские отношения в середине XVI в. привлекли внимание Г.А. Новицкого^{27*} ¹³⁴, русско-польские отношения в годы войны — тема исследований Л.А. Дербова. Появилась работа и о последнем периоде войны — миссии Поссевино¹³⁵. Специальное исследование посвящено использованию военной техники в годы Ливонской войны¹³⁶.

Однако некоторые важные вопросы истории Ливонской войны и ее предпосылки остаются исследованными не полностью. В

^{26*} В монографии Х.М. Лиги с привлечением большого, преимущественно архивного, фактического материала опровергнуто утверждение буржуазной историко-графии о якобы благополучном экономическом и правовом положении прибалтийского крестьянства накануне Ливонской войны.

^{27*} Г.А. Новицкий напечатал и интересную статью об испомещении русских дворян в Прибалтике в годы войны. См.: *Новицкий Г.А. Новые данные о русском феодальном землевладении в период Ливонской войны (1558—1582)* // ВИ. 1956. № 4.

научной литературе встречаются утверждения, слабо подкрепленные материалом источников. Так, распространено мнение, будто в войне на Западе было заинтересовано дворянство, а боярство склонялось к активизации южной политики, и что земельные приобретения на Юге должны были укрепить экономические позиции феодальной аристократии, а союз с польско-литовским магнатством мог привести к упрочению политического влияния боярства в стране^{28*}. Между тем круг источников, которыми оперируют сторонники подобной точки зрения, крайне ограничен. Это — приговор земского собора 1566 г., отрывок из неопубликованной крымской посольской книги и сочинения Грозного и Курбского. В последних трех содержатся сведения о том, что руководители Избранной рады были сторонниками войны с Крымом, препятствовали ведению Ливонской войны и являлись виновниками неудач в этой войне.

Данные эти позволили историкам прийти к выводу, что раз Курбский был противником Ливонской войны и сторонником войны на Юге и его, по словам обоих полемистов, поддерживала в этом Избранная рада, значит, Избранная рада действительно выступала против Ливонской войны, а политика ее была в этом вопросе реакционной.

Сведения крымской посольской книги нуждаются, однако, в комментировании. В таком виде они противоречат содержанию других листов рукописи, которую историки, как правило, специально не исследовали, доверяя нескольким строчкам в примечаниях к "Истории" Карамзина. Курбский же находился в Польше и, естественно, хотел умолчать о своем участии в войне на западных границах Руси, тем более, что он был не в большом почете в Речи Посполитой. Значительно больше чести ему оказывают историки, до сих пор верящие его высказываниям о внешнеполитических отношениях Российского государства!

Между тем на соборе 1566 г. идею продолжения Ливонской войны поддержали как дворяне, так и бояре. Приобретение земель на Западе и создание спокойной атмосферы на южных границах государства, вероятно, привлекало крупных феодалов не менее, чем мелких. Наиболее удачливыми воеводами в этой войне, во всяком случае, в первые ее годы, были крупные феодалы — княжата и бояре. Изучение летописей и посольских дел, а также зарубежных источников показывает, что глава Избранной рады А.Ф. Адашев лично руководил всей дипломатической подготовкой Ливонской войны, всеми внешнеполитическими мероприятиями во время

^{28*} В последнее время это мнение повторялось А.А. Зимин¹³⁷.

войны и, наконец, был послан, видимо, с особыми полномочиями на ливонский фронт в 1560 г., в момент активизации там военных действий. Очевидно, что Адашев не был принципиальным противником войны на Западе, но в то же время он думал, что ее следует вести до определенного предела. Полагая, что достаточно овладеть Нарвой и выходом к морю, он справедливо считал дальнейшее продолжение войны рискованным, т.е. показал себя более дальновидным и практичным политиком, чем Иван IV, не соглашавшийся в то время даже слушать какие-либо разговоры о мире.

Длительная война, совпавшая к тому же с годами опричнины, ослабила народное хозяйство на Руси и в Прибалтике¹³⁸ и явилась одной из причин хозяйственного разорения и обезлюдения центральных и западных районов страны. Блистательные победы на Востоке, успехи на Западе в конце 1550-х—начале 1560-х годов, приведшие к падению зловещего Ливонского ордена, сменились годами поражений. Изнурительная, крайне непопулярная война изматывала силы и народа, и правительства. Величие псковской обороны озарило светом победы конец войны, но не помогло Ивану IV вернуть земли, завоеванные в первые военные годы, и восстановить утраченный международный престиж.

Следует ли так высоко оценивать Ливонскую войну в целом, как это часто принято в литературе? Ведь одно дело — необходимость получения выхода к морю, а другое дело — необходимость ведения 25-летней войны! Обычно ссылаются на Маркса, который якобы высоко ставил политическую прозорливость и настойчивость Ивана Грозного в ведении Ливонской войны, и при этом приводят следующее место из его "Хронологических выписок": *"Он был настойчив в своих попытках против Ливонии: их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю и открыть пути сообщения с Европой. Вот причина, почему Петр I так им восхищался!"*¹³⁹ Отсюда делается вывод о положительном отношении Маркса к настойчивости Грозного, стремившегося продолжать войну, и даже о сравнении Марксом Ивана IV с Петром I. Между тем в выписке приводится оценка Грозного Петром I и фактически не содержится оценки деятельности Ивана IV в годы Ливонской войны, данной самим Марксом¹⁴⁰, в то время как несколько выше Маркс характеризует Казанскую войну и реформы середины XVI в. как *"период... успехов"*. История Ливонской войны нуждается еще в дополнительном изучении, причем в плане теснейшей взаимосвязи с событиями внутривосточной и социально-экономической истории.

В последнее время изучалась и история взаимоотношений Российского государства с западноевропейскими державами. Написано несколько работ о русско-английских отношениях¹⁴¹. В монографии Г. Жордания впервые с такой полнотой исследованы русско-французские отношения¹⁴². Серию интересных статей напечатал Я.С. Лурье¹⁴³. В талантливо написанной, хотя и во многом спорной, статье Б.Ф. Поршнева поставлен вопрос о месте России в системе европейских государств XV—XVII вв., о влиянии Российского государства и других стран на развитие международных отношений¹⁴⁴. После появления этой работы нельзя уже придерживаться мнения о незначительной роли России во взаимоотношениях между европейскими державами, о пренебрежении в Европе к "русскому вопросу" до времени Петра I. В плане международной политики и международной торговли рассматриваются русско-английские отношения второй половины XVI в.¹⁴⁵ Очевидно, следует в широкой перспективе международной политики изучить отношения России и с другими державами, причем не только с европейскими, но и со странами Востока. Встает и задача выяснения вклада русских людей в развитие международного дипломатического искусства.

VII

В последнее время проделана значительная работа по изучению русской культуры (преимущественно в трудах литературоведов — В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева и других) и общественной мысли XVI в. Предприняты попытки фактического пересмотра истории идеологической борьбы конца XV—начала XVI в., традиционных представлений о ересь, об идеологии нестяжателей и иосифлян (исследования Н.А. Казаковой, А.И. Клибанова, Я.С. Лурье, Г.Н. Моисеевой). Это помогло по-новому подойти и к изучению общественной мысли середины XVI в. Плодотворным оказалось также сравнительное изучение многих памятников русской публицистики и памятников отечественной и зарубежной общественной мысли, особенно других славянских народов.

Если прежде основным критерием в оценке общественной значимости публицистических сочинений XVI в. признавали отношения авторов к идее укрепления централизованного государства, то сейчас взгляд стал разностороннее. Стараются определить и место этих сочинений в движении за освобождение от религиозной догматики, установить их связь с реформационными течениями. В

исследовании А.И. Клибанова отмечается, что с реформационными движениями связывалась также борьба за просвещение и демократизацию русской культуры¹⁴⁶. Это помогает определить место России в общеевропейском культурном развитии XV—XVI вв.

С привлечением большого конкретного материала поставлен вопрос о явлениях гуманизма на русской почве¹⁴⁷ и его своеобразии, хотя в силу условий социально-экономического развития России, и прежде всего, сравнительно слабого развития городов, гуманизм как определенное идейное направление общественной мысли в полной мере не сложился. На первых порах не обходится без преувеличения степени гуманистического воздействия и слабо обоснованных сближений взглядов отдельных публицистов с еретическими, в частности, взглядов московских еретиков с народной реформацией или И. Пересветова с противниками холопства. Но в целом появившиеся работы опровергают находящее сейчас активных сторонников за рубежом мнение о глубоко принципиальном различии путей общественно-культурного развития России и стран Западной Европы в средние века.

Среди исследований, специально посвященных общественной мысли середины XVI в., выделяется монография А.А. Зимина, высоко оцененной советской и зарубежной научной общественностью¹⁴⁸. В этой книге впервые широко рассмотрены вопросы общественно-политической мысли середины XVI в. в тесной взаимосвязи с событиями политической истории. Одной из важнейших особенностей творчества ряда публицистов середины XVI в. автор считает постепенное освобождение общественно-политической мысли от церковной оболочки. В книге Г.Н. Моисеевой определяются время появления "Валаамской беседы" (около 1551 г.) и взгляды ее автора как защитника интересов дворянства¹⁴⁹. Тем самым обогащается наше представление о дворянской публицистике середины XVI в.

Особое внимание исследователей привлекло "Рабье учение" Феодосия Косого. Его характеристике уделено много места в монографии А.А. Зимина о Пересветове, а также в исследовании А.И. Клибанова и в специальных работах¹⁵⁰. Это помогает пониманию идеологических предпосылок массовых движений начала XVII в.

Пристальное изучение памятников общественной мысли позволяет более явственно различить те, по выражению Ленина, признаки национального пробуждения¹⁵¹, которые сопутствовали образованию централизованного государства в России.

Таким образом, обзор вышедших за последние годы исследований и публикаций показывает, что советскими учеными достигнуты немалые успехи в области изучения истории России XVI в. Одновременно выясняются также нерешенные вопросы и ближайшие задачи исследователей. Важнейшая из таких задач — обобщение накопленных наблюдений конкретного порядка, создание фундаментального труда, в котором были бы определены основные закономерности исторического развития России XVI в., место этих явлений в общем процессе отечественной и всемирной истории.

Часть I

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Правительственная деятельность

А.Ф. Адашева*

По словам летописца начала XVII в., А.Ф. Адашев "правил Рускую землю". За границей в конце XVI в. с А.Ф. Адашевым сравнивали Бориса Годунова: "...а преж сего был у прежнего государя (Ивана Грозного) Алексей Адашев и он государство Московского таково же правил", — заявляли в Польше послу царя Федора Ивановича.

События середины XVI в. — важный этап в истории развития Русского централизованного государства. Поэтому деятельность Алексея Федоровича Адашева — ближайшего сотрудника Ивана Грозного в конце 40-х и в 50-е годы XVI в. — представляет несомненный интерес.

Иван IV и Курбский согласно называют А.Ф. Адашева одним из руководителей так называемой "Избранной рады". Установление степени и характера участия А.Ф. Адашева в мероприятиях внутренней и внешней политики того времени — обязательное условие для выяснения характера "Избранной рады".

Деятельности А.Ф. Адашева в той или иной мере касались почти все историки, писавшие о времени Ивана Грозного. Большинство дворянских и буржуазных историков главное внимание, однако, уделяли личным отношениям Ивана Грозного и Адашева (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, Н.П. Лихачев, С.Ф. Платонов). Адашев-фаворит заслонил Адашева — государственного деятеля. Большое значение А.Ф. Адашева как государственного деятеля впервые отмечено только в советской

* Впервые опубликовано в кн.: УЗ МГУ. М., 1954. Вып. 167 (кафедра истории СССР). С. 25—53.

исторической литературе (С.В. Бахрушин). Дворянские и буржуазные историки не сумели правильно определить социальную направленность деятельности А.Ф. Адашева и, основываясь на том, что Курбский признавал Адашева своим единомышленником, а Грозный нападал на "Избранную раду", изображали А.Ф. Адашева выразителем боярских интересов. Советские историки связывают имя А.Ф. Адашева с прогрессивными реформами 50-х годов XVI в. Однако роль А.Ф. Адашева в государственной жизни России до сих пор недостаточно изучена. Специальных работ об А.Ф. Адашеве нет (если не считать генеалогических исследований Н.П. Лихачева); в общих работах о времени Ивана Грозного встречаются неосновательные домыслы, неточности и фактические ошибки.

Настоящая работа является попыткой обобщить наблюдения об участии А.Ф. Адашева в мероприятиях московского правительства в области внутренней политики, выяснить социальную направленность деятельности А.Ф. Адашева, определить его место в правительственной деятельности и общественной жизни того времени.

Первые шаги правительственной деятельности А.Ф. Адашева связаны с началом осуществления внутренних преобразований и со значительной активизацией внешней политики Русского государства. Летом 1547 г. в московском правительстве произошли существенные изменения. К власти пришли новые люди, в их числе А.Ф. Адашев.

Изменения эти явились результатом прежде всего народных восстаний в стране, определивших социальную "физиономию" нового московского правительства и методы правительственной деятельности. "Мы всегда учили и учим, — писал В.И. Ленин, — что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований"¹. Крупнейшим было московское восстание, вспыхнувшее стихийно в июне 1547 г., после страшного пожара, когда, по словам летописца, "во един час многое множество народа сгореша". Москвичи — "большие" и "черные люди", "собрався вечьем", убили в Кремле одного из руководителей правительства князя Юрия Васильевича Глинского и "побиша" многих детей боярских. Другой руководитель правительства князь Михаил Васильевич Глинский находился в Ржеве, откуда пытался бежать в Литву. Восстание ("смятение людем московским") продолжалось несколько дней и перекинулось в другие города².

Специальное исследование напечатанных и рукописных источников по этой теме приводит к выводу, что восстание в Москве

было массовым народным антифеодальным восстанием, которым, однако, сумели воспользоваться недовольные правительственной политикой придворные группировки, обратившие гнев народа против "временников" Глинских. Восстание по силе и характеру напоминало большие городские восстания XVII в.

Восстания вспыхнули в те годы и в других городах: в Гороховце, в Опочке, в Пскове³. Значительное городское восстание произошло также в Великом Устюге. О нем узнаем из краткого сообщения "Летописи Великоустюжской"^{1*}. Есть все основания полагать, что восстания вспыхивали и в других городах, так как в летописный текст сведения о подобных событиях просачивались лишь случайно. Недовольство народа выражалось не только в восстаниях, но и в частых челобитных на наместников, мучивших и разорявших население подведомственных им городов (например, проезд псковичей в Москву⁵ в начале 1547 г.^{2*}).

Имели место, конечно, и волнения крепостных крестьян, класса людей, "предназначенных только для труда..."⁷ Такой наблюдательный писатель, как Ермолай-Еразм, писал о "ратаях": "Сии же всегда в волнениях скорбных пребывающе, еже не единого ярма тяготу всегда носяща" (курсив мой. — С.Ш.)⁸ Знаменитый трактат Ермолая-Еразма "Благохотящим царем правительница и землемерие" как раз и имел целью устранение опасности народных мятежей (от чего "убо всякого мятежа в земных умалится").

Автор "Продолжения Хронографа редакции 1512 г." отмечает и общий для всего податного населения повод к недовольству: именно в 1547 г. — засуха, неурожай и особенно увеличение "дани" (весной "пришла засуха великая и вода в одну неделю спала... Того же лета во всех городах Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно. Тое же зимы царь и великий князь велел имати дань с сох по 12 рублей и от того христианом тягота была великая"⁹).

Рост антифеодального движения в стране временно сплотил все прослойки господствующего класса феодалов — дворянство, боярство и церковных феодалов. Несмотря на постоянную борьбу прослоек класса феодалов между собой и отдельных групп внутри прослоек (княжеско-боярские группировки, иосифляне и нестяжа-

^{1*} В 7057 (1548—1549 гг.) "Божиим повелением, а советом диявольским, в бытность наместником в Устюге Михаила Щенятева, смутившеся людие града Устюга Великого, восстали друг на друга, и много домов разграбили и многих человек смерти предали, но все их междуусобие царь Иоанн Васильевич прекратил". Последняя фраза говорит о том, что восстание было подавлено вмешательством центрального правительства⁴.

^{2*} См. также о "разорении" городов "градоначальниками и местоблюстителями" в первом послании Ивана IV Курбскому⁶.

тели), в самом важном для них всех вопросе, в вопросе о господстве над остальным населением, все прослойки класса феодалов были единодушны.

И когда создалась угроза самому основанию социального благополучия феодалов, взаимный антагонизм отдельных его прослоек временно отступил перед общеклассовым интересом. Восстания низов заставили на время забыть внутриклассовую рознь. Ф. Энгельс писал о взаимоотношениях сословий в Германии в начале XVI в.: "Тот раскол всей нации на два больших лагеря, который имел место в начале первой революции во Франции и который имеет место теперь на более высокой ступени развития в наиболее передовых странах, был при тогдашних условиях совершенно невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи"¹⁰.

Это замечание Ф. Энгельса многое объясняет и в истории России 40-х годов XVI в. В России как раз создалось в то время такое положение, — восстания низшего слоя народа в городе и деревне, широкое недовольство политикой правительства, — которое сделало возможным временную приблизительную консолидацию всех прослоек правящего класса феодалов — боярства, дворянства, церковных феодалов.

После московского восстания 1547 г. к власти постепенно пришло новое правительство, которое историки вслед за Курбским обычно называют "Избранной радой".

Одним из руководителей "Избранной рады", как согласно пишут и Иван IV, и Курбский, был А.Ф. Адашев. Деятельность нового правительства отражена и в государственных преобразованиях, первые из которых датируются февралем 1549 г., и в дальнейшей активизации подготовки к окончательному завоеванию Казанского ханства.

Основной задачей нового правительства было удержание в узде эксплуатируемого большинства населения. В то же время оно ставило перед собой задачу несколько ограничить права и привилегии крупных вотчинников, без чего немыслима была дальнейшая централизация государственной власти. Полностью осознавали, однако, эту задачу только немногие более прогрессивные государственные деятели, прежде всего сам Иван IV. Остальные правительственные деятели сходились только в том, что необходимо провести какие-то преобразования для укрепления основ крепостнического государства и подавления антифеодалных выступлений. Характер же и последовательность этих преобразований они представляли себе неодинаково.

Планы государственных преобразований были осуществлены и декларированы на "соборах" 1549, 1550 и 1551 гг. На "соборе" февраля-марта 1549 г. произошло "примирение" царя с боярами (точнее, всех прослоек класса феодалов между собой), были приняты "приговоры" о наместничьем суде и порядке разбора жалоб на наместников, положившие начало составлению нового Судебника (собрание это совпало по времени со вторым церковным собором по канонизации святых). На "соборе" июня-июля 1550 г. были утверждены Судебник, приговор о местах воевод в полках и поставлен ряд важнейших вопросов государственной жизни, приписанных И.Н. Ждановым Стоглавому собору. Стоглавый собор 1551 г. был посвящен преимущественно вопросам церковной жизни, но и на нем присутствовали миряне и рассматривались "земские нестроения". "Соборы" 1549 и 1550 гг. явились зачаточной формой Земского Собора. Собрания эти — типичное выражение политики "компромисса" всех прослоек класса феодалов. В то же время они показывают непрочность временного сплочения этих прослоек (выявление противоречий между боярством и дворянством, между церковными феодалами во главе с Макарием и центральным правительством). "Соборы", созванные в страхе перед растущим антифеодальным движением, способствовали укреплению господства крепостников-феодалов над остальным населением.

Соотношение сил отдельных прослоек класса феодалов обусловило характер проведения новым правительством политики укрепления и дальнейшей централизации государственной власти. Политика эта проводилась не путем открытого наступления на права и привилегии боярства, а путем постепенного уравнивания боярства и дворянства в правах и привилегиях, лишавшего крупных феодалов их преимуществ и потому в конечном счете выгодного именно дворянству^{3*}.

По своему происхождению и придворным связям равно близкий и с боярскими кругами, и с дворянством, А.Ф. Адашев оказался наиболее удобным проводником компромиссной политики московского правительства, характерной для данного этапа централизации Русского государства. Этим и объясняется то, что А.Ф. Адашев вошел в правительство. "Такия измены от вельмож своих видевшие... учиних с вельможами... чаючи от него прямая службы"¹¹, — писал Иван IV.

В малоизвестной летописи начала XVII в., обнаруженной О.А. Яковлевой, содержится любопытное известие об Алексее

^{3*} Поэтому-то идеологу боярства князю Курбскому политика первых лет правления "Избранной рады" и представлялась идеалом после открытого наступления на права и привилегии боярства в 60-е годы XVI в.

Федоровиче Адашеве, показывающее, как оценивали его деятельность современники. "Того же году (1547 г.) царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси послал в Царьгород гонца своего костромитина Федора Адашева и сына его Алексея. И Федор у царя (Султана. — С.Ш.) был, и царь его пожаловал великим жалованьем, и приехал [к] государю и государь его пожаловал. А сын его Алексей разболелся и тамо остался у царя, и был з год и приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближение, и отца, для его, пожаловал боярством, а его окольничим. И много лет был в царьской милости и до опришнины. И как почал множитца грех земской и опришнина зачинатися: и князь велики его послал на службу в Юрьев Ливонской, к воеводе ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках. И князь Дмитрей ему были в нарядчиках не велел, и он ему бил челом многожды и он не велел быти. А житие его было: всегда пост и молитва беспрестани, по одной просвиरे ел на день. И послал его убить князь велики. Пригнал гонец убить, а он преставился за день и лежит во гробу. И писали о нем государю. И государь его пожаловал: велел отвести на Углич, к родителем в Покровской монастырь, где лежит отец его Феодор и брат его Данило. А как он был во времени: и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденствие и управе. А кому откажет: тот в другорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит: и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою^{4*}, тот больши того не бей челом: то бысть в тюрьме, или сослану. Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним за один и сидели вместе в ызбе у Благовещения, где ныне полое место между полат"¹².

В приведенном известии приближение Алексея Адашева Иваном IV связывается с участием Адашева в посольстве его отца Федора Григорьевича Адашева к турецкому султану. Упоминание об этом посольстве находим и в летописях, и во Второй Посольской книге Турецких дел¹³. Ф.Г. Адашев выехал из Москвы 26 декабря 1538 г., возвратился в ноябре 1539 г. Таким образом определяется время пребывания А.Ф. Адашева при дворе султана; это — 1539—1540 гг.

Начало 40-х годов XVI в. и следует считать временем приближения А.Ф. Адашева к Ивану IV. Подтверждение этому находим в первом послании Грозного к Курбскому. Описывая события лета 1547 г., Иван IV отмечает: "Да того же времени...

^{4*} Выражение "молвит хомутовкою" можно понимать в смысле: "уличит в нечестном ведении дела", "назовет плутом".

Алексею... в нашего царствия дворе, во юности нашей, не свем каким обычаем из батожников водворившуся"¹⁴. Какой же период своей жизни Иван Грозный называет "юностью"? О времени господства Шуйских (1538—1540) он пишет, как о "юности детской"; о времени возвращения князя Ивана Бельского ко двору (июль 1540 г.): "Мне же в возраст достигшу, не восхотех под рабскою властью быти". Курбский так же пишет об Иване IV: "Егда же начал приходить в возраст, аки лет в дванадесять"¹⁵. Следовательно, на основании слов самого Грозного и Курбского можно предполагать, что "юность Ивана IV кончилась в начале 40-х годов XVI в."^{5*}

В документах официального характера имя А.Ф. Адашева упоминается начиная с 1547 г. А.Ф. Адашев упомянут в описании царской свадьбы^{6*} (5 февраля 1547 г.)¹⁷ и в чине рынды в походах на Коломну (июль 1547 г.) и для "казанского дела" (декабрь 1547 г.)¹⁸.

Иван IV, описывая в первом послании к Курбскому события 1547 г., указывает, что Адашев сблизился с Сильвестром после знаменитого "примирения" молодого государя с боярами, которое произошло не ранее февраля 1549 г. Иван IV отмечает сближение А.Ф. Адашева с Сильвестром и их совместные действия как пример невыполнения боярами своих обещаний и продолжения прежней политики, направленной против интересов государя. Несмотря на "примирение", — обращается Иван IV к Курбскому, и в его лице ко всем своим противникам, — "Вы же первого своего лукавого обычая не оставите, но паки на первое возвратитесь, и тако начасте лукавым советом служить нам, а не истинною, и вся со умышлением, а не простотою творити. Тако же Селивестр и со Олексеем (Адашевым. — С.Ш.) здружился и начаша советовати отаи нас, мневша нас неразсудных суща"¹⁹. Поэтому неверно утверждение С.В. Бахрушина, будто А. Адашев обязан своим возвышением Сильвестру^{7*}.

Адашев, как доказывают приведенные источники, еще раньше 1547 г. находился вблизи Ивана IV^{8*}. Ко времени же событий лета

^{5*} Впоследствии в дипломатических документах эти годы назывались "не-совершенныя лета государя" — так должен был говорить в 1563 г. московский посол в Крыму крымскому вельможе Сулешу¹⁶.

^{6*} А.Ф. Адашев вместе с братом Данилой, детьми Постника Сатина и Игн. Вешняковым помогал стелить царскую постель и назван в числе спальников и мовников. Во время свадеб мылись в бане с государем обычно самые близкие ему люди и родственники царской невесты.

^{7*} "Этому властному временщику (Сильвестру. — С.Ш.) и обязан был Адашев своим возвышением"²⁰.

^{8*} Так полагал на основании слов Курбского и С.М. Соловьев²¹.

1547 г. Алексей Адашев, по словам Курбского, "царев... зело любим был и согласен"²².

О происхождении А.Ф. Адашева известно немного. Документы личного архива А.Ф. Адашева были, видимо, взяты "в государеве опале"^{9*} и потом исчезли. Ближайшие родственники А.Ф. Адашев по мужской линии были казнены в начале 60-х годов XVI в. и, как выражались в то время, "род их извелся". Дальним же родственникам не к чему было напоминать о своем родстве с опальным вельможей, так как считалось, что казнь или опала одного из представителей рода ложилась пятном на всех его представителей и "тем их в отечестве мяла"²⁴. Поэтому бесполезно искать упоминание имени А.Ф. Адашева в местнических спорах его родственников после 1560 г. Синодики же, в которых упомянуты роды Федора и Алексея Адашевых, значительно разнятся между собой и нуждаются в специальном изучении²⁵. Вследствие этого абсолютно точное выяснение происхождения А.Ф. Адашева затрудняется; однако имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют все-таки с достаточной долей вероятности ответить на этот вопрос.

Фамильное прозвание Адашевых²⁶ восточного происхождения^{10*}. Турецкое слово "adas" - "адаш" в переводе на русский язык означает "одноименник", "тезка"²⁹. Слово это могло проникнуть в русский язык еще в XIV—XV вв.

В памятниках XVI в. прозвание "Адаш" встречается неоднократно³⁰. Современники выводили род Адашевых от "Адаша", и в "Государевом Родословце", составленном около 1555 г., этот род начинается прямо с отца А.Ф. Адашева — Ф.Г. Адашева.

Хотя Адашевы не показали своих прародителей, не приходится сомневаться в их принадлежности к "честному роду". Курбский называет Адашева "благородным юношей", а о родственнике Адашевых Шишкине пишет, что он "в роде благороден и богат"³¹. В одной из разрядных книг отец А.Ф. Адашева назван князем^{11*}.

Н.П. Лихачев, специально изучая рукописные родословцы и грамоты Коллегии экономии, пришел к выводу, что Адашевы

^{9*} Подобные случаи известны. Например, в местническом споре Я.А. Демьянова с И.П. Писемским (1623—1624) Демьянов писал в своем челобитье, что "государевы жалованные грамоты прадеда ево у отца ево были з боярскою честию и с вотчинами, и те грамоты у отца их взяты в государеве опале"²³.

^{10*} В летописях под 6891 г. (1382—1383) упомянут ордынец Адаш Тохтамыш, посол хана во Владимире²⁷. Среди лиц, пожалованных Сигизмундом III в 1610—1612 гг., назван князь Мамай Адашев²⁸.

^{11*} 7062, апрель: "Князь Федор Григорьевич Адашев посылан в Казань на годованье боярином"³². П.Н. Петров считал Адашевых Рюриковичами из рода князей Шехонских (Ярославские княжата)³³.

происходили из рода костромских бояр Ольговых; в XVI в. они выделились из этой фамилии (в XVI в. из этой фамилии выделялись также Шишкины и Путиловы)^{12*}.

Действительно, происхождение Адашева из Костромы подтверждают многие источники. В обнаруженном О.А. Яковлевой летописце А.Ф. Адашев назван "костромитином". В Тысячной книге А.Ф. Адашев показан сыном боярским первой статьи именно из Костромы, а как установил Н.В. Мятлев, сличая Тысячную книгу с писцовыми, принадлежность тысячника к числу детей боярских того или иного города определялась местонахождением родовой вотчины. Брат А.Ф. Адашева Данило упомянут по Костроме в Дворцовой тетради³⁶. В Костромском Богоявленском монастыре понимали род Адашевых³⁷. Известно, что в октябре 1560 г., во время опалы А.Ф. Адашева, Иван Грозный пожаловал И.В. Шереметеву костромскую вотчину Адашева — с. Борисоглебское на р. Солонице³⁸. В поземельном споре 1702 г. ссылались на челобитье 7143 г. (1634—1635) о "Даниловском поместье Адашева"³⁹ в Хоругановском стане^{13*}. В "Экономических примечаниях" по Костромской губернии, составленных в последней трети XVIII в., находим д. Адашево в Кинешемском уезде, на берегу р. Большой Решемки, впадающей в Волгу⁴¹. А деревни часто получали название от имени основателя или владельца.

Установив родство Адашевых с костромскими вотчинниками Ольговыми и участие Ф.Г. Адашева в качестве послуха или душеприказчика при составлении грамот, касающихся земельных владений в различных областях Русского государства, нельзя, подобно Н.П. Лихачеву, отказываться от дальнейшего анализа и комментирования этих фактов. Именно сопоставление всех этих данных дает возможность представить точнее круг, к которому принадлежал А.Ф. Адашев по происхождению, и материальное положение его ближайших родственников.

Душеприказчиками и послухами при составлении грамот были обычно либо родственники, либо ближайшие соседи по землевладению, а часто и те, и другие одновременно. "Послушество"

^{12*} Н.П. Лихачев обнаружил, что в духовной грамоте Д.Т. Синего Троице-Сергиеву монастырю на с. Марьинское близ р. Солоницы (Костромского уезда) от 4 июля 1510 г. указаны душеприказчики Адаш Иванов сын Головин и брат его Иван Кирей Климентьев сын Ольгов и послух Федюк Адашев сын Головин³⁴. "А Одашевы прежде Федорова отца Григорья слыли Ольговы, а Одашевы почели слыть от Федора Григорьевича Одашева, а Григорью было прозвище Адаш, а слыл Ольгов, а сыскано почем слыли Ольговы — в Казанской книге..."³⁵, — написано в рукописном родословце XVII в.

^{13*} Владения Д.Ф. Адашева в Хоругановском стане находились недалеко от упомянутого ранее с. Марьинского, принадлежавшего Д.Т. Синему⁴⁰.

Ф.Г. Адашева известно при составлении грамот, касающихся земельных владений по Костроме (7019 г.), Бежецку (7048 г.), Переяславу Залесскому (7055 г.), Дмитрову (7056 г.)⁴², а так как богатство крупных феодалов в начале XVI в., как правило, состояло из многих владений разных размеров, которые обыкновенно находились в нескольких уездах⁴³, исследователь же не вправе ограничиться определением Адашевых только как костромских вотчинников.

Н.П. Лихачев не выяснил и такой важный вопрос, как характер земельных владений Адашевых—Ольговых в их родном Костромском крае. Определяя Адашевых как "богатых костромских вотчинников". Н.П. Лихачев опирался только на генеалогические данные — на тот факт, что Ольговы и после разделения рода на несколько ветвей продолжали владеть большими вотчинами в Костромском крае. Но владения владениям — рознь.

Из жалованной грамоты И.В. Шереметеву на костромскую вотчину А.Ф. Адашева — с. Борисоглебское — видно, что к с. Борисоглебскому "тянули" 55 деревень, сельцо и слободка. По писцовым книгам 7068 г., "в селе и деревнях пашни 943 чети средние земли да 89 четей худые земли в одном поле, а в двух полях потому же сена 2825 копен; лесу пашенного на 4 чети, да непашенного 180 четей". Это было очень большое имение, свидетельствующее о богатстве предков Адашева^{14*}.

Село Борисоглебское было расположено на берегу р. Солоницы, в районе соляных варниц. Соляные варницы в то время занимали одно из первых мест среди промыслов, а соляные варницы по р. Солонице, в которых соль добывалась задолго до времени Ивана Грозного, были едва ли не самыми богатыми во всем великом княжестве Московском⁴⁶.

Следовательно, Адашевы (точнее, их предки) принадлежали к той группе феодалов, которые раньше и прочнее других были вовлечены в торговлю (солью), т.е. составляли более передовой элемент своего класса.

Надо отметить еще и то обстоятельство, что соляные варницы, а следовательно, и земельные владения в местах их расположения принадлежали главным образом московским великим князьям и приближенным боярам. В северных костромских станах находились

^{14*} Правда, быть может, часть этой земли приобретена уже при Грозном, так как царь писал об Адашеве в послании к Курбскому: "каких же честей и богатств не исполних его, не токмо его, но и род его"⁴⁴. Во второй половине XVIII в. в с. Борисоглебском было 3588 десятин площади с деревнями, из них только 102 десятины "неудобных мест". Дворов 211. "Хлеб и покосы хороши. Лес дровяной, вода здорова"⁴⁵.

старинные вотчины московских бояр: Кошкиных-Кобылиных, Морозовых, Сабуровых⁴⁷ (потомком Андрея Кобылы является Д.Т. Синий, при составлении духовной грамоты которого душеприказчиками были двое Ольговых, а послухом — молодой Ф.Г. Адашев).

О богатстве Адашевых можно судить и по их вкладам в монастыри. По документам Троице-Сергиева монастыря, в январе—феврале 1547 г. Алексей Адашев и его отец внесли вклад для поминания около 150 руб.⁴⁸ По тем временам это очень большая сумма.

Все вышесказанное дает основание полагать, что Адашевы принадлежали по своему происхождению к достаточно богатым землевладельцам и были тесно связаны родственными узами или отношениями свойства со старинными московскими боярскими родами (быть может, их род является ответвлением одного из этих родов).

Следовательно, распространенное в исторической литературе мнение о происхождении А.Ф. Адашева из среды "бедных дворян" не подтверждается известными нам источниками; более того, все источники говорят об обратном.

Не соответствует действительности и мнение о случайном появлении А.Ф. Адашева при дворе. Отец Алексея Адашева Ф.Г. Адашев был известен при дворе с начала 30-х годов XVI в. В августе 1533 г. он был как "ближний свой человек" послан с грамотой великого князя в Казань, в 1536 г. он участвует в приеме польского посланника⁴⁹, в 1538—1539 гг. возглавляет посольство к турецкому султану. В 1542—1543 гг. Ф.Г. Адашев описывает Замосковскую волость в Вохне⁵⁰, а писцами в то время бывали только дворяне высших чинов. Характерно, что во всех грамотах Коллегии-экономии, упоминающих имя Ф.Г. Адашева, оно постоянно встречается рядом с именами видных деятелей великокняжеского двора — печатника Бориса Ивановича Сукина, Михаила Дмитриевича Ласкирева, дьяков Ивана Васильевича Тетерина и знаменитого русского инженера Ивана Выродкова⁵¹. Крупным правительственным деятелем был и сват его — отец жены Алексея Федоровича Адашева — Постник Сатин. Следовательно, Ф.Г. Адашев был близок к этом кругу лиц, т.е. принадлежал к среднему придворному кругу, который был одинаково связан и с боярством, и с остальными служилыми людьми. Поэтому сыновья его вполне естественно оказались с молодых лет при великокняжеском дворе. Попасть "случайно в число тех, которых Иван приближал к себе ради забавы"⁵², вряд ли было возможно при московском дворе, где строго держались местнических обычаев.

Остается выяснить, на чем основано мнение о внезапном возвышении А.Ф. Адашева. Легенда эта, которой так долго верили наши историки, основана на словах Грозного в первом послании Курбскому: "До того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начяльнику, в нашего царьствия дворе, во юности нашей, не свем каким обычаем из батожников водворившуся, нам же такая измены от вельмож своих видевшие, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, а чаячи от него прямая службы"⁵³. Эта же мысль была повторена в "речи" Ивана IV, обращенной к А. Адашеву с Лобного места, помещенной в "Хрущовской Степенной книге": "...взял я тебя от нищих и самых молодых людей"⁵⁴. Изложению "речи" Ивана IV доверять нельзя. Это позднейшая вставка в "Хрущовскую Степенную книгу", сделанная не раньше второй половины XVII в. Одним из источников этой фальсификации была переписка Ивана Грозного с Курбским⁵⁵.

К сведениям о событиях и лицах, содержащимся в переписке Ивана IV с Курбским, следует относиться чрезвычайно осторожно, так как она далека от беспристрастного освещения событий. В своих посланиях Грозный всячески старался унижить "собаку" Адашева, руководителя "собацкого собрания" — "Избранной рады", участником которого был князь Курбский.

Нельзя не учитывать также, что царь Иван, всегда настойчиво подчеркивавший свое положение "самодержавца" всея Руси и свое происхождение от наследственных государей, считал "худородными"⁵⁶ и потомков удельных князей⁵⁷. "Батожничество" Адашева находит также и филологическое объяснение. Так называли не только помощников "недельщиков" на правее, но и служителей, очищавших дорогу перед государем и сопровождавших его, а А. Адашев в 1547 г. как раз был рындой. Наконец, слова Грозного об Адашеве "такое взяв его от гноища и учиних с вельможами", несомненно, написаны под влиянием текста Библии. Схожие слова, со ссылкой на пророка, читаем и в Завещании Ивана IV 1572 г. (бог "воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, посадити его с князи людей")⁵⁸. О власти бога "от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими" писал в послании к юноше Ивану IV и Максим Грек⁵⁹. Следовательно, слова Грозного о происхождении А.Ф. Адашева нельзя понимать буквально.

Таким образом, мнение о низком социальном происхождении А.Ф. Адашева основано на словах Грозного, истоки неправильного понимания которых следует искать еще в конце XVII — начале XVIII в. Алексей Адашев происходил из рода богатых земле-

⁵⁷ "Страдником" Иван IV неосновательно называл и Василия Грязного⁵⁷.

владельцев и принадлежал к среднему придворному кругу, который одинаково был связан и с боярством, и с остальными служилыми людьми. Установление этого факта имеет немаловажное значение для понимания правительственной деятельности Адашева.

Это объясняет, почему именно А.Ф. Адашев мог явиться проводником "компромиссной" политики московского правительства, характерной для данного этапа централизации Русского государства.

Вхождение А.Ф. Адашева в правительство может быть датировано приблизительно 1547 г. Именно поэтому цитированный летописец начала XVII в. связывает с этим годом приближение Адашева Иваном Грозным.

Значительное влияние А.Ф. Адашева при дворе, начиная с 1547 г., отмечают и Иван Грозный, и Курбский ("Учиних его с вельможами", — вспоминал Грозный). Это подтверждается и документами официального характера. Уже 3 ноября 1547 г. А.Ф. Адашев и его жена в числе избранных придворных участвуют в свадьбе брата царя Юрия Васильевича: Алексей стал постель новобрачных, Анастасия вместе с родственниками царицы (матерью и невестками — женами братьев) "была у постели"^{16*}. В марте 1548 г. А.Ф. Адашев упомянут в списке наиболее влиятельных при дворе лиц^{17*}, которым посылает подарки архиепископ новгородский и псковский Феодосий⁶¹.

Особенно много дает для суждения об официальном положении А.Ф. Адашева при дворе Тысячная книга октября 1550 г. В списке тысячников А.Ф. Адашев указан в числе 33 "детей боярских первой статьи", которым "поместья дати потому ж, что и бояром и окольничьим по 200 ж чети", т.е. впереди большинства детей боярских, даже титулованных родов.

Не ухудшилось положение А.Ф. Адашева при дворе и после событий 1553 г. События эти до сих пор еще недостаточно уяснены в исторической литературе. Ясно, однако, что в 1553 г. имели место какие-то серьезные изменения как в составе правительства Ивана IV, так и в отношении Ивана IV к окружающим (свидетельства Ивана Грозного и Царственной книги о "мятеже" бояр, отказывавшихся присягать малолетнему царевичу Димитрию и пытавшихся возвести на престол князя Владимира Андреевича Старицкого; рассказ Курбского о встрече Ивана IV с Вассианом

^{16*} "А боярыням велел князь великий быти у постели: Романове жене Юрьевича Ульяне, да Данилове жене Романовича Анне, да Никите жене Романовича Варваре, да Алексееве жене Адашева Настасье"⁶⁰.

^{17*} В список попали бояре, окольничие, казенные дьяки, боярыни и духовные чины из ближайшего окружения митрополита.

Топорковым); очевидно, Курбский не случайно именно к этому времени относит "начало злу".

Определить поведение А.Ф. Адашева во время болезни царя очень трудно. Иван IV в послании Курбскому обвинял Адашева в поддержке притязаний князя Старицкого⁶². Курбский в "Истории" знаменательно умалчивает об этом событии. По рассказу "Царственной книги", А.Ф. Адашев целовал крест "ввечеру" в день присяги вместе с другими "ближними думцами"; о его "шатании" ничего не сказано. Отец же его Ф.Г. Адашев открыто выступал против Захарьиных⁶³. Рассказ этот является позднейшей припиской, сделанной, несомненно, уже после опалы Адашева, и доверять ему в деталях нельзя. Достоверные же факты из биографии Адашева за ближайшее после болезни царя время позволяют утверждать, что поведение А.Ф. Адашева в марте 1553 г. было таково, что царь Иван не имел оснований сомневаться в его преданности; после марта 1553 г. А.Ф. Адашев продолжает находиться вблизи царя и расположение к нему Ивана IV как будто даже возрастает.

В мае 1553 г. А.Ф. Адашев сопровождает царя "в Кирилловском езде". Именно через него (и еще трех приближенных к царю лиц) Максим Грек, по словам Курбского, во время остановки в Троице-Сергиевом монастыре предупреждает царя об опасности предпринятой им поездки (предсказывает смерть сына)⁶⁴. По возвращении Ивана IV в Москву А.Ф. Адашев присутствует во время разговора священников Сильвестра и Симеона с царем о ереси Матвея Башкина⁶⁵.

В октябре 1553 г. А.Ф. Адашева назначают руководителем думской комиссии, организованной для переговоров с послами ногайского мирзы Исмаила. Комиссия эта должна была дипломатически подготовить присоединение к Русскому государству Астраханского ханства⁶⁶. 5 ноября 1553 г. А.Ф. Адашев участвует в "чине" свадьбы бывшего казанского царя Семиона Касаевича: "был в царе дворе" и назван в числе "немногих" придворных, которым Иван IV "велел итти за собою" в Столовую избу⁶⁷. В июле 1554 г. А.Ф. Адашев входит в состав думской комиссии, которая чинит розыск по делу князя Семена Ростовского⁶⁸.

Более того, в 1553 г. А.Ф. Адашеву было пожаловано окольничество. Согласно списку старинных чинов, опубликованному в XX томе "Древней Российской Вивлиофики", окольничество А.Ф. Адашеву было "сказано" в 7063 г., т.е. в промежуток времени между августом 1554 и сентябрем 1555 г.⁶⁹ Дата эта, однако, ошибочна (подобного рода ошибки нередки в этом списке), так как по другим источникам А.Ф. Адашев был окольничим уже в

7062 г., который начался в сентябре 1553 г. Окольничим он назван в описании переговоров с ногайскими послами (октябрь 1553 г.), в "чине" свадьбы Семиона Касаевича (ноябрь 1553 г.). В чине окольничего А.Ф. Адашев "приказал царевым великого князя словом" дать уставную Пермскую грамоту (26 декабря 1553 г.), подписал жалованную грамоту Тотемскому Спасосуморину монастырю (20 февраля 1554 г.), грамоту в Зосиновскую Клинскую пустынь^{18*}, "приказал" жалованную грамоту И.Д. Ластке (28 апреля 1554 г.), участвовал в составлении приговора "о разбойном деле" (18 января 1555 г.). В чине окольничего А.Ф. Адашев впоследствии "приказал" жалованную грамоту Кассиано "Учемскому монастырю, возглавлял думские комиссии по переговорам с иностранными послами и сопровождал царя Ивана во всех походах: к Коломне в июне 1555 г., к Серпухову в июне 1556 г., к Коломне в июле 1557 г., в походе против крымского хана летом 1559 г.⁷¹ В чине окольничего А.Ф. Адашев участвует в свадьбах князя Ивана Дмитриевича Бельского (8 ноября 1555 г.) и князя Владимира Андреевича Старицкого (22 апреля 1558 г.)⁷².

Характерно, что именно к апрелю 1554 г. относится указание на проявление особого могущества А.Ф. Адашева при дворе. Об этом упоминается в местническом споре^{19*} князя Андрея Дмитриевича Хилкова с Федором Михайловичем Ласкиревым от января 1584 г. Ласкирев писал в челобитной: "по недружбе Алексей Одашев отца моего послал в Казань в городничие, сковав..."⁷³ Это упоминание имени А.Ф. Адашева в местническом споре показывает, что в 1554 г. А.Ф. Адашев был настолько всемогущ, что имел возможность неугодного ему служилого человека ("по недружбе") назначить на низкую в местническом отношении должность и послать его туда силой ("сковав").

Не пострадал после 1553 г. и отец А.Ф. Адашева, который согласно рассказу Царственной книги решительно отказался присягать царевичу Димитрию. В 1553 г. Ф. Г. Адашев получает чин боярина, и уже в ноябре 1553 г. в этом чине участвует в свадьбе Семиона Касаевича. В апреле 1554 г.⁷⁴ его, вместе с дядей царя князем М.В. Глинским, посылают "годовать" в Казань^{20*}. Именно под начало отца и отправляет А.Ф. Адашев неугодно ему

^{18*} Грамота, любезно указанная С.М. Каштановым, сохранилась в отрывке, но не имеет даты. Дана после 1551 г., так как в ней упоминается "Новое уложение"⁷⁰.

^{19*} Выписка из разрядов 7062 г., содержащаяся в решении думской комиссии, дословно совпадает с напечатанным текстом разрядной книги (С. 166).

^{20*} В 7064 г. (1555—1556 гг.) Ф.Г. Адашев, по-видимому, постригся в Кирилло-Белозерском монастыре и в начале 1556 г. умер. В кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря под 14 февраля "дача" "по Федоре Адашеве, во иноцех Арсение"⁷⁵.

Ласкирева. В середине 50-х годов XVI в. род Адашевых вносится в "Государев Родословец". Влияние Адашева было сильнее даже местнических преград.

Таким образом, не было никаких признаков опалы А.Ф. Адашева после болезни царя в марте 1553 г. Напротив, положение А.Ф. Адашева при дворе еще больше упрочилось. Это дает право считать его одним из руководящих правительственных деятелей в течение всех 50-х годов XVI в. и комплексно изучать все документы, характеризующие его деятельность.

Каково же было участие А.Ф. Адашева в повседневной правительственной деятельности? Обуславливалось ли его влияние на дела только личной близостью с Иваном IV и выполнением случайных, хотя и ответственных поручений, или оно сочеталось с долгоремленным руководством определенными отраслями государственного управления и придворного обихода?

Ответ на этот вопрос не может быть вполне точным, так как внутренняя политика Русского государства в середине XVI в. до сих пор еще недостаточно изучена. Мало известна и история отдельных государственных учреждений в эти годы. Отсутствие работ подобного содержания делает необходимыми небольшие специальные исследования по истории государственных учреждений, так как без предварительного выяснения характера деятельности учреждений, в работе которых принимал участие Адашев, трудно определить характер, объем и значение его правительственной деятельности и подойти к решению вопроса о ее социальной направленности.

Курбский дважды, — описывая разговор с Максимом Греком и рассказывая о начале Ливонской войны, — называет А.Ф. Адашева "ложничим". Этим польским термином Курбский обозначает и должность И.М. Вешнякова⁷⁶, ставшего в 7060 г. постельничим⁷⁷. Другим постельничим, как считает Н.П. Лихачев, стал А.Ф. Адашев. В русском языке того времени должность эту иногда обозначали термином "стряпчий". В разрядах царского похода к Коломне летом 1553 г. А.Ф. Адашев и И.М. Вешняков как раз и названы "стряпчими и у царя и великого князя в избе с бояры"⁷⁸.

Придворный чин "постельничего" появляется со времени княжения Ивана III. К.А. Неволин пишет даже о "Постельном приказе"⁷⁹. Постельничество — ближние слуги государя. Они ведали "постельной казней", изготовлением платья и белья государя, спали и дежурили в комнатах царя, с помощью "спальников" и "стряпчих" "убирали" (т.е. одевали и раздевали) государя⁸⁰. На эту сторону деятельности А.Ф. Адашева и "Избранной рады" и

намекает Грозный в первом послании к Курбскому: "во внутренних ниже в малейших и художейших, до обуща и спания, вся не по своей воля бяху, но по их хотению творяхуся"⁸¹.

Постельничие сопровождали царя во время "выходов" из дворца военных походов, "ездов" по монастырям, городам и для "потех". В военных походах постельничие находились постоянно вблизи государя, ведали его личным обозом и походной канцелярией — "походной полатой"^{21*}, выполняли различные важные поручения.

По словам Котошихина^{22*}, постельничий "хранит печать для скорых и тайных царских дел"⁸². Поэтому в одном из родословцев начала XVII в. И.Д. Боброва, постельничего Василия III в 1509 г., называют то "постельничим", то "печатником"⁸³. Вероятно, во время "походов" государя именно постельничий возил с собой царскую печать. Такая печать называлась "путной". В жалованной льготной грамоте Борисоглебскому монастырю, написанной во Владимире 18 февраля 1548 г., читаем: "А су есми грамоту велел [Иван IV] запечатать своею печатью путною"⁸⁴.

Утверждение В.И. Сергеевича, будто должность постельничего "исключительно частного, домашнего характера" и "не соединяется ни с какою высшею придворною", столь же неосновательно, как и его сомнения в правильности свидетельства Котошихина, что "постельничие честью против окольничих"⁸⁵. Утверждения В.И. Сергеевича опровергаются источниками XVI в. Постельничие в XVI в. назначались воеводами. И.М. Вешняков — воевода Передового полка в Астраханском походе 1554 г.⁸⁶ Постельничие участвовали в заседаниях Боярской думы: в родословце, составленном в середине XVI в. и дошедшем до нас в рукописи первой половины XVII в., о постельничем Ивана III написано, что он был "по свою смерть с судом з боярским и в думе великого князя з бояры был", о постельничем князя Дмитрия Ивановича Углицкого также написано, что он "в думе во всей был"⁸⁷. От середины XVII в. дошли многочисленные местнические дела, разбиравшиеся постельничими, в особенности о "бесчестьи" ("матерной лае" и пр.) на Постельном крыльце⁸⁸.

Постельное крыльцо, или "Красное крыльцо перед Постельными дверьми", как выяснил И.Е. Забелин, имело немалое значение в политической жизни того времени. Оно было "придворной

^{21*} [О постельной казне подробнее см.: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI в. Гл. "Царский архив и постельная казна" (С. 126—152).]

^{22*} Свидетельство Котошихина в данном случае можно использовать для времени Ивана Грозного, так как в придворном обиходе произошло сравнительно мало изменений.

площадью", сборным местом для дворян и приказных людей. Именно здесь можно было узнать важнейшие новости от заседавших в "верху" бояр или дьяков, читавших царские указы. С постельного крыльца объявляли указы о войне и мире, наборе в армию, роспуске служилых людей, о различных административных и законодательных мероприятиях; здесь же сообщали о решениях по челобитным на государево имя⁸⁹. Поэтому не случайно совмещение в лице А.Ф. Адашева должностей постельничего и руководителя Челобитенного приказа ("Челобитной избы"). Как постельничий и руководитель Челобитенного приказа А.Ф. Адашев участвовал в работе Боярской думы.

В середине XVI в. Боярская дума ("царский синклит") играла ведущую роль в правительственной деятельности^{23*}. Обычно в заседаниях Боярской думы принимали участие все думные люди, находившиеся в Москве (во время походов большинство "думцев" сопровождало царя). Царь обычно сам руководил работой Боярской думы, но "думцы" могли принимать решения и в его отсутствие^{24*}. В особых случаях Боярская дума выделяла специальные комиссии: для переговоров с послами, для разбора местнических споров и т.д. Для принятия постановления законодательного порядка требовалось согласно ст. 98 Судебника 1550 г. наличие всех членов Боярской думы ("со всех бояр приговору").

Исконная формула совета государя "сгадав с бояры" вовсе не означала, что советниками государя были только бояре. Так назывались все лица, принимавшие участие в заседаниях Боярской думы.

Обычай призывать в Боярскую думу людей, не имевших чина боярина или окольничего, встречаем еще в конце XV — начале XVI в. Звание "думного дворянина" появляется во второй половине XVI в.; но под другими наименованиями "думные дворяне" известны были раньше. Они назывались "детьми боярскими, которые живут в думе"⁹³. Н.П. Лихачев установил тождество выражений "дети боярские, которые в думе живут", и "дети боярские

^{23*} [Подробнее см.: Шмидт. Российское государство. Гл. "Царский архив и Боярская дума" (С. 90—126).]

^{24*} Думцы, однако, не всегда осмеливались самостоятельно принимать решение и предоставляли это воле государя. Для такого случая существовало даже особое выражение: "бояре приговорили"⁹⁰. В подлинных докладах не смешиваются формулы: "государь указал и бояре приговорили" (постановление в присутствии государя) и "по государеву указу бояре приговорили" (постановление, принятое без государя)⁹¹. Соответственно и грамоты за подписью государевых дьяков могли составляться "по государеву приказу" или "по боярскому приговору". Например, в местническом споре 7100 г. дьяка Ивана Стрешнева спрашивали: "По государеву ли приказу или по боярскому приговору такову грамоту он от государя писал"⁹².

думные"⁹⁴. То же можно сказать и относительно выражений: "дворяне, которые живут у государя з бояры"⁹⁵ и "дворяне у государя в думе"^{25*}.

Об А.Ф. Адашеве как о думном дворянине упоминается в источниках дважды. В рассказе Царственной книги о болезни царя и присяге Димитрию (весна 1553 г.) об Адашеве, так же как и об И.М. Вешнякове, говорится: "а которые дворяне были у государя в думе"⁹⁸. В разрядах царского похода к Коломне летом 1553 г. А.Ф. Адашев вместе с И.М. Вешняковым назван "стряпчим и у царя и великого князя в избе с бояры"⁹⁹, т.е. "постельничим" и "думным дворянином". "Думное дворянство" А.Ф. Адашева подтверждается уже в 1551 г. его руководящим участием в составе думской комиссии по переговорам с казанскими послами¹⁰⁰, так как дипломатические переговоры ("которые меж государей дела большие") в то время, по словам Посольских книг, велись только "думными людьми". Думные дворяне участвовали и в комиссиях для разбора местнических дел. Например, в приговоре по местническому делу от 25 января 1584 г. читаем: "бояре князь Федор Михайлович Трубецкой с товарищи и дворяне думные сево дела слушали и приговорили"¹⁰¹.

В середине XVI в. думное дворянство отнюдь не было чином лишь для "малопородных". Среди думных дворян 1564 г. встречаем князей^{26*} Горенского и Телятевского, в 1570 г. — И.Ф. Воронцова¹⁰³. В то же время думными дворянами были приближенные Ивана Грозного во вторую половину его царствования — известные опричники Малюта Скуратов и Василий Грязной. Малюта упомянут в числе "дворян, которые живут у государя в думе" во время переговоров с шведскими послами в феврале 1573 г.¹⁰⁴

Последнее наблюдение особенно важно, так как значение думных людей, так же как и значение бояр, было неодинаково. Часть членов Боярской думы, в том числе и некоторые дворяне и думные дьяки, входили в состав так называемой "Ближней думы", интимного совета государя.

Ближняя дума состояла из особо приближенных к государю членов Боярской думы. Именно "думцы" Ближней думы в первую

^{25*} В Посольских книгах за первую половину XVI в. заметно постоянное деление детей боярских на тех, "которые живут в думе", и "прибыльных, которые в думе не живут"⁹⁶. Подобный порядок существовал и при дворах последних удельных князей, например, при дворе Андрея Ивановича Старицкого. В числе приближенных его, которых после "мятежа" 1537 г. велели "пытати да казнити торговою казнию", названы: боярин, дворецкий, князья и дети боярские, "которые у него в избе и думу его ведали"⁹⁷.

^{26*} О "княжатах", живших в Боярской думе, упоминает и Польская Посольская книга в 1549 г.¹⁰²

очередь сопровождали царя в походах и "ездах". Об этом узнаем и из Посольских дел, и из разрядов. Когда, например, в 1555 г. в Москву прибыли посланец виленского епископа и панов Литовской рады, то Иван IV, находившийся в Коломне, велел остававшимся в Москве митрополиту и боярам отвечать послу, что "государь... пошел на свое дело... а бояре, государские, ближняя его дума, все с ним, а вам ныне о таком великом деле государском мимо ближние думу государскую советовать не lze"¹⁰⁵. Среди "думцев", сопровождавших царя в походе в Коломне и составлявших "ближнюю думу", упомянут в разрядах и окольничий А.Ф. Адашев¹⁰⁶.

Члены Ближней думы обычно вели переговоры с послами "о государских тайных делах"^{27*}. За границей это знали и поэтому грамоты иногда адресовали: "к боярам к ближней думе, которые при государе"¹⁰⁸. Привычные порядки ведения переговоров московские дипломаты переносили и на способы ведения переговоров иностранных государей с московскими послами. Когда во время переговоров с датским королем в 1562 г. король не хотел слушать чтение всех грамот и соглашался подписать грамоты, не читая ("грамот читать не надобе, я их и так знаю"), русские представители (среди них был лучший знаток дипломатических обычаев И.М. Висковатый) настаивали: "Если не велишь прочесть их, уйдем. Ведь тут рада твоя ближняя, а сторонних людей нет, а будет кто не верен, тот бы шел вон"¹⁰⁹.

Зная характер деятельности А.Ф. Адашева, в частности, его постоянное и руководящее участие в дипломатических переговорах, можно утверждать, что он входил в состав не только Боярской думы, в чине думного дворянина и позже окольничего, но и в состав Ближней думы государя.

Особенно большое значение имела деятельность А.Ф. Адашева в качестве руководителя Челобитенного (Челобитного) приказа, игравшего в те годы первостепенную роль в правительственной деятельности.

Челобитенный приказ был о~~б~~ранизован, вероятнее всего, после так называемого "собора" весны 1549 г., и руководство им было сразу же передано А.Ф. Адашеву. Отзвуки этого события дошли в известной "речи" Грозного с Лобного места.

Учреждение Челобитенного приказа можно связывать с "уложением" от февраля 1549 г., закрепленным позже в 64-й статье Судебника 1550 г., которое изымало из юрисдикции наместников многие дела детей боярских, получавших право непосредственного

^{27*} С послами цесаря в 1575 г. царь выслал для переговоров "своих людей великих, ближнюю свою думу"; в 1583 г. то же повторилось во время переговоров с английским послом о предполагавшейся женитьбе Ивана IV¹⁰⁷.

обращения к царскому суду. "Жаловальные грамоты" об этом были разосланы "во все города детям боярским"¹¹⁰.

Основной формой обращения к царскому суду в то время являлись челобитные, в частности, челобитные, подававшиеся во время выходов из дворца, в которых государя всегда сопровождал постельничий. Естественно, что в первые годы после "уложения" 1549 г. особенно участились случаи обращения к царскому суду именно детей боярских, которым раньше^{28*}, по словам И.С. Пересветова, "доступити [царя было] не мощно"¹¹². Разбором этих дел и определялась прежде всего социальная "физиономия" Челобитного приказа.

С организацией Челобитного приказа сам царь почти совсем устранился от приема челобитных на свое имя. От 1582 г. дошла "память" царя игуменье Суздальского Покровского монастыря, содержащая выговор за то, что "подал грамоту нам слуга вам Андрей Белин невежливо. И вы б вперед к ним слуг с грамотами о таких делах не присылали, а велели отдавати нашим ближним людям, а оне их до нас донесут"¹¹³.

Таким "ближним человеком", обязанным разбирать жалобы, и являлся руководитель Челобитного приказа. Так как среди челобитных были и "изветы", указывающие на преступление против особы государя¹¹⁴, то ясно, что руководителем Челобитного приказа должен был быть человек, пользующийся особым доверием государя, и что отнюдь не все челобитные, подававшиеся в "Челобитную избу", становились достоянием гласности.

В середине XVI в. Челобитный приказ был: а) канцелярией государя, куда подавались челобитные на его имя, в том числе "изветы"; б) учреждением, в котором выясняли обоснованность челобитной, сразу приняв решение или определив учреждение, обязанное "учинить управу" по этой челобитной; в) местом апелляции на решения других правительственных учреждений и, как следствие этого; г) учреждением, которое контролировало деятельность других правительственных учреждений. Челобитный приказ призван был следить за тем, как остальные приказы выполняют свои функции, следовательно, Челобитный приказ обязан был контролировать и работу центральных органов контроля над местным управлением¹¹⁵.

^{28*} На невозможность подать государю жалобу еще раньше указывал Максим Грек. В расспросных речах Максима Грека сохранился такой отрывок: "Истину вам скажу, что у меня в сердце; вдовицы плачут, а когда государь пойдет к церкви, то вдовицы плачут и за ним идут, а они (приставы) их бьют, а я за государя молил Бога, чтобы государю Бог на сердце положил и милость бы государь над ним показал"¹¹¹.

Челобитенный приказ боролся с "несправедливыми жалобами" на "приказных людей" ("бить челом не по делу"), всячески ограничивая право подачи жалоб со стороны основной массы населения, особенно терпевший от их злоупотреблений и произвола. Челобитенный приказ как орган управления в феодальном государстве способствовал укреплению государственного аппарата принуждения.

Челобитные имели особое значение в деятельности правительства. Они давали правительству материал для исправления недостатков и устранения со служебных постов злоупотреблявших лиц и для ознакомления с общественным мнением. В периоды, когда в обществе настоятельно ощущалась потребность государственных преобразований, накануне серьезных реформ, деятельность Челобитенного приказа и его руководителя приобретала особое значение. Так было в середине XVI в., когда некоторые преобразования, в общих чертах или деталях, подсказывались правительству и путем челобитных, дававших нередко толчок для работы правительственной мысли в том или ином направлении. Необходимо только особо подчеркнуть, что буржуазные ученые и публицисты сознательно преувеличивали историческое значение подобных "челобитных", проводя глубоко реакционную мысль о якобы существовавшем в то время "единении" государственной власти с народом.

Особенно надо выделить в этой связи роль Челобитенного приказа и его руководителя в подготовке реформы местного управления — отмены кормлений. В Москву "от посадских крестьян" поступали "челобитья великие и доука беспрестанная, что наместники наши и волостели и праведчики, и их пошлинные люди сверх нашего жалованья указу чинят им продажи и убытки великие"¹¹⁶. Именно в ответ на челобитные давались в начале 50-х годов XVI в. уставные грамоты отдельным областям. Значение челобитных отмечено и в общем приговоре, отменявшем кормления (20 сентября 1555 г.). Путем челобитных "Вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, изо многих лет, презрев страх божий и государские уставы и много злокозненных дел из них учиниша; не быша им пастыри и учителя, но сотворишася им гонители и разорители"¹¹⁷.

Интересно отметить, что именно А.Ф. Адашев после коллективной челобитной пермичей ("от всех градских людей и сельских") велел "паревым словом" казначеям дать Уставную грамоту жителям Перми (26 декабря 1553 г.)¹¹⁸. Таким образом, определяется персональная роль А.Ф. Адашева в осуществлении

политики, направленной против сохранения боярских привилегий и в интересах верхушки горожан.

К Адашеву как к приближенному к царю человеку и руководителю Челобитенного приказа обращались с просьбой пожаловать "пустые земли" и промышленники-колонизаторы неосвоенных земель. Характерно, что из четырех грамот, "приказанных" Адашевым и дошедших до нашего времени, две являются жалованными на предоставление льгот в "пустых местах" — грамота Ивану Дмитриевичу Ластке от апреля 1554 г.¹¹⁹ и грамота Григорию Строганову от апреля 1558 г.¹²⁰ Грамоты эти близки по содержанию, сходны даже формулировки челобитных, на основании которых были выданы грамоты. Именно Адашев подписал и жалованную грамоту от 20 февраля 1554 г. жителю Тотемской Соли Феодосию Суморину на основание монастыря. Тотемский Спасо-Суморин монастырь, как видно из духовной Феодосия, к 1567 г. стал крупнейшим солепромышленником и землевладельцем края¹²¹. Эти факты показывают, что А.Ф. Адашев активно содействовал колонизаторской деятельности русских промышленников на севере страны.

Некоторые челобитные по самому существу затрагиваемых в них вопросов могли требовать особого рассмотрения государем или Боярской думой с целью принятия специального постановления общего характера. В то же время Челобитенный приказ, контролировавший работу остальных приказов, должен был наблюдать за тем, как эти учреждения следуют поставлениям нового Царского судебника 1550 г. Все это предопределяло большую творческую роль Челобитенного приказа в законодательной деятельности правительства в те годы. Челобитенный приказ, широко охватывающий круг вопросов, которыми ведал правительственный аппарат, в значительной степени подсказывал содержание дополнительных "указов" к Судебнику и подготовлял эти "указы", которые от имени государя ("с государева доклада") вносились в Боярскую думу, для включения в Судебник в виде обязательных дополнений.

О характере деятельности А.Ф. Адашева как руководителя Челобитенного приказа и думного дворянина, подготовлявшего от имени государя доклады по спорным делам для внесения их в Царский судебник, можно судить по "дополнительным указам" к Судебнику.

VIII-й указ читается так: "Доклад за Алексеевой приписью Адашева. Доложити Государя царя и великого князя: которые отпускные до сего Уложения без боярские печати и без диачья подписи в прежних летах даваны до Уложения, и те отпускные в

отпускные ли. — Алексеева припись: казначеем велети записать, что с отпускою у того государя не служити"¹²².

Специальное сравнительное исследование этого указа и других дополнительных указов к Судебнику свидетельствует, что направление законодательной работы правительства определялось и данными, поступавшими из Челобитенного приказа.

Таким образом, должность руководителя Челобитенного приказа была в то время должностью первостепенного политического значения¹²³.

Теперь становится понятным, в чем состояло возвышение А.Ф. Адашева Иваном IV, "чающим от него прямые службы". Понятно также, почему писатель начала XVII в., характеризуя правительственную деятельность А.Ф. Адашева, останавливается именно на его деятельности как руководителя Челобитенного приказа, способствовавшего, по его мнению, тому, чтобы Русская земля была "во благоденстве и управе".

В качестве руководителя Челобитенного приказа Адашев участвовал в осуществлении губной реформы, в мероприятиях правительства по борьбе с "разбоями". А.Ф. Адашев участвовал в составлении Приговора царя "з бояры о разбойном деле" 18 января 1555 г. Приговор этот обнаружен недавно А.А. Зиминным в рукописи XVII в., в составе копии с Уставной книги Разбойного приказа ("Список с Уставной книги слово в слово")¹²⁴. В составлении приговора принимало участие несколько знатнейших бояр, в том числе и те, которым прежде "приказаны были разбойные дела" (князь Д.И. Курлятов, И.М. Воронцов), окольничий А.Ф. Адашев и постельничий И.М. Вешняков.

Приговор о разбойном деле устанавливал общие для всего государства нормы борьбы с "разбойниками" и "лихими людьми" и определял обязанности карательных органов на местах. Приговор лег в основу губных грамот последующего времени. Это легко проследить, сравнивая Приговор о разбойном деле с наказным списком губным старостам Зубцовского уезда от 3 февраля 1556 г.¹²⁵

Приговор о разбойном деле — важный этап в осуществлении губной реформы и распространении ее на всю территорию Русского государства. Приговор этот имел большое значение в деле централизации местного аппарата власти и в борьбе с народным недовольством на местах. Классовая направленность Приговора совершенно ясна: термины "разбойники" и "лихие люди" часто обозначали восставших и бежавших крестьян. Жестокие наказания, установленные для них (независимо от признания ими "вины") и для всех тех, кто "одобрил" их деятельность, должны были, по

мнению правительства, устрашить недовольных, укрепить власть господствующего класса феодалов. Приговор о разбойном деле составлялся одновременно с Приговором об отмене кормлений, и это не случайно, так как губная и земская реформы были теснейшим образом связаны между собой. Участие А.Ф. Адашева в осуществлении этих важнейших правительственных мероприятий несомненно.

Особо следует остановиться на деятельности А.Ф. Адашева в качестве хранителя "постельной казны". Это поможет увидеть и другие стороны его деятельности.

"Казной" в то время называлось всякое имеющее ценность имущество^{29*} и вместе с тем всякое помещение, хранящее ценные вещи.

"Постельная казна", находившаяся в ведении постельничего, помещалась в верхнем этаже "постельной полаты". Летописец, описывая пожар 1547 г., различает "царский двор с царской казной" и "постельную полату с казной"¹²⁷. В постельной палате царь, видимо, совещался с Ближней думой; там разбирались домашним, т.е. постельничим, судом царя дела о нарушении чести государева двора непригожими словами и дерзкими поступками¹²⁸. В Постельной палате царь иногда принимал иноземных гонцов, например, крымских в ноябре 1563 г.¹²⁹

Различие "царской казны" и "постельной казны" было в основном количественным, а не качественным. Это можно проследить по духовной грамоте Ивана III¹³⁰.

Подробное представление о постельной казне^{30*} дает "Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов" (т.е. 1581—1583 гг.)¹³¹. Состав казны отражен в заголовке описания казны царевича Ивана: "Казна царевича Ивана Ивановича, из крестов, из икон, из образов и из книг, из платья, сосудов золотых и серебряных, что отобрал государь на себя".

Особенно важно указание на то, что в Постельной казне хранились рукописные и печатные книги. В описи упомянуты: "Травник", "Треодь постная", "Треодь цветная" и "Потребник". В описи есть даже особый раздел, названный "Книги Государевой постельной казны" (с. 7—8). Там перечислены: "Книга стихараль

^{29*} "Да и на Беле Озере и на Вологде моя казна, где ни есть моих казен: то въсь моему сыну Василью; а мои дети, Юрьи з братьею у моего сына у Василья ни во что ни въступаются, опричь того, что есми им дал своей казны",¹²⁶ — читаем, например, в духовной грамоте Ивана III в 1504 г.

^{30*} Среди этого имущества — большое количество подношений от монастырей, светских и духовных лиц.

на бумаге", "Книга летописец, писан скорописью", "Книга немецкая на бумаге, знамение травник" и шесть "Евангельев". Это описание кончается пометкой, сделанной рукой дьяка: "Других книг нет, не выписаны, потому что старые книги у Государя..." После этих слов следует текст, не имеющий никакого отношения к предыдущему. Н.П. Лихачев справедливо полагает, что листы рукописи были перемещены и далее следовало окончание фразы: "...згорели, как постельных хором верх горел"¹³².

Именно в Постельной казне, как установил Н.П. Лихачев, помещалась царская библиотека¹³³. На языке XVI в. понятия библиотека — "книгохранительница", и архив тоже обозначались словом "казна". Все это вместе составляло "Государеву постельную казну".

В "постельную казну", во временное пользование Ивана IV, вносились также интересовавшие его документы из государственного ("Царского") архива. В "Описи Царского архива" возле ящиков нередко пометы: "у государя в казне", "взято ко государю", "взял государь к себе". Объяснение этим выражениям находим в помете возле ящика 36: "Книги Минлигиреевы взяты ко Государю и сгибли, как постельных хором верх горел"¹³⁴. Таким образом, ясно, что под "государевой казной" следует понимать именно "постельную казну". Это — личный архив царя, и И.Е. Забелин не прав, полагая, что "государева казна" находилась на Казенном дворе в ведомстве казначея¹³⁵.

"Государева казна" была подвижным учреждением. Часть документов сопровождала государя в походах, в обозе, состоявшем в основном из вещей (платье, иконы и прочие "рухляди"), находившихся в ведении постельничего. Такая "государева казна" называлась "походной полатой"^{31*}.

Таким образом, в середине XVI в. в ведение постельничего были личная царская казна, в состав которой входил и личный архив царя, и, одновременно, часть личной канцелярии царя (особенно во время походов).

Поэтому в одном из старинных родословцев постельничий князя Углицкого Дмитрия Ивановича Жилки назван и "постельничим", и "казначеем": "Да Федор Большой был на Угличе у князя Дмитрея Ивановича *постельничей, казначей* и в думе во всей был"¹³⁶. Именно этим обстоятельством объясняется наименование А.Ф. Адашева "казначеем" в разрядах царского похода к Коломне

^{31*} О "походной палате" также находим упоминание в Описи Царского архива: возле ящика 154, содержащего перемирные грамоты с ливонским магистром, рижским архиепископом и юрьевским епископом, отмечено: "7073 сентября в 3 день, сесь ящик, а в нем 12 грамот, взяты в Походную палату".

в июле 1550 г. ("казначей Иван Петрович Головин, Алексей Федорович Адашев")¹³⁷. В разрядах этого похода постельничий отсутствует, и фамилия Адашева расположена как раз в том месте, где в других росписях упоминается фамилия постельничего. Во всех остальных известных нам источниках фамилия Адашева связывается с другим чином, а казначеи всегда перечисляются без включения в их число Адашева. В "Списке старинных чинов"¹³⁸ Адашев ни разу не упомянут как казначей. В Тысячной книге, составленной в начале октября 1550 г., т.е. меньше чем через три месяца после похода на Коломну, А.Ф. Адашев значится "сыном боярским первой статьи", тогда как упомянутый вместе с ним Иван (Фома) Петрович Головин указан казначеем¹³⁹. В разрядах похода 1553 г. против крымского хана А.Ф. Адашев, так же, как и И.М. Вешняков, назван "стряпчим и у царя и великого князя в избе з бояры"¹⁴⁰. В дальнейшем А.Ф. Адашева всюду пишут окольным. Таким образом, А.Ф. Адашев не был казначеем и не выполнял его функции, в число которых входило руководство финансовой деятельностью правительства.

Иной точки зрения придерживался С.В. Бахрушин. По его мнению, «в должности казначея Адашев контрассигновал жалованные грамоты и "царевым, и великого князя словом" передавал к исполнению словесные указы царя». На этом основании С.В. Бахрушин приходил к выводу, что Адашев возглавлял казначейское ведомство, "объединив в своем ведении две важнейшие отрасли управления — финансы и внешнюю политику", "которая первоначально тоже входила в функции этой должности"¹⁴¹.

Эти утверждения основаны на произвольном толковании источников. С.В. Бахрушин ссылается на три источника: Уставную Пермскую грамоту (декабрь 1553 г.), Жалованную грамоту Строганову (апрель 1558 г.) и дополнительный указ (VIII-й) к Судебнику 1550 г. Между тем в обеих грамотах Адашев поименован окольным. Более того, в Уставной Пермской грамоте поименованы и казначеи И.П. Головин и Ф.И. Сукин.

Изучение дополнительных указов к Судебнику убеждает в том, что Адашев исполнял обязанности, выделявшие его из среды других казначеев. Государь обычно отдавал казначеям распоряжения внести в то или иное постановление в Судебник или написать его "на память" (например, "памяти казначеям Сукину и Тютину" или "память дана казначею Хозяину Тютину"); Адашев же, упоминаемый в одном из указов, не записывает сам, а, напротив, велит государевым именем "казначеем записать": "А Алексеева припись казначеем велети приписать"¹⁴². В данном случае Адашев выступает не как руководитель ведомства каз-

начеев, а как руководитель личной канцелярии государя, передававший к исполнению личные указания Ивана IV. Следовательно, никаких оснований приписывать Адашеву руководство финансами нет. В руководстве внешней политикой Адашев принимал, действительно, значительное участие, но руководство внешней политикой после 1549 г. перешло к Посольскому приказу, и казначей лишь наряду с другими должностными лицами участвовал в дипломатических переговорах¹⁴³.

Как дипломат, как постельничий, ведавший "Государевой постельной казной", и как руководитель Челобитенного приказа А.Ф. Адашев должен был обращаться к документам государственного архива ("Государской казны" или просто "казны"), опись которых, составленная во второй половине царствования Грозного, известна под названием "Описи Царского архива".

Из этой описи видно, что в "государской казне" ("Царском архиве") хранились документы разнообразного характера, составлялась она путем поступления документов из различных учреждений (в том числе и из "Челобитной избы"), и документы эти по мере надобности временно поступали к государю или выдавались в другие учреждения. Это относится в равной степени и к актам современной правительственной деятельности, и к памятникам прошлого.

Таким образом, выясняется способ пользования хранившимися в казне документами и, главное, устанавливается, что "Царский архив" был учреждением жизнедеятельности, тесно связанным со всеми органами правительственного аппарата. "Царский архив" меньше всего напоминал в те годы собрание старых ненужных документов.

Государственный архив был учреждением особого политического значения. Московское правительство в своей законодательной деятельности, в дипломатических сношениях всегда старалось обосновать свои поступки "стариной". Поэтому хранившиеся в "казне" старинные документы постоянно использовались в текущей правительственной деятельности.

Особенно интенсивным было использование старых документов при Иване Грозном, смотревшем "яко в зеркало... прародителей своих поведенья"¹⁴⁴. Таким "зеркалом" для Грозного и его советников были летописи и другие документы, которые, как показывает "Опись Царского архива", царь постоянно изучал. Он использовал эти документы не только для обоснования своих внешнеполитических планов, но и в борьбе с удельными притязаниями княжат и бояр, для выяснения "изменных дел" и т.д. В Описи, как отмечалось выше, не раз встречаем пометы, пока-

зывающие, что некоторые документы "взяты к государю", т.е. временно перенесены в "Государеву постельную казну". Поэтому естественно полагать, что А.Ф. Адашев, ведавший "постельной казной", также имел дело с документами прошлых лет. Это подтверждается также и тем, что Адашев во время переговоров с иностранными послами ссылался на эти документы.

Постоянная работа А.Ф. Адашева над документами, хранившимися в Царском архиве, объясняет его участие в оставлении официальной летописи.

Участие А.Ф. Адашева в составлении летописей не подлежит сомнению. По "Описи Царского архива", в ящике 223 в числе других документов упомянут "обыск князя Андрея Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева, и списки черные, писал память, что писати в Летописец лет новых, которые у Олексея взяты"¹⁴⁵.

Следовательно, имекно Адашев подбирал материал для "Летописца лет новых", писал для памяти предварительно какие-то "черные списки" будущей официальной летописи¹⁴⁶. Косвенным доказательством участия Адашева в написании или редактировании летописи является то, что в летописи, как в изданных списках, так и в рукописях XVI в., содержащих дополнения и разночтения, с особыми подробностями излагаются именно те дипломатические переговоры, в которых принимал участие А.Ф. Адашев.

"Близость Адашева ко двору, — замечает М.Н. Тихомиров, — указывает на то, что составляемый им летописец не мог возникнуть без санкции самого царя"¹⁴⁷. Действительно, в той же "Описи Царского архива" сохранились прямые указания на то, что Иван Грозный просматривал и редактировал "списки" летописца. Возле ящика 224, в котором находились списки, "что писати в Летописец, лета новые, прибраны от лета 7068 до лета 7074 и до 76", сверху помечено: "в 76 году августа, Летописец и тетради посланы ко Государю в Слободу"¹⁴⁸. Среди книг "Государевой Постельной казны", описанных в 7090—7091 гг., упомянута "Книга Летописец, писан скорописью, переплетик в затылок, троетцкой"¹⁴⁹. Составление летописи представлялось Грозному делом большой политической важности.

Все это заставляет усомниться в предположении Д.С. Лихачева, считающего, что летопись "велась в Посольском приказе"¹⁵⁰. Официальная летопись, очевидно, редактировалась в то время в "Государевой казне", куда царю и А.Ф. Адашеву по мере надобности доставлялись для проверки и обработки различные документы из "Царского архива", и составление ее было тесней-

шим образом связано не с Посольским приказом, а с печатником, в ведении которого находился Царский архив^{32*}.

Д.С. Лихачев характеризует официальную летопись второй половины XVI в. как "справочное пособие при пользовании архивными данными"¹⁵³. Но летопись была и острым политическим оружием Ивана Грозного и его правительства, действенность которого, судя по припискам и исправлениям, они обычно понимали. Поэтому летопись является ценным источником не только для суждений о событиях того времени (в особенности, о военных походах и о дипломатических переговорах), но и для изучения идеологии "самодержавства" Ивана IV. Редактируя летопись, А.Ф. Адашев выступал одним из создателей официальной идеологии московского "самодержавства".

Несомненно руководящее участие А.Ф. Адашева в составлении в середине XVI в. двух других официальных документов, имевших большое значение для централизации государства — "Государева Родословца" и "Разрядной книги"¹⁵⁴.

"Государев Родословец" должен был еще больше поднять престиж "государя всея Руси", при дворе которого после Казанской победы находились не только князья, но и цари. В "Государеве Родословце" отчетливо выявлена тенденция ограничения притязаний княжат, подчеркивается их вековая зависимость от великого князя московского; княжата приравниваются к нетитулованным родам верных слуг московского двора, как к старым боярским фамилиям, так и к выдвинувшимся в последнее время (Траханиоты, Ласкиревы, Адашевы — последняя глава "Родословца")^{33*}. Тенденция эта характерна и для другого предприятия тех лет — "Тысячной книги".

Составление "Государева Родословца" в период, когда отдельные "земли" и даже княжества сохраняли "живые следы прежней автономии"¹⁵⁶, имело большое значение. Среди княжат еще не изжито было представление о "роде московского великого князя" только как об одном из ответвлений рода Рюриковичей. Подобная точка зрения особенно ярко обнаруживается у князя Курбского, употребившего в письме к царю выражение: "...тот ваш издавна кровопийственный род"¹⁵⁷. Тот же Курбский не случайно

^{32*} Мнение о том, что "Царский архив", опись которого опубликована, находился в ведении печатника, высказано И.Е. Забелиным¹⁵¹. Ср. мнение С.А. Шумакова¹⁵².

^{33*} Еще В.Н. Татищев тонко заметил, что Иван IV "повелел родословную книгу сочинить, на которой многие княжеские роды оставя, знатными шляхетскими наполнил и сравнял" (курсив мой. — С.Ш.)¹⁵⁵

озаглавил свою клеветническую книгу — "История о великом князе Московском". Поэтому "Государев Родословец" — вопреки мнению Н.П. Лихачева¹⁵⁸ — следует рассматривать в связи с другими противобоярскими реформами середины 50-х годов XVI в. — "Уложением о службе" и отменой кормлений.

"Разрядная книга" официальной редакции, так же как и "Книга кормления бояр, и окольных и дворян и детей боярских 64 году", была составлена в 1556 г. В составлении Разрядной книги, как полагает Н.П. Лихачев, принимал участие А.Ф. Адашев. Первая такая Разрядная книга кончалась разрядами 7065 г. Реформа разрядного делопроизводства сопутствовала собственно служебным реформам. В июне 1556 г. во время похода к Серпухову, в котором участвовал и окольный А.Ф. Адашев¹⁵⁹, "царь велел сметити детей боярских по спискам" и "людям служилым большой смотр был"¹⁶⁰. Для того, чтобы регулировать службу и местнические отношения, необходимо было иметь официальный канонический текст за прошедшие годы — это приводит к появлению официальной разрядной книги. Редактированию ее, так же как и редактированию "Государева Родословца", предшествовало выявление документов "старых лет", хранившихся в архивах^{34*}.

Можно предполагать также участие А.Ф. Адашева в составлении Дворовой тетради 50-х годов XVI в., представляющей список государева двора, которым пользовались в повседневной жизни. Дворовая тетрадь была составлена в начале 7060 г. и потом дополнялась¹⁶². В одном из списков возле имени сына боярского дворового по Рязани Ивана Андреева сына Лысцова находим помету: "Стар и болен: *Отставлен по приказу Алексея Федоровича.* (Курсив мой. — С.Ш.)"¹⁶³. Эта незначительная на первый взгляд помета — след каждодневного делопроизводства — несомненный свидетель вмешательства Адашева в дело распределения по службе служилых людей "государева двора". Это указание делает понятным упоминание имени А.Ф. Адашева в местническом споре Ласкирева и Хилкова в 1548 г. Сосланный в Казань М.Д. Ласкирев был записан в Дворовой тетради по Москве¹⁶⁴.

Таким образом, А.Ф. Адашев в 50-е годы XVI в., несомненно, влиял на распределение служилых людей "государева двора" по службе. А учитывая его участие в составлении "Государева Родословца" и "Разрядной книги", работа над которыми велась в Разрядном приказе, можно полагать, что именно Адашев, как

^{34*} По "Описи дел, вынесенных во время пожара 1626 г." известно, что там хранились "столпик разрядной 7053 году", "списки старые боярские", "списки старые полковые", выписки из разрядов, старые местнические дела и др.¹⁶¹

ближний человек царя, имел непосредственное отношение к работе дьяков Разрядного приказа — "государских чиновачальников", т.е. частично руководил деятельностью того учреждения, которое каждодневно было связано со служилыми людьми, со "строением воинства".

То, что Адашев занимался "строением воинства", подтверждается свидетельствами Курбского и Ивана IV. Именно эту сторону деятельности "Избранной рады" вспоминал Курбский, отмечая, что "Избранная рада" избирала воевод, назначала военачальников "над езными и над пешими", награждала отличившихся в войнах движимым и недвижимым имуществом и "возведением на вышние степени", отстраняла от царя неспособных и нерадивых и подвизала "на мужество... и на храбрость всякими роды даров или мздовоздаянными, каждому достоянию"^{35*}.

Это дает основание полагать, что А.Ф. Адашев принимал участие в проведении в жизнь важнейших реформ 50-х гг. XVI в. — "Уложения о службе" и теснейшим образом связанного с ним "Приговора об отмене кормлений", проекты которых были декларированы еще на "соборе" 1550 г.¹⁶⁶

Конечная тенденция этой политики в отношении служилых людей верно охарактеризована самим Грозным: "молодых же детей боярских с вами (т.е. княжатами) честию подобяще"¹⁶⁷, т.е. это политика уравнивания двух прослоек класса феодалов — бояр и дворянства, в конечном счете выгодная именно дворянству, политика, характерная для данного этапа централизации Русского государства.

Таковы данные о правительственной деятельности А.Ф. Адашева в области внутренней политики.

Активное участие в государственных делах было в то время неразрывно связано с участием в придворной жизни, обуславливалось расположением государя, личной близостью к нему. А.Ф. Адашев совмещал обязанности правительственные с придворными. Он был одновременно и постельничим, ведавшим "Государевой (личной) казной" и хранившим печать "для скорых и тайных дел", и руководителем Челобитенного приказа, принимавшего челобитные на государево имя, контролировавшего работу правительственных учреждений, игравшего особо важную роль в законодательстве.

Адашев руководил работой дьяков Разрядного приказа, дея-

^{35*} "И к тому воевод, искусных и храбрых мужей, сопровтив врагов избирают"; "и стратилатские чины устрояют, яко над езными, так и над пешими"; "и аще кто явитца мужественным в битвах и окровил руку в крови вражи, сего дарованьми почитано, яко движными вещи, так и не движными". "Некоторые же от них, икуснейше, того ради, и на вышние степени возводились"¹⁶⁵.

тельность которых имела выдающееся значение в деле организации дворянской военной бюрократии. Адашев вел от имени царя переговоры с иностранными послами, руководя деятельностью Посольского приказа Адашев совместно с царем редактировал официальную летопись. Адашев был одновременно членом Боярской думы — думным дворянином и позже окольничим — и членом "Ближней думы" государя. Дружеский контакт между Иваном Грозным и Адашевым во многом облегчал осуществление государственных преобразований 50-х годов XVI в.

В большой творческой работе, особенно в дипломатической деятельности и в составлении летописи, Адашеву помогал другой талантливый сподвижник Ивана Грозного — Иван Михайлович Висковатый. Царь и называл их "ближние верные думцы"¹⁶⁸.

Выдающийся организатор, советник и дипломат, Алексей Федорович Адашев был талантливым представителем плеяды новых правительственных деятелей, порожденных изменившимися условиями жизни Русского государства середины XVI в. Это деловые, обычно еще молодые люди, сочетавшие личные служебные заслуги и способности со знатным происхождением, а чаще вовсе не имевшие "родословной". Из их среды выходили известные воеводы Ивана Грозного, выдающиеся дипломаты, умелые приказные администраторы, возвышением которых так возмущались изменники-бояре князь Курбский и князь Семен Ростовский: "...нас всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит"¹⁶⁹.

Возвышение подобных государственных деятелей — типичное явление в истории всех крупных европейских государств XVI в.; в испанской администрации они получили характерную отметку "letrados", т.е. "научно подготовленный"¹⁷⁰.

Влияние А.Ф. Адашева на дела было очень велико: он мог по "недружбе" назначить неугодного ему служилого человека на низкую должность, мог внести свой род, до той поры мало выдающийся, в "Государев Родословец". Влияние его было сильнее даже местнических преград. Поэтому Иван IV не без основания писал об А.Ф. Адашеве и его советниках, что они "сами государились как хотели"¹⁷¹.

Положение А.Ф. Адашева в государстве и при дворе на языке людей XVI в. обозначалось словом "временник". "Временником" Василия III называл знаменитого Вассиана Патрикеева Максим Грек^{36*}. "Временниками" в посольских донесениях называли мос-

^{36*} "А блюлся есми, господине, преслушать Васьяна старца потому, что он был великой, временной человек и великого князя ближней, и аз так государя не блюлся и слушал", ¹⁷² — отвечал он на допросе.

ковские послы руководителей правительства, лиц, особо приближенных к государю. "Временником" был и А.Ф. Адашев. "И как был он во времени, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе", — писал о нем летописец начала XVII в.

О большом влиянии Адашева на правительственную деятельность знали за границей. Не случайно через 25 лет после смерти Адашева его сравнивали в Польше с царским шурином Борисом Годуновым.

В 1585 г. московский посол к цесарю Лука Новосильцов обедал по пути у гнезненского архиепископа Станислава Кариковского, который был "в Польше другой король". Во время обеда зашел разговор о влиянии на государственные дела Б.Ф. Годунова. Интересуясь степенью этого влияния, архиепископ сравнивал Годунова с А.Ф. Адашевым. «Да арцыбискуп мне ж говорил, — доносил Новосильцов: — "сказывали нам вязни наши: есть на Москве шури́н государской Борис Федорович Годунов, правитель земли и милостивец великой и нашим вязнем милость казал, и на отпуске их у себя кормил и поил и пожаловал всех сукны и деньгами, и как были в тюрьмах, и он им великие милости присылал; и нам то добре за честь, что у такого великого государя таков ближней человек разумен и милостив; а прежь сего был у прежнего государя Алексей Адашев, и он Государство Московское таково же правил, а ныне на Москве Бог вам дал такого же человека просужего»¹⁷³. Следовательно, и в представлении иностранцев А.Ф. Адашев был "правителем земли" и "ближним человеком" государя.

А.Ф. Адашев занимал руководящее положение в правительстве Ивана Грозного. С его именем связаны реформы 1540—1550-х годов. С именем А.Ф. Адашева можно связывать и успехи внешней политики Русского государства в середине XVI в. "Весь период этих успехов, так же как и в области законодательства, совпадает со временем управления Адашева..."¹⁷⁴, — писал К. Маркс в "Хронологических выписках".

Реформы 50-х годов XVI в. проводились в интересах основной массы феодалов — дворянства. Поскольку А.Ф. Адашев принимал руководящее участие в их осуществлении, отпадают какие-либо основания считать А.Ф. Адашева соратником Курбского, реакционером^{37*} и "клеветом боярской партии"¹⁷⁵.

Руководящий деятель правительства Ивана Грозного,

^{37*} [Определение Курбского только как реакционера — распространенный историографический и идеологический штамп тех лет. Углубленное изучение эпохи убеждает в односторонности такой прямолинейной оценки.]

А.Ф. Адашев был сторонником консолидации всех прослоек класса феодалов, необходимой феодалам ввиду роста опасности народных движений.

Политика правительства в те годы была политикой уравнивания в правах и привилегиях боярства и дворянства. Политика эта в конечном счете была выгодна именно дворянству. Она содействовала организации "дворянской военной бюрократии" (И.В. Сталин) и росту помещичьего землевладения.

Это была часть единой для всего времени правления Ивана Грозного программы сокращения прав крупных вотчинников и укрепления экономического и политического значения дворянства.

Такая политика способствовала в то время осуществлению "централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны"¹⁷⁶.

В этом плане несомненна взаимосвязь преобразований 50-х годов XVI в. с политикой опричнины. Начинания Ивана Грозного в годы опричнины были подготовлены преобразованиями 50-х годов.

Политика "Избранной рады", как всякая компромиссная политика, не могла быть длительной. Она оказалась недостаточно эффективной, не сумела до конца ослабить крупных феодалов, вызвала даже временное усиление княжеско-боярской оппозиции, которая в годы войны приняла форму прямой государственной измены.

Именно в этом в первую очередь, а не в разногласиях по вопросу внешней политики и не в интригах Захарьиных, следует искать основную причину "падения" А.Ф. Адашева в 1560 г.

Отстранив от власти руководителей "Избранной Рады" и опираясь на окрепшие в результате преобразований 50-х годов XVI в. кадры дворянства, Иван Грозный перешел в 60-е годы XVI в. в открытое наступление на права и привилегии боярства.

Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI века*

Положение русских пленных в Крыму и система их выкупа привлекали уже внимание исследователей. Однако история этих вопросов в первой половине XVI в. до Стоглавого собора 1551 г., принявшего решение о полоняничных деньгах ("пленном окупе") и о выкупе казной полоняников, привезенных в Россию, остается наименее изученной. На первую половину XVI в. неправомерно распространяются представления о нормах и обычаях выкупа пленных, типичных для последующего времени. При этом основное внимание уделяется, как правило, роли государства в организации выкупа пленных, тогда как в первой половине XVI в. формы государственного вмешательства в дело выкупа пленных только еще вырабатывались.

Между тем имеются источники, в должной мере не использованные исследователями, которые при сопоставлении с другими известными уже данными дают возможность представить положение русских пленных в крымской неволе и особенно систему их выкупа именно во второй четверти XVI в., т.е. накануне решений Стоглавого собора. Это — Крымские посольские дела 1540-х годов и (в значительное меньшей степени) житийная литература. Эти-то источники и послужили основным материалом при написании данной статьи.

Общеизвестно, что в XVI в. главной целью постоянных набегов крымцев на соседние земли был захват полона. В крымских войсках имелись особые отряды, принимавшие и стерегшие пленных и другую добычу¹. Крымский хан Сахыб-Гирей писал в 1533 г. Василию III после одного из удачных набегов на Русь, что рядовые участники похода имели по 5—6 пленников^{1*}, знатные люди — 15—20³. Количество русских пленников (или, как их называли в то время, "полоняников") в XVI в. было огромно. По подсчетам

* Впервые опубл. в кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 30—34.

^{1*} Пленных в пути жестоко истязали, заковывали в цепи. Служилому человеку Григорию, бежавшему из крымского плена и вторично плененному, "побили деревянные спицы во уши; его замертво покинули. Глава ж ему отекала, аки некий сосуд"².

А.А. Новосельского, в течение первой половины XVII в. было пленено не менее чем 150—200 тыс. русских людей⁴. Едва ли эта цифра была меньшей в XVI в. "Захваченных в плен рабов у них (т.е. крымцев. — С.Ш.) гораздо больше, чем стад, — писал в 1550 г. Михалон Литвин, — ...все их рынки и гавани славятся этим товаром, который у них всегда находится и для себя, и для продажи, и для залога, и для подарков".

С невольниками обращались как со скотом, многих, по словам того же современника, "заковав в пута и кандалы", заставляли томиться днем на работах, а на ночь запирали в темницу⁵. Полоняники выполняли все тяжелые и грязные работы, находились в услужении. О такой тяжелой работе упоминается в Житии Варсонофия, находившегося в неволе в Крыму в 1520-е годы. За "смирение" ему будто бы "повелели в ослабе жити и страде^{2*} не касатися"⁶.

Значительную часть полоняников продавали в рабство за границы Крымского полуострова. Многочисленные корабли с того берега Черного моря, из Азии, возвращались из Крыма "нагруженные рабами"⁷. В Крыму главный рынок был в Кафе, за границей — в Стамбуле. Корабли с невольниками прибывали в Стамбул очень часто. Крымские ханы посылали султану пленных (детей и красивых женщин) также в виде дани и в ответ на подарки⁸. В Стамбуле было много рабов, в том числе русских; даже венецианские посланники не имели наемной прислуги, только рабов⁹. Имеются упоминания о славянах-рабах в Египте, Аравии, Сирии, Персии, Индии, Средней Азии¹⁰. Многие русские люди становились гребцами на галерах, где особенно ценили их силу и выносливость¹¹. Таким гребцом был в молодые годы знаменитый Иван Болотников.

Не проданные за границу и не выкупленные невольники лет через шесть-семь получали свободу, однако без права возврата на родину и оседали в Крыму, часто продолжая служить прежним владельцам¹². Так, полоняник "литвенин пан Федор Аврамов" 15 лет был дворецким у крымского вельможи Викинея¹³. Полоняники постепенно овладевали татарским языком, а проживший три года в Крыму Варсонофий "извык до конца безсерменьский язык и грамоту срацынскую, бе бо глубок ум имея"¹⁴.

Некоторые пленные, чтобы получить свободу, переходили в мусульманство — "басурманились". "Басурманили", наверное, и насильно, подобно тому, как это было с нижегородцем Иваном в Казани¹⁵. В Крыму было немало русских, которые надолго, иногда

^{2*} По словарю В.И. Даля, "страда" — тяжелая, ломовая работа, нутужные труды и всякого рода лишения.

на всю жизнь, оставались там, втягиваясь в хозяйственную жизнь и быт. Иные и не склонны были возвращаться на Русь¹⁶ в холопство или в крепостную неволю к старым господам.

Основным способом выручить русских людей из татарского плена в первой половине XVI в. был выкуп¹⁷. "Окуп" пленных, т.е. продажа их обратно на родину, был важным источником дохода для крымцев. "Окуп", видимо, оформлялся особой кабалой. Полоняников "окупали" как подданные русского государя — послы и гонцы, купцы, родственники (специально для этого приезжавшие в Крым), так и крымцы — дипломатические представители в России и купцы.

В 1563 г. русскому послу в Крыму А.Ф. Нагому жаловались на то, что Д.Д. Загряжский — посол в Крыму в 1563 г.¹⁸ — взял у Мустафы-аги за 100 руб. полоняника и не прислал денег. Ага, сообщает Нагой, "послал о тех деньгах с гонцом Тотуем: приказал ему бить челом и послал с ним кабалу, и кабала ныне у государя в казне"¹⁹. В 66-й главе Стоглава²⁰ ("Об искуплении пленных") об "окупе" полоняников послами говорится как о распространенном явлении ("которых окупят царевы послы в ордах, во Цареграде, или в Крыму, или в Казани, или в Астрахани, или в Кафе...")^{3*}.

Полоняников "окупали" в Крыму и московские служилые татары, и купцы. Это было общепризнанным обычаем, и Василий III, посылая в военную разведку служилых татар в 1533 г., советовал им прикинуться, будто они разыскивают полоняников ("быть в улусах, где им пригоже, будто полону ищут")²².

Много полоняников привозили в Москву, "окупив", восточные купцы — "греки и турчане, и арменья или иные гости". Если таких полоняников в России не выкупали, их отвозили назад "в бесерменьство"²³.

Выкупленные полоняники считались собственностью их нового владельца и должны были вернуть ему "окупные деньги". Некоторые из них ("должные беспоместные") вынуждены были просить "по миру" милостыню "на окуп"²⁴.

В первой половине XVI в. особенно была распространена такая форма освобождения полоняников, как выкуп их родственниками, отправлявшимися в Крым и там отыскивавшими их в каком-нибудь городе или ауле²⁵. Таким способом был освобожден упоминавшийся уже Варсонофий, за которым приезжал отец — священник г. Серпухова²⁶. Впрочем, выкуп "родственниками" иногда прикрывал и спекулятивную торговлю живым товаром²⁷.

^{3*} Текст Стоглава по изданию Кожанчикова несколько разнится: "Которых откупят царевы послы в ордах, и в Цареграде, и в Крыму, или где-нибудь в дальних ордах от поганных из плену..." — гл. 72²¹.

Сравнительно подробные сведения о выкупе полоняников в Крыму родственниками в первой половине XVI в. обнаруживаются в 9-й книге Крымских посольских дел. Осенью 1545 г. в Крым приехали "одоевцы и белевцы, воеванные" "семей своих скупати". Хан Сахыб-Гирей, ссылаясь на "розмирье" с московским великим князем, "похлопил" этих людей, не считаясь со старым обычаем выкупа пленных. Московский посол в Крыму протестовал против нарушения обычая. В Посольской книге содержатся подробности об этом эпизоде русско-крымских отношений — дипломатическая переписка и рассказ двоих из задержанных детей боярских — одоевца и белевца, отправленных ханом через несколько лет в Москву вместе с его гонцом.

Выясняется, что "воеванные одоевцы и белевцы" приехали в Крым "с окупом", "окупати здесе полону своего жен и детей" ("да у тех людей поимали жены и дети, а у иных братью и племя") через восемь месяцев после набега крымской орды на их земли²⁸. По летописи, набег ханыча Имин-Гирея, калги (т.е. наследника престола и соправителя крымского хана) Сахыб-Гирея со "многими людьми" "на укрепленные места Белевские и Одоевские" был 30 декабря 1544 г.²⁹

"Окупать" родственников они приехали "своей волей", следуя определенным обычаям, известным уже со времени прежних набегов крымцев на русские земли ("а наперед того, — говорил посол хану, — при отце твоём и при брате твоей и при тебе из государя нашего земли украинные люди, коих повоюют, окупати людей приходили ж, а неволи им и зацепок никаких не бывало")³⁰.

Поехали родственники не в одиночку, а большой группой в 55 человек, получив предварительно "государевы грамоты". Ехали они в Крым, сопровождая правительственных гонцов, вероятно, в караване купцов ("то люди, как и торговые"). Подобно другим купцам, они, заплатив с себя пошлины царевы в "Перекопи", отправились в Кафу. Но хан велел одоевцев и белевцев "ис Кафы привести к себе", и, "поставя их всех перед собою", говорил московскому послу, что похлопит их, так как они пришли в Крым во время "розмирья", и предложил послу взять их пока на поруки ("и ты их возьми за себя докуды zde живешь, а они твоею порукою кормятца, а друг друга ручают, а живут туто ж... где ты стоишь; велю им подворье дати"). Посол решительно возражал хану, напомнив общепринятые способы выкупа полоняников, в осуществлении которых прежде не было задержки. Он сослался и на то, что в последние два года, несмотря на военные действия, крымские купцы приезжали в Москву — "многие и неодинова" — и благополучно возвращались обратно, да и в настоящее время крымские

гости "без зацепок" торгуют в Москве и в других русских городах. "И коли ты тех государя нашего людей учнешь неволити, и гостем вперед как ходити?"³¹

В конце концов хан согласился отпустить 45 человек "в Кафу кормиться" и распорядился выдать им "грамоты в улусы полону искати" (впрочем, возможно и иное толкование текста: подтверждались грамоты, выданные уже прежде). Торговля невольниками, как отмечают современники, производилась во всех городах Крымского полуострова³². 10 человек хан оставил "у себя на дворе" в качестве заложников ("переменясь по десять человек"). Отпущенным на поиски родственников велено было ручаться друг за друга и в Кафе "по собе поруку ж добыти, что им быти в его имене". Из Кафы им без ведома "не велено было ходити никуды". 55 одоевцев и белевцев, приехавшие в Крым осенью 1545 г., в ноябре 1547 г. еще находились в Крыму³³. Поездка в Крым выкупать родственников была делом отнюдь не безопасным.

Таким образом, лица приезжавшие в первой половине XVI в. в Крым выкупать плённых родственников, пользовались правами и привилегиями купцов — "торговых людей". Это вполне понятно, так как они приезжали покупать самый ходкий в Крыму товар — невольников. Как "торговых людей" их рассматривали и в Москве. Когда хан пытался "похолопить" одоевцев и белевцев, московский посол пригрозил ему, что это нарушит торговые сношения с Русским государством. И когда Иван IV узнал, что хан все-таки "похолопил... великого князя людей 55 человек, он "против того велел крымских гостей царевых всех на Гостине дворе переимати, да отослати в Бежицкий Верх, а товар их весь взяти да положить под Большую полату для розмены"³⁴.

Таковы некоторые данные о системе выкупа русских полоняников в Крыму накануне обсуждения этого вопроса на Стоглавом соборе. Наблюдения эти, думается, можно распространить и на отношения с другими татарскими ханствами, прежде всего с Казанским ханством.

Увод в рабство русских людей во второй четверти XVI в. наносил существенный ущерб народному хозяйству, уменьшал военные силы Руси. "От Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше", — вспоминал впоследствии об этом времени Иван Грозный³⁵. Крымцы нападали преимущественно на юго-восточные "украины" Русского государства. "Рязанская земля и Северская крымская погублена"³⁶, — писал современник. Отряды казанских феодалов опустошали восточные окраины.

Московское правительство, класс феодалов в целом, были крайне заинтересованы в возврате уведённых в плен русских

людей. К середине XVI в. расширяется освоение южных окраин. В связи с усилением хозяйственной эксплуатации земель перво-степенное значение для феодалов приобретает вопрос о рабочей силе. Ощущается нужда и в военных людях. Холопы составляли боевые кадры служилых людей, за невыход которых по требованию правительства служилые люди подвергались наказанию³⁷. "Окуп-ные люди" могли пополнять военные отряды феодалов. В XVI в. "воевали саблей, мечом и полоном"³⁸.

Все это позволяет думать, что постановления Стоглавого собора 1551 г. о выкупе русских полоняников за счет казны были вызваны не только религиозно-моральными соображениями, но прежде всего хозяйственными и военными потребностями.

Книга А.А. Зимина "Реформы Ивана Грозного"*

Реформы в России середины XVI в. долгое время оставались слабо изученными. Объясняется это прежде всего скудостью известных нам источников (большая часть документальных материалов, даже тех, о которых мы знаем по описям государственных архивов XVI — начала XVII в., не сохранилась) и их своеобразием, затруднявшим успешное использование их в науке. О реформах середины XVI в. судили преимущественно по памятникам публицистики, отражавшим субъективную оценку событий. Лишь исследования, предпринятые в недавнее время, убедительно показали, что для углубленного изучения правительственной деятельности в конце 1540-х, в 1550-е годы имеется достаточно и таких исторических источников, как актовъй материал.

Сравнительно недавно И.И. Смирновым была сделана интересная попытка обобщить часть накопленного наукой материала ("Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в." М.; Л., 1958). В этом выдающемся труде содержатся, однако, и такие положения, с которыми трудно согласиться. Уже одно это не могло не побудить к дальнейшим попыткам обобщения фактического материала и наблюдений, имеющихся в новейшей литературе, к углубленному исследованию политической истории России середины XVI в. Особенно интенсивно изучал эти вопросы в последние годы А.А. Зимин, опубликовавший ценные источники и исследования по истории России XVI в.¹

В рецензируемой книге подводятся итоги плодотворных исследований автора, посвященных различным сторонам этой проблемы. Одновременно А.А. Зимин постарался обобщить и критически оценить данные новейших трудов других отечественных историков, в том числе материалы неопубликованных диссертационных работ. По охвату новейшей советской литературы, посвященной истории России XVI в. монография А.А. Зимина не имеет себе равных. Разнообразен и велик круг привлеченных автором исторических

* Рец. на кн.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. 511 с. Впервые опубл.: ВИ. 1962. № 6. С. 24—30.

источников; при этом в научный оборот введены малоизвестные рукописные памятники.

Предпосланные исследованию историографический очерк и обзор источников (глава I) существенно помогают пониманию хода дальнейшего изложения. Особенно ценна характеристика работ советских исследователей, убеждающая в правильности вывода: "Только советские историки показали, что в 50-е гг. XVI в. происходили события, сыгравшие большую роль в дальнейших исторических судьбах России" (С. 52). Историографические экскурсы постоянно встречаются и в последующих главах.

Однако глава I вызывает и ряд замечаний. Автор подчас склонен останавливаться на характеристике в трудах своих предшественников явлений, относящихся вообще к истории России XVI в., не всегда выделяя вопрос о реформах середины столетия. Вместе с тем, хотя историографический обзор отличается большой полнотой, из поля зрения А.А. Зимина все-таки выпали некоторые работы или отдельные высказывания, имеющие непосредственное отношение к его теме, например, известная характеристика сочинений князя Курбского, данная Н.А. Добролюбовым в статье "О степени участия народности в развитии русской литературы"², исследования И.И. Любименко о русско-английской торговле³.

Не всегда оправдана принятая в книге последовательность изложения материала. Иногда она противоречит хронологии и сложившимся представлениям о ходе развития русской исторической мысли. Непонятно, например, почему взгляды Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина излагаются вслед за рассмотрением взглядов К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина, а о В.Г. Белинском написано вообще после них: ведь Кавелин и Соловьев сформулировали свое мнение о России времени Ивана Грозного уже после написания Белинским основных его сочинений! Вряд ли имеются основания и для того, чтобы характеризовать соображения К. Маркса и Ф. Энгельса об образовании централизованных государств в Европе и о событиях русской истории XVI в. в разделе "Советская историография". Разумеется, эти положения основоположников научного социализма оказали огромное воздействие на советских историков; известно и то, что некоторые из этих высказываний стали достоянием читателей только в советское время; однако основаны они на фактах, доступных историкам именно середины XIX в., и рассматривать их лучше было бы в разделе, посвященном историографии, современной сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса.

В книге имеется ряд полемических замечаний, как правило, обоснованных, относящихся к трудам И.И. Смирнова по истории

России XVI в. Тем не менее не следует упрекать И.И. Смирнова за то, что в его монографии отсутствуют специальные разделы об оформлении приказной системы управления, земской и губной реформах и не рассматриваются церковные реформы и становление сословно-представительной монархии. А.А. Зимин прав, что без "рассмотрения всех этих вопросов нельзя всесторонне оценить значение преобразований середины XVI в. в истории укрепления централизованного аппарата власти" (С. 51); но И.И. Смирнов и не ставил перед собой задачи, равно как и А.А. Зимин в своей книге, осветить все вопросы темы, специально отметив это в предисловии и назвав к тому же свою книгу "Очерками".

Озаглавив монографию "Очерками социально-экономической и политической истории", А.А. Зимин оговаривает, что главы II и III "в известной мере носят итоговый характер, суммируют результаты наблюдений" советских ученых в данной области (С. 6). Действительно, эти главы менее оригинальны, чем последующие, хотя, конечно, и в них имеются самостоятельные выводы; приводятся малоизвестные факты (например, о городских владениях Троице-Сергиева монастыря — С. 153; интересно также наблюдение, касающееся специализации отдельных районов в производстве какой-либо группы товаров, — явление, неизвестное феодально-раздробленной Руси — С. 117—118). Подробно останавливаясь на распространении денежной ренты в XVI в., А.А. Зимин в то же время предостерегает от преувеличения значения денежной ренты в ту эпоху, отмечая, что зачастую ведущей формой ренты являлась продуктовая (С. 89). Указывая на рост наемного труда в городе и деревне, А.А. Зимин пишет, что характер найма еще остается феодальным (С. 118) и что эксплуатация "детенышей" также носила феодальный характер (С. 164). На эти наблюдения следует обратить особое внимание, ибо за последнее время появились работы, в которых явно преувеличивается значение элементов капиталистического развития в социально-экономической жизни России XVI в.

Во введении А.А. Зимин ограничивает свою задачу рассмотрением сложных процессов "социально-экономического развития в русском городе и деревне... лишь в той мере", в какой это позволяет "выяснить причины роста классовых противоречий и предпосылки общественно-политических преобразований 50-х годов XVI в." (С. 6). Однако автор иногда слишком увлекается детальным описанием отдельных явлений социально-экономической жизни. Это мешает созданию у читателя общего впечатления о тех "серьезных сдвигах" в экономике страны, которые, по мнению А.А. Зимина, "явно обозначились" к середине XVI в. (С. 166).

Не всегда понятны критерии отбора того фактического материала, который автор считает нужным особо выделить, что легко проследить по страницам, где описывается торговля России со странами Востока (С. 137—140). Остается неясным, например, почему назван даже ассортимент товаров в торговле с ногаями и Турцией, а о торговле с Казанским и Крымским ханствами написано мимоходом. Не всегда оправданы и сноски на источники. Так, данные о пунктах, где торговали русские и восточные купцы, и о предметах торговли приводятся во многих исследованиях, например, в монографии М.Ф. Фехнер "Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке" (М., 1956); достаточно было простой ссылки на эту книгу.

Подчас на основании одного-двух фактов автор делает выводы обобщающего характера: например, тезис о складывании областных рынков — на примере только таких центров торговли, как Великий Новгород и Волоколамск (С. 129—130). Между тем исследователь истории Новгорода XVI в. А.П. Пронштейн указывает как раз на то, что в Новгороде раньше, чем в других городах, намечается развитие мелкотоварного производства⁴. Вряд ли можно писать и о соотношении групп населения русского города по данным о населении того же Новгорода, Серпухова и Торопца (С. 154). Хотя источников по истории города XVI в. сохранилось очень мало, использовать сведения об упомянутых городах для характеристики русского города XVI в. в целом следует с особыми оговорками. В Новгороде, можно полагать, имелся люмпен-пролетариат, в ту эпоху "сосредоточивающийся главным образом в больших городах"⁵, а эта группа населения не полностью учитывалась писцовыми книгами. Серпухов же и Торопец сам автор характеризует как пограничные города (С. 126, 191, 202).

Кажутся спорными и некоторые частные соображения А.А. Зимина. Так, можно думать, что права и привилегии духовных феодалов в первой половине XVI в. "начинают постепенно сужаться" не только "в связи с ростом экономического влияния торгово-посадских кругов русского города" (С. 136), но и в связи с недовольством этими привилегиями со стороны светских феодалов и потребностями централизации. А проект ликвидации мыта (1553) призван был удовлетворить не только торгово-ремесленное население (С. 340), но и феодалов. Ведь распространенными предметами торговли были также продукты хозяйства феодалов и принадлежащих им промыслов. Сравнительно с другими частями книги, главы II и III выглядят в целом как введение к основному исследованию.

Наиболее ценная часть книги — это главы IV—VIII; именно здесь особенно обнаруживается и дарование автора как знатока и интерпретатора источников. В главе IV А.А. Зимин охарактеризовал политической строй государства накануне реформ, в V — годы боярского правления и первые попытки государственных преобразований, в VI — классовую борьбу в середине XVI в., в VII — реформы 1549—1552 гг. и в VIII — реформы 1553—1560 гг.

Правительственную деятельность А.А. Зимин рассматривает в тесной взаимосвязи с классовой борьбой и с перипетиями столкновений внутри господствующего класса. При этом определяется связь изучаемых явлений с предшествовавшими. Такой подход к исследованию событий середины XVI в. позволяет обнаружить и их связь с политикой последующего времени, с опричниной.

Автор разносторонне исследует политический строй Российского государства в первой половине XVI в. Приводимый им фактический материал, в основном ставший известным лишь в советское время, и обобщение конкретных наблюдений современных историков еще раз показывают глубину характеристики государственного строя России XVI в. — "московского царства", — данной в свое время В.И. Лениным⁶. Книга А.А. Зиминой, где в изобилии приведены факты наличия значительных остатков феодальной раздробленности в России первой половины XVI в. и детально прослежена борьба центральной власти с этими пережитками, лишний раз убеждает в том, что процесс строительства централизованного государства ко времени правления Ивана Грозного отнюдь еще не завершился. Тем более непонятной кажется оценка А.А. Зиминой как "неверного" (С. 224) представления тех историков, которые полагают, что этот процесс захватил и XVI в. Не противоречит ли это замечанием всему содержанию его монографии? Неужели же в государственном строе России не произошло существенных изменений за период с конца XV в. (время "создания Российского централизованного государства" — С. 222, "период единого Российского государства" — С. 186) до второй половины XVII в. (время "складывавшего абсолютизма" — С. 299)? Процесс преодоления феодальной раздробленности и строительства централизованного государства весьма длителен, а образование основной территории такого государства — лишь начальный его этап. Для завершения этого процесса была необходима еще ликвидация удельных традиций и самостоятельности крупнейших феодалов, организация единого аппарата управления, создание войска, подчиненного прежде всего верховной власти, унификация налогов и повинностей и т.д.

А.А. Зимину принадлежит заслуга⁷ выяснения роли дворцового управления в процессе централизации государства. В книге отмечаются факты централизации власти внутри московского дворцового ведомства и сосредоточения управления новоприсоединенными территориями в областных дворцах. В целом управление в первой половине XVI в. строилось в основном по территориальному признаку и осуществлялось (наряду с Боярской думой и казной) дворцами. Дворец, по мнению автора, был своеобразным резервом кадров для важнейших учреждений централизованного аппарата власти и сыграл важную роль в формировании системы управления в опричнине^{1*}. Можно добавить, что дворец был, по-видимому, и местом своеобразных экспериментов центральной власти в области государственных преобразований, где первоначально производилась централизация управления в малом масштабе.

Весьма интересны и наблюдения А.А. Зимина о постепенном переходе княжат (владельцев значительных уделов на западных окраинах государства) из числа "слуг"-вассалов на положение великокняжеских бояр, терявших при этом остатки былой самостоятельности (С. 167). Сохранившиеся разрядные записи позволяют предполагать, что "слугами" в первой трети XVI в. первоначально было большее число крупных феодалов, чем считали до сих пор. Видимо, ими в 1520-е годы являлись и некоторые рюриковичи из восточных областей государства: Горбатые, Микулинский, возможно, И.Д. Пенков. Они писались в разрядах впереди некоторых бояр, но без боярского звания⁹. А в 1550-е годы "службой", помимо М.И. Воротынского, был и родственник Ивана IV И.Д. Бельский¹⁰. Он, подобно своим дядьям, в 1520—1530-е годы стоял выше бояр на местнической лестнице, хотя сделался боярином лишь в 1560 г.^{2*}

Детальное исследование политической истории России в 1530—1540-е годы, предпринятое в работах И.И. Смирнова и А.А. Зимина, убеждает в том, что боярские распри в малолетство Ивана IV ослабили не только центральную власть, но и самое боярство. Возможность солидарных действий боярства в целом была исключена; более того, отдельные бояре поддерживали мероприятия центральной власти и дворянства в их борьбе против

^{1*} В свете наблюдения А.А. Зимина о политической роли дворцов становится понятным, почему двое Воронцовых, приблизившись к государю, сделались дворецкими (С. 268), а впоследствии сыновья Ф.С. Воронцова оказались в опричнине⁸.

^{2*} Не исключено, что это послужило поводом к переговорам И. Бельского с польскими панами-радными.

привилегий боярства в целом. Не может не броситься в глаза, что именно княжата хотели предотвратить сепаратистские тенденции братьев Василия III; что Шуйские, активные сторонники сохранения княжеских привилегий, оказываются в союзе с митрополитом Макарием, который как убежденный иосифлянин не мог поддерживать эти удельные традиции; что выезжане Глинские находятся то в одной группировке с исконными московскими боярами Захарьиными, то во враждебной им группировке; что знатный рюрикович и богатый вотчинник князь И. Кубенский поддерживал то Шуйских, то Бельских, враждовал с Воронцовыми и, наконец, был казнен с Воронцовыми в один день, по общему "изменному делу". Подобная непоследовательность в действиях феодальной аристократии вообще характерна для данной стадии централизации государства.

Естественно, что А.А. Зимин подробно остановился на оценке деятельности наиболее крупных государственных деятелей конца 1540-х и 1550-х годов: митрополита Макария, Адашева и Сильвестра, — осветив также состав, время и характер деятельности Избранной рады. Макарий был, несомненно, дальновидным и незаурядным политиком. Выдвинутый первоначально Шуйскими, он постарался поставить себя как бы вне соперничавших княжеско-боярских группировок и, используя их борьбу, укрепить положение церкви в государстве. В то же время трудно не согласиться с А.А. Зиминим, что И.И. Смирнов в своих "очерках" дал идеализированную картину деятельности этого яркого представителя воинствующей церкви (С. 320). Данное мнение подтверждает, в частности, и недавно опубликованная старшая редакция "Писания" Макария Ивану IV¹¹ о "непоколебимости" земельных прав церкви: митрополит угрожает осуждением государю, который противится "нашему повелению" и не покоряется "святым правилам"^{3*}. Это позволяет сделать вывод, что Макарий энергично сопротивлялся централизаторским начинаниям еще в годы правления Глинских.

Хочется поддержать и точку зрения А.А. Зимина на события 1553 г., которые, как автор пишет, "не были ни боярским мятежом, ни заговором. Царственная книга сообщает лишь о толках в Боярской думе" (С. 414). Сейчас обнаруживается все больше данных в пользу именно такой постановки вопроса. Можно думать, что в основу приписки к Царственной книге о событиях 1553 г. легли записи, которые велись во время заседаний Боярской думы. О существовании подобных протоколов мы узнаем из ряда источ-

^{3*} На это послание еще прежде обратил внимание А.А. Зимин, считающий его автором новгородского архиепископа Феодосия¹².

ников: например, летопись сохранила данные об обсуждении в думе вопроса организации отпора татарам в 1541 г.¹³

А.А. Зимин приводит вполне убедительные доказательства и в пользу своего мнения об Избранной раде, показывая несостоятельность остроумной, но не подтверждаемой источниками попытки И.И. Смирнова пересмотреть установившееся мнение о времени образования и составе рады. Приведенные в книге факты дают А.А. Зимину основание утверждать, что "внутренняя политика Адашева и Сильвестра вполне соответствовала представлениям самого Ивана IV" в конце 1540-х, в 1550-е годы (С. 323). Примерно то же можно предполагать и о внешней политике тех лет. Разногласия Ивана IV с Сильвестром обнаружились, видимо, не ранее 1553 г., а А.Ф. Адашев вплоть до конца 1550-х годов оставался ближайшим помощником царя.

А.А. Зимин детально рассматривает важнейшие государственные преобразования 1540—1550-х годов. Убедительны суждения А.А. Зимина о середине XVI в. как о времени формирования приказной системы. Происхождение приказов требует еще, однако, дальнейшего выяснения, так как "до сих пор не может считаться решенным вопрос об отношении двorca к казне" (С. 186). Спорным представляется мнение А.А. Зимина о том, что территориальный принцип управления — это пережиток феодальной раздробленности (С. 330—331, 459—460). Приказы, созданные по территориальному признаку, являлись в XVI—XVII вв. органами централизации государства. В огромной стране, при неналаженной системе связи, при отсутствии законодательных решений по многим вопросам и без четкого разграничения функций правительственных учреждений, сосредоточение дел, касающихся одной из областей государства, в определенном центральном учреждении (или в части его — столе) отнюдь нельзя расценивать только как "пережиток феодальной раздробленности".

К лучшим страницам книги принадлежат те, где рассматривается реформа местного управления. А.А. Зимин установил четыре этапа проведения этой реформы, доказав, что она родилась из практики и проходила не одновременно и повсеместно, а на протяжении ряда лет и поуздно, и что в ходе ее осуществления первоначальный проект претерпевал изменения (С. 398). Оригинальны соображения автора о приговоре по отмене кормлений, известном из летописи; А.А. Зимин полагает, что это лишь публицистическое обобщение многочисленных мероприятий в данной области (С. 426—435). Мнение это кажется достаточно основательным; тем самым вводится в репертуар политической публицистики XVI в. еще один ценный памятник. Едва ли не

А.Ф. Адашев был его составителем. Останавливается А.А. Зимин и на истории Земских соборов середины XVI в., высказывая при этом ряд интересных, хотя и спорных положений (например, о датировке проекта реформ из сборника Еф. Туркова — С. 336—339)^{4*}.

С выходом последних работ по политической истории России XVI в. можно считать доказанным, что наибольшее значение в деле централизации государства в XVI в. имели не преобразования времени опричнины, как недавно еще полагали некоторые историки, а реформы времени правления Избранной рады. Представление о преимущественно прогрессивном характере опричной политики царизма в значительной мере возникло в результате пагубного воздействия на нашу науку культа личности.

Последовательно прослеживая правительственную деятельность Избранной рады, автор смог определить этапы ее. Переломным моментом он считает 1553 г. Некоторые данные в пользу такой периодизации уже приводились в литературе. Предпринятое А.А. Зиминим обстоятельное исследование политической истории России середины XVI в. еще более подтверждает это мнение. Значительно слабее исследован в книге вопрос о падении правительства Адашева. На последних ее страницах (С. 471—476), где бегло излагаются причины этого события, А.А. Зимин, к сожалению, повторяет некоторые распространенные в нашей литературе положения (об особой заинтересованности боярства в продвижении русских войск на восток и на юг, о возможном союзе с польско-литовским магнатством, о направлении Адашева в 1560 г. в Ливонию — как об опале), не находящие подтверждения при углубленном изучении источников. А точка зрения, будто поход Д.Ф. Адашева в Крым в 1559 г. окончился неудачей (С. 474), противоречит общепринятому мнению военных историков об успешности этого похода.

Комментируя обнаруженные В.И. Корецким документы о "мене" вотчинных земель Адашевых осенью 1560 г., А.А. Зимин рассматривает этот факт как один из предвестников опричных мероприятий (С. 476), стараясь выявить корни опричной политики в событиях предшествовавшего времени. На самом пороге опричнины, 15 января 1562 г., издается закон о княжеском землевладении (С. 476). Примерно к этому же времени относится ограничение срока действия Дворовой тетради и составление новой описи Царского архива, в котором были сосредоточены все важнейшие правительственные документы. Тогда же имели место

^{4*} Мнение рецензента по этому вопросу изложено в его специальной статье¹⁴.

первые казни родственников А.Ф. Адашева, попытка бегства в Литву князя И.Д. Бельского, составление целовальных и поручных записей на знатнейших вельмож. Все это, очевидно, тоже симптомы будущей политики опричнины.

Большое достоинство труда А.А. Зимина в том, что правительственные преобразования исследуются им в связи с классовой борьбой, ростом народного недовольства и с изменением форм его выражения. История классовой борьбы в книге не просто фон, на котором рассматриваются акты правительственной деятельности, и тем более не вставной сюжет, а органическая часть изложения.

В главе VI А.А. Зимин детально характеризует не только городские восстания конца 1540-х годов, которым уже уделялось много внимания в советской исторической литературе, но и волнения крестьян, стараясь определить связь между движениями народных масс в городе и деревне. Отдельные толкования приведенных отрывков из источников вызывают возражения, но это не меняет общую высокую оценку главы. Так, мысль о поддержке в июне 1547 г. "выступления московских горожан в какой-то мере и деревней" (С. 306) очень соблазнительна, и дальнейшие изыскания, можно верить, подтвердят ее правильность. Однако приведенный пример — грамота Ивана IV от 28 июня 1547 г.¹⁵ — не относится к теме. Волнения в Москве начались не ранее 21 июня и достигли своего апогея 26 июня. Грамота же датирована 28 июня, и в ней говорится о селах Троице-Сергиева монастыря не только в Московском, но и в Звенигородском уезде. Для того, чтобы волна недовольства докатилась до Звенигородского уезда и сведения об этом дошли до монастырских властей (в Москве или в Троице-Сергиеве), требовалось больше времени. Следовательно, упоминаемые в грамоте факты нарушения владельческих прав монастыря не могли быть откликом местного населения на московское восстание конца июня 1547 г. Думается, что и содержание грамоты (точнее, цитаты из нее) не дает основания рассматривать этот факт как пример волнений именно трудового населения "деревни". Ведь по грамоте "ходят... рощи сечь" не только "сельчане" монастыря, но и "дети боярские и городские люди".

А.А. Зимин, конечно, прав, видя в изучении классовой борьбы ключ к пониманию характера и хода правительственных преобразований середины XVI в. Однако иногда им не учитываются в должной мере и некоторые другие факторы. Так, "радикальные перемены в составе правительства" в условиях "нарастания классовой борьбы" после восстания 1547 г. автор объясняет исключительно необходимостью "подавить недовольство широких слоев крестьянства и посадских людей" (С. 315). А.А. Зимин с полным осно-

ванием акцентирует внимание именно на этой задаче правительства, но нельзя упускать из виду и вставшие перед правительством иные задачи: устранить недовольство различных групп класса феодалов (особенно дворянства) и завершить Казанскую войну.

А.А. Зимин не раз пишет об "обострении" и "подъеме" классовой борьбы на протяжении рассматриваемого им отрезка времени, в частности, о невиданном дотоле подъеме "классовой борьбы, вылившейся в городские восстания, а также в локальные выступления крестьян середины XVI в." (С. 224—225). Однако о степени этого обострения судить довольно трудно. Автор пишет далее об обострении "классовой борьбы как в деревне, так и в городе, особенно ярко проявившейся в московском восстании 1547 г." (С. 279), о нарастании "классовой борьбы после московского восстания и прихода к власти феодальной аристократии" (С. 315), о "новом подъеме классовой борьбы" в 1549—1552 гг. (С. 478), наконец, о дальнейшем обострении классовой борьбы, "которая в это время проявлялась в увеличении числа крестьянских побегов, в городских восстаниях, развитии реформационного движения и т.п." в последующие годы (С. 478). Однако о городских восстаниях в 1550-е годы пока ничего не известно. Собранные автором факты по истории "разбоев" (прежде всего обнаружение им такого ценного источника, как "Уставная книга Разбойного приказа" 1555—1556 гг.) хотя и позволяют с гораздо большей полнотой, чем ранее, изучить этот вопрос, но не дают еще оснований для столь ответственных выводов.

Большое место автор отводит реформационному движению как фактору классовой борьбы. Новейшие исследования подтверждают обоснованность такой постановки вопроса. Но не преувеличивает ли автор степень распространения реформационного движения среди трудящихся масс, а также степень его воздействия на политику Избранной рады по отношению к церкви? А.А. Зимин связывает с ростом реформационного движения "существенные коррективы в первоначальном правительственном плане", прекращение наступления на привилегии феодальной церкви на первом этапе деятельности Избранной рады (С. 460, 478). Думается, однако, что это "наступление" приостановилось не только в силу отмеченных обстоятельств, но и из-за внешнеполитической обстановки. Ведь это годы решительного этапа Казанской войны, когда объединились усилия представителей различных прослоек класса феодалов. Одним из лозунгов этой войны был церковный лозунг — борьба с "басурманством", а одной из целей — насильственное крещение жителей Среднего Поволжья и приобретение церковью новых земель.

Более того, можно полагать, что отсутствие в источниках упоминаний о массовых народных волнениях в 1550-е годы не случайно. Сравнительно с движением конца 1540-х годов имел место не подъем, а некоторый спад классовой борьбы, что и явилось одной из причин распада "правительства компромисса" тех лет. Примерно к 1553 г. не только была в основном завершена столь важная внешнеполитическая задача, как завоевание Казанского ханства, но и в какой-то мере притупился страх правящего класса перед опасностью массовых народных волнений. Начали уже чувствоваться положительные для господствующего класса первые результаты реформ Избранной рады. Это-то и дало возможность царю Ивану и его ближайшему окружению действеннее бороться со своевољством крупных феодалов, перейти в более решительное наступление на боярские права и привилегии. Классовая борьба продолжала оказывать влияние на правительственную деятельность, но не в том плане, как полагает А.А. Зимин.

Глубокое изучение правительственных преобразований середины XVI в. позволило А.А. Зимину поддержать распространенную в советской исторической литературе точку зрения на реформы как на компромиссные, проведенные в интересах господствующего класса в целом (С. 5), и выявить тем самым односторонность точки зрения (например, у И.И. Смирнова), подчеркивающей чисто дворянский характер этих мероприятий. В то же время А.А. Зимин показывает, что степень компромиссности была в разные годы различна. Особенно проявился компромиссный характер правительственной политики на первом этапе деятельности Избранной рады; в 1553—1560 гг. имел место переход к наступлению на боярскую аристократию, хотя еще на старой (компромиссной) основе (С. 476), что и привело к окончательному распаду правительства Адашева.

Книга А.А. Зими́на не оставляет читателя равнодушным: многое в ней хочется поддержать, кое-что оспорить. Она свидетельствует о неустанной работе пытливей, творческой мысли, наталкивает на размышления, подсказывает новые задачи в изучении истории России периода феодализма и в толковании исторических источников. Не приходится сомневаться, что новый ценный труд А.А. Зими́на заслужит признание научной общественности.

Дьячество в России середины XVI века*

Конец XV—XVI вв. — время оформления правительственного аппарата Российского централизованного государства, время оформления приказной бюрократии, важнейшим звеном которой было дьячество. Большой фактический материал о деятельности "государевых дьяков" был накоплен уже в работах (исследованиях и публикациях) дореволюционных ученых. Трудami советских исследователей эти данные дополнены многими фактами и ценными наблюдениями обобщающего характера. Однако в целом история дьячества в России до сих пор еще остается недостаточно изученной; не уяснены и особенности развития дьячества в отдельные периоды XVI в. В обобщающих исследованиях по политической истории России XVI в. большое внимание уделяется дворянской военной бюрократии, а приказная бюрократия зачастую даже не выделяется из дворянской массы, поддерживавшей борьбу центральной власти с феодальной аристократией.

Задача статьи — выяснение вопроса о служебном и социальном положении дьячества, о его происхождении, о месте дьячества в системе феодальной иерархии, а также постановка некоторых других вопросов, касающихся истории дьячества XVI в. Хронологические рамки настоящей работы ограничиваются главным образом фактами из истории третьей четверти XVI в. В эти годы окончательно сложилась приказная система управления, были проведены важнейшие правительственные реформы, оформилась идеология "самодержавства".

В середине XVI в. не только дьяки, но и все те лица, основная деятельность которых была связана с "приказной", "дьяческой" службой в центральных правительственных учреждениях (приказах и дворцах) и в местных учреждениях (дьячих избах) городов, именовались уже "приказными людьми"^{1*}. Приказными людьми были и так называемые "судьи" правительственных учреждений (в том числе бояре, окольные, дворецкие, казначеи), и более низкие

* Впервые опубл. (под заголовком "О дьячестве в России середины XVI в.") в кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 181—190.

^{1*} Можно полагать, что приказными людьми считались и городовые приказчики — "городничие в приказе"¹.

категории представителей правительственной администрации (подьячие, недельщики и т.д.). Для подавляющего большинства дьяков и подьячих приказная служба являлась основной профессией; именно они составляли костяк приказной бюрократии.

Термин "приказные люди" в широком смысле включал в себя и дьячество, поэтому собственно дьяков иногда бывает трудно выделить из среды остальных приказных людей, тем более, что терминология в XVI в. была еще недостаточно устойчивой. В летописях встречаем такую обобщающую характеристику: "царские чиноначальники, приказные люди"². В грамоте, посланной Иваном IV в Москву накануне учреждения опричнины, "писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей"³. В описании первых дней опричнины отмечено, что Иван IV отпустил пришедших в Александрову слободу "бояр и приказных людей, да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю", т.е., очевидно, речь идет о думных людях — членах боярской думы и о "приказных людях" в широком смысле слова. Но далее читаем: "а конюшему, и дворецкому, и казначею, и дьяком, и всем приказным людям велел быти по своим приказом и управу чинити по стране"⁴. Здесь дьяки уже выделены. В приговоре Земского собора 1566 г. "диаки и приказные люди" составили особую группу участников собора; однако все перечисленные в этой группе лица по другим современным документам известны как дьяки. В посольских книгах приказными людьми иногда называли даже думных дьяков^{2*}. В то же время в заголовке Дворовой тетради упомянуты и "дьяки", и "приказные люди", при этом дьяки ("большие" и "дворцовые") составили особую группу.

В первой половине XVI в. служебное положение дьячества заметно укрепилось. В XVI в. приказы (например, четверти) назывались по именам дьяков. В приказах и в дьячих избах дела различались по скрепам дьяков, и ящики в описях архивных дел получали наименование по прозвищу дьяка. Иностранные наблюдатели (Барберини, Штаден, Флетчер) единодушно отмечают важную роль в политической жизни страны "канцелярий", т.е. "изб", а позже приказов. Именно в них, писал Барберини, "держится суд и расправа по гражданской части всего края"⁶. Штаден называет руководителей приказов "боярами высокого чина". Однако, перечисляя руководителей приказов, он упоминает лишь двух бояр, остальные были дьяками⁷.

Усилилось значение дьяков и на местах, в областном управлении. Наместники менялись там сравнительно часто, дьяки же

^{2*} Например, при описании приема послов польского короля в 1570 г. приказные люди названы прежде думных дворян⁵.

довольно прочно занимали свои должности, были в курсе всех административных дел и фактически являлись основными исполнителями правительственных распоряжений. Характеризуя деятельность новгородского дьяка 30-х годов XVI в. Я.В. Шишкина и отмечая его "честность", Зиновий Отенский писал: "... а до тебя дела не делают у вас в полате никоторова"⁹. Понятно поэтому, что в новгородской летописи при описании значительных событий наряду с именами архиепископа и наместников упоминались и имена дьяков¹⁰.

Широко известны негодующие замечания А.М. Курбского и Т. Тетерина о приближении Иваном Грозным худородных дьяков и противопоставления их боярской аристократии¹¹. Очевидно, возвышение дьяков казалось эмигрантам — противникам политики Ивана IV — особенно значительным и достаточно новым явлением политической жизни России. Иногда полагают, что Курбский и Тетерин характеризовали историческую роль современного им дьячества в целом. Думается, что для такого расширенного толкования нет достаточных поводов. Курбский имел в виду прежде всего думных дьяков — дьяков Посольского и Разрядного приказов — и их неудачные, по его мнению, планы борьбы с крымским ханом, о чем эти "мудрые писари... во все украины написали, проповедающе"¹². Именно думные дьяки по положению и кругу обязанностей близко напоминали "писарей" Господарской рады Великого княжества Литовского¹³. А склонность Курбского к полонизмам при характеристике явлений русской жизни, особенно государственных учреждений, отмечена многими исследователями. Конкретизировать можно и замечание Тетерина; оно относится, вероятнее всего, к кормленным дьякам — "дьяки, которые его (Ивана IV. — С.Ш.) половиною кормят, а большую себе емлют", — приобретшим значительное влияние как раз накануне отъезда Тетерина в Литву. Кормленным дьяком, был, кстати, и И.М. Висковатый, игравший видную роль в отношениях Российского государства с ханствами. Таким образом, и знатный боярин князь А.М. Курбский, и неродовитый Т. Тетерин отмечали прежде всего особое возвышение дьяческой верхушки.

Это явление стало заметно еще на рубеже XV и XVI в. Дед и особенно отец Ивана IV склонны были совещаться с избранными советниками, в том числе с дьяками, "запершися сам-третей у постели". С ними обсуждался даже такой деликатный вопрос, как завещание Василия III и состав регентского совета при малолетнем сыне Иване. В "несовершенные лета" Ивана IV отдельные дьяки осмеливались выступать против вельмож. Бывший "у государя в приближении" дьяк В.Г. Захаров-Гнильевский в официальной

летописи назван виновником гибели группы бояр летом 1546 г.¹⁴ К дьяку Ф. Мишурину послали известие о мятеже князя А.И. Старицкого¹⁵. По словам Ивана IV, это был "отца нашего да и наш дьяк ближний"¹⁶, и позже его "бояре казнили... без великого князя ведома, не любя того, что стоял за великого князя дела"¹⁷. О большом значении дьяческой верхушки можно судить по списку лиц, которым в 1548 г. новгородский архиепископ посылал пасхальные подарки. В список, состоящий из 52 человек, попали наиболее важные и влиятельные лица в государстве (в том числе сам царь, царица, митрополит) и среди них 13 дьяков (т.е. четверть)¹⁸. Один из этих дьяков, Постник Губин, оставил любопытные мемуары, облеченные в форму летописных записей. Опубликовавший их акад. М.Н. Тихомиров отмечает, что "осведомленность автора в дворцовых делах чрезвычайная, можно сказать, исключительная"¹⁹.

Еще более заметным стало политическое влияние думных дьяков, так же, как и думных дворян, с середины XVI в. Некоторые из дьяков входили в состав ближней думы царя, выступали поручителями по знатнейшим вельможам, участвовали в составлении таких кровно касающихся дворянства документов, как разрядные книги и Государев родословец, даже разбирали местнические дела. И.М. Висковатого, думного дьяка и позже печатника, Иван IV называл "ближним и верным думцом"²⁰. Он приводил бояр к присяге во время болезни царя в 1553 г. и хранил его тайный архив. К концу правления Ивана IV огромным стало влияние Щелкаловых. Перевод в думные дьяки считался в те годы знаком особого доверия государя: сын думного дьяка Я.Ф. Демьянов в местнической челобитной писал о своем отце, что царь его "изволили... из службы из дворян взяти к тайным делам во дьячество"²¹. Иностранные наблюдатели специально отмечали значение деятельности думных дьяков и именно их влиянию приписывали свои достижения и неудачи при московском дворе.

Такие опытные правительственные дельцы, умело пользовавшиеся расположением к себе царя, противостояли вельможам, отодвигая боярскую аристократию от реальной власти. Все чаще на бояр обрушивалось "великое страшное царское наказание... отлучение царских очей и всякого ближнего совета" (слова Сильвестра)²². Не зря горько сетовал боярин князь С. Ростовский: "Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит"²³. Таких "молодых людей" старались использовать и бояре-временщики в борьбе за власть. Вряд ли случайно, что Шуйские в 1542 г. послали на Белоозеро князя И. Бельского "убити в тюрьме Петрока Ярцова, да Митьку

Иванова сына Клобукова, да Ивашка Елизарова сына Сергеева". Клобуков и Елизаров были из дьяческих родов²⁴.

Сведения Курбского и Тетерина об очень большой роли выдвинувшейся к середине XVI в. дьяческой верхушки подтверждаются разнообразными источниками. Но Курбский неправильно представлял себе соотношение фактов, связанных с историей дьячества. В те годы заслуги по приказной службе не признавались общественным мнением феодалов достаточно "честными", т.е. достойными особого уважения, и в выдвижении дьяков видели проявление обычного фаворитизма, прихоти государя. В середине XVI в. на смену приказам-поручениям отдельным приближенным лицам приходят постепенно приказы-учреждения с определенными функциями и составом правительственных дельцов. Однако личный "приказ" (т.е. распоряжение) государя еще имел большую силу и распространение в деловой практике. Причины выдвижения дьяков идеологи боярства искали не в изменениях аппарата государственного управления, соответствующих потребностям централизованного государства, а в умении дьяков расположить к себе государя, в личной ненависти Ивана IV к боярской аристократии. Изменение системы делопроизводства, передача части дел, ранее решавшихся "со всех бояр приговору", в приказы дьякам и даже подьячим объяснялись происками самих дьяков, рассматривались как результат их злонамеренной противобоярской политики. Поэтому выдвинувшимся дьякам, опыт и знания которых были необходимы при усложнившемся делопроизводстве, подчас приписывали даже большее влияние на государя, чем они имели на самом деле. Словом, следствие и причина в представлении Курбского поменялись местами.

Дьяки и освобождали знать от необходимой сложной работы в области государственного делопроизводства, и в то же время на практике отстраняли ее от этой работы. Поэтому боярство и нуждалось в этих специалистах, и ненавидело их. Без помощи таких дельцов нового типа знатные люди не могли сохранять за собой важнейшие государственные должности, но одновременно деятельность дьяков все более обнаруживала ненадобность боярства для каждодневной работы аппарата государственного управления, ненужность и дороговизну этого, казавшегося обязательным, аристократического украшения. Русская вельможная знать презирала дьячество, подобно французским аристократам, презиравшим "дворян пера и чернил", и, так же, как высокопоставленные французские аристократы, русские бояре по существу трепетали перед этими "новыми верниками" государя. В представлении консерваторов-эмигрантов дьяки не только "землей владели", но и

"торговали головами" бояр (слова Тетерина). Именно дьякам "зело верил" Иван IV и творил это, как полагал Курбский, "ненавидячи вельмож своих".

Особенно рельефно обнаруживается изменение служебного положения дьячества при сравнении Судебников 1497 и 1550 гг. Дьяки к середине XVI в. стали более полноправными участниками коллегиального суда. По статье 1 Судебника 1497 г.: "Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком...", по статье 1 Судебника 1550 г.: "Суд царя и великаго князя судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком". Список судей, упомянутых в статьях 2, 3, 8—10 Судебника 1550 г., уже согласован со списком судей статьи 1. И в грамоте Ивана IV, составленной накануне опричнины, высшее духовенство обвинялось в сообщничестве "с бояры и с дворяны, а также и с дьяки и со всеми приказными людьми"²⁵ (курсив мой. — С.Ш.).

Положение приказных людей на иерархической лестнице и соотношение их с лицами, занятыми военной и придворной службой, не всегда можно определить с желанной степенью четкости. В Дворовой тетради упомянуты в заголовке и "дьяки", и "приказные люди", при этом дьяки "большие" и "дворцовые" перечислены прежде "князей и детей боярских дворовых". В приговоре Земского собора 1566 г. шесть думных дьяков помещены в одну группу с боярами и окольничими, остальные "диаки и приказные люди" составили особую группу участников собора, и мнение их записано после мнения дворян и детей боярских первой и "другие" статей, а также торопецких и луцких помещиков, но прежде мнения "гостей, и купцов, и смолян".

Некоторая нечеткость положения дьяков на иерархической лестнице заметна, так сказать, и по экономической линии. В статье 26 Судебника 1550 г. о бесчестье "против доходу" денежное наказание за бесчестье дьяков зависело от усмотрения государя: "а дьяком полатным и дворцовым бесчестие, что царь и великий князь укажет". Дьяков, очевидно, всякий раз приравнивали к какой-то другой прослойке служилых людей; и положение дьяков не было еще точно определено, так как жалованье и земельные владения их были различными и зависели от многих обстоятельств и едва ли не в первую очередь от расположения государя. Отсюда и произвол государя по отношению к дьякам, и произвол дьяков-фаворитов по отношению к остальным служилым людям.

Современники, однако, достаточно ясно распознавали соотношение дьяческих и иных должностей, а также отличие степеней

дьяческой службы. Сохранилось немало свидетельств о местных спорах дьяков между собой и с другими должностными лицами²⁶.

По своему социальному положению высшие приказные люди — не только дьяки, но и часть подьячих — принадлежали к дворянству.

В большинстве дьяческих родов дьяческая служба и службы служилого дворянства — в войске и при дворе — шли параллельно. Братья и сыновья многих дьяков были и всю жизнь оставались детьми боярскими²⁷. В Тысячной книге и в Дворцовой тетради упомянуто немало представителей известных дьяческих фамилий (Моклоковы, Клобуковы, Захаровы-Гнильевские, Щелкаловы и др.).

"Приказные люди", названные в заголовке Дворовой тетради, в тексте, в отличие от дьяков, не выделены в особую группу. В то же время отсутствуют возле имен детей боярских и пометы о приказной службе. Очевидно, звание сына боярского предусматривало возможность и приказной службы, поэтому она особо не оговаривалась. Это свидетельствует о теснейшей связи военной и приказной бюрократии, об исполнении отдельными лицами — и даже, возможно, одновременно — обязанностей придворных, военных и приказных.

Принадлежность приказных людей (во всяком случае, дьяков и некоторых подьячих) к феодалам-землевладельцам подкрепляется сведениями многих источников, в том числе и законодательных^{3*}. В годы интенсивной борьбы с вотчинным землевладением княжат и бояр некоторые дьяки скупали или захватывали вотчины, иногда затем перепродавая их. С именем Мясоеда Вислого связывается целая эпопея скупки имений у вотчинников, пострадавших от опричнины. Скупали вотчины и другие дьяки. Видимо, именно это обстоятельство отражено в генеалогической легенде о Сукиных, которые, мол, "за многие доводы и клеветы... испомещены из тех боярских поместий и вотчин, на которых доводили"²⁹.

Вопрос о происхождении дьяков в XVI в., в частности, дьяческой верхушки, не вполне ясен. Курбский утверждал, что Иван IV избирал этих дьяков "от поповичов или от простого всенародства". Н.П. Лихачев решительно оспаривал это мнение и, отмечая "неродословность" дьяков сравнительно с "коренными думцами" — боярами, полагал в то же время, что дьяки происходили главным образом из служилых дворян, а некоторые даже из

^{3*} Например, приговор о губных делах 1556 г., статьи 10, 11²⁸. Характерно, что и в этом законодательном памятнике "приказные люди" упоминаются прежде "дворян" и "детей боярских".

второстепенных бояр удельных княжеств³⁰. Мнение Курбского о происхождении представителей дьяческой верхушки подтверждается, однако, и другими современными источниками. О низком происхождении дьяков — "новых верников" царя — писал Тетерин боярину М.Я. Морозову ("которых отцы вашим отцам в холопство не пригожались"). Еще яснее эта мысль выражена в местнической челобитной М.И. Татищева 1598 г. Вспоминая времена службы своего отца — думного дворянина и казначея, когда он "мешался з большими дворяны и з боярскими детми", Татищев отмечает: "а дьяки и дьячьи дети на нас... глядеть не смели, знали *свою братью поповых детей* (курсив мой. — С.Ш.)... А Андрей да Василий Щелкаловы менши бывали и сеживали с нами в менших товарищах з дьяками Ивана Клобукова, Андрея Васильева сына Попова и иных многих дьяков... А Васильев (т.е. В.Я. Щелкалова. — С.Ш.) отец был подьячий, сидел в Розбойном приказе, а прадед его был барышник на конской площадке и дед с молода да под старость был православной поп"³¹. Челобитная эта замечательна и тем, что показывает живучесть еще в конце XVI в. презрительного отношения придворной и военной бюрократии к приказной, и тем, что позволяет установить поповское происхождение виднейших думных дьяков Андрея Васильева и Щелкаловых^{4*}. С.Б. Веселовский полагал, что из "низших слоев населения" вышел и И.М. Висковатый³³. Нет сомнения в поповском происхождении большого дьяка 50—60-х годов XVI в. Анфима Селивестрова, сына священника Сильвестра³⁴.

Дьяки были связаны и с торговыми людьми. Есть основания предполагать родство таможенных дьяков рубежа XV и XVI в. с видными купеческими фамилиями³⁵. Анфим Селивестров, так же, как и его отец, вел торговлю, и в торговых делах ему "верили и zde и иноземцы"³⁶, у Анфима, ведавшего сбором таможенных пошлин, были совместные торговые операции с казначеем Х. Тютиным. Конским барышником был дед дьяка Щелкалова (отца знаменитых думных дьяков). К крупнейшей купеческой фамилии принадлежал новгородский дьяк середины XVI в. Ф.Д. Сырков, а брат его Алексей был "старостой большим" в Новгороде³⁷. Этот пример свидетельствует о возможных родственных связях назначенных в Москве правительственных администраторов и выборных должностных лиц местного самоуправления.

Установить точно родословие многих дьяческих фамилий вряд

^{4*} На основании челобитной можно подозревать и поповское происхождение Клобуковых, служивших дьяками с начала XVI в. А Клобуковы были в родстве с Топорковыми, из семьи которых вышел ненавистный Курбскому "прелукавый" носифлянин Вассиан³².

ли возможно. Фамилии недворянского происхождения, если их представители продолжали службу, сливались с дворянскими, и в родословных росписях XVII в. старались доказать "честность" рода. Тем не менее, предположение о рекрутировании дьяков не только из среды служилых людей-землевладельцев, но и из среды духовенства и торговых людей³⁸ находит новые обоснования. Более того, к середине XVI в. в связи с расширением правительственного аппарата и возросшей потребностью в кадрах приказных людей число "худородных" дьяков и подьячих увеличилось. Быть может, этим-то в известной степени и объясняется горечь замечаний Тетерина — представителя потомственной дьяческой аристократии, издавна тесно связанной со служилым дворянством и отодвинутой новыми "малопородными" людьми.

Однако к середине XVI в. наблюдается быстрая "феодализация" этой, недворянской по происхождению, части дьячества. Имена "худородных" дьяков и даже подьячих оказываются среди имен землевладельцев — детей боярских. Более того, происходит аноблирование верхушки дьячества. Сыновья дьяков и даже сами дьяки могли стать думными дворянами: думный дворянин и постельничий 50-х годов XVI в. И.М. Вешняков был сыном псковского дьяка³⁹, думный дворянин начала XVII в. В.Б. Сукин — сын дьяка и печатника и сам в 1579 г. был дьяком⁴⁰.

Наиболее видные дьяки сумели породниться с вельможной знатью ("богатели паче меры и учили племянитца со многими честными роды", как написано в генеалогическом пасквиле XVII в. о роде Сукиных)⁴¹. Родственные связи дьяка и печатника Б.И. Сукина в 1542—1573 гг. действительно примечательны. Брат его Федор был казначеем, дослужился до боярства, а дочь свою выдал замуж за родственника царицы боярина И.П. Захарьина-Яковля⁴². Дочь Б.И. Сукина стала княгиней Приемковой-Ростовской⁴³. За сына Б.И. Сукина Василия якобы "взяли неволею" дочь Е.М. Пушкина, другая дочь которого была женой князя А.Д. Хилкова. В то же время Сукины были в родстве с "прелукавым мнихом" Мисаилом Сукиным, любимцем Василия III, а позже обвинителем на процессе Сильвестра и Адашева^{5*}. Сестра Сукиных, можно полагать, была женой дьяка А.Я. Щелкалова⁴⁴. Сукины оказались связанными родством со старинным московским боярством и с княжатами, а также с влиятельными дьяками и духовными лицами. За князей вышли замуж и дочери дьяков И.Е. Цыплятева, П.Ф. Далматова; не исключено, что дьяк Б.А. Щекин был зятем княгини Хворостининой⁴⁵. Особенно блис-

^{5*} Интересно отметить, что и второй главный обвинитель на этом процессе — Вассиан Топорков — также был связан с дьяческой фамилией (Клобуковых).

тательными оказались родственные связи Щелкаловых. Дочь "великого дьяка" А.Я. Щелкалова стала женой князя В.Г. Долгорукого, брат которого был женат на княжне П.П. Буйносовой-Ростовской, сестре жены князя В.И. Шуйского⁴⁶. Таким образом, отдельные дьяческие фамилии, даже "худородные", постепенно сближались с родовитой боярской аристократией. Наблюдение это, однако, относится лишь к наиболее влиятельным "великим" дьякам.

Обычными же считались, вероятно, брак между лицами дьяческих фамилий. К середине XVI в. уже выделились такие фамилии, представители которых были дьяками в двух-трех поколениях. Молодые люди из этих семей, как правило, начинали службу подьячими под руководством родственников или свойственников. Родственники были иногда "судьями" даже в одном приказе. Так, в Каргопольской чети в 60-х годах XVI в. дьяками были Федор Рылов и женатый на его дочери Дружина Володимеров. П.А. Садиков отмечает это как "бытовой штрих, характерный для московской приказной среды"⁴⁷. Продвижение родственников по служебной лестнице — типичное явление. Об этом зло написано в генеалогическом пасквиле, где возвышение Сукиных объясняется тем, что они свою сестру Ульяну "подвели на постелю к дьяку к Ондрею Щелкалову, и по той причине учали их выносить в люди Андрей и Василий Щелкаловы", "помогали ему (Сукину) Щелкаловы по Улке"⁴⁸ (на самом деле Сукины возвысились прежде Щелкаловых).

Представление о близости всех категорий правительственных деятелей — боярина, окольничего, дворецкого, казначея, дьяка и даже подьячего — отражено в содержании и в заглавии статей 6, 8, 9, 33 Судебника 1550 г. Это правительственные чиновники, охраняемые законом. В то же время зафиксирована и известная зависимость дьяков от бояр и подьячих — от дьяков; дьяк не вправе "нарядить" список, внести изменение в запись дела "без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома" (ст. 4), а подьячий не вправе писать "не по суду" без дьячего приказу (ст. 5). Иерархическая система взаимоотношений правительственных дельцов заметна и по шкале процентов, взимаемых в пользу судей при решении дел (боярин, дворецкий и казначей получали одинаково, дьяк — меньше, подьячий — еще меньше), и по шкале наказаний.

Многозначительно замечание Штадена, достаточно детально описавшего деятельность приказов и их начальников: "Все эти князья, великие бояре-правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья

одной цепи". Штаден объединяет всех правительственных чиновников — и знатных бояр, и рядовых исполнителей — в одну правящую группу, подчеркивая тем самым близость дьячества и с родовитой знатью, наделенной придворными чинами, и с подьяческой и мелкочиновной массой (по Штадену, в каждом приказе было от 20 до 50 подьячих)⁴⁹. Наблюдение Штадена позволяет предполагать тесную связь дьяков и подьячих между собой, закреплявшуюся еще благодаря распространенной практике совместительства в работе дьяков. Особое внимание стоит обратить на связь приказных людей с лицами, исполнявшими полицейские функции (это отмечают и Штаден, и Флетчер).

Приказная бюрократия принадлежала к правящей верхушке и противостояла вместе с классом феодалов остальному населению страны. Вместе с тем внутри господствующего класса дьячество составляло особую группу, отличавшуюся и по роду своей деятельности, и зачастую по происхождению от остального дворянства. Дьячество XVI в. во многом напоминало французское "дворянство мантии", но было первоначально менее многочисленным и в большей степени связанным с основной массой дворянства, которое можно было бы по аналогии сравнивать с "дворянством шпаги". С детьми боярскими у дьячества было много общего, дьяки по существу приравнивались к ним на иерархической феодальной лестнице, а по реальному служебному и материальному положению нередко стояли и выше. Вельможному же боярству дьячество явно противостояло, отодвигая его от власти.

В условиях режима "средневековой регламентации"⁵⁰ (К. Маркс) бюрократическая иерархия возникает как часть феодальной иерархии и как бы сосуществует с этой иерархией. Дьяки одновременно занимают определенное положение и в иерархии феодалов — служилых людей (т.е. военной и придворной бюрократии), и в иерархии приказных людей (приказной бюрократии). Прослойка приказных людей делилась на группы: привилегированное высшее дьячество — думные "великие" дьяки, затем "большие" дьяки (избные, или палатные, и дворцовые дьяки), дьяки областных центров, множество подьячих и других более мелких исполнителей. Иерархия приказных людей — это иерархия канцелярского знания.

Именно дьякам принадлежала основная роль в оформлении бюрократического делопроизводства централизованного государства, в выработке формуляров приказной документации и норм дипломатической практики. В Судебнике 1550 г. появились, сравнительно с прежним Судебником, новые статьи, специально посвященные порядку составления и хранения документов в Москве и в

других городах (особенно много подробностей в ст. 28 и 62). Очень значителен, хотя до сих пор еще полностью не учтен, вклад дьяков в развитие деловой письменности Московской Руси и вообще в развитие русского национального языка. М.Н. Тихомиров, исследуя записки дьяка П. Губина, отмечает, что автор их "пишет типичным деловым языком XVI в., столь характерным для посольских документов этого времени. Говоря о военных действиях, он употребляет обычную терминологию разрядных документов"⁵¹.

Дьяки не оставались и за пределами движения общественной мысли, распространившегося на Руси в конце XV — первой половине XVI в. Этому в известной мере способствовала близость дьячества с посадскими людьми и особенно с городским духовенством, так как образованность в средние века, как известно, была привилегией прежде всего духовного сословия. Виднейшими еретиками начала XVI в. были дьяки Курицыны — один из них, высокообразованный приближенный дьяк Ивана III, погиб в пламени костра. В первой половине XVI в. богословствующим дьякам адресовали свои послания церковные писатели: псковскому дьяку М. Мунехину — Филофей, новгородскому дьяку Я.В. Шишкину — Зиновий Отенский. Причем Шишкин, как выясняется, отличался относительной широтой общественного мышления и понимал закон не формально, а соответственно с духом его⁵². В середине XVI в. И.М. Висковатый "громогласно" осуждал новое направление в церковной живописи, и церковный собор специально рассматривал его взгляды. Особенно велика роль дьяков в оформлении официальной идеологии российского "самодержавства", законов крепостнического государства. Думные дворяне и думные дьяки идеологически обосновывали важнейшие законодательные акты и внешнеполитические решения.

В XVI в. приказная служба была преимущественно уделом дьячества, бояре редко возглавляли приказы. И дьяки — "ближние думцы" — воспринимались феодальным общественным мнением как фавориты, "временники", вознесенные прихотью государя к вершине власти. В XVII в. во главе важнейших правительственных учреждений все чаще становятся члены Боярской думы, и приказная служба постепенно делается "честной" службой, достойной даже знатного человека, но лишь петровская Табель о рангах утвердила равную значимость приказной и военной служб.

Восточная политика России накануне "Казанского взятия"*

Включение Среднего и Нижнего Поволжья в Российское государство, особенно падение Казанского ханства — важнейшие события, изменившие политическую карту Восточной Европы середины XVI в., определившие новое соотношение сил государств Европы и Азии. События эти обусловили активизацию политики России в Прибалтике и на Юге и обеспечили возможность колониальной политики царизма на Востоке.

Казанские войны длились семь лет и завершились взятием Казани и ликвидацией Казанского ханства в 1552 г. Астраханское ханство окончательно перестало существовать в 1556 г. В Казанских войнах интересы феодальной агрессии сближались с потребностями народной обороны. Поэтому-то память об этих событиях запечатлелась не только в источниках, отражавших правительственную идеологию, но и в произведениях народного творчества, зачастую антифеодальных по своей социальной направленности. Этот внешнеполитический успех Российского государства произвел ошеломляющее впечатление на современников. В покорении Казани видели завершение многолетней борьбы с татарскими набегами. В сознание прочно вошло представление о том, что отныне роли переменялись: многолетние властители России сами оказались под властью государя всея Руси. Победителя Казани сравнивали с Александром Невским и Дмитрием Донским. Составленный в середине 1550-х годов официальный "Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича" представляет собой панегирик Ивану IV и Казанской победе. С событиями, связанными с возникновением Казанского ханства и его падением, знакомила читателей замечательная историческая повесть "Казанская история" ("История о Казанском ханстве", "Казанский летописец"), созданная в середине XVI в., широко распространенная среди людей различного круга в XVII и даже XVIII вв.

Взятие Казани было излюбленной темой придворных песен. Иван IV, по преданию, когда хотел повеселиться, "пел песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани"¹. Это событие

* Впервые опубликовано в кн.: Международные отношения: Политика. Дипломатия, XVI—XX вв.: Сб. к 80-летию акад. И.П. Майского. М., 1964. С. 538—558.

запечатлено в разнообразных народных исторических песнях. Во многих песнях обнаруживается ясная идея: Иван IV только с завоеванием "Казанского царства" стал царем^{1*}: "в то время князь воцарился", "снял с царя (казанского. — С.Ш.) порфиру царскую, привез порфиру к каменной Москве; эту порфиру на себя наложил, после этого стал грозный царь!" В сказке о Барме известный русской публицистике мотив добывания царских регалий из опустошенного Вавилона соединился с народными преданиями о значении Казанского взятия³. В официальных кругах Казанскую победу старались использовать для возвеличения самодержавия. В народном же сознании сложилось представление о подвиге рядовых воинов и умельцев, взорвавших стены неприступной казанской крепости. Не случайно в народных песнях о взятии Казани героями военных действий оказываются (вопреки исторической хронологии) любимый былинный герой крестьянский сын Илья Муромец и вождь грандиозной крестьянской войны следующего XVII столетия Степан Разин.

В XVII в. борьба с Казанским ханством представлялась особенно значительной страницей отечественной истории, а покорение Казанского ханства — главной исторической заслугой Грозного. Это представление сохранилось и в XVIII в. Великий Ломоносов^{2*} охарактеризовал Ивана Грозного — "Смиритель стран казанских" ("Ода на взятие Хотина" — 1739 г.).

Покорение Россией татарских ханств возбудило тревогу и надежды у европейских правительственных деятелей и публицистов. Они постарались установить взаимосвязь этих событий и победоносного для России начала Ливонской войны. Ревельский проповедник и учитель Руссов отмечал впоследствии в "Ливонской хронике" (вышедшей первым изданием в 1578 г.): "Когда же великий князь московский покорил все княжества в России и оба упомянутые царства (Казанское и Астраханское. — С.Ш.), то с ним не мог уже справиться не только ливонский магистр, но и король (польский)"⁵. Известный международный обозреватель

^{1*} Такое представление о начале "Российского царства", видимо, прочно утвердилось. Голландец Исаак Масса (первая четверть XVII в.) полагал, что именно с покорением Казанского ханства Иван IV присвоил "себе звание царя и великого князя, тогда как прежде (до взятия Казани) его звали просто великим князем"².

^{2*} В замечаниях на первый том "Истории Российской Империи при Петре Великом" Вольтера М.В. Ломоносов писал: "Россию от татарского владения освободил не царь Иван Васильевич, но дед его, великий князь того же имени, а царь Иван Васильевич взял самих татар под иго. В сем случае важно упомянуть...что иное есть самому от порабощения освободиться, а иное прежних своих владетелей привести в порабощение"⁴.

Юбер Ланге^{3*} в августе 1558 г. писал из Виттенберга в Женеву Кальвину, что "воинственность Ивана IV еще усилилась благодаря ряду удачных войн с татарами, которых он, говорят, побил до 300 или 400 тысяч"⁷.

Казанское ханство было в середине XVI в. фокусом, в котором сосредоточились все враждебные России силы мусульманских юртов (казанские ханы признали зависимость от турецкого султана, ханский престол занимал представитель крымской династии Гиреев, тесной была взаимосвязь и с ногайскими владетелями), и Казанскому ханству отводилась главная роль в их совместных действиях, направленных против Российского государства⁸.

Борьба с татарскими ханствами оказалась замечательной школой для московских дипломатов: достигнутые результаты заставили по-новому осмыслить нормы дипломатической практики, характер взаимоотношений с другими государствами, выработать новые критерии для оценки международного значения этих государств и сравнительного положения Российского государства в ряду других держав. Это отчетливо уловила оппозиционная Москве и ее централизаторской политике псковская летопись. Иван IV, отметил летописец, "взял Казаньское царство и Астраханское, и вознесся гордостью и начат братиться и дружбы иметь с дальними цари и короли"⁹. Победоносное завершение Казанской войны было сразу же использовано московским правительством в дипломатической борьбе за признание иностранными государями Ивана IV "царем".

Все это, казалось бы, предопределяет особый интерес исследователей к истории русско-казанских отношений в середине XVI в. Между тем, вопрос этот остается до сих пор монографически не изученным. Специальное внимание уделяли лишь истории военных действий; характеристику же внешнеполитического аспекта проблемы можно встретить преимущественно в работах общего характера по истории России, по истории Поволжья и татарских "царств"¹⁰. Отсутствие исследований подобной тематики привело к тому, что самостоятельное значение восточной политики Российского государства в середине XVI в. преуменьшалось, а Казанская война 1545—1552 гг. зачастую рассматривалась лишь как прелюдия к главной, мол, войне царствования Ивана Грозного — Ливонской войне.

Недостаточное внимание исследователей к восточной политике Российского государства середины XVI в. имеет свои причины.

^{3*} Жан Боден в работе 1566 г. "Метод легкого изучения истории" требует изучения истории "москвитов, которые победоносно продвинулись от Волги и Дона до Днепра и недавно завоевали Ливонию"⁶.

Прежде всего это объясняется состоянием источниковой базы. Архивы Казанского ханства погибли во время Казанского взятия. Не уцелел архив астраханских ханов. Не сохранились и русско-казанские, и русско-астраханские посольские дела, находившиеся в XVI — начале XVII в. в Москве (в Царском архиве, а позже в архиве Посольского приказа)¹¹.

Историю русско-казанских отношений приходится восстанавливать по летописям, современным ногайским делам (т.е. документам посольских сношений Российского государства с ногайскими ордами), уцелевшим далеко не полностью, памятникам нарративного характера (на русском и восточных языках), случайным упоминаниям в источниках (отечественных и зарубежных), имеющих лишь косвенное касательство к теме.

Имело значение и то обстоятельство, что тема взаимоотношений Российского государства и ханств Поволжья казалась неактуальной с точки зрения "современной" внешней политики. Поволжье давно уже стало частью Российского государства, и Екатерина II недаром называла себя "казанской помещицей". С начала XVIII в. внимание политических деятелей и историков прошлого было сосредоточено на взаимоотношениях России с западноевропейскими государствами и с Турцией и ее вассалом — Крымом. И в умах историков происходило известное смещение исторической перспективы — наиболее важным линиям внешней политики России XVIII—XIX вв. приписывали такое же большое значение и в предшествовавшие века.

Настоящая статья посвящена истории русско-казанских отношений накануне завершения Казанской войны в 1551—начале 1552 гг. Именно в эти месяцы московское правительство прилагало настойчивые усилия подчинить Казань без издержек, связанных с военным походом. Основным источником для автора являются сведения официальной летописи. Сравнение летописных записей с сохранившимися посольскими делами (польскими, шведскими) показывает, что содержание дипломатических переговоров передается в летописи, как правило, точно, но зачастую лишь в самых общих чертах. Данные же о тайных наказах московским представителям и об их секретных донесениях просачивались в летопись очень скупо. Кроме того, исторические события в летописи трактуются крайне тенденциозно, так, в частности, борьба за вхождение Казанского ханства в состав Российского государства изображается летописцем прежде всего как выполнение якобы пожеланий самих казанцев. Всячески выпячивается также и религиозный аспект этой борьбы (провозглашенный митрополитом Макарием лозунг защиты православия и борьбы с басур-

манством). Другие источники позволяют в отдельных случаях проверить и дополнить летописные сведения; однако многие детали — и, возможно, немаловажные — ускользают из поля зрения исследователя, и картина русско-казанских отношений в последний год существования Казанского ханства поневоле остается неполной.

* * *

После смерти хана Сафа-Гирея (март 1549 г.) в Казани именем младенца Утямыш-Гирея стала править так называемая "крымская группировка" ("партия") во главе с Кучаком, и русско-казанские отношения еще более обострились.

Неудача очередного — зимнего — похода 1549/50 г. против Казани убедила московское правительство в необходимости достаточно длительной и планомерной военно-дипломатической подготовки к победоносному завершению Казанской войны. В Москве вырабатывается широкая программа постепенного полного подчинения Казанского ханства власти государя всея Руси, предусматривавшая проведение серьезных преобразований в организации военной службы и военного дела, рассчитанная на максимальное ослабление Казанского ханства изнутри и внешнюю изоляцию его от других юртов.

Для разработки дипломатической части этой программы были привлечены московские правительственные деятели, бывший казанский хан Шах-Али (Шигалей русских летописей), ставший на Руси царем касимовским, казанские феодалы-эмигранты; по этому поводу велась переписка с ногайскими мурзами. Главную роль в конкретизации этой программы, по-видимому, играли "ближние думцы" Ивана IV — первый советник царя Алексей Федорович Адашев, боярин Иван Васильевич Шереметев Большой и руководитель Посольского приказа думный дьяк Иван Михайлович Висковатый. Они-то впоследствии и составляли комиссию Боярской думы, выделенную для ведения переговоров с многочисленными казанскими представителями.

Вырабатывая эту программу, исходили из следующих предпосылок: наличие противоречий в среде казанских феодалов, непрочность Казанского ханства (так называемая Горная сторона, особенно территория, населенная чувашами, фактически уже прежде отпала от Казани и перешла под власть России¹²), отсутствие единства между мусульманскими юртами. Вследствие этого рассчитывали на возможность усиления раздоров в самой Казани, на укрепление "московской группировки" ("партии") феодалов; на

возможность обострения конфликта между казанским правительством и зависимыми от Казани народами и переход этих народов под власть московского царя; на возможность помешать объединению мусульманских юртов для совместной войны с Российским государством, обостряя противоречия между юртами и внутри юртов. В выработке этой программы следовали опыту долголетней борьбы Российского государства с Казанским ханством и другими юртами, предполагая использовать в большем объеме прежние методы этой борьбы. Первыми этапами этой программы было посажение на казанский престол московского ставленника Шах-Али и закрепление за Россией Горной стороны.

Выполнение этих планов в значительной мере зависело от международной ситуации, от того, в какой степени удастся обеспечить международную изоляцию Казанского ханства и устранить опасность одновременной войны России на два (на востоке и на юге) или даже на три (на востоке, на юге и на западе) фронта.

Продумывая программу восточной политики России, учитывали то, что Турция вела тогда войну с Ираном, и в стратегических планах султанского правительства особое значение приобретал в те годы Северный Кавказ¹³. Знали и о том, что взаимоотношения западных держав между собой и с Турцией были очень напряженными. С целью обеспечения западного тыла московское правительство еще в 1549 г. продлило перемирие с Польшей на пять лет, а в Империи с лета 1550 г. вел переговоры политический эмиссар Ивана IV Штейнберг, называвший себя "московским канцлером" и старавшийся нейтрализовать действия императора и папы проектами участия царя в антитурецкой коалиции и даже заключения церковной унии¹⁴.

Турция, отвлеченная войной с Ираном, именно в это время настойчиво пыталась сколотить противорусскую коалицию из граничивших с Россией мусульманских юртов. На ханский престол в Казани был дан фирман "сверстному" (т.е. взрослому) хану, тоже из рода Гиреев; специальных представителей посылали к ногайским мурзам. Эти агрессивные намерения прикрывались религиозными соображениями о единстве "мусульманского юрта". Между мусульманскими владетелями, с помощью которых султан надеялся установить свою гегемонию в Восточной Европе, не было, однако, согласия: ногайские мурзы враждовали друг с другом; главный соперник первого из ногайских владетелей Юсуфа Исмаил придерживался московской ориентации. Позиции ногайских мурз, владения которых находились на пути из Крыма и из Астрахани в Казань, имели при сложившихся обстоятельствах первостепенное международное значение. Это понимали и в России, и в Турции.

Султан посылает как раз тогда посла к Юсуфу и Исмаилу. Посол должен был примирить ногайских мурз, уговорить их отправить своих людей на помощь казанцам и "пособить Азову" против русских казаков. "Хандыкерю (т.е. султану), Крыму, и Казани, и Астрахани и нашим бы ногаям, всем соединачася твою землю воевати. О том хандыкерь салтан к нам присылал"¹⁵ — так формулировали задачу миссии турецкого посла сами ногаи в письме к Ивану IV. Одновременно по инициативе султана прибыли к ногаям послы крымского и астраханского ханов.

Для противодействия планам султанской Турции и с целью облегчения хода Казанской войны к ногаям посылают даровитого дипломата Петра Тургенева (уже прежде бывавшего послом в ногайских ордах), который сумел помешать вступлению орды Исмаила в противорусскую коалицию и возможному объединению ногайских орд, столь опасному тогда для Российского государства. Московские дипломаты, привлекая на свою сторону Исмаила, усиливали его враждебность к Юсуфу и умно использовали различие политических и экономических интересов орд Юсуфа и Исмаила. Юсуфа старались прельстить возможностью выдачи замуж его дочери Сююн-Бике (матери малолетнего казанского хана) за московского кандидата на Казанский престол Шах-Али; Исмаила же увлекли обещанием посадить на астраханский юрт желанного ему кандидата Дервиш-Али; кроме того, и ему намекали на возможность породниться с Шах-Али. Против Юсуфа подстрекали и его сыновей, обещая им "казанское жалованье". Юсуф крайне недружелюбно принял Тургенева, хотя и не отказывался от мысли породниться с Шах-Али, Исмаил же и другие мурзы оказались более податливыми. Сумел Тургенев установить и тесный контакт с казанскими эмигрантами, проживавшими в ногайских ордах, и получать от них ценнейшую информацию о положении дел в Казани. Одновременно московское правительство прибегло и к прямым угрозам. В грамотах, посланных Юсуфу и Исмаилу весной 1551 г., читаем следующие одинаковые выражения, долженствующие предупредить попытки ногайских набегов на русские земли: "А в нашем государстве ныне обычай таков: который на наши украины войной придет, и тот жив не будет. А и сам по себе разсуди, который недруг недружбу делает и землю пустошит, тому живот на что давати?"¹⁶ То, что это были не только слова, доказывают военные распоряжения московского правительства: на р. Проне построили город-крепость, особого воеводу послали в "Мещеру по засекам", т.е. ставить или проверять засеки; на южных и юго-восточных границах Российского государства стояло наготове большое войско¹⁷. Миссия Тургенева может быть призна-

на успешной — объединенный крымско-ногайско-астраханский поход против России не состоялся.

Военную часть большой программы борьбы с Казанским ханством начали осуществлять той же весной 1551 г. Речные пути к Казани были оккупированы, русские отряды вместе с Шах-Али и казанскими эмигрантами приблизились к Казани, и в конце мая 1551 г. недалеко от Казани, при устье Свияги была заложена русская крепость Свияжск — военно-продовольственная база и мощный плацдарм для наступления на Казань. Построению крепости благоприятствовало сочувствие со стороны местного населения — угнетенных казанскими феодалами народов Среднего Поволжья. Представители их очень скоро уже прибыли в Москву с просьбой, чтобы Иван IV "взял их к своему Свияжскому городу". "Бившие челом" "горные люди" получили "жаловальную грамоту", облегчавшую им временно повинность в уплате ясака и сохранявшую за ними их земли. Так произошло присоединение Чувашии, а частично и других народов к Российскому государству. А это уже практически решало судьбу Казанского ханства, половину которого составляла Горная сторона¹⁸.

Военные вылазки против казанцев продолжались, начались волнения в самой Казани, фактически отрезанной от внешнего мира (хотя какие-то связи с ногайцами, в частности с Юсуфом, и сохранялись). Значительная часть казанских феодалов, "видев государево великое жалование, а свое изнеможение"¹⁹, перебегают в Свияжск, ставший средоточием всех склонных к союзу с Россией казанских феодалов и старшин, зависимых от Казани народов. Рост недовольства этих народов, распри в Казани заставили крымцев бежать оттуда. Представитель враждебной Москве династии Гиреев был свергнут²⁰.

Казанцам оставался только один выход — начать переговоры со свияжскими воеводами и просить Шах-Али стать казанским ханом. В Казани были, конечно, осведомлены о желании московского правительства видеть Шах-Али на казанском юрте. Однако казанцы не знали, как далеко идут московские планы. Первоначально они надеялись на брак Сююн-Бике с Шах-Али. Этим актом создавалась бы известная преемственность власти в Казани, и усилилась бы не только "московская", но и "ногайская" группировка феодалов. Казанцам было известно, что отец Сююн-Бике Юсуф еще раньше просил об этом Ивана IV, и что в Москве благожелательно отнеслись к просьбе ногайского владетеля, нуждаясь в поддержке им притязаний Шах-Али на казанский юрт. Однако то был не более, как ловкий шаг московских дипломатов. В Москве понимали, что Сююн-Бике — вдова двух последних

казанских ханов различных династий^{4*} — была слишком тесно связана с крымцами и с ногаями и легко могла стать впоследствии центром опасных интриг. Сначала Шах-Али неосторожно обещал оставить Сююн-Бике в Казани и сделать ее своей женой. Но вскоре, видимо, по получении указаний из Москвы, казанцам было отказано в их просьбе, и казанцы поступились ханшей^{5*}.

Требования свияжских воевод, однако, постепенно возрастали, несмотря на все попытки казанских представителей добиться возможно более точных условий. Шах-Али, "поговоря с послы", ответил, чтобы казанцы послали в Москву к Ивану IV "бити челом, как их государь пожалует", а пока согласился на 20-дневное перемирие. Выражения "поговоря", "как их государь пожалует", намекают на то, что в Свияжске хотели еще увеличить требования. И в самом деле, в грамоте "Всей земли Казанской" к Ивану IV, кроме указанной уступки, добавлено еще: "а полону бы русскому волю дать... а крымцев остальных и жены их и дети отдати государю". С этой грамотой, по договоренности с Шах-Али, казанцы послали к Ивану IV мурзу Енбарсу. Одновременно и свияжские воеводы послали гонцов поведать "о всем подлинно о Казанском деле". Однако Иван IV, согласившись "пожаловать Шигалея Казанью", и на эти предложения не дал решительного ответа. Енбарса понял условный тон согласия и отвечал: "все-де в государеве воле, как их государь пожалует, так и учинят"²². Иван IV отпустил Енбарсу, а в Свияжск послал Алексея Адашева.

Незадолго до этого в Москве как раз получили тревожные донесения Тургенева из Ногайской орды (о турецком посольстве, уклончивой позиции Исмаила, враждебности Юсуфа). Отправление в Свияжск именно А.Ф. Адашева — лучшее доказательство того, какое первоочередное значение придавали в то время в Москве "казанскому делу". "Которые между государей дела большие, и те дела делаютца добрыми людьми да послы"²³, — говорили в XVI в. Таким "добрым человеком" и был А.Ф. Адашев — ближайший советник Ивана Грозного в те годы^{6*}, фактический руководитель правительства Избранной рады²⁵. В конце XVI в. Адашева сравнивали за рубежом с "протектором" государства Б. Годуновым.

А.Ф. Адашев, по-видимому, уже имел некоторый опыт в об-

^{4*} Сююн-Бике была вдовой казанских ханов Джан-Али (брата Шах-Али) и Сафа-Гирея — отца Утямыш-Гирея.

^{5*} "Яко да не все царство погибнет единыя ради жены"²¹.

^{6*} Близость А.Ф. Адашева к Ивану IV была столь велика, что один из исследователей даже отождествляет Адашева с Иваном Пересветовым, проекты которого, как полагают некоторые ученые, явились программой внутренней и внешней политики России в 1550-е гг.²⁴

ласти восточной политики. В юные годы он сопровождал посольство отца Ф.Г. Адашева к султану и патриарху в 1538—1539 гг. и после отъезда отца в Россию оставался еще год при султанском дворе. Таким образом, А.Ф. Адашев провел в Турецкой империи более двух лет. При султанском дворе он мог видеть крымских послов и гонцов, и даже крымских ханов.

Во время пребывания Адашева в Стамбуле не прекращалась война Турецкой империи с империей Габсбургов. Как раз в 1538 г. "позорно провалился" — по выражению Маркса — морской поход против турок, предпринятый Карлом V совместно с папой и венецианцами под начальством Андреа Дориа. В 1539 г. турецкий великий адмирал "взял Кастельнуово и изрубил в куски гарнизон, состоявший из 4000 испанских ветеранов"²⁶. Накануне приезда Адашевых в Стамбул был заключен договор между султаном и французским королем, и в Стамбуле постоянно находились и французы, и венецианцы, боровшиеся за влияние на Ближнем Востоке. Приезжали в эти годы и польские послы, обычно "накупавшие" султана и крымского хана "на православие". Перед Адашевым вырисовывалась механика взаимоотношений мусульманских юртов, механика взаимоотношений европейских государств между собой и с восточными государствами, и определялось место так называемого "восточного вопроса" в международных отношениях того времени. Адашев близко познакомился с мусульманскими обычаями, возможно, даже сумел выучиться восточным языкам. Вследствие всего этого А.Ф. Адашев оказался наиболее подготовленным из видных правительственных деятелей для непосредственного руководства дипломатическими делами накануне "Казанского взятия". И не даром ближайшие современники связывали "приближение" Адашева Иваном Грозным именно с пребыванием его при султанском дворе²⁷.

Сведений о миссии Адашева очень немного. Казанские дела, как отмечалось уже, не сохранились, поэтому приходится довольствоваться кратким сообщением летописцев. "А к царю Шигалею и к боярам и воеводам послал с наказом Алексея Адашева, — читаем в "Царственной книге". — И пожаловал государь царя Шигалея Казанию и на Казани его учинил, а дал ему з Казани Луговую сторону всю да Арскую; а Горняя сторона к Свияжскому городу, понеже государь божиим милосердием да саблею взял до их челобития; и о иных многих делах царю и воеводам велел говорить"²⁸. Как явствует из приведенного летописного отрывка, А. Адашев должен был добиться от казанцев, помимо предоставления казанского юрта Шах-Али, выдачи ханши Сююн-Бике, отпуска русских невольников, еще согласия и на уступку Россий-

скому государству всего правого берега Волги ("Горняя сторона к Свияжско-му городу").

В Свияжск Адашев прибыл 6 августа 1551 г. и "царю (Шах-Али) государево слово сказал, на чем с казанцы делать". Шах-Али пытался было противиться отходу Горной стороны от Казани, но Адашев предупредил его, что спорить в данном случае бесполезно (ему "по государеву приказу отмолвили, что тому делу инако не быти"). Шах-Али вынужден был принять это условие и вызвать в Свияжск казанских вельмож, чтобы "они приехав, правду дали". 9 августа эти вельможи были уже в Свияжске, и Шах-Али им "от государя жаловальную речь говорил, на чем им правду дати". Казанцы, подобно Шах-Али, попытались противиться отходу Горной стороны и "во многом заперлися". Тогда продолжать переговоры решено было уже без Шах-Али "с бояры в Боярских шатрах". ("И з бояры казанцы много говорили, как им лукаво зделати"). Но Адашев и бояре "государевым наказом твердо делали" и пригрозили, что, если казанцы не примут их условия, то царь придет осенью "ратию со многими людьми". О выдаче Сююн-Бике с сыном и об освобождении русских невольников договорились сравнительно скоро: условились, что казанцы приведут "весь полон" на Казанское устье. "Докончание утвердити" решено было тоже на Казанском устье, куда должны были прийти казанцы "царя стретить"²⁹. 11 августа Утямыш-Гирея с матерью отпустили из Казани; в Свияжске они долго не задержались и уже 5 сентября прибыли в Москву.

13 августа бояре и Шах-Али приехали к Казанскому устью, и Шах-Али отправил в Казань придворных "со всеми своим кошом и велел устраивати двор свой". 14 августа к устью приехали и казанские феодалы. Адашев и бояре "велели им чести шертную грамоту, на чем государь пожаловал, и как им вперед быти"³⁰. Казанцы снова отказались "земля розделити" ("И они все стали о Горней стороне говорити, что того им учинити не мощно"). Бояре настаивали на своем "и много о том спорных слов было". Казанцы все-таки вынуждены были присягнуть на привезенных из Москвы условиях ("И царь Шигалей и вся земля Казанская на том государю правду дали, что им в Горную стороны не вступаться, да и в половины Волги; а ловцем ловити по своим половинам"). Шертные грамоты Шах-Али "попечатаал своими печатми, а казанские люди лутчие многие руки свои поприклали". Русских невольников привели к Казанскому устью, остальных обещали "до одного освободити". При закреплении договора печатями появляется еще одно условие — за утаивание русских невольников назначается смертная казнь³¹. Продиктованные Москвой условия казанцы при-

няли, видимо, не без ропота, так как присягали группами в течение трех дней, "а не вдруг". (Список "шертной грамоты" хранился впоследствии в Царском архиве³².)

Кроме официальных условий Ивана IV, содержание которых известно на основании летописного описания переговоров в Свияжске, Адашев должен был говорить Шах-Али и воеводам и об "иных многих делах". Что это за "иные многие дела"? Летопись дает некоторые указания на этот счет. В числе их было выполнение инструкции Ивана IV о назначении ("по государеву указу") при хане совета из русских чиновников "для полону и иных для управных дел".

16 августа Шах-Али "посадили на царство", и в тот же день бояре "здоровали ему... на государеве жалование на царстве Казанском". Вместе с Шах-Али в Казань послали и русских стрельцов (200 человек), и городецких татар, и казаков, подчиненных ему как "царю касимовскому". Привлечение в Казань касимовских татар тоже имело немаловажное значение. 28 августа Данила Адашев — брат А.Ф. Адашева и стрелецкий голова И. Черемисинов прибыли в Москву "с сеунчем" (с вестью) сказать Ивану IV, что "дело поделалось по его государеву наказу"³³.

При перелистывании летописи невольно отмечаются особые задания, которые давались ближним родственникам А.Ф. Адашева. Среди воевод, отправленных строить Свияжск и "годовать" там, был отец А.Ф. Адашева — Федор Григорьевич³⁴. Известие о ходе строительства Свияжска и о первом челобитье жителей Горной стороны, хотевших "у города Свияжска быти", привез И.Ф. Шишкин-Ольгов, ближайший родственник Адашевых, казненный впоследствии вместе с Дániлой Адашевым. Известие о построении Свияжска и о челобитье "всей Горной стороны" (июнь 1551 г.) привез уже брат А.Ф. Адашева — Данила. Наблюдение за жителями Горной стороны во время столкновения с казанцами ("того смотреть", чтоб "горные люди государю служили прямо") поручено было шурина Данилы Адашева Петру Турову, тоже впоследствии казненному вместе с ним. После посажения Шах-Али в Казани "с сеунчем" в Москву был послан опять Данила Адашев³⁵.

Характер заданий, получаемых этими лицами, в особенности посылки в Москву с известиями о происходящих событиях, свидетельствует не только о значительном положении при дворе их влиятельного родственника (так как подобного рода поручения обычно сопровождались высокими наградами), но указывает и на то, что именно А.Ф. Адашева необходимо было уведомить о таких подробностях, которые опасно было доверять бумаге. Эти лица должны были рассказать А.Ф. Адашеву "о всем подлинно о Ка-

занском деле". Они же должны были передавать правительственные директивы свияжским воеводам. Подобных людей в XVI в. называли "живыми грамотами". Все эти факты до некоторой степени разъясняют методы руководства А.Ф. Адашева казанскими делами.

Царь Иван мог быть доволен результатами миссии Адашева в Свияжск, "яко же впереди сего не бысть при иных государех"³⁶ и Макарий^{7*} с полным правом писал в "Послании в Свияжск" о посажении Шах-Али в Казани как о "славной без крови победе".

Характеристика событий лета 1551 г., данная в "Послании" Макария в Свияжск от 25 мая 1552 г., чрезвычайно важна для правильного представления о том, как понимали и оценивали эти события в Москве. В "Послании" Макария отмечены и мирный характер этой победы ("светлая без крови победа"), и полнота ее ("Казанское царство покорися и во всю волю вдасться государю"), и опора прежних ханов ("крепкая их держава крымские князи и уланы и мирзы"), и зависимость нового хана Шах-Али от Ивана IV ("государь град Казань вручил своему царю"), и разделение Казанского ханства на две части ("Горная Черемиса вся приложишася" к Свияжску "за государя"), и освобождение "тмочисленного множества христианского плена" и возвращение невольников на родину, и якобы добровольный переход казанских "чиновных людей" ("своею волею") на "службу государю", и международное значение этой победы ("и вси концы земли уstraшилися"), отправление иностранных послов в Москву и приход к государю "своей волею служить... от многих стран царей, царевичей и иных великих держав детей"³⁸. Так понимали и оценивали в Москве первый этап борьбы за присоединение к России Казанского ханства. Никогда раньше московские войска не обосновывались так близко от Казани, никогда раньше московский государь не делил территорию Казанского ханства, никогда раньше московские чиновники не вмешивались так решительно и открыто во внутреннее управление ханства. По существу, это означало полную потерю самостоятельности Казанским ханством.

Так смотрели на дело и в мусульманских юртах. Недаром Исмаил писал Ивану IV: "Казань твоя, и царь Шигалей твой"³⁹. "Его взяли из рук русских и сделали ханом"^{8*} — отмечено о посажении Шах-Али в татарской летописи⁴¹. Отсюда понятно резкое недовольство, вызванное известием об этом событии и в Кры-

^{7*} Макарий даже послал в Новгород с вестью о покорении Казани, распорядившись, чтобы там был "звон церковный весь день"³⁷.

^{8*} Эта же мысль выражена и в татарских песнях о событиях, предшествовавших взятию Казани⁴⁰.

му, и в Турции. Дженнаби — историк восточных династий, живший во второй половине XVI в., — сообщает о том, что крымский хан Сахиб-Гирей, узнав о "воцарении" Шах-Али^{9*}, послал в Стамбул сказать: "Нам и его величеству султану следует избавить правоверных от этого бедствия: пришлите к нам... Даулет-Гирея для того, чтобы мы могли отправить его к Казани с многочисленным войском, ее высвободить из рук неверных, а его посадить ханом". В.В. Вельяминов-Зернов выясняет, что Дженнаби спутал хронологию, объединив в одно два события, так как просьба дать Даулет-Гирею фирман на Казанский юрт была послана несколько раньше. Рассказ этот заимствован Дженнаби из другого источника, однако характерно и особенно важно, что в источнике этом не встречается фразы, сказанной крымским ханом о необходимости для Крыма и Турции немедленно стать заодно против русских⁴³. А это показывает, что Дженнаби именно в связи с событиями августа 1551 г. счел нужным вложить в уста крымского хана высказывание в духе идеи "единства мусульманского юрта".

Первый этап борьбы за подчинение Ивану IV Казанского ханства был завершен. Горная сторона была оформлена как территориальная единица Российского государства. "Из всех дипломатических актов Ивана Грозного, — отмечает академик М.Н. Тихомиров, — это был один из самых замечательных успехов, ускользнувших, впрочем, от наших историков, несмотря на ясные показания летописей. Горная сторона, по словам летописцев, составляла "половину" Казанской земли, которая была сразу обессилена, когда Горная сторона отпала от Казани"⁴⁴.

Шах-Али и казанцы, однако, не оставили мысли вернуть Горную сторону. В октябре 1551 г. к Ивану IV пришли послы "Казанские" "от царя государю челобитии правя". Они просили возвращения к Казани Горной стороны или хотя бы "ясаков з Горние стороны". Кроме того, послы просили Ивана IV утвердить шертную грамоту, данную Шах-Али и казанцами в августе месяце. Царь назначил для ведения с ними переговоров думскую комиссию в составе И.В. Шереметева Большого, А.Ф. Адашева и И.М. Висковатого. Думская комиссия решительно отказала послам в их просьбе вернуть к Казани Горную сторону или доходы с нее ("Государю Горние стороны х Казани ни одной деньги не отдавать" — категорически заявили казанцам). Не согласились и дать "правду", так как казанцы не освобождают "русский полон" ("Как освободят царь и казанцы весь полон русский, и государь тогды

^{9*} Дженнаби писал о русских: "До тех пор они не переставали подходить к ней (Казани) все ближе и ближе и теснить ее, пока, наконец, не овладели ею при Шах-Али"⁴².

правду учинит", — отвечали послам). И сами послы были оставлены в Москве заложниками до тех пор, пока хан и казанцы не освободят весь "полон русский" ("а вы в то время зде побудете")⁴⁵.

В ноябре в Москву пришли известия о том, что Шах-Али ведет двуличную политику и теряет поддержку даже московских "доброхотов". Шах-Али и новый московский наместник в Казани князь Дм. Фед. Палецкий^{10*} доносили о раскрытии большого заговора. Часть казанских феодалов готовила убийство Шах-Али и московского наместника; и послы казанские в Москве — по словам гонцов — "тоже их дума". Противники Шах-Али (около 70 человек, среди них виднейшие феодалы) были коварно убиты с согласия московского наместника⁴⁶. Серьезным осложнением явилось то, что казанцам, вопреки стараниям московского правительства, все-таки удалось заручиться поддержкой ногаев.

В октябре 1551 г. в Москву вернулся из Ногайской орды Тургенев, который мог уже во всех подробностях осведомить о положении дел в орде. Разочаровавшись в заносчивых надеждах распространить свою власть на Среднее Поволжье, Юсуф прислал с Тургеновым предостерегающую грамоту. Юсуф не без угрозы сообщал Ивану IV, что у него имеется под рукою 380 тыс. человек (300 тыс. человек у него и по 10 тыс. у каждого из сыновей) и значительно намекал на то, что Даулет-Гирей (новый крымский хан) "учинился с ним в дружбе" и зовет общими силами идти на русские земли⁴⁷. Правда, в Москве могли без труда убедиться, что в словах Юсуфа много бахвальства, так как Тургенев привез одновременно грамоту от старшего его сына Юнуса, который, напротив, готов был поддержать царя в борьбе с Казанью, требуя за это доли казанских доходов. Недоверие внушала и позиция Исмаила. Рассерженный на Ивана IV за отказ послать в 1551 г. рать в Астрахань, Исмаил отправляет в Казань группу ногаев. Ногаев этих перехватили русские казаки. В специальной грамоте Исмаил требовал вернуть ему пленных, которые, мол, в Казань "не на пособ ходили, а торговати". В случае отказа он перекладывал вину за последующие события на русского царя ("и только тех людей не дашь, ино ты лихоту почал"). В то же время Исмаил выразительно напоминал Ивану IV о том, что он еще не отпустил послов султана и крымского, и астраханского ханов, призывавших его воевать с Москвой. Исмаил заранее, с присущей ему хитростью, оговаривался: "А братья мои меньшие и дети хотят ити, а того не ведаю куда пойдут", т.е. снимал с себя ответственность за готовящиеся

^{10*} Посылая в Казань именно Палецкого, вероятно, учитывали, что он и раньше бывал в Казани, "сажал на царство" Шах-Али в 1546 г. Следовательно, Палецкий был лично связан с Шах-Али и с московской группировкой казанских феодалов.

набеги ногаев. В Москве не хотели ссориться с Исмаилом и послали ему поминки, но на угрозу его ответили решительно и прямо, что время боярского "безгосударства" в Москве кончилось и "в наши лета против недругов все годы береженье бывает. Сами на коне сидим, а люди наши всегда при нас готовы"⁴⁸.

В Москве сопоставили известия из Ногайской орды со сведениями, привезенными из Казани. Положение в Казани представлялось исключительно серьезным. Палецкий, видимо, не мог один справиться в этой сложной обстановке. В этот ответственный момент на первый план опять выдвигается А.Ф. Адашев. Иван IV снова посылает его к Шах-Али. Адашев выехал из Москвы в ноябре, сразу же после получения вестей о казанских делах. Целью второй миссии Адашева^{11*} к Шах-Али было — "укрепить Казань... как Касимов городок"⁴⁹.

Адашев должен был говорить хану о том, "чтобы Казань крепко устроил государю, как Городок, чтобы кровь христианская не лилась". Переговоры с Шах-Али Адашев вел совместно с Палецким. Во время переговоров хану напомнили, что доверять казанцам нельзя, что они брата его Джан-Али убили и его самого "многажды изганивали и ныне убить хотели", и убеждали Шах-Али "укрепить город великого князя людьми русскими". Вначале хан жаловался на то, что "загрубил казанцам добре", так как не сумел выполнить данного им обещания "у царя и великого князя Горнюю сторону выпросить". Шах-Али доказывал, что Казань будет "крепка" русскому государю только до тех пор, пока он занимает ханский стол, а ему без возвращения Горной стороны "жить в Казани не мощно". "Докуды яз жив, дотуды Казань царю и великому князю крепка будет, а после меня кому ведати?" — спрашивал хан. Адашев и Палецкий не согласились исполнить просьбу Шах-Али. ("А отдать Горняя сторона, Свиязскому как быти? А ведаешь сам, колко государем нашим от Казани безчестия и убытков", — отвечали Адашев и Палецкий.) Одновременно они сделали выговор хану за укрывательство русского полона в Казани (в том числе городецкими татарами) и пригрозили, что Иван IV не даст "правду" казанцам, если не отпустят "хотя одного человека".

Шах-Али опять, однако, вернулся к вопросу о Горной стороне. "А коли мне Горние стороны не отдасть, и мне как прожити в Казани, загрубя, — повторял хан, — и мне бежати ко государю великому князю". Адашев и Палецкий не испугались угрозы Шах-

^{11*} Такой наказ был дан еще в сентябре новому казанскому наместнику Палецкому ("а укрепил бы (Шах-Али) Казань крепко государю да и себе, как Касимов-городок, чтобы при нем и после него была неподвижна, и кровь бы на обе стороны перестала на веки").

Али, ответив ему: "Коли тебе ко государю же бежати, укрепи же город его людьми русскими". Тогда Шах-Али понял, что переоценил свое значение — в Москве готовились уже к полному присоединению Казанского ханства к Российскому государству и могли теперь обойтись и без "прирожденного" хана.

Но если Шах-Али разочаровался в отношении к нему московского правительства, то и в Москве ошиблись в Шах-Али. По видимому, Шах-Али вовсе не был таким бессловесным исполнителем воли Ивана IV, "рабом русского царя", каким его изображал автор "Казанского летописца"⁵⁰. Шах-Али дорожил своими связями с мусульманскими феодалами и не склонен был полностью отказаться от самостоятельных действий^{12*}. Напрасно Адашев и Палецкий убеждали хана перед отъездом из Казани укрепить город русскими людьми, т.е. самому впустить русское войско. Хан заупрямился, понимая, что принятие этого условия еще больше озлобит против него казанцев. Это поняли и московские представители, лично убедившись в том, что "все казанцы Шигалея не любят". Уверившись, что Шах-Али не станет сопротивляться отъезду из Казани в Касимов ("ехати де мне инуды некуды"), Адашев и Палецкий покинули Казань, вынудив, однако, у хана обещание уничтожить враждебную Москве группировку феодалов. При хане был оставлен И. Черемисинов со стрельцами "хана беречи от казанцев и государя без вести не держати"⁵².

Из Казани Адашев и Палецкий приехали в Свияжск. Здесь им стало известно (через казанских эмигрантов), что казанцы хотят весной "изменить государю" — свести Шах-Али с юрта: после "побиения казанских князей" часть казанских феодалов бежала в Ногайскую орду, а оставшиеся в Казани обратились к Юсуфу с просьбой прислать нового хана. До весны, пока ногаи кочевали подле Каспийского моря, можно было их не опасаться. Но за это время нужно было предупредить заговор. Дать самим казанцам свести Шах-Али с юрта — значило потерять инициативу.

Именно в это время в Москве вырабатывается план окончательного вхождения Казанского ханства в состав Российского государства мирным путем. По официальным летописям, московское правительство в данном случае только выполняло пожелание

^{12*} Шах-Али уже раз был в подозрении у московского правительства, когда после отказа казанцев видеть его у себя ханом и посажения на казанский юрт Джан-Али он "учал ссылатися в Казань и в иные государства без великого князя ведома". За это Шах-Али был в декабре 1532 г. сведен с пожалованных ему городов и "посажен за сторожи". Через три года, в декабре 1535 г., Шах-Али был прощен, прощен не потому, что убедились в его невинности, а из-за того, что после убийства Джан-Али, кроме него, некого было противопоставить вновь воцарившемуся в Казани Сафа-Гирею⁵¹.

самых казанцев^{13*}. Среди части казанской знати зародилась мысль заменить нелюбимого казанцами хана Шах-Али московским наместником, чтобы царь "дръжал их так же, как и во Свиязьском городе"⁵³. Об этом уведомили царя Ивана казанские послы, еще с осени задержанные в Москве. Сами казанцы, однако, не рисковали послать депутацию в Москву, опасаясь Шах-Али, который не поддерживал подобные планы. "Казанский летописец" несколько дополняет данные официальных летописей и по-иному толкует события. Намеков "Казанского летописца" мало для того, чтобы представить в подробностях характер и последовательность событий, но вполне достаточно, чтобы усомниться в верности изображения их в остальных летописях.

В Казани, конечно, знали о результатах второй миссии Адашева и о решении свести Шах-Али с юрта, поэтому казанцы могли рассчитывать, что их просьба встретит поддержку в Москве. Трудно сказать с уверенностью, что руководило казанцами, просившими назначить в Казань московского наместника, — сознание ли неизбежности конечного подчинения Москве номинально независимой части ханства и желание, вследствие этого, избежать дальнейших распрей, или надежда воспользоваться переменой власти в Казани и сделать в это время ханом ногайского кандидата. Вероятно, в данном случае имелись налицо и те, и другие настроения. Во всяком случае, просьба казанцев, переданная через послов в Москве, отвечала намерениям московского правительства. Это одно уже заставляет подозревать его направляющую руку.

Если вчитаться в летописи, то выясняется, что московское правительство поддерживало связь не только с Шах-Али, но и с враждебными ему группировками казанских феодалов, и что Шах-Али противился этому контакту. Выясняется, что мысль заменить хана московским наместником высказывалась именно враждебными Шах-Али казанцами и как раз теми, которые находились в полной зависимости от московского правительства, проживая в Москве или в Свияжске. Выясняется, наконец, что казанцы допускали возможность сопротивления Шах-Али этим планам и во время переговоров в Москве советовали: "или царь не похочет ехать из Казани, и государь у него стрелцов возмет, и он сам збежит". Следовательно, переговоры велись мимо Шах-Али.

Во время переговоров казанцев в Москве определено было "наместнику у них коим обычаем быти". Оговорено было, что наместник должен ведать "на царя" все ханские доходы, и от воли

^{13*} Выше уже отмечалось, что официальные летописи изображали действия московского правительства по отношению к Казани только как выполнение пожелания самих казанцев.

государя (представителем которого выступал наместник) будет зависеть разрешение: каким казанцам можно будет остаться в городе и на посаде ("а иным по селам всем жити"); Иван IV получал и право распоряжения имениями и привилегиями "побитых" бездетных феодалов. На этих условиях казанцы дали Ивану IV "правду"⁵⁴.

Любопытно, что деловой разговор казанских послов в Москве состоялся не с Адашевым, Шереметевым и Висковатым, как обычно, а только с двумя последними. Где же был в это время Адашев? Возможно, что в Свияжске, подготавливая на месте переворот. Не следует забывать, что одним из годовавших воевод в Свияжске был отец его Ф.Г. Адашев, имевший давние связи с казанскими феодалами. Ф.Г. Адашеву, человеку, видимо, тонкому и умелому, и раньше давались сложные дипломатические поручения, и именно к мусульманским государям — к султану и к казанскому хану. В 1533 г. Ф.Г. Адашев сопровождал возвращающихся из Москвы казанских послов и отвозил грамоту великого князя к Джан-Али. В обязанности московских представителей за границей, как известно, всегда входило налаживание связей с "доброхотами" московского правительства и вербовка новых сторонников "службы" московскому государю. Самым же важным, конечно, было то обстоятельство, что именно А.Ф. Адашев в течение последнего времени занимался казанскими делами и сам знал и казанских феодалов, и их настроения. О времени возвращения А.Ф. Адашева в Москву после второй казанской миссии ничего не сказано. В конце января он, видимо, уже вернулся в Москву уведомить Ивана IV о "казанских делах", так как в феврале 1552 г. снова едет в Казань. Это третья казанская миссия Адашева.

"Послал государь ко царю Шигалею Алексея Адашева, а велел царя свести с Казани", — читаем в летописи о цели миссии Адашева. Та же летопись, однако, отмечает и другие задания, которые поручено было выполнить Адашеву: Адашев должен был передать Шах-Али о решении Ивана IV назначить в Казань московского наместника и сообщить, что решение это принято по просьбе самих казанцев ("да и то ему велел сказати, что и казаньские князи того хотят, чтобы великого князя наместник был на Казани"). Важнейшее же задание Ивана IV Адашеву заключалось в том, чтобы заставить Шах-Али самого открыть русским ворота города и передать управление московскому наместнику ("А государь царю о том велел Алексею накрепко говорить, что бы без убытков без великих пустил великого князя людей в город"⁵⁵. За это Адашев мог обещать хану великое жалование ("а чего у государя не похочет, тем его государь пожалует").

Вместе с Адашевым выехал из Москвы казанец Тереулдуван с грамотами "земле" от находившихся в Москве казанских вельмож. Так как присоединение Казанского ханства к России было делом нелегким и должно было носить официальный характер, в Казань выехал и второй член думской комиссии по переговорам с казанскими послами боярин И.В. Шереметев и другие "посланники". Летописец впоследствии упоминает об их участии в мартовских событиях 1552 г. и об их возвращении в Москву. Однако надо отметить, что в летописи выделена только миссия одного А.Ф. Адашева, которому и было поручено руководить делом присоединения Казанского ханства мирным путем.

В том же месяце А.Ф. Адашев уже был в Казани и "царю по государеву наказу говорил". Переговоры Адашева с Шах-Али не были удачными, хотя и "много слов о том было"⁵⁶. Шах-Али категорически отказался "порушить бусурманский юрт" ("И царь отомвил, что ему никак бусурманского юрта не порушити"). Оставить же Казань хан и сам желал, так как ежеминутно опасался смерти. "А прожити мне в Казани не мочно, — жаловался он Адашеву, — в Нагаи казанцы послали царя просить, язъ иду во Свиязский город, так ми от них быть убиту"⁵⁷. Тогда Адашев заставил хана выполнить прежние условия — вывести с собой из Казани группу враждебных русским феодалов, отослать в Свияжск казну и часть военных припасов, а остающиеся в городе привести в негодность.

Шах-Али поспешил уехать из города, предварительно, как говорит татарское предание, налив в порох воды⁵⁸. 6 марта он прибыл в Свияжск, заманив с собой более 80 князей и мурз. В день приезда Шах-Али в Свияжск свияжские воеводы вызвали туда остальных казанских вельмож, которые тоже дали "правду" московскому государю и у бояр "правду взяли, что им добрых пожаловати казаньских людей, как в иных городех великого князя"⁵⁹.

После этого в Казань были посланы особые русские уполномоченные и татарские князья "достальных людей к правде приводити и того смотрити, нет ли какова лиха". Они должны были наблюдать и за тем, чтобы русские казанцам "каково бы дурна не учинили", и наказано им было раздавать только те дворы, которые "князи очистят". Вместе с горожанами присягали и "сельские люди". Все, казалось, было подготовлено к тому, чтобы московский наместник князь С.И. Микулинский мог выехать из Свияжска в Казань. Наперед наместника выехали из Свияжска бывшие члены думской комиссии по переговорам с казанскими послами во главе с А.Ф. Адашевым и И.В. Шереметевым⁶⁰.

Но враждебные Москве группировки все-таки сумели исполь-

зовать в своих интересах временное безвластие в Казани: распустив слухи о казни выведенных в Свияжск казанцев и о готовящихся русскими преследованиях казанцев, они подговорили закрыть ворота города и не пустили в город наместника. Казанцы, по словам "Казанского летописца"⁶¹, укоряли русских в том, что они свели Шах-Али с юрта, "хотяща сами быти вместо его, владети нами и поклонение и часть от нас приимати, а Казань бо есть царство вольное"^{14*}, на царское место подобно есть быти царю, а не вам Руси московским воеводам"^{15*}. Начинать серьезные военные действия русские тогда не предполагали, и наместник возвратился 12 марта в Свияжск ни с чем. Проникший вскоре в Казань ногайский ставленник Ядигер начал войну с Москвой.

Таким образом, попытка окончательного присоединения Казанского ханства к Российскому государству мирным путем не удалась. Но в результате действий московских дипломатов и воевод в 1551—начале 1552 г. Казанское ханство было значительно ослаблено и покорение его существенно облегчено.

^{14*} На языке политических деятелей и публицистов XVI в. это означало "вольное царское самодержавство" (см. послания Ивана Грозного), т.е. независимое управление.

^{15*} Таким образом, видно, что автор "Казанского летописца" толкует события иначе, чем официальная летопись. Отличаются толкование и описание событий и от изложения их в "Отрывке русской летописи", помещенном в VI томе ПСРЛ, который, как установил Г.З. Кунцевич, явился одним из протографов "Казанского летописца". По этому отрывку⁶², Шах-Али, видя неистовство казанцев, сам "изыде из земли их и иде на Русь" (передача слов Макария из его послания Ивану IV). "Казанский летописец" дает иную последовательность событий: "неистовство" казанцев началось именно вследствие сведения Шах-Али с Казани и попыток русских самим управлять вместо хана ("вместо его владети").

Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI века (в послевоенные годы)*

История России XVI в. насыщена значительными событиями. Это — время важных политических и социально-экономических изменений, во многом определивших дальнейшую историю страны в эпоху феодализма. XVI век — это годы укрепления Российского государства, проведения серьезных преобразований в области центрального и местного управления, судопроизводства, финансов и военной службы, вхождения в Российское государство Поволжья и начала освоения Сибири, период длительной войны за Прибалтику, расширения международных связей и роста международного престижа России, проникновения в Россию некоторых элементов западноевропейской гуманистической культуры. XVI век — это и годы обострения межклассовой и внутриклассовой борьбы (выразившейся, в частности, в расцвете политической публицистики), начавшегося оформления крепостного права в общегосударственном масштабе и объединения больших масс беглого крестьянства на окраинах государства в казацких колониях. История России XVI в. давно уже привлекала внимание исследователей, а значительные, подчас трагические события времени правления Ивана Грозного давно уже стали сюжетом произведений художественной литературы и искусства и в России и за рубежом.

В последние два десятилетия советскими учеными много сделано в области исследования — притом монографического исследования — истории России XVI в. Круг ученых, исследующих историю России XVI в., заметно расширился. Рука об руку с выдающимся ученым старшего поколения М.Н. Тихомировым и учеными, выдвинувшимися накануне войны или в первые послевоенные годы, в разработке этой проблематики успешно участвуют и совсем молодые исследователи. В изучении истории России XVI в. включились и представители смежных гуманитарных наук — литературоведы, юристы, экономисты, искусствоведы, филологи. Вопросы истории России XVI в. плодотворно и разносторонне исследуются учеными не только Москвы и Ленинграда, но и других горо-

* Лекция, прочитанная в Париже, в Сорбонне, в мае 1965 г. Публ. впервые.

дов (особенно в Саратове, Ростове, Казани, Киеве, Харькове, Томске).

Создается более разносторонняя источниковая база для исследований. Важно отметить и то, что публикация многих исторических памятников сопровождается их специальным источниковедческим и собственно историческим изучением в сравнении с другими источниками. Это — стимул для дальнейших исследований по истории России XVI в.

Документов по государственно-политической и социально-экономической истории России XVI в. сохранилось сравнительно немного. В дошедших до нас старинных архивных описях XVI—XVII вв. упоминаются документы, значительная часть которых известна лишь по названиям. Уцелели остатки массивов приказной документации, а многие нарративные (повествовательные) источники, особенно памятники публицистики (в том числе сочинения Ивана Грозного, Курбского, Пересветова), известны только в поздних списках (не ранее XVII в.). Особенно пострадали во время пожаров XVI в., когда выгорел Кремль, архивы правительственных учреждений. Много документов погибло в Москве в годы польской интервенции в начале XVII в. Пагубным оказался пожар 1626 г., когда "во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела". "Акты неизданные и датированные до 1626 г., как правило, редкость", — отмечают знатоки этой документации. Не уцелела и большая часть писцовых книг, т.е. хозяйственных описаний городов и уездов, содержащих сведения о землях, угодьях, строениях, о населении и его имуществе. Совсем мало сохранилось документов из архивов частных лиц, даже богатых землевладельцев. Относительно полнее представлены материалы монастырских архивов (в частности, материалы по социально-экономической истории).

Таким образом, степень обеспеченности сохранившимися письменными источниками различных тем по истории России XVI в. не одинакова. Это можно проследить, например, по проблематике аграрной истории. Источники по аграрной истории неравномерно распределены по географическим районам страны — преобладают источники по истории Севера и Северо-Запада Российского государства. Неравномерно и распределение источников, характеризующих различные виды владений и хозяйств: преобладают документальные материалы о вотчинных монастырских хозяйствах при ничтожном количестве сведений о хозяйстве крупных светских феодалов; о помещичьем хозяйстве узнаем преимущественно по материалам Новгородской земли, данные о помещичьем хозяйстве в центральных районах страны случайны; мало

сведений о крестьянских хозяйствах, и имеющиеся данные относятся главным образом к так называемым черносошным (т.е. незакрепощенным) крестьянам, да к тому же северных районов страны. Неравномерно распределены даже одинаковые разновидности источников (например, приходно-расходные книги монастырей, актовые источники) в плане географической принадлежности и в хронологическом отношении.

Состояние источниковой базы существенно усложняет работу исследователя. Это же делает особенно необходимым обобщение и обзорные данные об уцелевших документах XVI в., а также о поздних копиях таких документов и об источниках последующих веков, содержащих сведения о России XVI в. За последние годы сотрудниками Центрального государственного архива древних актов, рукописных отделов Государственного Исторического музея, Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук СССР (в Ленинграде), Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, а также областных архивов и музеев Ярославля, Калинина, Горького, Новгорода и других городов подготовлены ценные обзоры и описания документальных материалов (в том числе тематические и по видам источников), путеводители по архивам и другие справочные пособия.

Напечатаны (А.И. Роговым) обобщающие библиографические "Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР" (М., 1962), включающие данные о 569 собраниях. Подготовлено к печати описание рукописей собрания академика М.Н. Тихомирова, переданного им в дар Сибирскому отделению Академии наук СССР (в Новосибирске)¹. Издан "Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей" (М.; Л., 1963), в котором приводятся данные об описаниях собраний, групп рукописей и даже отдельных рукописей, находящихся как в СССР, так и за рубежом, в частности о рукописях, хранящихся во Франции (в Парижской национальной библиотеке и в Городской библиотеке Реймса)². Специальный краткий обзор славянских и русских рукописей Парижской национальной библиотеки опубликован Л.В. Черепниным, знакомившимся с этими рукописями в 1959 г.³ Вышла из печати книга М.Н. Тихомирова "Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы" (М., 1962), дающая представление о содержании 150 рукописей. Пространные обзоры некоторых летописных памятников публикует А.Н. Насонов. Библиографические справки о древней письменной и старопечатной книжности суммированы в подго-

товленном И.У. Будовницем "Словаре русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в." (М., 1962). В результате ознакомления со многими архивными фондами и публикациями сделаны перечни таких важных видов исторических источников, как приходные и расходные книги монастырей (А.Г. Маньковым), иммунитетные грамоты (составленный С.М. Каштановым список за 1504—1584 гг. включает 1139 грамот), полные и докладные грамоты (документы, оформляющие зависимость холопов) XV—XVI вв. (Е.И. Колычевой).

Ориентировке в рукописных сборниках, совершенствованию методики выявления, издания и изучения рукописных памятников, особенно истории изменений первоначальных рукописных текстов, помогают недавние труды по текстологии, и прежде всего монография Д.С. Лихачева "Текстология" (М.; Л., 1962), написанная на материале русской литературы X—XVII вв. (преимущественно летописей и переводной литературы). Труд исследователя существенно облегчается выходом в свет пособий по специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам — палеографии, хронологии, метрологии, сфрагистике (Е.И. Каменцевой, Н.В. Устюгова и др.). Эти пособия имеют, по существу, исследовательский характер (например, книги по русской палеографии Л.В. Черепнина (М., 1956) и М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева (М., 1965)).

Характерная черта новейших исследований по истории России XVI в. — повышение интереса к вопросам источниковедения. Появились серьезные специальные работы источниковедческой тематики^{1*} о летописях, памятниках публицистики, копийных книгах монастырей, об отдельных разновидностях актов, о судебниках, разрядных, родословных и посольских книгах, о происхождении, составе и содержании монастырских хозяйственно-административных книг, о писцовых книгах, о торговой книге сношений русских и зарубежных купцов, о методах статистической обработки материалов различных источников, о приемах составления карт поселений, о терминологии документов XVI в., о рукописных миниатюрах, фресках и иконах, о русских исторических песнях, посвященных событиям времени Ивана Грозного, и т.д. Институт русского

^{1*} Книги и статьи в журналах "Вопросы истории", "История СССР", "Исторический архив", "Вопросы архивоведения", в "Археографических ежегодниках", в сборниках "Проблемы источниковедения", в "Исторических записках", в трудах Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, в Трудах Московского государственного историко-архивного института, в ученых записках университетов, в юбилейных сборниках статей в честь М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, В.П. Адриановой-Перетц, А.А. Новосельского и в ряде других изданий.

языка Академии наук СССР выпустил несколько сборников статей по лингвистическому источниковедению, в которых ставятся задачи определения содержания лингвистической информации, о типах памятниках языка, а также задача разработки эдиционной теории, т.е. всей совокупности вопросов, связанных с изданием письменных памятников.

Вопросам источниковедения уделяется немало внимания и в некоторых собственно исторических исследованиях (источниковедческие экскурсы, оригинальные приемы изучения источников и т.д.). Иногда даже трудно определить, какой характер имеют такие исследования — собственно исторический или собственно источниковедческий.

Общая характеристика основных источников по истории России XVI в. содержится в вышедших в 1962 г. (2-е изд.) учебном пособии М.Н. Тихомирова "Источниковедение истории СССР" (Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в.), в учебных пособиях А.А. Зимина, А.Ц. Мерзона и др., изданных Московским государственным историко-архивным институтом, пособии И.Л. Шермана, изданном Харьковским университетом, в других изданиях. Источники по истории войн и военного искусства охарактеризованы в книге Л.Г. Бескровного "Очерки по источниковедению военной истории России" (М., 1957), памятники публицистики — в обобщающих трудах по древнерусской литературе.

Выявлены в архивах и впервые опубликованы многие ценные источники по истории России XVI в.^{2*} В значительной степени именно в результате новых архивных находок удалось создать важные труды по социально-экономической, политической и культурной истории России XVI в. Так, В.И. Корецкий сумел реконструировать исчезнувшее законодательство о крестьянах конца XVI в. и пересмотреть значение в ходе закрепощения ранее известных законодательных памятников, в частности законов 1580 и 1581 г. Оказывается, кульминационным пунктом политики закрепощения в общегосударственном масштабе на рубеже XVI—XVII вв. был указ 1592—1593 гг. о запрещении выхода крестьян и бобылей, прозвучавший непосредственным сигналом к крестьянской войне, подготовлявшейся всем ходом социально-экономического развития XVI в.⁵

^{2*} Обзор документов по истории СССР, вышедших до 1940-х годов, содержится в обобщающем труде старейшины советских археографов С.Н. Валка "Советская археография" (М.; Л., 1948). Общее представление об издании исторических источников в СССР по 1955 г. можно получить из статьи А.А. Новосельского и В.И. Шункова⁴.

В последние годы были подготовлены к печати издания источников и научно-исследовательского типа, и учебного, и научно-популярного⁶, причем в учебных изданиях впервые иногда печатались документы первостепенного научного значения: например, в IV томе "Памятников русского права" А.А. Зимин опубликовал "Уставную книгу Разбойной избы" 1555—1556 гг., конкретизирующую наши представления о классовой борьбе и формах ее подавления в середине XVI в. Отдельные документы и группы документов публиковались и в таких сборниках, как "Исторический архив", "Археографический ежегодник", "Материалы по истории СССР", в Трудах Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, журнале "Исторический архив", издававшихся Академией наук СССР, в Трудах рукописного отдела Библиотеки им. В.И. Ленина и в других изданиях. (В литературе поставлен вопрос и о целесообразности сокращенной передачи текстов документов XVI в. в виде регест или таблиц — В.И. Шунков и др.).

Изданы современные описи правительственных архивов XVI—начала XVII в. Изучение архивных описей (С.О. Шмидт) позволило получить представление о составе архивов, их ведомственной принадлежности и деятельности, о возможных путях поисков утраченных документов. Пришлось отказаться от общепринятого мнения, будто опись Царского архива 1570-х годов являлась описью архива Посольского приказа, — выяснилось, что документы внутренней политики, не связанные происхождением с Посольским приказом, занимали в архиве большее место, чем документы внешней политики; в Царском архиве оказались сосредоточенными документы разнообразного содержания, отражающие многостороннюю деятельность Боярской думы в целом и ее комиссий. В годы опричнины, оставаясь по преимуществу архивом Боярской думы, Царский архив был главным архивом "земщины". В Царском архиве хранились "дела", касающиеся династии, важнейшие дела "старых лет" и документы современного делопроизводства (исходившие от государя и Боярской думы и поступавшие к ним от должностных лиц центрального и местного управления, от частных лиц и из-за рубежа). Царский архив был, употребляя современную терминологию, одновременно и историческим архивом, и действующим⁷.

Возродился интерес к библиотеке московских государей (так называемой библиотеке Ивана Грозного) — собранию рукописей на древних языках, о котором упоминают авторы XVI в. Ученые склоняются к мысли, что какое-то собрание древних рукописей существовало, но в настоящее время остатки его обнаруживаются

разве что в рукописных собраниях патриархов XVII в. Вопрос о библиотеке Ивана Грозного живо дискутируется, и не только в специальных научных изданиях⁸.

Продвинулись вперед изучение и публикация летописей — первостепенной важности источников по политической истории, истории культуры и политической мысли⁹. Оживлению этой работы способствовало создание в Институте истории Академии наук СССР специальной группы по подготовке издания летописей (под руководством М.Н. Тихомирова)¹⁰. Возобновлено издание Полного собрания русских летописей. (Только что вышедший 29-й том целиком состоит из летописей времен Ивана Грозного.) Издаются как летописные своды и пространные летописи, так и краткие летописцы (широко распространившиеся с XVI в. и содержавшие, как правило, малоизвестные сведения, особенно по истории отдельных местностей). Еще в 1947 г. вышла сводная работа Д.С. Лихачева "Русские летописи и их культурно-историческое значение", где содержатся основные сведения и о русских летописях XVI в., и, в особенности, о формах проникновения хронографических способов повествования в летопись, и о связи летописания с архивами. С тех пор появились работы, посвященные отдельным летописям и соотношению различных летописей друг с другом. Основная методическая установка исследователей русского летописания XVI в. — изучение отдельных летописей в связи со всей историей летописания и в сопоставлении с другими источниками, с учетом фактов социально-политической истории страны.

Специально изучаются поздние списки летописей и даже отдельных летописных сказаний. Известно, что на протяжении веков и даже десятилетий летописные тексты постепенно поновлялись. Эти поновления — сокращения, дополнения, замены слов, отдельных выражений и фраз и другие изменения (собственно исторические и филологические) — интересны для историка. Такие наблюдения помогают восстановлению по позднейшим спискам первоначального текста и как бы вводят в методику работы составителей и переписчиков летописей. Одновременно это облегчает ознакомление с кругом исторических сведений, общественными воззрениями, языковой культурой любителей исторической письменности. Сравнительное изучение ранних и более поздних списков одних и тех же летописей XVI в. убеждает в том, что более поздние списки в основном соответствуют протографу и могут быть использованы при изучении явлений истории XVI в., но использованы только при строго критическом подходе к источнику. Так, например, еще в 22-м томе Полного собрания русских летописей была издана Хронографическая летопись —

продолжение Хронографа редакции 1512 г. за конец XV — первую половину XVI в. с уникальными историческими сведениями (в частности, о земском соборе 1549 г.) Рукопись издана по списку рубежа XVII—XVIII вв. и явно содержала описки и неточности. Находка подлинной рукописи середины XVI в. подтвердила в основном соответствие обеих рукописей и в то же время выявила очень существенные неточности в позднем тексте. Так, в поздней рукописи при описании Московского восстания июня 1547 г. отмечено, что москвичи, собравшись "вечером", убили дядю царя. В подлиннике же читаем, что москвичи собрались "вечьем". Это указание на вече, столь редкое в памятниках XVI в., существенным образом меняет наши представления о ходе и характере восстания, которое в настоящее время — при сопоставлении этого указания с другими известиями — предстает перед нами как массовое народное возмущение, вспыхнувшее по инициативе самого народа, а не бояр, и антифеодалное по своей классовой направленности¹¹. В общеисториографических трудах (М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, С.О. Шмидта) летописи XVI в. рассматриваются в плане развития исторической мысли на Руси.

Внимание ученых привлекли официальные лицевые летописи (т.е. летописи с миниатюрами), в частности приписки и редакционные исправления, тенденциозно изображающие события политической истории первой половины правления Ивана Грозного (работы С.Б. Веселовского, Д.Н. Альшица, И.И. Смирнова, А.А. Зимина, С.О. Шмидта). Именно в этих приписках обнаруживаются уникальные сведения о боярских заговорах против царя: о подстрекательстве боярами черни во время Московского восстания 1547 г., о нежелании бояр присягать малолетнему сыну Ивана IV и стремлении их передать престол двоюродному брату царя князю Старицкому в 1553 г., об измене князей Ростовских. Большинство исследователей связывают составление приписок с деятельностью самого Ивана Грозного (английский ученый Н. Андреев полагает, что автором приписок был дьяк Иван Висковатый). Однако одни датируют приписки 1560-ми годами и принимают их за автограф царя (Д.Н. Альшиц), другие же относят приписки к более позднему времени, в частности к последнему десятилетию жизни царя, и рассматривают их в плане продолжавшейся полемики Ивана IV с Курбским (С.О. Шмидт).

Недавно обнаружены и опубликованы своеобразные мемуары, изложенные в традиционной летописной форме, — Постниковский летописец середины XVI в. (опубликован М.Н. Тихомировым) и Пискаревский летописец начала XVII в. (опубликован

О.А. Яковлевой и исследован М.Н. Тихомировым). Составителем Постниковского летописца был, очевидно, думный дьяк Постник Губин, принадлежавший к фамилии потомственного московского дьячества. Изложение обрывается описанием московских пожаров 1547 г., причем сообщаются подробности (передача молвы, будто родственники Ивана Грозного по матери поджигали город, и т.д.), дающие возможность постановки вопроса о том, что в своих обвинениях против бояр Ивана IV в какой-то мере опирался на распространенные тогда слухи. Постниковский летописец в России — едва ли не самый ранний образец мемуаров, где личные впечатления оказываются смешанными еще с летописным изложением.

Еще больше подобное смешение заметно в Пискаревском летописце (названном по фамилии лица, владевшего рукописью в XIX в.). В Летописце, в окончательном виде составленном в начале XVII в., наряду с пространными выдержками из официальной летописи XVI в. приводятся любопытные рассказы, основанные на личных преданиях, идущих из среды бояр, оппозиционно настроенных по отношению к Ивану Грозному (описание бесчинств юного Ивана IV, характеристика А. Адашева, оценка опричнины и др.). Видимо, именно такого рода свидетельства и предания и являлись источником информации для иностранцев, писавших о России времени Ивана Грозного.

Значительны успехи в публикации, текстологическом изучении и научном комментировании памятников публицистики. К этой работе привлечена большая группа историков, литературоведов, филологов. Особую научную ценность представляет серия изданий важнейших памятников древнерусской литературы, предпринятая главным образом силами сотрудников Пушкинского Дома: изданы сочинения Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Ивана Пересветова, Ивана Грозного^{3*}, "Сказание о князьях Владимирских", "Валаамская беседа", "Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков", "Казанская история", "Повесть о Дракуле", отрывки из статейных списков русских посольств XVI—XVII вв., опубликован и статейный список посольства Потемкина во Францию в 1668 г., и другие памятники. В подготовке этих изданий принимали участие ученые Москвы и Ленинграда: В.П. Адрианова-Перетц, Л.А. Дмитриев, Р.П. Дмитриева, А.А. Зимин, Н.А. Казакова, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, В.И. Малышев, Г.Н. Моисеева и др. Издания включают тексты памятников, историко-литературные исследования, археографические обзоры, текстологические, а иногда и исторические комментарии. В ходе

^{3*} Это издание использовано Д. Оливье.

подготовки изданий были выявлены новые рукописи, уточнено содержание ранее известных источников. Читатель зачастую впервые получал подлинный текст памятников, казалось бы, уже ранее известного и возможность сравнительного изучения его различных редакций.

Проделана значительная работа по изучению русской культуры (преимущественно в трудах литературоведов В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева и др.) и общественной мысли XVI в. Предприняты попытки фактического пересмотра истории идеологической борьбы конца XV — начала XVI в., традиционных представлений о ересь, об идеологии нестяжателей и иосифлян (публикации и исследования Н.А. Казаковой, А.И. Клибанова, Я.С. Лурье, Г.Н. Моисеевой и др.). Это дало возможность по-новому подойти и к изучению общественной мысли середины XVI в. Среди исследований этой тематики выделяется книга А.А. Зимина "И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в." (М., 1958), где вопросы общественно-политической мысли рассмотрены в тесной взаимосвязи с событиями политической истории и многочисленные памятники подвергнуты источниковедческому анализу. Если прежде основным критерием в оценке общественной значимости публицистических сочинений XVI в. признавали отношение автора к идее укрепления централизованного государства, то сейчас взгляд стал разностороннее. Стараются определить и место этих сочинений в движении за освобождение от религиозной догматики, установить их связь с реформационными течениями. Особенно привлекло ученых так называемое "рабье учение" Феодосия Косого (работы Р.Г. Лапшиной, Д.К. Шелестова, В.И. Корецкого, А.А. Зимина, А.И. Клибанова).

Пристальное исследование памятников русской публицистики XVI в., сравнение их с памятниками общественной мысли предшествовавшего и последующего времени, а также с современными зарубежными сочинениями позволили по-новому поставить вопрос о явлениях гуманизма и реформационных движениях на русской почве. Плодотворным оказалось более всестороннее сравнительное изучение памятников русской и зарубежной литературы (интересный пример работы такого рода — последняя книга Я.С. Лурье "Повесть о Дракуле". М.; Л., 1964). В плане взаимодействия русской и зарубежных культур многое можно почеркнуть из работ языковедов (прежде всего Б.А. Ларина и его учеников) о словарях иностранных слов, о проникновении иностранных слов в русский

язык и "русских слов в иностранные языки"^{4*}. Особенно ценны труды М.П. Алексеева, частично обобщенные в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве (1958) "Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XI—XII вв.)"¹². На первых порах не обходится, пожалуй, без преувеличения доли гуманистического мышления в памятниках русской общественной мысли и слабо обоснованных сближений взглядов отдельных официозных публицистов с еретическими, в частности с народной реформацией, но в целом появившиеся работы опровергают распространенное мнение о глубоко принципиальном отличии путей общественного развития России и стран Западной Европы в средние века.

Ознакомление с новейшими трудами, посвященными русской общественной мысли XVI в., свидетельствует о большом разнообразии точек зрения. Высказываются противоположные мнения и о социальной сущности взглядов отдельных публицистов, и о датировке и месте появления отдельных памятников. Так, автора проекта государственного переустройства Ермолая-Еразма (середина XVI в.) изображают и идеологом дворянства (Т.А. Колесникова), и выразителем крестьянских интересов (И.У. Будовниц). Пересветова одни ученые сближают с гуманистами, видя в его сочинениях еретическое вольномыслие и протест против рабства (А.А. Зимин), другие же исследователи не согласны с этой точкой зрения и рассматривают сочинения Пересветова как памятник идеологии самодержавия и крепостничества. В Первом послании к Курбскому в пространной редакции Иван Грозный, по мнению одних, обращался прежде всего к русскому читателю (Я.С. Лурье), по мнению же других — к зарубежному, а на читателя в России было рассчитано послание в краткой редакции (С.О. Шмидт). Валаамскую беседу относят и к памятникам боярской идеологии (А.А. Зимин), и к памятникам дворянской общественной мысли (Г.Н. Моисеева), и, наконец, к произведениям, вышедшим из среды черносошного крестьянства (И.И. Смирнов). Нет единого мнения и о датировке этого сочинения — середина XVI в., рубеж XVI—XVII вв. Эти споры ученых, отраженные на страницах разнообразных изданий, с несомненностью свидетельствуют и о большом оживлении научно-исследовательской работы в этой области русской истории, и о том, что остается еще немало нерешенных и спорных вопросов.

Внимание советских историков привлек и такой вид источ-

^{4*} Интересна и работа И.И. Слуховского "Из истории книжной культуры в России. Старорусская книга в международных связях" (М., 1964), в которой обильно использованы и зарубежные (печатные) источники.

ников, как агиографическая литература. Опровергнуто мнение В.О. Ключевского, рассматривавшего жития главным образом как нагромождение литературных штампов и не увидевшего за ними реального исторического содержания. Сквозь призму церковных воззрений и стилистическую витиеватость удастся обнаружить любопытные факты по истории социальных отношений, общественной мысли и политической истории. И.У. Будовниц выяснил, что основатели монастырей, как правило, не прокладывали колонизационные пути, а, напротив, продвигались по проторенным путям крестьянской колонизации, стараясь подчинить монастырям окрестное население. (Эти наблюдения дополняются сравнением с актовым материалом.) В агиографической литературе выявлены важные данные для изучения внутренней и внешней политики Российского государства: например, о набегах казанских татар и их последствиях в 1530—1550-х годах (работа С.О. Шмидта), о состоянии страны в канун опричнины (статьи М.Н. Тихомирова и др.).

Опубликованы важные памятники права. Под редакцией Б.Д. Грекова вышло академическое издание Судебников 1497, 1550 и 1589 гг. с обширными археографическими введениями и историческими комментариями (Л.В. Черепнина, Б.А. Романова, А.И. Копанева)^{5*}. Судебники стали предметом специального изучения, причем и здесь собственно историческое исследование смыкается с собственно источниковедческим. Б.А. Романов, И.И. Смирнов и другие ученые, исследуя вопросы управления, гражданского права, законодательного процесса в Судебнике 1550 г., отражение в статьях Судебника правительственной поземельной и закрепостительной политики, выявили особую важность изучения этого памятника для понимания основных реформ середины XVI в.

Впервые детально изучены разрядные книги — записи правительственных распоряжений о погодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу. В.И. Буганов, исследовав более 200 рукописных разрядных книг, определил их редакцию и время составления, сопоставил с другими источниками и обнаружил много ценных фактов по военной истории, истории внутренней и внешней политики, истории государственных учреждений. Приступают к последовательному изучению родословных книг и местнических записей.

XVI век — век оформления бюрократического делопроизводства централизованного государства, выработки формуляров при-

^{5*} Это издание использовано М. Шефтелем, опубликовавшим на французском языке перевод Судебника 1497 г. и комментарии к нему.

казной документации и норм дипломатической практики. Исследователи изучают различные формы делопроизводственной документации (в частности, посольской), ее особенности и изменения, роль дьячества в оформлении этой документации (труды К.Г. Митяева, М.А. Соколовой, Р.Б. Мюллер, Б.А. Романова, Е.Н. Кушевой, А.К. Леонтьева, Н.Е. Носова, В.И. Буганова, А.В. Чернова, С.О. Шмидта и др.).

Введены в научный оборот и некоторые источники по истории международных отношений: статейный список русского посольства в Турцию 1570 г., важная для истории Ливонской войны "Реляция" императорского гонца в Ливонию и Россию в 1559—1560 гг. и особенно интересные документы, связанные с так называемой миссией Ганса Шлитте. Еще в 1547 г. Иван IV поручил ему вербовать для Российского государства иностранных специалистов; впоследствии он стал полуофициальным агентом русского царя и сменил проимперскую ориентацию на профранцузскую. И.И. Полосиным опубликованы (извлеченные из Венского архива) донесение нюрнбергского купца Фейта Зенга о торговых операциях России (от 1582 г.) и грамоты французского короля Генриха II от 15 июля 1555 г. Ивану Грозному об отправке в Москву Шлитте, султану Солиману II, французскому послу при султанском дворе и шведскому королю с просьбой обеспечить Шлитте свободный проезд в Москву¹³. Документы эти свидетельствуют о намерении завязать дружественные отношения между Францией и Россией, а также побуждают отказаться от распространенного в исторической литературе мнения, будто действия Шлитте были лишь его личной авантюрой. Быть может, дополнительные сведения об этих неясных до сих пор событиях политической истории имеются во французских архивах?

Значительным явлением в области изучения отечественной истории периода феодализма и специальных исторических дисциплин можно считать начало полной публикации всех сохранившихся актовых материалов отдельных монастырских фондов — серийные издания "Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.", "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси", в подготовке которых приняли участие С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов, А.А. Зимин, Л.В. Черепнин. Эти издания представляют собой публикации-исследования. Акты издаются по подлинникам или, если нет таковых, по наиболее ранним и достоверным спискам с указанием других списков и разночтений, с пояснительными примечаниями, разнообразными указателями.

Актовые материалы стали предметом интенсивного внимания исследователей. Специально изучались и отдельные акты, и пол-

ностью копийные книги. Копийные книги — сборники копий ("списков") с актов, составлявшиеся, как правило, церковно-монастырскими корпорациями путем переписки в книгу документов, хранившихся в их архиве, — ценные источники для изучения отечественной истории XV—XVII вв. В копийных книгах сосредоточены важнейшие документы о борьбе феодалов за землю и за крестьянский труд. В послевоенные годы копийные книги в тесной связи с явлениями социально-экономической и политической жизни исследовал Л.В. Черепнин, сформулировавший основные задачи изучения этих источников¹⁴. Сличение некоторых из сохранившихся в оригинале актов с их "списками" в копийных книгах (работы Л.В. Черепнина, Л.И. Ивиной, С.М. Каштанова) показывает, что копии, как правило, соответствовали оригиналам, с учетом при этом правок и помет последующего времени, хотя имели место и подчистки, и случаи фальсификации документов. Выяснено, что копийные книги сохранили большую часть монастырской документации, и на основании их исследователи могут делать обобщающие выводы.

Имунитетные грамоты XVI в. — документы, устанавливающие ту или иную степень неподведомственности феодального владения правительственным агентам и посторонним лицам, — изучает С.М. Каштанов. Он старается исследовать грамоты в конкретно-историческом плане, учитывая частные обстоятельства места, времени, политической обстановки и др. и избегая распространения своих наблюдений и выводов на всю территорию Российского государства или на слишком большой хронологический отрезок. Рассмотрение явлений политической и социальной истории России XVI в. не как разом сложившихся, а как постепенно оформляющихся (зачастую в разные годы в различных районах государства) представляется правильным и научно-плодотворным. Приемы изучения С.М. Каштановым имунитетных грамот стали предметом дискуссии, начало которой было положено интересной обстоятельной статьей Н.Е. Носова (1960—1962).

Актовый материал изучался и, так сказать, по тематическому принципу: например, ознакомление с актовыми источниками в районах черносошного землевладения позволило Н.Н. Покровскому показать, что в Двинской земле в XV—XVI вв. концентрация земельной собственности привела к выделению "двинских бояр" из среды местных волостных миров. Однако государство, защищавшее интересы феодалов центра России, не санкционировало начавшееся превращение части двинских черных земель в феодальную собственность местных владельцев, и с 1570-х годов наблюдается резкий упадок таких хозяйств.

Впервые в источниковедческом плане исследован комплекс документов по истории кабального холопства в XVI в. (служилых кабал, полных грамот, отпускных, духовных, правых грамот, кабальных книг, законодательных актов и других источников). В.М. Панеях установил классификацию этих документов и попытался определить статистику закабаления.

Изучение документальных материалов вотчинных архивов и данных о судебной экспертизе документов XV—XVI вв. показало, что уже тогда разрабатывались приемы анализа актов (актового формуляра, дьячих подписей, печатей, определения подлинников и копий, проверки географических наименований, имен свидетелей и их показаний и т.п.), оформившиеся впоследствии в систему внешней и внутренней критики документов. Актовое источниковедение, зародившись в прикладных целях, с течением времени превращалось в научную дисциплину¹⁵.

Углубленное изучение актов позволило поставить вопрос об определении предмета и задач дипломатики. Автор недавно опубликованной статьи на эту тему (Вопросы истории. 1965. № 1) С.М. Каштанов рассматривает дипломатику как часть источниковедения, изучающую акты, под которыми подразумеваются документы только договорного содержания (частные сделки, государственные договоры и т.п.) (разного рода делопроизводственная переписка, т.е. документы распорядительного или просительного характера, исключается). При этом С.М. Каштанов дипломатикой считает науку не о внешней (палеографической) форме актов, а об их внутренней форме (формуляр и построение текста акта) и тем самым о социальном и политическом содержании актовых материалов. Он полагает, что господство актов в России XII—XV вв. является типичным признаком раздробленности политической власти, нарастание же с XVI в. делопроизводственной переписки и ее количественное преобладание над актами в XVII в. отражают процесс развития крепостного права, установления самодержавной власти.

А.Г. Маньков изучал в источниковедческом плане такой важный массовый источник, как хозяйственные книги монастырей: дал определение разновидностей этих документов, показал богатство их содержания — именно эти источники содержат массовую регистрацию повседневных явлений жизни вотчины. Он доказал точность математических расчетов составителей книг, сопоставив отдельные цифровые записи с общими подсчетами. Это позволяет исследователям использовать суммарные цифры источников. На основании материалов монастырских хозяйственных книг А.Г. Маньков написал монографию о ценах в России XVI в.

(изданную позже и на французском языке), в которой обильный фактический материал в значительной степени был сведен в таблицы. Труд А.Г. Манькова — первая в советской литературе попытка статистической обработки столь обширного материала по отечественной истории периода феодализма, причем с возможным приближением к индексному методу современной статистики. А.Г. Маньков убедительно обосновал вывод о непрерывном повышении цен в России XVI в. как на отдельные товары, так и в общем на продукты сельского хозяйства, промыслов и на ремесленные изделия. Выяснилась и роль сезонных колебаний.

Материалы хозяйственной отчетности монастырей широко использовались и Н.А. Горской, разработавшей методику изучения не только прихода-расходных, но и ужинно-умолотных и посевных книг. Это позволило многосторонне исследовать характер сельскохозяйственного производства (в том числе земледельческой техники) и связей с рынком и установить, что хозяйство изученных ею монастырей и к концу XVI в. оставалось натуральным.

Продолжалось исследование писцовых книг. Особые достижения в этом плане имеют специалисты в области исторической географии. Так, В.М. Витов в книге "Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв." (изд-во МГУ, 1962) прежде всего на основании материалов писцовых книг охарактеризовал территорию, этнический состав, географию землевладения в Заонежье, типы и формы поселений, типы расселений, в этих очерках имеется много ценных таблиц и карт. Основным источником послужили писцовые книги и для исследователей аграрной истории Новгородской земли в XVI в. И.Л. Перельман и Р.Г. Скрынникова. И.Л. Перельман избрала для изучения четыре погоста, описания которых сохранились последовательно в писцовых книгах конца XV—XVI в. Это позволило проследить историю одних и тех же волостей в течение века и подготовить ряд таблиц: о составе владельцев земли, количестве обож в земельных владениях, количестве высеваемой ржи, составе оброка, характере торговли и т.д.

Разрабатываются и вопросы методики датировки писцовых книг (В.Б. Павлов-Сильванский). Писцовые книги изучаются и как источник по истории расселения и социального положения отдельных групп населения (например, скоморохов, являвшихся в то время выразителями оппозиционных настроений народных масс по отношению к феодальному государству и особенно к церкви, — работа В.И. Петухова).

Все более углубленное исследование таких массовых источников, как писцовые и таможенные книги, хозяйственные книги

монастырей, дает возможность поставить вопрос о сплошном статистическом изучении сведений этих источников. Еще в 1955 г. В.К. Яценский (Проблемы источниковедения. Вып. IV) писал о необходимости выявления, публикации и обобщения данных по истории урожаев и цен и разработал формуляры предварительных рабочих карточек.

Комплексное изучение различных видов письменных источников приводит к интересным выводам. В книге А.И. Копанева "История землевладения Белозерского края XV—XVI вв." (М.; Л., 1951), прослеживающей основные этапы развития феодального землевладения от момента зарождения крупных феодальных вотчин вплоть до поглощения феодальной собственностью черных общинных крестьянских земель, общие представления об изменениях в землевладении края дают карты, составленные автором на основании писцовых и переписных книг и актов. А.И. Копанев показал, что писцовые книги в сочетании с различным по хронологии актовым материалом содержат достаточно данных для составления карт. Привлечение карты к толкованию каждого отдельного земельного акта помогает яснее понять конкретные исторические условия, в которых совершалась сделка, а иногда даже и показать ее причины. Ценность приема картографирования материалов письменных источников подтверждается и работами М.В. Витова по Заонежью.

Продолжается изучение рукописных миниатюр. Методика изучения миниатюр XVI в. как исторических источников была продемонстрирована еще в опубликованной в 1944 г. монографии А.В. Арциховского, ныне всемирно известного археолога, прославившегося как руководитель Новгородской археологической экспедиции, открывшей берестяные грамоты. Новейшим обобщением является книга искусствоведа О.И. Подобедовой "Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания" (М., 1965). Эти исследования убедили в том, что миниатюры, украшающие страницы рукописи, могут быть использованы для выяснения состава текста данной рукописи, могут служить для реконструкции недошедших текстов, быть источником известий о конкретных исторических событиях и для изучения социально-исторических представлений и материальной культуры людей Древней Руси. Конкретные исследования отдельных миниатюр позволили уточнить сведения о земледельческих орудиях XVI в. (статьи А.Д. Горского), о событиях политической истории. Так, именно благодаря миниатюрам удалось составить более полное представление о Московском восстании 1547 г. — самом крупном из городских восстаний России XVI в. — и узнать о том,

что важнейшие реформы середины 1550-х годов — Приговор об отмене кормлений и Уложение о службе — были приняты на заседании земского собора (работы С.О. Шмидта).

Наблюдения, существенные прежде всего для понимания событий политической истории, удастся сделать и при изучении стенной росписи храмов. Например, тематика росписи Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве 1526—1530 гг. отражает — как установила Л.С. Ретковская — и триумф "смоленского взятия", и личные интересы строителя собора Василия III (сюжеты с молением о даровании младенца). Тематика первой росписи Архангельского собора в Кремле, датируемой, по мнению Е.С. Сизова, 1564—1565 гг., имеет много аналогий с биографией Ивана Грозного. В выборе сюжетов царской усыпальницы, в их композиционном решении отразились настроения Ивана Грозного и дают о себе знать отзвуки неистовой борьбы с политическими противниками. Это время написания царем и Первого послания Курбскому, и послания из Александровской слободы. Так стенная роспись приобретает значение важного памятника общественной мысли¹⁶.

Многосторонне изучается фольклор XVI в., отразивший отношения различных общественных слоев, прежде всего трудового народа, к памятным событиям эпохи. Вышли в свет и академическое издание русских исторических песен, и исследовательские работы по этой тематике (работы В.К. Соколовой, Б.Н. Путилова, В.Я. Проппа, В.И. Чичерова, Н.К. Гудзия, А.А. Зимина, А.А. Горелова и др.). Исследователи стараются установить взаимосвязь устного народного творчества с письменной литературой, выявить исторические факты, побудившие к созданию фольклорных памятников, и, если обнаруживается переосмысление таких фактов, определить причины подобных явлений. При этом широко используются данные различных письменных источников.

Сравнительное изучение данных разных типов источников (особенно вещественных и письменных) характерно для исследований по истории сельскохозяйственных культур, систем земледелия, земледельческих орудий, приемов обработки зерна, помещенных в сборниках "Материалы по истории земледелия СССР".

Различные источники по истории России XVI в. изучаются с неодинаковой степенью интенсивности (так, слабо исследованы еще писцовые книги, памятники внешнеполитических сношений, сочинения иностранцев, писавших о России XVI в., и т.д.). Однако сплошное и в то же время детальное исследование источников — летописей, памятников публицистики, монастырских хозяйственных книг, актового материала (особенно жалованных

грамот), исторических песен — ставит на очередь вопрос о создании обобщающих трудов по источниковедению русской истории XVI в.

Таким образом, за последние годы источниковая база для исторических исследований по истории России XVI в. существенно расширилась, обогатились методика источниковедческого и текстологического анализа, а также археографический опыт. Все это помогает более глубоко и всесторонне исследовать проблемы отечественной истории XVI в., а также осмысливать теоретические вопросы источниковедения и археографии в целом.

К изучению аграрной истории России XVI века*

В последнее время опубликовано немало работ, имеющих отношение к аграрной истории России XVI в., и в то же время выявились трудности в изучении этой проблематики, особенно ясно ощутимые при попытках обобщить накопленные факты.

Этим-то трудностям и посвящена статья. В ней одновременно предпринята попытка поставить отдельные вопросы аграрной истории (преимущественно в историографо-источниковедческом аспекте)¹.

В 1946 г. вышел в свет капитальный труд акад. Б.Д. Грекова "Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.", который и поныне остается единственной обобщающей работой по этой теме. Первая часть книги, близкая по содержанию к соответствующим главам другой монографии ученого, "Киевская Русь", насыщена библиографическими сносками, историографическими отступлениями — иногда полемическими, источниковедческими экскурсами с целью опровергнуть ту или иную точку зрения и убедительнее обосновать свою. В главах, посвященных аграрной истории XVI в., эти элементы изложения менее заметны и присущи лишь тем страницам, где характеризуется юридическое положение крестьян. Причина подобного явления не только в том, что Б.Д. Греков уделяет особое внимание этой стороне аграрной истории XVI в., оформлению собственно "крепостного права", выяснению предпосылок и самого хода закрепощения крестьян в XVI—первой половине XVII в. Это отражало и уровень знаний по истории крестьянства XVI в. В 1930-х—начале 1940-х годов о развитии производительных сил в деревне, о крестьянском быте, о крепостном хозяйстве писали еще мало; случайны были и сведения о классовой борьбе в русской деревне XVI в., о крестьянской идеологии.

К настоящему времени положение существенно изменилось. Появились новые исследования, посвященные как традиционной тематике — феодальному землевладению, категориям сельского населения, закрепощению крестьян, — так и вопросам, ранее изучавшимся слабо: развитию производительных сил в сельском хозяйстве, рыночным связям феодалов и крестьян, формам клас-

* Впервые опубликовано: В.И. 1968. № 5. С. 17—31.

совой борьбы в деревне, образу жизни трудового населения деревни, народной культуре. Вопросы аграрной истории России XVI в. затронуты и в работах, специально посвященных отдельным сторонам этой проблемы, и в работах по социально-экономической, политической истории, истории культуры и общественной мысли. При этом интересные выводы и наблюдения по аграрной истории России XVI в. имеются как в трудах собственно историков и экономистов, так и в трудах археологов, этнографов, искусствоведов, практиков и историков сельского хозяйства.

В значительной мере мы обязаны этим Симпозиумам по аграрной истории Восточной Европы. Они способствовали координации усилий историков-аграрников, привлекли к аграрной тематике внимание тех исследователей, которые первоначально были далеки от нее. Знакомство с трудами Симпозиума помогает изучать и другие проблемы социально-экономической, политической и даже культурной истории; и это естественно, так как в нашей стране аграрные отношения во многом определяли и объясняли ход исторического развития в рассматриваемое время.

Проблематика аграрной истории России XVI в. изучается значительно интенсивнее, чем прежде, однако отдельные вопросы исследуются неравномерно. По некоторым темам имеются уже серьезные исследования, основанные на значительной источниковой базе; по другим же историки ограничиваются наблюдениями конкретного характера или постановкой вопроса в самой общей форме. Материал в целом остается еще, по существу, необобщенным, хотя потребность в этом уже ощущается.

Но прежде чем обобщать, следует разобраться в том, как накопленные наблюдения и введенные в научный оборот сведения историков распределены в тематическом, хронологическом, географическом планах, каково происхождение и степень достоверности этих источников, не имеются ли лакуны среди всех этих данных, как значительны эти лакуны и в какой мере их можно восполнить, какова возможность сопоставимости всех этих данных.

Уже приходилось отмечать, что уровень разработки проблем аграрной истории России XVI в. в значительной степени зависит от состояния источниковой базы. Документов XVI в. сохранилось сравнительно немного, и информация о них до сих пор еще недостаточна; отсутствуют полные библиографии со сведениями о публикации таких источников и сводные архивные описания.

Нельзя не учитывать и особенности письменных источников той поры: они имеют "стабильные пробелы" — каждодневная жизнь и классовая борьба народных масс, как правило, отражены в источниках крайне слабо, да и то в источниках классово враж-

дебных (памятниках законодательства, документах феодального хозяйства, феодальных хрониках)², и прямое воспроизведение данных источников чревато искажением исторической правды. Необходимо иметь в виду и особенности мировоззрения людей XVI в., отразившиеся в современных им памятниках.

Что касается обнаруженных источников, могущих быть использованными при изучении аграрной истории, то они распределены крайне неравномерно и по территориальному признаку (преобладают материалы по истории Севера и Северо-Запада), и хронологически (в пределах столетия). Крайне неравномерно распределены и материалы, позволяющие характеризовать различные типы владений и хозяйств: преобладают материалы о монастырских владениях при сравнительно ничтожных сведениях о владениях светских вотчинников. О светских вотчинниках мы также узнаем по преимуществу из документации монастырских архивов, но только в том случае, если первые имели связь с монастырем, и там трудно ожидать сведений о помещичьем условном землевладении. Данных о помещичьем землевладении центральных районов вообще немного. Больше всего известно о помещиках Новгородской земли, где преобладали феодалы, получившие владения не ранее конца XV в. По этим источникам нельзя проследить взаимоотношения вотчинного и поместного землевладения в развитии. К тому же Новгородский район являлся нетипичным. Он считался неземледельческим, а связь с рынком там по традиции была более развитой; во второй половине XVI в. этот район более других пострадал от Ливонской войны и от бесчинства опричников.

Еще меньше сведений о крестьянских хозяйствах. Имеющиеся данные относятся главным образом к черносочным крестьянам северных районов страны, где крепостное право не получило развития, и не были резко ощутимы различия между "посажанами" и жителями сел.

Неравномерно — в смысле территориальной принадлежности и в хронологическом отношении — распределены даже источники одинаковых разновидностей (хозяйственные книги монастырей, различные грамоты, записные книги и др.)³. Все это весьма затрудняет возможность сопоставить имеющийся в нашем распоряжении материал источников^{1*}.

^{1*} Это сочла необходимым подчеркнуть и К.Н. Сербина, анализируя материал о торговых и ремесленных селах XVI в.⁴ О сложном положении, в котором находятся исследователи, изучающие социально-экономическую историю России XVI в., писал и Н.И. Павленко, отметивший, что "на массовый материал им рассчитывать не приходится"⁵.

Сравнительное исследование материала усложняется и тем, что терминология в XVI в. была еще неустойчивой (это убедительно показано в трудах Л.В. Черепнина, С.М. Каштанова⁶ и др.): одни и те же термины употреблялись в различных значениях, и в то же время разные термины оказывались, по существу, однозначными. Свойственно это не только документации отдаленных друг от друга районов страны, но и документации, общность происхождения которой несомненна.

Естественно предположить, что положение Ф. Энгельса о множестве форм феодальной зависимости категорий зависимого сельского населения, характерных для небольшой по территории, сравнительно с Россией, Германии начала XVI в., можно распространить и на огромную территорию Российского государства. Но выяснить, как именно эти явления отражены в источниках, где старая юридическая оболочка прикрывала новые отношения, и всегда ли новый термин обозначал действительно новое явление, очень нелегко, тем более, что в XVI в. явно обнаруживается тенденция к стиранию граней между близкими категориями зависимого населения и государство в своем законотворчестве и в административно-судебной практике способствует этому процессу.

Схожие по содержанию грамоты могли называться по-разному (то купчими, то посильными, то отступными). Не определились еще и нормы составления различных разновидностей документов; формуляр документов (в частности актов) тоже оказывался еще недостаточно четким. А.С. Лаппо-Данилевский^{2*}, в своих исследованиях по актовому источниковедению, по существу, предвосхитивший современные попытки моделировать типические исторические источники, пришел к выводу о невозможности построения типического формуляра разновидностей актов, о допустимости лишь "как бы среднего вывода из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов". Отмечая, что "выявление типического формуляра данной группы актов значительно облегчается благодаря графически-статистическому методу расположения их клаузул в таблицы", А.С. Лаппо-Данилевский указывал на то, что таблицы помогают установить "изменения, происходящие в формуляре актов в зависимости от места или от времени их составления"⁷.

Таким образом, и особенности терминологии, и особенности

^{2*} Встречающееся в литературе утверждение, будто А.С. Лаппо-Данилевский представлял форму документа как нечто неподвижное, неточно передает взгляды ученого.

формуляра источников XVI в. также делают затруднительным изучение конкретного содержания этих источников и сопоставление заключенных в источниках сведений.

Данные о жизни крестьян XVI в. непросто извлечь из материалов по истории языка (в частности, топонимических) и фольклорных материалов, так как непосредственные следы истории XVI в. обычно скрыты там под наслоениями последующих веков. Ценные наблюдения исследователей фольклора и этнографов (например, о русском земледельческом календаре XVI в., обобщенные В.И. Чичеровым⁸) до сих пор еще детально не сопоставлены со свидетельствами письменных источников.

В результате мы еще недостаточно конкретно представляем жизнь крестьянина XVI в., мало знаем о том, в чем на практике выражалась барщина (сколько дней в неделю работал крестьянин на земле феодала, кому принадлежали скот и орудия труда, которыми обрабатывалась земля феодала), чему равнялась крестьянская запашка, сколько именно денег платил крестьянин феодалу (широко цитируемые слова Максима Грека или Ермолая-Еразма о том, что "крестьян мучат беспрестанно, сребра ради", — это публицистическая ламентация, а не конкретика!), каково было имущественное положение типичного жителя крепостной деревни. По существу, мы не имеем еще достаточно данных для конструирования модели крестьянского хозяйства XVI в.^{3*} Не могут пока еще с должной основательностью ученые удовлетворить и все возрастающий интерес к познанию социальной психологии крестьянства^{4*}. А без этого невозможно понять предпосылки массовых крестьянских движений — "бунташного" XVII столетия^{5*}. Мы больше знаем о крепостном праве, чем о хозяйстве крепостников, о быте и психологии феодала, чем о каждодневной жизни крестьянина.

Академик М.Н. Тихомиров, еще в 1952 г. отмечая, "что в учебниках и курсах по истории СССР история сельского хозяйства,

^{3*} В плане возможностей моделирования социально-экономических организмов прошлого немало можно почерпнуть из трудов польских историков. Особенно велико методическое значение обобщающего исследования В. Кули⁹, основанного, правда, на использовании материалов более позднего времени.

^{4*} Богатый материал для историко-сравнительных наблюдений в области социальной психологии, особенно по методике исследования, содержится в монографии французского ученого Р. Мандру. (Mandzou R. Yntroduction a la France modeme (1500—1640) Essai de Psychologie historique. Paris. 1961.)

^{5*} Для понимания крестьянского мировоззрения кануна XVI в. многое дает книга К.В. Чистова "Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв." (М., 1967).

в частности земледелия, почти отсутствует и заменяется в некоторых случаях общими рассуждениями", объяснял это недостаточным интересом к экономической истории¹⁰. Ныне наши представления о жизни крестьян и о сельском хозяйстве XVI в. благодаря новейшим трудам историков, археологов, специалистов в области сельского хозяйства^{6*} существенно обогатились, и главное, конкретизировались. Это свидетельствует прежде всего о том, что имеющиеся источники могут дать гораздо больше, чем казалось еще недавно, — необходимо только последовательно и глубоко знакомиться с архивной документацией и сопоставлять ее не только с ранее опубликованными письменными источниками, но и с другими типами источников (вещественными, изобразительными, с материалом фольклора и т.д.).

Сейчас заметны достижения и в области источниковедения аграрной истории России XVI в., причем работы в этом направлении тесно связаны с возобновлением научной публикации ценных исторических источников (особенно из бывших монастырских архивов). Много нового обнаружено и в результате пристального изучения источников, уже ранее привлекавших внимание ученых. Историки постепенно овладевают навыками более проникновенного "прочтения" источников, а соответственно, и более адекватного отражения содержания источника в познавательных образах¹³. Возникает потребность в новом издании некоторых разновидностей источников. Это предпринято уже применительно к актам (серийные издания, подготовленные С.Б. Веселовским, И.А. Голубцовым, А.А. Зиминим, Л.В. Черепниным). Пора издать заново и писцовые книги, опубликованные в XIX в. лишь фрагментарно^{7*}, и подготовить к печати ранее не опубликовавшиеся.

Бесспорно плодотворными оказались усилия ученых, разра-

^{6*} Особое значение имеют работы по истории сельскохозяйственных культур, систем земледелия, земледельческих орудий, приемов обработки зерна и др., опубликованных в "Материалах по истории земледелия СССР". (М., 1952. Т. I; М., 1959. Т. II) и "Материалах по истории сельского хозяйства и крестьянства" (М., 1960—1966. Т. III—IV), а также работы о мерах акад. С.Г. Струмилина (Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966), Г.В. Абрамовича и др. (новейшая литература указана в кн.: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. М., 1965). Значительны недавние достижения ученых, изучающих изобразительные материалы. Новые данные о жизни русского крестьянина XVI в., особенно о сельскохозяйственных орудиях, выявил вслед за А.В. Арциховским в летописных миниатюрах А.Д. Горский¹¹. Этнограф Г.Г. Громов опубликовал работу "Русское крестьянское жилище XVI—XVII вв. (по графическим источникам)"¹².

^{7*} Серьезные погрешности издания "Писцовые книги Московского государства" отмечены недавно В.Б. Павловым-Сильванским¹⁴.

ботавших оригинальные приемы исследования отдельных разновидностей источников: монастырских хозяйственных книг (работы А.Г. Манькова, Н.А. Горской и др.), писцовых книг (работы В.И. Корецкого, М.В. Витова, В.Б. Павлова-Сильванского и др.), актового материала (работы Л.В. Черепнина, И.А. Голубцова, А.А. Зимина, С.М. Каштанова и др.), законодательной документации (работы Л.В. Черепнина, И.И. Смирнова, А.А. Зимина, В.Д. Назарова и др.), кабальных записей (работы В.М. Панеяха) и их комплексного изучения (работы М.Н. Тихомирова, А.И. Копанева, Н.Е. Носова, Ю.А. Алексеева, А.Д. Горского и др.).

Однако имеющихся в нашем распоряжении источников все-таки явно недостаточно для вполне обоснованного ответа на некоторые важные и до сих пор еще остающиеся спорными вопросы аграрной истории России XVI в.

При подходе к явлениям социально-экономической истории XVI в. нельзя не учитывать замечания К. Маркса о том, что история первоначального накопления "в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи" и "в классической форме совершается она только в Англии"¹⁵. Это не всегда имеет место в трудах тех авторов, которые хотят показать, что "капиталистическая система зародилась в России в XVI в."

Имеется немало новейших исследований по отдельным конкретным вопросам социально-экономической истории России XVI в. (иногда даже по очень широкой проблематике), но основные труды, на которые пытаются опереться историки при выводах обобщающего характера, в частности, в учебной литературе, написаны были на рубеже XIX—XX вв. Именно из этих трудов они обычно черпают основные фактические данные (в том числе и цифровые показатели) и сведения, извлеченные из этих работ, в первую очередь сравнивают с новыми данными, определяя их ценность в системе наших исторических знаний. Между тем не следует забывать того, что исследования эти относятся к домарксистскому периоду в развитии отечественной науки и что эти выдающиеся для своего времени монографии были итогом первичного освоения источников, и как правило, первыми попытками практического использования методических приемов обработки этих материалов — приемов, уже тогда вызывавших серьезные критические замечания специалистов (достаточно вспомнить отзывы В.О. Ключевского о монографиях Н.Д. Чечулина о городах XVI в. и Н.А. Рожкова — о сельском хозяйстве XVI в.)¹⁶ Необходимость критической проверки ставших или становящихся тра-

диционными исторических взглядов понимали и лучшие представители дореволюционной исторической мысли. Так А.Е. Пресняков, характеризуя в 1918 г. работу над книгой "Образование Великорусского государства", посвященной, правда, политической, а не социально-экономической истории, особо отметил: "Когда я писал свою книгу, то не раз останавливался в некотором недоумении перед одной ее особенностью: тема избитая, материал старый, общеизвестный, а приходится устанавливать заново то элементарные факты, то основные существенные черты изучаемых явлений"¹⁷.

Эти замечания никоим образом не надо понимать так, будто следует пренебрежительно относиться к монографиям ученых, созданным в XIX—начале XX в. Для того времени они были высоким образцом научных исследований. Определенная научная ценность этих произведений очевидна и теперь. В.И. Ленин не раз отмечал, что историки домарковского периода не только накопили ценный фактический материал, но и в некоторых своих трудах умели уже правильно отображать отдельные стороны исторического процесса, и что марксизм явился результатом развития всех общественных наук, а представители их "неволью приближаются к марксизму"¹⁸. В.И. Ленин же сформулировал положение: "Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм"¹⁹. Не следует упускать из виду, что "техника исторического исследования" в отличие от методологии, развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам преемственности познавательной²⁰. Поэтому-то и сохраняются в рамках современного источниковедения и используются историками-марксистами методические приемы, выработанные в домарксистский период развития нашей отечественной науки. Однако все исследования рубежа XIX—XX вв. — даже самые замечательные из них — были написаны на уровне методологических представлений, фактических знаний, методики исследований и публикации источников, свойственных той эпохе. И многое в этих трудах устарело и не могло не устареть.

Сейчас все более заметна тенденция определить общее и особенное в истории России XVI в., в частности, в плане аграрной истории. И здесь может быть несколько аспектов подхода к проблеме. Очевидна научная значимость сравнения явлений отечественной истории XVI в. с явлениями отечественной же истории предшествовавшего и последующего времени, а также сравнения явлений отечественной истории с явлениями зарубежной истории.

Изучение аграрной истории XVI в. облегчается с появлением

серьезных трудов, содержащих ценный для сопоставления исторический материал, в частности, по истории развития производительных сил. По истории Руси XIV—XV вв. — это прежде всего исследования Л.В. Черепнина, А.Д. Горского, Г.Е. Кочина²¹.

Интенсивная работа ведется по изучению аграрной истории XVII в. Большое значение в плане сравнительного исследования с явлениями XVI в. имеют труды по истории сельскохозяйственного освоения новых земель, особенно Сибири (работы В.И. Шункова, В.А. Александрова, А.Г. Сафронова, А.Н. Копылова и др.), где русские новопоселенцы опирались на опыт XVI в. В.И. Шунков убедительно показал, что "опыты" в сельском хозяйстве Сибири XVII в. основаны на старых земледельческих представлениях и навыках, характерных для территории Европейской России²².

Естественно, что ученые стараются выяснить условия, приведшие к грандиозным народным движениям в первые годы XVII в., к юридическому закреплению крестьян, к образованию всероссийского рынка^{8*}. Однако не следует думать, что социально-экономические и политические процессы, результаты которых известны нам по истории XVII—XVIII вв., в предшествовавшем, XVI в., развивались равномерно и последовательно. Общие тенденции исторического развития могли принимать своеобразную форму, темпы этого развития могли ускоряться или замедляться в зависимости от различных обстоятельств.

Перспективной в научном плане представляется мысль, что социально-экономическое развитие России в середине XVI в. шло более прогрессивным путем, чем в конце этого века. (Правда, мысль эта далеко не нова и проводится еще в исторических работах М.Н. Покровского.) Наблюдения в области политической истории, в частности, в законодательной деятельности правительства, подтверждают это. Сегодня становится все более ясным, что политика "Избранной рады" в гораздо большей степени способствовала дальнейшей централизации государства и развитию его в направлении к абсолютизму европейского типа, чем политика опричнины, облегчившая торжество "абсолютизма, пропитанного азиатским варварством".²⁴ (Идеологическим обоснованием подобной политики были сочинения Пересветова.)

Вряд ли только стоит преувеличивать роль капиталистических элементов в социально-экономической жизни России середины

^{8*} Усилению внимания к истории социально-экономических отношений в России XVI в. много способствовала дискуссия о "восходящей" и "нисходящей" стадиях феодальной формации. Литература по этой теме указана в статье акад. М.В. Нечкиной «К итогам дискуссии о "восходящей" и "нисходящей" стадиях феодализма»²³.

XVI в.^{9*} Сравнению аграрного кризиса в России XVI в. с "земледельческой революцией" в Англии²⁶ трудно найти подтверждение в русских источниках. Нет никаких данных о массовом сокращении в России пашен за счет пастбищ и перелогов^{10*} Акад. Н.М. Дружинин в работе, опубликованной в 1958 г., показал существеннейшие различия в социально-экономическом развитии Англии периода огораживания и России XVI—XVII вв.: "В России рост товарного производства и неразрывно связанного с ним промышленного и сельскохозяйственного предпринимательства долгое время опережал расширение рынка рабочей силы"²⁷. Н.М. Дружинин охарактеризовал и условия, замедлявшие этот процесс в России. Научная несостоятельность подобных взглядов была показана и в докладе акад. С.Д. Сказкина "К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы" на аграрном Симпозиуме 1959 г.²⁸

Действительно, в последние годы выявлены новые данные о развитии товарно-денежных отношений в России XVI в. Но не принимается ли факт найма уже за признак капитализма, не усматривают ли сторонники точки зрения о зарождении капиталистических отношений в сельском хозяйстве России XVI в. их там, где заметны лишь действия торгового капитала, ведь наличие торгового капитала характерно и для феодальной системы хозяйства. В связи с этим следует сказать, что полезно было бы обобщить данные о товарном производстве, о торговле России XVI в. (и внутренней, и внешней), о социальной структуре этой торговли, о рынке рабочей силы (а ценные сведения на этот счет имеются в монографиях С.В. Бахрушина, А.Г. Манькова, М.В. Фехнер, М.Н. Тихомирова, во многих статьях и публикациях) с тем, чтобы объективно определить место торгового капитала в экономическом развитии отдельных районов страны и России XVI в. в целом. Важнейшим предварительным условием подобного обобщения

^{9*} В написанной А.А. Зиминным главе многотомного издания "Истории СССР" после характеристики деятельности богатых торговых людей читаем: "В России первой половины XVI в. шел интенсивный процесс первоначального накопления капиталов", — и вслед за этим указывается, что "характерной чертой товарного производства этого времени было все увеличивающееся применение наемного труда в промышленности"²⁵. Не происходит ли смешение понятий об эпохе "первоначального накопления" как об исходном пункте капиталистического способа производства и о накоплении богатств ("капиталов"), которое было характерно и для предшествовавших эпох, свидетельством чему являются, в частности, многочисленные клады и данные о развитии ростовщического капитала?

^{10*} Исследования Н.А. Горской и других ученых показали, что вопреки мнению Н.А. Рожкова, во второй половине XVI в. не наблюдается снижения уровня самой техники сельскохозяйственного производства.

может стать исследование о развитии ремесла в XVI в. — и в деревне, и в городе. Продолжить для XVI в. столь успешно начатое акад. Б.А. Рыбаковым фронтальное исследование истории русского ремесла предшествующих столетий — очередная задача советских ученых. Становится все более ясной и неоправданность взгляда, будто крепостничество способствовало развитию производства в России XVI в., в частности, в сельском хозяйстве, и было якобы условием его роста. О том, что крепостное право в России XVI—XVII вв. представляло собой регресс в развитии социально-экономических отношений, "своеобразную форму феодальной реакции, поскольку наиболее характерную черту этих новых хозяйственных порядков составляет массовое возвращение феодалов-помещиков к наиболее примитивной форме феодальной эксплуатации — барщине", С.Д. Сказкин писал в 1958 г.²⁹ В 1963 г. М.Н. Тихомиров отмечал: "Задерживающая сила крепостничества и самодержавия явилась той силой, которая на протяжении веков обезображивала нашу родную страну и явилась фактором ее отсталости. Эта сила... имела гораздо большее значение для установления отсталости России в общественном и культурном отношении, чем пресловутые татарские разорения XIII в., которые, конечно, имели свое тормозящее значение, но и не могли действовать на протяжении стольких веков"³⁰.

Историкам предстоит еще выяснить, в чем конкретно выражалась роль "насилия" в социально-экономическом развитии России XVI в.; выявляются, в частности, пагубные последствия политики опричины для развития хозяйственной жизни крестьян (работы И.И. Смирнова, И.И. Полосина, А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова, Н.Е. Носова и др.) и даже хозяйства феодалов^{11*}. Не следует, однако, и преувеличивать роль феодального государства в изменении экономического положения крестьянина. Применительно к истории России необходимо еще раз вспоминать замечание К. Маркса^{12*} о том, что "барщина редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины"³¹.

^{11*} Значительный интерес и в плане изучения опричины, и ее последствий представляет монография Ю.Г. Алексеева "Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. Переяславский уезд" (М.; Л., 1966). Там показано, что рядовой феодал страдал от опричины не менее, чем крупный, а иногда даже и в большей степени, так как был экономически слабее (С. 198).

^{12*} Существеннейшее значение для понимания русской истории имеет и замечание К. Маркса (на тех же страницах "Капитала") о том, что в Германии свободе крестьян положило конец поражение их в Крестьянской войне. Наблюдение это многое объясняет в истории закрепощения русских крестьян после массовых народных восстаний начала XVII в. (см. с. 248—249).

Широко распространено в советской исторической науке представление о XVI столетии как об особо значительной исторической эпохе, во многом определившей дальнейшее развитие социально-экономических и политических отношений и имевшей серьезные отличия от предыдущих столетий. Подобную точку зрения неоднократно встречаем в литературе по истории Западной Европы³². Все чаще обнаруживаем ее и в сочинениях, посвященных прошлому нашей страны. При этом ученые стараются выяснить место России во всемирной истории XVI в., выявить общее и особенное в русской истории. Это позволило в конкретно-историческом плане подойти к понятию об "отсталости" России как отсталости относительной.

Б.Д. Греков еще в 1948 г. в статье "Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI в." сформулировал стоящую перед исследователями аграрной истории задачу — "разрушить один из крепко державшихся предрассудков, будто Россия всегда плелась позади общеевропейской истории"³³. Здесь же Б.Д. Греков привел многие факты несомненной общности истории крестьян в нашей стране и в странах Восточной и Средней Европы (к востоку от Эльбы)^{13*}. Сейчас подобных наблюдений накопилось еще больше: и в работах советских историков (С.Д. Сказкин, Д.Л. Похилевича, В.В. Дорошенко, Х.М. Лиги, Э.В. Тарвела и др.), и в работах зарубежных историков-марксистов. Полезным было бы сравнительное изучение этих фактов и наблюдений. Как много может извлечь историк России из трудов, посвященных истории других стран, видно на примере книги венгерского ученого Ж.П. Паха "Аграрное развитие Венгрии в XVI—XVII столетиях. Отклонение от развития Западной Европы"³⁴. В этой работе выявлено много сходного в социально-экономическом развитии России и Венгрии даже в деталях. В то же время книга побуждает обратить большее внимание на такие явления, как монополизация феодалами торговли некоторыми продуктами сельскохозяйственного производства, снабжение армии хлебом как источник дохода феодалов. Важно отметить и то, что "вторичному закрепощению" в Венгрии как будто не предшествовали события, подобные опричнине.

Важные данные для понимания хода и особенностей русской аграрной истории XVI в. можно почерпнуть при изучении истории

^{13*} Не следует забывать, однако, что основоположники марксизма писали об отличиях в развитии стран к западу и к востоку от Эльбы, но это отнюдь не означает, что не было особенностей в социально-экономической истории отдельных народов, живших к востоку от Эльбы, и эти особенности также надо уловить и объяснить.

прошлого территорий, непосредственно прилегавших к землям, населенным русскими крестьянами. В монографии В.В. Дорошенко³⁵, основанной на многообразном архивном материале, показано, что переход к барщине, укрепление барского производства и крепостнических отношений происходили с различной интенсивностью в зависимости от природных условий и географического расположения отдельных районов, а также от типа имений (частных и государственных, крупных и мелких); выявлено, что главным источником расширения барской запашки была не расчистка новин, а захват давно окультуренных поселянами полей, и барщина не заменяла "традиционного" обложения — ренты продуктами и деньгами, а, как правило, просто прибавлялась к нему. Некоторое увеличение производимой сельскохозяйственной продукции достигалось отнюдь не за счет применения более высокой техники или умелой организации производства, а ценой чрезмерной эксплуатации и неизбежного разорения крестьян. Феодалы добились к концу столетия фактической монополии на торговлю сельскохозяйственными продуктами, и хозяйственно-политическая мощь дворянства позволила ему навязать свою волю не только крестьянству, но и городам.

Возникает надобность в разработке региональной истории определенных эпох по синхронному принципу^{14*}. Видимо, уже настала пора составления предварительного варианта издания по аграрной истории всех европейских территорий к востоку от Эльбы в XVI в. Желательно было бы исследовать в историко-сравнительном плане и материалы по аграрной истории более отдаленных от России европейских стран, в частности, Франции, где в области изучения аграрной истории XVI—XVII вв. имеются несомненные достижения. В работах французских ученых, прежде всего так называемой школы "Annales", особенно по истории отдельных районов Франции (а также из капитального труда П. Вилара о Каталонии), можно почерпнуть и ценные методические приемы изучения различных видов источников. Вероятно, не следует при этом отказываться и от сравнения аналогичных институтов феодального права, т.е. продолжить на новом материале работу, столь успешно начатую Н.П. Павловым-Сильванским еще в конце прошлого века^{15*}.

^{14*} Примером сочинения такого типа по истории XVI в. является монография французского историка Ф. Броделя³⁶.

^{15*} В этой области в советской историографии имеется, кажется, только один опыт — статья Л.В. Черепнина "Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв." (Исторические записки. Т. 9), к сожалению, явно несправедливо оцененная И.И. Смирновым³⁷.

При сравнительном изучении отечественной и зарубежной истории нельзя упускать из виду особенности России: и ее историческое развитие до XVI в., и ее естественно-географическое отличие от других стран. Вот лишь некоторые из таких особенностей. 1) Огромная, неравномерно населенная с заметными различиями местных естественно-географических условий. А особенности развития сельского хозяйства находятся в сильнейшей зависимости от почв и климата. Это детально обосновал еще В.В. Докучаев³⁸. Подобный исторический подход был характерен и для теоретической и практической деятельности Н.И. Вавилова. 2) Соответственно, неодинаковое и неравномерное развитие отдельных частей России в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях. 3) Изолированность сельских общин, этот, по выражению Маркса, "локализованный микрокосм", "который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм"³⁹. 4) Сложность общения и проникновения культурных и хозяйственных навыков и достижений в отдаленные друг от друга районы Российского государства. 5) Трудности торговых сношений на больших расстояниях, зачастую по территории, лишенной не только городов, но и сельских поселений. В этих условиях провоз товара на дальний рынок — а основным видом транспортировки товара были речные пути — иногда был столь дорог, что доход от продажи товара не окупал издержек. Все это способствовало консервации замкнутого натурального в своей основе хозяйства и оформлению многих мелких местных рынков (первоначально мало связанных между собой), где обменивались продуктами своего производства местные же земледельцы и ремесленники. 6) Отсутствие выхода к морю большей части территории страны, что не могло не отразиться и на развитии внешней торговли (особенно — трудно перевозимыми продуктами сельского хозяйства). Это способствовало особому положению Поморья, необычному значению Нарвы в те недолгие годы, когда она в XVI в. стала русским портом, и особенно развитию транзитной торговли. Это же приводило к тому, что некоторые окраины России превращались в рынок для других стран и не были рынком для самой России⁴⁰. 7) Уникальная для европейских стран возможность колонизации новых земель, непосредственно примыкающих к уже ранее освоенным. Это способствовало и феодальной колонизации (т.е. распространению феодализма вширь и задержке ростков капиталистических отношений)⁴¹, и крестьянской вольной колонизации. 8) Соответственно, для крестьян окраины были местом, куда они бежали от феодальной неволи (от гнета своих феодалов-крепостников и фео-

дального государства в целом). Здесь образовывались военные казачьи поселения, обычно противостоящие централизованному феодальному государству. Возникли массовые, невиданные в остальных частях Европы народные восстания.

Не следует также упускать из виду и то обстоятельство, что Россия, в отличие от Западной Европы, испытала все тяготы татарского ига, что татарское нашествие в XIII в. привело к резкому падению уровня экономической, культурной и политической жизни и что для повсеместного восстановления этого уровня понадобилось не менее одного-двух столетий.

Все это заставляет быть максимально осторожным при попытках механически переносить представления, возникшие в результате изучения одной или даже нескольких из западно-европейских или восточных стран той поры, на Россию XVI в. При сопоставлениях следует, на наш взгляд, исходить не из внешнего (зачастую случайного) сходства явлений и общих представлений лишь об общесоциологических закономерностях. При общности развития России и других стран велико было значение и местных особенностей^{16*}, и в феодальную эпоху они имели особо большое значение. В России была совокупность местных особенностей, свойственных как стране в целом, так и отдельным ее районам. И если историки-марксисты отказались от предрассудка, будто "Россию аршином общин не измерить", то нельзя все-таки забывать, что у России всегда была, по словам того же Тютчева, "особенная статья".

Территория, населенная русскими, объединенная в XVI в. под властью одного государя и подчинявшаяся одним законом (вспомним ставшие хрестоматийными слова немца-опричника Штадена об Иване Грозном: "Во всей его державе — одна вера, один вес, одна мера!"), отнюдь не была едина по уровню социально-экономического развития^{17*}. Представления о едином Российском (централизованном в основном к концу XVI в.) государстве, большая часть жителей которого говорила и писала на одном языке, переносятся иногда без должных оснований и на русское народное хозяйство^{18*}. А ведь это был период, предшествовавший образо-

^{16*} Характеризуя основные тенденции капиталистической эволюции земледелия в XIX в., В.И. Ленин писал: "Интересно отметить, до какой степени тождественны основные черты этого общего процесса в Западной Европе и в России", — и здесь же добавляет: "несмотря на громадные особенности последней, как в экономическом, так и во внеэкономическом отношении"⁴².

^{17*} Оно отставало от уровня политической централизации. В этом справедливо усматривают объективный источник жестких политических кризисов, с которыми была сопряжена централизация государственной власти в XVI в.⁴³

^{18*} Об этом уже приходилось говорить и на Киевском симпозиуме⁴⁴.

ванию "всероссийского рынка!" Да и в последующие века сохранялись существенные особенности в социально-экономическом развитии отдельных районов страны, что убедительно показано в монографиях Н.Л. Рубинштейна, Е.И. Индовой, Л.В. Милова⁴⁵, в коллективном докладе на Таллинском симпозиуме в 1966 г.⁴⁶ и в других работах. Известно, какие опасности таит ретроспективное изучение исторических материалов, но ведь отмеченные специалистами местные особенности, безусловно, результат длительного, многовекового их развития! В.И. Ленин еще в XIX в. подчеркивал: "Россия велика, и местные условия в ней различны"⁴⁷.

Авторы обобщающих монографий по аграрной истории XVI в., посвященных сравнительно небольшим по территории областям Прибалтики (В.В. Дорошенко, Х.М. Лиги, Э.В. Тарвел)⁴⁸, специально учитывают и разнообразие местных условий, и особенности сохранившихся источников, и возможности их сравнительного изучения. Это же подчеркивается и в обширном историко-географическом исследовании М.Н. Тихомирова "Россия в XVI столетии" (М., 1965). И приходится только сожалеть, что все это игнорировал автор единственной пока книги, специально посвященной товарно-денежным отношениям в сельском хозяйстве России XVI в., — Д.П. Маковский⁴⁹. Это исследование — результат изучения большого и многообразного материала, но и в методическом, и в источниковедческом отношении оно оказалось несостоятельным⁵⁰. Автор не учитывает степень репрезентативности извлеченных из источников фактических данных, пытается сравнивать трудно сопоставимые данные, относящиеся к разным категориям населения и к разным типам владений и хозяйств, к разным периодам времени и к отдаленным друг от друга территориям государства, без учета разнообразия местных социально-экономических, естественно-географических, политических условий^{19*}.

^{19*} Неудовлетворение подобными устаревшими методами исследования ученые выражали еще в 1920-е годы. Пожалуй, уместно напомнить о высказывании С.В. Бахрушина, университетского учителя многих современных историков. Указав на то, что некоторые историки второй половины XIX в. разрешали сложные вопросы в области истории народного хозяйства, "основываясь на разрозненных фактах, заимствованных из истории самых разнообразных частей страны", С.В. Бахрушин писал в 1928 г.: "Сейчас такой метод работы уже не удовлетворяет. Все больше крепнет сознание, что прошлая жизнь слишком сложна, слишком многогранна, чтоб ее можно было изучать с птичьего полета. Чтобы понять исторические явления, их надо изучать во всей их полноте, в той среде, в которой они развивались, на той почве, на которой они выросли. Мы не довольствуемся выводами, построенными на основании пестрых фактов, вырванных из общей связи. Мы хотим проверить эти выводы на основании конкретных данных во всей их совокупности, во всей сложности взаимопереплетающихся и взаимовлияющих друг на друга фактов"⁵¹.

Отрадно, однако, что конкретные исследования по истории России XVI в., предпринятые многими учеными в недавнее время, противостоят ограниченному схематизму исторического построения. В них как раз выявляются и местные особенности отдельных районов России, и отличия разных категорий владений, хозяйств и населения и учитываются особенности различных групп источников и приемов их изучения. Так, установлено, что различным был в разных районах и в разные десятилетия XVI в. состав населения, и что оно по территории Руси распространялось неравномерно (работы А.И. Копанева, В.К. Яцунского и др.). В начале XVI в. оно было сосредоточено главным образом в Нечерноземной лесной полосе Европейской России. В результате колонизации быстро расширяется земледелие в лесостепной полосе лишь во второй половине столетия. Различным было и воздействие природных бедствий (неурожаев, засухи и т.п.), эпидемий на разные области страны^{20*}. Выявлены различия в развитии производительных сил, в качестве, обработке земли в разных районах страны (работы Н.А. Горской). Различной была и степень, так сказать, натурализации (меньшая степень ее близ торговых путей и крупных городов) и товарности хозяйства в разных районах России. Несомненные особенности были характерны для социально-экономического развития Русского Севера; процесс роста товарно-денежных отношений в районах Поморья опережал некоторые районы Центральной России⁵⁴.

Обращено внимание на местные (а также социальные) особенности употребления терминов, характеризующих категории зависимого населения (работы Л.В. Черепнина, И.А. Голубцова, А.Л. Шапиро, С.М. Каштанова, А.Н. Сахарова и др.), и на изменения содержания этих терминов на протяжении XV—XVII вв.^{21*} Выявлены особенности изменения и "личного состава" феодалов на протяжении XVI в. (наиболее значительные перемены произошли в 1560—1580-х годах; тогда же вотчина повсеместно вытесняется поместьем) и землевладения монастырей (работы С.Б. Веселовского, С.М. Каштанова, И.У. Будовница и др.). Развитие феодального землевладения (светского и церковного) имело и

^{20*} Ценное порайонное исследование о периодах головных лет Древней Руси, о причинах этих несчастий и их последствиях проделал В.Т. Пашуто⁵². Очень полезно было бы продолжить подобную работу и применительно к последующим столетиям. Нарративные и актовые источники XVI в. содержат много сведений и о голодовках, и о различных природных бедах и их последствиях. Применительно к всемирной истории данные о природных бедствиях в XV—XVIII вв. приведены в книге Ф. Броделя⁵³.

^{21*} См., в частности, наблюдения о путях формирования оброчного крестьянства в книге А.Н. Сахарова⁵⁵.

порайонную специфику; при этом сильно сказывался политический фактор (работы П.А. Садикова, М.Н. Тихомирова, А.И. Копанева, А.А. Зимина, А.Х. Горфункеля, Ю.Г. Алексеева, Р.Г. Скрынникова и др.). Постепенно и, так сказать, порайонно проводились важнейшие государственные преобразования. Неодинаковы были и пути закрепощения, и порайонное распространение его, и закрепительные интересы разных социальных групп феодалов и даже феодалов, живших в различных районах страны. Например, южные помещики (как показал В.И. Корецкий⁵⁶) в условиях острой нехватки рабочих рук были заинтересованы в коротких сроках сыска беглых, а помещики в центральных и в северных районах, напротив, — в длительных сроках. Число подобных наблюдений нетрудно умножить.

Из всего сказанного как будто явствует, что, прежде чем приступить к широким обобщениям, необходимо предварительно попытаться определить возможные микромоделли различных аспектов аграрной истории с обязательным учетом их местного своеобразия и динамики развития. Это облегчит и понимание того общего, что было уже характерно для социально-экономических отношений России XVI в. в целом.

Таковы некоторые проблемы, стоящие на пути создания обобщающих работ по аграрной истории России XVI в.

Вероятно, положение было бы облегчено подготовкой серии монографических исследований, посвященных аграрной истории отдельных районов страны, отдельным категориям сельского населения, отдельным типам землевладения и другим специальным аспектам исторической тематики и прежде всего, конечно, социально-экономической истории, а также отдельным группам источников, содержащих сведения по аграрной истории (а также данные по метрологии). Такие монографии только на первый взгляд могут показаться частными по своей тематике. Они — предварительное условие познания общего. Локальность тематики вовсе не всегда означает признак эмпиризма и прикрывает попытку спрятаться от решения больших проблем. Это необходимая конкретика, без которой немислимы серьезные сообщения и познания типического. Ведь В.И. Ленин в книге "Развитие капитализма в России" порайонно исследовал интересующие его явления и придавал особое значение источниковедческому анализу отдельных разновидностей и групп источников. Научный уровень исследования зависит не от узости или широты темы, а прежде всего от степени овладения научным методом и добросовестности ученого.

Желательно было бы выработать по соответствующей тематике

методические пособия^{22*}, быть может, в виде брошюр историко-графо-источниковедческого типа с изложением проверенных исследовательской практикой методических приемов изучения тех или иных проблем, а также приемов рационального и экономного издания источников (в особенности, так называемых массовых источников)^{23*}. Это облегчило бы изучение отдельных проблем по большим тематическим или хронологическим узлам, с использованием сопоставимой методики. Исследования по близкой тематике могли бы составить особые сборники, что помогло бы столь нужной в научной работе известной формализации знаний. Подготовка сводной библиографии по отдельным проблемам аграрной истории, хотя бы за послевоенные годы, явилась бы также серьезным подспорьем в дальнейшей работе. Это дало бы возможность выявить лакуны в нашей исследовательской деятельности.

Естественно, что решение всех этих научно-организационных вопросов облегчило бы исследование аграрной истории России не только XVI в., но и помогло бы в целом изучению прошлого нашей Родины, долгое время остававшейся самой крупной аграрной страной мира.

^{22*} Удачный пример подобных работ — учебные пособия А.Ц. Мерзона "Писцовые и переписные книги XV—XVII вв." (М., 1956) и "Таможенные книги XVII в." (М., 1957), изданные МГИАИ.

^{23*} Очень интересна и перспективна методика публикации кабальных книг, разработанная еще в 1930-е годы В.И. Шунковым⁵⁷.

Монография С.М. Каштанова "Очерки русской дипломатии" *

С.М. Каштанов — автор многих трудов по истории России периода феодализма (особенно конца XV — XVI в.), по источниковедению, историографии, археографии, истории архивного дела. Недавно опубликованная книга С.М. Каштанова "Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI вв." — высокий образец органического сочетания собственно исторического и собственно источниковедческого исследования. С.М. Каштановым подготовлены к печати ценные документальные публикации, а составленный им "Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века" (при подготовке которого были изучены материалы архивов Москвы, Ленинграда и других городов, а также редкие издания XVIII — начала XX в.) стал незаменимым пособием для всех занимающихся отечественной историей XVI столетия. Широкий диапазон исторических интересов, блестящее исследовательское мастерство, обилие свежего архивного материала, постановка сложных вопросов методики и методологии источниковедческого исследования — отличительные черты работ С.М. Каштанова. Труды С.М. Каштанова прочно вошли в науку и широко используются специалистами и в нашей стране, и за рубежом.

"Очерки русской дипломатики" — первый обобщающий труд советского ученого, посвященный специально этой отрасли источниковедения. Новая работа С.М. Каштанова представляет собой попытку обобщить опыт так называемого дипломатического изучения источников — прежде всего публично-правовых актов XV—XVI вв. — и в то же время наметить перспективы дальнейшего развития исследований в этой области.

Поставив перед собой трудную задачу "изучения наименее исследованных к настоящему времени и имеющих принципиальное значение проблем русской дипломатики", С.М. Каштанов подробно останавливается на важнейших моментах историографии дипломатики и специально исследует вопросы теории дипломатики,

* Отзыв официального оппонента диссертации на соискание ученой степени доктора наук, защищенной в Институте истории АН СССР 9 июня 1968 г. Публ. впервые.

рассматривая их в теснейшей взаимосвязи с методикой дипломатического анализа. Вопросы эти — "акт" как предмет дипломатики, классификация актов, дипломатический состав древнерусского акта, применение текстологических приемов исследования в дипломатике, связь эволюции формы актовых источников с социальным и политическим развитием страны, соотношение формы и содержания актов, пути проверки достоверности содержания актов.

Работа С.М. Каштанова состоит из нескольких частей, каждая из которых имеет и большую самостоятельную научную ценность. Первая часть — "Вопросы теории. Историография русской дипломатики". Вторая часть посвящена изучению внутренней формы актов (под внутренней формой автор понимает структуру и стилистические особенности текста источника), главным образом на примерах различных типов тарханных формуляров. Третья часть — проверка достоверности содержания актов. Здесь общие теоретические положения автора и его методические установки конкретизируются при изучении вопроса об отмене тарханов в 1575—1576 гг. Подобно Л.В. Черепнину в его классической монографии о феодальных архивах, С.М. Каштанов органически сочетает изучение актовых источников (причем прежде всего текстологическое изучение) с выяснением политических причин их создания. С.М. Каштанов прослеживает особенности формуляров в разные периоды истории и в разных местностях, определяет пути выявления и объяснения формулярных заимствований и пути раскрытия зашифрованного конкретно-исторического смысла источников, их информативного богатства, пути выявления закономерного и случайного в изучаемых им источниках. В работе С.М. Каштанова впервые сформулированы основные элементы собственно дипломатического анализа актовых источников, отличающегося, по мнению автора, от других видов анализа исторических источников, применяемых во вспомогательных исторических дисциплинах. К диссертации приложен большой список использованной литературы на нескольких языках, причем в этот список включены только те сочинения, которые действительно упоминаются в работе.

Работа подкупает тщательностью источниковедческого анализа. Она рассчитана на мыслящего читателя — автор раскрывает свою творческую лабораторию, и даже если не все наблюдения и толкования автора кажутся равно доказательными, читателю нетрудно убедиться в том, что они основаны на скрупулезном и многостороннем изучении источников. Правда, автор не всегда сумел избежать стремления объяснить то, что пока еще вряд ли может быть объяснимо из-за недостаточной источниковой базы (не все

источники сохранились, а если и сохранились, то не всегда типичные; автор же исходит фактически из предпосылки о сохранности, хотя бы в копиях, большей части изучаемых им разновидностей источников), и потому трудно использовать в должном объеме столь удачно им применяемую методику сравнительного анализа разных групп источников. Наконец, сам строй мышления людей XVI в. существенно отличается от нашего, и не все нам понятно и из-за различий в психологии и творчества и восприятия.

Автор рассчитывает на читателя, знакомого со специальной литературой и с первоисточниками, — он обычно ссылается не просто на названия научных работ, а на страницы соответствующих трудов, оспаривает не только общие положения, но и частности; он всегда уважительно относится к труду своих предшественников, не вырывая отдельные мысли из контекста, показывая источниковую базу тех или иных историографических положений, рассматривая всю систему доказательств; он бережно доносит чужие мнения до читателя и всегда корректен в своих оценках; он ссылается не только на опубликованные труды, но и на не напечатанные до сих пор работы, даже на устные замечания, высказанные в беседе с ним (например, на мнение С.Н. Валка о необходимости выделения "элементов" статьи как объекта дипломатического анализа). Отрадно и то, что автор не настаивает на ранее высказанных им предположениях, они не становятся для него затвердевшими формулами; исследователь учитывает критические замечания специалистов и продолжает заново творчески разрабатывать эту проблематику: например, мысли автора о классификации исторических источников, уточнение понятия "происхождение источников", выделение "смешанных групп, подгрупп, секций". Это все несомненные показатели большой культуры исследовательской и литературной работы.

С.М. Каштановым составлен толковый автореферат диссертации, в котором изложено основное содержание работы и охарактеризованы приемы, которыми автор пользовался в своем исследовании. И нет нужды пересказывать содержание работы и повторять ее главные положения.

Отмечу только, что в этой работе, как и в других трудах С.М. Каштанова, конкретно-исторический анализ источников удачно сочетается с попытками теоретического осмысления методики изучения источников, что и основные выводы, и частные наблюдения автора, как правило, оригинальны.

Хотя основное внимание автор сосредоточил на изучении публично-правовых актов, более того, на "формуловедении", которое он считает ядром научной дипломатики, в работе содержится немало

ценных выводов и наблюдений, относящихся как к историографии (особенно хочется выделить характеристику выдающегося значения трудов А.С. Лаппо-Данилевского, значения, до недавнего времени явно недооценивавшегося в нашей литературе), так и к истории России XVI в., в частности периода опричнины и политики середины 1570-х годов. Поэтому новый труд С.М. Каштанова представляет собой весомый вклад в изучение не только источниковедения, но и историографии и истории России XVI в.

Отмечу также и то, что, хотя автор почти не пользуется ультра-современной терминологией (или, точнее сказать, не злоупотребляет этой терминологией, заимствованной зачастую из других наук), работа его в лучшем смысле слова современна, а методика близко смыкается с методикой специалистов в области теории информации, в области исторической психологии и в области микросоциологии. Эта близость подхода к изучаемому материалу — основанная в значительной степени на хорошем знакомстве автора с новой отечественной и зарубежной литературой не только по традиционным специальным историческим дисциплинам и текстологии, но и по более широкому кругу вопросов — сделает книгу С.М. Каштанова полезной и для специалистов в смежных областях знания.

Работа С.М. Каштанова, на мой взгляд, в настоящем своем виде удовлетворяет самым строгим требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Работа эта, безусловно, должна быть опубликована. И последующие замечания как раз рассчитаны на то, что, возможно, автор задумается над ними при окончательной подготовке рукописи к изданию^{1*}.

* * *

Главу "Историография русской дипломатики", вероятно, было бы целесообразно выделить в самостоятельную часть. Эта глава богата мыслями, выходящими за пределы наблюдений об изучении публично-правовых актов. Помимо того, у нас вообще отсутствует специальная сводная работа по историографии дипломатики.

И выделяя этот раздел в особую часть, желательно было бы более пространно написать о развитии дипломатики в советское время, акцентируя внимание не только на работах, специально посвященных отдельным разновидностям актов. Вообще подглавка о развитии дипломатики в советское время беднее других содержанием, а местами напоминает перечень имен и названий

^{1*} Рукопись стала основой книги. См.: Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

работ. Вероятно, при переработке автору помогут в этом и недавно появившаяся статья А.И. Копанева "Советская дипломатика" в первом томе издания "Вспомогательные исторические дисциплины" (Л., 1968), и готовившиеся к печати лекционный курс по источниковедению покойного А.Ц. Мерзона (в Московском государственном историко-архивном институте) и лекционный курс покойного академика М.Н. Тихомирова о приказном делопроизводстве XVII в. (для IV тома его трудов)^{2*}.

При характеристике дореволюционных работ С.М. Каштанов преимущественное внимание обращает на влияние, так сказать, социологических факторов: на воздействие готовившейся крестьянской реформы в середине XIX в., на рост капиталистических отношений в деревне на рубеже XIX—XX вв. Это все, конечно имело огромное значение. Но не следует упускать из виду, что "техника исторического исследования" в отличие от методологии развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам преемственности познавательной (об этом немало можно почерпнуть в современной советской философской литературе, а также в статьях академика А.М. Румянцева). Потому-то и сохраняются в рамках современного источниковедения и используются историками-марксистами методические приемы, выработанные в домарксистский период развития нашей отечественной науки (и пример тому — диссертация самого автора, творчески развившего отдельные научно-перспективные положения методики Лаппо-Данилевского). Наконец, только социологическими факторами трудно объяснить и тот все возрастающий интерес к источниковедению, и в частности к дипломатике, который характерен для нашего времени. Гносеологическим предпосылкам в развитии дипломатики желательно было бы уделить больше места.

Стоило бы особо остановиться на методике изучения публично-правовых актов таким крупнейшим ученым, как А.Е. Пресняков (его книга "Образование Великорусского государства"), тем более что автор считает возможным характеризовать труды широкой тематики, где привлекаются "различные разновидности русских грамот для изучения социально-экономических процессов".

Трудно согласиться с поддержанным автором мнением о том, будто недостаточное внимание к текстологическому изучению

^{2*} Если автор полагал необходимым остановиться на вступительной статье А.И. Яковлева к публикации записных кабальных книг, то целесообразно было бы охарактеризовать и рецензию на это издание В.И. Шункова (кстати, в архиве В.И. Шункова сохранились и другие материалы по этой тематике, которые будут опубликованы в томе трудов ученого). Желательно было бы подчеркнуть и вклад И.А. Голубцова в изучение актового материала.

развития формуляра обязательно приводит к "иллюстративному методу". Всем известные достижения советских ученых в области изучения социально-экономической и политической истории XVI в. позволяют признать это утверждение неосновательным.

Встречаются в этой главе и спорные формулировки. Например, сообщая о том, что Шумаков видел в служилых кабалах и подрядных "акты социально-экономической классовой борьбы по преимуществу и народного бесправия, и угнетения", и отмечая, что это была попытка осмыслить акты в свете представлений о социально-экономических отношениях и классовой борьбе, С.М. Каштанов полагает, что ученый "приложил марксистские термины к объяснению происхождения различных разновидностей актов", хотя и не "вник в существо этих понятий". Думаю, что далекий от марксизма С.А. Шумаков употреблял в данном случае термины не марксистские, а достаточно уже распространенные и в буржуазной литературе, начиная с трудов Тьерри и Гизо.

Но в целом историографическая глава, повторяю, имеет такую большую самостоятельную научную ценность, так богата фактическим (историографическим) материалом, так насыщена интересными оригинальными суждениями автора, так убедительно показывает пути преемственности в развитии отечественной дипломатики и впервые за последние годы по достоинству оценивает труды выдающихся специалистов в области дипломатики, что ее вполне можно было бы выделить в большой отдельный раздел.

Автор неоднократно подчеркивает, что одна из главных его задач — изучение формуляра акта, причем изучение в развитии. Он убедительно — впервые в литературе — показывает, что в понятие "формуляр" включаются, по существу, схемы четырех типов: формуляры "условный", "абстрактный", "конкретный" и "индивидуальный", и разрабатывает успешно методические приемы выявления и изучения этих формуляров, что позволяет ему подойти к наиболее удобной классификации источников, во всяком случае, этой их разновидности, и тем самым выявить неустойчивость и субъективизм классификации по содержанию (при всей их на первый взгляд социологической насыщенности). Очевидно, такая "содержательная" классификация может рассматриваться лишь как вторичная по отношению к так называемой формульной, как наиболее устойчивой. Вероятно, было бы небесполезно в этом разделе вернуться к вопросам классификации актового материала.

В дальнейшем изложении, рассматривая отдельные акты в связи с конкретными обстоятельствами, вызвавшими их появление, С.М. Каштанов не всегда с должной степенью учитывает воздействие норм приказного делопроизводства, отражение в практике

составления актов, в их "стандартизации" (выражение С.М. Каштанова) все возрастающего влияния бюрократии.

Имели значение и индивидуальные черты писцов — составителей документов, степень их "приказной образованности", опытности, наконец, грамотности. Например, в порядных записях второй половины XVI в. (по Антониево-Сийскому монастырю) отдельные характерные выражения (формулировки о наказании "монастырской пене", "монастырском смирении" — "за дворовую непостройку" или "нестроение" и за непослушание, и нерозплату, и за ярость") встречаются лишь у одного писца среди других, составлявших порядные в те же годы^{3*}. И подобные особенности в конкретной обстановке составления грамоты могли иметь иногда не меньшее значение, чем обстоятельства социально-политических отношений.

* * *

Наконец, в работе явно не хватает заключительной части, как бы синтезирующей наблюдения автора. Автор иногда слишком жестко противопоставляет анализ непосредственного "содержания" актов и их формуловедческий анализ. Он сам отмечает в Заключении известное сочетание в практике дипломатического исследования грамматически-дипломатического и юридически-тематического принципов. Составленные им схемы членения формуляров актов (конечно, являющиеся результатом огромного труда и оригинального подхода к источникам) не рассматриваются С.М. Каштановым в данной работе как пособие при изучении актов вообще. А что должен делать историк, не имеющий столь серьезных познаний в актовом источниковедении и в конкретной истории, в сфере деталей социально-политической жизни той поры, к которой относится тот или иной акт? В какой мере и каким образом облегчить историку работу в плане сочетания формуловедческого исследования актов с анализом их непосредственного содержания? Ведь дипломатике предопределены, как известно, и прикладные задачи. И было бы очень желательно, если бы автор нашел возможность изложить свои наблюдения, основанные на скрупулезнейшем изучении отдельных формуляров в сопоставлении с другими современными документами, в особой методической главе обобщающего типа.

Там же, вероятно, было бы небесполезно написать и о степени возможности использования наблюдений автора применительно к

^{3*} См.: Исторический архив. М., 1953. Т. VII. Порядные, написанные Сенькой Федоровым Поповым. № 37—40, 45, 46, 51.

изучению более широкого круга источников, прежде всего тех, которые входят в ранее бытовавшее более широкое определение акта. По мнению С.М. Каштанова, достаточно убедительно им обоснованному, "актами" являются документы, в которых в форме определенных юридических норм зафиксированы экономические или политические сделки, договоры (см. автореферат диссертации. С. 14). Но в исторической литературе актами называются и другие документы, также имеющие более или менее определенный формуляр (под такими названиями они издавались и издаются в научных изданиях, начиная с серий "Акты Археографической экспедиции" и других до серий "Акты феодального землевладения и хозяйства", "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси"); они же изучаются в исследовательских трудах, характеризуются в учебных пособиях (и не только в "Очерке русской дипломатики частных актов" А.С. Лаппо-Данилевского, но и в "Источниковедении истории СССР" М.Н. Тихомирова и т.п.) В какой мере приложимы рекомендации С.М. Каштанова к изучению этих разновидностей источников? Каков коэффициент полезного действия этих наблюдений С.М. Каштанова применительно вообще к источниковедческой методике? Все эти вопросы невольно возникают после ознакомления с интереснейшим трудом С.М. Каштанова, и хочется, чтобы сам автор первым попытался сформулировать на них ответ.

Замечания мои, таким образом, больше сводятся к пожеланиям автору в его дальнейшей работе, касаются возможности дальнейшей реализации перспектив исследования, намеченных в этом ценном труде.

Работа С.М. Каштанова — свидетельство большого подъема в развитии отечественного источниковедения, плодотворного взаимопроникновения собственно исторической и собственно источниковедческой методик исследования. Новая работа С.М. Каштанова — радостное событие в нашей исторической науке [...]^{4*}.

^{4*} Опущен абзац о соответствии труда С.М. Каштанова требованиям, предъявляемым к диссертациям.

Русский город XVI века*

В послевоенные годы опубликованы книги и статьи советских ученых (историков, археологов, экономистов, искусствоведов, литературоведов), содержащие интересные данные по социально-экономической, политической и культурной истории русского города XVI в., и выявлены, а частично изданы разнообразные письменные источники (прежде всего актовый материал), прямо или косвенно относящиеся к истории города. Появились труды, основанные на изучении различных вещественных источников (о каменном строительстве, металлургическом производстве, предметах из дерева и др.), а также рукописных миниатюр, икон.

Но в то же время определились и трудности в изучении этой проблематики, особенно ощутимые при попытках обобщить имеющиеся выводы и наблюдения. История русского города XVI в. (за исключением крупнейших городов — Москвы и Новгорода), как отмечается и в докладе Н.Е. Носова¹, и в новейших историографических работах, остается еще недостаточно изученной; по этой тематике в среде советских историков возникает немало споров. Об этих-то трудностях (не всегда известных ученым, не владеющим русским языком) и хочется сказать в первую очередь.

Письменных источников по истории русских городов XVI в. сохранилось сравнительно немного, и данные этих источников распределены крайне неравномерно в тематическом, хронологическом, географическом планах и — главное — не всегда сопоставимы.

Большая часть документации не уцелела. Так, основная масса документов московских правительственных учреждений погибла во время страшных пожаров 1547, 1571, 1626 гг., в годы интервенции начала XVII в. Мы имеем описи архивов XVI—XVII вв., упоминания об этих документах, но сами названные документы в большинстве своем либо не дошли до нас, либо известны в поздних (зачастую пополненных уже) копиях. Важнейшими источниками социально-экономической истории России того времени являются писцовые книги, имевшие значения основного документа для

* Текст выступления на IV конференции советских и итальянских историков в Риме в октябре 1969 г. по теме: "Русский и итальянский средневековый город". Впервые опубл. в кн.: Русский и итальянский средневековый город. М., 1972. С. 292—300. (Далее: Россия и Италия).

податного обложения. Обычно это описание охватывало город с прилегающим к нему уездом и включало сведения о городских укреплениях, зданиях (особо о монастырях и церквях), лавках, улицах, городском населении по улицам и слободам, городских землях и водах. Однако писцовые книги по многим городам не сохранились; нет ни одного писцового описания и по Москве XVI в. Велико значение и таможенных книг, в которых записывались торговые и проезжие пошлины с товаров; мы знаем, что они составлялись уже в XVI в., но дошли до нас таможенные книги только от XVII в. Немного уцелело и документов делопроизводства правительственных городских учреждений — дьячих изб. Неизвестно, в частности, пока ни одного документа из следственных дел участников городских восстаний, хотя о подробностях таких восстаний мы знаем из хроник-летописей, а о существовании следственных дел — из архивных описей. От XVI в. почти не сохранилась хозяйственная документация светских феодалов и купцов (особенно в центральных районах государства); значительно богаче и разнообразнее монастырская документация (на основании изучения преимущественно монастырских хозяйственно-учетных книг А.Г. Маньков и написал известное исследование о ценах в России XVI в., переведенное на французский язык). Следовательно, до нас дошли лишь немногие осколки комплекса источников о внутренней жизни города XVI в.

Нельзя не учитывать и особенности письменных источников той поры. Они имеют "стабильные пробелы" — каждодневная жизнь народных масс, классовая борьба отражены в них, как правило, крайне слабо, да и то в источниках, вышедших из иной классовой среды: в феодальных хрониках, памятниках законодательства, документах феодального хозяйства, и прямое воспроизведение данных таких источников чревато искажением исторической правды. На нахождение таких документов непосредственной каждодневной жизни, как берестяные грамоты, столь много давшие нам для понимания быта новгородцев (об этом писали и руководитель Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховский, и авторы специальных книг — Л.В. Черепнин, В.Л. Янин и другие исследователи), мало надежды — условия почвы центральных районов России мешают сохранению подобных памятников; да и вообще, с распространением в XVI в. бумаги именно она стала основным материалом для письма.

Посадской литературы в России XVI в., видимо, еще не было — начало демократической литературы, в частности, сатирической, датируется обычно XVII в. Только по упоминаниям (или во враждебном изложении) известно нам и о многих сочинениях

еретиков. Фольклор той эпохи был заметно уже поновлен ко времени, когда начали записывать его, и вычленишь элементы, восходящие именно к XVI в., нелегко. Непропорционально мало материала для сопоставления данных хроник (официальных, монастырских, городских) и других нарративных источников — отечественных (в частности, житийной литературы и памятников публицистики) и иноземных (записки иностранцев) — и материалов делопроизводства, вещественных источников, изображений на миниатюрах и иконах. Таким образом, охарактеризовать то, что французы называют "mentalité" (и что столь успешно исследовал Р. Мандру по французским материалам) применительно к русскому городу XVI в. — задача очень сложная. Интересные возможности исследования в этом плане намечены были сегодня в выступлении Л.В. Черепнина².

Усложняет исследование и нечеткость и неустойчивость терминологии. Так, само содержание понятия "город" в средние века в России не было одним и тем же ни во времени, ни в пространстве. Если понимать под городом центр экономической и административной жизни с достаточно развитыми ремеслами и торговлей и определенным уровнем развития материальной и духовной культуры, то таковыми отнюдь не всегда были населенные пункты, которые названы городами в документах (и соответственно, попали в составленные учеными списки городов) — зачастую это лишь небольшие военно-административные пункты или крепости с гарнизонами. В то же время городами по существу часто являлись села (торгово-промышленные), лишь позднее, в XVII или даже в XVIII вв., официально именовавшиеся городами. Все это позволяет пока делать выводы лишь предварительного характера о специфике городской жизни России в XVI в. и динамике ее развития.

Конечно, можно и должно использовать более обильный материал письменных и вещественных памятников XVII в. — ретроспективный подход к изучению явлений очень плодотворен. В этом плане особую ценность представляют сохранившиеся источники по истории новых городов (например, Сибири начала XVII в.), куда новопоселенцы переносили обычаи и навыки, типичные еще для XVI в. Но здесь необходима особая осторожность, чтобы не утратить представления о динамике процесса и об особенностях развития городской жизни в различных регионах страны, так как в XVII в. сравнительно с XVI в. — с постепенным укреплением централизованного государства, а также перераспределением населения по новым районам, — стирались некоторые отличительные черты духовной и материальной жизни различ-

ных областей страны. Рискованно было бы также — при всей полезности обращения к историко-сравнительной методике — механически переносить черты зарубежной городской жизни на русский город (в плане явлений экономической и политической истории, истории культуры, в частности, приувеличивать удельный вес и особенно раннебуржуазный характер некоторых явлений, напоминающих западноевропейский гуманизм) или решительно противопоставлять русский средневековый город (его генезис и его характерные черты) западноевропейскому.

Правильнее было бы говорить лишь о несоответствии во времени развития русских и западных городов, когда вследствие татарского нашествия и последовавшего за ним долгого татарского ига нормальный ход городской жизни был нарушен. Для многих городов Южной и Центральной России это нашествие — трагический Рубикон; академик Б.А. Рыбаков выявил целый мартиролог русских ремесел. Понадобилось много десятилетий, а иногда и не одно столетие, чтобы восстановить экономический и культурный уровень городской жизни, характерный для XIII в.

В России XVI в. отдельные регионы страны имели существенные различия, обусловленные особенностями исторического развития, историческими традициями, географическими условиями (различия в развитии городской жизни в южной части страны и в других ее частях характерны — судя по очень интересному, с ценными выводами и наблюдениями, докладу Э. Сестана³ — и для Италии XIV—XVI вв.).

В насыщенной фактическим материалом обширной монографии академика М.Н. Тихомирова "Россия в XVI столетии" особенности развития отдельных регионов и городов показаны очень убедительно. Разными темпами развивались города, разрушенные во время татарского нашествия, и не подвергшиеся разорению (т.е. города Северо-Запада Руси). В особом положении находились города, расположенные на путях частых набегов татарских орд с Востока (из Казанского ханства) и с юга (из Крымского ханства), когда в иные годы уводили в плен тысячи поселян. Долгое время не были связаны с феодальным землевладением напоминавшие крепости города южных районов. Отсутствовало светское феодальное землевладение на обширных пространствах северного Поморья, и соответственно, землевладельцы не могли входить в состав патрициата местных городов. Различия между городами и селами там были менее заметными, чем в центре страны. Особенности развития городской жизни объяснялись и географическими условиями (степень близости к торговым путям, наличие полезных ископаемых, близость земель, удобных для земледелия, скотоводства,

лесных промыслов). Имела значение и сложность общения и проникновения культурных и хозяйственных навыков и достижений в отдаленные друг от друга районы Российского государства. Словом, социально-экономическая и культурная жизнь развивались на территории государства неравномерно (это показано Н.Е. Носовым на примере поселений Поморья, где ранее, чем в других районах, обнаруживаются признаки предбуржуазных связей). И поэтому прежде чем пытаться построить модель русского города XVI в. вообще, целесообразнее было бы предварительно определить возможные микромоделли различных аспектов истории городской жизни с учетом их местного своеобразия и динамики развития. Это облегчит понимание и того общего, что характерно было для истории России XVI в. в целом, и того, что сближало Россию со странами Западной Европы в канун развития буржуазных отношений. Это облегчило бы и исследование сложной исторической проблематики типологии города. Естественно, особенно успешной может быть разработка подобной проблематики при сравнительном изучении истории городской жизни России и других стран. Нынешняя конференция — тематика ее, и живой обмен мнениями по волнующим ученым вопросам — очень много дает исследователям в этом плане.

Перед исследователями возникает заманчивая перспектива изучения местных "культурных гнезд" XVI в. (в этом плане много и успешно — вслед за Н.К. Пиксановым — работают специалисты по истории литературы и искусства XVIII—XIX вв.) Сейчас уже обнаружены существенные особенности развития культуры отдельных районов страны, проявляющиеся, в частности, в развитии местной литературы (публицистики, летописей, житийной), в репертуаре чтения, даже в почерках рукописных книг, в памятниках фольклора, в иконописи, архитектуре, в предметах бытового обихода.

Однако для России XVI в. можно уже все-таки выделить и некоторые существенные черты, характерные для развития городской жизни в целом. Прежде всего это время появления многих новых городов. Причем эти города возникают не как центры мелких государств и средоточие политической жизни (что было характерно для предшествующих столетий), а именно как средоточия социально-экономической жизни или же быстро становятся таковыми, даже возникнув как пограничные города (города Поволжья и южной окраины).

Города в XVI в., когда Россия выходит вновь на широкую международную арену, делаются основными центрами не только развития светской культуры, но и распространения элементов за-

рубежной культуры и средоточием иностранцев в стране. При этом любопытно, что первоначально (в XV — начале XVI в.) обобщающим термином для обозначения иностранцев было слово "фряги" (т.е. итальянцы). Данные о итальянцах в России XIV — начала XVI столетия собраны в незавершенной небольшой работе М.Н. Тихомирова, подготовленной сейчас к печати⁴.

Естественно, что именно с городами связано и развитие бюрократии. Здесь оформляются основные нормы бюрократического делопроизводства, нормы деловой письменности, оказавшие немалое влияние на формирование русского общелитературного языка.

Из жителей посадов выходят и основные кадры приказной администрации, не только местной, но и центральных правительственных учреждений, т.е. дьячества и особенно подъячих — низшей и самой многочисленной категории администрации. Возвышение дьячества в первой половине и середине XVI в. современники отмечают как особо значительное явление общественной жизни (об этом см. в моем выступлении на III Советской-итальянской конференции)⁵. Дьяки по происхождению в значительной своей части принадлежали, по словам современника — аристократа Курбского, к "поповичам и простому всенародству". Именно таково происхождение известных династий дьяков. Дельцы, связанные с финансовыми операциями, оказывались в родстве с крупнейшими купцами-гостями, нажившими капиталы на международной торговле и ростовщичестве (должниками их становились знатнейшие вельможи и родственники государей). К купеческой фамилии принадлежал и новгородский дьяк середины XVI в. Федор Сырков, а брат его был "старостой большим" в Новгороде. Это свидетельствует о родственных связях назначаемый Москвой администраторов и выборных должностных лиц местного управления. Знаменитые дипломаты второй половины XVI в. думные дьяки братья Щелкаловы, которых иностранцы называли "канцлерами", были, например, сыновьями подъячего, дед их был попом, а прадед — "барышником на конской площадке". Образовалась уже особая прослойка — своеобразная каста — приказной бюрократии, игравшая большую роль в управлении государством. Верхушка ее старалась аноблироваться. Дьяки приобретали земли, вступали в родственные связи с аристократами, входя постепенно в состав феодальной правительственной верхушки. В то же время рядовые подъячие оказывались все более тесно связанными с посадом.

Середина XVI в. — это время оформления сословных учреждений. О местных сословных учреждениях писал Н.Е. Носов — автор специальной монографии по этой тематике, о центральных

сословных учреждениях XVI в. — многие ученые, в том числе Л.В. Черепнин и С.О. Шмидт в опубликованных на французском языке статьях, и нет нужды повторять эти соображения. Отмечу лишь, что и местные сословные учреждения, и земские соборы середины XVI в. возникли в пламени классовой борьбы, явились в значительной степени ответом на обострение народных волнений. Местные учреждения формировались в борьбе с так называемыми разбоями на местах, а земские соборы — после народных восстаний, когда жителями посадов были организованы вечевые собрания. Именно редко употребительными в XVI в. терминами "вече" и "мир" обозначены собрания москвичей во время грандиозного восстания июня 1547 г. И прежде всего вследствие городских восстаний образовалось правительство компромисса всех прослоек класса феодалов — "Избранная рада", проводившая реформы в духе раннего абсолютизма.

Жители посада приобретают в XVI в. большую политическую силу. От их позиции в значительной степени зависит борьба боярских группировок за власть (это показано, в частности, в трудах П.П. Смирнова, И.И. Смирнова, А.А. Зимина и др.) К ним вынужден обратиться с демагогическим посланием и царь Иван Грозный в канун опричнины.

Между событиями 1584 и 1587 гг., когда "чернь московская" и "мужики торговые" играли столь видную роль в борьбе Бориса Годунова с политическими противниками, и событиями 1547, 1555—1556 гг. (время земской реформы — отмены кормлений и передачи дел на местах в руки выборных посадом лиц), 1564—1565 гг., т.е. событиями начала опричнины, имеется преемственная связь.

Представители посадской верхушки появляются на земских соборах, созывавшихся по инициативе правительства. Впрочем, участие посадских людей в деятельности соборов не означало, что Иван Грозный склонен был как-то уменьшить свою власть их соучастием в управлении. Напротив, царь рассчитывал на поддержку посадских людей в борьбе против феодальных сил, которые могли ограничить и ограничивали его власть. Иван Грозный не мыслил даже возможным делить свою власть с широким кругом лиц, особенно с представителями третьего сословия, которых он не считал за "людей". Не случайно в послании английской королеве Елизавете (1570) царь язвительно укорял ее: "Мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые". Обстоятельства политической истории вынуждали царя, однако, привлекать к "великим государевым делам" и верхи посада⁶.

Важно и другое: внутри посадского населения к середине

XVI в. уже достаточно четко обнаружилось классовое размежевание, отразившееся в формулировках Судебника 1550 г. и уставных губных грамот. Посадские верхи уже оказывались значительно ближе к феодалам, чем к посадским низам. Это и обусловило возможность их совместного участия в деятельности высших правительственных учреждений. И в начале следующего, "бунташного" XVII в., верхи посада уже вместе с феодалами окажутся в одном лагере в момент обострения классовой борьбы и массовых народных волнений.

Таинственный XVI век*

Россия XVI века! Как часто невольно пытаемся подменить эти слова другими: "Россия Ивана Грозного". Фигура грозного царя, полвека занимавшего трон, как бы заслонила собой русское общество XVI в. Даже книги о России XVI в. часто назывались просто "Иван Грозный", хотя были посвящены не биографии первого русского царя, а истории России в целом.

Насыщенная драматическими событиями жизнь Ивана интересовала многих историков. Карамзин писал в 1814 г. о своей работе над "Историей государства Российского": "Оканчиваю Василья Ивановича и мысленно смотрю на Грозного. Какой славный характер для исторической живописи! Жаль, если выдам историю без сего любопытного царствования! Тогда она будет как павлин без хвоста"¹. Сам Иван — загадочная фигура. Государь, столь много сделавший для укрепления централизованного государства, для возвеличения России на международной арене, покровитель книгопечатания и сам писатель, он своими же руками разрушал содеянное, преследовал тех, таланту и уму которых обязан был государственными преобразованиями и победами над врагом.

Историк XVIII в. Щербатов писал не без растерянности: "Иван IV столь в разных видах представляется, что часто не единым человеком является". А в произведениях искусства, посвященных Грозному, видно откровенное стремление показать нечто из ряда вон выходящее: царь — виновник гибели своей дочери (в опере Римского-Корсакова "Псковитянка" по драме Мея), царь у трупа убитого им сына (в картине Репина), царь, читающий отходную молитву у гроба жены и тут же разоблачающий государственную измену (в драме А.Н. Толстого). И в научных трудах, и в произведениях искусства как бы продолжается полемика Ивана Грозного и боярина Курбского, бежавшего от царского гнева в Польшу и присылавшего царю обличительные послания, а затем написавшего памфлет "История о великом князе Московском". Иван IV отвечал неистовыми "кусательными словесами" — посланием, в котором сформулированы были основные положения идеологии "самодержавства". Спор естествен, и упорство, даже ожесточенность его понятны... но не отодвинуло ли это от нас другие,

* Впервые опубли.: Знание — сила. 1969. № 10. С. 44—46.

более важные загадки, более значительные проблемы истории русского XVI века?! Советские ученые в последние десятилетия много сделали для выявления этих проблем.

Ведь XVI век — время необычного расширения государства. В XVI в. слово "Россия", "российский", появившееся еще в конце предшествовавшего столетия, завоевывает место в официальных документах, употребляется в царском титуле. Постепенно "русский", как уточнил академик М.Н. Тихомиров, становился определением народности, "российский" означает принадлежность государству². Было ли это государство уже на рубеже XV—XVI вв. централизованным или централизация — длительный процесс, отнюдь не завершающийся объединением русских земель в конце XV в.?

Мы знаем, что "классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований"³, что "реформы — побочный продукт революционной борьбы"⁴. Нам хорошо известны все эти положения, сформулированные в ленинских трудах. Но они известны нам — людям XX в., обогащенным творческим опытом марксизма. В XVI же столетии историю сводили к истории государей и государства, в официальных летописях факты классовой борьбы затушевывались, замалчивались, самостоятельную роль действий народных масс просто не признавали. Как же выявить, обобщить данные о народном недовольстве? Сколько было народных восстаний? Каков их размах и особенности? Каковы их последствия?

XVI столетие — как бы порубежное. Это и средневековье, но и преддверие нового периода. Реформы Избранной рады (кружок приближенных царя Ивана, фактически бывший одно время правительством) определили на много десятилетий вперед внутреннюю политику, а победы середины века над татарскими ханствами и успешное начало войны за Прибалтику — внешнюю политику великой державы.

Для XVI в. несомненны подъем ремесла, выделение особо тонких и сложных ремесленных профессий, развитие местных рынков, рост городов, вовлечение деревни в рыночные связи. Но можно ли это считать признаком уже капиталистических отношений?

В XVI в. на Руси немало еретиков, которые жестоко преследуются. В XVI в. отдельные передовые мыслители обнаруживают знакомство с зарубежной гуманистической мыслью, высказывают суждения, отличные от официальных догм. Но можно ли говорить о развитии гуманизма как определенного идейного направления общественной мысли в России той поры? Созрели ли для его

интенсивного развития социально-экономические условия? Ведь гуманизму сопутствует рост буржуазных отношений, а есть ли серьезные основания видеть их в России XVI в.?

XVI век — век подъема общественно-политической мысли, отразившейся в публицистических сочинениях. Но мы чаще всего знаем их — если знаем — только в поздних копиях. До сих пор вообще не найдено ни одного автографа Ивана Грозного, а ведь современники писали, что он "в науке книжного учения доволен и многоречив зело!" В XVII же веке не стеснялись подновлять текст при переписывании, вносить свое толкование, устранять непонятное и неприятное — недаром в академических изданиях эти сочинения публикуются с обильными, иногда взаимоисключающими друг друга по смыслу разночтениями! О сочинениях дворянского идеолога Пересветова до сих пор спорят: что это — проникновенный проект смелого политического мыслителя, сумевшего в 1549 г. до деталей предвосхитить важнейшие реформы и внешне-политические мероприятия царствования Грозного, или же позднейшая попытка оправдать и объяснить содеянное, прикрывшись именем малоизвестного челобитчика?

Историк Ключевский утверждал: "Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали"⁵. Но что делать, если они зачастую просто не говорят? Народ безмолвствует для историка в буквальном смысле слова — грамотой владели все-таки недостаточно, да и писать о каждодневном, обычном не было интереса, а выражать письменно недовольство существующим строем редко кто решался.

О феодальном хозяйстве мы узнаем в основном из монастырской документации — не уцелело ни одного архива светского феодала. О жизни крестьян судим преимущественно по документам о так называемых черносошных (т.е. незакрепощенных) крестьянах, да еще из северных районов страны, а ведь большинство-то крестьян жили в центральных районах, и большинство это было в той или иной степени закрепощено! В результате мы слабо представляем жизнь трудящихся города (посадского населения) и крестьян, мало знаем о том, в чем на практике выражалась барщина (сколько дней в неделю крестьянин работал на земле феодала, кому принадлежали скот и орудия труда, которыми обрабатывалась земля феодала, чему равнялась собственно крестьянская запашка, сколько именно денег платил крестьянин феодалу). Широко цитируемые слова тогдашних публицистов: "ратаеве (крестьяне) же мучими сребра ради" — верное, но не конкретное свидетельство тяжести угнетения.

И мудрено ли, что до нас дошло так мало документов! Стоит вспомнить хотя бы, сколько раз горела Москва и в XVI, и в XVII вв. ... Вот и приходится говорить о загадках, загадках "личных", связанных с судьбой видных людей того времени, и о загадках общественной жизни.

Тайны последних государей из рода Ивана Калиты

Много неясного, таинственного даже в биографии последних Рюриковичей на московском престоле.

Мы неясно представляем себе образ Василия III, как бы отодвинутого с большой исторической арены, затененного громкими деяниями его отца и сына — Ивана III и Ивана IV. А ведь наблюдательный иностранец, образованный гуманист — посол германского императора Герберштейн утверждал, что Василий достиг власти большей, чем кто-либо из современных ему государей. В годы его правления (1505—1533) в состав Российского государства окончательно вошли Рязанское великое княжество, Псковская земля... Это годы большого каменного строительства (именно тогда был завершен основной ансамбль Московского Кремля), годы подъема переводческой деятельности (приглашен был в Москву знаменитый мыслитель и ученый, знаток древних языков Максим Грек) и политической публицистики. Увы, времени правления Василия III не посвящено до сих пор ни одной серьезной монографии¹ и, быть может, мы просто по привычке рассматриваем это время как сумеречный промежуток между двумя яркими царствованиями?! Каков он был, Василий III? Кого он более напоминал — своего мудрого, осмотрительного и жестокого отца, которого Марк метко охарактеризовал как "великого макиавеллиста"? Или же темпераментного, увлекающегося, неистового и безудержного в гнев сына — первого русского царя Ивана Грозного?

Впрочем, был ли Иван Грозный законным наследником и сыном Василия? Рождение Ивана сопровождали странная молва, двусмысленные намеки, мрачные предсказания... Василий III, "за ради бесчадия", во имя продолжения рода, через 20 лет после свадьбы задумал развестись — в нарушение церковных правил — со своей женой Соломонией. Великая княгиня долго и энергично сопротивлялась намерениям мужа, обвиняя его самого в своем бесплодии. Но ее силой постригли в монахини и отослали в Пок-

¹ [В 1972 г. в Москве издана посвященная этому времени монография А.А. Зимина "Россия на пороге нового времени: Очерки полит. истории России первой трети XVI в."].

ровский монастырь в Суздаль. А великий князь вскоре, в январе 1526 г., женился на дочери литовского выходца, юной княжне Елене Глинской и даже, отступив от старинных обычаев, сбрил ради молодой жены бороду. Однако первый ребенок от этого брака, будущий царь Иван родился... лишь 25 августа 1530 г. Второй сын, Юрий, до конца дней своих оставшийся полудегенератом, родился еще через два года. Четыре года продолжались частые "езды" великокняжеской четы по монастырям — можно полагать, что Василий III молился о чадородии. А в Москве тем временем поползли слухи, будто Соломония, постриженная под именем Софии, стала матерью. Срочно нарядили следствие; мать объявила о смерти младенца, которого и похоронили в монастыре. Но мальчика якобы спасли "верные люди" и, уже по другим преданиям, он стал знаменитым разбойником Кудеяром (клады которого еще недавно разыскивали близ Жигулей). Предание о рождении мальчика, казавшееся, как пишет историк Н.Н. Воронин, занятой выдумкой, нашло неожиданно археологическое подтверждение. В 1934 г. в Покровском монастыре подле гробницы Соломонии обнаружили надгробие XVI в., под которым в небольшой деревянной колоде находился полуистлевший сверток тряпья — искусно сделанная кукла, одетая в шелковую рубашечку и шитый жемчугом свивальник (вещи эти сейчас можно видеть в Суздальском музее). Недаром, видимо, царь Иван затребовал через 40 лет материалы следственного дела о неплодии Соломонии из царского архива⁶.

Ответом на позднюю женитьбу Василия III были предсказания, что сын от незаконного брака станет государем-мучителем. Писали об этом и позднее, в годы опричнины: "И родилась в законопреступлении и в сладострастии лютость..." А когда после смерти Василия III Елена стала регентшей при трехлетнем сыне, поползли слухи уже о том, что мать Ивана IV давно была в интимной связи с боярином, князем Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским, теперь сделавшимся фактическим ее соправителем. Этого боярина уморили тотчас же после кончины Елены в 1538 г. (тоже — по некоторым известиям — умершей не своей смертью, а от отравы). И случайно ли, что молодой Иван в январе 1547 г. жестоко расправился с сыном этого боярина — велел посадить его на кол, а двоюродному брату его отсечь голову на льду Москвы-реки?! Не отделялся ли государь от людей, слишком много знавших об опасных подробностях придворной жизни?

Братоубийства, клятвопреступления, жестокие казни сопровождали деятельности едва ли не большинства средневековых государей (вспомним хотя бы Англию XIV—XVI вв., если даже не по учебнику, то по знаменитым шекспировским драмам-

хроникам времени ричардов и генрихов!) Макиавелли, ставивший превыше всего "государственный интерес", четко сформулировал в начале XVI в. положение, что "государю необходимо пользоваться приемами и зверя, и человека". Но масштабы кровавых дел первого русского царя поразили воображение и современников, и потомков. Казни Грозного, "лютость" его, вошедшая в легенду, что это — обычное явление кануна абсолютизма, своеобразная историческая закономерность? Или же следствие болезненной подозрительности достигшего бесконтрольной власти царя-садиста? Смеем ли мы, оценивая деятельность Грозного, отказаться от прочно усвоенных нами моральных представлений, предать забвению мысль, так ясно выраженную Пушкиным: гений и злодейство несовместны?

Историк Р.Ю. Виппер писал: "Если бы Иван IV умер в 1566 году, в момент своих величайших успехов на западном фронте, своего приготовления к окончательному завоеванию Ливонии, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, создателя крупнейшей в мире державы, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников: ведь и Александра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с распадом созданной им империи. В случае такого раннего конца на 36-м году жизни Иван IV остался бы в исторической традиции окруженным славой замечательного реформатора, организатора военно-служилого класса, основателя административной централизации Московской державы. Его пороки, его казни были бы ему прощены так же, как потомство простило Александру Македонскому его развращенность и его злодеяния"⁷.

Жизнь Грозного-царя была трагедией, он и мучил других, и мучился сам, терзался от страха, одиночества, от угрызений совести, от сознания невозможности осуществить задуманное и непоправимости совершенных им ошибок...

Трагической была судьба и сыновей царя. Старший сын, Дмитрий, утонул в младенчестве, выпав из рук няньки во время переправы через реку. Родившийся вслед за ним Иван (характером, видимо, схожий с отцом) был убит Грозным в 1581 г., об этом напоминает знаменитая картина Репина. Убит случайно, царь забылся в гневе, или же намеренно? Современники по-разному объясняли это убийство. Одни полагали, что царевич желал встать во главе армии, оборонявшей Псков от войск польского короля Стефана Батория, и укорял отца в трусости. Царь же думал о мире и боялся доверить войско опасному наследнику. По словам других, Грозный требовал, чтобы царевич развелся с приглянувшейся свекру своей женой.

Третий сын, Федор, неожиданно достигнув престола, старался отстраниться от государственных дел. Царь Федор "о мирских же ни о чем попечения не имея, токмо о душевном спасении". Но в годы, когда он был царем (1584—1598), издаются указы о закреплении крестьян, объединяются в казачьих колониях на южных окраинах страны беглые, пытаются противопоставить себя централизованному государству, лелея наивную мечту о мужицком царстве во главе с "хорошим царем", воздвигаются города-крепости в Поволжье и близ южных и западных границ, начинается хозяйственное освоение зауральских земель. А мы царя Федора Ивановича по-прежнему больше представляем по драме А.К. Толстого, чем по современным ему историческим источникам. Неспособен был царь Федор к правительственной деятельности, слаб разумом? Или же, напротив, был достаточно умен, чтобы испугаться власти? Чем объяснить, что этот богобоязненный царь не успел принять перед смертью, согласно обычаю, схиму и похоронен в царском облачении, в отличие от своего отца, положенного в гроб в монашеском одеянии (так умирающий Иван Грозный надеялся искупить свои грехи)? Своею ли смертью умер Федор?

Наконец, младший сын — тоже Дмитрий (от последней, седьмой жены Ивана Марии Нагой) погиб в Угличе в 1591 г. Погиб в 9-летнем возрасте при странных обстоятельствах. То ли напоролся сам на нож во время игры либо приступа падучей, то ли был убит? Если убит, то кем и почему? По наущению ли Годунова, стремившегося достигнуть престола? Или, напротив, тех, кто хотел помешать Годунову в его намерениях, распространяя версию о правителе-убийце и расчищая себе путь к власти? Да и был ли убит именно Дмитрий, или же и он спасся, подобно сыну Соломонии, и оказался затем игрушкой зарубежных и отечественных политических авантюристов? Все это занимает отнюдь не только мастеров художественной литературы, но и историков!

Было ли злом местничество?

Этот вопрос задавал еще Александр Сергеевич Пушкин.

Местничество! Слово прочно вошло в наш разговорный язык. Кто не знает, что местничать — значит противопоставить узкоэгоистические интересы общим, частные — государственным? Но в XVI—XVII вв. местничество регулировало служебные отношения между членами служилых фамилий при дворе, на военной и административной службе, было чертой политической организации русского общества.

Само название это произошло от обычая считаться "местами" на службе и за столом, а "место" зависело от "отечества", "отеческой чести", слагавшейся из двух элементов — родословной (т.е. происхождения) и служебной карьеры самого служилого человека и его предков и родственников. Служилому человеку надлежало "знать себе меру" и следить за тем, "чтобы "чести" его не было "поруки", высчитывая, ниже кого ему служить "вместно", кто ему "в версту", т.е. "ровня", и кому "в отечестве" с ним недоставало мест. Расчет этот производился по прежним записанным "случаям", и каждая местническая "находка" повышала всех родичей служилого человека, а каждая "потерька" понижала их всех на местнической лестнице. Недовольные назначением "били челом государю о местах", "искали отечество", просили дать им "оборонь". Именно об этом-то писал Пушкин в отрывке из сатирической поэмы "Родословная моего героя":

Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под царский гнев
И умер, Сицких пересев.

Мимо местничества историки пройти не могли — слишком бросается это явление в глаза при знакомстве с историей России XVI—XVII столетий! — но судили о местничестве, как правило, лишь на основании немногих уцелевших фактов местнической документации или даже произвольно выбранных примеров. Распространилось представление о местничестве, закрепленное авторитетом Ключевского, как о "роковой наследственной расстановке" служилых людей, когда "должностное положение каждого было predetermined, не завоевывалось, не заслуживалось, а наследовалось". И на местничество XVI в., когда у власти стояла потомственная аристократия, переносили "представления" конца XVII в., когда многие знатные роды уже "без остатка миновались". Местничество оценивали как сугубо отрицательное явление, всегда мешавшее централизации государства. Но тогда почему же с ним серьезно не боролись ни Иван III, ни Иван IV?

Да потому, что для них местничество было не столько врагом, сколько орудием. Местничество помогало ослабить, разобщить аристократию; того, чего для ослабления боярства не сумели совершить "перебором людишек" и казнями времен опричнины, добивались с помощью местнической арифметики. Для местничества характерно было не родовое, а служебно-родовое старшинство — знатное про-

исхождение обязательно должно было сочетаться с заслугами предков: фамилии, даже знатнейшие, представители которых долго не получали служебных назначений или "жили в опалах", оказывались "в закоснении". Измена, "мятеж", служебная "потерька" одного члена рода "мяли в отечестве" весь род и заставляли самих княжат сдерживать друг друга. Служба признавалась ценнее "породы". Действовали по пословице "Чей род любитя, тот род и высится". А "любился"-то род государем!

Не вопреки местничеству, а благодаря ему поднялись такие люди, как Алексей Адашев и Борис Годунов. Вспомним, что "местники" — даже самые заслуженные и родовитые — униженно называли себя в челобитьях царю холопами: "В своих холопах государь волен как которого пожалует"; "В том волен бог да государь; кого велика да мала учинит".

Не происходит ли в умах историков невольное смешение старины и новизны? Не привносят ли они понятия о чести и достоинстве, пришедшие к нам с "Веком просвещения", в представлении современников опричнины?

Местничество было не только обороной аристократии от центральной власти, как полагал В.О. Ключевский, но в XVI в. в еще большей мере обороной самодержавной центральной власти от сильной тогда аристократии. Оно способствовало утверждению абсолютизма и стало не нужно абсолютизму утвердившемуся.

В XVII в. местничество устарело не только с точки зрения центральной власти. Местами стали тягаться даже рядовые служилые люди, даже дьяки, и для аристократии оно стало унижительным и тягостным. Не случайно одним из инициаторов отмены местничества выступил знатнейший боярин князь Василий Васильевич Голицын, так хорошо запомнившийся нам всем по роману А.Н. Толстого "Петр Первый".

История местничества по существу ждет еще исследователя⁸.

Против Ивашек и Матфеек

Еще в детстве мы узнаем, что в декабре 1564 г. Иван Грозный внезапно покинул Москву, направившись "неведомо куда" вместе с семьей и большой свитой. А через месяц из Александровской слободы (в сотне верст к северу от Москвы) пришли две царские грамоты. Одна — митрополиту, другая — купцам и "всему православному христианству града Москвы". В первой из них "писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей".

К царю в ответ отправилась делегация, а затем и множество народа, чтобы молить царя вернуться к власти.

Иван снизошел на просьбы с условием, что будет отныне править "яко же годно ему государю". (И тут поневоле вспомним одну из знаменитейших сцен знаменитой картины С.М. Эйзенштейна "Иван Грозный": по снегу тянется к царской резиденции темная цепь москвичей, а в оконнице над ними — хищный профиль царя.)

Все эти сведения взяты из вполне официальных источников того времени. Но... так ли все это было?

Начнем с того, что возбужденная и напуганная отъездом царя толпа просто не могла проникнуть в Александровскую слободу: Иван заперся там, как в военном лагере, и стража далеко не сразу допустила к нему даже двух священнослужителей высшего сана.

И обращался царь со своим посланием тоже не ко всему "православному христианству". Как раз накануне введения опричнины был созван земский собор — он-то и был, видимо, адресатом послания⁹.

Внезапный отъезд? Но царь перед тем две недели объезжал московские монастыри и церкви, отбирая ценности. Заранее были составлены списки людей, которых царь брал с собой.

Ну, а зачем понадобился Грозному сам этот отъезд? Очень долго его объясняли опасностью со стороны боярства. Только ли? 1564 год — год неурожая и пожаров, год тяжелейших военных неудач, год сговора против царя крымского хана с польским королем. Царский полководец князь Курбский бежит за рубеж. Бояре запротестовали (правда, робко) против начавшихся казней, и не ожидавший этого Грозный должен был временно смириться. В этом году Иван много думает о смерти и выделяет для своей могилы особый придел в Архангельском соборе. Роспись придела, как установил историк Е.С. Сизов, аллегорически передает биографию Грозного с напором на его "обиды" от бояр¹⁰. И сразу же напрашиваются параллели между этой росписью и гневным ответным посланием Ивана князю Курбскому.

Словом, мысль об опричнине вызревала достаточно долго, хотя становится все яснее, что не только Грозный определял ход событий — он сам был напуган их социальным накалом. Была ли опричина нужна? Служила ли она прогрессу? Чтобы это решить, нужно выяснить, против кого она была направлена.

Что за вопрос! Конечно, против мятежного боярства — феодальной аристократии — это ведь как будто ясно...

Но тогда почему в годы опричнины гибнут злейшие враги этой аристократии — дьяческая верхушка, фактически управлявшая всеми приказами? А ведь эти "худородные писари" никак не могли защищать боярство.

Знать сильно пострадала, но верхушка как раз уцелела, сохранились и самые знатные Рюриковичи — князья Шуйские и самые знатные Гедиминовичи (потомки литовского великого князя) — князья Мстиславские и Бельские.

Опричнина была противопоставлением боярству служилого дворянства? Но в опричниках оказалось много весьма знатных лиц, а под опалу попало огромное количество дворян.

Сильно пострадали от опричнины монастыри. Но вряд ли это было, так сказать, запланировано: в первые ее годы монастыри получили от опричнины прямую выгоду.

Сподвижники Ивана и сам он приложили немало усилий, чтобы приукрасить в летописях опричнину и показать, что она будто бы пользовалась широкой поддержкой. И многие загадки, связанные с ней, обязаны своим существованием прямой фальсификации. Другие — результат неполноты документов. Третьи — быть может, объясняются неумением людей XX в. проникнуть в дух XVI столетия. Но кроме этих загадок, у нас есть и факты.

"...Ивашка опричные замучили, а скотину его присекли, а животы (имущество) пограбел, а дети его сбежали... В то же деревни лук (единица обложения) пуст Матфика Пахомова, Матфика опришные убили, а скотину присекли, животы пограбел, а дети его сбежали безвестно... В то же деревни..." и так далее. Это — из официально-бесстрастного перечня объектов, подлежащих налогообложению, — описи новгородских земель вскоре после разгрома их опричниками. На Кольском полуострове после опричника Басарги "запустили дворы и места дворовые пустые и варницы и всякие угоды".

В 60-х годах XVI в. дорога от Ярославля до Вологды шла среди богатых селений; через 20 лет придорожные селения были пусты.

Обезлюдели московский центр и северо-запад России. А уж Ивашки да Матфейки никак не могли быть замешаны в заговорах знати.

Сказал свое слово об опричниках и народ: в XX в. опричниками называли царских карателей.

Если опричнина и способствовала централизации страны, то какой ценой!

И, видимо, по крайней мере на одну из связанных с опричной загадок можно ответить четко: она принесла России прежде всего вред.

Книга Н.Е. Носова о становлении сословно-представительных учреждений*

Н.Е. Носов широко известен научной общественности в нашей стране и за рубежом как автор серьезных исследований о России XVI столетия — книги "Очерки об истории местного управления Русского государства первой половины XVI века" (М.; Л., 1957) и многих статей. Новая его монография¹ впервые с такой разносторонностью характеризует важнейшие и доселе слабо изученные явления социальной и политической истории России середины XVI в.

Книга состоит по существу из монографических очерков неравного объема (в значительной своей части опубликованных ранее в виде статей). Такая архитектура — характерное явление для больших исследований по России XVI в. Недостаточность источниковой базы понуждает ученых с неодинаковой полнотой освещать явления, познание которых необходимо для всесторонней характеристики проблемы, и удерживает подчас от общих выводов и заключений.

Название книги с большой точностью передает основные черты и ее содержания, и характера изложения. Это — именно становление местных сословно-представительных учреждений, т.е. и предпосылки (социально-экономические и политические), содержание и ход проведения земской реформы, этапы оформления нового законодательства, сфера его постепенного распространения, особенности его действия в разных регионах государства, характер влияния на ход реформы изменяющихся социально-экономических обстоятельств, связи земской реформы с другими государственными начинаниями, ближайшие и менее опосредованные последствия реформы. В то же время это и изыскания. Автор не только знакомит с результатами своих исследований, но и с материалами, послужившими фактологической основой для работы, с методикой их изучения; книга насыщена и историографическими элементами (хотя нельзя не пожалеть, что автор сосредотачивает внимание на современных исследованиях и фактически обходит давние труды И.И. Дитяткина, А.Д. Градовского и других ученых). Монография

* Рец. на кн.: Носов Н.Е. Россия времени Ивана Грозного // История СССР. 1971. № 1. С. 180—183.

в равной мере и собственно историческая, и собственно источниковедческая.

Н.Е. Носов попытался выявить по возможности все данные источников по истории и предыстории земского управления середины XVI в. и определить степень типичности сохранившихся свидетельств. Правительственная документация, особенно документация самих местных учреждений, почти полностью утрачена. Поэтому особое научное значение имеет привлечение разного рода косвенных источников (с целью их выявления автор предпринял сплошное обследование актовых материалов — в том числе архивных, — а также писцовых книг, рязрядов, летописей). Н.Е. Носову удалось найти и включить в научный оборот новые источники, заново "прочитать" ранее известные и тем самым показать, что сохранившиеся фрагменты некогда обширной документации достаточны для того, чтоб предпринять попытку воссоздания в общих чертах хода проведения земской реформы на территории страны в целом. Особенно детально рассматривается ход земской реформы в северных регионах государства. И здесь Н.Е. Носов применил методы исследования, характерные для специалистов и в области исторической географии, и исторической генеалогии. Большая научная заслуга автора — выявление генеалогических связей богатеев XVI в. и виднейших купцов и промышленников XVII—XVIII вв. и даже XIX — начала XX в.

Особое внимание уделено методике источниковедческого исследования. Книга во многом полемична, и спорит автор темпераментно, используя разнообразную аргументацию. Как правило, положения автора при всей их спорности подчас (например, о соборах) достаточно обоснованы, но иногда ему изменяет чувство меры, что проявилось в оценке взглядов С.М. Каштанова (С. 178—179). Исследования С.М. Каштанова и других ученых показали научную перспективность применяемой ими методики изучения актовых материалов.

В книге Н.Е. Носова впервые с такой основательностью анализированы многие материалы деятельности соборов 1540—1550-х годов (большая удача автора — восстановление содержания уставной грамоты, утвержденной Стоглавым собором 1551 г.), уставные грамоты 1550-х годов, Боярская книга 1556 г. Книга Н.Е. Носова богата фактическими данными, выводами и наблюдениями, без которых не смогут обойтись и историки государственных учреждений и архивного дела.

Н.Е. Носов ставил перед собою цель изучить не столько политическую историю земской реформы (этого вопроса — конечно, с меньшей степенью полноты — касались и другие ученые:

А.А. Зимин, И.И. Смирнов и др.), сколько классовую сущность ее, определить место и значение этой реформы среди тех общих социально-экономических и политических сдвигов, которые происходили в России XVI в. Соответственно, преимущественное внимание уделено истории образования сословия купцов и промышленников, представляющих — по вполне основательному мнению Н.Е. Носова — в своем лице новую политическую силу русского общества.

Сам факт появления в XVI в. новой силы уже отмечался в литературе. Однако наблюдения по этому поводу основывались на изучении истории Москвы (и в меньшей мере Новгорода). Н.Е. Носов же обратился к истории русской "провинции" тех лет. И внушительные результаты его исследования будут иметь существенное значение при изучении вопроса о предпосылках и особенностях развития российского абсолютизма, о роли посадской верхушки в этом процессе.

Н.Е. Носов сосредоточил усилия на изучении взаимосвязи реформ приказного аппарата и местного управления, на сложнейшем переплетении "земского" и "приказного" начал. При этом впервые столь отчетливо выяснилась взаимосвязь деятельности местных и центральных земских сословных учреждений. Это существенно конкретизировало и наши представления о том, что все эти реформы происходили в ожесточенной классовой борьбе. Вероятно, целесообразно было бы проследить и линии взаимосвязи земской реформы с внешнеполитическими мероприятиями: с этапами Казанских войн, Ливонской войной — вряд ли случайно, что реформа была завершена в общегосударственном масштабе именно в канун Ливонской войны, когда ощущалась особая нужда в обеспечении армии.

Характеризуя предпосылки и поводы земской реформы, Н.Е. Носов не только замечает заинтересованность правительства в том, чтобы органы местной власти обеспечивали подчинение местных обществ правительству, но и заинтересованность верхов местного населения в земском самоуправлении.

Автор стремился показать сложность сословной организации Российского государства и своеобразие взаимоотношений сословий между собой и с центральной властью. Отмечается, что в обострившейся классовой борьбе (точнее было бы сказать "внутриклассовой") главным был вопрос о власти. Это, по мнению Н.Е. Носова, не означает, что наиболее последовательными носителями идей национального и государственного единства России были сторонники самодержавия. Такая позиция, правильно указывает Н.Е. Носов, ведет и к идеализации самодержавия, как якобы наи-

более прогрессивного строя для России XVI в., и к упрощению понимания самого процесса становления централизованного государства, его движущих сил. Автор развивает тезис, уже поставленный в литературе, о том, что изображать все боярство — крупную земельную знать — принципиальным противником централизации вряд ли правильно. Боярство склонно было не к реставрации порядков феодальной раздробленности, а к такой форме централизации, которая была бы удобна и ему самому — к "самодержавству" с боярской думой и, можно добавить, с такой думой, которая состояла бы только из представителей знатных фамилий, способных противостоять инословным элементам, прежде всего усиливавшемуся дьячеству — "писарям". Автор полагает, что боярство было менее дворянства заинтересовано в захвате черносошных земель и что в крупных вотчинах были более благоприятные условия для развития мелкотоварного крестьянского хозяйства, чем в более мелких поместных землях. Менее нужно боярство и в укреплении военно-самодержавного строя. Обнаруживаются определенные линии сближения позиций боярства и верхов посада.

Н.Е. Носовым убедительно опровергаются примитивно-социологические схемы об извечном противостоянии дворянства и боярства, боярства и государя, показаны не только различия отдельных групп внутри больших феодальных сословий, но и линии сближения между ними, что делает понятными и социальную сущность так называемой политики компромисса между сословиями класса феодалов, характерной для времени деятельности "Избранной рады", и позднее поддержку частью боярства опричнины.

Велико значение в этом отношении исследования Н.Е. Носовым Боярской книги 1556 г. Автор установил, что кормленщики, вопреки общепринятому ранее представлению, принадлежали отнюдь не только к кругам реакционного боярства, а прежде всего к правящим слоям, составлявшим опору правительства царя. Это были бояре и дворяне, входившие в состав великокняжеского двора. Тем самым доказывается, что столичное дворянство было значительно ближе к боярству, чем к широким слоям провинциальных детей дворянских.

Наблюдения эти позволили автору поставить вопрос о политической роли поместного дворянства, стремившегося в тех условиях к усилению военно-самодержавной власти (вплоть до применения опричных методов политики) и крепостнических тенденций. Такая позиция в конечном счете способствовала все большей бюрократизации зарождавшегося было земского управления.

По мнению Н.Е. Носова, именно в XVI в. решался вопрос,

пойдет ли Россия по пути феодализма, подновленного "изданием" крепостничества, или же по более прогрессивному пути буржуазного развития.

Большая глава книги посвящена земской реформе на черносозном севере. Русский Север в те годы составлял почти половину государственной территории; там было (как установил А.И. Копанев) почти исключительно посадское население. В России XVI в. отдельные регионы страны имели существенные различия социально-экономического развития, обусловленные особенностями исторического прошлого, географическими условиями. Это подробно было рассмотрено уже в фундаментальной монографии академика М.Н. Тихомирова "Россия в XVI столетии". Н.Е. Носов акцентировал внимание на особенностях, характерных лишь для Севера, точнее даже, для Подвинья — самой экономически развитой части Поморья, обнаружив там тенденции новых социальных отношений, охарактеризованных им как предбуржуазные. Он много пишет о формировании фамилий поморских купцов и промышленников, игравших затем на протяжении веков ведущую роль в экономической и общественно-политической жизни Севера, а в отдельных случаях — страны в целом. Характеристика хозяйства Строгановых оказывается (в меньших масштабах, конечно) во многом применима и для хозяйства других двинских и устюжских промышленников и купцов, которых тоже можно было бы отнести к социальному типу "капиталистов-купцов".

Однако понятие "предбуржуазные отношения", так же, как и различие "буржуазных" и "предбуржуазных связей", охарактеризованы в книге недостаточно четко. В какой мере можно применительно к Русскому Северу XVI в. говорить о процессе первоначального накопления капитала? В книге идет речь в основном о торговом капитале, функционирование которого особенно характерно для периода до наступления эры капиталистического способа производства. Не правильнее ли было бы говорить о буржуазных связях именно "торговой буржуазии"? Вопросы эти нуждаются еще в дальнейшем уточнении. При этом желательно было бы предпринять сравнительное исследование социально-экономических отношений в Подвинье на протяжении нескольких столетий.

Н.Е. Носов предпринял попытку распространить выводы, относящиеся к Подвинью, на центральные регионы государства, где, как не раз указывается в книге, черносозного крестьянства становилось все меньше, отличия между посадом и деревней были более разительными, чем на севере, а зависимость городской верхушки от феодальных властей значительно более сильной. Думается, однако, что именно исследование Н.Е. Носова, сделанное с учетом преж-

де всего местных особенностей и своеобразия темпов и путей исторического развития в разных регионах обширной страны, убеждает в преждевременности при наличии существующей источниковой базы подобных ответственных научных обобщений. Необходимо предварительно с такой же тщательностью, как это сделано применительно к Подвинью, изучить социально-экономические отношения в городах центра страны, определить реальное место верхушки посада и сельских богатеев этих районов в общественной жизни. (Тем более, что положение об особом подъеме экономики страны именно в первой половине XVI в. — на которое опирается автор книги — пока еще недостаточно конкретизировано сравнительным изучением данных по истории XV и XVI вв.) Отдельные признаки общности тенденции развития не дают оснований для суждений о синхронности социально-экономического процесса.

В заключение приятно отметить, что книга Н.Е. Носова написана с большим литературным мастерством (и в этом сказывается школа его учителя Б.А. Романова). Насыщенная ценными выводами и наблюдениями, она раскрывает широкие перспективы научного исследования феодальной России.

Памятные даты начала Московского царства*

16 января 1547 г. великого князя московского Ивана IV Васильевича торжественно венчали на царство. Он стал царем и великим князем всея Руси. В представлении современников понятия "государство" и "царство" как бы отождествлялись. При этом одновременно употребляли наименования "Российское царство" (или "Русское царство") и "Московское царство". Словоупотребление "Московское царство" прочно вошло в обиход современников у нас в стране и за рубежом (Россию часто именовали "Московией"), а затем публицистов и ученых позднейшего времени. Выражение "в эпоху московского царства" встречаем у В.И. Ленина¹.

В появившихся позднее публицистических памятниках и в дипломатической документации особое значение придавали венчанию на царство юноши Ивана IV. Ученые постарались установить исторические и литературные обоснования этого акта и рассмотреть реальные политические предпосылки его в событиях 1546 г. Наиболее велико значение в литературно-идеологическом обосновании венчания на царство "Сказания о князьях Владимирских", в котором повествуется о получении Владимиром Мономахом от византийского императора царских регалий. Часть "Сказания" послужила предисловием к чину венчания². При оформлении его опирались и на сведения о церемонии в феврале 1498 г., когда внука Ивана III Дмитрия провозгласили великим князем московским и всея Руси и возложили на него "шапку Мономахову и бармы". Уже отца Ивана IV Василия III и даже Ивана III иногда именовали царями, но это употребление царского титула имело скорее украшающее, чем официальное значение³. Обязательное и широкое распространение царский титул государя всея Руси получил лишь в 1547 г. Венчание на царство имело важные последствия для утверждения российского "самодержавства". "Самодержец" — "калька" греческого слова "автократор". Слово "самодержавство" (или "самодержѣство") использовали тогда и для характеристики власти государя, и как обозначение суверенности государства.

Венчание на царство происходило в воскресенье в Успенском соборе Московского Кремля. Само место венчания — посреди собо-

* Впервые опубл. в кн.: Проблемы изучения культурного наследия: [Сб. в честь академика Д.С. Лихачева]. М., 1985. С. 167—176.

ра, именно там, где благословляют архиереев ("святителей ставят"), — должно было подчеркивать боговенчанность царей — "помазанников божиих". Вряд ли случайно и то, что днем венчания избрали тот, когда отмечали церковный праздник поклонения веригам апостола Петра. В честь этого апостола получил имя митрополит Петр, перенесший в начале XIV в. митрополичью кафедру в Москву и заложивший Успенский собор, ставший кафедральным собором главы русской церкви. Его считали объединителем земель вокруг Москвы, заступником московских князей; у его захоронения в Успенском соборе в день венчания была особая церковная служба.

Процедура венчания на царство, в частности, чин венчания и его редакции, изучены еще в конце XIX—начале XX в.⁴; особое внимание обращалось на значение "Мономахова венца" и предания, связанные с его происхождением. Именно в нем видели символ царской власти и налагаемых на монарха обязанностей. Вспомним ставшую крылатой фразу из пушкинского "Бориса Годунова": "Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!" Шапка Мономаха хранится ныне в Оружейной палате Музеев Московского Кремля. Выяснено, что этот выдающийся памятник прикладного искусства конца XIII—начала XIV в. был поновлен в XVI в.: к древнейшей части добавили навершие — крест с жемчужинами — и большие рубины и изумруды. Быть может, это было сделано именно накануне венчания Ивана IV?

Однако особо памятной исторической датой венчание на царство утвердилось в сознании отнюдь не сразу. Первоначально акт этот не выделяли среди других явлений государственной и придворной жизни. Из событий начального года Московского царства сразу же и надолго врезались в память не венчание на царство, а "великие пожары" в Москве — в апреле и особенно в июне — и массовое восстание в конце июня 1547 г.⁵

Убедиться в этом позволяют летописи, а также дипломатические документы. Летописи называли тогда "памятными книгами времени"⁶. Составляли их и в Москве (официальные и иные), и в других городах, в монастырях. В большинстве из них об акте венчания в январе 1547 г. написано сравнительно скупо (и нередко вместе со сведениями о царской свадьбе в феврале 1547 г.) или вовсе ничего не написано.

Это обнаруживается в "летописцах вкратце", в которых сведения общерусского значения обычно извлекались из более простран-ных летописей — самый отбор упоминаемых в кратких летописчиках фактов показателен и помогает понять: что именно, когда и где оценивали как "памятные" события и по каким причинам и как изменялись представления об их историческом значении.

Любопытно, что в местных летописях, составленных людьми, видимо, неблагосклонно относившимися к централизаторским тенденциям московского правительства, — в Четвертой Новгородской⁷, в Первой Псковской⁸, в компилятивном Соловецком летописце⁹, основанном на новгородских и псковских летописях, — о венчании на царство написано почти в одинаковых выражениях. Там отмечается "благословение святого великого чудотворца" митрополита Петра, венчание "по древнему царскому чину", поставление на великое княжение Владимирское, Новгородское, Московское и "всеа Руси", наречение царем и великим князем и "самодержцем всеа Руси". Едва ли столь схожие тексты разных летописей не восходят к одному первоисточнику. Им мог быть текст послания митрополита Макария 1547 г. архиереям и в монастыри о венчании на царство, новом титуле государя (и, быть может, и о царской свадьбе).

Однако этот (или подобный) текст оказался неиспользованным в официальной Степенной книге царского родословия, составление которой было завершено в 1560-е годы. Лаконичность сообщения Степенной книги о венчании на царство буквально бросается в глаза. Для монументального стиля этого "пышного исторического сочинения", по наблюдению Д.С. Лихачева, характерно "многословное изложение". Задачей автора было "представить историю как государственный парад"; идеализируются и государи, и события¹⁰. Последняя, 17-я степень Степенной книги посвящена времени правления "благородного и боговенчанного царя и государя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси самодержьца". В этой степени 26 глав. Глава 8 имеет заголовок "О постановлении на царство и брак царя и великого князя". Но составители не выделили это событие особой летописной повестью и ограничились буквально несколькими словами. Об акте венчания написана одна фраза: "Дондеже великий князь и царским венъцем венъчася рукою того преосвященнаго Макария митрополита всеа Руси". Не отмечена даже дата этого события, тогда как следующая же фраза начинается с указания на дату царской свадьбы. Упоминается о рождении трех сыновей и трех дочерей у Ивана IV и Анастасии¹¹. Завершается эта кратчайшая из глав 17-й степени Степенной книги словами: "Прочее же речется в степени сей в главе"^{1*}.

^{1*} Возможно, впрочем, что это означает отсылку к главе более ранней хронологически, 4-й степени, где излагается легенда о дарах византийского императора киевскому великому князю¹². Или здесь предполагалось изложить содержание соборной грамоты константинопольского патриарха 1561 г., утверждающей Ивана IV в царском сане (как это сделано было в позднем, так называемом Латухинском, списке Степенной книги, на текст которой ссылается Н.М. Карамзин¹³).

Любопытно и то, что в так называемом Постниковском летописце середины XVI в., написанном в полумемуарной форме столичным дьяком Постником Губиным, о церемонии 16 января 1547 г. даже не упоминается. Между тем именно Постниковский летописец, как отметил впервые опубликовавший его М.Н. Тихомиров, поражает детальным знанием событий придворной жизни и уникальными известиями о том, что происходило как раз в 1546—1547 гг.¹⁴ (в том числе о подготовке к царской свадьбе)^{2*}.

В официальной летописи, составленной в 1550-е годы при царском дворе, в Летописце начала царства¹⁵ и в восходящих к его тексту в этой части летописных сводах (в Никоновской, в Львовской летописях¹⁶) венчанию на царство уделено уже больше места. И это понятно, так как задачей этого необычайного размера летописца было восхвалить первого русского царя в духе "идеализирующего биографизма XVI века" (определение Д.С. Лихачева¹⁷) и "изобразить начало царствования Ивана как начало новой эры в мировой истории"¹⁸. «Описание чина венчания, — по словам Д.С. Лихачева, — напоминает текст церковного служебника. Весьма возможно, что в качестве составной части в описание вошло специально составленное на этот случай церемониальное руководство, причем при включении в Летописец будущее время изложения было переделано на прошедшее, но сохранились типичные для служебника заголовки: "Молитва", "Возглас", "И по молитве", "И по многолетии" и т.п. Текст служебника начинался, очевидно, после фразы "Венчание же на царство великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси по отеческому древнему преданию сицево". Составителю Летописца, по-видимому, принадлежит лишь вступительная часть, связывающая венчание на царство Грозного с преданием о мономаховых царских регалиях»¹⁹. Подробное изложение содержания документов, находившихся тогда в архивах — "хранилах" царских и митрополичьих, а иногда и включение полного текста таких документов в летопись — характерная черта официального летописания середины XVI в., особо отмеченная Д.С. Лихачевым²⁰.

Это описание венчания на царство Ивана IV близко — иногда даже текстуально — к описанию в официальной летописи венчания в 1498 г. внука Ивана III²¹. Чин венчания 1498 г. был, несомненно, использован при составлении церемониального руководства зимой 1546/47 г. (хотя сравнение летописных описаний обнаруживает

^{2*} Правда, о содержании последних уцелевших листов Постниковского летописца следует говорить с осторожностью. Там оказались, как выяснил С.Е. Князьков, сшитыми не тетради, а отдельные листы. Это допускает и предположение об утрате листа (или листов) с изложением как раз событий середины января 1547 г.

заметные различия и в процедуре венчания, и в текстах произнесенных тогда слов)²².

Но подробнее всего события воскресного дня 16 января 1547 г., последовательные моменты церемониального действия, так же, как и обсуждение вопроса о венчании на царство еще в декабре 1546 г., отражены в Царственной книге — официальной лицевой летописи, составленной в конце царствования Ивана Грозного²³, причем и в тексте, и в миниатюрах^{3*}. Лишь из Царственной книги (и ее копии — Александро-Невской летописи)²⁵ узнаем о совете Ивана IV с митрополитом 13 декабря 1546 г. не только о женитьбе (очень вероятно, что здесь — как и в других местах последней части лицевого свода — использованы сведения Постниковского летописца), но и о желании его "наперед" того "на царство, на великое княжение сести" и о подробностях церемонии 16 января 1547 г.: выходе Ивана IV в столовую брусную избу дворца, об именах духовника государя Федора Бармина, конюшего князя М.В. Глинского^{4*}, казначеев Ивана Ивановича Третьякова и Федора Ивановича Сукина, дьяков Якова и Василия Григорьевичей Захаровых-Гнильевских, которым было доверено нести знаки царского достоинства из дворца в Успенский собор²⁸. Следовательно, это было сразу же отмечено в разрядной записи церемонии венчания 1547 г.; но записи не сочли нужным использовать при составлении Летописца начала царства. К ним обратились более чем через 30 лет после событий января 1547 г. На особенности рассказа Царственной книги о венчании на царство обратил внимание уже автор первой монографии об этом памятнике А.Е. Пресняков, указавший и на пометы на рукописи ("...да тут написать...", "...да тут же писать..."), свидетельствующие о том, что "рассказ составлялся, а не только переписывался"²⁹.

Таким образом, недостаточное выделение венчания на царство

^{3*} Царственная книга находится в Отделе рукописей государственного Исторического музея в Москве (Синод. собр. № 149). Все миниатюры летописной повести "О венчании великого князя Ивана Васильевича всея Руси на царство" (Л. 281 об.—291 рукописи) воспроизведены в книге Фр. Кемпфера²⁴, отдельные миниатюры — в других изданиях.

^{4*} Дядя Ивана IV по матери — князь Михаил Васильевич Глинский — упомянут в конце описания венчания и в официальных летописях, составлявшихся в середине 1550-х годов и в той же Царственной книге. Он "мису за ним (Иваном IV. — С.Ш.) злату со златыми денгами носил" и осыпал его деньгами. Видимо, М.В. Глинский был 16 января главным церемониймейстером. Это — показатель его особого значения при дворе, вероятно, проявившегося еще тогда, когда летом 1546 г. казнили знатнейших бояр по доносу дьяка В.Г. Захарова-Гнильевского (также названного в Царственной книге)²⁶. Курбский в "Истории о великом князе московском" писал, что именно М.В. Глинский "был всему злему начальник"²⁷.

в 1547 г. из ряда других событий того же года в летописях, составленных в конце 1540—1560-х годах, очевидно. Быть может, это объясняется тем обстоятельством, что венчание царским венцом никак не связывали с каким-либо запоминающимся поступком лично Ивана IV — более того, во второй половине 1546 — первой половине 1547 г. не переставали говорить о недостойном поведении молодого государя, вызывавшем недовольство не только москвичей и нашедшем отражение в остропублицистическом памфлете, известном под названием "Выпись о втором браке Василия III"³⁰. Имело значение, видимо, и то, что церемония 15 января 1547 г. происходила на сравнительно небольшой территории центральной части Московского Кремля, где, помимо окружения государя, не могло находиться много народу.

Принятие московским государем царского титула было осознано многими лишь с принятием Иваном IV после падения Казанского "царства" (ханства) титула и царя казанского, тем более, что возвращение после победоносного похода в Москву в конце октября — начале ноября 1552 г. сопровождалось торжественными встречами при большом стечении народа: в Нижнем Новгороде, во Владимире, в Суздале, в Троице-Сергиевом монастыре, и эти встречи описываются в официальной летописи. Накануне "прихода царского к Москве" Иван IV ночевал в с. Тайнинском, где его встретили брат Юрий и остававшиеся в Москве бояре и "здоровствовали государю на царстве на Казанском".

В Москве (в районе нынешней ул. Сретенки) царь был торжественно встречен митрополитом, духовенством и боярами. Встречало царя такое "множество народу", что "поля невмещааху их", и «по обе страны пути бесчисленно народа, стари и уни, великими гласы вопиующии; ничтоже ино слышати токмо: "много лета царю..."». Царь и митрополит произнесли речи, а затем митрополит "со всем народом" стали на колени ("пред царем на землю падает"). "И тут" царь Иван "переменил" воинскую одежду и "положил царское одеяние", "на главу свою шапку Мономахову, сиречь венец царьской", и в этом одеянии "поиде пеш в град", т.е. в Кремль. В тексте официальной летописи особо выделены слова "О пременении царьской одежи"³¹. В "Казанской истории", несмотря на расхождение в деталях с летописями (как уже отметил Г.З. Кунцевич)³², в описании встречи Ивана IV особо отмечено впечатление от одеяния его: "Бяше бо оболчен во весь царьский сан... в златная и сребряная одежда, и златыи венец на главе его с великим жемчюгом и камением драгим украшен, и царьская порфира о плещу его. И ничто же ино видети и у ногу его развее и злата и сребра и жемчюга и камения многоценнаго — и никто же

таких вещей драгих нигде же когда виде, удивляют бо сия ум зрящим нам"³³.

8 ноября в честь победы "был стол" у царя в Грановитой палате. День 8 ноября, можно полагать, избран не случайно. Это день архистратига Михаила и архангелов. Архангел Михаил почитался как предводитель небесных сил, победитель сатаны³⁴. Пировали три дня. Раздавали награды — вотчины, поместья, кормления, деньги, дорогие одежды, ткани и сосуды, коней, доспехи, оружие. Ни о чем подобном летописцы не сообщали ни ранее, ни позднее.

Торжественно и публично отпразднованная победа, одержанная под предводительством Ивана IV, сделала понятной присвоение государю нового, более высокого титула. Это было закреплено публичным торжественным "пременением царьской одежды" — вся Москва увидела государя в Мономаховом венце. Это отвечало широко распространенным представлениям об этикете поведения и склонности к конкретизации их. Д.С. Лихачев справедливо указывает, закончив характеристику описания венчания на царство в 1547 г. в Летописце начала царства: «Такой церемониальный интерес имеют статья "О пременении царской одежды", описание возвращения Грозного из Казани в Москву и т.д.»³⁵

Понятно, что такой грандиозный триумф запомнился надолго. Тем более, что напоминанием о нем стала заказанная для Ивана Грозного "шапка Казанская" — особая корона Казанского царства (также хранящаяся ныне в Оружейной палате). В описи архива Посольского приказа 1614 г. даже читаем о том, что в книгах, где приведены образцы титулования ("начала") русских государей в грамотах, адресованных им "римским цесарем", и титулования русских государей в других грамотах, отправленных в "иные государства" или полученных оттуда, находилось и "венчанье" Ивана IV "на царство Московское в 64-м году"³⁶, т.е. в 1555/56 г.^{5*} Быть может, в середине 1550-х годов произошло венчание Ивана IV с Казанской короной?

В русских посольских документах Ивана IV с 1550-х годов величают уже и царем казанским, а затем и астраханским, и отме-

^{5*} Любопытно, что документальные материалы "поставления царского" 1547 г. были не в виде книги, а в виде "тетради". О такой тетради упоминает и опись Царского архива 1570-х годов (причем ее в июне 1571 г. взяли в Александрову слободу³⁷), и, видимо, опись архива Посольского приказа 1626 г. В этой переплетенной (в "ырхе", т.е. в замше) тетради были "выписки из летописцев про великого князя Владимира Манамаха и чины поставления на великое княжество", "речи" — обращения Ивана IV к митрополиту Макарию и Макария к Ивану IV — и "венчание на царство царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси от Макарья митрополита"³⁸, т.е., очевидно, тот самый церковный служебник, который был использован затем при составлении летописи.

чают, сколько лет он является царем каждого из царств: "А царство наших Российского... Казанского... Астраханского..." лет. (Датой получения титула российского царя признавали 1547 г., казанского царя — 1552 г., астраханского — 1554 г.) И в сношениях с другими государствами в обоснование прав Ивана IV на "титло царского имянованья" стали ссылаться не только на легенды, послужившие основой для чина венчания 1547 г., но и на то, что Иван IV стал еще и царем казанским и астраханским^{6*}, а «место "Казанское и Астраханское" извечно царское»⁴⁰.

Вряд ли случайно и то, что рядом с новым царским моленным местом — "Мономаховым тронем", установленным в Успенском соборе 1 сентября 1551 г., — позднее поместили другое программное для того времени произведение — грандиозную 4-метровую икону "Благословенно воинство небесного царя" (или "Церковь воинствующую"⁴¹). На деревянных стенках трона изображены барельефные композиции, иллюстрирующие "Сказание о князьях Владимирских", в клеймах дверных створок — строки этого текста. В иконе в аллегорической форме прославляются ратные подвиги войска Ивана IV на Волге: на иконе изображены три царские короны (российская, казанская, астраханская), которыми венчают царя ангелы.

Падение Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников и осталось едва ли не самой запомнившейся славной датой истории России XVI столетия. "Казанское взятие" запечатлено во многих памятниках — словесных и изобразительных. В память об этой победе воздвигнут на Красной площади знаменитый Покровский собор (храм Василия Блаженного). В Летописце начала царства последовательно и настойчиво проводятся два основных положения: необходимость утверждения самодержавной власти и историческая обусловленность победы Российского государства над Казанским ханством. Как торжество "самодержавства" Ивана Грозного и "всемирная победа" охарактеризовано "Казанское взятие" в Казанском летописце (или "Казанской истории"), составленном, видимо, в середине 1560-х годов. Именно это событие стало одной из любимых тем народных исторических песен. В них обнаруживается ясная идея: только с завоеванием Казанского царства Иван IV стал царем: он

^{6*} Видимо, придавали значение и тому факту, что титулы российского царя и царя восточных царств оказались объединенными у наследственного государя, который одновременно являлся потомком (в пятом колене, т.е. праправнуком) и Дмитрия Донского — прославленного победителя на Куликовом поле — и Мамаю (его крестившегося сына или внука признавали тогда родоначальником князей Глинских, из рода которых происходила мать Ивана IV Елена Васильевна)³⁹.

взял у казанского "царя" "царскую корону и снял царскую порфиру; он царский костыль в руки принял. И в то время князь воцарился и насел на Московское царство". Тем более, что царями принято было в то время — наряду с властителями, известными по "Священному писанию", государями древних монархий Средиземноморья и Ближнего Востока, государств Балканского полуострова в X—XIV вв. — после падения Византийской империи именовать официально только некоторых мусульманских государей — ханов Золотой Орды, позднее Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств.

Подобное объяснение начала "царства" в России, видимо, крепко утвердилось. Его повторяли иностранцы: в конце XVI в. англичанин Джером Горсей, в начале XVII в. голландец Исаак Масса, основываясь, возможно, не только на бытовавших в России устных преданиях, но и на использовании этих фактов московским правительством в борьбе за признание титула русского государя⁴². И даже когда в 1667 г. в Испанию впервые прибыло русское посольство и переводчики царской грамоты спросили послов: "Что царь и самодержец разумеется?", им указали на два основания: первое — предание о присылке Владимиру Мономаху регалий византийского императора и второе — то, что при Иване Грозном были покорены Казанское, Астраханское и Сибирское царства и "по тем великим царствам и государствам" русский государь в грамотах "царем и самодержцем описуется"⁴³. Немудрено, что основательно знакомый с документами архива Посольского приказа и порядками управления в России Григорий Котошихин примерно в то же время объяснял, что только с присоединением Казанского, Астраханского и Сибирского "царств" "учинился он, великий князь, над Московским государством, и над теми взятыми царствы, и над прежними княжества царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси; и таковым обычаем в Российском земле началось царствование"⁴⁴. Такое же объяснение находим и в так называемой Вологодской летописи, составленной в конце XVI — начале XVII в.^{7*}

Таким образом, акт венчания на царство в январе 1547 г., столь удобный историкам и государствововедам для определения хроно-

^{7*} Известие: "В лето 7055-го благоверный великий князь Иван Васильевич царствия ради помазался на царство" написано на полях со знаком вставки. Сообщение же о том, как Иван IV утвердился царем, связывалось со взятием Казани ("В лето 7062-го. Царь великий князь Иван Васильевич всеа Руси Казань взял, и царя Гедигера взяли в полон октября в 2 день, и сам стал царем, и царя Семиона Бекбулатовича полонил же"). В рукописи на полях возле этого известия нарисована мужская голова в царской короне⁴⁵.

логических граней государственно-политической истории, сначала не был выделен социальной памятью из ряда других торжественных актов, происходивших в московской резиденции государя, и лишь закрепленный всенародно прославленной победой, утвердился как выдающаяся памятная дата. Даже в официальном летописании только к концу жизни Ивана Грозного сочли нужным и возможным подробно описать (в Царственной книге) и саму процедуру венчания на царство, и совещание, ему предшествовавшее, и устранить заголовок летописной статьи о "пременении царьской одежды" в 1552 г.

Наблюдения эти, думается, помогают конкретизации представлений об общественно-исторических воззрениях людей XVI столетия и понимании ими "памятных" событий, об изучавшемся Д.С. Лихачевым "летописном времени" и его внутренней и внешней "упорядоченности"⁴⁶ и связи с "эпическим временем".

О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века*

Еще Н.М. Карамзин, с именем которого связано утверждение в русском обществе многих исторических представлений, сформулировал положения о значении самодержавия в государственной истории России (при этом он опирался на традиции, восходящие, по крайней мере, к авторам первых научных трудов по Российской истории В.Н. Татищеву и М.В. Ломоносову). Постепенно ученые, мыслители — историки, юристы, социологи осознали, что история отнюдь не сводима преимущественно к истории развития государственности, и история России не есть только история Российского государства. Все больше внимания стали уделять социально-экономической и культурной истории, быту, общественному сознанию и действиям народа. Мысль о том, что государство — демиург истории, кажется теперь архаической. Но роль государственной власти в истории все равно воспринимается как очень значительная и в давние эпохи, и в близкое к нам время. И изучение ее продолжает привлекать умы ученых.

Становление самодержавия в России Карамзин относил ко времени правления Ивана III и счел важным охарактеризовать значение этого исторического явления и связь событий рубежа XV и XVI вв. с явлениями последующего времени — и особенно с преобразованием Петра I — уже в краткой "Записке о Древней и Новой России" 1811 г., предназначенной для императора Александра I. А в Предисловии к "Истории государства Российского", датированном декабрем 1815 г., написанном уже после завершения работы над томами этого грандиозного сочинения, посвященными истории России XV и значительной части XVI столетий, с большой убежденностью он пишет: "Одно государствование Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере, не знаю монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра..."¹

Карамзин был человеком, мыслящим в значительной мере еще

* В основе статьи — доклад, апрель 1988 г., Международная конференция в Йельском университете (США). Впервые опублик. под заголовком: *Der Geschäftsgang in den russischen Zentralämtern der Zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1992. Bd. 46. S. 65–86.*

в "категориях" "Века просвещения", когда признавали главенствующей в истории роль личности правителя, особенно "просвещенного монарха". Но он в известной мере отступил от представлений о коренном преобразовании страны, — а, следовательно, и ее системы управления, — при Петре I распространенных в XVIII в. и в России, и за рубежом (достаточно напомнить о сочинении властителя умов той поры Вольтера "*Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand*"). Во второй четверти XIX в., — когда настоятельно задумывались о путях развития русской истории, о связи ее прошлого с настоящим и с будущим (особенно в плане социально-экономического прогресса), у всех на устах были слова Пушкина о Петре, который "уздой железной Россию поднял на дыбы", в гостиных и кабинетах, в журналах и на кафедрах спорили славянофилы и западники, — казалось бы, восторжествовала идея о коренном изменении (или искажении) в начале XVIII в. хода русской истории, которую делили на "допетровскую" и "послепетровскую". Одновременно распространились — даже в среде революционно настроенной общественности — мысли об особом пути истории России, отличающем ее уже тогда от истории стран Западной Европы, о том, что России, быть может, суждено миновать стадию, типичную для капиталистического развития других стран. Однако уже С.М. Соловьев — крупнейший русский историк третьей четверти XIX в., много сил положивший на возвеличение Петра I, признававший его царем-революционером, — показал подготовленность его преобразований предшествующим развитием России, обнаружив это и в системе организации государственного управления.

В настоящее время, благодаря освоению общесоциологических построений о характере и этапах развития общества и государства и многообразным трудам отечественных и зарубежных ученых² о России XV—XVIII вв., современная наука отказалась от представлений об исключительности пути развития российской государственности в эти столетия, от теории закрепощения и раскрепощения сословий (начиная с Манифеста о вольности дворянства 1762 г. до реформы 1861 г., освободившей крестьян от крепостной неволи) по воле самодержавной власти. Но проблема общего и особенного в развитии России и других стран в эти столетия остается во многом еще не освещенной и потому завлекательной для исследователей и требует детального сравнительного рассмотрения специалистами по истории разных стран и, в частности, по истории разных государственных учреждений — центрального и местного аппарата власти, сословно-представительных учреждений, истории делопроизводства и архивов.

Потому автор позволил себе выступить с близкими по тематике докладами на международных двусторонних конференциях ученых Франции и СССР в 1966 г. в Париже ("Приказная администрация в Российском государстве периода становления абсолютизма")³, Испании и СССР в 1985 г. в Москве ("Бюрократия и делопроизводство Российского государства в конце XV—XVII вв.")⁴, Швеции и СССР в 1986 г. в Москве ("Центральный правительственный аппарат Российского государства XVI—XVII вв.")⁵. В определенной мере эта проблематика была затронута в коллективном докладе советских ученых "Абсолютизм в России и в странах Западной Европы: опыт сравнительного рассмотрения" на XVI Международном конгрессе историков в 1985 г.⁶ К этим выступлениям примыкает по тематике и нынешний доклад, более конкретный по своему содержанию и ограниченный хронологическими рамками преимущественно второй половины, даже, точнее, третьей четверти XVI в. В своих выводах и наблюдениях опираюсь и на прежние свои труды конкретного содержания — о дьячестве, архивах XVI в., приказном делопроизводстве XVI—XVII вв., местничестве, Боярской думе, земских соборах и других, в которых имеется немало ссылок на литературу на русском и других языках⁷.

В конце XV—XVI вв. примерно в течение столетия происходит процесс становления, а затем и укрепления Российского централизованного государства. Впрочем, вопрос о датировке этого процесса остается спорным в советской научной литературе. Некоторые полагают, что процесс этот уже завершился в годы правления Ивана III и Василия III, другие — в их ряду и автор доклада — усматривают продолжение этого процесса и в годы правления Ивана IV Грозного. Поскольку оформление централизованного государства в России, это — прежде всего — сложение единой системы центральных и местных правительственных учреждений, выполняющих административные, военные, судебные, финансовые и другие функции.

Проблема оформления централизованного государства в России смыкается с проблемой абсолютизма (особенно его возникновения). Более того, хронологическая грань, разделяющая эти процессы, не представляется достаточно четкой. В то же время проблема абсолютизма отнюдь не может сводиться только к сфере государственно-политической истории. Характеризуя эпоху абсолютизма, советские ученые особое внимание обращают на социально-экономический аспект проблемы.

Имеются разные точки зрения и о времени, к которому следует относить эпоху абсолютизма в России, и особенно о времени его

становления. Многие ученые видят типичные для абсолютизма явления в середине XVII в. Истоки российского абсолютизма все чаще обнаруживают, однако, уже во второй половине XVI в., хотя правительственная политика абсолютистской направленности вплоть до рубежа XVII—XVIII вв., т.е. времени правления Петра I, проводилась неровно, с зигзагами и отклонениями.

Централизация, как известно, в большинстве случаев связана с капитализмом. В России же во главе процесса государственно-политической централизации находились не дворянство и буржуазия, а только различные слои класса феодалов-землевладельцев (светских и духовных), противоречия между которыми позволяли правительству вести политику балансирования, типичную для всех стран в период становления абсолютизма.

В России государственно-политическая централизация опережала экономическую, что и придало государственному устройству России периода абсолютизма черты "централизованного деспотизма" (выражение К. Маркса)⁸. И деспотизм этот был пропитан "азиатским варварством" (что отмечено было передовыми русскими мыслителями XIX в. и В.И. Лениным) в государственном быту⁹. Уже рано имели место бюрократизация системы управления и делопроизводства, унификация норм права и финансовой системы. Без достаточно налаженной системы деятельности центральных и местных учреждений (включая выборные) и достаточно организованного и устойчивого управленческого аппарата государство (особенно такое, территория которого — и ранее достаточно обширная — за 125 лет, к концу XVI в., увеличилась более чем в 10 раз) не смогло бы осуществлять свои административные, военные, судебные, финансовые и другие функции. И система управления, определившаяся в третьей четверти XVI в., оказалась настолько крепкой и соответствующей широким представлениям о правопорядке, что выдержала даже испытания народных волнений, гражданской войны, интервенции соседних государств в начале XVII в., в период, который, вслед за современниками, историки иногда называют "смутным временем".

Высшим государственным органом признавали заседавшую Боярскую думу¹⁰. Она не имела самостоятельной, раздельной от монарха компетенции и была высшим законодательным органом и высшим органом управления страной и высшим судебным органом. Сам термин "Боярская дума" не встречается в источниках. Это — литературно-научное наименование того, что обозначали терминами "дума", "государев верх", "палата", "все бояре" и др. И, вероятно, точнее было бы назвать эту "думу" не Боярской, а "царской",

тем более, что утверждается принцип единогласия ее решений ("одиночества"), а не решения большинством голосов.

В Боярскую думу был преобразован традиционный для средних веков совет при государе типа "королевской курии". В конце XV в. состав ее был невелик; в нее входили ближние привилегированные слуги из числа исконных московских бояр. С оформлением централизованного государства увеличивается число думных людей и большее значение в Боярской думе приобретает титулованная знать — потомки утративших самостоятельность бывших удельных князей, общественное положение которых с тех пор определяется их местом на служебной лестнице при дворе и в войске московского государя.

Во второй половине XVI в. не только определились уже все четыре думных чина (бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки), но все более реальную силу в каждодневной деятельности Думы обретают думные дворяне ("дворяне, что в избе живут") и особенно думные дьяки, основной обязанностью которых становилось делопроизводство Думы и связанных с ней учреждений. К думным людям относились также казначеи (ведавшие и государственной, и государевой казнами) и некоторые важные придворные чины.

К концу XV—началу XVI в. относится зарождение приказной системы управления. В середине XVI в. центральные правительственные учреждения получили наименование "приказов" (от слова "приказывать" — "поручать"). В них постепенно, со все большим отграничением дворцового (и личного, удельного) управления от общегосударственного, сосредоточивалось управление определенными отраслями правительственной деятельности или отдельными территориями. Управление тогда еще не отделилось от суда, и руководителей приказов называли судьями. У управляющего приказом обычно были "товарищи" (один-три человека), и управление считалось коллегиальным. Сами приказы находились в ведении царя и Боярской думы. Число их постепенно все увеличивается.

Важнейшими приказами признавали Разрядный, ведавший служебными назначениями и обороной государства, Посольский — ведавший организацией внешних сношений, и Поместный, в компетенцию которого входили вопросы феодального землевладения, суд по земельным спорам, описание земель. Деятельностью этих учреждений руководили думные дьяки, формально главой был сам царь (или Боярская дума в целом; и они воспринимались как отделы ее канцелярии). Во главе других приказов обычно стояли

думные люди высокого ранга, но фактически все дела были в ведении дьяков.

Образовалась особая прослойка "приказных людей", важнейшими звеньями которой были дьяки и подьячие. Они, как правило, были неаристократического происхождения: часто из среды духовенства, купечества. Возвышение этих "писарей" было особо отмечено аристократами-публицистами середины XVI в. и вызывало ненависть и их, и "прирожденных" вотчинников. Влияние приказных людей было очень велико. Начальники центральных учреждений и правители на местах часто менялись и были мало осведомлены о системе делопроизводства, приказные же люди были более прочно связаны со своими должностями. Воеводы более занимались делами политическими, дьяки же осуществляли каждодневное конкретное руководство с уклоном в хозяйственные вопросы и ведали всей документацией (тем более, что воеводы не всегда были грамотными)¹¹. И приказы (как и избы — "дьячьи избы" в городах) часто именовали в документах по имени этих приказных людей, так же, как и ящики с документацией в архивах учреждений. Постепенно приказные люди становились землевладельцами, роднились со знатью. Но лишь в начале XVII в. гражданская служба была признана такой же "честной", достойной потомственного дворянина, как военная. Дьяки напоминали французское "дворянство мантии" и успешно вытесняли "дворянство шпаги". Среди фамилий, возвысившихся к началу XVII в. и сильно разбогатевших, немало дьяческого происхождения¹².

Для приказного строя характерны не только определенные взаимосвязи и иерархия административных учреждений и должностных лиц, но и определенная система (и иерархия) делопроизводства, становящегося все более регламентированным.

В формировании "приказного строя" Российского государства особое значение имели преобразования середины XVI столетия, которые обычно связывают с деятельностью правительства "Избранной рады", возглавлявшегося А.Ф. Адашевым. Политика опричнины не стала помехой в развитии "приказного строя", хотя виднейшие дьяки оказались жертвами террора царя Ивана — и в земщине, и в опричнине господствовали приказные порядки¹³. Знатоком и ревнителем их был и сам Иван Грозный, что нашло отражение и в его распоряжениях, касавшихся подчас даже деталей делопроизводства и судебных разбирательств, и в его сочинениях, где обнаруживается прямое воздействие деловой письменности¹⁴.

В советской литературе послевоенных лет много сделано для изучения истории преобразований конца 1540-х — 1550-х годов¹⁵. Имеются по этой тематике и монографии обобщающего типа —

И.И. Смирнова и А.А. Зимина. И.И. Смирнов писал о порядке законодательства. Опираясь на данные источников и наблюдения ученых еще XIX в., — прежде всего историков права — он отметил основные стадии, которые проходит вновь издаваемый закон: доклад царю, мотивирующий необходимость издания закона, и приговор царя, формулирующий норму, которая должна составить содержание нового закона. И.И. Смирнов подчеркнул, что самое составление закона и окончательная редакция текста производится в приказах, и здесь особенно велика роль казначеев и дьяков. Рассматривал И.И. Смирнов и практику "докладов" и выработки на их основании правительственных решений. Отметил и то, что московские юристы при составлении дополнительных статей к Судебнику обладали умением выделять из содержания уже изданных законов общие юридические нормы, а из постановлений те, которые носили временный, частный характер. Все это позволило сформулировать положение об особой роли приказного аппарата в законодательстве¹⁶. Книга А.А. Зимина¹⁷ и его статьи близкой к ней тематики¹⁸ изобилуют ценными источниковедческими конкретными наблюдениями, относящимися к кодификаторской деятельности тех лет и каждодневной практике работы приказов. Но в трудах И.И. Смирнова и А.А. Зимина, так же, как и в работах большинства других ученых, изучавших этот период истории, основное внимание уделяется характеристике социальных и государственно-политических аспектов реформ середины XVI в. Собственно историко-делопроизводственная и также — говоря современным языком — документоведческая стороны проблемы затронуты в них в меньшей степени.

Однако выявление данных о персональной деятельности многих служилых людей XVI в. и составление перечней их и источниковедческое исследование видов и разновидностей источников той поры — их происхождения, функционирования, текстологических особенностей списков создают реальные условия для познания и истории развития делопроизводства в эти десятилетия. Мы знаем теперь намного больше, чем прежде, и об элите Российского государства (здесь значительны заслуги и зарубежных ученых Г. Алефа, Н. Коллман, А.М. Клеймола и др. при изучении XVI в., и Р. Крамми, Х.-И. Торке и др. для сравнительного изучения XVI и XVII вв.), в том числе как раз в третьей четверти XVI в. (работы А.А. Зимина, В.Д. Назарова, С.П. Мордовиной, А.Л. Станиславского и др., специально об опричном дворе В.Б. Кобрин). Существенно конкретизированы наши представления о дьяках (благодаря изданиям трудов В.И. Саввы, С.Б. Веселовского, А.А. Зимина и др.) Детально изучаются разрядные кни-

ги¹⁹, родословные книги²⁰, указные книги приказов, опись Царского архива. Все большее внимание привлекают посольские книги (работы Л.А. Юзефовича, К. Расмуссена, Н.М. Рогожина и др.).

Уже в признаваемых классическими трудах А.С. Лаппо-Данилевского (первые десятилетия XX в.), в работах его учеников (А.И. Андреева, С.Н. Валка и др.), изучавших различные разновидности актов и особенности их составления, хранения, использования, выявились многие интересные факты каждодневной системы делопроизводства, причем в развитии ее и с учетом особенностей, типичных для разных регионов Российского государства. Детальное изучение актов, касающихся монастырских прав и привилегий, С.М. Каштановым — наиболее видным ныне советским специалистом по проблемам дипломатики — позволило представить ход этого развития в связи с конкретными обстоятельствами государственно-политической ситуации отдельных десятилетий или даже лет. С.М. Каштанов сумел показать, что составлению новых документов предшествовало знакомство с документами прежних лет, что все новации в формуляре были отнюдь не случайными, некоторые грамоты составлялись в несколько приемов, разными подьячими²¹, т.е. углубились наши знания о самой процедуре составления документов. Выводы и наблюдения такого рода (имеющие, правда, подчас косвенное отношение к основной тематике тех или иных исследований) в трудах других ученых становятся также источником информации о развитии делопроизводства в Российском государстве XVI в. Поэтому допустимы уже соображения об этом и обобщающего характера.

Но при исследовании организации системы центрального государственного управления в России конца XV — начала XVII в. и его делопроизводства следует иметь в виду, по крайней мере, несколько затрудняющих такую работу обстоятельств.

Это — своеобразный конституционализм мышления, и, в частности, исторического мышления людей нового времени (от слова "constitutio" в смысле — "установление", "учреждение"), когда ожидаем объяснения тому или иному изменению или нововведению в государственной деятельности и делопроизводстве в соответствующем правительственном постановлении. Между тем, в период до широковещательных государственных реформ начала XVIII в. и сопутствующих им многочисленных указов и письменных распоряжений Петра I (издаваемых и поныне в много-томной серии "Письма и бумаги Петра Великого") многие нововведения долго оставались официально не зафиксированными и, закрепившись как удобный обычай, лишь позднее приобретали статус законодательной нормы и получали соответствующее обос-

нование, и то не всегда. Это наблюдение распространяется даже на историю виднейших учреждений. Знаток приказной документации С.А. Белокуров, нашедший выписку середины 1560-х годов о том, что в 57 (т.е. в 1548—1549) году "приказано посольское дело" И. Висковатому, отметил: "Нигде не сохранилось никакого акта об учреждении Посольского приказа, и нигде не изложены обязанности посольского дьяка и круг ведения Посольского приказа"²². И правильнее наиболее раннее упоминание учреждения или разновидности документа признавать не датой их зарождения, а временем, не позднее которого они появились.

Сложность для нас — людей нового времени — и в полисемии многих слов, приобретших терминологическое значение, в отсутствии единого понимания такого смысла этих слов и словосочетаний современниками, и необязательности до XVIII в. употребления стандартизированных определений не только в частной, но и в официальной документации. Наконец, деловой язык Руси XVI—XVII вв. изучается преимущественно по документам XVI в., что не позволяет пока более или менее точно — в пределах даже не только десятилетий XVI в., а вообще XVI и XVII вв. — датировать появление и особенно распространение (во времени и по местностям) тех или иных терминов делового языка, становление их как повторяющихся нормативов.

И самая главная трудность в построении возможных заключений по этому кругу вопросов — бедность источниковой базы. Значительная часть документов — даже известных нам по другим документам или упоминаниям в старинных архивных описях²³ — не сохранилась. Уцелели лишь остатки массивов приказной документации, а многие нарративные (повествовательные) памятники известны лишь в поздних списках, отличающихся терминологическими поновлениями. Особенно пагубными оказались для документов правительственных учреждений страшные московские пожары²⁴. В 1547 г. выгорел Кремль и большая часть Москвы, и, тем самым, фактически не осталось документов, позволяющих проследить постепенность изменения и своеобразные черты в характере управления и в системе делопроизводства на протяжении времени от Судебника Ивана III 1497 г. до Судебника Ивана IV 1550 г. Упомянув о пожаре 1571 г., "в приход крымского царя", опричник Штаден пишет о гибели всех деловых документов — челобитий, (судных) списков, квитанций ("die Musca vorbrante mit allen supplicationibus, registern und quitanzien")²⁵. В пожар 1626 г. "во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела". "Громадное количество актов в московских архивах, существовавших еще до пожара 1626 г., переживших занятие

Кремля поляками, сгорело в 1626 г. Этот год сделался своего рода памятной датой"²⁶, — справедливо утверждал в незавершенном, но насыщенном множеством конкретных наблюдений лекционном курсе о приказном делопроизводстве XVII в. М.Н. Тихомиров. 1626 год еще в середине XVII в. служил вехой в практической деятельности приказов XVII в., что отмечено в Соборном уложении 1649 г., где дела прежних лет разделены на те, которые "вершены до Московского большого пожару" и "после пожару вершены"²⁷.

Документы, конечно, погибали и от неумелого хранения, во время реорганизации управления, перемен в постановке делопроизводства. Документы внутренней политики сравнительно скоро утрачивали ценность: их описывали тогда небрежно или вовсе суммарно (даже в описи Царского архива 1570-х годов читаем при описании отдельных ящиков: "А в нем списки, рознь", "А в нем приказные дела", "А в нем списки розные и судные дела", "А в нем грамоты поручные" и т.п.), использовали в качестве черновиков, а, возможно, и уничтожали за ненадобностью.

Все это предопределяет осторожность в выводах об истории развития приказного делопроизводства в XVI столетии. Но ведь даже такой строгий историк-источниковед, как С.Б. Веселовский на склоне своих лет заметил: "Не одним литераторам, но и историкам приходится восполнять воображением и догадками недостаток и пробелы исторических источников"²⁸.

При характеристике системы административного управления в Российском централизованном государстве часто — в трудах историков, правоведов, публицистов — употребляется термин "бюрократия". Термин этот имеет неоднозначное толкование в социологической литературе, особенно объясняющей явления истории последних столетий и нашу современность. И потому вполне допустимо сомнение профессора Х.-И. Торке в возможности применения этого термина в его нынешнем научном понимании для характеристики явлений российской истории до XVIII в.²⁹

Термин "бюрократия" и производные от него распространены и в нашем расхожем языке. При этом обнаруживается тождественность его термину "бюрократизм", тоже понимаемому неоднозначно: и как определенная система управления, основанная на отрыве центров исполнительной власти от общества, и как канцелярщина, волокита, пренебрежение к делу ради соблюдения формальностей.

Термин "бюрократия", как и производные от него, вошли, по крайней мере, к началу нашего века в языковой обиход литературы о России XVI—XVII вв. Сошлюсь на примеры общеизвестной научно-популярной литературы и специальной литературы о при-

казной системе управления. А.Е. Пресняков — исследователь очень широкого круга интересов и одновременно мастер научной популяризации — в книге 1918 г. "Московское царство" пишет о "развитии бюрократии слуг московского государства" и об "окончательном торжестве приказно-бюрократического строя всего управления" в XVII в.³⁰ А.К. Леонтьев — автор обобщающего труда о приказах в XVI в. — констатируя, что во второй половине XVI в. "приказное управление охватывает все отрасли государственного управления", замечает, что в конце XV в. было положено "начало образованию дворянской чиновничьей бюрократии"³¹. А вышедшая в конце 1987 г. монография Н.Ф. Демидовой называется "Служилая бюрократия в России XVI в. и ее роль в формировании абсолютизма". В данном докладе термин "бюрократия" понимается в его буквальном смысле слова — как "господство канцелярии".

Такое господство канцелярии в системе центрального государственного управления явно обнаруживается по известным нам источникам второй половины XVI в. Об этом пишут — причем употребляя именно знакомые им термины "канцелярия", "канцлеры" — иностранные наблюдатели (немец Штаден, итальянец Барберини, датчанин Ульфелд и др.) Канцеляриями они называли "приказы" (а термин "приказ" в значении правительственного учреждения тогда уже стал постоянным в русском языке). Канцеляриями называют приказы и современные зарубежные ученые (например, Л. Берри и Р. Крамми в словаре русских терминов, сопровождающем издание сочинений англичан о России XVI в.)³².

Господство канцелярии возможно лишь при условии наличия определенной признанной законом системы административного управления, определенных должностных лиц, занятых в сфере этого управления (причем именно такая деятельность является основной для них), и определенной системы делопроизводства, с которой связана деятельность этих должностных лиц, что подразумевает выработку и определенных правил составления, хранения и учета, обращения и использования документов. Люди, оказавшиеся в этой сфере государственно-общественных отношений (или, точнее выразиться, допущенные туда) и овладевшие соответствующими правилами делопроизводства, приобретают отличия, выделяющие их не только в обществе, но даже в среде его правящей верхушки, и обычно с дальнейшим развитием аппарата государственного управления и сопутствующего ему бумаготворчества, занимают фактически (хотя первоначально и не юридически) все более привилегированное положение в общественной иерархии,

приобретают все более реальную власть над многими другими людьми.

В словаре русского языка С.И. Ожегова "делопроизводство" определено как "ведение канцелярских дел". То же читаем в четырехтомном издании "Словаря русского языка" (последнее издание 1985 г.). Составители же словаря архивных терминов дают более развернутое определение: совокупность работ по документированию (т.е. созданию документов) управленческой деятельности учреждений и по организации документов в них. (В немецком языке обозначается термином "Schriftgutverwaltung».)³³

Но не все документы — как верно отмечает Б.Г. Литвак³⁴ — рождались и рождаются в канцеляриях. "Делопроизводственная документация" — понятие историческое. Потребность в документировании первоначально удовлетворяется без помощи "канцелярии", т.е. органа, специально предназначенного для производства документов. Такой орган появляется тогда, как общество не может нормально жить, точнее сказать, функционировать, без фиксации обыденного в его жизни, а не только чего-то исключительного, меняющего привычный порядок. Все это происходит обычно в период образования централизованного государства. В это время в России и складывается приказная система управления (в центре и на местах), являющаяся основой формирования в нашей стране приказного делопроизводства, и делопроизводственная документация становится постепенно массовой документацией. С возникновением канцелярского делопроизводства как системы оно, подобно всякой другой системе, не только "обслуживает", но и "самообслуживается". И необходимость выполнения государственно-управленческих нужд сразу же приводит к резкому увеличению числа лиц, занятых именно в делопроизводстве — к формированию общественной прослойки чиновничества и, соответственно, иерархии внутри ее.

Герберштейн — гуманистически образованный имперский посол в России в 1517 и 1526 гг., оставив долго признававшееся образцовым описание "Московии", включавшее и передачу содержания Судебника 1497 г., не имел, видимо, еще оснований писать о приказном строе. А через несколько десятилетий человек иного культурного уровня, но близко знакомый с каждодневным ходом правительственного управления, немец-опричник Штаден счел важным в сочинении, предназначенном тоже прежде всего читателям Империи, детально описать деятельность "канцелярий" ("Kanzleien" — именно так переводят русский термин "приказ") и порядок их делопроизводства. Он указывает, что во всех приказах дела — и малые и большие — записывались в книги. Отмечая на-

личие в каждом приказе дьяков и подьячих — помощников дьяков, в числе 20, 30, 40, 50, Штаден характеризует и самый порядок их письменной деятельности. "Подьячие переписывали грамоты набело. Дьяк брал грамоту в левую руку и под числом писал свое имя мелким шрифтом. Потом он оборачивал грамоту и писал во всех местах, где приходились составы, так, что половинки букв были на обоих концах бумаги. Если даже клей держался недостаточно крепко, никто не мог подделать грамоты и не мог приписать к ней что-нибудь. Так скреплялась грамота. Потом наверху на обратной стороне на первой склейке грамоты дьяк писал от себя титул великого князя крупными буквами так, чтобы каждый мог видеть..."³⁵ Составленное через сто лет еще более детальное описание подьячим Котошихиным сферы деятельности приказов и порядков приказного делопроизводства мало чем отличается от описания Штадена³⁶.

В третьей четверти XVI в. уже был основной набор разновидностей правительственной документации, характерный для делопроизводства Российского государства XVI—XVII вв. Отличительные черты видов и разновидностей этих документов отмечены в учебных пособиях по источниковедению — в пособиях обобщающего типа³⁷ и специальной тематики³⁸, опирающихся на издания документов (в том числе серийные, начиная с предпринимавшихся Археографической комиссией в 1830-х годах) и архивные разыскания. Однако в наименовании современниками таких документов не было еще четкости и устойчивости, да и своеобразие формы даже в XVI в. подчас зависело от уровня подготовки составителя их (письмоводческого опыта и привычек). В аспекте же данной работы следует подчеркнуть, что именно со второй половины XVI в. прослеживаются закрепление наименований и особенностей формуляра разновидностей такой документации, характерные и для последующего времени приемы составления таких документов и основы документооборота (т.е. движения документов с момента их создания или получения и до завершения исполнения или отправки), формы хранения, учета и описания делопроизводственной документации.

К середине XVI в. документация правительственных учреждений была уже достаточно многообразной, и в учреждениях этих образовались архивы такой документации, причем к архивным "делам" обращались для справок и копирования.

Массив документации правительственных учреждений по основному содержанию и целевому назначению условно можно разделить на законодательные материалы ("уложения", в том числе судебники, указные книги и грамоты, отдельные приговоры), пред-

назначенные для долгого делопроизводственного обращения, и материалы текущего делопроизводства.

Чаще всего приказы издавали от имени царя — указы, являвшиеся формой решения по какой-либо деловой бумаге — отписке (докладной должностного лица), памяти (документу информации между учреждениями) или челобитной (обращению в вышестоящую инстанцию). Распространены были и наказы, инструкции должностным лицам, доклады-записки с изложением существа дела, а часто и обоснованием решения по этому делу. Эти и другие формы делопроизводственной деятельности (отраженные в соответствующей делопроизводственной документации) способствовали формированию основ административного законодательства, определяющего компетенцию, структуру и порядок деятельности органов управления и регламентирующего отношения между государством и подданными в управленчески-административной сфере³⁹.

Судебник 1550 г., как известно, пополнялся новыми постановлениями. Кроме того, в соответствии со статьей 98 Судебника 1550 г., определявшей порядок дальнейшей кодификации правовых норм, в отдельных приказах дополняли текст Судебника царскими указами и боярскими приговорами, касавшимися сферы деятельности этого учреждения. Так оформлялись постепенно указные книги приказов (где указы обычно располагались в хронологической последовательности) и уставные книги (с указами, переработанными в единый свод). Древнейшие из известных нам указных книг — в ведомстве казначеев и Разбойной избы — начали составляться в середине 1550-х годов. Это были, по существу, списки с "приговорных памятей", присылаемых дьяками⁴⁰.

Среди документов текущего делопроизводства можно условно вычленить (в научных целях) те, которые относятся к текущему управлению: судебно-следственные материалы, финансово-учетные материалы, материалы, связанные с организацией службы (военной и придворной), с организацией внешних сношений. К некоторым из таких документов (прежде всего к посольским делам) могли, конечно, обращаться и в течение длительного времени.

Важно отметить, что в Судебнике 1550 г. появились новые — по сравнению с Судебником 1497 г. — положения: о порядке составления и хранения документов, в частности, судных списков, о наказании за подделку документов — "подписку" (статья 59). Особенно интересна в этом плане статья 28: указывалось на необходимость документирования судебного процесса ("дьяку исцовы и ответчиковы речи велети записати перед собою"), так же, как и слова свидетелей ("или и чем ся пошлют на послушество"). Уста-

навливалась процедура составления столбца "дела"; при этом дьяк "по ссвавам руки прикладывал" "к тем жалобницам и к делом". Составленный дьяком в ходе рассмотрения "дела" список переписывался подьячим "с черна начисто", сверялся дьяком ("дьяку те все дела справити самому") и удостоверялся им ("да к тем делом дьяку руку свою приложить"). "Дела" эти дьяк обязан был держать у себя "за своею печатью": подьячим запрещалось держать "дела" у себя, и наказывали их за это не только торговой казнью (т.е. били публично кнутом), но и предписывалось их "выкинути из подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти". Статья 29 определяет оформление протокола судебного заседания. Записи делал дьяк. Истцам и ответчикам текста не показывали, но оговаривалась возможность обращения к ним для уточнения записи. С окончательным текстом знакомились только судьи⁴¹. В других статьях Судебника 1550 г. — указания на правила оформления документов (с "боярской печатью", "дьячьей подписью").

Среди указов 1550-х годов — указ 1558 г., который царь "приказал бояром своим словом", чтоб присылали в Москву не самих свидетелей по разбираемому делу, а записи их показаний: велено губным старостам — "каковы они списки пришлют за своими руками, и за печатми, и за обыскных людей руками и по тем спискам и управа чинити, как в тех списках будет написано"⁴². Тем самым подразумевается уже и достаточный уровень развития делопроизводства на местах^{1*}. Это нашло отражение в Судебнике 1589 г., предназначенном для суда среди крестьянства северных черносозных областей. Там и в краткой, и в пространной редакциях среди начальных статей — такие, в которых предусматривается наказание дьяку, который "список нарядит и дело запишет не по суду, не так, как у истца или у ответчика речи были, посулу ддя, и запишет без боярского или без судецкого ведома и веления"⁴⁴. А в пространной редакции написано (в статье 5) и о наказании подьячего, который "запишет дело не по делу ддя посула без ддячьа приказу"⁴⁵. Даже в далеких северных районах со второй половины XVI в. некоторые акты все чаще расширяются и специальными записями лиц, взявших грамоты на сохранение, с обязательством выдачи документов заинтересованным сторонам; а к ссылкам на акты прежнего времени добавляются, как правило, ссылки на писцовые книги (иногда и пространные)⁴⁶.

Общепринятым становится порядок составления деловых бу-

^{1*} Колоритные детали ведения судопроизводства в Москве и судебной волокиты и злоупотреблений и данные о написании документов, предназначенных для присылки в Москву, находим в грамоте 1558 г. царя Ивана IV земским судьям в Двинскую землю⁴³.

маг. Характерные формы бумажного делопроизводства — грамоты-столбцы ("столпы"), тетради, книги (в приказной практике — в четвертку). Разрозненные (или не подходящие под эти формы) материалы объединялись в "связки", "свертки", иногда с надписями "рознь", "всякая рознь". Наиболее распространенной формой деловой документации было столбцовое делопроизводство. По мнению М.Н. Тихомирова, начало его в Московской Руси ведет еще к XVI в., к традиции, характерной для восточных (мусульманских) правителей⁴⁷. Внешний признак столбца — соединение, склейка отдельных документов (подлинников и копий) в "дело" в виде свитка^{2*}. Документы писали на листах бумаги, разрезанных пополам, и, тем самым, длина полос была больше, чем ширина. Места склеек, а также составные части бумажной ленты называли "сстами" (т.е. составами, связями), и столбцы могли достигать нескольких метров. Писали обычно с одной стороны листа, что давало возможность хранить столбцы в свернутом виде. Обратная сторона служила для "рукоприкладства" лиц, привлеченных к рассмотрению дела, указаний адресов, по которым шла переписка, помет.

Писали обычно не на столе, а на коленях (чернильница висела часто на шее, в старинных чернильницах с обеих сторон — ушки для шнура). Писали очень быстро, и каждый писец старался выработать свой довольно однообразный каллиграфический стиль. А пометы, напротив, отличались трудночитаемым почерком, еще В.О. Ключевский заметил, что дьяки "писали так для большей важности"⁴⁹. Выработался и порядок составления бумаг — с обязательной правкой черновика более высокопоставленными подьячими или дьяками, скреплявшими затем беловик своей подписью по сстам на чистой стороне бумаги — "припись". Подпись нередко (в виде отдельных букв) повторялась и кончалась на лицевой стороне последнего листа под основным текстом.

Многочисленные пометы на документах середины XVI в. — и чистовых, и черновых — показывают, что они были в постоянном обращении и выработались даже более или менее стандартизированные приемы включения новых данных, изменения ("почернения") прежних, отсылок к другим документам. Это прослеживается и по Тетради дворовой 1550-х годов, и другим документам подобного назначения, и по справочно-описательным — например, по черновой описи Царского архива, составленной в середине 1570-х годов.

^{2*} Столбцы нечасто публикуются полностью, но о содержании их, последовательности документов в "деле" можно узнать из описаний документов, особенно из книг "Описания документов и бумаг" Московского архива Министерства юстиции (МАМЮ), издававшихся в конце XIX — начале XX вв.⁴⁸

Обычно при составлении нового документа повторяющегося содержания — писцовой книги, десяти, описи архива и др. — использовали старый список, внося в него изменения. К документам прежних лет обращались и как к образцам при составлении совсем нового документа. Устойчиво вошел в практику обычай не только написания дубликатов документов (один — с подписью официального лица — направлялся адресату, другой оставался в архиве учреждения-отправителя), но и копийных книг.

Устанавливаются определенные нормы хранения, систематизации и описания документов правительственных учреждений (с учетом опыта дворцовых великокняжеских учреждений и деловодства монастырей). Документы находились либо в помещении самого учреждения — в "палатах" его (в середине 1560-х годов построили каменное здание приказов в Московском Кремле), в особой "казенке" (от слова "казна"), в подвале, либо в каменных церквях. Это спасло часть подобной документации, так же, как и официальные летописи, от пожаров. Судя по старинным описям архивов и указаниям на местонахождение документов в различных учреждениях, документы хранились в "ларях", "сундуках", а внутри них в "ящиках", "коробьях", "мешочках". Текущая документация находилась на полках приказов в помещении приказа. Группы дел, связанных с деятельностью определенных приказных людей, обычно сосредоточивались вместе. И такие ящики, связки (как и описи дел) называли часто по имени дьяка, или даже писали это имя на ящике или обложке дел. Вместилища документальных материалов нумеровали. Стали нумеровать и сами документы (причем тетради нумеровали в определенном месте — на заглавном листе на середине правого края и в правом верхнем углу первого листа текста), и эти номера затем переносили в описи.

Описи были и краткие, и подробные — даже в "книгах" (т.е. в нескольких сшитых вместе тетрадях), иногда только с указаниями названий (или числа) дел, а иногда и с характеристикой содержания дела (особенно в столбце, где подклеивались друг к другу разнообразные документы), сведениями о том, "вершено" оно или "не вершено", о пометах, степени сохранности. Описи составляли не только тогда, когда прежняя опись ветшала и оказывалась неудобной для пользования из-за множества исправлений, приписок, помет о выдаче или перемещении документов, но и в связи со сменой руководства в учреждении или какой-либо административной реформой.

Была уже достаточно отлаженная система хранения и учета, а также и использования документации. Известны примеры очень оперативного нахождения, копирования, составления резюме доку-

мента по требованию царя или думных дьяков времени Ивана Грозного⁵⁰.

Это обусловлено было и унификацией (а, зачастую, и совершенствованием) структуры различных видов "дел", что облегчало и выявление нужных частей столбцов или книг и описание их. Такое явление можно проследить, рассматривая разные группы документации, даже столь сложные документальные комплексы, как судебно-следственные "дела", объединявшие иногда в одном столбце документы явно разнородные. Ибо во вступлении ко всем "судным спискам" указывались факты и дата начала судопроизводства, состав суда, место суда (когда суд был вызван земельной тяжбой, то мог происходить на спорном месте, из-за которого и возникла тяжба), тяжущиеся стороны.

Обрывки судебно-следственных дел XVI в. — особенно при сопоставительном рассмотрении их вместе с уцелевшими делами конца XVI — начала XVII в. (в том числе знаменитого дела о смерти в Угличе в 1591 г. мальчика-царевича Дмитрия, вызвавшего немалую научную литературу) — показывают механику не только составления таких дел (с выписками законов, на основании которых выносятся приговор), использования следствия и суда в политических целях и саму практику судопроизводства, но и свидетельствуют о заметной степени точности в записи "распросных речей" ("в распросе сказал") и особенно "пыточных речей". Уцелел отрывок протокола допроса Иваном Грозным в застенке русских пленников, возвратившихся из Крыма в 1574 г. — жуткий памятник произвола, показатель болезненной злобной подозрительности и жестокости царя. Царь велел "пытати — огнем жеши, чтоб правду сказали", и, спрашивая: "Хто именем бояр наших нам изменяет?", стал называть самых приближенных к нему лиц⁵¹. Такие документы становятся ценнейшими источниками и по истории социальной психологии, разговорного языка. Вообще возможный спектр интересов ученых при обращении к судебно-следственным материалам очень широк⁵².

По крайней мере, не позднее середины XVI в. принята уже была определенная структура такой сложного состава разновидности судебных дел, как местнические. Обязательными их частями были копии из разрядных книг и других документов, и такое копирование — по требованию властей или по желанию местников — стало обычной практикой. Следили за точностью копии и выявляли факты недобросовестного отношения дьяков и подьячих к поиску и копированию документов. (Примеры в напечатанных еще в середине XIX в. местнических делах, в исследованиях

А.И. Макревича и других⁵³, в недавних работах Ю.Н. Мельникова о местничестве в 1580-е годы).

Постоянной становится с 1560-х годов и форма посольского отчета в виде статейных списков, т.е. составленных по разделам — "статьям", обычно выделяемым абзацами. Они включали наказ послам и отчет о посольстве, часто и тексты важнейших документов — посольских грамот, переписки. Отчет состоял обычно из последовательных ответов по всем пунктам наказа ("про что проведено и про что не проведено") и дневниковых записей о пути посольства, встрече и приеме послов, ходе и результатах дипломатических переговоров⁵⁴. За период с конца XV в. по 1605 г. сохранились 93 книги по взаимоотношениям с 13 странами⁵⁵.

Вырабатывается и система составления справочных книг в Посольском приказе — известна такая книга ("Выписка") с аннотациями данных о сношениях Российского и Польско-Литовского государств 1573 г. (Сейчас готовится ее издание — совместно Археографической комиссии АН СССР и ЦГАДА.)

В конце XV—XVI вв. интенсивно формируется дипломатическая лексика. Это прослеживается по отрывкам из посольских дел, приведенным в труде В.И. Саввы о Посольском приказе XVI в. (Первая его часть издана была еще в 1917 г., а вторая, где сосредоточен материал о дьяках и подьячих у посольского дела, лишь в 1983 г.^{3*}) Много дает систематизация материала из различных источников (позволяющая сопоставить эти данные с цитатами из посольских дел) в книгах Ф.П. Сергеева о распространенной на Руси в XI—XVII вв. терминологии дипломатической и международного права⁵⁷. Совершенствуются наименования дипломатических агентов путем образования терминологических словосочетаний, например: посланец — великий, скорый; гонец — легкий, скорый, нарочный. Дипломатическая терминология пополнялась за счет развития терминированных значений и у некоторых общенародных и книжных слов (двор, запись, зацепка, обычай, очи — "быть на очех", память, письма, покой — мирный договор, поминок, посланец, посланник, разговор, сторона, честь и др.).

Для судопроизводства и вообще правовых норм, организации службы и земельных и денежных пожалований, системы налогообложения характерна в середине XVI в. тенденция к единообразию, отраженная в Судебнике 1550 г., постановлениях земских соборов

^{3*} Разрозненные листы этой рукописи обнаружены были в личном фонде ученого в Киеве (об этом см.: *Шмидт С.О.* От редактора). К изданию приложены указатели — именной, географической, учреждений, охватывающие издания 1917, и 1983 гг.⁵⁶

рубежа 1540—1550-х годов, уложениях и указах 1550-х годов. Такое единообразие до Уложения 1649 г. не во всем было достигнуто (это показано еще в труде С.Б. Веселовского о сошном письме), но стремление к нему очень заметно в правительственной деятельности тех лет.

Формирование разновидностей определенных правительственных документов приводило к распространению устоявшихся оборотов приказного языка, становившихся постепенно все более характерными и для документов, написанных в монастырях или во владениях светских феодалов.

Благодаря усилившейся тенденции стандартизации делопроизводства при составлении документов определенных разновидностей, вырабатываются трафареты формуляров и отдельных языковых выражений. С.Б. Веселовский в лекциях 1939 г. о методике научных исследований (изданных посмертно) приводит набор таких примеров (бродить "меж двор" — слеза, которую подпускали в челобитную; платить помещику "по старине" или "чем о них изоброчит"; "до тех мест, как поместье писцы и мерщики опишут и измерят и учинят за ним (помещикам) пашню по государеву указу") в послушных грамотах⁵⁸.

Составленный С.А. Левиной при издании в 1960 г. описи Царского архива XVI в. и описи архива Посольского приказа 1614 г.⁵⁹ предметно-терминологический указатель к обеим рукописям позволяет выяснить, наименования каких разновидностей документации укоренились уже в русском языке в третьей четверти XVI в., какие распространились в последующие десятилетия. Здесь помогает ознакомление с еще более подробной описью архива Посольского приказа 1626 г., опубликованной В.И. Гальцовым и сопровождающей также подробным предметно-терминологическим указателем⁶⁰. (Приятно сообщить также, что в издательстве находится и подготовленная к печати В.И. Гальцовым самая пространная опись архива Посольского приказа XVII в. — опись 1673 г., также с тремя указателями^{4*}.) В издании 1978 г. описи Царского архива XVI в. с комментариями А.А. Зимина содержится характеристика некоторых терминов, обозначавших в XVI в. наименования различных документов⁶¹.

Следует, видимо, предпринять попытку уточнить время, если не появления, то распространения тех или иных терминов и словесных оборотов языка деловой письменности и определить возможное влияние в этих случаях авторской индивидуальности.

^{4*} Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подг. к печати В.И. Гальцов. Под ред. С.О. Шмидта // Памятники отечественной истории. М., 1990. Вып. 4, ч. 1, 2.

Предварительное условие — расположение всех документов (указов, различных актов, посольских, судебно-следственных, местных дел, разрядных записей и др.) в хронологической последовательности. Для периода правления Ивана Грозного это сделать уже можно, так как основной массив источников выявлен в хранилищах и надеяться на значительное число находок ранее неизвестных документов не приходится.

Такие открытия, вернее всего, могут быть сделаны в документах более нового времени (в копиях — в столбцах и копийных книгах⁶², а иногда и в подлинниках) или в старинных описях документов. Возможно и обнаружение напечатанных ранее — а ныне утраченных — документов в губернских и епархиальных ведомостях, в ставших редкостью местных изданиях и копий документов в архивах редакций изданий, личных фондах ученых. В плане изучения историко-делопроизводственного аспекта проблемы как следует не рассматривались серийные издания актов (в частности, в томах таких изданий послевоенных лет, как "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси", "Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков", "Акты Русского государства", хотя в комментариях И.А. Голубцова и других немало интересных наблюдений и такого плана). Не привлекались опять-таки именно в таком плане и публикация актов С.А. Шумаковым на рубеже XIX и XX в., приложения к трудам Н.П. Лихачева и других знатоков архивного материала, обильные цитаты из первоисточников в книгах В.И. Саввы, С.Б. Веселовского, П.А. Садикова и других исследователей, изучавших — прямо или косвенно — государственный строй России XVI в.

Конечно, это надо делать, сопоставляя с данными в трудах, посвященных деловой письменности Руси XV—XVII вв. (Б.А. Ларина и др.), с цитатами из источников, включенными в тома "Словаря русского языка XI—XVII веков" и других словарей. (Но при этом следует иметь в виду неполноту Словаря сравнительно с материалами словарных картотек, создававшихся под научным руководством наших выдающихся филологов.⁶³)

Деловая письменность сыграла значительную роль в формировании русского языка XVI—XVII вв., в литературе середины XVI в., охарактеризованной Д.С. Лихачевым как литература "государственного устройства"⁶⁴. Дьяки писали не только делопроизводственные документы, но и другие сочинения — в частности, воспоминания — тоже, как отметил М.Н. Тихомиров (исследуя записки Постника Губина), "типичным деловым языком XVI в., столь характерным для посольских документов этого времени", а,

описывая военные действия, Губин употребляет "обычную терминологию разрядных документов"⁶⁵.

Дьяки не оставались и за пределами движения общественной мысли, распространившегося в России с конца XV в. Этому способствовала и близость дьяков с посадскими людьми и с духовенством, так как образованность была в ту пору привилегией прежде всего духовного сословия. Особенно же велика роль дьячества в оформлении официальной идеологии российского "самодержавства". Думные дворяне и думные дьяки идеологически обосновывали важнейшие законодательные акты и внешнеполитические решения.

Характер делопроизводства — важный датирующий признак этапов образования и развития централизованного государства. Выявленные пока данные свидетельствуют об интенсивном формировании важных видов документации и самого документооборота в середине XVI в.

Совпадение во времени составления сводной Разрядной книги, сводной Родословной книги, указных книг приказов, сводной описи документов Царского архива ("Хранил царских") — не дошедших до нас книг дьяка И.М. Висковатого — явно не случайно. Не случайно и совпадение по времени всех этих делопроизводственных мероприятий с составлением сводной официальной летописи и Макарьевских Четьи-Миней. И очевидно и то, что эти явления следует рассматривать не только в плане государственно-политической истории (развития централизаторских тенденций и российского "самодержавства"), но и истории культуры.

Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени*

Митрополит Макарий представлялся современникам не только первым пастырем православной церкви, церковным писателем и проповедником, но и крупнейшим деятелем культуры, и государственно-политическим деятелем. И деятельность эта протекала в годы, знаменательные для истории централизованного государства в России, в период утверждения основ государственного устройства (сохранившихся без изменений до рубежа XVII и XVIII столетий) и грандиозных внешнеполитических успехов, определивших во многом характер государственности, ибо присоединение Поволжья явилось важнейшим моментом образования в Восточной Европе многонационального государства. Это — годы, по словам академика Д.С. Лихачева, "величайшего государственного торжества" в России XVI столетия¹.

О Макарии как о государственном деятеле писали более 100 лет назад (Н. Лебедев, особенно К. Заусцинский), но утвердилось мнение, что мягкость характера помешала Макарию играть видную политическую роль в царствование Ивана Грозного. В последние десятилетия эта точка зрения изменилась. Выявлено большое государственное значение культурной деятельности Макария (в трудах А.С. Орлова, С.В. Бахрушина, И.У. Будовница, Д.С. Лихачева и др.) и существенно расширилось представление о самой этой деятельности², активное участие Макария в событиях политической жизни (в трудах прежде всего И.И. Смирнова³), особенно в деятельности церковно-земских соборов, в восточной

* Впервые опублик. на нем. яз.: Die Regierungstätigkeit des Metropoliten Makarij // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Band 50 (Beiträge zur 7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Möskauer Reiches). Berlin. 1995. S. 329—336.

Текст доклада «К истории взаимодействия "Царства" и "Священства" в правительственной деятельности середины XVI века. Митрополит Макарий» на Международном семинаре исторических исследований "От Рима к Третьему Риму" (Москва, август 1991 г.). В основе доклада — статья "Московский митрополит Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века", опублик. в кн.: Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция "Богословие и духовность". Москва. Май 1987. М., 1983. С. 289—292. (Далее: Тысячелетие крещения).

(Казанской) политике государства⁴. Однако данные эти не обобщены. И задача автора — в тезисной форме показать некоторые аспекты темы и привлечь к ней внимание для дальнейшего исследования.

К масштабной государственной деятельности Макарий приобрелся не позднее 1526 г., став архиепископом Новгородским. Произошло это, несомненно, не без воздействия иосифлянина митрополита Даниила. Если об участии Макария в соборе 1525 г., осудившем Максима Грека, нет прямых известий, то участие в соборе 1531 г. очевидно.

Сан новгородского владыки был очень заметным в феодальной иерархии тех лет; в Новгороде при частой смене наместников постоянной реальной властью оставалась власть архиепископа. В Новгороде Макарий был убежденным проводником промосковской политики: уменьшилась степень самостоятельности и земельной независимости монастырей Новгородской земли (что прослежено в трудах С.М. Каштанова, А.А. Зимина и др.); Макарий был сторонником Василия III в борьбе с удельными князьями (прежде всего, с его братьями) и решительно противостоял "мятежу" дяди малолетнего Ивана IV князя Андрея Старицкого (1537), рассчитывавшего на поддержку новгородцев.

Продолжая традицию новгородских иерархов (восходящую, по крайней мере, к Евфимию II в середине XV в.)⁵, Макарий также старался показать, что в централизующемся государстве именно Новгород — древнейший и главный культурный центр. Но это уже не противопоставлялось центростремительным тенденциям Москвы (характерны в этом плане написанные уже при Макарии послания Филофея, житие Михаила Клопского). В Новгороде в то время разворачивается многосторонняя литературная, книгописная и редакторская, а также строительная и иконописная деятельность общерусского характера.

Перевод Макария в Москву в 1542 г. вряд ли можно рассматривать только в связи с борьбой княжеско-боярских группировок (близостью Макария с князьями Шуйскими). Макарий был тогда не только самым авторитетным и образованным пастырем, но и убежденным сторонником государственного единства. Необходим был и наставник юному Ивану IV. Макарий, безусловно, способствовал тому, чтобы Иван IV стал книгочеем; он же, вероятно, приохотил государя к литературному труду. Однако на нравственные устои его Макарий оказывал влияние сравнительно недолго.

В Москве Макарий, по-видимому, старался опереться на такую традицию московского правления, когда при малолетнем государе

особое значение — в частности, в делах внешней политики — приобретали митрополиты (Алексий в XIV в.). Макарий уже с середины 1540-х годов был сторонником активизации восточной политики и прекращения боярских распр. Он не был пассивным в борьбе группировок за власть: препятствовал удалению от Ивана IV Воронцовых; в конце 1546 г. призвал к себе во время приема Ивана IV опальных бояр; и позднее пользовался правом "печалования" (в 1547 г. — после бегства князей М.В. Глинского и И.И. Турунта-Пронского).

Лишь при участии митрополита, а вернее всего, и по его инициативе, мог быть переведен из Новгорода в придворный храм в Кремле священник Сильвестр. Фактически он был приставлен Макарием к юноше Ивану IV, хотя, можно полагать, и похитил у митрополита долю влияния на государя⁶. Описанная позднее и царем, и Курбским обличительная речь Сильвестра после пожара в июне 1547 г., оказавшая столь большое воздействие на царя, произнесена, видимо, в покоях митрополита⁷.

В том, что именно Макарий был если не инициатором венчания Ивана IV на царство (хотя это представляется наиболее вероятным), то руководителем этого мероприятия, предопределившим выбор места и дня венчания и его "чин", у ученых нет сомнений. Этим обнаруживается прямая связь и дальнейшей деятельности Макария (как и Сильвестра) — отражавшей официальную доктрину "святорусского государства" — по созданию памятников письменности, фресок и икон, украшению Успенского собора "Мономаховым тронem", по восстановлению храмов и библиотек после пожара 1547 г.

Хотя пожилой уже Макарий сильно пострадал во время пожара в июне 1547 г. ("разбился велми", "опалеста ему очи от огня"), он беседовал после этого с царем. Более того — "поминал" об опальных и невинных людях, и царь "слушал его духовные словеса и наказание"⁸. По словам современного летописца-мемуариста Постника Губина, у постели митрополита в Новинском монастыре собрались и Боярская дума, и ближние люди царя (Иван IV "со всеми бояры к нему на думу приезжал"). Опубликовавший текст академик М.Н. Тихомиров заметил в этой связи: "Оказывается, Боярская дума не собиралась без его участия"⁹. По позднейшей приписке в официальную летопись (отразившей мнение Ивана IV) версия о виновности в поджоге Москвы родственников царя по матери князей Глинских была высказана в митрополичьих покоях царским духовником и группой бояр¹⁰.

О характере участия Макария в повседневной правительственной деятельности судить трудно, так как до нас не дошли

материалы заседаний Боярской думы и большинство документов приказного делопроизводства, и не сохранился архив митрополитов середины XVI в. — "митрополичья казна"¹¹. Но те документы, которые известны, показывают несомненную политическую активность Макария. Особенно показательна находка судного списка процесса Исака Собаки (архимандрита Чудова монастыря в Москве) февраля 1549 г.¹², соборы против еретиков в середине 1550-х годов (в частности, грозная реплика первому по положению дипломату думному дьяку И.М. Висковатому: "Не растеряй списков"). Макарий управлял Москвой во время отсутствия царя (что отражено даже в разрядных книгах); он единственный из митрополитов принимал (в середине 1550-х годов) послов Польско-Литовского государства и отправлял туда послания.

Макарий, вероятнее всего, входил в образовавшуюся в конце 1540-х годов "Избранную раду", фактически игравшую роль правительства. И уж, безусловно, был инициатором созыва "соборов примирения" 1547, 1549, 1550 гг. и Стоглавого собора 1551 г. Все это предопределило и покаянно-демагогический характер соборов, и такое нововведение, как обсуждение на церковных соборах вопросов "земского устройства". Благодаря этому, церковь получила возможность непосредственного вмешательства в дела светской власти, хотя и под видом поддержки ею политики "примирения" различных групп светских (а также и церковных) феодалов и привлечения на свою сторону верхов посада. Достигнутое Макарием во многом объяснялось и его несомненным дипломатическим талантом (что нашло отражение и во взаимоотношениях Макария с Максимом Греком в конце 1540-х годов), и ораторским умением. При этом Макарий энергично противостоял секуляризационным тенденциям правительства¹³. Макарий был убежденным и деятельным проводником линии активной роли главы Церкви в сфере государственной жизни. И не всегда в унисон с намерениями царя и его ближайшего окружения. "Священство" — по его мнению — не было ниже "царства". Резко противопоставлять в этом плане Макария митрополитам Даниилу или Филиппу нет серьезных оснований.

Направляющая роль главы церкви в сфере государственных дел обусловила соучастие в правительственной деятельности и других священнослужителей. При этом они могли быть и не во всем согласными с митрополитом, и споры Макария с ними (и, соответственно, осуждение их) происходили также "соборне" — с участием и светских людей. Особенно много знаем о влиянии попа Сильвестра, и не только из сочинений яростных полемистов царя

Ивана и князя Курбского, но и из посольских книг, и со слов частного летописчика, отметившего, что поп Сильвестр "в ту же пору... правил Рускую землю... заодин" с А.Ф. Адашевым: "и сидели вместе в ызбе у Благовещения" (в Кремле)¹⁴. И, видимо, не к одному только Сильвестру, но и к другим священнослужителям (и едва ли не к самому митрополиту Макарию) относятся раздраженные слова царя Ивана в письме к Курбскому: "Нигде же обратиши, еже не разорится царству, еже от попов владому"¹⁵. Да и сам Курбский именно совету монаха (Вассиана Топоркова) царю придавал особое значение в изменении политики Ивана IV, его отношения к приближенным.

Особенно заметна роль Макария в осуществлении восточной внешней политики Российского государства. Выдвинуты были обоснования Казанской войны — и религиозные, и государственно-политические¹⁶. Вопросы эти обсуждались "соборне". Макарий писал призывные грамоты накануне походов. Сам выезжал к войску во Владимир, уговаривая воевод не местничать (1550), писал послания царю и войску в 1552 г. А затем организовал торжественную встречу победителей в Москве, знаменовавшую как бы утверждение Казанской победой венчания ранее Ивана IV царским венцом в Успенском соборе¹⁷. В Успенском же соборе поместили в конце 1550-х годов грандиозную икону "Благословенно воинство небесного царя" ("Церковь воинствующая"), прославляющую подвиги на Волге¹⁸. На церковном соборе 1555 г. была образована Казанская епархия; и Макарий всячески содействует распространению христианства в Поволжье (тем более, что он имел уже опыт такого рода в среде карело-финского населения Северной Руси в бытность новгородским владыкой). С этим связывают и покровительство его началу книгопечатания.

В определенной мере государственно-политическими мероприятиями можно признавать и осуществлявшиеся по инициативе митрополита Макария начинания в области летописания. Летописи и памятники публицистики, так же, как и новопостроенные храмы и украшение их (особенно "иконами-трактатами"), должны были способствовать, и на самом деле способствовали прославлению величия не только государя, но и главы российской церкви. Убежденный иосифлянин, Макарий много сделал для утверждения идеологии "самодержавства" и единообразия политической доктрины на всем огромном пространстве Российского государства.

С середины 1550-х годов заметно (особенно на рубеже 1560-х годов) отдаление митрополита от правительственной деятельности, хотя в 1565 г. "соборне" решаются важнейшие вопросы государ-

ственной жизни (Уложение о службе, отмена кормлений), а в 1557 г. он совместно с царем отправляет послов к константинопольскому патриарху для получения грамоты, подтверждающей царский титул русского государя и его международное значение. Видимо, это следствие и нечеткой позиции митрополита в вопросе о престолонаследии (в момент тяжелой болезни Ивана IV в 1553 г.). Но и Курбский, и царь Иван уклончивы в характеристиках Макария в своем публицистическом поединке.

Можно полагать, однако, что Макарий пытался противодействовать царю, начавшему преследовать своих бывших главных советников (А. Адашева и Сильвестра). Во всяком случае, допустив соборное обсуждение, а точнее сказать, осуждение их в 1560 г., пытался использовать митрополичье право "печалования", пригласив их на суд. Но в итоге вынужден был согласиться с заочным осуждением.

Попытки престарелого и немощного уже митрополита остановить ярость царя, предупредить беду государства, укреплению которого он отдал столько сил, оказывались безрезультатными. Это приводило Макария в ужас и побуждало желать скорой смерти. Такое восприятие позиции Макария запечатлено в Пискаревском летописце, составленном явно позднее, но вобравшем в себя немало из того, о чем говорили в Москве в 1550—1560-е года¹⁹. Макарий — согласно этому летописцу — пытался и утешить Ивана Грозного напоминанием о смерти и последующем божьем суде: так, в ответ на просьбу царя послать "книги душеполезные" митрополит прислал ему "погребален", т.е. книгу, текст которой читают у гроба покойника. И, когда Иван IV «гневашеся на него тайно и рече ему: "Прислал еси ко мне погребален, а в наши царские чертоги такие книги не вносяца"», Макарий ответил: "Аз, богомолец твой, послал спроста по твоему приказу, что еси велел прислати книгу душеполезную; и та всех полезнее: аще хто ея со вниманием почитает, и тот в веки не согрешит". Там напомнили и о "Видении Макария митрополита о опришнине", о котором он говорил своему келейнику: "Грядет нечестие и кровоизлияние и разделение земли". И молил в страхе бога: "Ох, мне, грешному, паче всех человек! Како мне видети сие! Грядет нечестие и разделение земли! Господи, пощади, пощади! Утоли свой гнев! Аще не помилуеши ны за наши грехи, ино бы не при мне, по мне! Не дай, господи, видети сего"²⁰. И становится понятно, почему Макарий во время предсмертной болезни передал (через Афанасия) письменную просьбу царю об удалении в молчальное житие (что было Иваном IV отклонено).

Известно, что примерно с 1560 г. Макарий уделяет большое

внимание составлению Степенной книги — летописи особого состава, где всячески подчеркивается роль иерархов в истории Руси и положительное значение совместных деяний их и князей. В свете ранее выявленного работу эту допустимо рассматривать и как попытку оставить современникам и потомству объяснение прошлого и настоящего, несколько отличающееся от позиции официальных летописей, за составлением которых следил сам Иван IV, хотя и государь, и митрополит мыслили в рамках одной и той же главенствующей идеологии "самодержавства". Составлением Степенной книги был занят самый близкий Макарию человек — Афанасий, которого он сделал в 1549 г. духовником Ивана IV, едва ли не с целью ослабить влияние попа Сильвестра. Афанасий описал и последние дни Макария, скончавшегося 31 декабря 1564 г., и распоряжался организацией его похорон.

Вряд ли случайно то, что о предполагаемой канонизации Макария узнаем из повести 1564 г., составленной в Переяславле, "Повести о свершении большия церкви Никитского монастыря". Макарий там упоминается дважды в одном ряду с русскими митрополитами-чудотворцами Петром, Алексеем и Ионой. Иван Грозный рассчитывает на помощь "русских чудотворцев" и в их числе "новейшаго Макария митрополита" ("новопреставляшагося архиепископа Макария митрополита")²¹. Молитвами четырех митрополитов объясняется отступление литовских войск; у гробов их молится царь²².

Автором повести, как установил еще В.О. Ключевский и подтвердил М.Н. Тихомиров, был игумен монастыря Вассиан. А именно из Переяславля родом Афанасий (в миру Андрей); там он был священником соборной церкви; он же и составитель Жития Даниила Переславского²³. Афанасий, ставший после кончины Макария митрополитом, явно склонен был канонизировать его. Но знаменательно и то, что Макарий не был тогда канонизирован.

Вскоре события опричнины отодвинули от власти большинство из тех, кто стоял ранее близ трона. Предпочел покинуть митрополию кафедру и Афанасий. И начали — что прослеживается и по официальным летописям — смещаться оценки: Макарий изображался так, как удобнее было публицистам, писавшим уже после его кончины. Поэтому серьезная источниковедческая задача — выявление всех данных о деятельности Макария и отражении ее в сознании современников и в памяти ближайших потомков, рассмотрение их в строго хронологической последовательности и в сопоставлении с другими фактами общественной жизни.

А.Ф. Адашев и Ливонская война*

Алексей Федорович Адашев был крупнейшим государственным деятелем России середины XVI столетия. По словам летописца начала XVII в., он "правил Рускую землю"; в Речи Посполитой в конце XVI в. с ним сравнивали в годы правления царя Феодора влиятельнейшего "протектора" Б.Ф. Годунова ("а преж сего был у прежнего государя (Ивана IV Грозного. — С.Ш.) Алексей Адашев, и он государство Московское таково же правил"). С именем Адашева связывают преобразования конца 1540—1550-х годов, определившее государственное устройство России вплоть до реформ Петра Великого, и победоносное завершение Казанской войны. Показатель оценки этой деятельности потомством — фигура Адашева в многофигурной композиции памятника "Тысячелетия России" в Новгороде (1862).

Однако деятельность Адашева, а также и "Избранной рады" (по определению С.В. Бахрушина, "правительства Адашева"), зачастую рассматривается прежде всего в зависимости от отношения к публицистической полемике князя Курбского и царя Ивана IV и имеющихся там характеристик и оценок. Это сказалось и на суждениях о позиции Адашева в Ливонской войне.

Тема "А.Ф. Адашев" привлекла автора еще в середине 1940-х годов. Детальное — и в хронологической последовательности — изучение летописей и делопроизводственной документации подтвердило представление XVI—начала XVII в. об Адашеве как о влиятельнейшем правительственном деятеле, принимавшем самое действенное участие в каждодневном государственном правлении и в важнейших мероприятиях внутренней и внешней политики; в середине 1550-х годов его род был внесен даже в Государев родословец.

Данные о деятельности Адашева в области внутренней политики и о форме его участия в восточной (казанской) политике были обобщены в печати^{1*}, часть же исследования, характеризую-

* Впервые опублик. в кн.: Спорные вопросы отечественной истории XI—XVII веков: Тез. докл. и сообщ., первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. Москва. 13 мая 1990 г. М., 1990. С. 303—306.

^{1*} Статьи "Правительственная деятельность А.Ф. Адашева" и «Восточная политика России накануне "Казанского взятия"» перепечатаны в настоящем издании.

щая роль Адашева во внешней политике после Казанского взятия (т.е. в период подготовки и первых лет Ливонской войны), не была опубликована.

Тема "Адашев и Ливонская война" остается недостаточно исследованной и поныне. И в учебной литературе, и в некоторых трудах, особенно в тех, где популярно излагаются события российской истории времени Ивана Грозного, распространено мнение, будто Адашев был с самого начала противником Ливонской войны, и это отражало взгляды определенной прослойки класса феодалов и стало одной из причин падения правительства "Избранной рады". При этом не учитываются выводы и наблюдения в исследованиях, специально посвященных событиям внешней политики тех лет (Г.А. Новицкого, И.П. Шаскольского, Кн. Расмуссена и других), а также в трудах о реформах и памятниках письменности середины XVI в., существенно обогащающих наши знания о роли Адашева в государственной жизни России (А.А. Зимина, И.И. Смирнова, В.И. Буганова, В.Б. Кобрина, В.В. Морозова, Н.М. Рогожина, Л.А. Юзefовича и др.).

Детальное же — и опять-таки в хронологической последовательности — изучение источников по истории западной политики Российского государства в 1550-е годы (и прежде всего летописей, суммирующих основные факты и отражающих официальную точку зрения, и посольской документации) показывает, что именно Адашев, как руководящий правительственный деятель, участвовал в важнейших дипломатических переговорах с Ливонией, Великим княжеством Литовским, Данией, Швецией и в подготовке соответствующих документов, фиксирующих характер международных отношений. Помощником его, непосредственно ведавшим организацией посольского дела, был дьяк Иван Висковатый (это прослеживается и по исследованию В.И. Саввы о Посольском приказе, вторая часть которого — с обильными выдержками из источников — опубликована в 1983 г.).

Тем самым устанавливается, что и накануне Ливонской войны, и в ее первые годы руководитель внешней политики Российского государства Адашев отнюдь не был противником активизации борьбы за выход России к Балтийскому морю, и само назначение его воеводой на фронт военных действий не воспринималось первоначально как опала.

В то же время обнаруживается и характерная для Адашева склонность добиваться внешнеполитического успеха прежде всего путем мирных переговоров (проявившаяся еще в 1551—1552 гг. в годы Казанской войны, а затем в сношениях с ногайскими ордами) и большая, сравнительно с царем Иваном, дальновидность в

оценке возможностей Российского государства вести длительную войну (и сразу с несколькими противниками). И победоносный поход брата Адашева Данилы на крымские земли может рассматриваться не как начало якобы желанной А. Адашевым войны с Крымским ханством, а как способ обезопасить в период напряжения отношений на западе южные границы государства.

Это позволяет ставить вопрос и о недостаточной основательности распространенной в литературе характеристики внешнеполитической ориентации Избранной рады (тем более, что в работах И.В. Курукина выяснено, что и Сильвестр не был противником активизации западной политики России), якобы с самого начала противостоящей намерениям Ивана IV в отношении Ливонии. Если и возникали серьезные разногласия, то только после того, как были одержаны значительные победы в начале войны и вопрос стоял о том: продолжать ли с таким напряжением сил начатую войну или пока довольствоваться достигнутым?

Сравнительное изучение документов, современных событиям (т.е. 1553—1560) и написанных позднее сочинений Ивана Грозного и Курбского, а также текста крымской посольской книги, убеждает в существенных различиях в описании и трактовке событий в документах современных и в созданных позднее, с явной тенденциозной направленностью — и внутривнутриполитической (характерной для кануна и времени опричнины), и внешнеполитической (когда требовалось объяснить: почему после первых достижений в Ливонии последовали неудачи)^{2*}.

^{2*} [См. подробнее в статье 1962 г. "Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе..." — С. 9 наст. изд.]

Судебники и формирование системы делопроизводства в Российском государстве*

В России в конце XV—XVI в. происходит процесс становления и укрепления централизованного государства. Показательной стороной его является и создание Судебников 1497 и 1550 гг. И потому, размышляя над проблемами образования централизованного государства в России, опираются в той или иной мере и на Судебники, сопоставляют их с законодательными памятниками предшествовавшего времени. А те, кто специально изучал Судебники, рассматривали и законодательные памятники в целом, и отдельные нормы их в определенном соотношении с проблемой развития централизованного государства. Такая традиция — конечно, без употребления современной терминологии — восходит к творчеству историков и юристов еще первой половины XIX в.

При этом следует учитывать различие суждений о датировке процесса образования централизованного государства в России. Некоторые полагают, что он завершился уже в годы правления Ивана III; другие усматривают продолжение этого процесса и в годы правления Ивана Грозного, т.е. во второй половине XVI в. Автор, опираясь на солидную историографическую традицию, придерживается убеждения в том, что процесс образования и укрепления централизованного государства достаточно длительный, относится и к XVI в. Мнение это обосновывается в коллективном докладе "Абсолютизм в странах Западной Европы и в России: опыт сравнительного рассмотрения" на XVI Международном конгрессе историков в Штутгарте в 1985 г., более детально — в книге "У истоков российского абсолютизма" (М., 1996).

Оформление суверенного централизованного государства — это прежде всего сложение единой системы центральных и местных правительственных учреждений (выполняющих административные, военные, судебные, финансовые и другие функции) и законодательства. В области развития правовой мысли и практики — это взаимопроникновение государственного и обычного права: часть обычаев (иногда восходящих еще к периоду государственности

* В основе статьи — доклад на Международной научной конференции "Судебник 1497 года в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв." Москва, 16 декабря 1997 г. Публ. впервые.

Древней Руси) становится и составной частью государственного права, а новые вводимые государством нормативы начинают постепенно восприниматься обществом и как обычное право.

При характеристике системы административного управления и суда в Российском государстве XVI—XVII вв. в трудах историков, правоведов, публицистов часто употребляются термин "бюрократия" и производные от него. Термин "бюрократия" чаще всего понимается в буквальном смысле слова — как "господство канцелярии"¹. Господство канцелярии в системе управления (во всяком случае, центрального) выявляется в разных источниках второй половины XVI в. Употребляя знакомые им термины "Kanzlei", "Kanzler", об этом пишут иностранные наблюдатели (немец Штаден, итальянец Барберини, датчанин Ульфельдт, англичане и др.). Канцеляриями они называют "приказы", а термин "приказ" в значении правительственного учреждения тогда стал постоянным в русском языке — в таком значении он употребляется и в Судебнике 1550 г. Термином "канцелярия" обозначают приказы и современные зарубежные ученые (к примеру, Л. Берри и Р. Крамми в словаре русских терминов, сопровождающем издание сочинений англичан о России XVI в. — 1968 г.). Служащих приказов (и вообще правительственных учреждений) в XVI в. называли "приказными людьми".

Господство канцелярии возможно только при определенной законом системе административного управления, должностных лицах, занятых в сфере этого управления, и определенной системе делопроизводства, с которой связана деятельность таких лиц. А это подразумевает выработку определенных правил составления, хранения и учета, обращения и использования документов. Лица, оказавшиеся в этой сфере государственно-общественных отношений (точнее сказать, допущенные туда) и владевшие соответствующими правилами делопроизводства, приобретают отличия, выделяющие их не только в обществе, но даже в среде его правящей верхушки. Обычно, с дальнейшим развитием аппарата государственного управления и сопутствующего ему бумаготворчества, они занимают фактически (хотя первоначально и не юридически) все более привилегированное положение в общественной иерархии, приобретают все более реальную власть над другими людьми.

"Делопроизводство" в Словаре русского языка С.И. Ожегова определено как "ведение канцелярских дел"; так же и в четырехтомном Словаре русского языка (издание 1985 г.). В Словаре архивных терминов (1982 г.) — более развернутое определение: совокупность работ по документированию (т.е. созданию докумен-

тов), управленческой деятельности учреждений и по организации документов в них. В немецком языке это обозначается термином "Schriftgutverwaltung".

Отмечено уже, что "делопроизводственная документация" — понятие историческое. Потребность в документировании первоначально удовлетворяется без помощи "канцелярий". Орган, специально предназначенный для производства документов и обеспечения их функционирования, появляется тогда, когда общество не может уже существовать без фиксации обыденного в жизни, а не только чего-то исключительного. Это происходит обычно в период образования централизованного государства. В это-то время и складывается в России (и в центре и на местах) приказная система делопроизводства, и делопроизводственная документация постепенно становится массовой документацией. С возникновением канцелярского делопроизводства как системы оно, подобно всякой другой системе, не только "обслуживает", но и "самообслуживается". И необходимость выполнения государственно-управленческих нужд приводит сразу же к резкому увеличению числа лиц, занятых в сфере делопроизводства, — к формированию общественной прослойки чиновничества и соответственно к иерархии внутри ее.

Возрастание роли делопроизводства в общественной жизни прослеживается при сравнительном рассмотрении памятников эпохи — исторических источников конца XV—XVII вв. Имперский посол в России в 1517 и 1526 гг. гуманистически образованный С. Герберштейн в описании "Московии", включавшем и передачу содержания Судебника 1497 г., не имел еще, видимо, оснований писать о приказном строе и вообще о характерных чертах делопроизводства. А через несколько десятилетий автор значительно меньшего историко-культурного кругозора, но близко знакомый с каждодневным ходом правительственного управления немец-опричник Г. Штаден в сочинении, тоже предназначенном читателям в Империи, счел нужным детально описать деятельность "канцелярий" и порядок их делопроизводства. Он отмечает, что во всех приказах дела(и большие и малые) записывались в книги, и пишет о самом порядке письмоводческой работы дьяков и подьячих.

В третьей четверти XVI в. уже был основной набор разновидностей правительственной документации, характерный для делопроизводства Российского государства XVI—XVII вв. (Отличительные черты видов и разновидностей таких документов отмечены в учебных пособиях по источниковедению².) В их наименованиях современниками не было первоначально четкости и

устойчивости. Но постепенно закрепляются и определенные наименования, и особенности формуляров, и представления о документообороте (т.е. о движении документов с момента их создания или получения и до завершения исполнения или отправки), вырабатываются и формы хранения, учета и описания делопроизводственной документации.

В плане истории развития делопроизводства можно подойти и к Судебникам, хотя отдельные выводы и наблюдения такого рода остаются до сих пор не обобщенными, и в данной работе лишь постановка вопроса. Сравнительное рассмотрение текстов Судебников 1497 и 1550 гг. убеждает в заметном возрастании роли дьячества в государственном управлении и общественной жизни. Это прослеживается при сравнении уже первых статей Судебников. А дьяки воспринимались тогда прежде всего как делопроизводители, их называли "писарями"³. В обоих Судебниках специально оговариваются правила оформления документов дьячей "подписью" и вознаграждения за это дьяков и подьячих.

В Судебнике 1550 г. появились новые — по сравнению с Судебником 1497 г. — положения: о порядке составления, хранения, использования документов. Особенно показательна новая статья 28⁴. Указывалось на необходимость документирования судебного дела ("дьяку исцовы и ответчиковы речи велеть записать перед собою"), так же как и слов свидетелей ("или о чем ся пошлют на послушество — велети то записывати перед собою ж"), и дьяку дела "держати у себя за своею печатью, доколе" "дело" не кончится. Черновые записи дьяки давали подьячим "начисто переписывати", а после того по сствам столбца, жалобницы и "дела" дьяки обязаны были расписываться ("руки прикладывати"). Переписанный подьячим текст сверялся дьяком ("дьяку те все дела справити самому") и удостоверялся им ("да к тем делом дьяку руку свою приложить"). "Дела" эти дьяк обязан был держать "у себя"; подьячим запрещалось держать у себя "дела". Если такое обнаруживалось, подьячего били кнутом. В случае выявления "списка или дела" "за городом" (т.е. вне Кремля) или "на подворье" подьячего не только казнили "торговою казнью", но и предписывалось его "выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти". Наказывался и дьяк, но менее строго: он обязан был возместить истцу ущерб, причиненный похищением или обнародованием "дела" (судебного протокола). Закреплялось правило, согласно которому лишь заверенный дьяком документ имел юридическую силу.

В новой статье 29 о "делах", которые "судят бояре", тоже предписывалось "тот суд велети записывати пред собою". Истцы

не должны были "у записки стояти". Если надобно было истца или ответчика "воспросити", его звали к себе, но затем полагалось "от записки отослать". С окончательным текстом истцов не знакомили — только "судей" ("А как дело их дьяк запишет, и того дела пред истцы не чести, а прочести его бояром").

Делопроизводственного характера дополнения обнаруживаются и в статьях Судебника 1550 г., восходящих к Судебнику 1497 г. Статья 62 Судебника 1550 г. детально характеризует процедуру рассмотрения судебных дел наместниками. Статья эта опирается на статью 38 Судебника 1497 г., и дополнения к ней — по замечанию Б.А. Романова (автора комментария к изданию 1952 г.) — принадлежат "той же многоопытной в делопроизводстве руке, которая так заметна в ст. 28"⁵. Делопроизводство в наместничьем суде должно вестись параллельно и одновременно писцами — и земским и наместничьим ("в две пары рук" по выражению Б.А. Романова). Протокол ("судное дело") обязан писать земский дьяк, а копию его ("противень" "слово в слово") — наместничий дьяк. К подлинному документу прикладывают руки присутствующие на суде дворский, старосты и целовальник, к копии печать свою прикладывает наместник. Подлинник должен храниться у наместника, копия — у старост и целовальников. Предусмотрен и бытовой факт неграмотности местных деятелей ("а которые старосты и целовальники грамоте не умеют"), и то, чтобы копия хранилась у неграмотного: с грамотным легче осуществить сговор наместнику и внести изменения в текст обоих экземпляров "судного дела".

С новеллами статьи 62 связана новая статья 69 Судебника 1550 г. Уже отмечалось, что статья эта "показывает разработанную там" спору для «схему делопроизводства по составлению и хранению "судных дел" на местах в действии, когда судный список будет прислан в Москву "к докладу" и возникает самый спор, ради которого разработана эта схема»⁶, и что статья 69 "свидетельствует о крайне усилившемся значении письменных доказательств" в русском судебном процессе⁷. Если одна из сторон "оболживит" (т.е. объявит ложным, недостоверным) судный список, то в Москву вызывались присутствовавшие при рассмотрении этого дела в первой инстанции дворский, староста, целовальники. Доказательством достоверности (правильности) судного списка считалось подтверждение ее этими свидетелями и — главное — полное соответствие ("слово в "слово") подлинника и хранившейся у целовальников копии. В случае, если "судные мужи, которые грамоте не умеют", "порознятся" с мнением тех, "которые грамоте умеют", и представят "противень наместнича или волостелина

дьяка" руки "и тот противень с судным списком не слово вслово", то виноватыми признаются "судья и судные мужи, которые по списку такали". Еще в середине XIX в. было отмечено, что "преимущество отдавалось" неграмотным, так как "их неучастие в подлоге было вероятнее"⁸. Делопроизводственные новации статей 62 и 69 имели тенденцию усиления контроля над наместниками, особенно актуальную в ту пору, но нормы эти закрепились вообще в системе судебного делопроизводства. Авторитетность этих решений 1550 г. демонстрировалась уже в Стоглаве 1551 г. со ссылкой на "царев Судебник"⁹.

Судебники играли немалую роль и во внедрении делопроизводственной терминологии в практику повседневности. Сравнивая словарь Судебников 1497 и 1550 гг., замечаем обогащение терминологии в "цареве Судебнике". Показательно в этом плане употребление в статьях Судебников термина "грамота" и объяснительных, уточняющих к нему. Это прослеживается по Указателю слов к текстам Судебников по академическому изданию 1952 г. Обозначим при этом Судебник 1497 г. буквой С, Судебник 1550 г. — буквами ЦС ("царев Судебник"); указываются только статьи (в некоторых статьях термин встречается несколько раз): Грамота — беглая: С-1, ЦС-3; бессудная: С-4, ЦС-5; вольная: ЦС-1; вопчая: ЦС-1; вотчинная: ЦС-1; губная: ЦС-1; докладная: ЦС-5; духовная: С-2, ЦС-3; жаловальная: ЦС-1; купчая: ЦС-1; льготная: ЦС-1; откупная: ЦС-1; отписная срочная: С-1, ЦС-1; отпускная: С-7, ЦС-4; полетная: С-1, ЦС-2; полная: С-1, ЦС-7; пошлинная: ЦС-1; правая: С-9, ЦС-11; приставная: С-4, ЦС-5; срочная: С-4, ЦС-5; тарханная: ЦС-1; уставная: С-2, ЦС-2. (При этом не учитываются термины оглавлений к Судебникам.) То же наблюдается в отношении термина "рука", означающего подпись (С-2, ЦС-5; дьячая рука: ЦС-2; поповская рука: ЦС-1), термина "список" (С-2, ЦС-7; бессудный список: С-1; докладной список: С-2, ЦС-2; обыскной список: ЦС-1; судный список: С-1, ЦС-3). В Судебниках конца XVI—начала XVII в. поневоле и в то же время закрепление новой терминологии становятся еще заметнее.

Более детальное — постатейное — изучение Судебников и особенно сопоставительное рассмотрение их с актами еще очевиднее выявят роль Судебников — и их нормативов, и их терминологии — в становлении и закреплении системы делопроизводства Российского государства. Но уже и сейчас очевидно, что Судебники могут восприниматься как источники изучения не только истории судопроизводства, но и истории делопроизводства.

"Московское государство": к объяснению наименования Российского государства XVI–XVII столетий*

В наши дни для обозначения государства, особенно его политики, нередко употребляют наименование столицы государства или даже расположенного там правительственного учреждения. И в таком контексте употребление слов "Москва", "Кремль" не является исключением. Но это, как правило, удел публицистики или узкоспециальной литературы, а не официальной документации. Встречается иногда применительно и к современным государствам словоупотребление "Германское (Российское, Французское...) государство". Однако сочетание в одном терминопределии слова "государство" и наименования его столицы ("Парижское, Берлинское, Мадридское... государство") не принято — так и не говорят, и не пишут.

Между тем в исторической литературе и в публицистике уже более полутора столетий признается общепринятым словосочетание "Московское государство" (а также "Московское царство"). Оно употребляется обычно как тождественное терминам "Российское государство" ("Российское царство") и "Русское государство"; и в указателях к некоторым изданиям эти словосочетания рассматриваются как разные написания одного и того же термина, как, к примеру, в географических указателях к академическим изданиям VI и VII томов "Истории Российской" В.Н. Татищева под редакцией С.Н. Валка (Л., 1966; 1968). "Посланий Ивана Грозного" под редакцией В.П. Адриановой-Перетц (М., Л., 1951). "Московской хроники" К. Буссова (за 1584–1612 гг.), перевод которой издан под редакцией И.И. Смирнова (М.; Л., 1961), исследования В.И. Саввы о Посольском приказе XVI в. (Дьяки и подьячие Посольского приказа XVI века: Справочник/Составитель В.И. Савва), изданного под редакцией автора настоящей статьи (М., 1983), в третьем томе серии "Российское законо-

* В основе статьи — доклады на Юбилейной научно-общественной конференции "Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность" (Москва, Мэрия, 28 февраля 1998 г.) и на заседании Центра истории России в средние века и раннее новое время (Ин-т российской истории РАН, 31 марта 1998 г.). Публ. впервые.

дательство X—XX веков. Акты Земских соборов", подготовленном под редакцией А.Г. Манькова (М., 1985), и во многих других книгах, даже в томах Полного собрания русских летописей.

Словосочетание "Московское государство находим в "Истории Российской" В.Н. Татищева, в IV ее части, с которой читатели ознакомились лишь в 1840-е годы. Излагая события 1535 г., историк пишет, что наместник Смоленска "многих детей боярских Московского государства да и смольян выслал из града против литовских людей", а рассказывая об установлении в 1610 г. Семибоярщины, замечает: «...все указы от себя посылали и челобитные им подавали тако: "Государем боляром Московского государства"». Впрочем, у Татищева в той же рукописи — словосочетания "Русскому государству", "Росиского государства", "царство Руское"¹.

Встречается термин "Московское государство" и в "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина, причем не только в цитатах из исторических источников конца XVI — начала XVII в. (и из историко-публицистических сочинений, и из документов внешних сношений), но и в авторском тексте: в VI томе историограф пишет, что Иван III "исчисляет... в титуле своем все особенные владения государства Московского"; обнаруживаем в авторском тексте "Истории" и словоупотребление "Московская держава" (т. VIII) при описании венчания Ивана IV на царство².

Термин "Московское государство" — и в словаре А.С. Пушкина, пришедшего к постижению образа России XV—XVII вв. первоначально по томам "Истории" Карамзина. Правда, это словоупотребление в текстах, не напечатанных при его жизни. В письме П.А. Вяземскому из Михайловского от 13 июля 1825 г. Пушкин сообщает о заголовке, который намерен дать своему драматическому произведению, известному теперь под названием "Борис Годунов": "Передо мною моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Воронице. Каково?"³ Того же примерно времени автограф Пушкина из коллекции А.Ф. Онегина (Отто). На верхней части листа читаем: "Комедия. О настоящей беде Моск. Госуд. О царе Борисе и о Гришке Отрепьеве..."⁴.

В 1840-е годы "Московское государство" — уже распространенное словоупотребление публицистики, научных трудов и, можно полагать, устной речи. В.Г. Белинский предпочитал высокопарный и более эмоционально насыщенный термин "Московское царство" ("...Московское княжество сделалось впоследствии Московским царством, а затем Российской империей"; "быстрая

централизация Московского царства"; "идея самодержавного единства Московского царства в лице Иоанна III..."; "Московское царство, возникшее силою обстоятельств при Иоанне Калите и утвержденное гением Иоанна III, жило до Петра Великого" и др.)⁵. Вслед за Белинским терминосочетанием "Московское царство" пользовался Н.Г. Чернышевский⁶. Можно полагать, к восприятию именно их сочинений восходит определение молодого В.И. Ульянова "эпоха Московского царства" в неоднократно цитировавшемся положении его работы 1894 г. «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» о возникновении всероссийского рынка⁷. Профессор К.Д. Кавелин в изданном в 1847 г. труде "Взгляд на юридический быт Древней Руси", в основе которого курс лекций по истории русского права, читанный в Московском университете в середине 1840-х годов, употребляет (и не раз) термин "Московское государство", причем применительно и к первой половине XV в., и даже ранее. Напомнив об Иване Калите, он пишет: "Эта небольшая княжеская вотчина через столетие выросла в Московское государство", а о времени правления его сына Симеона говорит: "Вот каковы были первые зачатки будущего Московского государства, обнявшего всю Россию!"⁸ Едва ли не под воздействием мыслей Кавелина и Белинский в статье "Взгляд на русскую литературу 1846 года" охарактеризовал Ивана Калиту и Симеона Гордого как "первоначальников силы Московского царства".

С.М. Соловьев широко пользуется термином "Московское государство" начиная с пятого тома многотомной "Истории России с древнейших времен", посвященного времени правления Ивана III и Василия III (изданного в 1855 г.) В предшествовавшем томе последняя глава о внутреннем состоянии русского общества в 1228—1462 гг. кончается фразой: "Общий ход русской истории до образования Московского государства". И вслед за тем "самостоятельные" "Русское государство" в Северо-Восточной Руси и "Московское государство" рассматриваются как тождественные понятия. Ивану III — по убеждению историка — "принадлежит почетное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства". Комментаторы книги последнего издания "Истории" так отмечают: "Проблема Московского государства, его происхождения и закономерностей развития занимает главное место в общей исторической концепции С.М. Соловьева"⁹. С тех пор терминосочетание "Московское государство" прочно утверждается в общественном сознании (как и терминосочетание "Московская Русь") для обозначения Российского государства конца XV — XVII в. (обычно со времени пра-

вления Ивана III), "допетровской Руси"; тем самым уточняются и хронологические границы "московского периода" отечественной истории и истории российской государственности.

Такая терминология — в трудах Н.И. Костомарова, историков права М.Ф. Владимирского-Буданова и В.И. Сергеевича, основателя петербургской школы историков К.Н. Бестужева-Рюмина (в 1864 г. книге для народного чтения он дал название "О том, как росло Московское государство"), в заголовках подготовленных Русским историческим обществом изданий памятников дипломатических сношений (с Англией, с Польско-Литовским государством, с Швецией). В.О. Ключевский — глава школы московских историков — книге молодых лет дал название "Сказания иностранцев о Московском государстве"; этот термин — и в названиях разделов, и в тексте его знаменитого "Курса русской истории" и не раз переиздававшегося "Краткого пособия по русской истории". Он и в заголовках книг петербургских ученых — будущих академиков А.С. Лаппо-Данилевского ("Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований". СПб., 1890) и С.Ф. Платонова ("Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв." СПб., 1899). При этом словосочетания "Московское государство" и "Московская Русь" употреблялись, по существу, однозначно, как, к примеру, в названиях книг петербургского историка Н.Д. Чечулина ("Города Московского государства в XVI в." СПб., 1889) и московского историка Н.А. Рожкова ("Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в." М., 1899). Термин "Московское государство" — в тексте обобщающего типа книг П.Н. Милюкова ("Очерки по истории русской культуры") и Г.В. Плеханова ("История русской общественной мысли"), в многочисленных работах историков права, в трудах по истории русской церкви, истории древнерусской литературы и древнерусского искусства, в названиях документальных публикаций и в текстах трудов по организации внешних сношений России (С.А. Белокурова, В.И. Саввы, С.М. Середонина и др.). Перечень дореволюционных изданий с термином "Московское государство" в заголовке, тем более в тексте, нетрудно продолжить.

Термин "Московское государство" имел широкое распространение и в первые советские десятилетия. Причем его встречаем и в трудах М.Н. Покровского (в прочитанном В.И. Лениным однотомнике "Русская история в самом сжатом очерке" и в других) и лиц его окружения, и в изданных тогда работах ученых старой школы — С.Ф. Платонова в Петрограде—Ленинграде, М.М. Богословского в Москве и их учеников; показательно, что и первый

печатный труд Л.В. Черепнина — статья 1928 г. в седьмом томе Ученых записок Института истории РАНИОН — имеет название "Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в.". Наименование "Московское государство" — в заголовках разделов книги 1933 г. "Материалы для библиографии по истории народов СССР. XVI—XVII вв." В 1938 г. статьи "Московское государство" появились и в первом издании Большой Советской Энциклопедии (т. 40), и в Малой Советской Энциклопедии (т. 7). Это — термин и эмигрантской русскоязычной исторической литературы (в том числе обобщающих трудов по истории России Е.Ф. Шмурло, Г.В. Вернадского^{1*}, С.Г. Пушкирева), и недавних зарубежных книг. Так, книга 1987 г. видного американского специалиста по истории России Р. Крамми (Crummey) имеет название "The Formation of Moscovy. 1304–1613". Показателен и заголовок очерка Ж.-К. Роберти "L'image de la Moscovie dans l'opinion française du XVII-è siècle" (1991) — "L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles"¹². Следовательно, и в трудах зарубежных ученых подразумевается тождественность терминов "Московия" и "Россия" в XVI—XVII столетиях.

И после издания с конца 1930-х годов стабильных учебников по отечественной истории для высшей и средней школы, где употребляется политоним "Русское государство", получивший широкое распространение в учебных программах и в учебно-популярной литературе, продолжают выходить монографии, в заголовках которых — словосочетание "Московское государство". Пример тому — книги А.И. Яковлева "Холопство и холопы в Московском государстве XVII в." (М., 1943) и А.А. Новосельского "Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века" (М., 1948). В словаре С.Б. Веселовского термин "Московское государство" — и в заголовке дореволюционного исследования о сошном письме, и в трудах 1940-х годов о России времени Ивана Грозного. Термин "Московское государство" ("Московская держава") сохранен в переизданиях в 1940-е годы книги Р.Ю. Виппера 1922 г. "Иван Грозный". В изданном посмертно, в 1958 г., исследовании В.Э. Грабаря "Материалы к истории литературы

^{1*} Любопытна в этом плане дневниковая запись (от 20 декабря 1965 г.) Г.В. Вернадского, которого в Нью-Хэвене (там ученый много лет был профессором Йельского университета) посетил молодой тогда еще историк Р. Крамми: "Теперь он с одним англичанином подготавливает новое издание главных известий англичан о Московии XVI в. — советовался со мною по этому поводу"¹⁰. В заголовке книги, вышедшей в 1968 г. названа не "Московия", а "Россия", но в первой же фразе Предисловия и на обложке-рекламе — термин "Muscovy"¹¹.

международного права в России (1647—1917)" очерк первый озаглавлен "Московское государство (XVII век)". Б.А. Рыбаков дал своей книге 1974 г. название "Русские карты Московии XV — начала XVI века". В книге 1978 г. лексикографа Ф.П. Сергеева о языке древнерусской дипломатии одна из глав имеет заголовок "Название дипломатического ведомства Московского государства"¹³; С.А. Елисеев в серии издательства "Молодая гвардия" "История отечества в романах, повестях, документах" изданный в 1986 г. том о XVI в. озаглавил "Московское государство". Подготовленная в серии "Россия в мемуарах дипломатов" под редакцией и со вступительной статьей Н.М. Рогожина книга 1991 г. имеет такой заголовок; "Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов)". Примеры можно множить.

Термины "Московское государство", "Московская Русь", даже "Московская земля" воспринимались и как географическое (или историко-географическое) понятие, и как государственно-политическое, как политоним. С.М. Соловьев отмечает: "Можно сказать, что северо-восточная Россия или Московское государство для западноевропейских держав было открыто в одно время с Америкой"¹⁴. В другом месте он пишет о присоединении Малороссии в XVII в. "к России Великой, или Московскому государству". А.Е. Пресняков в книге 1918 г. "Московское царство" (в тексте которой не раз встречаются и термины "Московское государство", "Московская Русь") рассуждает: «Терминология грамот Ивана III колеблется в обозначении комплекса его владений. Понятие о великом княжении то суживается до пределов Московско-Владимирской области (Московского государства в тесном смысле слова, по обычному разумению XVI в.), то обнимает и Новгородский край: более широкое определение достигается употреблением термина "все великие княжения"»¹⁵.

Широкое бытование термина "Московское государство" в научной, публицистической и, главное, в учебной литературе объясняется тем, что он служил прежде всего для обозначения определенного периода истории России, когда на смену феодальной раздробленности пришло единое суверенное централизованное государство со столицей в Москве и в то же время еще не было реформ Петра I, повлекших за собой утверждение Российской империи со столицей в Петербурге., т.е. для обозначения допетровской Руси, государственности допетровского периода, отличающегося от последующего времени не только в социокультурном плане, но и системой организации управления, когда действовали приказы, боярская дума, земские соборы. Это лаконично, как и свойственно энциклопедическим справочникам, объяснено в статье

первого издания БСЭ: "Принятое в историч. работах название русского государства времен великих князей и царей московских (от конца 15 до 18 в.), предшествовавшего образованию Российской империи"¹⁶. Автор статьи — С.В. Бахрушин, позже занимавшийся изучением прошлого Москвы, редактор первого тома многотомной "Истории Москвы" (изданного в 1952 г.)

Эти представления восходят к широко распространенным историческим воззрениям Н.М. Карамзина. В 1818 г. читающая Россия познакомилась сразу с первыми восьмью томами его "Истории государства Российского", вскоре переведенной и на иностранные языки¹⁷. Первая глава шестого тома "Истории", озаглавленная "Государь державный великий князь Иоанн III Васильевич", начинается словами: "Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, а деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством; образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической... Посольства великокняжеские спешат ко всем дворам знаменитым; посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице... приветствуют монарха российского, славного победами и завоеваниями, от пределов Литвы и Новгорода до Сибири... Москва украшается великолепными зданиями". Иван III властвовал "для величия и славы россиян"¹⁸. Характерно, что уже в этом фрагменте текста встречаем, по существу, в одном значении слова (или производные от них) "государство", "царство", "держава", "монархия" россиян.

Еще прежде, в 1811 г., те же мысли о ходе отечественной истории Карамзин сформулировал в "Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях", предназначенной для крайне узкого круга лиц императорской фамилии. В "Записке" Карамзин не раз напоминал о "князьях московских", об их "глубокомысленной политике", о том, что создание централизованного государства в России — "великое творение князей московских": Князья московские учредили самодержавие. Отечество даровало его Романовым¹⁹. И именно такие взгляды, опираясь на суждения Историографа, на рубеже 1820—1830-х годов друг и почитатель Карамзина В.А. Жуковский — наставник наследника российского престола — внушал своему питомцу (в будущем Александру II)²⁰.

В.О. Ключевский в разделе "Московское государство" (1462—1598)", характеризуя "собрание Русской земли Москвою", отмечает его "ускоренный ход" со второй половины XV в., когда

великорусская народность "соединилась под одной государственной властью", и "это сообщило новый характер Московскому княжеству" — "завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой превратило Московское княжество в национальное великорусское государство и, таким образом, сообщило великому князю московскому значение национального великорусского государя"²¹. Та же мысль — в "Лекциях по русской истории" С.Ф. Платонова, неоднократно переиздававшихся: княжество московского великого князя "выросло в национальное государство Московское"²². А.Е. Пресняков в книге 1918 г. пишет: "Московия, выступившая в конце XV в. на европейском горизонте, в XVII в. входит в ряд европейских держав. Но это уже не то великорусское Московское государство. Великорусский центр — только опорный пункт для перестройки Московского царства в обширную империю"²³.

Постепенно закрепляются иные взгляды на этнические характеристики этого явления и хронологические рамки процесса — подчеркивается то, что централизованное государство в России образовалось как многонациональное во главе с формирующимися в нацию тогда же великороссами, язык которых стал главенствующим и объединяющим жителей огромной государственной территории, и процесс оформления централизованного государства с едиными законами и системой управления был более длительным и растянулся и на XVI в.²⁴. Но ясно то, что наименования и "Московского государства", и "Русского государства", и "Российского государства" относили именно ко все более централизующемуся суверенному государству, обретающему значительную роль в международных отношениях и Европы и Азии.

Это отражает и отсутствие единообразия в наименовании своего государства в России XVI—XVII столетий. В вышедшей в 1995 г. книге последовательницы школы Ю.М. Лотмана М.Б. Плюхановой "Сюжеты и символы Московского царства" справедливо отмечается: "Наименования великорусского государства в XV—XVII вв. были многообразны и неустойчивы: Русь, Русия или Великая Русия, Россейская или Руская земля, Россейское, или Русское, или Московское царство, Московское государство и пр. Древнерусские книжники были далеки от терминологической определенности..."²⁵

Бытование в XIX—XX вв. в литературе наименования "Московское государство" объяснялось не только учебно-методическим удобством, выделяющим в истории России словоупотреблением "Московское" этот период и его особенности, но и тем, что процесс образования централизованного государства в России историки во

многим сводили к возвышению Москвы, во всяком случае, связывали с ним (в чем можно было убедиться и по приведенным выше цитатам); хотя в оценке роли московских князей в этих событиях в дореволюционной литературе не было единообразия взглядов: это четко показано в книге М.А. Дьяконова об общественном и государственном строе Древней Руси, в разделе "Мнения о возникновении Московского государства"²⁶.

Самое существенное для нашей темы то, что политоним "Московское государство" не является изобретением ученых. Историки опирались на терминологию исторических источников XVI—XVII вв. — и отечественных и зарубежных. Это — терминология современников.

В западноевропейских памятниках письменности и географических картах первоначально более употребительным было наименование "Московия" и соответственно жителей ее — "московитами". Б.А. Рыбаков в упоминавшемся уже исследовании о картах дал емкое определение термину "Московия": "Совокупность нескольких десятков русских княжеств, оказавшихся в короткий срок под властью Москвы"²⁷.

Такие термины — и в заголовках западноевропейских сочинений о России и о россиянах вплоть до конца XVII столетия, причем написанных и теми, кто побывал в России, и теми, кто писал с чужих слов или опираясь на ранее изданное. Это теперь нетрудно проследить после выхода в США в 1995 г. книги Маршалла По об иностранных описаниях Московии²⁸; и библиографический труд американского ученого дает основание именно такому заголовку его книги — и государственно-политическая и географо-этническая терминология. Впрочем, и она тоже — как и терминология русскоязычных источников — не отличается определенностью и устойчивостью: одновременно (и постепенно все в большей мере) фигурирует и термин "Россия" (или его модификации).

Термины "Московия" и "московиты", выявленные в зарубежной документации еще рубежа XV и XVI вв., — в заголовках трактатов голландского гуманиста Альберта Кампенского, состоявшего при папской курии (1523/24 г.), и немца Иоганна Фабри, советника австрийского эрцгерцога (1525 г.). В сочинении Фабри, основанном на рассказе возвращавшихся из Испании послов московского государя, утверждается: "...из-за того, что царский град всей области назван Москвой^{2*}, они и сами приняли имя мос-

^{2*} Венецианец А. Контарини, побывавший в России в 1476—1477 гг., называет г. Москву Московией. (Его сочинение напечатано впервые в 1487 г.²⁹) Подобное встретим в сочинениях иностранцев и более позднего времени.

ковитов"³⁰. Однако земли, подвластные московским государям, (т.е. северо-восточную часть бывшей территории Древнерусского (Киевского) государства, называли в XV—XVII вв. также и "Великой Русью" ("Великой Росией"), и "Белой Русью" ("Белой Росией")). Сведения об этом обобщены в опирающихся на разноречивые источники статьях А.В. Соловьева еще 1940-х годов³¹.

В книге 1525 г. знаменитого итальянского гуманиста Паоло Джовио (Джиовио) о посольстве Василия III к папе римскому основное обозначение владений "великого князя Московского" — "Московия" ("Москховия — "Moschovia"). Сочинение это в значительной мере написано со слов посольского переводчика Дмитрия Герасимова — одного из самых образованных подданных московского государя³², информация которого, видимо, в основе и географической карты, составленной в 1525 г. Г. Аньезе и названной "Moscoviae tabula..."³³. То же название этой территории и в другой недавно изученной карте того же времени³⁴.

Сочинение историка Джовио, признаваемого одним из родоначальников публицистики и журналистики нового времени, как и пространные записки гуманистически образованного имперского посла в Москву в 1517 и в 1526 гг. С. Герберштейна, напечатанные впервые в 1549 г., чаще других переиздавались, переводились с латинского языка на современные языки и во многом определяли представления западноевропейцев о нашей стране. Книга Герберштейна называлась "Rerum Moscoviticarum Commentarij..." (в русском переводе — "Записки о Московии", "Записки о московитских делах").

Часто произведения Джовио и Герберштейна публиковались вместе³⁵, и понятно, что именно терминология этих сочинений в трактате 1566 г. "Метод легкого изучения истории" знаменитого французского политолога-публициста Жана Бодена, где он полагает необходимым изучение истории "московитов, которые победоносно продвинулись от Волги и Дона до Днепра и недавно завоевали Ливонию"³⁶. Французский дипломат, описывая "бескоролевье" в Польше 1572 г., тоже называет Ивана IV "Московит"³⁷. Агент императора Максимилиана II, ведший в Польше переговоры с А.М. Курбским, в донесениях императору 1570 г. пользуется только терминами "Московия", "московиты", и применительно к царю Ивану IV — тоже "Московит"³⁸. С тем же встречаемся в дипломатической и иной документации скандинавских стран³⁹. Там фигурируют также термины "Мосх", "Моск" ("Mosch", "Mosci"), встречающиеся и в сочинениях иностранцев о России, и в сочинениях пишущих по-латыни польских поэтов (отсюда — "москаль")⁴⁰. Это — и термины массовых изданий, к

примеру, в анонимных сочинениях о россиянах и об их царе времени Ливонской войны, в частности в "летучих листках", детально изученных А. Каппелером⁴¹. Такого же стиля выражение в "Послании" 1572 г. И. Таубе и Э. Крузе, ливонских дворян, бывших ранее на царской службе, — "московский враг"⁴². Можно утверждать, что термины "Московия", "московиты", даже "Московит" применительно к царю были широко распространены, даже общеприняты при Иване Грозном в международной дипломатии, международных торговых сношениях, в международной публицистике, пожалуй, и в международной науке. Потому вполне объяснимо, что организованная практически мыслящими английскими коммерсантами в 1555 г. компания для торговли с Восточной Европой и Азией получила наименование "Московской". И великолепный знаток разноречивых источников о России XVI—XVII в. Ю.В. Готье, конечно, намеренно выбрал заголовком книги 1937 г. с переводами сочинений англичан о владениях Ивана Грозного такой — "Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке".

Герберштейн — автор наиболее обстоятельного труда о России, основанного и на визуальном знакомстве со страной, и на изучении едва ли не всей имевшейся к тому времени литературы, подразумевая под Россией территорию Древнерусского государства, писал: "Руссией владеет ныне три государя; бóльшая ее часть принадлежит [великому] князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский, сейчас владеющий как Польшей, так и Литвой"⁴³. В другом месте своего сочинения автор счел необходимым отметить: "Итак, город Московия (Moscowia), глава и столица Руссии, и самая область, и река, которая протекает по ней, носят одно и то же имя: на родном языке народа они называются Москвой (Mosqua)"⁴⁴. Следовательно, Герберштейн выделяет еще домен московского великого князя (хотя, как установил Е.Е. Замысловский, он не во всем точен в определении границ Московского княжества)⁴⁵. Герберштейн указывает и на то, что Иван III "стал величать себя монархом всей Руссии". Фактически Герберштейн "Московией" называет владения, подчиненные власти ("dominium") московского государя, и московитами — только его подданных. Но в то же время он пишет о городе Москве как о "главе и столице" России, о Новгороде Великом как о "самом большом княжестве во всей Руссии"⁴⁶, и под портретом Василия III — подпись: "Царь и государь русских" ("Russorum rex et dominus sum"). М.Н. Тихомиров замечает, что характер подписи от имени самого Василия III показывает, что это — латинский перевод русского текста, в

котором сам Василий III называет себя русским, а не московским царем⁴⁷. И потому, хотя у Герберштейна и обнаруживается стремление дать и историческое (исходя из происхождения наименований, соотношения прежних и нынешних наименований местностей и их обитателей), и современное политико-географическое истолкование терминов "Россия" ("Руссия") и "Московия" и их различий, все же заметно и совмещение понятий, определяющих (уже в соответствии с нашими современными представлениями) термины "Российское государство" и "Московское государство".

В сочинениях менее образованных (тем более в меньшей мере научно подготовленных) иностранцев, писавших о России XVI—XVII вв., подобная нечеткость заметна еще в большей степени — и нечеткость терминологии, и нечеткость знаний о пределах территории, подвластной московскому государю. К.Г. Лукомский в очерке 1922 г. "Московия в представлениях иностранцев XVI—XVII вв." заметил, что Московия, по понятиям иностранцев, это не только центральная Россия, но и юг (с Киевом), и северный Архангельск, и Каспий, и Сибирь, и даже Кавказ — "все это, вместе взятое: границы не были четко очерчены"⁴⁸.

Эту очевидную нечеткость счел обязательным особо подчеркнуть еще в изданной в 1607 г. в Париже книге "Состояние Российской империи и великого княжества Московского" ("*Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie*") капитан Жак Маржерет, несколько лет проведший в России. В "Предуведомлении читателю" сообщается, что «Российская империя представляет собой часть страны, которую издавна называли "Скифией", и "скифами" еще и сегодня называют "татар, которые прежде были повелителями России". Когда русские (*Russes*) сбросили иго татар и "христианский мир кое-что узнал о них", они "стали называться москвитами — по главному городу Москве, который носит княжеский титул". И "ошибочно называть их москвитами, а не русскими, как делаем не только мы, живущие в отдалении, но и более близкие их соседи. Сами они, когда их спрашивают, какой они нации (*quelle nation*), отвечают: *Russac*, то есть русские (*qui veut dire Russes*), а если их спрашивают: откуда, они отвечают: "из Москова, Москвы (*is Moscova, de Mosco*), Вологды, Рязани или других городов". И должно знать что есть две России (*il y a deux Russies*) — та, что носит титул империи, которую поляки называют Русь Белая ("*la Russie blanche*"), и другая — Русь Черная ("*la Russie noire*"), которой владеет королевство Польское". Господином ее величает себя польский король, когда говорит "великий князь Литвы, России, Пруссии и т.д." "Об этом я хотел предуведомить читателя, чтобы он знал, что

русские ("les Russes"), о которых здесь идет речь, это те, кого некогда называли скифами, а с некоторых пор ошибочно москвитами ("Moscovites"), поскольку москвитами могут называться жители всего лишь одного города; все равно как если бы всех французов стали называть парижанами по той причине, что Париж — столица королевства Франции; да и то с большим основанием, поскольку Париж — столица с незапамятных времен, а Москва является ею не более ста или двухсот лет. И сокращенный титул "Царь, государь и великий князь всея Руссия" можно толковать как "всех русских или всей Руссии" (de tous les Russes, ou de toute la Russie), но не "москвитов или Московии". Чтобы отличать Черную Русь от иной, поляки все расположенное по ту сторону Днепра называют Русью Белой. А в сочинении этом говорится о Руси Белой, "ныне Московии (et maintenant Moscovie)"»⁴⁹.

Сочинение Маржерета заинтересовало парижан, а знаменитый тогда автор универсальной "Истории своего времени" ("Historia suis temporis") де Ту, главный хранитель королевской библиотеки, создавший именно в ту пору очерк по истории России, долго беседовал с Маржеретом⁵⁰. В его очерке о России находим рассуждение о происхождении "руссов" и "москвитов" (опирающееся на мнение Герберштейна), словоупотребление терминов и "Московия" и "москвиты" и в то же время и наименования "Россией" всей Восточной Европы (об Иване III, который присоединил Новгород "к своей империи и унизил всех других князей России") и "русскими" — подданных царя Ивана IV⁵¹.

Употребление наименований "Московия", "москвиты" для обозначения "России" и "русских" находим в заголовках (не говоря уже о текстах) многих, если не большинства, западноевропейских сочинений XVI и даже XVII вв. о современной им России (причем иногда в написании "Moshcovia", так как слово это пытались связать с наименованием полулегендарных "москов", "мосхов").

Термины "Московия", "москвиты" встречаются в трактате Михалона Литвина (видимо, это Венцеслав Николаевич, бывший многие годы латинским секретарем канцелярии Великого княжества Литовского⁵²), в написанном Кл. Адамсом сочинении о плавании англичанина Р. Ченслора в 1553 г. и о его пребывании в России, в рассказе венецианца М. Фоскарини о России 1557 г., в записках англичанина А. Дженкинсона (1557), венецианца Ф. Тьеполо (1560), в сочинениях итальянского купца Р. Барберини (побывавшего в России в 1565 г.), папского дипломата Ф. Руджиеро (1568), в знаменитых описаниях опричнины Ивана Грозного, составленных немцами А. Шлихтингом и г. Штаденом, в труде французского космографа А. Теве (1575), в сборни-

ке рассказов путешественников, подготовленном англичанином Р. Иденом (1577), в сочинениях итальянца на польской службе А. Гваньини (1578), папского дипломата А. Поссевино, участника походов польского короля Стефана Батория Р. Гейденштейна (1584), православного архиерея Арсения Елассонского, побывавшего в России в 1589 г., имперского дипломата Н. Варкоча (1593), Геррита де Веера, сопровождавшего голландца В. Баренца (1599), немецкого купца Х.Г. Пейрле (1606), прожившего несколько лет в России голландского коммерсанта И. Массы (сочинение его впервые издано в 1612 г.), англичанина Т. Чемберлена (1612), шведского дипломата П. Петрея (его произведение напечатано в 1615 г.).

Встречаются эти термины и в сочинениях середины и конца XVII в. (в том числе и в наиболее обстоятельных) — голштинского дипломата А. Олеария (записки его изданы в 1647 г.), английского писателя и государственного деятеля, советника Кромвеля Джона Мильтона, имперского дипломата А. Мейерберга (1660-е годы), голландца Я. Стрейса, побывавшего в Восточной Европе на рубеже 1660-х и 1670-х годов, польского агента Я. Рейтенфельста (издавшего свое сочинение в 1680 г.), польского дипломата Б.Ф. Таннера (жившего в России в 1678 г.), саксонского дипломата Л. Рингубера (посетившего Россию в 1684 г.), итальянца Э. Цани (1680-е годы). И даже в 1698 г., в год Великого посольства в Европу, в Париже издали книгу побывавшего в России в 1689 г. де ля Невилля под названием "Любопытное новое известие о Московии...". В заголовке читаем и об "экспедиции москвитов в Крым в 1689 г." Любопытно, что хорошо знавший и Россию и россиян голландский ученый и государственный деятель Николай Витсен, тогда бургомистр Амстердама, сообщая великому немецкому ученому Лейбницу о недовольстве участников Великого посольства записками Невилля, называет их "московскими послами"⁵³.

И карта России, составленная в 1706 г. французским географом Г. Делилем, имеет название "Carte de Moscovie". Консультантом Делиля признают русского дипломата А.А. Матвеева, ведшего в Париже переговоры о заключении торгового договора⁵⁴. Матвеев был не только просвещенным деятелем, автором исторических сочинений, но и сыном главы Посольского приказа А.С. Матвеева, руководившего в начале 1670-х годов работой по подготовке официальных трудов по истории России и ее государей и, следовательно, знатоком современной исторической государственно-политической терминологии. Наименование России Московией и россиян москвитами, видимо, настолько укоренилось

в сознании, что было в речевом обиходе и в годы правления Людовика XV. Напомним о пушкинской "Пиковой даме", об описании Пушкиным пребывания в молодые годы графини в Париже, когда "народ бегал за нею, чтоб увидеть la Venus moscovite".

Уже в XVI в. термины "Московия" и "Россия" начинают восприниматься как тождественные^{3*}, хотя в наиболее обстоятельных сочинениях о Восточной Европе и о владениях государя всея Руси стараются, как отмечалось уже, объяснить сосуществование или различие этих наименований, а также утверждение термина "Московия". Английский посланник гуманистически образованный Дж. Флетчер озаглавил свое сочинение, впервые изданное отдельной книгой в Лондоне в 1591 г., "О государстве Русском, или образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем московским..." ("the Russe Emperour (commonly called the Empereur of Moskovia)"). Он пишет: "Название Москвы сделалось славным более известным свету, так что Московией стали называть не одно княжество, но всю Россию по имени ее столицы"⁵⁶. Возвращавшийся вместе с Флетчером в Англию в 1589 г. Дж. Горсей, на информацию которого Флетчер в определенной мере опирался в своем сочинении⁵⁷, вспоминает в "Путешествии": "Я прибыл в Московию, обычно называемую Россией (Russia)"⁵⁸. В заголовке сочинения наблюдавшего события Смутного времени немца К. Буссова слова: "...in Moscoviter Land oder Reussland" ("в московитской земле или России")⁵⁹. В середине XVII в. А. Олеарий объясняет: "Россия, или, как некоторые говорят, Белая Русь (именуемая по главному и столичному городу Москве, лежащему в середине страны, обыкновенно Московией)"⁶⁰. Г.М. Айрманн, получивший университетское образование в Германии, немец на шведской службе, побывавший в свите посольства в 1669—1670 гг. в Восточной Прибалтике и России, раздел с показательным в аспекте наших интересов названием "Великокняжество Московия, или Россия" начинает словами: "Об этой огромной стране имеется так много в публичной печати не только по старым, но и по новым описаниям путешествий..." Псков он называет "знаменитым городом в Московии"⁶¹. Мейерберг тоже пишет как об общепринятом: "Великая Россия, или Россия Московитская, обычно называемая Московией". Эту цитату приводит В.О. Ключевский в

^{3*} Иногда так же воспринимаются и термины "московиты" и русские". А. Шлихтинг — немецкий рыцарь, плененный при взятии литовской крепости, живший в Москве в 1565—1570 гг. и знавший славянские языки, — в докладе, написанном для польского короля, сообщал, что по имени "знаменитой реки Москвы" называется обширный город Москва: она дала это имя московитам, так как иначе они называются руссами или рутенами"⁵⁵.

"Сказаниях иностранцев о Московском государстве" и констатирует: "Московское государство в XVII веке было самым обширным из всех европейских государств"⁶².

Понимание под "Московией" государства московского государя особенно явно заметно в написанном Антонио Поссевино, который был папским представителем в России в начале 1580-х годов. В трактате "Московия" термин этот объясняется в первой же фразе — "Владения великого князя Московского". Большие города — некогда центры самостоятельных государств, названия которых входят в царский титул, — воспринимаются Поссевино как города Московии — и не только Новгород, Тверь, Смоленск, но и Казань и Астрахань, т.е. все государство Ивана Грозного. Существенно и то, что Московией это государство Поссевино называет и в дипломатической переписке — в письмах, адресованных польскому королю, королеве, великому канцлеру, даже самому Ивану IV. Термин "Московия" — и в письмах канцлера Яна Замойского к Поссевино⁶³.

А.Л. Хорошкевич обосновывалось мнение, что название "Московия" в начале XVI в. стало господствующим в языке западноевропейцев под воздействием государственно-политических интересов Польско-Литовского государства и поддерживавшей его папской курии, и из Польши оно распространилось в Западную Европу. Это — тема опирающейся на многообразные источники статьи 1976 г. "Россия и Московия: Из истории политико-географической терминологии"⁶⁴. Повторив такой вывод в книге 1980 г., А.Л. Хорошкевич замечает: "В странах же Северной Европы, равно как и при дворе императора, сохранилось правильное этнографическое название — России или России"⁶⁵. Последнее утверждение, как нетрудно убедиться из предыдущего изложения, опровергается данными о наименовании владений ("земли") московского государя во многих зарубежных сочинениях, появившихся отнюдь не только в Польско-Литовском государстве или в окружении папы римского. Замечание же, будто итальянцы если "записывали сведения о Руси со слов русских же дипломатов", то "уточняли, что речь шла о Руси", а не о Московии, находится в противоречии с первыми же сочинениями о государстве Василия III (Джовио и Фабри), основанными как раз на рассказах российских дипломатов.

По мнению А.Л. Хорошкевич, "внутри бывшего Московского княжества" укрепилось "иное самоназвание", а "Московским государством" называли его в Литовском княжестве⁶⁶. В работе 1993 г. "Символы русской государственности", написанной популярно и не имеющей научного аппарата, эти положения сформулированы так:

«...в Вильнюсе Ивана III упорно именовали князем "Московским", а страну — "Московским государством"». Долго общаясь с польско-литовскими послами, эту терминологию усвоил и Иван Грозный, хотя официальным названием страны после его венчания на царство в 1547 г. стало "Российское царство"⁶⁷. История возникновения и распространения терминов "Московское государство", "Московия", "московиты" не представляется, однако, столь однозначно простой.

Действительно, наименование "Русь" ("Русия") имели и земли, подвластные тогда монарху Польско-Литовского государства, а титулатура его и позднее напоминала о том, что он "великий князь русский". (Этот титул воспроизводился и в российских посольских книгах.) Существенно и то, что эти земли, называвшиеся "русскими", — бывшие южные и западные земли Древнерусского государства XI столетия — стал рассматривать как свое наследственное владение московский великий князь, объявивший себя "государем всея Руси". Он настойчиво повторял, что "Русская земля от наших предков из старины наша отчина; вся Русская земля Божией волею наша отчина". В.О. Ключевский (а подобного содержания цитаты были в трудах и его знаменитых предшественников Карамзина и Соловьева) заключает: "Итак, вся Русская земля, а не одна только великорусская половина ее объявлена была вотчиной московского государя. Эта мысль об единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить как свое неотъемлемое право"⁶⁸. Чтобы не было сомнений, дипломаты Ивана III на переговорах о подписании "вечного мира" с Великим княжеством Литовским в начале XVI в. заявляли: "Ано не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города... из старины, от наших прародителей наша отчина"⁶⁹. Как отмечал К.В. Базилевич, в понятие "отчина" вкладывался и "этнографический и историко-политический смысл". В соответствии со средневековой патримониальной идеологией, не ведавшей различий между родовой собственностью и государственной территорией, земли, принадлежавшие "прародителям", являются с историко-политической точки зрения "отчиной"⁷⁰. Так пытались обосновать и освоение Среднего Поволжья, войну с Казанским ханством в середине XVI в.⁷¹

Но теперь "отчина" прародителей отождествляется уже и с понятием, которое мы называем этнографическим: "Русская земля" — это территория восточных славян, "держава словенского языка", как сформулируют в середине XVI в. составители Степенной книги⁷². Появится и версия, согласно которой литовские великие

князья, под властью которых находились тогда многие земли Древнерусского государства XI в., в отличие от князей Рюриковичей, ведущих происхождение, мол, от самого Августа кесаря, потомки "служебника" одного из смоленских княжат или князей- "изгоев", лишенных своей доли в "Русской земле"⁷³.

Имело, конечно, значение и то, что термин "Россия" ("Росия", "Росиа"), как убедительно показал М.Н. Тихомиров, распространяется в северо-восточной Руси уже с XVI в. Он "постепенно завоевывает себе место в официальных документах", и к концу XVI в. названия "Росия" и "Российское царство" начинают входить в обиход в совершенно определенном смысле, обозначая всю совокупность земель, объединенных Российским централизованным государством". "Русский", замечает исследователь, становится синонимом определенной народности, "российский" означает принадлежность к определенному государству. М.Н. Тихомиров счел необходимым отметить, что "Россия" в документах XVI в. не однозначна с названием "Московское государство". Хотя этот термин, более употребительный "у иностранцев", был в употреблении и в русских источниках XVI в. — официальных и неофициальных⁷⁴.

Ясно, что те, кого непосредственно затрагивала политико-идеологическая концепция и внешнеполитическая программа московского государства, не могли оставаться безучастными к изменению титулатуры московского государя, к наименованию его державы. В Польско-Литовском государстве не склонны были ни к признанию царского титула Ивана IV, ни к распространению в практике международных отношений официального наименования "Российское государство" ("Российское царство")^{4*}. (И об этом имеется, как известно, обильная литература.)

^{4*} Соответственно настроениям и правителей и читателей в Польско-Литовском государстве⁷⁵ эмигрировавший туда боярин кн. А.М. Курбский дал заголовки и своим посланиям Ивану IV (во второй редакции Первого послания оно адресовано "к великому князю московскому"; Второе послание озаглавлено "Краткое отвещение Андрея Курбского на зело широкую епистолию князя великого московского"; Третье послание — "На вторую епистолию отвещение цареви великому московскому...")⁷⁶, и знаменитому, написанному в мемуарном стиле, описанию жизни царя Ивана и России его времени — "История о великом князе Московском". Это было подчеркнуто нарочито и потому, что Иван Грозный во Втором послании Курбскому писал о "скифетрах Росийского царствия", о "всей Руской земле", называя свои владения "Русью" ("Яко же рекосте: "несть людей на Руси, некому стояти", — ино ныне вас нет, а ныне кто предтвердыя грады Германские взымает?"), и подписал свою "грамоту" так, как принято оформлять окончание в официальных документах, отправляемых за рубеж: "Писана... лета 7086/го, государствия нашего 43-го, а в царств наших: Росийского — 31-го, Казанского — 25-го, Астороханского — 24-го"⁷⁷.

Несомненно, что вырабатывавшаяся с рубежа XV и XVI вв. — и прежде всего именно в Польско-Литовском государстве — терминология, запечатленная в памятниках письменности, оказывала влияние на терминологию и официальной документации, и сочинений гуманистов о Восточной Европе. Заметно и то, что авторы сочинений последующих лет в определенной мере придерживались становившейся традиционной терминологии предшествовавших сочинений (а также приема обращений к далекой истории в поиске исторических корней современных наименований земель и народов).

Однако этого было недостаточно. Некоторые авторы (особенно из стран Северной Европы) не слишком дорожили обязательностью следовать языковой традиции сочинений гуманистов, писавших о владениях московского государя. Им важнее казались термины, уточняющие самим названием государственно-политические реалии владений ("доминиума") московского монарха и одновременно способствующие устранению неясностей в наименовании государств и земель Восточной Европы, — ведь в употреблении были наименования и "Россия" ("Русия", "Русь") и отдельно — территорий бывшей Древней Руси — "Великая Русь", "Белая Русь" (эти термины обычно относили первоначально к одной и той же территории) и "Черная Русь".

При этом для иностранцев, особенно при организации государственно-политических отношений (да и при составлении историко-политических трактатов), первостепенное значение имело самоназвание государства, наименование владения государя подданными государя. А первичным наименованием государства, столь расширявшегося и укреплявшегося, было Московское княжество; и именно Московский великий князь поглотил владения других великих князей и обрел титул государя всея Руси. Его владение, названное по имени столицы, где был княжеский стол, дало наименование и всему государству, а сама столица княжества стала столицей возрастающего государства, средоточием его общественной и религиозной жизни, культуры и экономики, его международных политических и торговых связей.

Должно иметь в виду и словоупотребление и понимание термина "государство" в наши дни и в Древней Руси. "Государство" в современном понимании — это политическая организация общества с определенной формой правления (обычно — монархия, республика); при этом государственное устройство может быть унитарным и федерацией. И "государством" в таком смысле, конечно, было уже Московское княжество со времени его образования.

В языке Древней Руси слово "государство" имело несколько

значений, как и производные от него. Тогда слово "государство" означало и государство в принятом современном понимании; и страну под управлением государя; и территорию — страну, "землю" (словосочетания "Московская земля", "Московские земли" нередки и в посольских книгах, в описаниях летописцем событий внешнеполитической истории); и государствование, "государствие", т.е. управление государством ("царством"), шире — правление, царствование, а также владение "государя"⁷⁸. В Словаре В.И. Даля при слове "государство" отмечено: "стар(инное) — государствование, власть, сан и управление государя"⁷⁹. "Государствовать" означало управлять государством, быть "государем". Но заметно различие в значении слов "государство" (как "государствие") и "царство". Это четко выявляется в официальной документации внешних сношений — грамоты, отправляемые Иваном IV за рубеж, имели такую концовку: "Писана на нашем государстве дворе града Москвы — лета от создания мира" такого-то "государствия нашего" (т.е. от времени восшествия на великокняжеский престол государя всея Руси в 1533 г.) столько-то лет, "а царств наших" Российского (т.е. от времени венчания на царство в 1547 г.)... Казанского, Астраханского столько-то лет. Однако междоцарствие называли все-таки "безгосударным временем". Грамота кн. Д.М. Пожарского 1612 г. с призывом избрать царя имела такую концовку: "...чтоб нам в нынешнее злое время безгосударным не быть"⁸⁰. Но слово "безгосударный" имело значение не только не имеющий государя, но и не имеющий владельца, т.е. неизвестно кому принадлежащий⁸¹.

Существовал и термин "безгосударство". О времени боярских усобиц в годы малолетства Ивана IV в 1539 г. говорили: "Промеж бояр великая рознь... в земле Руской великая мятеж и безгосударство"⁸². И почти через столетие, характеризуя годы польско-литовской интервенции, называли их "безгосударским временем"⁸³. (Словоупотребление "безгосударство" вообще было, видимо, принято и в документах делопроизводства, и в литературных произведениях для обозначения событий так называемого Смутного времени.)

Расхожее понимание слов "государство", "государь" и производных от них самим Иваном IV становится очевидным и из его сочинений, в частности из посланий и "речей", записанных в посольских делах, и из рассказа официальной летописи о начале опричнины: в грамоте, присланной из Александровской слободы в Москву, царь писал об "убытках государьству его до его государьского возрасту", о своем "государстве в его государьские несвершенные лета", о том, что он "оставил свое государьство", а затем

согласился "свои государства взяти и государства своими владети" и "учинити... на своем государстве себе опришнину", "государство же свое Московское, воинство, и суд, и управу, и всякие дела земские приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских..."⁸⁴. Следовательно, в данном словоупотреблении "государство Московское" означало и то, что в годы опричнины называли земщиной.

При этом в письменной речи Ивана IV допускалось и более широкое толкование слов "царствовать", "царство", в соответствии с библейскими текстами — как властвовать, владение. В Писании Стоглавому собору 1551 г. Иван IV употребляет такие слова для характеристики явлений, и предшествовавших его официальному венчанию на царство в 1547 г. (о раннем детстве — "мне сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако бояре наши улочиша себе время; сами владеша всем царством самовластно"), и рубежа 1540-х—1550-х годов: "...начя же вкупе устроить и управляти богом врученное ми царство". В Завещании (1570-е годы⁸⁵) и молитва ("...Твоя бо есть держава неприкладна, и царство безначално и безконечно..."; "Глаголет господь: мною царие царствуют и сильнии пишут правду") с использованием слов "царство", "цари" в широком смысле, и обращение к слову "государство": Иван IV призывает сыновей Ивана и Федора ("всякому делу навикайте... московскому пребыванию... и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет... а чего сами не познаете, и вы не сами стаете своими государствами владети и людьми"), а обращаясь к младшему, Федору, подчеркивает различие понятий "государство" и "удел" ("держи сына моего Ивана в мое место отца своего... а будет благословит бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал ...Иван сын государства не достигнет, а ты удела своего ...А будет тебе... на государство учнут звати, и ты б отнюд того не делал... и ты б на его службу ходил...")⁸⁶.

Понимание под "государством" и "владения" и управления (т.е. "государствования") обнаруживаем в многообразных памятниках письменности, в том числе и в документации международных отношений московского правительства. Такой подход к подобной терминологии характерен для общественного сознания и зарубежных авторов той эпохи, что нашло отражение и в терминологии документов внешней политики и сочинений о государствах Восточной Европы.

Особенно существенно то, что наименование "Московия" восходило к московской традиции, к московской документации,

известной и за рубежом. Словоупотребления "Московское государство" и "московский государь", "Московское царство" и "московский царь", "Московская земля" были приняты во владениях московского монарха, государя всея Руси, т.е. в самой России, в XVI и особенно в XVII вв. (Но, конечно, не в латинизированной транскрипции — "Московия".) Это подтверждается многообразными письменными источниками отечественного происхождения — и делопроизводственной документацией, и в еще большей мере памятниками публицистики.

Хотя проследить это далеко не просто. Терминосочетания "Московское государство" и "Московское царство" оказались не включенными в издающийся сейчас многотомный Словарь русского языка XI—XVII вв., а в указателях к академическим изданиям памятников письменности эти термины обычно, как отмечалось уже, не вычленяются из группы других, близких им. Так, в т. 31 Полного собрания русских летописей (ПСРЛ) с летописцами последней четверти XVII в., вышедшем в 1968 г. под редакцией В.И. Буганова, под словом "Русская" читаем: "Русская (Российская) земля, Русская держава, Русское, Российское, Московское гос[ударст]во, ц[арст]во, Россия, Россия Великая"; в т. 34 с летописцами середины XVI — первой половины XVII в., изданном в 1978 г. под редакцией В.И. Буганова и В.И. Корецкого, под словом "Россия" обозначены также термины: "Московская земля, Московское государство, Российская держава, Русская земля, Русская страна"⁸⁷.

Это — свидетельство не столько даже недостаточного внимания нас, ученых (и филологов и историков), к нюансам политико-географической терминологии русского языка XI—XVII вв., сколько прежде всего несомненный показатель того, что современники (и те, кто писал, и те, к кому было обращено написанное) не придавали существенного значения такой расхожей терминологии; только в терминологии титула государя старались придерживаться официально установленных нормативов. В целом же политико-географическая терминология оставалась долгое время настолько неустойчивой, что в одном и том же памятнике письменности обнаруживаем разные обозначения одного и того же явления (или пока еще кажущегося ученым таковым).

Словоупотребления в интересующей нас сфере терминологии еще не сведены в систему — тем более с учетом хронологической последовательности, местных особенностей и обстоятельств политической ситуации, литературно-проповеднической традиции. И поэтому наблюдения, а тем самым и выводы могут быть лишь предварительного порядка.

Однако, если ограничиться обращением к наиболее известным изданиям исторических источников XVI—XVII вв., иногда даже к хрестоматийным примерам в буквальном смысле слова (т.е. к напечатанному в хрестоматиях по отечественной истории и истории древнерусской литературы), нетрудно заметить, что более широкое распространение термин "Московское государство" получает с утверждением власти Б.Ф. Годунова, т.е. в годы царствования Федора Ивановича. Но встречается он и в памятниках письменности более раннего времени, во всяком случае, периода царствования Ивана Грозного.

Начнем обзор с документации внешних сношений. Эта терминология обнаруживается не только в переводах документов, составленных в Речи Посполитой (там употребляется и термин "Московское государство"), или в речи подданных польско-литовского государя, как, к примеру, давно цитируемые слова примаса католической церкви, в 1585 г. сравнивавшего положение в правительстве А.Ф. Адашева в молодые годы Ивана Грозного со положением Годунова при дворе царя Федора: "...а преж сего был у прежнего государя Алексей Адашев, и он государство Московское таково же правил"⁸⁸. Любопытно отметить, что это цитата не из посольских дел, а из Цесарских (посол к императору по пути обедал у гнезенского архиепископа).

Таковым было тогда словоупотребление и подданных царя Ивана, по крайней мере, с 1560-х годов, причем это прослеживается по цитатам из посольских дел, давно введенным в широкий обиход. Так, в шестом томе "Истории" С.М. Соловьева — цитата из наказа гонцу в Польско-Литовское государство, которому велено было говорить о бегстве Курбского: "...езжали из государства и не в Курбского версту, да и те изменники государству Московскому не сделали ничего; божьим милосердием и государя нашего здоровьем Московское государство не без людей. Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет".

В 1573 г. термин "государство Московское" (так же как и "королевство Московское") фигурирует при ответах царя литовскому послу, в 1575 г. — при переговорах с послами императора о кандидатуре эрцгерцога для избрания польским королем (Иван IV желал при этом, чтобы "Литовское Великое княжество с Киевом было бы к нашему государству Московскому"⁸⁹). В последующих томах "Истории" Соловьева при описании отношений с Польско-Литовским государством не раз встречаем цитаты из посольских дел со словоупотреблением "Московское государство". Некоторые еще прежде приводились в "Истории" Карамзина, а с конца XIX — начала XX в. — в трудах не одного ученого, как, к примеру,

ответ послов царя Федора во время переговоров об избрании его на польский престол в 1587 г.: "Хотя бы и Рим старый и Рим новый, царствующий град Византия, начали прикладываться к нашему государю, то как ему можно свое государство Московское ниже какого-нибудь государства поставить?"⁹⁰ Немало подобных словоупотреблений и во фрагментах неопубликованных польских посольских дел последней четверти XVI в. в трудах В. Новодворского, Б.Н. Флори и других исследователей истории русско-польских отношений.

Но не нужно думать, что словоупотребление "Московское государство" имеется только в терминологии Польских посольских книг. Это термин и посольских книг с документами сношений с другими государствами. Об этом тоже напоминает шестой том "Истории" Соловьева. Даже в столь часто цитируемом письме Ивана IV английской королеве Елизавете 1570 г., где, обвиняя ее в зависимости от "торговых мужиков", он пишет: "А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица", почти сразу вслед за тем фраза: "А Московское государство покаместа без аглинских товаров не скудно было"⁹¹. Любопытно в то же время, как передан разговор королевы и посла Ф. Писемского в 1582 г. Елизавета I спрашивает: "Земля Ваша Русская и государство Московское по-старому ли?.." Посол отвечает: "Земля наша и государство Московское, дай бог, по-старому, а люди у государя нашего в твердой руке..."⁹² Правда, С.М. Соловьев позволял себе передавать текст источника в какой-то мере и своими словами, даже при наличии кавычек.

С совершенной точностью (даже орфографии) передан текст посольских книг в издании "Путешествия русских послов XVI—XVII вв." (1954) в серии "Литературные памятники". В статейном списке посольства в Швецию 1567 г. сообщается о том, что посол просил передать шведскому королю: "Нечто будет у него ссылка с некоторым недругом государя нашего, а хотя и учинит над нами которую хитрость, тем Московское государство безлюдно не будет"⁹³. (Любопытно, что в том же 1567 г. сам Иван Грозный в документе тоже внешних сношений — в послании от имени боярина И.П. Федорова гетману Г. Ходкевичу — использует термин "Московское царство": "Также и того не бывало, што Литве Москву судити; полно, пане, вам и ваше месьцо справовати, але не Московское царство"⁹⁴.)

В списке посольства к турецкому султану 1570 г. неоднократно встречаем термин "московский государь", "московский"⁹⁵. В списке посольства Ф.А. Писемского в Англию 1582 г. имеется такое выражение: "...и быти б государству Московскому с Ангилейским

государством с поможенъем всяким против всех своих недрузей общим заодно"⁹⁶. В статейном списке посольства в Англию Г.И. Микулина 1600—1601 гг. (возможно, составленном подьячим И. Зиновьевым) имеются словоупотребления "Аглинское государство", "Францовское государство", "Цесарское государство" ("Цесарское государство от нашего государства далеко, и меж ими розошли многие государства"⁹⁷). В тексте, передающем "от королевы (Елизаветы I. — С.Ш.) речь", говорится о "государстве великого государя" Бориса Федоровича и о том, что он — "всеа Руси самодержец, богом избран, учинился на Московским государстве и на всех государствах Росийского царствия"⁹⁸.

Особенно часто встречаются термины "Московское государство" и "государство" применительно к другим государствам в статейном списке посла 1667 г. во Францию П.И. Потемкина — следовательно, можно зафиксировать, по крайней мере, сто лет бытования такой терминологии в российской документации внешних сношений. Там встречаем и термины "Французское государство", "Наварское государство", "Ышпанское государство", "Персицкое государство", "ыные государства" ("те товары из Французского государства повезут в Московское государство или в ыные государства..."). Написано и о "Московского государства купчинах", и о "судье Московского государства"⁹⁹. Показательны там и такие терминосочетания: "великое Московское государство", "Великое государство Московское"¹⁰⁰, послы "из великого Росийского царствия"¹⁰¹, "великие и преславные государства Росийского царствия".

В официальных документах внешних сношений, отправляемых в Англию, употребителен термин "Московское государство" и в первые годы после воцарения Михаила Федоровича, когда еще не вся территория, ранее подвластная московским государям, оказалась в их подчинении¹⁰², и в начале 1630-х годов. Так, в грамоте Михаила Федоровича Карлу I, датированной 16 декабря 1630 г., в рассуждении о событиях начала века читаем: о "панов рад польских и литовских перед Московским государством многих неправдах и разоренье", и тут же напоминание о том, как король Яков I поздравлял "нас великого государя на наших великих государствах Росийского Царствия". В грамоте патриарха Филарета от марта 1632 г. речь идет о покупке англичанами хлеба "в Московском государстве" и о том, что "ныне в Московском государстве хлеб родился мало". В грамоте царя Михаила Карлу I от марта 1631 г. объявляется: "...у нас в Московском государстве многие рати; а к тому указали есмя наимовать ратных людей в вашем государстве шкоцких немец и в ыных в розных государствах"; в письме патриарха

Филарета Карлу I от октября 1632 г., начинающемся словами "на ваших великих государствах нашего Смирения приятное поздравление", речь идет — и с неоднократными повторениями — о пребывании "в Московском государстве" задержанного иностранца¹⁰³.

В посольской документации в конце XVI в. встречаем и терминосочетание "Московское царство". Дьяк А. Щелкалов, принимая в 1593 г. крымских гонцов, говорил о "государя нашего Московском царстве"¹⁰⁴. Еще ранее, в 1588 г., в Посольской книге так переданы слова едущего в Москву константинопольского патриарха Иеремии: "Пошел к тебе, ко государю, слышали: к твоей государеве державе, в Московском царстве..." А в передаче содержания грамоты Вселенского собора 1590 г., утверждавшего в России патриарха, — знакомый термин "Московское государство": "...да будет новопоставленный патриарх Иев, и которые по нем будут в нашем великом Московском государстве, в царствующем граде Москве". Но тут же читаем: "И вперед поставлятися в нашем в великом Росийском государстве патриархом от митрополитов и архиепископов, от епископов и всего освященного собора нашего Росийского царствия...", и далее о молитве "в нашем Росийском царстве"¹⁰⁵. Подобное многообразие близких по значению терминов — одна из примет нарративных памятников конца XVI — первой четверти XVII в.

В Посольском приказе составляли и хранили описи находившихся там документов. Описи 1614, 1625, 1673 гг. опубликованы, и можно выяснить, как использовался термин "Московское государство" в архивном делопроизводстве. В описи Царского архива начала 1570-х годов не находим еще этого термина. Но в описи архива Посольского приказа 1614 г. встречаем его не один раз: в описании грамот бухарского хана Ивану IV "о торговых людях, чтоб повольно было ездить в Московское государство и назад из Московского государства", в описании грамоты дожа Венеции 1582 г. о том, что "он писал ко всем своим людем, чтоб не наимовались против Московского государства людей на войну". Там хранились и "запись договорная" 1609 г. гетмана Жолкевского "з бояры", "как обрали на Московское государство королевича Владислава", и "столп аглинской — 121-го и 122-го году" (т.е. столбец 1613—1614 гг. — С.Ш.) о приезде в Архангельск посла "от аглинского Якуба короля Московского государства к митрополитом, и ко всему освященному собору, и к бояром, и ко всем людем Росийского царства" (показательно, что оба наименования — "Московское государство" и "Росийское царство" — в одной статье архивного описания!). Любопытно, что в той же описи имеется и словонаписание "Московское царство", причем

рядом с описанием грамот "государям московским", где именно так назван "царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси": "...книги, а в них писано начало, как пишетца к великим государем московским блаженные памяти к великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, писаны грамоты от римского цесаря; и как писаны грамоты от московских государей к римским цесарем и в иные розные государства и из государств. Да в той же книге венчанье блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на царство Московское в 64-м году"¹⁰⁶ (т.е. в 1555/56 г. — либо ошибка в дате, что более вероятно, либо указание на какое-то малоизвестное событие государственно-политической биографии Ивана Грозного).

Знакомясь с описями Посольского архива 1626 и 1673 гг., детально изученными В.И. Гальцовым, подготовившим их к печати под редакцией автора настоящей книги, убеждаемся в том, что терминосочетание "Московское государство" все прочнее утверждается в делопроизводственной терминологии. Оно — и в описании грамоты папы римского 1584 г., грамоты панов рады польского короля Стефана Батория, договора польских послов 1585 г. И отнюдь не только при описании сношений с Речью Посполитой и стоявшей за ее спиной папской курией, но и в "выписке из аглинских книг 91-го" (т.е. 1582/83 г. — С.Ш.), "сколь давно аглинским гостем велено приезжать в Московское государство", и даже в "выписке, как учинился на Московском государстве царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси и в те поры посланы посланники государство ево обестить в розные государства"¹⁰⁷ (в этой фразе характерное употребление слова "государства" в значении и утверждения во власти, и государства-страны). Постоянно словоупотребление "Московское государство" в описании документов новейшего времени — уже XVII столетия. При этом особенно интересно описание грамоты о венчании на царство Михаила Романова: названа и грамота 1613 г.: "...как обрали на Московское государство" его, и там же "чин царьского поставленья, как венчаютца на Росийские государства царьским венцом и диадимою цари и великие князи..." Термин "Росийские государства" и здесь, и в описании поставления патриарха в 1589 г.¹⁰⁸ — во множественном числе. Очевидно, это все государства (т.е. и "царства" Казанское, Астраханское, Сибирское), упоминаемые в полном царском титуле.

В описи 1673 г. первым описан чин венчания "на превысочайший престол великого Росийского царствия царским венцом и диадимою", а затем "чин постановления на патриаршеский престол святейших патриархов в великом Росийском царстве", книга с

гербами "Российского государства" и "книга о избрании на превысочайший престол великих Российских царств" Михаила Романа — это знаменитые лицевые рукописи начала 1670-х годов, подготовленные под руководством А.С. Матвеева¹⁰⁹. Но там же читаем и такой текст: "В той же книге в конце написано венчание великого князя Ивана Васильевича всея Руси на царство Московское" в 1547 г., и в описании грамоты об избрании на царство Михаила — словоупотребление "обрали на Московское царство"¹¹⁰. О проезде имперских послов в 1600 г. (в Иран) и в 1672 г. (в Китай) написано одними и теми же словами — о "пропуске через Московское государство"¹¹¹. Россию и конца XV в., и конца XVI в. называли в годы правления царя Алексея Михайловича "Московским государством": в описи узнаем о "книжице 6993-го году", т.е. 1484/85 г., упоминающей о полученной от Ивана III грамоте греком Юрием, отправленным в Венецию и в Рим "приговаривать в Московское государство лекарей, да пушечного и серебряного дела мастеров, да каменщиков добрых, чтоб которые умели церкви и полаты строить"¹¹². Так же переводится и название упоминавшейся уже книги Гваньини о времени Ивана Грозного: "Кроника Александра Гвагнина на польском языке: описание Короне Польской и княжеству Литовскому и государству Московскому и части татаров"¹¹³.

По архивным описям известно, что в архиве Посольского приказа находились и картографические материалы — карты ("чертежи") и "рописи" их. Составленный на их основании "в давних летех при прежних государях" "Большой чертеж" был в 1626 г. в архиве Разрядного приказа и уцелел во время страшного пожара того года. Карты эти не сохранились, но описания ("рописи") карт и работы над ними содержат ценную информацию в интересующем нас плане. Вместо обветшавшего "Старого чертежа... всего Московского государства" поручено было, "примеряся к тому старому чертежу, в ту же меру сделать новый чертеж всему Московскому государству". Следовательно, и прежний — "старый" — чертеж, время составления которого относят обычно к XVI в. (это, видимо, тот самый "чертеж земли московской: наше царство из края в край", о котором идет речь в "Борисе Годунове" А.С. Пушкина — в сцене с царем и его детьми в царских палатах), и "новый" 1620-х годов имели название "чертеж всего Московского государства". И в поздней неофициальной редакции 1679 г. он назван "Чертеж всему Московскому государству". В "старом" чертеже были данные и о южных землях, и о Сибири, хотя сведения о ее территории не простирались далее р. Оби. Как явствует из предисловия к "Книге Большого чертежа", рассчитывали, что будет

сделан чертеж Сибири по р. Енисею. Заголовок одной из редакций (а все рукописи внимательно изучены К.Н. Сербиной) — "описание всего Московского царства градом и рекам и дорогам чертеж"¹¹⁴. Таким образом, наименование "Московское государство" и в конце XVI в., и через столетие в этой официальной документации относили ко всей территории, подвластной царю.

Термин "Московское государство", безусловно, был употребителен в документации учреждений, не ограничивавших свою деятельность сферой внешнеполитических отношений, военной службой. Применительно к явлениям преимущественно внутренней политики обнаруживаем такое терминосочетание в документации, введенной в научный обиход еще изданием в 1830-х годах Актов Археографической экспедиции (ААЭ): в первом томе напечатаны таможенные откупные грамоты времени царя Федора, где читаем о волостях, городах, людях, товарах "Московского государства" (правда, там речь идет о "людях" и "Московского государства", и "Ноугородские и Псковские земли")¹¹⁵.

"Московское государство" — термин деловой письменности агитационного характера межгородской переписки начала 1611 г. и документации Первого ополчения, напечатанной во втором томе ААЭ. Грамота, отправленная из Смоленска, начинается обращением: "Господам братьям нашим всево Московского государства", и там не раз повторяется призыв действовать так, чтоб "литовские люди из всеи земли Московские вышли...", "Московскою землею" не владели. Нижегородцы призывали "Московскому государству помочь... докаместа Московского государства и окрестных городех Литвы не овладела". В грамоте из Рязани, адресованной нижегородцам, лозунги: "Стаяти за Московское государство — заодин", "За Московское государство... стояли вместе". А воззвание москвичей начинается так: "Пишем мы к вам, православным крестьяном, общим всем народом Московского государства...", и в его тексте слова — "вся нашедшая пагуба на все Московское государство"¹¹⁶.

Н.Ф. Дробленкова показала фразеологическое сходство московской и смоленской грамот, и, вслед за С.Ф. Платоновым, усматривает стилистическую близость их со школой письма в Троице-Сергиевом монастыре¹¹⁷, — следовательно, это терминология, свойственная речи (вероятно, не только письменной, но и устной) и посадской и церковной среды. В то же время нельзя не отметить, что в грамоте, написанной в Казани, встречаем и такую формулировку: "Вся земля Казанского государства", и вятчане пишут в Пермь о грамоте, которую им "ис Казани бояря, и воеводы, и дияки, — и всего Казанского государства прислали", а

чуть выше упоминают, что целовали крест "бояре и воеводы, и дияки, и вся земля Казанского государства"¹¹⁸. А когда образовалось Первое ополчение П.П. Ляпунова, грамоту о "защите всей земли Московской" от 11 апреля 1611 г. послали от имени "всей земли" "Российского Московского великого государства"¹¹⁹. Объединение в одном терминосочетании определений "Российское" и "Московское" показательно для образа мысли тех лет.

"Всероссийская" значимость понятия "Московское государство" явственно ощущается в законодательных памятниках, напечатанных в книге "Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века". В известном Уложении 1 февраля 1597 г. о холопстве общее положение формулируется так: "Московского государства всяким людем холопы имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложенья безсрочно". Но затем следует важное для нас разъяснение: в "ближних городах" крепости писать на год, а тем, "которые на государевых на далних службах, в Астрахани, и на Тереке, и на Сушне, и в Сибирских городех, и на Таре", — на три года¹²⁰. Тем самым утверждается, что и окраинные города царских владений тоже относятся к территории "Московского государства". Указ 1601 г. о разрешении служилым людем вывоза крестьян содержит формулировки об этом пожаловании царя и его сына "во всем своем Московском государстве". В указах 1619, 1620, 1623 гг. читаем уже о "всех людях", "всем православном крестьянстве" "Московского государства", о приговоре, принятом царем по совету с патриархом, освященным собором, "и из бояры, и с окольничими, и со всеми людами нашего Московского государства". В другом указе 1623 г. — о собирании "со всего Московского государства" у духовенства грамот всех "прежних государей"; в Соборном приговоре 1649 г. — об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, со ссылкой на Соборное уложение, — говорится о "нашем Московском государстве"¹²¹.

В предисловии к Соборному уложению 1649 г. задача его составителей формулирована так: "...чтобы Московского государства всяких чинов людем от болшаго до меншаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна". В Уложении термин "Московское государство" обозначает наименование государства, кодексом законов которого является этот памятник права. В главе VII этот термин даже в заголовке — "О службе всяких ратных людей Московского государства". Однако в том же предисловии читаем: "...указал государь то все Уложение написать на список и закрепить тот список... людем Московского государства и всех городов Российского царства"¹²².

Терминосочетание "Московское государство" постоянно встречаем в документах, связанных с созывом и деятельностью земских соборов, но, правда, только в XVII столетии. В соборном же определении об избрании царем Годунова в 1598 г. читаем о "всех государьствах Росийского царствия" и о том, что стало "безгосподарно Росийское царствие" и должно избрать "государя на царьство и великого княженья Московскаго и на все государьства Росийского царствия самодержца". Термин "Московское государство" встречается в приговоре 30 июня 1611 г. земского собора Первого ополчения, когда "Московского государства разных земель" люди под Москвой "выбрали всюю Землею" правительство; в грамоте указывается на разорение "Московского государства"¹²³. Окружная грамота кн. Д.М. Пожарского 1612 г. призывает "все города Московского государства" прислать "для общего земского совета на Московское государство государя... выбирати"¹²⁴.

Особенно интересна грамота собора февраля 1613 г. о наречении царем и великим князем всея Руси Михаила Романова, тем более что содержание и формулировки ее цитируются и во многих историко-литературных произведениях первой трети XVII в., а также и учеными в связи с рассмотрением вопроса о наименовании государства. В самом начале грамоты находим и словоупотребление "Росийское царствие" (о молитвах святых заступников, "просиявших" там), и "Московское государство", и "Росийское государство" ("писали во все города" его). Задача "земского совета" — "выбрати на Владимирское, и на Московское, и на Новгородское государства и царства Казанское, и Астраханское, и Сибирское, и на все великия Росийския государства" "государя, царя и великого князя, всея Руси самодержца". Все "для государскаго обирания в Московское государство, в царствующий град Москву на совет съехались" и получили благословение "Московского государства и всех городов всего великаго Росийскаго царствия" иерархов. Далее повторяются подобные же терминосочетания, но преобладает термин "Московское государство"¹²⁵. Это и понятно, так как на "земском совете" присутствовали преимущественно те, кто жил на именно так называемой части территории огромного "Росийского царствия". Но избран был Михаил Романов государем всего "Росийского царствия", а не "лишь на Московское государство Росийского царства", как полагает А.Л. Хорошкевич¹²⁶.

В грамотах земских соборов и о земских соборах XVII в. — словоупотребление "Московское государство"; но наряду с ним и другие ("Великое Росийское государство", "Великие Росийские государства", "Великое Росийское царствие" в документах

1613, 1616 гг.). В грамотах о соборе 1619 г. излагается приговор со "всеми людьми Московского государства" и формулируется задача "устроить бы Московское государство, чтоб пришло все в достоинство". Согласно грамотам собора 1621 г. и собора 1639 г., "всяких чинов люди всего Московского государства" обсуждали вопросы о взаимоотношениях "государства Московского" с Польско-Литовским. В документе Земского собора 1642 г., рассматривавшего вопрос о судьбе Азова, читаем: "...турские люди хотят идти... в Московское государство войною" (впрочем, в документации того же собора находим и наименование "Всероссийское государство"). В документах Земского собора 1651 г. — такие выражения: "всякие люди Московского государства", "титлы Московского государства", "война на Московское государство"; в документе Земского собора 1653 г. — "Московского государства всякие чины", "титлы Московского государства"¹²⁷.

Следовательно, для обозначения владения, "государства" "государя, царя и великого князя, всея Руси самодержца" не было устойчивой терминологии, обязательного единого термина (кроме, конечно, случаев написания титула государя в официальной документации), особенно в просторечии (как позднее и в фольклоре, где распространен был сказочный зачин — "В некотором царстве, в некотором государстве...").

В то же время очевидно и то, что приводимые выше термины и не во всем тождественны. Так, содержание термина "Московское государство" не поглощает содержания термина "Российское государство" (тем более — "Российские государства"). Под "Московским государством" (особенно под термином "все Московское государство") подразумеваются и все владения царя, т.е. в термин вкладывается "всероссийский" смысл; но иногда обнаруживается территориальная ограниченность термина (только "Московская земля") "Российское государство". А термин "царство" — особенно с оттенком официально-торжественным — шире термина "государство". (Как впрочем, и в Словаре современного языка, особенно если привносится элемент метафоричности: "зеленое царство", "царство холода", "царство красоты и вкуса", "царство нищих и рабов", как в поэме "Русские женщины" у Н.А. Некрасова, и т.д.).

Такая недостаточная определенность государственно-политической лексики в России XVI—XVII столетий (или, быть может, неуясненности ее нюансировки учеными XX в.?) обнаруживается даже у практика делопроизводства Посольского приказа, видимо знакомого и с литературой той поры, Григория Котошихина. Написанное в Швеции его сочинение о России 1660-х годов начинается с объяснения того, как "в Российской земле началось

царствование": Иван IV завоевал Казанское, Астраханское и Сибирское "царствы", пленил их "царей, с их государства и з землями" "и с того времени учинился... над Московским государством, и над теми взятыми царствы, и над прежними княжества царем и великим князем... всея Руси". После его смерти "на Московском царстве учинился царем" Федор Иванович, который был "на Московском государстве зело тих и боголюбив... и некоторому велможу, зовомаго Борис Годунов, перваго конюшего боярина, учинил над государством своим во всяких делах правителем... и боярин, правивше государство неединолетно, обогатился зело..." Затем Годунов "на Московском царстве учинился царем", и вскоре "в Российском царстве начало быть в людях смятение", Дмитрий Самозванец ("лживой царь") "достал Московское государство под свое владение и был царем... и в Российском государстве учал было заводить веру папжскую... царствовал неистинно". После того "на Московском царстве был" Василий Шуйский. Когда "учинился царем" Михаил Федорович, Филарет "при его царстве бысть на Московском государстве патриархом". Здесь же отмечено, что царевич Дмитрий, брат Алексея Михайловича, "уродился нравом" в "первого московского царя" Ивана Грозного.

Характеризуя деятельность Стрелецкого приказа, Котошихин замечает, что там собирают жалованье стрельцам "со всего Московского государства", а также и "Новгородского и Псковского государства и Казани, и Астарахани, и Сибири". В главе "О владетельстве царств и государств, и земель, и городов, которые под Российским царством лежат, и тех государств о воеводах" названы "Великий Новгород, царствы Казанское, Астараханское, Сибирское, государство Псковское, княжества Смоленское, Полотцкое, и тех государств в первые города посылаютца воеводы", но "без указу" из Москвы они "великих дел делати и докончати не смеют". Далее Котошихин разъясняет, что пишется "титла Великия и Малыя и Белья Росии самодержец не изтари" — и "Великою Росею прозвано Московское государство", а "Белая Росия — белорусцы, которые живут около Смоленска и Полотцка и в иных городех"¹²⁸.

Таким образом, сочинение Котошихина тоже подтверждает то, что термин "Московское государство" употребляется для обозначения и всего государства, и части его, когда напоминали о том, что "Российское царство" состоит из разных "царств" и "государств". Но при этом именно Московское государство казалось главным в Российском царстве и настолько все определяющим, что царя и великого князя, "всея Руси самодержца" называли именно "московским царем".

Особенно показательно то, что знаменитый А.Л. Ордин-Нащокин, который был не только знатоком языка делопроизводства, но и одним из создателей его официальной терминологии, однозначно употребляет в своих автобиографических материалах 1670-х годов терминосочетание "Московское царство" ("царство Московское")¹²⁹.

Еще более заметно совмещение понятий "Московское" и "Российское" в словаре и фразеологии литературных памятников. Это отражает, по существу, и реалии государственно-политической жизни, и то, что в общем сознании не придавали слишком большого значения таким элементам государственно-политической терминологии. Жесткие нормативы терминологии вообще не были свойственны менталитету русского общества XVI—XVII вв. Что, думается, в какой-то мере объясняет и характерное для той поры отсутствие единообразия в употреблении (не говоря уже о написании) даже распространенных терминов лексикона государственно-политической сферы жизни в сочинениях, дошедших до нас в разных редакциях (и даже списках одной редакции).

Это нетрудно обнаружить при сравнительном ознакомлении с памятниками конца XVI — первой трети XVII в. Даже если ограничиться наиболее известными — и прежде всего напечатанными в подготовленном С.Ф. Платоновым XIII томе "Русской исторической библиотеки" ("Памятники древнерусской письменности, относящиеся к Смутному времени") и в книге "Конец XVI — начало XVII века" многотомного издания "Памятники литературы Древней Руси" (под редакцией Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева).

Выявляется раннее вхождение в речевой оборот терминов "Московское царство" и "московский царь" — еще у Ивана Грозного и Курбского. В направленном от имени своего боярина послании великому гетману литовскому в 1567 г. Иван IV употребляет терминосочетание "Московское царство", а Курбский Третье свое послание назвал "отвещанием цареви великому московскому" — 1579 г. (оба факта были отмечены уже в предшествовавшем тексте).

Характерно, что и в словаре Ивана Грозного-писателя не было единообразия в наименовании подвластного ему государства в посланиях Курбскому: "Росийское царство", "Росийское царствие", "Руское царствие", "Росийская земля" (правда, это не только в текстах, переписанных в XVII в., но и в подлинной документации XVI в., "Росийское царствие" в послании шведскому королю 1573 г.); "Росийского царствия и иных многих государств и царств скифетродержатель..." в послании польскому королю

1581 г., но и "Московское государство" в послании английской королеве 1570 г. и "Московское царство" в послании 1567 г. в Польско-Литовское государство¹³⁰.

То же наблюдается в лексике "Казанской истории" — произведения, созданного, видимо, в 1560-е годы, но редактировавшегося в конце XVI — начале XVII в. и повсеместно распространенного¹³¹. Там встречаем и такой текст: "Изначала же и исперва едино царство и едино государство, едина держава Руская"¹³² (что подчеркивается таким набором слов — различие или тождественность терминов? Не отражает ли это "условные литературные вкусы века", о чем писал более ста лет назад С.Ф. Платонов?¹³³). Находим термин "Московское царство" в описании событий еще 1487 г.; о начале правления мальчика Ивана IV читаем: "...восприимник бысть по отце своем во всей Русьской земли державе великаго царьства Московскаго"; Казань "великому царьству Московскому... повинуюся"¹³⁴; Ивана IV называют "московским царем".

Интересен для наших наблюдений компилятивный летописец частного происхождения первой четверти XVII в., известный под названием Пискаревского (по имени владельца рукописи в XIX в.). Записи о событиях со второй половины XVI в. основаны на припоминаниях современника или даже впечатлениях очевидца москвича. По мнению М.Н. Тихомирова, здесь "живая, почти простонародная речь", слышен московский говор XVII в.¹³⁵ В летописце постоянное употребление словосочетаний "Руская земля", "вся Руская земля" (но и "Немецкая земля", "Сибирская земля"). Рюрик — "первоначальник Руской земле", а царь Федор — "последнее светило Руской земле"¹³⁶. Иван Грозный Семиона Бекбулатовича "сажал на царство Московское", а сам звался "Иван Московский" и челобитные писали так же", и сделал это — как "говорили нецый" — потому, что волхвы предсказывали, что "в том году будет... московскому царю смерть"¹³⁷. Неоднократно встречаем и термин "Московское государство": с Мнишками самозванец договаривается, "как он будет на Московском государстве"; намеривались "все государство Московское в одну веру римскую всех привести", но рядом и о том, что Марине обещали дать "два великии государства — Великий Новгород да Псков"; и Заруцкий хотел жениться на Марине, "и сести на Московское государство, и быти царем и великим князем"; К. Минин "почал советовати... с нижегородцы... како бы им пособити Московскому государству"; туда начали съезжаться "со всего Московского государства" и обсуждали, "ис каких чинов Московского государства" "на Московское государство царем не обирати"¹³⁸. Но в

"записи" Василия Шуйского, "на которой он крест целовал", читаем: "учинился... на отчине прародителей наших на Российском государстве царем и великим князем...", "будучи на престоле Российского царствия", и вслед затем: "...на Московское государство иного государя из иных государств и ис своих никакова не хотети и не искати"¹³⁹. А в конце летописи в разделе, озаглавленном "Царство государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси", читаем: "во всем народе Руския земли глас глаголющ", "приятти скипетр Руския державы Московскаго государства Михаилу Федоровичю"¹⁴⁰.

Небезынтересно отметить, что в повести о житии царя Федора Ивановича, написанной патриархом Иовом в годы царствования Бориса Годунова, нет словосочетаний "Московское царство" и "Московское государство" — там термины "великое Росиское государство", "Русийское государство", "Росийское царствие", "Росийская держава", "царский престол Великая Россия"¹⁴¹. Видимо, распространение терминов "Московское царство" и "Московское государство" в годы, когда у власти был Б.Ф. Годунов (с 1584 г. правитель государства при царе Федоре, затем царь), связано в большей мере с его деятельностью (или даже инициативой) и писарской практикой московских приказов, чем с деятельностью патриарха и духовенства из его окружения.

Написанная в начале 1611 г. агитационная повесть, оформленная как грамота-воззвание, призывающая к изгнанию интервентов и действительно по фразеологии своей близкая к документам межгородовой переписки накануне образования Первого ополчения (о котором речь шла выше), начинается словами: "Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском..." Повесть известна только по копии 1630—1640-х годов, в сборнике, включающем и главы "Сказания" А. Палицына, составленного в Троице-Сергиевом монастыре, — значит, и к середине XVII в. троицким писцам совмещение терминов "Росийское царство" и "Московское государство", в схожем значении в одном заголовке казалось вполне допустимым. Хотя в тексте "Повести" не употреблен термин "Московское государство" — там термины "наше Росийское государство", "Росийское великое государство", "Росийское царство", "великое Росийское царство"; о Москве написано как о "матери градовом Росийского царства"¹⁴².

В созданном, по-видимому, в 1612 г. "Писании о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина" встречаем словосочетания и "Московское государство", и "Московское царство"¹⁴³. Тогда же сочинен "Плач о пленении и о конечном разорении превысокаго и пресветлейшаго

Московского государства", где читаем и о "врагах Московского царства", и в первой же фразе о "падении... превеликия России"¹⁴⁴, заголовок псковской летописной повести — "О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства..."¹⁴⁵.

Хронограф 1617 г. начинается с напоминания о царе Федоре, он якобы "благословил... и приказал быти по себе на престоле Московского государства Руськия земли" боярину Ф.Н. Романову, который "возприим скифетро Росийскаго царствия"; затем рассказывает о том, что Борис Годунов "престол царства великия державы Русьския возхити", что он совершил "во свое царство в Русийском государстве" и как он имел "мысль от семени своего воцарствити на престол царства Русьскаго". И Бориса, как и Ивана IV, называют "царем московским". Рядом указано, что Борис Федорович "был на Московьском государстве... и по нем сяде на государство Московское" сын его, который только "два месяца бысть на Московском государстве". Самозванец стремился занять "престол Московьского государства", и ему помогали "доступати государства Московскаго". О Василии IV написано, что он "царствовал" "на Московьском государстве". Показательно название главки "О боярском державъстве Московьскаго государства", когда после свержения Василия IV "прияша власть государства Русьскаго седмь московских бояринов", которые помыслили "на Московьское государство литовьского королевича... призвати", "седмочисленныя же бояре Московьския державы и всю власть Русьския земли предаша в руце литовьских воевод". Кончается изложение описанием того, как призвали "на престол царствия Московьскаго государства" Михаила Федоровича, который "приемлет богопорученное ему Московскаго государства скифетродержание" и украшает опустошенное "преславное же и великое место и многонароднаго христианства селение, еже есть мати Русьским градовом Москву"¹⁴⁶.

Среди произведений большего объема устойчивое употребление лишь одного термина "Московское государство" находим в знаменитом "Временнике" дьяка Ивана Тимофеева, где этот термин в заголовках даже двух главок: 4-й — "Богопустное на Московское государство ростригино беззаконное царство" и 10-й "О вдовстве Московского государства"¹⁴⁷, и в недавно изученном Г.П. Ениным сочинении "Повесть о победах Московского государства"¹⁴⁸.

В "Сказании" Авраамия Палицына встречаем словоупотребления и "Росийское государство" ("Росийская держава"), и "Московское государство" ("Московская держава"), по существу, как тождественные. И в то же время термин "Московское госу-

дарство" может означать и наименование одного из государств Российской державы. Особенно заметно это в описании избрания Михаила Романова на царство — самодержцем "на Московское государство и над прочими государствами Росийская державы", когда он "восприим скипетр Росийская державы многих государств"¹⁴⁹. То же обнаруживаем в тесно связанном с сочинением Палицына "Ином сказании" — "Московское царство", "Московское государство", "Московское государство и все государства Росийского царствия", но показательна концовка, где отмечается, что "царствова" Михаил Федорович "на Московском государстве" и сын его Алексей "венчан... на царство Московского государства"¹⁵⁰.

Схожая нечеткость терминологии и в летописной книге, автором которой ранее считали кн. И.М. Катырева-Ростовского, а теперь кн. С.И. Шаховского¹⁵¹. Она начинается словами: "Царство Московское, его ж именуют от давних век Великая Росия"¹⁵². В тексте, по существу, в тождественном значении используются термины "Московское государство" и "Росийское государство" (в частности, в близких по смыслу фразах: Иван IV царем "Росийскаго государства прозвася", "царский род на Росийском государстве" пресекался, сын Б.Ф. Годунова заявил, что он "царь хочет быти Московскому государству" вместо отца своего), а о Василии Шуйском написано: "бысть царь Московскому государству и всей Великой Росии", в другой редакции: "Московскому государству и всеа Русии"¹⁵³. То же наблюдаем и в употреблении терминов "Московское царство" и "Росийское царство" ("скипетр Росийского царства", "о самозванце: и нача владетельно держати Росийское царство", и почти тут же "боляре же и начальницы Московского царства", "царский корень ото Августа кесаря на Московском царстве пресекаем"; ополчение отправляет послание "во все грады Московского царства..." об избрании "царя Московскому царству")¹⁵⁴.

Показательна лексическая и смысловая близость фрагментов текста об утверждении во власти Б.Ф. Годунова: "...утвердися рука Борисова на всем народе Росийского царства", в другой редакции: "...утвердися рука Бориса оного на всенародном множестве Росийскаго царствия"; после венчания царским венцом "потом утвердися рука его на всем Московском царстве", в другой редакции: "потом утвердися рука его на Всеросийския власти"¹⁵⁵. Или такой текст: "...начальников всего Московскаго Росийскаго царства и воевод... подручны себе учини". В заголовке читаем: "...о избрании на царствующих градъ Москву и на все Росийские государства царя Михаила Федоровича"¹⁵⁶.

В "Книге глаголемой Новый летописец" начала 1630-х годов официального происхождения явное преобладание терминов "Московское царство" и "Московское государство" (даже в заголовках глав), но есть и термин "Российское государство" и отмечено традиционно, что Михаила Федоровича (о котором написано: "...люб всем на Московское государство") избрали, "хотящу утвердити на Российскомъ государстве благочестивый корень", "на Московское государство и на все Российския царства"¹⁵⁷. "Новый летописец" (где излагаются события с конца царствования Ивана Грозного до 1630 г.) составляли в окружении патриарха Филарета, видимо, по его же заданию, используя и предшествовавшие летописи, памятники литературно-исторической публицистики Смутного времени, документацию архивов Посольского и Разрядного приказов. Большинство исследователей полагают, что составитель был из среды духовенства. Новый летописец — одно из самых распространенных исторических сочинений допетровской эпохи¹⁵⁸, и оно не только отражало, но и определяло лексику современников.

А. Палицын, С.И. Шаховской, а также, можно думать, и составитель "Нового летописца" — из круга литературно-образованных лиц, деятельно участвовавших в общественной жизни. Они были несомненно знакомы и с памятниками письменности (причем и с литературными произведениями, включая историческую публицистику, и с делопроизводственной документацией), и с устной проповедью. Фразеология их сочинений — это лексика лиц и их социокультурного статуса, и тех, кого рассчитывали иметь читателями своих сочинений. Следовательно, в письменной речи этой среды отсутствовала, если можно так выразиться, терминологическая дисциплина.

И такого рода лексическая ситуация сохранялась в течение всего XVII столетия. Тождественное значение вкладывалось в термины и "Московское государство", и "Московское царство" (как в "Повести об Азовском осадном сидении" 1642 г.). А терминосочетания "Российское государство (царство)" и "Московское государство (царство)" продолжали сосуществовать, имея во многом тождественное значение, при постепенно большем, пожалуй, утверждении в речевом обиходе термина "Московское государство".

В этом убеждает рассмотрение в интересующем нас плане летописцев последней четверти XVII в., опубликованных в 31-м томе ПСРЛ. В Мазуринском летописце под 1584 г. читаем о "подданных царства Московскаго" и что Федор "восприим скипетр Российскаго царствия", а Иван IV перед тем ощутил, "яко не могла управляти Российскаго государства державство". В после-

дующем изложении преобладает термин "Московское государство" ("Московского государства бояре"; "град Смоленск... делаша многими городами Московскаго государства"; "выбрали на Московское государство царем" В.И. Шуйского; о Михаиле Романове "возопиша велегласно, что люб нам на Московское государство"; о Поляновском мире 1634 г.: "государства Московскаго и Литовскаго людем быти... мирным навеки"; о комете 1681 г.: "на Московском государстве бысть знамение велие... звезда... хвост у нее велик", и "мудрые люди" толковали, "что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу... Также и збысться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое"; после смерти Федора Алексеевича "того же часу избрали на Московское государство царем брата его государева, меньшова..." Петра¹⁵⁹).

Однако термином "Московское государство" обозначали и управление, владение Москвой — пожалуй, так следует понимать его употребление при описании восстания в августе 1682 г.: "А на Москве в то время от стрельцов и от салдатов было волнение великое, владели всем Московским государством стрельцы, что хотели, то делали. С какими государскими обиходы к великим государем х Троице пойдут, и они не пропускали, ворочали назад. И всеми приказы около Московского государства по Земляному валу короулили накрепко..."¹⁶⁰

Подобные же неустойчивость и многообразие терминологии обнаруживаем и в Летописце 1619—1690 гг.: Алексей Михайлович "восприятия царский престол Московскаго государства"; в 1667 г. — "всенародное сетование в Московском государстве" в период восстания С.Т. Разина, "во градах всея Росийския земли бысть всемирное сетование и мятеж", "донской казак Стенка Разин возмутил Московским государством и всею Росийскою землею со единомышленики своими... пришел ко Астраханскому государству"; Федор Алексеевич "восприя Московское царство"; в дни волнений 1682 г. возмутители стремились "в Московском государстве царев синглит обругати"; избрали "в Московском государстве... царствовати двум царем и самодержцем", но рядом о молитвах "святых, просиявших в государствах Великоросийского царствия"¹⁶¹. Однако опять-таки и совсем узкое значение места "государствования" в Москве (как о том же событии в Мазуринском летописце): в дни московского восстания лета 1682 г., "великим же государем шествующим тогда... в поход в село Коломенское; во дворе же царском, в Московском государстве, оставлен бысть по обычаю боярин князь Иоанн Андреевич Хованской ради сохранения царского дому". Быть может, в таком

смысле должно истолковывать и термин сообщения о ярославце Ивашке Бизяеве, который повинился в том, что "хотел своровать, выжечь Московское государство и возмутить всем царством"¹⁶².

Возможно, что уже в XVII в. обнаруживается схожая ситуация и в лексике исторических песен, т.е. и устного народного творчества. В древнейших записях народных песен, сделанных англичанином Ричардом Джеймсом в 1619—1620 гг., фигурирует термин "Московское царство": и в песне о нашествии крымских татар в 1572 г., и в песне о событиях совсем недавних — о возвращении патриарха Филарета из польского плена в 1619 г. (в этой песне уже усложненное определение: "царство Московское и вся земля Святорусская"¹⁶³). Термин "Московское царство" — в песне о взятии Казани (где обретение Иваном IV титула царя объясняется тем, что он "снял" царские регалии казанского хана — "царя"; "и в то время князь воцарился // И насел на Московское царство"¹⁶⁴). Но в нескольких песнях фигурируют рядом наименования и "Московское" и "Российское" ("к сильну царству Московскому, Государству Российскому" — в песне о Ермаке; "сильна царства Московского и великого государства Российского" — в песне о Скопине-Шуйском; "Посреде ль было Московского царства, // Среди было Российска государства" — в песне о взятии Смоленска в 1654 г.)¹⁶⁵, при этом показательно то, что собственно "царство" называется Московским.

Такое разнообразие лексики, обозначающей интересующие нас явления, понятия, термины государственно-политического (и одновременно и историко-географического) характера, почувствовал Пушкин, знакомый не только с трудами историков, но и с памятниками древнерусской письменности. Уже отмечено выше, что Пушкин воспользовался словосочетанием "Московское государство". Он мог его обнаружить и в "Истории" Карамзина, и в безусловно известной ему, изданной дважды Н.И. Новиковым так называемой "Летописи о многих мятежах", где даже в заголовке читаем: "О настоящей беде Московскому государству, о Гришке Отрепьеве"¹⁶⁶. В тексте трагедии "Борис Годунов" нет словосочетания "Московское государство". Но в 23 сценах этой драмы немало терминов близкого значения^{5*}.

И "Россия" ("гробы почивших властителей России" — IV,

^{5*} При цитировании в скобках отмечается римскими цифрами порядковый номер сцены (автор оставил их без нумерации), арабскими цифрами — порядковый номер строчки, указанный в подготовленном к печати Г.О. Винокуром тексте трагедии в VII томе академического Полного собрания сочинений А.С. Пушкина, изданном в 1935 г. (Это — единственный вышедший из печати том таким образом подготовленного издания¹⁶⁷.)

20—21; "погибель иль венец мою главу в России ожидает" — XIII, 82—183; "Россия и Литва" — XXI, 3; X, 97), и "Русь" (о правлении царя Федора: "Русь при нем во славе безмятежной утешилась" — V, 131—132; "Литва и Русь, вы, братские знамена" — XI, 26; "Святая Русь! Отечество!.." — XIV, 2; "Вот наша Русь... твоя Москва" — XIV, 24, 26, 30), и "русская держава" (XIII, 66). Самозванец называет себя "русским царевичем" (XIII, 194), но, обдумывая разговор с Мариной, воображает: "как назову московскую царицей" (XIII, 15), и Марина готова отдать "руку наследнику московского престола" (XII, 77); сам самозванец говорит о доблестях, "достойных московского престола" (XIII, 126), который и Вишневецкий и Марина называют "троном московским" (XIII, 7, 208), а Курбский восклицает: "Сей добрый меч, слуга царей московских" (XIV, 9); а также передают слова Отрепьева: "буду царем на Москве" (VI, 12—13). Басманову предлагается от имени самозванца "первый сан по нем в Московском царстве" (XXI, 4) — небезлюбопытно, что такая фраза вложена в уста Пушкина. Показательно представление о территории этого "царства", выраженное в словах царевича Федора, обращенных к отцу:

Чертеж земли московской: наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

(X, 18—22)

То есть "землей московской" Пушкину представлялась вся территория "царства" — и центральная, и окраинные земли, выделяемые в царском титуле так особые государственные образования.

Такого рода наблюдения, как и множество подобных о языке Пушкина, используют обычно для подтверждения общепринятого положения о необычайном богатстве словаря пушкинского языка, обилии словообразов, глубоком проникновении Пушкина в дух речи и прошлых времен. И это признается, естественно, одной из достойных высокой оценки черт богатой творческой природы Пушкина.

Не правомерно ли иметь подобный подход и к языку авторов XVI—XVII вв.? И, отметив очевидную близость языка "делового" и литературы той поры (это положение обосновано в трудах Д.С. Лихачева и других филологов), рассматривать многообразие терминов и неустойчивость норм словоупотребления политонимов как признак богатства древнерусского языка. М.В. Ломоносов

писал о "богатстве и сильной в изображениях краткости" нашего языка, восхищенно сравнивая его с другими языками, еще в середине XVIII в., т.е. до того, как сформировался талантом и усилиями Державина и Фонвизина, Карамзина, Крылова, Жуковского, Грибоедова и особенно, конечно, Пушкина язык великой русской классической литературы. Строгость формульных выражений, элементы жесткой систематики в употреблении терминов языка в государственно-политической сфере были привнесены позднее — в век рационализма, с взаимопроникновением корневых традиций (и языка, и обычаев общежития) и нормативов рецепции римского права в практику государственной и общественной жизни и в "деловой язык" и с распространением правил обязательной однозначной повторяемости, характерных для школьного обучения. В языке же жителей Российского (Московского) государства XVI—XVII вв. — языке и нарративных источников, и "деловом" — логическое и эмоциональное оставались еще нераздельны, не была еще закреплена осознанная терминосистема. Можно полагать, что немалое значение придавали метафоричности и воздействию "благозвучия" (тем паче, что тогда — при недостаточном распространении грамотности — текст в большей мере воспринимался на слух). Все это отражает ситуацию в письменности того времени, когда единого письменного литературного языка с упорядоченной системой норм еще не было.

Изучение такой проблематики — и более углубленное, и в более широком плане, в частности в контексте семиотики культуры, — задача специальных исследований на стыке наук (и не только истории и филологии и смежных с ними вспомогательных научных дисциплин), опирающихся, конечно, на значительно более обильную источниковую базу.

Пока же можно констатировать, что терминосочетание "Московское государство" широко распространено в языке XVI—XVII вв. Оно было самоназванием и всего государства, и части Российского государства и имело даже значение — управление Москвой. И это было характерной чертой времени, когда не определилась еще обязательность норм словоупотребления, в частности для политонимов.

М.Н. Тихомиров в монографии 1962 г. "Россия в XVI столетии" в подглавке с показательным заголовком "Российское, или Русское, государство", отмечая, что "мы вправе говорить одинаково как о Русском, так и о Российском государстве", пишет: «Существовало также третье название — "Московское государство". Оно употреблялось в официальных документах XVI в. Под этим названием, по преимуществу, знали Россию в западно-

европейских странах... термин "Московское государство" существовал в XVI—XVII вв., так как позже окончательно утверждается название "Россия" и даже производные от него — "росс" и "россиянин"». И далее приводит примеры обозначения термином "Московское государство" и России, и лишь части ее и сосуществования обоих терминов¹⁶⁸.

"Московское государство", — это термин определенной знаковой системы. Причем такой системы, которая не только отражала явления, но и формировала представление о них и о шкале общественных ценностей. Самоочевидно, что такое наименование государства определяло роль Москвы и в создании государства, и в современной жизни.

Московское великое княжество стало основой централизованного государства в России. Государем всея Руси сделался московский великий князь, и именно он объявил себя наследником земель всея Руси, т.е. государственной территории своих предков, ведущих происхождение от Владимира Мономаха. Московское великое княжество, а не его столица — Москва дало наименование централизуемому государству. Но само-то княжество получило название, конечно, от Москвы.

Для утверждения в массовом сознании наименования "Московское государство" ("Московское царство") имело значение, видимо, и то, что государь всея Руси после венчания на царство в 1547 г. именовался "царем и великим князем" в официальной документации (причем не только в делопроизводственной, но и в летописях). Он не только всегда оставался и "московским великим князем", но и ощущал себя таковым: Иван Грозный, разыгрывая спектакль передачи трона крещеному татарскому ханычу, объявил себя "князем московским"; "князем московским" именовал его, желая унижить, и нашедший приют в Польско-Литовском государстве беглый боярин князь Курбский^{6*}. А о событии 1613 г.

^{6*} В запечатленной А. Шлихтингом сцене "игры в царя" в 1567 г., когда Иван Грозный заставил заподозренного в измене конюшего боярина И.П. Федорова одеть "свои одеяния" и сесть на трон, царь обращается к несчастному издевательски именно как к великому князю московскому ("Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место; вот ты ныне великий князь..."). Допустимо предположить, что такое словоупотребление связано и с тем, что именно Федоров управлял Москвой в отсутствие государя: Шлихтинг называет его (причем дважды), "воеводой московским", которого царь "признавал более благоразумным среди других высших правителей всех и которого обычно даже оставлял вместо себя в городе Москве, всякий раз как ему приходилось отлучаться из-за военных действий"¹⁶⁹. "Московский воевода" на языке XVI—XVII вв., как отмечалось уже, управлял тем, что тоже называли "Московским государством".

писали, что Михаила Романова избрали "на царствующий град Москву и на все Российское царство".

Еще существеннее то, что герб Москвы, герб московский великих князей воспринимался и как герб России ("Московии") в XVI в. иностранцами и в определенной мере и в самой России; в конце XVII в., в Титулярнике 1672 г., определение "московский" дано изображению двуглавого орла; в 1699 г. на печати Петра I, на груди орла, эмблема Москвы. И Петр сделал объяснительную запись: "...ц. Иван Ва[сильевич], когда монархию, от деда его собранную, паки утвердил и короновался, а княжеский герб в груди одного поставил". И позднее, как утверждает Н.А. Соболева, "Георгий-Победоносец прежде всего воспринимался как часть герба Российской империи"¹⁷⁰.

Не следует упускать из виду и то, что в Москве, до переноса столицы в новопостроенный Санкт-Петербург, не было особого высшего управляющего, им считался сам царь и великий князь. Царь Иван наставлял сыновей в заветании "навыкать" к "московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу". А когда царь покидал столицу, "в обычае" было назначать кого-то из приближенных высокопоставленных лиц управлять ею, — и это тоже называлось управлять "Московским государством". Воздействовало на сознание и то, что именно Московский Кремль казался символом России и ее государственности. Облик замка, уникального по внешнему виду, резиденции государя и его правительства и одновременно первоиерарха, крепко запечатлевался.

Показателен титул патриарха — "Московский и всея Руси". Подобным образом титуловали и царя иностранные властители, в государствах которых была вера православного толка, — имперетинский царь в 1649 г. обращался к Алексею Михайловичу как к "великому царю Московскому и всеа Руси" и поклонялся "царствию великие Москвы и всеа Руси"¹⁷¹. Утверждение патриаршества в столице, имеющего международный авторитет суверенного государства, заметно укрепляло представление о Москве как о надежде, даже средоточии всемирного православия, его государственном центре.

Можно думать, что большее, чем прежде, распространение с конца XVI в. и в делопроизводстве, и в литературе словосочетаний "Московское государство" и особенно "Московское царство" связано и с учреждением в Москве патриаршества. Тем более что подготовка этой акции совпала по времени с попытками подчинить власти российского государя (или его наследника) Польско-Литовское государство, где православные, тоже называвшие себя русскими, были заметной частью населения (а для них владения

государя всея Руси — "Московское господарство"). Знаменательно, что именно тогда получают все большее распространение на территории и государя всея Руси, и среди православных Польско-Литовского государства представления о "Святой Руси" ("Свято-русская земля", "царство")¹⁷².

Москву с конца XV в. величают "Царственным градом", признают преемником "царствующих градов" предшествующего времени (недавно А.И. Филишкин попытался обобщить данные об объяснении в русской средневековой книжности перехода этого термина к Москве)¹⁷³. Москву уподобляют другим "великим городам" — Иерусалиму, Риму, Константинополю (напоминая и о том, что Москва столь же "седмохолмный город, как Царьград")¹⁷⁴, называют "Вторым Киевом" и соответственно "матерью городам российским".

Особое значение придают — и не только в публицистике (церковной и светской), но и в государственно-политических международных отношениях (что нашло отражение и в посольских книгах) — комплексу идей о происхождении московских государей от брата императора Августа ("Августа кесаря"). Это же — период возросшего внимания к комплексу представлений, относимых к доктрине Москва — Третий Рим, воплощающей в себе и политический и конфессиональный аспекты¹⁷⁵.

И в этой связи могло показаться знаменательным то, что в прошлом именно город Рим дал название и империи, и населению ее — "ромеям". Тем более что, как показала Н.В. Синецкая, смысл идеи "Третьего Рима" не ограничивается тем, что Москва становится им, главное — в наименовании государства, "царства нашего государя" "Ромейским царством". Ключевое понятие теории — "Ромейское царство", зародившееся при императоре Августе; и к России (т.е. "Московскому царству") переходят функции этого "неразрушимого", "недвижимого" царства¹⁷⁶.

Эти и другие предположения подобного рода нуждаются еще в проверке на прочность. Но вне сомнений то, что словоупотребления "Московское государство" и "Московское царство" для обозначения и всего "Российского государства" — показатель исключительного значения Москвы и в государственно-политической реальности, и в понимании историко-культурных традиций нашей страны в конце XV—XVII в.

Обычай употребления для наименования государства в целом по-прежнему также названия и его исторического ядра укоренен в Европе. Англию часто называют и в официальной документации, и в литературе (в том числе в научной), и тем более в просторечии Великобританией (официальное название государства Соеди-

ненное Королевство Великобритании и Северной Ирландии), Голландией — Нидерланды (Королевство Нидерландов). И даже в одностомном Большом энциклопедическом словаре (во втором, переработанном издании 1997 г.) отмечено в статье "Нидерланды"; "неофиц. назв. Голландия"; «иногда назв. "А[нглия]" употребляется для обозначения Великобритании в целом».

И понимание такой роли Москвы в России сохранялось и тогда, когда она стала на время — по определению Пушкина — "порфиносною вдовою": в Москве венчались на царство императоры, в Москве собралась Уложенная комиссия, возводились триумфальные арки в честь и память военных побед, основали первый широкого профиля университет. Карамзин в "Записке о московских достопамятностях", предназначенной прежде всего для лиц царской фамилии, счел необходимым написать в заключение: "...Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского... Кто был в Москве, знает Россию"¹⁷⁷. И видимо, не случайно избрали тогда именно Кремль местом рождения первенца великого князя Николая Павловича — будущего Александра II. На таком понимании места Москвы в истории России воспитывались читатели "Истории" Карамзина. Самое раннее из известных нам сочинений Л.Н. Толстого — написанное мальчиком о значении Кремля в истории. Общественное понимание этого ясно выразил драматург А.Н. Островский — автор драм не только о современной жизни, но и из истории России XVI—XVII вв.: "...через Москву вливается в Россию великорусская сила, которая через Москву создала государство Российское".

В представлении и наших соотечественников, и иностранцев в XVI—XVII вв. Россия и Москва, российская государственность и власть в Москве казались неотделимыми друг от друга. Москва представлялась олицетворением России. Это отразилось и в языке того времени, в политонимах, обозначающих наименование государства. И к тому имелись исторические основания.

Часть II

КУЛЬТУРА ПУБЛИЦИСТИКА

Заметки о языке посланий Ивана Грозного*

Произведения Ивана Грозного, в особенности послания, могут быть поставлены в один ряд с крупнейшими памятниками древней русской литературы, как справедливо отмечает В.П. Адрианова-Перетц, редактор первого собрания его избранных сочинений¹.

Задача статьи — установление некоторых особенностей лексики и стилистики посланий Ивана Грозного², а также возможных литературных и фольклорных воздействий на его сочинения. Без такого рода конкретных наблюдений немыслимо обобщение данных о Грозном-писателе.

Размышляя над особенностями развития русского литературного языка, А.С. Пушкин отмечал, что "простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей"³. Сблизжение это прослеживается примерно с XVI столетия. "Воссоздание языка" и "национальное пробуждение"⁴, сопутствовавшие сплочению национальных областей в единое Российское государство, способствовали освобождению литературного языка как от областнических тенденций, так и от излишней, чуждой народу церковно-славянщины. В литературный язык постепенно все более и более внедряются элементы разговорной речи, деловой письменности и устного народного творчества. Постепенно расширяется, обмирщается и тематика литературных произведений. Все эти новые явления отразились в посланиях Ивана Грозного.

Грозный решительнее и прежде других публицистов той поры нарушал литературные каноны. Выдающийся мастер русского языка писатель-академик А.Н. Толстой в 1934 г. в докладе на

* Впервые опубликовано в кн.: ТОДРЛ: Сб. к 70-летию В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 256—265.

Первом всесоюзном съезде советских писателей указывал, что в век, когда писатели пользовались еще "вымершими формами церковно-славянского языка" и "народная живая речь считалась подлой", именно "бешеный темперамент Ивана Грозного... прорывал эту окаменевшую ткань русской латыни"⁵.

В письменной речи Грозного скрещиваются книжные и обиходные средства языка. С рассуждениями о государственном благе и толкованиями библейских текстов соседствуют воспоминания о мелких личных обидах и бытовые подробности и наблюдения; и соответственно, тяжеловесная парадная церковно-славянщина смешивается с московским просторечием, формулами подьяческого делопроизводства и фольклорными эпитетами и метафорами.

Человек большого писательского дарования, Грозный столь же несдержан в своей литературной деятельности, как и на государственном поприще. Грозный полагал излишним литературное редактирование своих сочинений ("занеже слово мимошественно, а не поостоятельно" (С. 20)), а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки. Отсюда неряшливость формы, многочисленные повторы и отступления, растянутость изложения, естественность языка, полнокровность и многообразие лексики. Все эти черты заметно отличают послания Грозного от сочинений Курбского, изящных по форме, немногословных, тщательно продуманных, "яко обычеи искусным и ученым"⁶.

В посланиях Грозного преобладают еще церковно-славянские слова и грамматические формы⁷. Это обусловлено характером образования Грозного^{1*} и характером его общественного мировоззрения. В сочинениях Грозного широко использованы приемы церковной литературы; ссылки на дьявола как вдохновителя "злых" дел, аллегории, связанные с традиционной церковной символикой, и т.п. Иван Грозный, как было отмечено В.П. Адриановой-Перетц, блестяще владел библейским стилем⁹.

Церковно-обрядовая лексика занимает большое место среди книжных слов, встречающихся в сочинениях Грозного. Обращает внимание обилие существительных, в том числе синонимов¹⁰, с суффиксами "-ние", "-ость", "-ство", имеющими значение отвлеченности. С традициями церковной литературы связаны в большей мере и синонимика тождественных понятий, и пристрастие к придуманным сложным словам, в частности к сочетаниям с "благо", "зло"¹¹.

^{1*} Курбский особо отмечает познания Ивана IV в "священных писаниях": "ведуше ты священного писания искуснаго", "ведаю ты во священнных писаниях искусна"⁸.

Иван Грозный неизменно цитирует "священные книги". Однако он отступает от общепринятых приемов цитирования "строками" или "стихами". У Грозного, как с негодованием и чувством превосходства отмечает Курбский, "ото многих священных словес хватано... зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами и паремьями и посланьми"¹².

Значительным было воздействие на Грозного-писателя проповеднической литературы. Он постоянно, как и его противник Курбский, употреблял риторические вопросы, сопровождаемые восклицаниями и повторами.

В публицистическую литературу XVI в. настойчиво проникают элементы деловой письменности. В творчестве Ивана Грозного это отразилось и на словарном составе его посланий, и на их форме (последовательности изложения).

Имеются прямые указания на хорошее знакомство Грозного с документальными материалами Царского архива, являвшегося в середине XVI в. архивом Боярской думы. Грозный не раз посещал архив, причем как раз в годы написания изучаемых посланий. Некоторые документы пересылались в его личный архив, в Александровскую слободу¹³. Грозный принимал деятельное участие в составлении многих документов внутренней и особенно внешней политики. На использовании памятников деловой письменности в значительной степени было основано и официальное летописание¹⁴. Языковые нормы деловой письменности, ее типические обороты чутко воспринимаются и повторяются Грозным, составляя неотъемлемую черту его лексики. Именно знание приказного делопроизводства позволило Грозному с таким совершенством воспроизводить, а иногда и вышучивать форму и язык различных деловых документов. В этом отношении особенно интересна челобитная Семиону Бекбулатовичу со стандартными выражениями, вроде "памятьми ссылатися", "полные имати", "к тебе, ко государю, имяна их списки принесем", "и ты б, государь, милость показал", "государь, смилуйся, пожалуй" (С. 195—196). Любопытны и пародии на традиционную форму дипломатических грамот (С. 586, примеч. 8; С. 681, примеч. 5, и др.)

Встречается в сочинениях Грозного и местническая терминология: "Много же не в Тимохину версту обрящеши", — писал он в первом послании Курбскому (С. 16); "И сами Прозоровские каковы пред нами? Ино то уж мы в ногу не судим?.. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился?", — возмущенно спрашивал Грозный во втором послании Курбскому (С. 209, 210).

Известная формула Грозного о правах русских государей,

которые "вольны были подовластных жаловати и казнити" (С. 44), близка к формулировке посольских книг. Так, в Польской посольской книге 1562—1563 гг. читаем сходные слова: "Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати"¹⁵.

Из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма. В начале обычно излагалось содержание документа или части документа, на который составлялся ответ или по которому принималось решение. Изложение должно было быть кратким, по возможности близким к тексту, иногда дословно близким.

Порядок расположения материала в документе (в том числе замечаний или обвинений) определял и последовательность ответов. Именно так составлены и ответные послания Грозного. Особенно ярко прослеживаются характерная последовательность изложения и почти дословные повторения, цитирование текста, в пространном Первом послании Курбскому¹⁶. Так, в ответ на обвинение Курбского: "аще и тьмами хвалишася в гордости своей"¹⁷, Грозный, подхватив эти слова, выдвинул контробвинение и, варьируя, настойчиво повторял его: "гордостию дмяся хвалишися" (С. 46), "безумием дмяся хвалишися" (С. 47), "гордостию дмяся выше меры" (С. 62). Во Втором послании Курбскому Грозный снова возвращается к сходной фразе: "написах... не гордяся, не дмяся" (С. 211)¹⁹. Обычаем повторения в ответных документах отдельных слов или даже выражений адресата можно объяснить и наличие в некоторых сочинениях Грозного иностранных слов, в частности, наличие полонизмов и западно-русизмов в посланиях в Польско-Литовское государство, особенно в послании Стефану Баторию. Это заметно даже в бранно-презрительной лексике посланий: "зрада" (С. 218, 246), "зрадцы" (С. 213, 218, 221, 246, 262), "зрадити" (С. 275), "зрадный" (С. 262), "лотры" (С. 237, 242, 264), "лотровский" (С. 255, 264, 274), "школа" (С. 206, 214, 237) и др.²⁰

Такое приспособление речи к языку и пониманию адресата характерно для современных Грозному посольских документов. Оно отразилось даже в передаче царского титула. Так, в грамоте крымскому хану, отправленной в декабре 1562 г., Иван Грозный титулуется "царем и великим князем всеа Руси, Московским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Немецким и иных великие Орды"²¹.

Употребление иностранных слов вместо тождественных русских характерно также для современных Грозному посольских документов. Русские послы в Польше, например, пользуются таким

смешанным языком, рассказывая о жизни бежавших туда русских служилых людей: "А ныне его все израдцоу и лотром и чают на него от короля опалы не вдолге, Курбский завалчился с ляхи в межах, и ляхи его все не любят, а зовут что полская рада вся его не любит". В этом отношении интересны и тюркизмы в послании Василия Грязного Ивану IV: "кадамы", "нолны", "толмачить"²².

У Грозного, как и у Пересветова, деловая и художественная проза сливаются²³. Элементы деловой речи, так же, как и полонизмы, употреблялись Грозным для придания речи большей выразительности, расширяя художественные средства публицистической литературы.

Многосторонне представлена в посланиях Грозного обиходная разговорная речь, обнаруживаемая и в бытовом словаре, и в самом синтаксическом строе речи²⁴.

"Разговорные речи" (С. 215) сближают писателя с его корреспондентом Васюшкой Грязным. В посланиях обоих — близкие обиходные выражения, сходные грамматические обороты, мало употребительные в письменных памятниках. Те же черты свойственны и посланию в Кирилло-Белозерской монастырь²⁵ против "пагубного монастырского бесчиния" (С. 177), и даже дипломатической переписке. Здесь Грозный-писатель выступает новатором; консерваторы-церковники утверждали, что книжные речи "народными обещеживаются".

Иван Грозный смело и непосредственно смешивает в своих сочинениях высокий стиль с его церковно-славянизмами и книжными грамматическими конструкциями с обыденным московским просторечием.

Обмирщение публицистики выражалось в посланиях Грозного не только в области языка, но и в тематике сочинений. Грозный позволял себе в одних и тех же сочинениях писать и о важных вещах, и о мелких бытовых подробностях. Это наблюдается в посланиях Курбскому, рассчитанных на зарубежного читателя. И Курбский поэтому в ответ стыдит Грозного и за вторжение мелочных воспоминаний, бытовых подробностей и ругательств в его политическую публицистику ("туто же..."), и за выражение мыслей "варварским языком", языком простых людей, называя его писание "баснями неистовых баб" ("еж не токмо цареви... но и простому воину сие было недостойно")^{26*}.

^{26*} "Тут же о постелях, о телогреях, и иные безчисленные, воистину якобы неистовых баб, басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым детем со удивлением и смехом... не достоин мужем рыцарским свариться, аки рабом", — читаем в "кратком" ответе на Первое послание Грозного²⁶. "А еще пишеш о Курлятове, о Прозоровских и о Ситцких, и не вем о яких

В "Очерках поэтического стиля Древней Руси" В.П. Адриановой-Перетц показано, как широко и своеобразно использовал Иван IV в своем литературном творчестве наряду с библейскими образами устную народную поэзию и образность живого языка: характерное для фольклора уподобление жестокости, злобы и коварства качествам полусказочных зверей, метафорическое противоположение тьмы и света как отрицательных и положительных явлений, употребление слова "собака" в иносказательном смысле "изменник" и т.д.²⁸

Языку Грозного свойственны черты, сближающие его с языком Даниила Заточника: "На зайцев потребно множество псов, на враги ж множество вой" (С. 31); "Ведь дать волю царю ино и псарю, дать слабость вельможе, ино и простому" (С. 173)^{3*}.

Сохранились свидетельства об участии Ивана Грозного в народных обрядовых игрищах, о любви его к народным сказкам и песням, о бытовании фольклорных жанров при его дворе.

По-видимому, под "излишними играми презлых сверстников", о которых Курбскому было писать "срамно"³⁰, можно понимать народные игрища полуязыческого происхождения. В "Пискаревском летописце" так описываются "потехи" юноши Ивана IV, находившегося с войском близ Коломны: "И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иные потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался"³². Тот же летописец расширяет и наши представления о "пирах частых со многими пьянствы", описанных Курбским³³. Опившиеся гости на таких пирах глумились "всяким глумлением: ...овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собаки звати, и всякие срамные слова глаголати"³⁴.

Быть может, под воздействием народных театральных представлений и религиозных празднеств у Грозного и выработалась характерная для него склонность к театральным эффектам. Так, во время новгородского погрома архиепископа издевательски посадили на кобылу, дав ему в одну руку гусли, а в другую дурацкую палку³⁵. Принимая после набега крымцев на Москву представителей крымского хана, присланных "по выход", Иван IV нарядился в сермягу, бусырь и баранью шубу и в таком одеянии

узорочьях, и за упокой, припоминаючи и Кроновы и Афродитовы дела и стрелецких жен, аки бы нечто смеху достойно и пьяных баб басни...", "не достоин нам воинном, яко рабом сваритися", — отвечает Курбский во Втором послании²⁷.

^{3*} Быть может, не без непосредственного воздействия сочинения Даниила Заточника в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь появились слова: "Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет?" (С. 179). Ср.: "...такое же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени"²⁹.

отвечал послам: "Видишь де меня в чем я? Так де меня царь (т.е. крымский хан. — С.Ш.) зделал? Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю"³⁶. В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя со двором из Москвы накануне учреждения опричнины. Иван IV и сам, видимо (во всяком случае, в молодые годы), поддавался несколько театрализованному воздействию, чем и воспользовался Сильвестр³⁷ в июне 1547" г.^{4*}, припугнув юношу-царя "детскими страшилы"³⁸.

В годы опричнины три слепца ежевечерне рассказывали Грозному перед сном "старинные истории, сказки и фантазии за одной другую"³⁹. По преданию, когда Иван Грозный хотел повеселиться, он приказывал петь песни, сложенные о завоевании Казани и Астрахани⁴⁰.

Таким образом, воздействие фольклора на Ивана IV было постоянным и непосредственным.

Характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике, в которой постоянно смешение церковно-славянизмов, придуманных сложных слов, слов с суффиксами "-ние", "-ость", "-ство", имеющим значение отвлеченности, с московским просторечием. Здесь особенно ощутимы новаторство Грозного в области языкотворчества, многообразие его лексических средств, эмоциональная насыщенность его речи.

В посланиях, особенно написанных в ответ на "лай" противников, Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. "Ядовитые словесы" со "многую яростию и лютоостию" как бы наслаиваются одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более "кусательного" смысла (выражение Курбского)⁴¹. Показательно в этом отношении окончание Первого послания Курбскому. Оставляя, по существу, без ответа одно из обвинений Курбского, Грозный, распаляясь, подменяет ответ руганью^{5*}: "От Кроновых де жерцех еже подобно псу лая или яд ехидны отрыгая, сие неподобно писал еси... сия убо вся злобесным своим умышлением, писал еси" (С. 62). Следующие затем листы послания буквально испещрены "нечистыми и кусательными глаголами"⁴³: называя город Вольмер вотчиной короля, Курбский "свою злобесную собацкую измену до

^{4*} Заклинания Сильвестра на фоне "зельнейшего московского пожара" в дни массового восстания "черных людей", убивших главу правительства — родного дядю царя князя Ю.В. Глинского и угрожавших самому царю, должны были произвести на юношу Ивана IV устрашающее впечатление. Менее, чем через четыре года он вспоминал: "и отсега бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя".

^{5*} Курбский, особо стыдя Грозного за его "варварскую" речь, писал: "то есть неподобных людей и лотров обычай, что язык свой на укоризну обращати"⁴².

конца совершает"; государя он нашел "по своему злобесному собацкому хотению", и послание его от беса ("по своему злобесному изменному собацкому хотению и умышлению, иступив ума неистовся, бесному подобясь, колебляся, писал еси"). Такое неистовство брани типично для литературного стиля Грозного, а возможно, и для его устной речи. Не случайно подобный лексикон имел место в период жизни Грозного, который Маркс метко и правдиво назвал "периодом сумасбродств"⁴⁴.

Для бранно-презрительной лексики Грозного характерны слова "бес", "зло", "собака", встречающиеся в различных сочетаниях. Слова эти часто употребляются Грозным вместе, давая сложные словообразования.

Грозный употребляет и существительное "бес", "бесы" (С. 10, 61, 208), и глагольные формы "бесящися" (С. 32), "возбеснев" (С. 268, 270), и прилагательные "бесный" (С. 16, 63), "бесов сын" (С. 175), "бешеный" ("бешеная собака" — С. 247, 273). Часто встречается прилагательное "бесовский" (-ая, -ое, -ие) в сочетании со словами: "держава" (С. 30, 271), "тьма" (С. 268), "обычай" (С. 10, 14), "коварство" (С. 270), "злохитрие" (С. 62), "хотение" (С. 43), "козни" (С. 269), "служители" (С. 19), "слухи" (С. 11). Интересны и такие определения, как "бесоизвыкшие друзья" (С. 10), "бесосоставная грамота" (С. 270), "бесоподобная гордость" (С. 270), "бесослужительный разум" (С. 270).

Слово "бес" привлекается Грозным обычно для характеристики "государевых изменников". В таком же смысле оно было употребительно и в официальных дипломатических документах. Например, в "памяти" посланнику в Пользу от февраля 1569 г. указывалось — в случае, если Курбский "или иной которой государев изменник" начнет разговор, отвечать: "А вы своею изменою сколько ни лукавствуйте бесовским обычаем..."⁴⁵

Еще чаще встречаются в сочинениях Грозного прилагательное "злой": "злая воля", "злые деяния", "злая ненависть", "злые советники", "злой совет" — "избранная рада" (С. 40, 38) и т.п., а также сложные слова с существительным "зло": "злодеяние" (С. 15, 20), "злодейство" (С. 11, 163, 178), "злокозньство" (С. 176), "зло-советие" (С. 48), "злоумие" (С. 54), "злохитрие" (С. 43), "злохитрство" (С. 167), "злочестие" (С. 15), "злодейственный" (С. 12, 20, 22), "зловерный" (С. 29), "злокозненный" (С. 192), "злолукавый" (С. 14—16, 19, 270), "злотворящие" (С. 19), "злочестив" (С. 38) и др. Подобные словообразования — типичная черта многих выдающихся древнерусских писателей, ощущавших потребность во внешне новом и в то же время стоявших на путях церковно-книжной традиции⁴⁶.

Излюбленный прием Грозного — использование сложных прилагательных, состоящих из слов "зло" и "бес": "злобесный" в сочетании со следующими существительными: "единомышленник" (С. 16), "измена" (С. 62), "изменник" (С. 59), "обычай" (С. 17, 19, 20), "разум" (С. 20, 29, 56, 60), "пес" (С. 175), "восстание" (С. 18), "умышление" (С. 11, 15, 54, 61, 63), "хотение" (С. 62), "претыкания" (С. 49), "злобесовный обычай" (С. 271), "злобесовский" со словами "кознь" (С. 272), "козни" (С. 268, 272), "советники" (С. 14).

Многократно употребляются Грозным и слово "собака"⁴⁷, и различные словообразования, с ним связанные. Слова эти, как правило, употреблены в переносном смысле по отношению к противникам Грозного и имеют резко отрицательную эмоциональную направленность.

"Собака" — обычное обращение Грозного к Курбскому (С. 16, 31, 32 — "бешеная собака", 35, 36 и др.). "Собаки" и изменники князь С. Ростовский (С. 40), и руководитель правительства "Избранной рады" А.Ф. Адашев (С. 36, 41), гетман Гр. Хоткевич — "бешеная собака" (С. 247, 473), "Избранная рада" — "собацкая власть" (С. 48) и т.д.

Слово "собака" прочно связывается в сознании и языке Грозного с понятием об измене, в нередко и со словом "измена": "собака изменник князь Семен Ростовской" (С. 40), "измены собаки Олексея Адашева" (С. 41); изменники — это "собацкие люди" (С. 269, 271); уста изменника — "собацкой рот" (С. 276). Иногда оба слова употребляются вместе: "собацкая измена" (С. 62, 136), "собацкое изменное хотение и умышление" (С. 63), "собацкой изменный обычай" (С. 13, 29), но чаще Грозный ограничивается употреблением в иносказательном смысле одного лишь слова "собака" ("собацкий"): "собацкий обычай" (С. 276), "ино таких собак везде казнят" (С. 31) и т.п.

Слово "собака" в значении "изменник" было в то время употребительно и в просторечии, и в делопроизводительных документах. Так называет изменника Кудеяра Василий Грязной⁴⁸. В этом же смысле слово "собака" встречается и в посольских наказах. На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: "Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собацки и пропадет"⁴⁹. Сходная формулировка и в наказе другому послу, обязанному об измене Дмитрия Вишневецкого "молвити": "притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же"⁵⁰. Распространены были, следовательно, особые выражения: "притечь собакою", "потечь собакою". Это отразилось и на употреблении соответствующих глаголов: в

посольском отчете 1571 г. об изменнике князе Михаиле Ноготкове-Оболенском написано: "а ныне вести про него нет, жив ли будет или здох"⁵¹. Подобные выражения, очевидно, и входили в представление о "лае", когда посланнику в Польше (1569) откровенно наказывалось: изменнику, "излаяв, да плюнути в глаза"⁵².

Слово "собака" в значении "изменник"^{6*} перешло в литературу из устного эпоса⁵⁴, в словаре И.И. Срезневского оно в таком переносном смысле не отмечено, и возможно, что его распространение в литературе и делопроизводстве связано с Грозным (воздействие языка Грозного на язык посольских книг несомненно).

Значительно дальше от просторечия и фольклора "слово "пес" в иносказательном смысле "дурной человек", встречающееся и в литературных памятниках предшествовавшего времени"⁵⁵. Слово это, по-видимому, не имело столь распространенного иносказательного значения и для придания желанного смысла употреблялось чаще вместе с эмоционально-бранным эпитетом. Грозный употребляет его и без эпитета в смысле злостного лжеца: "подобно псу лая" (С. 61), "яко же псу нелепая глаголаше" (С. 62), и с эпитетами: Курбского называет "псом смердящим злобесным изменником" (С. 59), Василия Собакина — "злобесным псом" (С. 175), и даже самого себя — уничижительно и покаянно "смердящим псом" (С. 162). В таком же смысле и также с эпитетом употребляет слово "пес" и Курбский в "Истории о великом князе московском", называя крымского хана Девлет-Гирея "псом бусурманским"⁵⁶.

Того же Девлет-Гирея Курбский называет и "бусурманским волком"⁵⁷. В древней русской литературе было распространено уподобление жестокости и жадности человека свойствам волка⁵⁸. Этим же образом пользовался и Грозный^{7*}, характеризуя Сильвестра^{59, 60}. Близость лексики Грозного и Курбского прослеживается и на употреблении обоими писателями слова "ехидна". Качествам ехидны уподобляется в их представлении жестокость, злоба, коварство. Это, по мнению Грозного, свойства враждебных ему бояр и Курбского⁵⁶. В свою очередь Курбский⁶² называет советников царя, осудивших Адашева и Сильвестра, "лукавыми, презлыми, ехитниными отротами"^{8*}.

^{6*} В таком переносном смысле слово "собака" дожило до наших дней: "собаке — собачья смерть"⁵³.

^{7*} В этом же смысле употреблено слово "волки" в Никоновской летописи, в известном Приговоре об отмене кормлений 1555 г.⁵⁹

^{8*} Воздействие сходных литературных источников сказывается, например, и на характерном употреблении слова "трость". В "Кратком отвещании" на Первое послание царя Курбский писал: "держаж руку со тростию"⁶³; во Втором послании Грозного Курбскому, написанном до получения этого ответа, тоже читаем сходные выражения: "сего ради трость наша наострися к тебе писати"⁶⁴.

Близость образной лексики Грозного и Курбского заметна, однако, только при использовании литературных традиций. На стиль Курбского просторечие, устный эпос, так же, как и деловая речь, оказали значительно меньшее воздействие. Курбский считал их "варварскими".

Иван Грозный отличался редким чутьем языка, и литературный стиль его и словарь во многом зависели от адресата и характера составляемого послания: так, в первой части Послания в Кирилло-Белозерский монастырь и в краткой редакции Первого послания Курбскому особенно много церковно-славянских слов, в письме к Грязному — обилие простонародных выражений, а в посланиях в Польшу постоянно встречаются полонизмы и слова, более всего употребительные в западных областях Российского государства. Знаток приказного делопроизводства, Грозный великолепно умел подражать формам различных документов, восприняв элементы художественности, имевшиеся в деловой письменности.

Таким образом, в языке посланий Грозного наблюдается и проникновение в литературный язык, в основе еще церковно-славянский, элементов просторечия, живой разговорной речи и деловой письменности, и воздействие устного народного творчества, и иноязычные влияния, и наконец, воздействие лучших образцов древней русской литературы, стилистическая близость с которыми несомненна^{9*}. Творчество Ивана Грозного имело большое значение в процессе развития русского литературного языка той поры.

^{9*} Грозный знал памятники древнерусской литературы. При исключительной памяти и начетнической практике изучения Грозный многое помнил наизусть и невольно, быть может, воспроизводил в своих сочинениях. Грозный хорошо знал летописи, по словам Курбского, "добре веси от летописцов Руских"⁶⁵. Официальные летописи хранились в его личном архиве — "Государевой казне" — и в хорошо ему знакомом Царском архиве. Грозный не раз ссылался на летописные тексты: в разговоре с боярами в Александровской слободе в момент учреждения опричнины⁶⁶, в послании шведскому королю Иоганну III⁶⁷ и т.д. Предполагается даже его участие в редактировании лицевых сводов.

В кругу приближенных молодого царя — "Избранной раде" — интересовались вопросами литературы. Непосредственно для Ивана IV предназначались некоторые публицистические сочинения; среди них особо выделяются сочинения Пересветова. По предположению М.А. Соколовой, с этой целью Сильвестром было написано особое предисловие к "Домострою"⁶⁸. Послание к юноше Ивану IV составил Максим Грек. Слияние текста послания чувствуется в словах Грозного о приближении А.Ф. Адашева в Первом послании Курбскому: "такو взяв его от гноища и учиних с вельможами"⁶⁹. В послании Максима Грека читаем о власти бога: "от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими"⁷⁰.

"Сказание о взятии Астрахани" **в летописной традиции** **XVII — начала XVIII веков***

Давно уж установлено, что в так называемой "летописный период" отечественной историографии наряду с пространными летописями распространены были и очень близкие к ним по содержанию и по форме повести и сказания об отдельных значительных исторических событиях. Подобные сказания составлялись и до написания основного текста пространной летописи, и потом уже включались в этот текст в виде особой главы^{1*}, и после написания пространного текста, и на основе одной из его частей.

Некоторые из летописных сказаний сравнительно широко распространялись, получили самостоятельное название и воспринимались переписчиками и читателями уже вне связи с текстом пространной летописи. Длительную литературную жизнь имели обычно сказания, посвященные событиям, продолжавшим привлекать внимание потомков.

На протяжении веков и даже десятилетий летописные сказания постепенно поновлялись. Эти поновления — сокращения, дополнения, замены слов, отдельных выражений и фраз и другие изменения (собственно исторические и филологические) — особенно интересны для источниковеда. Они помогают ознакомлению с кругом исторических сведений, общественными воззрениями, языковой культурой любителей исторической письменности. Изучение таких текстуальных изменений облегчает понимание вкусов и знаний любителей исторической литературы. По рукописям летописных сказаний о событиях XVI в. можно конкретно проследить историографическую традицию XVI—XVIII вв.

Одновременно наблюдения такого рода имеют немалое значение для исследователей летописания, старающихся восстановить по позднейшим спискам первоначальный летописный текст. Это

* Впервые опубликовано в кн.: Вопросы источниковедения истории СССР // ТМГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 393—398.

^{1*} Некоторые повести и сказания, вошедшие в состав Никоновской летописи (XVI в.), отмечены во введении к XIII тому ПСРЛ (СПб., 1904).

как бы вводит в методику работы составителей и переписчиков летописей.

Одно из летописных сказаний, восходящих к тексту официальной летописи XVI в. — "Сказание о взятии Астрахани". Оно известно в списках XVII—XVIII вв. О нем упоминает В.С. Иконников¹. Рукописными сказаниями о взятии Астрахани пользовался П. Хлебников². Изучение всех списков "Сказания о взятии Астрахани", сличение их между собой и объяснение особенностей и разночтений, рассмотрение состава сборников, включающих "Сказание", — тема специального исследования. В настоящем небольшом сообщении автор ограничивается предварительного характера соображениями лишь о двух из известных ему списков Сказания.

Первая рукопись, любезно указанная автору академиком М.Н. Тихомировым, хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея — собрание Барсова, № 1841 (далее: Б). Рукопись в четверку, написанная скорописью второй половины XVII в., на 14 листах. Водяные знаки — голова шута, встречающаяся, по Н.П. Лихачеву, в русских рукописях, начиная с 1676 г. Последний лист поврежден. По-видимому, отсутствует и один из средних листов. Название "Сказание о взятии Астрахани при государе царе и великом князе Иоанне Васильевиче в лето 7059 году" переписчик дал на основании первой фразы рукописного текста: "В лето 7059 году приходил" к Ивану IV посол от Ямгурчи. Пространное название-оглавление читается так: "Сказание о приходе к великому Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси самодержавцу ис Астрахани к Москве от Енгурчя от царя Нагаи от Исмаила мурзы послов; и к ним о послах великого государя; и послании царя Дербыша касимовского и воевод великого государя для взятия Астрахани князь Юрья Ивановича сына Пронского Шемякина с товарищи; и о взятии Астрахани" (Б. Л. 1).

Перед нами, несомненно, не первый экземпляр Сказания, а поздний список. При сличении его содержания и последовательности изложения событий с летописью (ПСРЛ. Т. XIII. С. 242) заметно, что переписчик пропустил большой кусок текста, механически соединив начало и конец предложений, разделенных многими фразами.

Вторая рукопись находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, в собрании Г.М. Прянишникова, Ф. 242, № 150 (Далее: П), в сборнике разнообразного содержания на Л. 314—326. Это — рукопись начала XVIII в.³ Пространное название Сказания: "Сказание о

приходе к великому государю царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея России самодержцу из Астрахани к Москве от Ямгурчей царя из Ногай от Исмаилы мурзы послов; и к ним о послех великого государя; и о послании Дербыш-Алея царя касимовского; и с ним воевод великого государя для взятия Астрахани князь Юрья Ивановича Пронского Шемякина с товарищи; и о взятии Тмутарокани, яко тогда тако именовашеся Астрахань" (П. Л. 314).

Тексты обеих рукописей близки между собой и, возможно, даже восходят к общему протографу. В изложении событий Сказание сходно в основном с официальной летописью (опубликованные тексты Никоновской и Львовской летописей в этой части почти тождественны); есть много и дословных совпадений. Однако в целом это — не простое соединение летописных отрывов, описывающих русско-астраханские отношения от времени посольства, отправленного ханом Ямгурчи в 1551 г., и до посажения на Астраханский юрт "служилого" царя Дервиш-Али, а пересказ содержания летописного текста, отличающийся от него и последовательностью изложения событий, и в деталях (имеются и пропуски, и добавления).

В Сказании события излагаются в иной последовательности, чем в летописи. В летописи повествование об Астраханском взятии начинается с приезда в Москву сеунчника князя Барбашина (ПСРЛ. Т. XIII. С. 214), и летописный текст является как бы изложением его рассказа о предшествовавших событиях. В Сказании сначала излагаются события Астраханской войны, и приезд сеунчника Барбашина к царю Ивану завершает повествование. Это позволяет предполагать, что протографом Сказания мог быть и первоначальный вариант официального летописного текста (так называемые летописные заготовки).

Составители или переписчики сокращали отдельные слова, фразы и даже большие куски летописного текста, казавшиеся им неинтересными, трафаретными или непонятными, заменяли некоторые слова и выражения более доступными читателям XVII—XVIII вв., комментировали текст, внося при этом иногда отличный от первоначального политический привкус.

Сказание написано лаконичным, деловым языком. Опущены некоторые выражения, типичные для официальной летописи: например, "божним милосердием, а царевым государевым счастьем" (Б. Л. 10; П.Л. 321 об. — ср. ПСРЛ. Т. XIII. С. 243). В то же время отдельные слова заменяются другими, схожими по смыслу — например, слова "бежать", "убегать" словом "утекать" ("а Ямгурчей царь утек" — Б.Л. 10; П.Л. 320 об.), выражение "цариц

поимали" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 243) — выражением "цариц побрали" (Б.Л. 10а) и т.п.

Составителю чужды философско-исторические обобщения, характерные для летописи. Так, в рукописи Б. при изложении речи Ивана IV к боярам с обоснованием прав на Астрахань историческая справка сравнительно с летописным текстом значительно сокращена: овладение татарами Астраханью объясняется только одной причиной — "грех ради православных" (Л. 5 об.), опущено интересное указание на междоусобные войны русских князей, ослабившие страну (ср. ПСРЛ. Т. XIII. С. 236); лаконично написано о Тмутаракани: "Ту Азсторохань тогда именовалась Тмутаракань" (Л. 5).

В Сказании сравнительно с летописным текстом обнаруживаются разночтения и дополнения в исторических деталях. В Сказании отмечено, что хан Ямгурчи, "изменив", ограбил князя Ишима и посла Ивана IV (Б.Л. 2—2 об.); в летописи не упоминается об ограблении Ишима. По летописи, воеводы, оставив большие суда, "сами пошли наспех к городу Азсторохани" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 241); в Сказании разъясняется, что они пошли "на малых судах" (Б. Л. 8 об.) В Сказании воевода И.М. Вешнякова назван постельничим (Б. Л. 10); в 1550-е годы он действительно имел этот чин. По летописи, 29 июня 1554 г. к Переволоке пришли князь А. Вяземский и А. Чулков (ПСРЛ. Т. XIII. С. 241); в Сказании добавлены "атаманы казаков Федор Павлов с товарищи" (Б. Л. 8 об.; П.Л. 317). Добавление подобных подробностей (а число примеров нетрудно увеличить) свидетельствует о том, что переписчик (или даже составитель) Сказания пользовался сведениями, почерпнутыми не только из официальной летописи, но, возможно, даже и из устных преданий.

В то же время переписчик допускал и фактические ошибки, искажал, в частности, имена — например, Петра Тургенева называл Дурневым (П.Л. 324 об. — 325), двух лиц объединял в одно лицо — например, служилый татарин Янбулат и человек Дервиша-Али Айдеяр превращены в "Дербыш-Алеева человека посланника служилого татарина Булатка" (Б.Л. 9 об.; П.Л. 320).

Особо следует остановиться на отличиях в тексте, носящих характер, так сказать, дополнительного комментария для читателя XVII в. Переписчики, обращаясь к прошлому, старались приблизить его к своему пониманию. Так, Дервиш-Али везде назван "касимовским царем", хотя он был "царем звенигородским", позже калужским, а касимовским оставался Шах-Али. Для человека XVII в. "служилым царем" мог быть только касимовский царь. Указание на пожалование татарским царям (ханам и

ханычам) других уделов, помимо Касимовского (Звенигород, Юрьев, Калуга, Кашира и т.д.) было непонятно исторически недостаточно осведомленному читателю или даже самому составителю.

При упоминании "митрополичьего слуги" в Сказании имеется приписка "попов сын" (Б.Л. 10), хотя в XVI в. эту должность занимали обычно дворяне, иногда даже знатного происхождения. В то же время крещеный татарин Сююндюк Тулусупов назван "дьяком" (Б.Л. 3 об.) Цифра денежной дани, которую должны были платить астраханцы русскому царю, переведена на рубли: вместо 40 000 алтын — как в летописи (ПСРЛ. Т. XIII. С. 244), в Сказании — "1200 рублей денег" (Б.Л. 12) или "1000 рублей денег" (П.Л. 323). В летописи читаем: митрополит "с собором" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 241), в Сказании добавлено — "с освященным собором" (Б.Л. 14). В летописи в описании отпуска воевод под Астрахань читаем, что сопровождали их "дворяне царского двора, и дети боярские из розных городов выбором, да стрелцов и казаков" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 236); в Сказании прибавлено — "и всяких чинов люди" (Б.Л. 9).

В Сказании обнаруживаем выражения, характерные для делопроизводственного языка XVII в. Например, в летописи: "И те им языки про Ямгурчия царя сказывали то же" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 241), в Сказании: "и те в роспросе те же речи, что первые языки говорили" (П.Л. 318); в другом месте также добавлено о речи языков: "про царя Ямгурчея ведомости не сказали" (Б.Л. 10а; П.Л. 319). В летописи: "множество бояр у царя" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 241); в Сказании: "бояре и весь синклит его царской" (П.Л. 325 об.). В летописи: "выбрав головы, да ко князю Александру Вяземскому прибавили" воевод (ПСРЛ. Т. XIII. С. 242); в Сказании: "...и послали в прибавку ко князю Александру Вяземскому" (П.Л. 319) и т.д. Встречаются и такие любопытные замены: в летописи — "астраханским ловцем с ними же ловить (рыбу) без обиды" (ПСРЛ. Т. XIII. С. 245), в Сказании — "а астраханскими ловцы ловить в правде без кривды" (Б.Л. 12 об.) Мимо подобных поновлений текста не может пройти историк русского языка. Они интересны и для познания общественных представлений людей XVII в.

Можно предполагать, что "Сказание о взятии Астрахани" бытовало преимущественно в казачьей среде. Сведения о казаках (особенно о военных действиях казаков) не только не сокращаются в Сказании сравнительно с летописным текстом, а, напротив, всячески выпячиваются. Упоминаемый в летописи атаман Федька Павлов в Сказании именуется обычно Федором Павловым или

даже специально называется "казацким атаманом" (Б.Л. 10а; П.Л. 321), в то время как фамилия известного царского дипломата Петра Тургенева передана неправильно. В рукописных сборниках Сказание встречается иногда вместе с Сибирской историей и со Сказанием о взятии Астрахани Ст. Разиным, также прославляющими подвиги казаков.

Распространение рукописей "Сказания о взятии Астрахани" свидетельствует о значительном интересе к истории освоения русскими людьми Нижнего Поволжья в середине XVI в. у современников массовых восстаний в Астрахани и русско-турецких войн конца XVII — начала XVIII в.

"Слово о Дариане-царе" **в рукописной книге XVI века***

Слово, или повесть, о Дариане, гордом царе, уподобившем себя богу, давно уже известно филологам и литературоведам. Памятник опубликован в таком распространенном издании, как "Русская хрестоматия" Ф.И. Буслаева. Издания и рукописные тексты повести указаны в сводных библиографиях древнерусской повести В.П. Адриановой-Перетц и В.Ф. Покровской и А.И. Назаревского¹. (В обоих библиографических трудах не отмечена публикация повести в третьем выпуске "Памятников старинной русской литературы"².) Содержание повести подробно изложено в первом томе "Истории русской литературы", издаваемой Академией наук СССР. Повесть, по мнению автора этого параграфа М.А. Яковлева, "направлена против царского высокомерия"³. Повесть признается переводом с греческого оригинала, сделанным, вероятно, в XI—XII вв. Греческий подлинник этого сочинения до нас не дошел^{1*}. Древнейший русский список — XV в. Однако в трудах историков, даже историков общественной мысли, повесть о Дариане до сих пор остается обойденной.

Цель сообщения: привлечь внимание историков к этому любопытному памятнику, ознакомить с неизвестным ранним списком "Слова о Дариане-царе" и поделиться некоторыми предположениями о причинах интереса к этому сочинению в определенных общественных кругах.

Новый список повести о царе Дариане находится в рукописном сборнике XVI в. в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области (№ 1265)^{2*}. Сочинение имеет киноварный заголовок "Слово о Дарияни царе, како ся велел звать богом".

При сравнительном изучении известных списков повести о Дариане (как напечатанных прежде, так и публикуемого в при-

* Впервые опубл. в кн.: Исследования по отечественному источниковедению и историографии: Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С.Н. Валка: ТЛОИИ. Л., 1964. Вып. 7. С. 414—418.

^{1*} Академик Б.А. Рыбаков предполагает, что "Повесть о царе Адариане" "могла быть и русской стилизацией под византийскую повесть с притчами" и рассматривается им, как памфлет на Андрея Боголюбского⁴.

^{2*} Сборник кратко описан В.В. Лукьяновым в машинописном дополнении к его книге "Описание коллекций рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков" (Ярославль, 1957).

ложении) обнаруживаются заметные разночтения. Можно предполагать даже, что существовали две редакции повести: краткая (вероятно, более ранняя) и пространная (повесть этой редакции опубликована на С. 343—344. Вып. II "Памятников старинной русской литературы", СПб., 1860). Повести краткой редакции также заметно разнятся между собой. Так, в опубликованных ранее списках царица обращается к царю со словами: "философии изблазниша ты". В публикуемом тексте царь говорит царице: "философии мя соблазниша". Эти и многие другие разночтения, свидетельствующие о постепенном отходе текстов повести от протографа, — показатель достаточно широкого распространения повести.

Интерес к повести возникал, очевидно, в тех общественных кругах, где поддерживалась мысль о том, что священство выше царства, и где старались противостоять росту политической власти московского государя. Характерно, что рукопись, по которой прежде опубликовали повесть, была составлена в Пскове в 1494 г.⁵ А это был период острой борьбы против наступательных действий Москвы.

Не случайно и включение повести о Дариане в сборник Ярославской коллекции. Сборник был составлен в Новгороде в то время, когда архиепископом был Пимен. Об этом узнаем из записи 1558 г. вкладчика Сковородского монастыря Григория Никифорова⁶.

Первые 326 листов сборника имеют схожие палеографические особенности. На этих листах помещена "Пчела" (Л. 190, 123—125об.) и другие религиозно-назидательные сочинения, в том числе предания о постройке новгородских церквей и монастырей и о чуде Варлаама Хутынского^{3*}. Во всех этих преданиях проводится мысль о руководящей роли церковных деятелей в политической жизни Великого Новгорода. Повесть о царе Дариане также рассматривалась составителем как религиозно-назидательное произведение. Характерно, что в заголовке повесть названа "Словом", а "Слово" в понимании древнерусских книжников должно было содержать обращение к читателю и проповедь на конкретную тему.

В "Слове о Дариане-царе" читатели могли увидеть намек на хорошо известные им обстоятельства современной политической истории. Конец 50-х годов XVI в. — годы удаления от дел руководителей "Избранной рады" священника Сильвестра и митро-

^{3*} Некоторые из подобных преданий опубликованы по другой рукописи⁷. Повесть о постройке новгородской ропаты опубликованы по этой рукописи в приложении к статье С.О. Шмидта "Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты"⁸.

полита Макария, тесно связанных с новгородцами, время ослабления влияния церковников на правительственную деятельность. Интересно, что в посланиях Ивану Грозному Курбский (также близко связанный с церковными деятелями Северо-Западной Руси⁹), отмечает "гордость" царя¹⁰; особенно подчеркивается это во втором послании: "... от преизлишняго надмения и гордости, мнящеся о собе мудр всеа вселенная учитель быти"¹¹. "Слово о Дариане-царе" могло использоваться, таким образом, определенными кругами в общественно-политической борьбе.

Задача дальнейшего исследования — определить, какие изменения и под воздействием каких обстоятельств появлялись в тексте повести; каково соотношение повести и памятников публицистики (особенно новгородской и псковской) XV—XVI вв.; каков состав рукописных сборников, включающих повесть.

Наши представления об общественно-политической борьбе в России в годы образования и оформления централизованного государства, несомненно, только углубятся с изучением круга чтения участников и современников этой борьбы и изменений, вносимых под ее влиянием в памятники публицистики.

Слово о Дариани царе, како ся велел звать Богом

Бысть некий царь Дариян. Повели бояром своим звати ся богом, и не восхотеша бояре его звати богом. И отвеща царю: "Мниши в сердце своем, яко не было бога прежде тебе. Аще призовем тя вышним царем в царех, егда же примеши вышний Ерусалим и святая святых". Он же причинив ся и собра воя многи и шед взя Ерусалим и возвратися воспать. И рече им: "Яко же бог велит рече те и тако створих; возовете мя богом".

Имеюще же у себе 34* философы и вопросы перваго и отвеща ему первый и рече: "Аще хоцещи зватися богом, да несть боярину возвратися в царевы полаты, а не выступить ис полаты, яко тако и ты. Яко хоцещи зватися богом, да выступиши ли от всея вселенная и тако возовешись богом".

И рече ему другой философ: "Не можеш ты, царю, зватися богом", и рече ему царь: "О чем?" Он же рече ему: "Глаголет Еремея пророк, — бози не сотвориша ни на небесе, ни на земле, да погибнут, аще ты, царю, хоцещи зватися богом, то погибнешь взовися богом".

И рече ему 3-й^а философ: "Господине мой, царю, помози ми в час сий в борзе". И рече ему царь: "Что ти есть?" — и рече ему

* В рукописи — "300".

философ: "Яко лодья моа хошет погрянути за трети верстами, все имение мое в ней". И рече ему царь: "Не бойся, пошлю люди приведут ю". И рече ему философ: "Чему, царю, трудиши люди своя, посли ветер тих, да спасет ю".

Царь же, поразумив и помолчав нелюбовию, и иде ко царице своей в полату, и рече к ней: "Философы мя соблазниша и рькоша ми, яко ты не можеши зватися богом". Слышав же сия царица, хотя ему подати утешение от печали тои, и рече ему: "Ты еси царь, ты еси богат всем, еси достоин чти великой". И рече ему царица: "Сотвори еще едино и тогда взовешись богом". И рече: "Которое?" И рече ему царица: "Поклад божий, еже имаши у себе, возврати ему". Он же рече ей: "Который поклад?" Царица же рече ему: "Возврати душу свою, яже бог положи в тело твое и тогда взовешись богом". Царь же рече ей: "Аще не будет души во мне ни в тели моем, како взовуся богом?" Царица же рече ему: "Да аще, царю, душею своею не владееши, то како ты можеши зватися богом".

Государственный архив Ярославской области. Коллекция рукописей. № 1265. Л. 305об.—306 об.

О времени составления "Выписи" о втором браке Василия III*

Развод Василия III и женитьба его (в нарушение канонических церковных правил) на Елене Глинской — значительные события политической истории 20-х годов XVI в. Среди памятников публицистики, посвященных этим событиям, едва ли не самым выдающимся является памфлет, известный под названием "Выпись" о втором браке Василия III.

В "Выписи" о втором браке Василия III, дошедшей до нас в рукописях XVII и XVIII вв., несколько частей. В первой написано о намерении Василия III развестись с Соломонией "заради безчадия", о совете великого князя с Вассианом Патрикеевым, убеждавшим его в незаконности развода и второго брака, и об осуждении церковным судом Вассиана, Максима Грека и других старцев. Во второй части излагаются отрицательные ответы вселенских патриархов на послание Василия III и решение митрополита Даниила позволить развод. В третьей, неоконченной, части рассказывается о соборе афонских монахов, составивших ответ на послание Василия III.

"Выпись" в рукописи XVII в. была известна Н.М. Карамзину, который считал ее "любопытной, но едва ли достоверной". Н.М. Карамзин, отметив "много странных выражений и слов вымышленных, каких не бывало в языке нашем", ссылаясь, однако, на "Выпись" в примечаниях к своему труду¹. В 1847 г. "Выпись" опубликовал О.М. Бодянский, знавший уже два списка XVII в.² О.М. Бодянский полагал^{1*}, что фактическое содержание "Выписи" подтверждается данными других источников (о соборе, осудившем Максима Грека³, сочинениями Максима Грека и Курбского), а "странные выражения", вызывавшие недоумение Карамзина, очевидно, восточного происхождения, так как Паисий, которого он считал автором "Выписи", был связан с Востоком.

В 1889 г. М.Н. Сперанский напечатал "Библиографические материалы, собранные А.Н. Поповым". В числе подробно описан-

* Впервые опублик. в кн.: Новое о прошлом нашей страны: Сб. памяти акад. М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 110—122.

^{1*} О.М. Бодянский опубликовал "Выпись" по спискам Синодальному (ныне: ГИМ. ОР. Синод. собр. № 466. Л. 354—364), которым пользовался Н.М. Карамзин, и Погодинскому (ныне: ГПБ. ОР. Собр. Погодина. № 1597).

ных рукописей была рукопись XVII в.^{2*}, включавшая и "Выпись"⁴. В описании приведены разночтения с публикацией О.М. Бодянского⁵. В 1899 г. С.А. Белокуровым⁶ было опубликовано составленное в 20-х годах XVIII в. житие Максима Грека, часть которого дословно совпадает с "Выписью"^{3*}.

Фактические данные "Выписи" использовались историками, в частности, историками церкви. Е.Е. Голубинский, признавая "Выпись" позднейшим сказанием ("есть в нем несомненно ложное, нелепо легендарное"), предполагал "источником позднейшего автора что-то современное". Е.Е. Голубинский указал на то, что в "Выписи" смешаны соборы 1525 и 1531 гг., но верно названы имена султанов и иерусалимского патриарха того времени — Марка. Так как в пророчестве патриарха Марка говорится о том, что сын Василия III от второго брака будет тираном и мучителем подданных, Голубинский считал, что "Выпись" составлена не ранее второй половины правления Ивана Грозного⁸.

В 1922 г. была напечатана работа С.Н. Чернова, посвященная материалам о суде над Максимом Греком и, в частности, Погодинскому сборнику. С.Н. Чернов, ссылаясь на некоторые подробности "Выписи", полагал, что у составителя политического памфлета были в распоряжении какие-то архивные документы (выкраденные или тайком переписанные). Отметив, что состав Погодинского сборника объединен интересом к Максиму Греку и тем церковным и политическим делам, в которых он участвовал или предполагался участвующим, С.Н. Чернов по палеографическим данным относит время написания сборника ко второй половине XVII в., а время сложения его протографа к XVI в.⁹

Очень интересные соображения о "Выписи" (составе и заголовке памятника, составителе, времени составления) выдвинул в 1928 г. М.Н. Тихомиров, изучавший Чудовский список и выявивший наиболее полный список "Выписи" в так называемом Летописце князя И.А. Хворостинина¹⁰. М.Н. Тихомиров обратил внимание на то, что заглавие памятника испорчено, утрачены начало и конец "Выписи", памятник мозаичен по составу и распадается на три части, основанные на различных источниках и соединенные

^{2*} В напечатанном описании ошибка — рукопись не в 8°, а в 4°.

^{3*} В 1976 г. "Выпись" опубликовал по нескольким спискам А.А. Зимин, которому было известно уже 14 списков "Выписи". Древнейший из них датируется началом XVII в. и имеет не известный ранее исследователям вариант названия "Выпись из Святогорские грамоты...", более соответствующий дальнейшему тексту памятника⁷. Заголовок древнейшего списка: "Выпись из Святогорские грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичю о сочтении втораго брака и о разлучении первого брака чадородия ради. Творения Паисеино старца Серапона монастыря" (С. 140).

только общей темой¹¹. М.Н. Тихомиров установил связь памятника с Афоном и предположил, что Паисий "серапонский" — это старец афонского Ксиропотамского монастыря^{4*}. Паисий — известный по афонским актам 1544 г.

Благодаря наблюдениям М.Н. Тихомирова и его предшественников, удалось определить, что упоминаемые в "Выписи" исторические лица (участники суда над Вассианом, афонские монахи, патриарх, султаны) действовали именно в то время, к которому отнесены в "Выписи" описываемые события. Хронологическую путаницу (перепутаны соборы 1525 и 1531 гг.) М.Н. Тихомиров объяснял тем обстоятельством, что "Выпись" писалась по памяти или с рассказов людей, знакомых с событиями. Запомнились характеристики действующих лиц, падение Вассиана, естественно, ставилось в связь с разводом великого князя, но даты были забыты и слились уже в одно целое. Известное место "Выписи" о том, что сын Василия III станет мучителем и грабителем чужого имения, по мнению М.Н. Тихомирова, не обязательно переносить в глубь второй половины XVI в. Все это могло относиться и к ранней молодости Ивана IV. "Дела разбойнические", попадение Москвы "презельным огнем" и "неисповедимое пленение" от татар случились при молодом Иоанне до прибытия Сильвестра. Эти несчастья и могли побудить Паисия к составлению "Выписи", которая, таким образом, датируется 1545—1547 гг. М.Н. Тихомиров предположил, что "Выпись" была известна Курбскому, который также связывал судьбу Вассиана с разводом Василия III, и сопоставил слова Курбского "аще и возбраняюще ему сего беззакония многим святым и преподобным³ с рассказом "Выписи" о соборе афонских старцев.

В исследованиях 40-х годов М.Н. Тихомиров привлек этот памятник для изучения истории многообразных связей русского народа с южными славянами. В этих работах дано объяснение тому волнению, которое известие о браке Василия III вызвало на Афоне. Афонские старцы, полагает М.Н. Тихомиров, могли бояться перемены московской политики по отношению к Турции, вследствие возникших связей московского великого князя с сербскими владетельными родами. Кроме того, имела опасность увеличения русской помощи южно-славянским монастырям в ущерб греческим. Таким образом, выступавшие против развода руководствовались не только церковными мотивами. Наконец, в одной из самых последних своих работ — небольшом этюде "Страница из

^{4*} Название Ксиропотамского монастыря искажено и в новгородской рукописи 1558 г., где читаем: "от монастыря Сиропотамия". В рукописи этой приведены любопытные сказания о чудесах афонских монастырей¹².

жизни Ивана Пересветова" М.Н. Тихомиров снова напомнил о "Выписи", отметив, что в этом публицистическом сочинении отражены были факты расправ юного Ивана IV с боярами, начавшихся "примерно в 1546 г."¹⁴

О "Выписи" писала и Н.А. Казакова в монографии о Вассиане Патрикееве¹⁵. Согласившись с точкой зрения М.Н. Тихомирова о связи "Выписи" с Афоном, Н.А. Казакова полагает, однако, что с Афоном 40-х годов XVI в. "можно связывать возникновение лишь какого-то первоначального, неизвестного нам вида произведения". Дошедшая же редакция "Выписи" вряд ли могла появиться ранее второй половины XVI в. Об этом, помимо наблюдения Е.Е. Голубинского над предсказанием о царе-мучителе, свидетельствует и сопоставление "Выписи" с "Историей" Курбского^{5*}. В обоих произведениях правление Ивана IV изображается враждебно, излагается одна и та же версия о причинах опалы Вассиана, а склонность Ивана IV к тирании объясняется как неизбежное следствие преступного брака его отца. Все это позволяет поставить вопрос не только об одновременном (в один исторический период) возникновении обоих памятников, но и о влиянии одного из них на другой. Н.А. Казакова оспаривает мнение, будто Вассиан противился второму браку Василия III^{6*} и, вслед за В.С. Иконниковым¹⁸, приводит факты, свидетельствующие о достаточно высоком положении князя-инока при дворе и после женитьбы Василия III на Елене Глинской. Н.А. Казакова считает, что поводом для возникновения версии об опале Вассиана вследствие противодействия второму браку великого князя могло послужить то обстоятельство, что Вассиан был родственником Сабуровых, из рода которых происходила Соломония. Для правильной оценки этой версии следует иметь в виду характерную особенность публицистических памятников второй половины XVI в., рисующих взаимоотношения боярства с великокняжеской властью в более ранний период¹⁹: бояре, оппозиционные самодержавию Ивана IV, пытались идейно связать себя со своими предками, действовавшими при предшественниках царя^{7*}.

^{5*} Текст "Выписи" использован в одной из редакций "Истории о великом князе Московском" Курбского, которую Ю.Д. Рыков назвал "компилятивной"¹⁶.

^{6*} И.У. Будовиц писал, что бояр "горячо поддерживал Вассиан Косой", ссылаясь при этом на "Выпись"¹⁷.

^{7*} [А.А. Зимин полностью отвергает мысль о возможности ранней датировки "Выписи". По его утверждению, «Время возникновения "Выписи" определяется двумя ее сторонами: содержанием, в первую очередь интересом к опричнине и гибели династии, и формой — стилизацией под делопроизводственные произведения с элементом "предсказаний". Все это ведет нас скорее всего к концу XVI — началу XVII в. Первой третью XVII в. и датируется древнейший список па-

Таким образом, даже неполный историографический обзор показывает, что "Выпись" прочно вошла в научный оборот. "Выпись" изучалась и в источниковедческом плане, и при выяснении фактов политической и церковной истории и истории общественной мысли. Однако до сих пор еще остается много неясного. Задача настоящей работы — уточнить некоторые собственно исторические вопросы, имеющие отношение к "Выписи". Памятник, несомненно, может стать и предметом углубленных исследований литературоведов и языковедов^{8*}. Темой специального сравнительного изучения должны стать и рукописи, в составе которых дошла до нас "Выпись".

мятника (Б). В то время публицистика обращает свое внимание к событиям опричной поры, в которых она видит корень всех бед, постигших страну. В конце XVI — начале XVII в. распространяется жанр "предсказаний", написанных задним числом после происшедших событий. Наконец, тогда же появляются такие произведения в приказной среде, как "Сказание о Петре Волосском" и "Повесть о двух посольствах", написанная в виде статейного списка. В ней содержится также "пророчество" о прошедших событиях ("в нашей земле будет трясение великое"). В приказной среде, близкой к Посольскому приказу, надо искать и составителя "Выписи". Этот памятник сложился, возможно, в одно время с публицистической обработкой судебных материалов о Максиме Греке. Во всяком случае, оба памятника находятся в одном (Погодинском) сборнике, и в обоих процессы 1525 и 1531 гг. слиты воедино, хотя в "Судном деле" это слияние неполное. Каковы источники "Выписи", в настоящее время представить трудно. Наличие в ней некоторых "реалий" ведет нас к материалам государственной казны. Но большего пока сказать трудно²⁰. Эти выводы, — по словам самого А.А. Зимина, — "носят предварительный характер до завершения текстологической работы над "Выписью" (и издания текста памятника) (Там же). Однако в статье, предваряющей публикацию "Выписи", и, соответственно, можно полагать, явившейся результатом "завершения текстологической работы", о чем писал А.А. Зимин в статье 1973 г., А.А. Зимин почти дословно повторяет текст этой статьи, исключив лишь последние три предложения (об источниках "Выписи") и исправив стилистические погрешности. Более того, А.А. Зимин настоятельно проводит мысль о датировке "Выписи" теперь уже началом XVII в. ("Все это ведет нас к началу XVII в." вместо прежних слов: "Все это ведет нас, скорее всего, к концу XVI — началу XVII в."), а выражение "возможно" во фразе о сложении "Выписи" в одно время с "Судным списком Максима Грека" заменено выражением "очевидно"²¹. Более развернутой аргументации А.А. Зимин не счел нужным приводить, хотя еще в 1971 г. был опубликован по найденной в Сибири рукописи 1590-х годов самый ранний и наиболее полный "Судный список Максима Грека", вероятное время создания протографа которого (как показал Н.Н. Покровский, поддержанный и другими специалистами) ограничивается 1544—1548 гг., причем ближе к концу этого периода²². Небезлюбопытно заметить, что в другой своей работе тех же лет А.А. Зимин пишет о "Сибирском сборнике" как о памятнике "конца XVI в."²³]

^{8*} Интересные замечания в этом плане высказали Е.А. Василевская, О.А. Державина, А.А. Зимин, С.И. Кочетов, В.Д. Кузьмина, Е.С. Овчинникова, А.В. Позднеев, А.Н. Робинсон при обсуждении доклада автора, основанного на этой работе, 23 сентября 1964 г. на заседании группы по истории древнерусской литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР.

"Выпись" известна в списках не ранее XVII в. Даже если предположить, что события 20-х годов XVI в. не утратили политической остроты почти через полтора столетия, и напоминание о них вызвало определенные ассоциации у современников первых Романовых, также дважды вступавших в брак, — есть все-таки основания утверждать, что в основу "Выписи" положены сочинения XVI в. Об этом прежде всего свидетельствует точность многих исторических реалий (упоминания событий, лиц), крайне редкая для нарративных памятников, описывающих события такой давности^{9*}. Ученые уже выделили данные об упоминаемых в "Выписи" исторических деятелях, находящие подтверждение в достоверных источниках XVI в. В дополнение можно отметить, что по другим источникам известны также благовещенский протопоп Василий (он был духовником Василия III и свидетелем его духовной 1523 г.²⁴ и русский посол в Крыму Иван²⁵ Колычев^{10*}. Вообще введение исторических реалий отвечало требованиям средневекового историзма — изображать только исторические, реально существовавшие события и лица²⁷. (Это прослеживается даже по памятникам откровенно иносказательным, например, по сочинениям Пересветова.)

Вполне вероятно предположение, что при составлении "Выписи" в какой-то степени были использованы документы внешних сношений, хранившиеся в государственном архиве. Из таких документов, в частности, могла быть воспринята составителем иностранная терминология. В "Выписи" встречаются малопонятные иностранные слова, иногда с объяснением их смысла на русском языке: "воеводы и сатравы (саравы) Дасийсти — рекше боярсти", "роды (роди) Сарападасийские (Сарападасийсти, Сарападисийсти) — рекше боярские"^{11*}, "урдюкелех (друкемах, ордюкелех) — рекше христиане (православных христианех)" "восприимет под свою руку Келевдерию (Кевдекерий)", "племянника Лаковрича (племени Калаковрича, племена Колаковрича)", "Владимира Мономаха ардарила (ярдарила) — рекше шапку". Слова в таком написании не встречаются в албанском,

^{9*} Хотя нельзя не отметить хронологическую путаницу соборов 1525 и 1531 гг. В первоначальном тексте памятника такая путаница маловероятна.

^{10*} Упоминается Иван Андреевич Колычев. В житии Максима Грека XVIII в.²⁶ и в книге Б[оде]-К[олычев]а "Боярский род Колычевых" [М., 1886] назван Иван Васильевич Колычев.

^{11*} В скобках дано написание слов по другим спискам. Возможно, что малопонятное уже и переписчику слово "сарападасийские" — это своеобразное сложное слово (composita), образованное путем объединения в одно слово "сатравы" (вероятно, так написано вместо "сатрапы") и "дасийские" (видимо, надо "дакийские")²⁸.

греческом, молдавском, сербском, турецком языках^{12*}. Иностранные слова, особенно имена и географические названия, иногда изменялись до неузнаваемости в русской транскрипции того времени²⁹.

Несомненной представляется связь "Выписи" с Афоном. Вопрос о наследнике московского великого князя — сильнейшего из православных государей того времени, покровителя афонских монастырей, не мог не интересоваться афонских монахов. Об этом афонским монахам напоминал и сам Василий III. Еще в 1515 г., отправляя на Афон грамоты о присылке переводчика, он просил поминать Соломонию "чадородия ради"³⁰. Связь с Афоном подтверждается также тем обстоятельством, что в Чудовском списке³¹ — именно в том списке, где не приводится бессмысленное позднейшего происхождения заглавие, — вслед за "Выписью" помещены сказания об афонских монастырях^{13*}. Афон был в ту пору важнейшим центром общения России и южнославянских народов³⁴, и на Афоне, в окружении разноязычных монахов и приезжих, и раньше еще создавались сочинения со сложным сочетанием языковых особенностей³⁵.

"Выпись" дошла до нас в измененном виде. Памятник мозаичен, и части его, как установил М.Н. Тихомиров, основаны на различных источниках. При этом заметны отличия первых двух частей от третьей. В первых двух частях встречаются характерные языковые особенности (в частности, употребление малопонятных слов, иногда с русским переводом) и обнаруживается явно враждебное отношение ко второму браку Василия III и к деятельности Ивана IV. В третьей части ("Послание Святые горы инок") нет этих малопонятных слов, отношение ко второму браку Василия III иное^{14*}, а о деятельности наследника Василия III даже не упоминается. "Златоустаго речь", завершающая "Выпись", допускает толкование в духе оправдания второго брака Василия. В то же время в третьей части обнаруживается противотурецкая, точнее, противомусульманская, направленность. Можно думать, что первая и вторая части составляли первоначально единый памятник. Различия между первыми двумя частями "Выписи" и третьей

^{12*} Приношу благодарность за консультации по этому вопросу Ф.А. Грекулу, А.П. Каждану, Е.В. Михайлову, А.П. Новосельцеву, Н.Д. Смирновой, Б.Л. Фонкичу. (В ряде слов — согласно наблюдениям А.А. Турилова — обнаруживается греческая основа.)

^{13*} Такие же сказания включены в новгородский рукописный сборник 1558 г.³² и в некоторые рукописные сборники XVII в.³³

^{14*} Вопрос формулируется по существу так: "... понеже, грех ради наших, нечестивым племенем плодови́ти, а у нашего государя великого князя Васи́ля Ивановича всеа Руси наследника несть?"³⁶

позволяют предполагать, что части эти могли быть написаны не одновременно и лишь потом были объединены в одном сочинении. Для удобства будем называть первые две части "Словом", а третью — "Писанием". (В "Выписи" указано, что Гавриил^{15*} вывез "писание из Святые горы"³⁸).

"Слово" — даже первая его часть — не могло быть составлено в дошедшем до нас виде самим Вассианом Патрикеевым. Вассиан, как установлено, вряд ли активно противодействовал браку Василия III. В тексте "Слова" читаем о ссылке Вассиана в Иосифо-Волоколамский монастырь (где он вскоре умер). Наконец, в начало "Выписи" включены упоминания о молитве русским чудотворцам, невозможные в памятнике, отражавшем взгляды Вассиана. (Князь-инок высказывал сомнение в чудотворчестве русских святых, в частности, названного в "Слове" митрополита Ионы^{16*}).

Очевидно, еще в 20-е годы XVI в. появились сочинения, направленные против развода Василия III. Толки, запечатлевшие недовольство вторым браком Василия III, отразились и в Псковской летописи, и в книге Герберштейна. Но тогда же составлялись сочинения и с целью оправдания поступка великого князя и прославления его деяний⁴⁰. Современные описываемым событиям сочинения^{17*} и могли лечь в основу изучаемой "Выписи"!

Обычно для датировки "Выписи" обращаются к предсказанию патриарха Марка ("Послание четырех патриархов" во второй части "Слова"). Марк "восписал свирепством" о том, что наследник Василия III "за прелюбодеяние порушит царствие" и будет царем-мучителем: "Все попрает и роди сарападасийстии, рекше боярстии, и стратигове и племена Колаковрича и всех урдюкеле, рекше христиане, во страхе утесняеми будут, но реку, презрит вся вселенския соборы и восприимет под свою руку Келевдекерий и будет грабитель чюжаго имения; моль же поядает ризы, а чюжее имение граблением и свое все истребит; и наполнится твое царст-

^{15*} Возможно сближение с писателем и историком афонских монастырей Гавриилом. Гавриил был русского происхождения и несколько раз избирался святогорским протопопом (в 1515, 1516—1520, 1525—1528, 1533—1534 гг.)³⁷. Любопытно, что Гавриил был протопопом и в год вступления Василия III во второй брак, и в первое время регентства Елены Глинской. Знакомством с трудами Дм.С. Радойчица автор обязан М.Н. Тихомирову.

^{16*} На суде Вассиан говорил: "Яз не ведаю, Иона чудотворец ли"³⁹.

^{17*} Известно о составлении летописца, связанного, по-видимому, с деятельностью Глинских⁴¹. В этом плане очень интересна стенная роспись Смоленского собора Новодевичьего монастыря в Москве⁴². Отзвуки событий, связанных с разводом Василия III, явно нашли отражение в рассказах о рождении сына у Соломонии, сосланной в Покровский Суздальский монастырь⁴³ и, возможно, в былинах о Василии Окуловиче.

во страсти и печали, и будет в та лета убивание и муки различны: сарападасийских родов и юнош и дев нещадение и ово на кола, а иным усечение главное, иным же утопление водное и всякое мучение смертное и затоцы без милости и мнози гради огнем попри будут и много развращения и страсти будут"⁴⁴.

Смысл предсказания, несмотря на наличие малопонятных слов, совершенно ясен. В тексте — даже теперь, когда утрачены многие документы той эпохи, — обнаруживаются указания на события 1530—1540 гг. Ужасы опричнины заслонили историкам события предшествовавшего времени, но в представлении современников годы малолетства Грозного (до пожара июня 1547 г.) тоже были годами бедствий страны и бесчинств Иоанна, временем "мятежей и нестроений"⁴⁵. Об этом говорил сам царь на соборах 1547—1551 гг. и писал в послании Курбскому. Об этом читаем в "Истории" Курбского, в "Степенной книге", официальных и местных летописях, "Казанской истории", сочинениях Максима Грека и Пересветова и во многих других памятниках XVI в.

Предсказание Марка напоминает предсказание Вассиана в первой части "Слова" о "варварском нахождении", "огненном запалении", "громогласии и землетрясении"⁴⁶, и в общем плане могло бы быть отнесено ко всему периоду конца 1530-х — 1540-х годов, метко охарактеризованному современником как годы "безгосударства"⁴⁷. Однако в тексте выявляются и более конкретные напоминания, откровенно ведущие нас к событиям 1546 — первой половины 1547 г., известным по другим источникам.

Сведений об этих событиях сравнительно мало в официальной летописи, призванной прежде всего прославлять деяния государя, но зато они запечатлены в местных летописях и особенно в Постниковском, Хронографическом и Пискаревском летописцах (ставших лишь в недавнее время предметом специального исследования)⁴⁸.

В предсказании патриарха Марка читаем о казни знатных юношей и даже о способе казни — сажании на кол и отсечении головы. Именно об этом событии сообщает под январем 1547 г. и Хронографический, и Постниковский летописцы: князя Федора Ивановича Овчинина-Оболенского посадили на кол на лугу за Москвой-рекой против Кремля, а князю Ивану Ивановичу Дорогобужскому голову "ссекли на льду". Хронографический летописец при этом специально указывает, что Иван IV приказал казнить княжичей "повелением Михаила Глинского и матери его княгини Анны"⁴⁹. О казни этой дважды писал в "Истории" Курбский⁵⁰, характеризуя убитых как "благородных княжат", которые "яко

ягнцы неповинно заколены еще в самом наусии"^{18*}, там же Курбский упомянул о казни (удавлении) еще одного княжича⁵² — 15-летнего Михаила Трубецкого^{19*}. Овчинина и Дорогобужского казнили в то время, когда Иван IV после смотрин готовился к венчанию царским венцом и к свадьбе. Федор Овчинин был сыном фаворита Елены Глинской (матери Ивана IV) и племянником мамки Ивана IV Аграфены Челядниной (сестры И.Ф. Овчины-Телепнева-Оболенского), а также — что особенно важно — находился в родстве с Глинскими, 18-летний Иван Дорогобужский был двоюродным братом^{20*} Федора Овчинина⁵⁵. Мать Дорогобужского, рано овдовев, стала женой Ивана Петровича Федорова⁵⁶, воспитанником которого и являлся казенный княжич. В июле 1546 г. И.П. Федоров подвергся опале (за связь с казенными тогда же князем И.И. Кубенским и Ф.С. и В.М. Воронцовыми) и был сослан на Белоозеро⁵⁷. По позднейшим источникам, казнь Ф.И. Овчинина имела место тогда же, когда и опала Федорова (в июле 1546 г.)⁵⁸, следовательно, связь этих опал представлялась несомненной. Быть может, поводом для казни княжичей, принадлежащих к кругу лиц, наиболее осведомленных об интимных подробностях придворной жизни, послужили разговоры о происхождении Ивана IV и о недостойном поведении его матери, особенно неприятные для великого князя и его родни накануне венчания на царство и царской свадьбы^{21*}.

О расправе Ивана IV 21 июля 1546 г. с виднейшими боярами

^{18*} По словарю И.И. Срезневского, "юноша-наусица" — юноша с только еще пробивающимися усами⁵¹.

^{19*} Курбский писал по памяти ("памятались", "памятамыся") и спутал последовательность казней 1540-х годов. На этом основании Н.Г. Устрялов колебался, к какому времени отнести казнь Ф. Овчинина и Дорогобужского, а А.Н. Ясинский полагал, что они погибли почти одновременно с А.М. Шуйским, т.е. в 1543 г.⁵³ С изданием Хронографического и Постниковского летописцев сомнения в дате казни отпадают. Дата казни Трубецкого пока не установлена по другим источникам.

^{20*} Мать Ф.И. Овчинина — урожденная княжна Дорогобужская⁵⁴.

^{21*} Не исключено, что рассказы иностранцев о причине казни в 1564 г. молодого князя Дмитрия Федоровича Овчинина-Телепнева-Оболенского основаны на воспоминаниях о причине казни его родственника и однофамильца в 1547 г. По Шлихтингу, Д.Ф. Овчинин был убит за то, что упрекнул в ссоре Федора Басманова в мужеложестве с царем⁵⁹. Рассказ этот, — замечает С.Б. Веселовский⁶⁰, — похож на придворные сплетни. Характерно, что Курбский, не раз писавший о "содомском грехе" и "афродитском блудотворении" царя, описывая убийство Д.Ф. Овчинина ("заклан от самого его (т.е. Ивана IV. — С.Ш.) руки"⁶¹), не упоминает об этом. В представлениях иностранцев, сообщавших по слухам о некоторых казнях времени Ивана Грозного, придворные сплетни об обеих казнях (Ф.И. Овчинина в 1547 и Д.Ф. Овчинина в 1564 гг.) могли сместиться.

сообщают многие источники. Казнь совершена была тогда, когда Иван IV с войском, "по крымским вестем", находился в Коломне у Голутвина монастыря. Бояр казнили перед шатрами в виду войска во время игрищ — "потех"^{22*} (языческих в своей основе): "и тут была у них потеха: пашню пахал (Иван IV. — С.Ш.) вешнюю и з бояры и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался. И тут грехом христианским, *тутю же* (курсив мой. — С.Ш.) учинилася казнь"⁶³. Особенно поразило современников то, что бояр перед смертью лишили причащения ("а отцов духовных у них перед концем не было"). И.П. Федорова "в те же поры ободрана нага дрѣжали" и сослала, а И.М. Воронцов "после тое казни и не однажды был на Коломне на пытке"⁶⁴. Возможно, что бояре были казнены за супротивку Ивану IV, начав выговаривать ему неуместность "потех". Против бояр "по наносу злых людей"⁶⁵ были выдвинуты какие-то обвинения в том, что они "бесерменские поноровники" (сносятся с враждебными Ивану IV казанцами⁶⁶), мздоимцы⁶⁷. Кубенский и Ф. и В. Воронцовы, видимо, пытались оправдаться, и Иван IV "с великиа ярости"^{23*} велел им тотчас "всем трем головы" посечь⁷⁰. И.П. Федоров же сумел избежать смерти, так как "против государя встреч не говорил, а по всем ся виноват чинил"⁷¹. Так вырисовывается реальный исторический комментарий к словам предсказания патриарха Марка о казнях^{24*}, заточениях, "развращениях и страстях".

Находятся в источниках, описывающих события 1546—начала 1547 гг., и подтверждения словам предсказателя об ограблении чужого имения и истребления своего. "Животы и вотчины" опальных — и бояр, казненных и сосланных летом 1546 г., и юных княжичей, казненных в январе 1547 г., — Иван IV "велел поймать на себя" ("на себя взяти"). Осень 1546 г. Иван IV с братьями во главе 3—4 тыс. приближенных провел в Новгородской и Псковской землях, "гоняя на подводах"⁷⁴ или "мсках" (ишаках) и, по выражению псковского летописца, "христианом много протори учинил". Новгородская летопись тоже отмечает, что "войско его нача быти

^{22*} По приписке в Царственную книгу, Иван IV выехал "на прохлад поездити потешитися"⁶².

^{23*} По "Казанской истории", Иван IV "возъярся велми и рыкнув, аки лев... и повеле 3 бояр своих, полатных болших велмож, леств творящих главней казни предати"⁶⁸. По словам дьяка Ивана Тимофеева, Иван IV еще "во юности... к ярости удобь подвижден бе"⁶⁹.

^{24*} Какая-то связь имелаь и между казнью бояр и столкновением новгородских челобитчиков с царской охраной⁷² (если известия об этом не являются следствием путаницы или намеренного хронологического смещения событий в позднейшей вставке)⁷³.

спесиво", и Иван IV "велел доправить на старостях три тысячи золотых болших"⁷⁵. К этому же времени Н.М. Карамзин относит "сказание, похожее на сказку"⁷⁶, о том, как Иван IV, остановившись на одну ночь в Новгороде, "начат пытати про казну" ключаря и пономаря храма Софии и, "много мучив их не допытася", пришел сам в храм, указал, где ломать стену, и обнаруженные там сокровища велел на возах отвезит в Москву^{25*}. В 1546—1547 гг. "во всех городах Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно"^{26*}, и велено было "имати дань с сох по 12 рублей и от того християном тягота была великая"⁷⁹. Известно также и то, что в это время русские земли подвергались нападениям внешних врагов с юга и с востока.

Наконец, весна 1547 г. была ознаменована пожарами в городах. В апреле летописцы трижды отмечают пожары в Новгороде⁸⁰, пожар в Пскове в 1544 г.⁸¹ Несколько пожаров было в Москве. Особенно запомнились апрельские пожары, отмеченные не только в московских, но и в новгородской и псковской летописях⁸². В апрельских пожарах обвиняли "зажигальников", которые с пытки "сами на себя говорили", "и тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали"⁸³. Следовательно, даже еще до знаменитого "великого пожара" конца июня 1547 г. "были мнози гради огнем попрани".

Предсказание, приписанное составителем "Выписи" патриарху Марку, точно конкретизируется в сравнительно узких хронологических рамках событий середины 1546—начала 1547 г. Все это позволяет предполагать, что цитированный текст предсказания патриарха Марка был написан весной—летом 1547 г.

Так как в тексте этом встречаются малопонятные выражения, характерные и для первой части "Слова", можно думать, что "Слово" в целом (возможно, на основе переработанного текста какого-то более раннего сочинения, современного описываемым событиям) в первоначальной редакции было составлено именно в эти месяцы 1547 г., и составитель его имел какое-то отношение к Афону, во всяком случае, воспринял афонскую литературную традицию. "Слово" есть основание рассматривать как политический памфлет,

^{25*} В Псковской I-й летописи событие это датируется 28 декабря 1547 (7056) г.⁷⁷

^{26*} Из "Хронографической летописи" узнаем, что "тое же весны хотел царь великий князь идти х Казани в судех, и пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суды великого князя на Москве реке обсушило"⁷⁸.

направленный против власти Глинских^{27*} и молодого царя, а возможно, даже и против присвоения Иваном IV царского титула и его женитьбы.

Вероятнее всего, что "Слово" было составлено в канун Московского восстания июня 1574 г. и могло быть использовано теми, кто обвинял Глинских в поджоге Москвы. Не исключено, впрочем, что "Слово" написали и вскоре после восстания в оправдание опалы Глинских. Но при всех обстоятельствах содержание "Слова", очевидно, близко к тому, что говорилось о поступках Ивана IV и деятельности Глинских в дни "великого пожара" и восстания. В накаленной общественной атмосфере 1547 г. "Слово" могло оказывать большое возбуждающее действие на современников и напугать Ивана IV и его близких. Таким образом, "Слово" приобретает особую ценность для исследователей события 1547 г.

"Слово", как и "Выпись" в целом, отличается навязчивым "воинствующим дидактизмом", характерным для религиозно-литературных памятников той поры⁸⁶. Исследователям предстоит еще сопоставить "Слово" с обличительными речами Сильвестра, посланиями Максима Грека и другими произведениями общественной мысли этого бурного времени.

Третья часть "Выписи" — "Писание" — отличается от "Слова" политической направленностью и языком. Содержание "Писания" в значительно большей степени отвечало политическим взглядам царя и его окружения.

Очевидно, что "Писание" было присоединено к "Слову". При этом "Слово" подвергалось некоторой переработке. Так, начало "Слова", прославляющее Василия III и напоминающее о российских чудотворцах, несколько не согласуется с последующим текстом, а первых абзацев начальной части "Слова" нет в житии Максима Грека (составитель которого использовал какой-то список "Выписи"). Видимо, начало "Слова" дошло до нас уже в переработанном виде, и редакция эта (во всяком случае, первичная) имела место тогда, когда "Слово" объединили с "Писанием", и они вместе составили новый единый памятник — "Выпись". Очень возможно, что именно эту работу по составлению "Выписи" и проделал серб Паисий, наиболее вероятный автор "Писания", с

^{27*} О направленности памфлета против Глинских свидетельствует и упоминание о протопопе Василии (сохранившееся лишь в Уваровском списке — Л. 305)⁸⁴. Протопоп Василий был близок с Глинскими и с Захарьиными. В духовной его вдовы Марфы (1560—1561) указывается, что протопоп "приказал перед смертью всю свою семью князю Мих. Льв. Глинскому, Мих. Юр. Захарьину, Ив. Ю. Шигоне, Меньшому Путятину и Русину Иванову сыну Семенову"⁸⁵.

именем которого традиция связывала авторство памятника в целом ("творение Паисеино").

В конце XV в. Ксиропотамскому монастырю покровительствовала сербская деспотица Ангелина⁸⁷, в 40-е годы XVI в. его покровителем стал молдавский воевода Петр Рареш^{28*}. К сиропотамскому монастырю принадлежали построенные Петром церкви и монастыри в Яссах, Бухаресте, земли в Молдавии и в Валахии⁸⁹. Отношения родства и свойства связывали Петра Рареша и с родственниками Ангелины, и с Иваном Грозным — жена Петра была племянницей Анны Глинской (бабушки Ивана Грозного по матери)⁹⁰. Между Россией и Молдавией уже с конца XV в. наладились многообразные политические и культурные связи⁹¹. В начальной части "Слова" (видимо, переработанной при объединении "Слова" с "Писанием") вслед за перечислением патриархов и афонских монастырей, до которых "достигает" милостыня московского великого князя, особо выделены "и Молдавские малые державы обители, и Мунтянские, и Влоские земли"⁹². Литературная манера "Писания" заставляет также вспомнить о "речах" Петра, волоцкого воеводы, т.е. Большую челобитную Пересветова. (Соотношение "Выписи" и сочинений, связываемых с Пересветовым, может стать темой специального исследования.)

Когда была составлена "Выпись", решить труднее. Если "Слово" сразу же после написания начали распространять, особенно, если это сочинение дошло до Ивана IV и митрополита Макария, то "Писание", а следовательно, и "Выпись" в целом, могли составить очень скоро после "Слова". Об этом позволяют думать и выпады против "басурманства", особо заметные в русской официальной публицистике (прежде всего церковной) именно в годы Казанской войны⁹³. Выпады против мусульманства характерны были и для окружения Максима Грека (ранее бывшего афонским монахом). Связи с Афоном были у митрополита Макария^{29*}, а возможно, и у А.Ф. Адашева — руководителя внешней политики Московского правительства в те годы^{30*}. В молдавской церковной литературе, особенно в связи с окончательным переходом в мусульманство в 1550 г. сына Петра Рареша Ильяша, в то время также усилилась противотурецкая тенденция (это явственно обнаружи-

^{28*} По "Типику Святые горы" 1551 г., "дань платит волоцкий воевода за Святую гору"⁸⁸.

^{29*} Митрополит Макарий очень доверял рассказам афонских старцев, включая их рассказы в Четьи-Миней⁹⁴.

^{30*} Очень вероятно, что А.Ф. Адашев юношей побывал на Афоне. В 1538—1539 гг. он сопровождал посольство своего отца Ф.Г. Адашева к султану и константинопольскому патриарху, "разболелся" и после отъезда отца в Россию оставался еще год в Турецкой империи⁹⁵.

вается в написанной в начале 50-х годов XVI в. славяно-молдавской летописи романского митрополита Макария⁹⁶. Наконец, следует иметь в виду и то обстоятельство, что авторство "Выписи" приписывалось Паисию, упоминаемому в афонских документах 40-х годов XVI в.^{31*}

"Выпись" осталась незавершенной; и "Слову" противопоставили "Благодарение и похвалу о благорадостном рожении по неплодстве сына, молитвою от бога дарована самодержавному царю великому князю Василию, боговенчанного царя и великого князя Ивана", написанное, видимо, раньше, но вошедшее затем в Степенную книгу⁹⁹. Интересно отметить, что "Выпись" в наиболее полном списке дошла до нас как раз в составе Степенной книги особого состава¹⁰⁰.

Таким образом, "История" Курбского не могла оказать воздействия на автора "Слова", так как "Выпись" была составлена значительно раньше ее. Знакомство же Курбского с сочинениями о втором браке Василия III очень вероятно, а сходство взглядов составителя "Слова" и Курбского несомненно. Курбский, как он сам указывает, писал о событиях конца 20-х—начала 40-х годов XVI в. по памяти, допустив фактические ошибки. Следовательно, работая над "Историей великого князя Московского", Курбский, видимо, не имел под руками "Выписи". В приписываемом же перу Курбского житии Максима Грека, составление которого относят еще ко времени пребывания Курбского в России¹⁰¹, опущены сведения о противодействии Максима второму браку Василия III¹⁰².

В годы опричнины "Выпись" (точнее, первые части ее — "Слово") снова приобрела политическую актуальность и могла быть использована кругами, недовольными Грозным. В нарушении Василием III церковных правил, в браке его с Еленой Глинской современники искали объяснения жестоким поступкам Ивана Грозного. Возможно, что уже тогда была принципиально изменена концовка "Выписи"^{32*}, дошедшая до нас в позднем житии Максима Грека: афонские старцы — по тексту жития — запрещают Василию III вступать во второй брак¹⁰³. В те годы актуальными казались и элементы противотурецкой направленности в "Писании": конец 60-х—начало 70-х годов XVI в. — время обострения русско-

^{31*} Известен также и афонский монах Паисий, бывший в 1550 г. игуменом Хиландарьского монастыря. В 1550 г. этот Паисий приезжал вместе с тремя другими монахами в Москву⁹⁷ и составил для митрополита Макария "Типик Святыя горы"⁹⁸. Быть может, это одно и то же лицо, или переписчики спутали впоследствии названия монастырей?

^{32*} С.А. Белокуров не отметил это существеннейшее различие между "Выписью" и житием Максима Грека. "Дословное сходство" памятников характерно лишь для первых двух частей "Выписи" (т.е. "Слова").

турецких отношений; в 1568 г. султан Селим осквернил святыни храма св. Софии в Стамбуле и приказал убрать некоторые из них (часть святынь перевезли на Афон)¹⁰⁴. Возможно, что именно в годы опричнины были внесены в текст и объяснения малопонятных слов (первоначально это могло быть сделано в виде глосс, разъясняющих трудные слова). Позднейшим изменением является и заглавие памятника.

Люди XVII в. также не утратили интереса к этому остро публицистическому памятнику. "Выпись" встречается в рукописях XVII в. в составе "Степенной книги" вместе со сказаниями об Афонских монастырях и в сборнике материалов, связанных с Максимом Греком.

Таким образом, наиболее обоснованной датировкой "Выписи" о втором браке Василия III можно признать датировку, предложенную еще в 1928 г. М.Н. Тихомировым. Этот памятник публицистики оформился в ходе политической борьбы второй половины 40-х годов XVI в. и содержание его тесно связано с политическими событиями 1546—1547 гг.^{33*}

^{33*} [В статье "От редактора", предваряющей издание "Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки", автор настоящей книги писал: «Научное значение сведений, заключенных в публикуемом памятнике, отнюдь не ограничивается данными о судебных процессах Максима Грека и Исаака Собаки, о деятельности прикосновенных к этому лиц — облегчается понимание и неясных до сих пор важных обстоятельств политической истории, и темных мест давно уже изучавшихся памятников публицистики. Так, казалась непонятной путаница сведений о судебных процессах 1525 и 1531 гг. в т.н. "Выписи" о втором браке Василия III — остротенденциозном сочинении, направленном против Ивана IV. Это использовалось даже для доказательства позднего происхождения "Выписи", вторичности ее по отношению к "Истории о великом князе Московском" Курбского (составленной в 1570-е годы). Теперь имеются документальные свидетельства того, что уже в памятнике 1540-х годов обнаруживается путаница едва ли не такого рода. Тем самым не только появляется дополнительный аргумент в пользу датировки "Выписи" примерно 1546—1547 гг. (о чем писал еще в 1928 г. М.Н. Тихомиров), но и возникает заманчивая перспектива рассмотрения возможных точек соприкосновения судных списков Максима Грека и Исаака Собаки и "Выписи" и изучения их в ряду публицистических сочинений второй половины 1540-х—начала 1550-х годов, а ведь это время интенсивной публицистической деятельности Максима Грека и Макария, Сильвестра и Ермолая-Еразма, Ивана Пересветова и Ивана Грозного...»¹⁰⁵]

К изучению "Истории" князя Курбского (О поучении попа Сильвестра)*

1547 год — первый год "Московского царства" — ознаменован был массовым восстанием в Москве. Восстанию предшествовал "великий пожар" 21 июня. Важнейшими моментами восстания были созыв веча, а затем убийство в Кремле дяди царя князя Ю.В. Глинского, расправа над людьми Глинских 26 июня и поход москвичей 29 июня в подмосковное с. Воробьево, где укрылся царь Иван. Советские ученые признают московское восстание крупнейшим явлением политической истории России середины XVI в., во многом определившим дальнейшую правительственную деятельность.

События июня 1547 г. произвели сильное впечатление на современников, даже по прошествии многих лет воспринимались как особо значительные, а описание их тенденциозно использовалось публицистами для обоснования и пропаганды политических или историко-философских взглядов. Это ясно обнаруживается и в сочинениях Курбского и Ивана Грозного.

Курбский в "Истории о великом князе московском" связывал с событиями 1547 г. изменения и в правительственной деятельности Российского государства, и в образе жизни Ивана IV. Однако главное внимание в его "Истории" акцентируется не на массовом восстании, а на обличении молодого царя священником Сильвестром. Именно следствием проповеди Сильвестра было, по Курбскому, духовное перерождение Ивана IV и начало деятельности новых его советников — Избранной рады. Поучение Сильвестра — важнейший эпизод и в описании событий 1547 г., и в схеме периодизации правления Ивана Грозного, разработанной Курбским. В настоящей работе предпринята попытка — в значительной степени гипотетическая — рассмотреть этот эпизод "Истории" Курбского в связи с политическими, историко-философскими и литературно-художественными представлениями публициста.

* Впервые опубликовано в кн.: Славяне и Русь: Сб. к 60-летию акад. Б.А. Рыбакова. М., 1968. С. 366—374.

Боярин князь Андрей Михайлович Курбский (1528—1582), перешедший в 1564 г. на службу к польскому королю, написал "Историю о великом князе московском" не ранее 1573 г. Одним из поводов для ее составления было выдвижение русского кандидата на польский королевский престол.

"История" Курбского — это остро полемическое произведение, по существу памфлет, направленный против Ивана Грозного и искусно облеченный в форму исторической биографии. Исследователь сочинения Курбского А.Н. Ясинский возражает против такой характеристики "Истории", полагая, что она является "первым русским прагматическим сочинением"¹. Возражение А.Н. Ясинского кажется, однако, недостаточно убедительным. Памфлетная форма, полемическая заостренность, откровенная политическая тенденциозность отнюдь не препятствуют тому, чтобы признать сочинение Курбского одновременно и историко-прагматическим (в том смысле, как понимали подобный характер изложения в средние века)², т.е. описывающим исторические события в определенной причинной связи и последовательности с целью преподать известное поучение.

"История" Курбского, так же, как и пространная редакция первого послания к нему Ивана Грозного (1564)³, адресовалась прежде всего читателям Речи Посполитой и в какой-то мере рассматривалась как ответ на послание. Курбский преследовал цель не только противопоставить трактовке Грозным основных событий истории России середины XVI в. иное их толкование, но и опровергнуть конкретные замечания, имевшиеся в послании царя. Эти же задачи стояли перед Курбским и при написании ответных посланий царю, особенно второго послания (1577), во многом близкого "Истории". Рассчитывал Курбский, видимо, и на то, что сочинение его станет известным в России.

"История" якобы являлась ответом на неоднократные вопросы "многих светлых мужей" (т.е. панов): "Откуда сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю... прежде от всех добрую славу имущему?"⁴ Составление подобного сочинения отвечало и повышенному интересу людей XVI в. к биографиям выдающихся деятелей⁵.

"История" Курбского находится в русле отечественной летописной^{1*} и публицистической традиции. В то же время написана

^{1*} Летописная традиция прослеживается уже с зачина "Истории", напоминающего зачин Повести временных лет.

она не без воздействия и зарубежных образцов^{2*}. "История" основана на личных впечатлениях (и в этом плане может рассматриваться как один из первых в России опытов мемуарной литературы), на рассказах очевидцев и на знакомстве с письменными источниками, прежде всего, с современными летописными текстами.

Излагая события 1547 г., Курбский пишет о "презельном и воистину зело страшном пожаре", оговаривая: "Аще бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти, або книжица". У Курбского типично средневековое представление о подобных событиях как о божественном возмездии за грехи, в данном случае за "лютость" молодого Ивана IV и его "человекоугодников". Описывая восстание, Курбский подчеркивает его массовость ("возмущение велико всему народу")⁶. Основная причина восстания — "зло", чинимое ненавистными ему Глинскими и их приспешниками.

Главное место в изображении событий конца июня 1547 г. в "Истории" отведено проповеди Сильвестра. "В то же время... тогда, убо тогда". Сильвестр "претяще ему (т.е. Ивану IV. — С.Ш.) от бога священными писаньми и... заклинающе его страшным божьим именем... умыслил, яко и последовало дело: иже душу его (Ивана IV. — С.Ш.) от прокаженных ран исцелил и очистил был, и развращенный ум исправил, тем и овым наставляюще на стезю правую". Курбский пишет, что Сильвестр пытался воздействовать на юного царя какими-то устрашающими чудесами, отмечая, что эти чудеса не "истинные, або так ужасование пущающе"^{3*}. "Блаженный малую грозу присовокупляет благокознению, ею же великое зло целити умыслил"⁷.

В этом изображении заметны элементы полемики с посланием царя. Грозный напоминал Курбскому о попытках Сильвестра и Адашева "устрашити" его "децкими страшилы"⁸. Курбский не отрицает того, что Сильвестр действительно "для детских неистовых его (Ивана IV. — С.Ш.) нравов", "буйства его ради" "ужасал" царя "мечтательными страхами". Но объясняет Курбский этот посту-

^{2*} Тема сравнительного рассмотрения "Истории" Курбского и близких к ней по времени других европейских историко-публицистических сочинений еще ждет исследователя. Можно полагать, что в результате такой работы позволительно будет выделить в сочинениях Курбского некоторые доныне не отмеченные черты, сближающие "Историю" с произведениями европейской исторической общественной мысли гуманистического толка.

^{3*} Любопытна сама терминология — употребление слова "гроза", столь характерного для общественной мысли XVI в. О "грозе" писал Пересветов. "Грозным" прозвали царя Ивана IV. Термин этот, впрочем, унаследован от литературы предшествовавших веков (его встречаем и в Послании Даниила Заточника).

пок тем, что Сильвестр ("яко и врачеве делает") старался таким способом "великое зло целити".

Эту же мысль — только более подробно — Курбский развивает затем и в "Отвещании" 1579 г. на второе послание Грозного⁹. Сравнительное изучение текстов обоих сочинений Курбского позволяет выявить близость не только смысловую, но и стилистическую и даже текстуальную. Подобная же близость характерна и для изображения событий июня 1547 г. в первом послании царя Курбскому (1564), и во вставке в Царственной книге, датируемой, видимо, началом 1580-х годов¹⁰. Грозный также, получив "Отвещание" Курбского, счел нужным подробнее снова остановиться на характеристике событий июня 1547 г.

Недавно выявлены источники, позволяющие сделать более деятельный исторический комментарий к описанию этого эпизода Курбским. Выяснилось, что на следующий день после пожара у постели больного митрополита Макария состоялось экстренное заседание Боярской думы. В Постниковском летописце читаем: "Царь со всеми бояры к нему (Макарию. — С.Ш.) на думу приезжали"¹¹. К сожалению, на этом текст летописца обрывается. Но в другом памятнике — Повести о московских пожарах — отмечено, что у митрополита говорили о "великом пожаре": "И много и словесы духовными митрополит тешаше царя государя и великого князя, поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти. Царь же и государь, слушая его духовная словеса и наказание. Поминаше же великому князю о опальных и повинных людях. Царь же и государь, слушая митрополита, во всем опальных и повинных пожаловал"¹² и просил митрополита молиться богу "и всем святым его угодником"^{4*}.

Свидетельство это объясняет нам многое из того, что сознательно нечетко передано и во вставке в Царственную книгу, и в "Истории" Курбского. В покоях митрополита Ивана IV увещали, поучая "елико подобает царям православным быти". Поведение Ивана IV, скакавшего со свитой из города в город, грабившего казну храмов и монастырей, разорявшего местное население, безрассудно казнившего своих приближенных^{5*}, издевавшегося над челобитчиками (многим была памятна история с новгородскими челобитчиками, которым Иван IV приказал палить бороды), вызывало нарекания, становилось поводом общественного недовольства. Ходили зловещие слухи о предсказании, будто сын Василия III от второго брака будет тираном и насильником, и рождение его при-

^{4*} Текстуально очень близкое описание событий находим и в сборнике № 1516 Софийского собрания¹³. Сборник XVI в., возможно, составлен Нилом Курлятевым.

^{5*} Об этом писал и Курбский в "Истории"¹⁴.

несет несчастье русской земле¹⁵. Поведение молодого царя, казалось, подтверждало прозорливость предсказателей.

Очень вероятно, что поучал царя не столько старик Макарий (вряд ли достаточно оправившейся после падения с кремлевской стены во время пожара), сколько Сильвестр, конечно, известный Ивану IV как священник придворного Благовещенского собора. Это и запечатлено в первом послании царя Курбскому и в "Истории" Курбского. Сильвестр, беспощадный в своих обличениях, мог оказать сильное воздействие на предрасположенного к психическим недугам, болезненно впечатлительного и суеверного юношу Ивана IV.

То, что царь не отрицал впоследствии самого факта обращения Сильвестра к "детским страшилам" (а царь был еще очень юн — ему не исполнилось и 17 лет!), показывает как будто, что это имело место в действительности. И когда царь в писании Стоглавому собору весной 1551 г. напомнил о событиях июня 1547 г. ("И от сего бо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя")¹⁶, он мог думать не только о пожаре и восстании "черных людей", но и об устранившей его проповеди Сильвестра.

Не исключено, что проповедь Сильвестра¹⁷ была публичной и что это способствовало росту влияния Сильвестра на окружающих царя^{6*}. Участие Сильвестра впоследствии в официальной правительственной деятельности, столь необычное для священника, несомненно: он принимал вместе с А.Ф. Адашевым челобитные, присутствовал на заседаниях Боярской думы. Пискаревский летописец, характеризуя деятельность А.Ф. Адашева, отмечает: "В ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения"¹⁹.

Очень любопытна фраза, связывающая в "Истории" описание восстания и рассказ о поучении Сильвестра: "И в то время дивне некая бог руку помощи подал отдохнуть земле христианской, образом сим"²⁰. Именно Сильвестр выступает у Курбского выразителем и толкователем воли бога, наказавшего людей за грехи страшным пожаром. В "Отвещании" Ивану Грозному Курбский идет еще дальше, когда формулирует, что царь "отогнал" Сильвестра от себя "и Христа нашего с ним"²¹.

^{6*} Передавая содержание проповеди Сильвестра, Курбский опирался, очевидно, не только на воспоминания о проповеди, произнесенной сразу после московского пожара (если проповедь была публичной, Курбский, даже не слышав ее сам, мог знать об этом от очевидцев), но и на текст так называемого послания Сильвестра царю, написанного уже после июня 1547 г. В Послании приводилось библейское пророчество Исаии о божьем наказании, о внезапном "мятеже" и "разрушении града"¹⁸.

Рассказ Курбского о поучении Сильвестра едва ли не навеян библейским образом пророка Нафана, обличающего царя Давида²². Библейские и вообще историко-церковные ассоциации приобретали в ту пору большую политическую актуальность и широко использовались в изобразительном искусстве и в литературе.

Вполне вероятно, что непосредственное влияние на композицию рассказа Курбского о поучении Сильвестра и на самую трактовку этого сюжета оказало написанное Максимом Греком еще в 1530-е годы "Слово пространнее, излагающе с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития". Его автор горько сетовал, что нет "Нафана, который мудрою притчей исцелил Давида и избавил его от страшного падения"²³. Изображение Сильвестра по образу библейского пророка Нафана^{7*} понадобилось Курбскому как зачин в тенденциозном описании деятельности Избранной рады.

Одной из главных задач сочинения Курбского было очернить деятельность Ивана Грозного, принизить значение его личности^{8*}. Тем самым находилось и оправдание изменническим поступкам самого Курбского.

Для достижения этой цели Курбский не только особым способом подбирал и толковал исторические факты (не останавливаясь, как и Иван Грозный, перед их сознательным искажением), но также использовал и особые художественно-изобразительные приемы, в частности, свойственную писателям той поры склонность к риторическим эффектам, драматичности повествования и к изображениям нравоучительного характера. Эти черты исторического повествования обнаруживаются и в русском летописании, и в византийских сочинениях (знакомых русским публицистам). Они характерны и для библейской традиции, и для римской историографии²⁶.

Архитектоника сочинения Курбского очень продумана и рассчитана на определенное воздействие^{9*}: "Приклони же уже уши и слушай со прилежением!"; "Ту ми зри со прилежением"²⁷. Рассказ о поучении "льстеца истинного" "блаженного" Сильвестра юному Ивану IV — завязка первой части нравоучительного повествования

^{7*} Курбский еще во втором письме к старцу Васьяну Муромцеву восклицал: "Где лики пророк, обличающие неправедных царей"²⁴.

^{8*} В этом плане боярин Курбский отошел от типичных представлений писателей XVI в., склонных обожествлять своего господина. "Сего ради неправедно о царюющем худым многословити, ниже без муки. Иже еще, что прочно, лепотнее бо есть царское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризю"²⁵, — писал дьяк Иван Тимофеев.

^{9*} Такими словами предваряются рассказы и о деятельности Избранной рады, и о встрече царя с В. Топорковым.

"О великом князе Московском", начало "главной доброты", возвышение Ивана IV²⁸. Завязка второй части повествования — тоже рассказ о поучении, но уже "вселукавого" монаха Вассиана Топоркова, начало "злу", падение Ивана IV.

Из изложения Курбского становится ясным, что благой совет исцелил Ивана IV от нравственной болезни, способствовал его "соединению" с советниками "разумными и совершенными"²⁹ и спас государство от гибели; злой же совет³⁰ ожесточил Ивана IV^{10*}, сблизил его с "презлыми ласкателями", привел к "гонениям великим и пожару лютости"³², к падению единомышленников Курбского (такими изображались в "Истории" участники Избранной рады) и к ослаблению государства от "искры безбожной", которую Топорков "в сердце царя христианского всеял"^{11*} ("во всей святоруской земли таков пожар лют возгорелся")³³.

Злому советнику Вассиану Топоркову Курбский противопоставляет и еще одного доброго советника — самого "преподобного Максима". Максим Грек во время того же монастырского "объезда" царя 1553 г. также дает Ивану IV совет, "словесы множайшими наказуя его". Но царь, "яко гордый человек, упрямися", пренебрег этим советом, за что и был наказан богом³⁴. Любопытно, что Курбский оговаривает то обстоятельство, что Максим давал свои советы царю через четырех его приближенных (среди них и автор "Истории"), в то время как Топорков советы свои "начал шептати ему во ухо"³⁵. Таким образом, и здесь опять встречаемся с противопоставлением мудрых и одновременно публичных советов (Максима) злым и одновременно тайным советам, данным по наущению дьявола ("силлогизм сотанинский"!). Максим Грек — олицетворение мудрости и добра, Вассиан Топорков — олицетворение зла, "лютости".

В начальной части "Истории" Курбский уже упоминал о "Максиме философе" и связывал его деятельность с деятельностью "других святых мужей", которые вместе с С.Ф. Курбским пострадали за то, что "уподобясь ревностью" Иоанну Крестителю, возбраняли Василию III вступить в незаконный брак³⁶. Можно думать, что продолжателем дела этих мудрых и смелых князей — советников, сподвижников, "святых мужей" — и мыслил или хотел представить себя и сам автор "Истории".

^{10*} "Яже ти советовал и шептал во ухо не держати мудрейшие рады при себе"³¹.

^{11*} Ненависть к Вассиану Топоркову, возможно, объясняется еще и тем обстоятельством, что именно Вассиан выступал ранее обвинителем Максима Грека, к которому Курбский питал особое уважение. Курбский записывал рассказы "Максима философа", составил его жизнеописание.

Курбский придавал исключительное значение совету, тому, что на языке людей XVI в. называлось "встречей"³⁷ (особенно развивает он эту мысль в "Отвещании" на второе послание царя)^{12*}. Тот же государь, который, "возгордев", приравнивает себя к богу и прислушивается к "совету юных", может и "не сохранить своего чина"³⁹. Государь должен, по его мнению, быть "любосоветным", ему надлежит "управляться советом и разсуждением"⁴⁰. "Самому царю достоин быти яко главе, и любити мудрых советников своих, яко свои уды!" — именно такой совет обязан был, по мнению Курбского, дать Ивану Грозному инок Вассиан Топорков⁴¹. По советникам судят о государе, ими он силен и славен, советниками определяется его поведение⁴². Эти мысли сближают Курбского со старшими его современниками Ф.И. Карповым⁴³ и Максимом Греком^{13*}.

По существу, это традиционные представления о государе, долженствующем умело выбирать "смысленных думцев" и прислушиваться к мудрым советам. Такие мысли высказывались еще Даниилом Заточником и боярином-летописцем Петром Бориславичем, которого Б.А. Рыбаков удачно охарактеризовал как "своего рода Андрея Курбского XII столетия"⁴⁵. Если ранее в литературе обычно проводились параллели между Курбским и деятелями последующего времени, то Б.А. Рыбаков показал допустимость подобных исторических аналогий и по отношению к более древним временам. В новых исторических условиях эти традиционные представления, естественно, принимали новые формы.

И.И. Смирнов верно отметил, что события политической истории времени правления Ивана IV "излагаются и освещаются Курбским именно с позиций теории о мудрых советниках"⁴⁶. Влиянием дурных советников, действовавших по наущению дьявола, Курбский и объясняет перемены в характере Ивана IV, отвечая на риторический вопрос, поставленный в начале его сочинения: "Откуда сия приключишася?"

Акцентируя в изображении событий июня 1547 г. внимание именно на проповеди Сильвестра, Курбский старался этим подкрепить теорию о "мудрых советниках". Свою теорию он противопоставлял антибоярской теории "самодержавства", сформулированной в первом послании к нему царя Ивана, это-то и предопре-

^{12*} Идеал управления, по Курбскому, — "избранные и преподобные мужи", "правду глаголющие", "не стыдяся"³⁸.

^{13*} Они близко напоминают рассуждения в дидактическом сочинении Максима Грека "Главы поучительны начальствующим правоверно", написанном им в 1548 г. для Ивана IV⁴⁴.

делило периодизацию правления Ивана Грозного в "Истории" Курбского.

Мысль о "собрацении" доброго нрава на злой была усвоена и составителем второй редакции Хронографа в начале XVII в. и стала основой для характеристики Ивана Грозного в этом сочинении⁴⁷.

Впоследствии рассказ Курбского увлек пафосом внезапного перерождения юного государя историка Н.М. Карамзина, сформулировавшего известный тезис: "Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве"⁴⁸. Описание Курбского покорило Карамзина с тем большей легкостью, что укладывалось в облюбованную им схему русского исторического процесса, согласно которой "история народов принадлежит царю", а цари способны под влиянием мудрых советников (представление, унаследованное от "Века просвещения") изменять систему государственного управления. Рассказ Карамзина, в свою очередь, пленил последующие поколения и неоднократно повторялся в трудах историков и литературоведов, надолго сохранивших в своих сочинениях эту мелодраматическую периодизацию времени правления Ивана Грозного.

О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)*

Послание 1573 г. давно уже признано выдающимся памятником публицистики и литературного языка. Сочинение это включили в академическое издание "Посланий Ивана Грозного", вышедшее под редакцией В.П. Адриановой-Перетц¹. Д.С. Лихачев, подготовивший к печати Послание², составил и археографический обзор его списков. Таким образом, исследователи получили возможность всестороннего его изучения.

В плане общественно-политической истории обычно подчеркивали противобоярскую направленность Послания. Возможно, это объясняется тем обстоятельством, что Послание более привлекало внимание литературоведов и филологов, нежели историков. Вполне естественно, что специалистов в области истории литературы и языка прежде всего интересовал авторский текст Грозного, а именно обличительные выпады против постриженников-бояр признавались характерными образцами литературного стиля Грозного-писателя. Для историка же при изучении Послания не меньшее значение, чем текст самого Грозного, имеют цитаты из сочинений других авторов, приводимые царем в обоснование своих взглядов и призванные подчеркнуть основную тенденцию Послания. Исследование текста Послания в целом позволяет изучать его и как свидетельство борьбы царя с монастырскими правами и привилегиями, и как памятник церковно-религиозных представлений Грозного. Обратить внимание на это и является задачей сообщения.

Вопросы монастырского общежития всегда волновали Грозного. Острый наблюдатель, он хорошо запоминал бытовые приметы образа жизни того или иного монастыря. Это отражено и в Послании, где переданы впечатления о различных монастырях, о том, как принимали там царя и его свиту, каков был монашеский обиход. Задумывался Грозный над этим, конечно, и тогда, когда пытался

* Впервые опубл.: Литература и общественная мысль Древней Руси: К 80-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 163—166.

организовать свою опричнину наподобие некоего монашеского ордена (что, впрочем, не помешало опричнине быть в какой-то степени и предтечей петровского "Всешутейшаго собора"), и когда ставил перед собой вопрос о возможности пострижения.

Понятно, что в своей критике монастырских обычаев и в формулировках советов монахам Грозный более сдержан, чем в обличении бояр. Более того, он предпочитает использовать с этой целью сочинения церковных писателей, причем такие, которые близки ему не только основной своей направленностью, но и стилистически. Потому-то Послание, столь обильно насыщенное цитатами, воспринимается все-таки как стилистически единое литературное произведение.

Пытаясь представить идеал монашеской жизни, далекой от мирских интересов, Грозный ищет поддержки церковных авторитетов. И не случайно, конечно, Послание изобилует цитатами именно из сочинений Илариона — теоретика раннесредневекового аскетизма. Страстные филиппики Илариона обличают отступления монастырей от строгих правил иночества, стремление монахов походить на "мирских самодержцев" (С. 183), участвовать в активной политической деятельности: "Мирскому бо подобает мирская строити, а иноку иноческий путь правити... Хульно же и проклято, еже видети мниха, сан в мире приемлюща и мирская строящу, и богатство беруща... А ныне видим вы, и старыя и младыя, яко кождо вас власти от царя и от вельмож ищите, от бояр же имения, от убогих же чести и поклонения" (С. 185). Взглядам Грозного соответствовали и наблюдения Илариона над отношением современных ему монахов к апостольским заветам: "Имяны их любим зватися, жития же их не подражаем" (С. 188).

Едва ли не знакомство с сочинением Илариона укрепило Грозного в мысли обратиться с учительным посланием в монастырь, основатель которого, по преданию, тоже склонен был к аскетизму. Первоначально Грозный собирался по традиции опереться на сочинение Василия^{1*}, но, "разгнув книгу, обретох" послание Илариона, увидел, что оно "зело к нынешнему времени ключаемо", и счел это за "божие некое повеление... и сего ради дерзнух писати" (С. 166). Цитатничество (если дозволено применительно к писателю далекого прошлого употреблять это современное слово) вооб-

^{1*} Грозный ссылается, однако, и на сочинение Василия³, отождествляя, видимо, Василия Амасийского с Василием Великим. Любопытно, что и Курбский особенно высоко ценил "постническую книгу" Василия. Курбский беседовал о ней с "еретиком" Артемием, прославлял Феодорита за то, что тот, став архимандритом, монахов "уздает и востязает страхом Божиим, наказующе по великому Василиеву уставу жителствовати"⁴.

ще характерно для средневекового мышления, это типичный прием доказательства в сочинениях той эпохи.

Грозный отнюдь не склонен, однако, ограничиться давними примерами раннехристианского благочестия. Напротив, он настойчиво старается показать, что подлинное благочестие присуще было и русским монастырям: "Ведь по всем монастырем сперва начальники установили крепкое житие, да после их разорили любострастием"^{2*} (С. 173). Попытки "постническое житие искоренити" (С. 176) он рассматривает как "чюдотворцеву преданию преступление" (С. 172), прибегает даже к такому сильному сравнению: "Христос распинаем — чюдотворцево предание преобидимо" (С. 168) — и напоминает о прославленных основателях монастырей, которые "не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися" (С. 180).

Повинны в "любострастии" прежде всего бояре-постриженники, внесшие мирские обычаи в монастырь и дух неравенства в обиход монахов. В таких монастырях остались "точию одеянием иноцы, а мирская вся совершается" (С. 173). "Шереметева устав" противопоставляется "Кирилову уставу": "да помалу, помалу весь обиход монастырской крепостной испразднится и будут все обычаи мирския" (С. 172).

Основой монастырского общежития должно быть равенство: "Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли не ровно, которому братству быти? — ино то иноческаго жития нет" (С. 180)^{3*}. При этом, вспоминая годы свой юности, Грозный ссылается на обычаи монастырей, где "равенство и по се время держалося — холопом и бояром и мужиком торговым" (С. 179). Неравенство перед богом, так же, как и неравенство в среде монахов, по словам Грозного, чуждо христианству — "то Махметова прелесть... Ино то по тому же быти в царствии небесном: кто здесе богат и велик, тот и там богат и велик будет?.. Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярства не състрижет, а холоп холопства не избудет? Да како апостолово слово: "несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе"? Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существеннаго раба?" (С. 179). Ука-

^{2*} И Курбский упомянул о "жестоком и святом жительстве" кирилловских "святых мужей"⁵. Он же писал и о "любостыжательном мнишеском роде"⁶.

^{3*} Интересен в этой связи пример буквальности мышления Грозного, что вообще свойственно было людям средневековья. Он полагал, что больший вклад в монастырь, более пышное поминовение обеспечат большее благополучие и на том свете (см. замечание о церкви, поставленной Воротынскому, — С. 173), и не желал, чтоб бояре оказались там в более благоприятном положении.

зывает Грозный и на то, что на страшном суде судьями царей окажутся праведники — рыболовы и поселяне (С. 180).

Конкретная и очень узкая социально-политическая направленность этих сентенций ясна. В то же время они восходят к общему комплексу христианских представлений, что допускает возможность сближения позиции Грозного с так называемой еретической литературой. Это могло бы послужить предостережением для исследователей, склонных на основании подобного типа цитат делать подчас ответственные выводы о реформационных взглядах русских мыслителей XVI в. В высказываниях этих заметно и воздействие нестяжательской мысли (возможно, даже и обсуждения вопросов церковной жизни в пору подготовки Стоглавого собора), что лишний раз свидетельствует об условности резких разграничительных линий между нестяжательством и иосифлянством в воззрениях и в политической практике государственных деятелей.

Грозный подчеркивает, что писал Послание "иноческого для жития" (С. 192), "монастырского для безчиния" (С. 178), "монастырского для чину и слабости" (С. 177). Нарочитое старание отвести мысль, будто гнев на бояр-постриженников был поводом к составлению Послания (см. С. 177, 178, 179, 190), кажется, конечно, подозрительным, тем более, что хорошо известны акты преследования Грозным придворных и после того, как они приняли монашеское обличье. Да и из Послания видно, что царь опасался, как бы монастырь не стал местом боярского заговора (не случайно он настаивал, чтобы богатый постриженник "только бы ел один, а сходов бы да пиров не было", — С. 191).

Послание действительно "в значительной степени, — как полагает Я.С. Лурье, — направлено против превращения монастырей в боярских вассалов или в замаскированные боярские вотчины" (С. 480). Но политическая тенденция Послания отнюдь не сводилась только к этому. Грозный опасался и своеволия церковников, и их слишком действенного участия в политической жизни. Мысль о всевластии Сильвестра не покидала царя: он писал об этом и в середине 1560-х годов (первое послание Курбскому), и в последние годы жизни (второе послание Курбскому, приписки к лицевым летописям⁷). Встречаем имя Сильвестра и в рассматриваемом Послании: "Другой на вас Сильвестр наскочил, а однако его семьи" (С. 173). (Не следует забывать, что опального Сильвестра сослали именно в Кириллов монастырь.)

Исследователями (в недавнее время С.М. Каштановым и В.И. Корецким) выявлено немало фактов противомонастырской политики правительства сразу же после отмены опричнины. Ука-

зом 9 октября 1572 г. были запрещены земельные вклады в крупные монастыри. В 1572 г. и особенно в 1573 г. резко уменьшилось число земельных приобретений монастырями⁸. В Кириллове монастыре с конца 1572 г. резко уменьшилась и сумма денежных вкладов⁹. Характерно, что в 1572—1574 гг. несомненны прежде всего признаки опалы монастырей, бывших основными духовными вотчинниками опричнины, куда опричники особенно охотно давали вклады. Это как раз те монастыри, о которых с таким негодованием написано в Послании, — Троице-Сергиев, Симонов, Чудов. Именно этим монастырям (так же, как и Кирилло-Белозерскому), по наблюдениям С.М. Каштанова, прекратилась выдача иммунитетных грамот. В 1573 г. (по некоторым сведениям) казнили чудовского архимандрита. Еще ранее стал опальным бывший архимандрит Левкий¹⁰, сыгравший зловещую роль при учреждении опричнины^{4*}. Примерно в это время завели и судебные дела против симоновского архимандрита, а также и против Иосифо-Волоколамского монастыря, причем главным действующим лицом выступал такой царский приближенный, как А. Щелкалов^{5*}. Согласно сообщению Горсея, подтверждаемому и русскими источниками, в середине 1570-х годов царь предложил монастырям представить ему "вернейший и точный инвентарь всех сокровищ и годового дохода"¹⁶, с чем можно связать последовавшие затем казни и преследования церковных деятелей.

Все это позволяет рассматривать Послание и в связи с системой репрессий, последовавших за отменой опричнины, и как свидетельство возобновившейся борьбы Ивана Грозного с монастырскими правами и привилегиями, завершившейся постановлениями соборов начала 1580-х годов.

^{4*} Фраза Послания о Левкии¹¹ переведена неточно¹² и, соответственно, неправильно интерпретирована В.Б. Кобриным¹³: слово "остася", замененное в издании словом "отстоя"¹⁴, можно понимать как "осталось" ("мало что осталось").

^{5*} В Архиве эти документы находились в одном ящике с документами об опале новгородского архиепископа Пимена¹⁵.

Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский)*

Недавно Археографической экспедицией Сибирского отделения АН СССР под руководством Н.Н. Покровского была обнаружена рукопись конца XVI в., 39-я глава которой представляет собой "судный список" Максима Грека¹. Это самый полный и самый ранний из известных ученым списков знаменитого судебного процесса времени Василия III, вернее, даже двух процессов — 1525 и 1531 гг.

Среди многих ценных сведений списка значительный интерес представляют данные о роли Тучковых в осуждении Максима Грека: "А Михайло Тучков бил челом великому князю [...] сын его Василей ходил к Максиму [...] его спроси. И Михайлов сын Василей ве[ликому] князю сказал: Яз, государь, к Максиму был прихож и [...] // мне грамоту греческую. И просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил, и молвил ему: Поживи еще здесь. И Максим говорил: Яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство. И, став Михайлов сын Тучкова Василей с Максимом с очей на очи, говорил, что те речи про великого князя Максим говорил, что государь гонитель на христианство, как и прежние гонители. И Максим сказывает: Того не говаривал. И Василей говорил, что те речи у Максима слышал" (Л. 340 об.—341)².

Отец и сын Тучковы — Михаил Васильевич и Василий Михайлович — были заметными фигурами в общественно-политической жизни России первой половины, особенно второй четверти XVI в. О деятельности их многое знали и публицисты второй половины века, однако о Тучковых дошли сведения явно неполные, подчас странные или откровенно тенденциозные.

Михаил Васильевич Тучков — представитель старомосковской знати^{1*} (из рода Морозовых)⁴, сын конюшего^{2*} и боярина, выдви-

* Впервые опублик. в кн.: Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Б.А. Романова // ТЛОИИ. Л., 1971. Вып. 12. С. 129—141.

^{1*} Тучковы были в XVI в. богатыми землевладельцами.

^{2*} Об этом узнаем из "Выписи из великого князя книги дияка Тимофея Ка-

нувшийся на служебном поприще еще в самом начале столетия^{3*}, к 1511 г.^{4*} окольничий⁹, выполнявший обязанности воеводы¹⁰ и ответственные дипломатические поручения: в 1511—1515 гг. посол в Крыму, в 1516 г. — в Казани¹¹, названный при этом оба раза в летописи (очевидно, "посольства для") боярином¹², на самом деле боярством был пожалован позднее — в 7039 (т.е. 1530/31) г.¹³ Тучкову в ту пору, можно полагать, было более 50 лет, а этот возраст признавался тогда уже "старыми летами"¹⁴. В этом же году, видимо, М.В. Тучкова пожаловали и дворецким, и он стал одним из приближенных Василия III. В январе 1533 г. М.В. Тучков упоминается в разряде свадьбы Андрея Ивановича Старицкого, происходившей "у великого князя... в его хоромы"¹⁵. Хотя с М.В. Тучковым Василий III обычно не совещался "сам третей у постели", он был приглашен умирающим великим князем для обсуждения текста духовной и вопросов "устроения земского" при малолетнем наследнике престола: по летописи, "князь велики прибави к собе в думу к духовной грамоте бояр своих" князя И.В. Шуйского, М.В. Тучкова да князя М.Л. Глинского¹⁶. А.Е. Пресняков полагает, что бояр, присутствовавших при составлении духовной должны были поименовать в конце документа¹⁷. Духовная Василия III до нас не дошла, рассказ официальной летописи о завещании Василия III и составе назначаемого им регентского совета при мальчике Иване IV подвергался перередактированию^{5*}, причем имя М.В. Тучкова оказалось выпущенным и в Царственной книге, и в некоторых других списках летописей^{6*}, однако, есть основания считать, что Тучков был среди "бояр немногих", которым Василий III приказал сына "беречи до 15 лет"²⁰. Все восемь месяцев, пока регентский совет был у власти (до августа 1534 г.), М.В. Тучков занимал высокое место в государстве: бежавший в июле 1534 г. из Москвы польский жолнер дважды в своих пока-

закова" сентября 1534 г. "о ногайских лошадех", дошедшей в рукописи XVI в. Выпись содержит, в частности, интересные подробности о способах выявления прецедентов для решений Боярской думы. Выясняя размеры пошлыны, взимавшейся прежде при продаже ногайских лошадей, "князь великии и великая княгини (т.е. Елена Глинская именем малолетнего Ивана IV. — С.Ш.) обыскали о том бояр, и боярин Михайло Васильевич Тучков сказал, что отец его был в конюшых, а имали при нем Сергеева монастыря пошлыны с лошадьми по осми денег"⁵.

^{3*} Наместник в Галиче в 7009 г.⁶

^{4*} С.Б. Веселовский⁷ ошибается, датируя пожалование окольничества Тучкову 1516/17 г.: окольничим его называют в 1511 г. и в летописи (под 7020 г.), и (под 7019 г.) в Описи архива Посольского приказа 1614 г.⁸

^{5*} Уже, вероятно, в годы господства Шуйских, оказывавших несомненное воздействие на редактирование летописей в 1542—1544 гг. Это убедительно доказано С.А. Левиной¹⁸.

^{6*} Это отметил уже А.Е. Пресняков¹⁹.

заниях называет Тучкова сразу вслед за Шуйскими, перечисляя те, кто "на Москве... всякие дела справуют", "на Москве старшими воеводами, которые з Москвы не мают николи зъехати"²¹, т.е. фактически ведают делами Боярской думы.

В 7043 г., т.е. в 1534/35 г., Тучков лишается должности дворецкого (им становится князь И.И. Кубенский)²², но продолжает принимать деятельное участие в межбоярских распрях. И потерпев в борьбе Шуйских с Бельскими, как сторонник Бельских, в октябре 1538 г. был сослан "с Москвы" в свое село²³. И в Синодальном списке Никоновской летописи, и в Царственной книге из бояр — сторонников И.Ф. Бельского и митрополита Даниила — назван один лишь М.В. Тучков. Во вставке в Царственную книгу отмечено: "и многие промеж них (бояр. — С.Ш.) бяше вражды о корыстех и племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земским". Поводом "вражды меж бояр", завершившейся казнью дьяка Федора Мишурина, послужила попытка И.Ф. Бельского и М.В. Тучкова ("что князь Иван Белской да Михайло Тучков советовали") добиться пожалования боярства князю Ю.М. Голицыну и окольничества И.И. Хабарову, "а князь Василий да князь Иван Шуйские того не восхотеша"²⁴. По предположению С.Б. Веселовского, М.В. Тучков вскоре после этого "умер и нигде больше не упоминается"²⁵.

Между тем М.В. Тучков жил еще, по-видимому, более десяти лет: 7058 г. (1549/50 г.) датируется его дача^{7*} Троицкому монастырю^{8*}; во вкладной книге 1673 г. того же Троице-Сергиева монастыря²⁸ упоминается его вклад 15 июля 1545 г.^{9*}, а также вклад В.В. и М.В. Тучковых 19 июня 1550 г.^{10*}

^{7*} На село Деболы ("Дебала")²⁶.

^{8*} Н.Е. Носов датирует это завещание 1538—1539 гг.²⁷

^{9*} По Иване Ивановиче Брюхове²⁹.

^{10*} "Василий да Михайло Васильевы дети Тучковы по отце своем Василье — 50 рублей"³⁰. Сведения эти, использованные и А.А. Зимин³¹, нуждаются в дополнительном комментировании. М.В. Тучков как будто не имел брата Василия и, судя по духовной его отца (не позднее 1479 г.)³², был единственным наследником В.Б. Тучка. С.Б. Веселовский³³ пишет о М.В. Тучкове как о единственном сыне Василия Борисовича Тучка. Да и странно было бы полагать, что старший сын знаменитого боярина Ивана III так и прожил в неизвестности до более чем 70-летнего возраста. Можно было бы думать, что переписчик вкладной книги ошибся и следует читать: "Василий и Михайло Михайловы дети Тучковы", так как М.В. Тучков действительно имел сыновей Василия и Михаила, умершего окольничим в 7075 г. Еще один сын Иван скончался не позднее начала 1537 г.: по душе его вклады М.В. Тучкова в той же книге 2 марта и 4 апреля 1537 г.³⁴ Но тогда приходится усомниться и в дате кончины В.М. Тучкова, приведенной С.Б. Веселовским по синодику Горицкого Переяславского монастыря. Между тем в рукописи синодика рубежа XVI—XVII вв. (сведениями этими обязан любезности

А.А. Зимин на основании данных о вкладах 7058 г. называет М.В. Тучкова среди бояр 1540-х годов^{11*}, хотя следы его участия в думских делах за это время не выявлены, и считает, что Тучков выбыл из состава бояр к концу 1550 г.⁴⁰ Оставался ли М.В. Тучков, действительно, боярином в 1540-е годы, был ли в опале или оказался не способен к дальнейшей государственной службе по нездоровью, неясно. По-видимому, он не постригся в монахи перед смертью, так как во вкладной книге о вкладе по его душе (без даты) написано без упоминания монашеского имени^{12*} (как, впрочем, и без упоминания боярского звания)^{13*}.

Судьба М.В. Тучкова удивительно схожа с судьбой его отца Василия Борисовича: тот после опалы (1484) прожил еще некоторое время (возможно, даже около 15 лет)^{14*}; но карьера его была окончена и он нигде не упоминался⁴⁷.

Старший сын М.В. Тучкова Василий известен был как один из образованнейших людей своего времени, выделялся начитанностью и литературными наклонностями. В 1520-е годы М.В. Тучков принадлежал к кружку московских аристократов, близких к Максиму Греку, затем прославился как писатель — автор особой редакции "Жития Михаила Клопского" (написанной им в 1537 г. в Новгороде по предложению архиепископа Макария)⁴⁸ и, возмож-

Л.М. Костюхиной) после слов "Лета 7056 февраля 13 преставися Василий Михайлович Тучков" идет перечень имен этой семьи для поминания: "Василия, Михаила, Марию, Иоанна, Василия"³⁵. Марией звали жену М.В. Тучкова, Иваном — сына его, упомянутых во вкладной книге Троицкого монастыря 1673 г. (на Л. 193 запись о вкладе 18 сентября 7059 г.: "по Васильеве Тучкова жене Марии да сыне их Иване дано вкладу денег 100 рублей"). Возможно, что Михаилом и Василием звали других сыновей М.В. Тучкова (скончавшихся, очевидно, без потомства). В Горицком синодике вторым мог быть назван и интересующий нас М.В. Тучков, переживший своего сына, а также и сын его Михаил. Во всяком случае, ясно, что привлекать данные о вкладе 19 июня 1550 г. в качестве сведений именно о М.В. Тучкове было бы неосторожно. Быть может, потому их и поостерегся приводить С.Б. Веселовский.

^{11*} Тучков назван среди бояр, поддерживавших Бельских после июля 1540 г.³⁶, назван среди бояр, остававшихся в думе к концу 1543 г.³⁷, назван среди бояр, заседавших в думе накануне июньского восстания 1547 г.³⁸, назван среди бояр конца 1549 г.³⁹

^{12*} Ср. отметку о вкладе Семена Борисовича Брюхо (с указанием его монашеского имени — "в иноцех Серапион")⁴¹.

^{13*} "По Михайле Васильевиче Тучкове написано в старом селнике: дано вкладу в Ростовском уезде село Деболы; и духовная на то село Михайлова отца Василья Борисовича, писана в вотчинной книге в Ростове"⁴². Духовная эта опубликована⁴³. Очевидно, об этой же даче упоминание в Писцовой книге⁴⁴.

^{14*} С.Б. Веселовский, относя дату смерти В.Б. Тучка к началу 1480-х годов⁴⁵, не учитывает известия Ермолинской летописи об опале 6993 г. В другом варианте его труда это известие уже приводится⁴⁶.

но, других агнографических произведений, связанных с Макарьевскими четви-миньями. Выявлено и влияние М.В. Тучкова на летописание: в новгородском владычном своде 1539 г. имеются вставки о Тучковых. Вставки эти, по мнению А.Н. Насонова, "служат примером того, как в тексте владычной летописи могли получить отражение интересы феодала или его рода"⁴⁹. Отметим, что вставки эти были сделаны тогда, когда И.Ф. Бельский находился в опале и временно восторжествовали Шуйские. В свод 1539 г. включены приведенные выше известия о том, что Василий III советовался с М.В. Тучковым о духовной и сделал его членом регентского совета, и "необычные для летописного текста эпитеты", характеризующие (под 1537 г.) М.В. Тучкова ("храбрыи воин Василей светлое око...", "елико разума от господа сподобися")⁵⁰. По той же летописи, М.В. Тучков "всегда в царских хоромех живый", однако, он не заслужил даже чина окольничего; в "рописи от поля" июня 1543 г., как и в грамотах, выданных "по слову" Ивана IV в 1541—1545 гг.⁵¹, назван рязанским дворецким⁵², а в разрядах царской свадьбы февраля 1547 г., в которых как родственник Анастасии Романовны^{15*} написан с женой в дружках невесты⁵³, упомянут вовсе без чина^{16*}. В официальной служебной документации имя М.В. Тучкова как будто после этого не встречается. Есть данные, что М.В. Тучков скончался 13 февраля 1548 г. брат же его младший, Михаил, был в 1550 г. тысячником второй статьи по Ростову (в Ростовском уезде находились родовые имения Тучковых).

Возникает немало недоуменных вопросов. Почему имя М.В. Тучкова, почерненное в некоторых ранних летописных списках (едва ли не в годы влияния Шуйских), не было восстановлено в более поздних списках, прежде всего в официальных, и упоминается в тенденциозных вставках в лицевые летописи, а имя его сына Василия возвышено в неофициальных списках, восходящих к новгородскому своду, составлявшемуся под началом Макария? Царь Иван при воспоминании о распрях Шуйских и Бельских явно принимал сторону И.Ф. Бельского, царица приходилась близкой родственницей Тучковым, почему же Грозный поносил М.В. Тучкова в первом послании Курбскому?^{17*} Объясняется ли

^{15*} Бабка Анастасии Романовны, жена Юрия Захарьича Кошкина — родоначальника Захарьиных — Ирина Ивановна Тучкова была двоюродной сестрой М.В. Тучкова — дочерью его дяди Ивана Борисовича Тучка.

^{16*} М.В. Тучков не мог присутствовать на свадьбе ("Василей не был за тем: убился с лошади: а была жена его, а в Васильево место был друшка Михайло Яковлевич Морозов").

^{17*} Иван Грозный дважды поминает М.В. Тучкова и оба раза в сугубо негативном плане: "Такожде и матери твоей деды Василей и Иван Тучки многая

это только ненавистью к Курбскому, желанием очернить его родственников?⁵⁷ Почему князь А.М. Курбский — внук М.В. Тучкова, сын его дочери (Марии?), высоко отзываясь об И.Ф. Бельском⁵⁸ (в период возвышения которого отец его Михаил Михайлович Курбский — в 1540 г. — получил боярское звание), не пишет в "Истории о великом князе Московском" о своих родственниках по материнской линии^{18*}, более того, оставляет без ответа эти обвинения царя?^{19*} Что знали оба полемиста — царь Иван и Курбский — и что утаивали? Текст Сибирского судного списка Максима Грека указывает одно из возможных направлений для изысканий.

В следственном деле Ивана Берсеня и Федора Жареного февраля 1525 г. келейник Максима Грека Афанасий назвал М.В. Тучкова среди тех аристократов^{20*}, которые "прихожи были к Максиму", "говаривали с Максимом книгами и спиралися меж собою о книжном". Правда, келейник специально оговаривается, что во время подобных бесед Максим келейников "вот не высылает", тогда как с Берсением "сидят долго один на один"⁶¹. По видимому, Максим объяснял Тучкову некоторые неясные места священных текстов, переводил и комментировал по его просьбе отрывки из трудов византийских авторов. Адресовал Максим ему и послания⁶². Так, М.В. Тучкова признают адресатом послания об управлении и милостивом суде, заканчивающегося словами: "Малыми писах к тебе, добрейший Василие, благородного корени благородно прозябание; вем бо, яко многими учен еси и разумен зело и немногих требуеши к воспоминанию словес, могущих привести на

поносная и укоризненная словеса деду нашему, великому государю Ивану износили⁵⁴; такожде и дед твой Михайло Тучков на преставление матери нашей, великия царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, — и понеже еси порождение изчядья ехиднова, посему такой яд отрываеши"⁵⁵. После смерти Елены в апреле 1538 г. "и тако подвластным нашим хотение свое улучивши, еже царство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотного не сподобиша, сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елико тогда сотвориша! Колико и бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери нашей перенесли в Большую казну и неистова ногами пихающе и осны колюще; а иное же и себе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил"⁵⁶.

^{18*} Курбский лишь в ответе на второе послание царя, опровергая обвинение в "счаровании" царицы, отмечает: "А тая твоя царица мне, убогому, ближняя сродница" (в доказательство в некоторых рукописях приводится родословная роспись)⁵⁹. Возможно, что это и самостоятельное творчество позднейших переписчиков, склонных к подчеркиванию родства Курбских и Романовых.

^{19*} На это обратил внимание еще А.Н. Ясинский⁶⁰.

^{20*} Иван Берсень, князь Иван Токмак, М.В. Тучков, Иван Данилович Сабуров, князь Андрей Холмский, Юшко Тютин.

свершение всякие правды рачителя ея и теплаго ревнителя, яков еси ты"⁶³.

Принадлежность М.В. Тучкова к кружку Максима Грека, "культурная близость" с Максимом⁶⁴ несомненны. На этом основании, учитывая последующую литературную деятельность М.В. Тучкова, переписку позднее (в 1545 г.) по его заданию рукописи (или даже рукописей) переводов, выполненных Максимом Греком, и откровенно апологетичное отношение к Максиму племянника В.М. Тучкова Курбского, Василия Михайловича Тучкова называли обычно в числе "последователей, учеников и почитателей"⁶⁵ "Максима Философа".

Новый судный список Максима Грека заставляет признать такую характеристику односторонней: оказывается, В.М. Тучков был одним из доносителей на Максима.

Пока еще трудно с уверенностью сказать, к какому процессу — 1525 или 1531 гг. — относится этот донос, так как материалы процессов (и следственные материалы, и пункты обвинительных речей) сознательно перепутаны⁶⁶. Судный список представляет собой тенденциозное публицистическое сочинение, и предстоит еще серьезная работа по выявлению частей текстов, восходящих к каждому из процессов (в том числе материалов 1525 г., повторно использованных в 1531 г.) Сопоставление текста о Тучковых в судном списке Максима Грека с отрывком судного списка Берсеня и Жареного с разрядными записями позволяет предполагать, что донос Тучковых можно отнести к первому процессу.

В кружке Максима беседовали не только на религиозные темы, но и на общественно-политические: Максима "вспрашивали", "как устроить государю землю свою, и как людей жаловати, и как митрополиту жити"⁶⁷, затрагивались и волновавшие посетителей кельи острые вопросы внутренней и внешней политики, придворной жизни. Действительные причины расправы с Максимом остаются полностью не выясненными, но какая-то связь процесса 1525 г. с разводом и вторым браком Василия III признается исследователями, хотя в следственных материалах, естественно, события эти (компрометирующие лично государя) и не нашли отражения. (Допустимо предположить связь с этими событиями и процесса 1531 г., который мог произойти не раньше, чем родился наследник престола.) События эти имели большой общественный резонанс, запечатленный в различных памятниках публицистики, изобразительного искусства и фольклора⁶⁸.

В разговоре с Берсением Максим сетовал на то, что Василий III не отпускает его на Афон ("прошуся деи у великого князя много, и он меня не отпустит"), об этом же говорил Максим и с Туч-

ковым^{21*}. Возможно, степень откровенности в их отношениях была такова, что Максим не сдерживал себя в суждениях в присутствии Тучкова. Рассуждали в келье Максима и о том, что государь "пришел жесток, а к людям немилостив" (эти слова Федора Жареного сообщил на допросе сам Максим, немало наговоривший тогда на своих собеседников)⁷⁰.

Из следственного же дела Берсеня и Жареного узнаем, что после ареста Максима ("а Максима уже изымали") старались найти улики против него, провоцируя нужные следствию показания. Берсень передавал слова Жареного "велят мне Максима клепати" и его рассказ, как великий князь посылал к нему троицкого игумена ("только мне солжи на Максима, и аз тебя пожалую")⁷¹.

Донос Тучковых, несомненно, был использован обвинителями. Один из главных пунктов обвинения Максима^{22*} — то, что он "великого князя Василья назвал гонителем и мучителем нечестивым, как прежние гонители и мучители были нечестивы"⁷³. Эта формулировка в дошедшем судебном списке Максима Грека близка именно к словам Максима, переданным В. Тучковым ("Яз чаял, что благочестивый государь, и он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство"). Сходство здесь почти текстуальное: сомнение в том, "благочестивый" ли государь, и выражение "нечестивый"; сравнение с прежними государями, "которые гонители...", и выражение "прежние гонители". Быть может, близость формулировок доноса и обвинения объясняется тем, что Тучковым подсказали формулировки доноса^{23*} (митрополит Даниил или даже Василий III — ведь "присылал" же он с этой целью к Жареному троицкого игумена!)?

Судный список Максима Грека дает основание думать, что большую роль в доносительстве играл не Василий Тучков, а его отец, более искушенный в политических обстоятельствах, именно М.В. Тучков бил челом государю по этому поводу, что и позволяет говорить о "доносе Тучковых", а не одного В. Тучкова. Знамена-

^{21*} И, видимо, с другим аристократом князем Петром Ивановичем Шуйским. Намек на это обнаруживается в послании ему Максима Грека, датированном примерно 1542 г.⁶⁹ Возможно, что Максим показывал Тучкову какую-то "грамоту греческую" (Сибирский список. Л. 340 об.), касающуюся его возвращения на Афон. Впрочем, эту фразу судебного списка (дошедшую не полностью) допустимо понимать и как свидетельство того, что Максим обучал Тучкова греческому языку.

^{22*} Е.Е. Голубинский полагал, что это обвинение "должно быть считаемо истинной и единственной причиной того, что великий князь воспыал страшным гневом против Максима и почувствовал к нему непримиримую ненависть"⁷².

^{23*} См. наблюдения Н.А. Казаковой о "заранее подготовленных ложных показаниях свидетелей", нашедших свое отражение в судебных списках⁷⁴.

тельно при этом, что расспрашивал молодого Тучкова о подробностях его бесед с Максимом сам Василий III.

Личная ненависть к Максиму и Василия III, и Даниила, их заинтересованность в обличении его поступков и слов заставляли страшиться за свою судьбу тех, кто в какой-то степени был близок к Максиму^{24*}. И некоторые старались, выгораживая себя, отмежеваться от Максима, "клепати" его, соблазненные, очевидно, обещанием великого князя: "только мне солжи на Максима, и аз тебя пожалую". Так себя повел и Михаил Юрьевич Захарьин, сообщивший^{25*} как достоверный факт нелепый рассказ о сожжении еретического училища в Италии⁷⁶, так поступили и Тучковы^{26*}.

И подобное поведение, действительно, было вознаграждено приближением к великому князю. Особенно на виду были эти лица^{27*} во время свадьбы Василия III и Елены Глинской 21 января 1526 г.: М.Ю. Захарьин был вторым дружкой государя, жена его сидела за столом⁷⁹; "за великою княгинею ходити, у саней детей боярских збирати" велели окольникъему М.В. Тучкову⁸⁰ ("да с ним дьяку Елизару Цыплятеву")^{28*}. Среди носивших каравай в первой четверке вторым был его сын Иван, во второй четверке первым — другой сын Василий; двоюродная сестра его Ирина — жена Юрия Захарьича — сидела третьей (в числе пяти боярынь) за столом⁸¹. Если даже признать, что донос Тучковых имел место в 1531 г. и целью его было не оправдаться и тем самым спасти себя, а закрепить свое положение при дворе, то и в этом случае цель можно считать достигнутой: М.В. Тучков стал приближенным боярином великого князя, а сын его — доверенным лицом новгородского архиепископа Макария⁸², донос которому о неканоничности некоторых переводов Максима послужил формальным поводом процесса 1531 г.⁸³

Выступление Василия Тучкова против Максима Грека, вероятнее всего, было не вполне искренним: он действовал (как отмечалось выше) под давлением отца и вышестоящих властей. "Максим Философ" оставался для него духовным авторитетом и

^{24*} Одним из оснований для опасений могло быть и то, что среди тех немногих, что особенно "прихожи были к Максиму", называли И.Д. Сабурова (по-видимому, родственника Соломонида)⁷⁵.

^{25*} Правда, донос этот может быть отнесен и к собору 1531 г.

^{26*} Максим Грек писал позднее такому хорошо осведомленному человеку, как князь П.И. Шуйский, о "клевете злыя блудницы"⁷⁷.

^{27*} Любопытно, что в синодике Горицкого Переяславского монастыря семьи М.В. Тучкова и М.Ю. Захарьина написаны одна за другой⁷⁸.

^{28*} Интересно отметить, что Иван IV вспоминал о том, что М.В. Тучков о Елене Глинской (уже в момент ее кончины) "многая надменная словеса изрече" как раз Е. Цыплятеву.

позднее^{29*}. В 7053 (1544/45) г. "повелением" М.В. Тучкова "паробок" его ("Богданец Якимов сын ростовец") переписал рукопись перевода Максима Грека толкований Иоанна Златоуста на Евангелие Иоанна⁸⁴. Тем же почерком (хотя, вероятно, и несколько позднее), по наблюдению Н.В. Сеницыной, написана и находящаяся в том же собрании другая рукопись — переведенная Максимом Беседа Иоанна Златоуста о Евангелии Матфея^{30*}, однако записей на рукописи нет⁸⁵. Характерно, что перевод толкований Евангелия Матфея был сделан в 1523 г.⁸⁶, а толкований Евангелия Иоанна — в 1524/25 г.⁸⁷, т.е. как раз в ту пору, когда В.М. Тучков "прихож был к Максиму"; и очень вероятно, что об этих книгах они "говаривали с Максимом". Небезлюбопытно, что одна из главных тем этих сочинений, как известно взаимоотношение учителя и учеников. Впрочем, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что "повеление" переписать рукописи было сделано В. Тучковым тогда, когда уже начиналось сближение Максима и Макария^{31*}, ставшего к тому времени митрополитом всея Руси.

Отношение Андрея Михайловича Курбского к Тучковым в значительной степени предопределялось уже позицией Тучковых в деле Максима Грека. О "Максиме Философе" Курбский писал в начальной части "Истории о великом князе Московском" и связывал его деятельность с деятельностью "великих и нарочитых мужей", которые вместе с князем С.Ф. Курбским (братом его деда) пострадали за то, что "возбраняли" Василию III вступить в незаконный брак⁸⁸. Продолжателем дела этих мудрых и смелых "синклитов" мыслил или хотел представить себя А.М. Курбский⁸⁹.

Курбский не мог не осуждать Тучковых, угождавших Василию III и предавших Максима Грека, апологетом которого он оставался до конца дней своих и близостью с которым он неизменно гордился. Подчеркивая благородство происхождения и поступков, "святое жительство"⁹⁰ родственника по отцовской линии С.Ф. Курбского, публицист постарался умолчать о своих родственниках по материнской линии и в "Истории", и в посланиях к Ивану Грозному. Видимо, Курбский не считал воз-

^{29*} Можно подозревать, что жизнь М.В. Тучкова в какой-то мере омрачалась горечью воспоминаний о своем отступничестве, о зле, которым он ответил на доверие Максима.

^{30*} Рукопись любезно указана Н.В. Сеницыной, отметившей также, что одна из филиграней сборника указана у Брикe под 1549 г.

^{31*} В записи на рукописи толкования Евангелия Иоанна указано при датировке не только время "державы" Ивана IV, но и "великия архиерейства Руския земли" Макария (Л. 505).

можным и не хотел в своих сочинениях оправдывать Тучковых^{32*}, осуждать же Тучковых, напоминая тем самым об этом родстве, ему было явно нежелательно. Имело значение и то, что Тучковы были намного ниже по происхождению, чем князья Курбские, "влекомые" от первых киевских князей; Курбскому, как и Ивану Грозному, свойственно было представление (соответствующее местнической идеологии и психологии людей XVI в.) об особых достоинствах лиц "повышенной княжачой крови"^{33*}.

Можно предположить, что между родственниками А.М. Курбского по отцовской и по материнской линиям в середине 1520-х годов произошла размолвка^{34*}. Слишком по-разному сложились в эти годы их судьбы: если С.Ф. Курбского Василий III "ото очей своих отогнал, даже до смерти его"⁹², то М.В. Тучкова он, напротив, возвысил. Позднее именно князю Кубенскому, близкому к Курбским^{35*}, была передана отнятая у М.В. Тучкова должность дворецкого, и Кубенские поддерживали Шуйских, противником которых выступил Тучков.

Наконец, явно не соответствовала взглядам эмигранта Курбского направленность жития Михаила Клопского против "междоусобных браней" русских князей с великим князем, еще более усиленная в редакции В. Тучкова⁹⁴.

Думается, что Иван Грозный не мог не знать об отношении Курбского к Тучковым и тем больше уязвлял его, напоминая об этом родстве. Однако страстная озлобленность выражений царя показывает, что у него были и какие-то особые причины для личной неприязни к М.В. Тучкову^{36*}, но эти подробности в значительной части остаются еще вне поля зрения исследователя.

Изучение новых данных о Тучковых в Сибирском судном списке Максима Грека в сопоставлении с известиями других

^{32*} Не исключено, что Курбский, возвеличивая Максима Грека в своих сочинениях и даже составляя (как предполагает Э. Денисов) его житие, в какой-то мере пытался замолить грех своих родственников. Одновременно, напоминая о своих встречах с Максимом Греком, Курбский давал понять, что он воспринимался Максимом как наследник не Тучковых, а С. Курбского.

^{33*} Слова царя Ивана⁹¹.

^{34*} Свадьба родителей Курбского вряд ли была ранее середины 1520-х годов, так как старший из сыновей от этого брака, доживших до 1550 г., князь Андрей, родился в 1528 г. Следовательно, если размолвка имела место, то сравнительно скоро после свадьбы. Это не означает, впрочем, что Курбский не мог общаться в юные годы со своим дядей Василием Тучковым (и беседовать с ним о Максиме Греке и событиях, с ним связанных).

^{35*} О высоких достоинствах И.И. Кубенского Курбский писал в "Истории"⁹³.

^{36*} Быть может, преувеличение власти, распоряжение делами именем государя (сравнить с характеристикой деятельности Ф.С. Воронцова в приписке в Царственной книге⁹⁵)?

источников позволяет выяснить новое не только о Тучковых, но и о более выдающихся деятелях — Максиме Греке и Курбском. Приоткрываются неизвестные ранее (употребляя выражение Б.А. Романова⁹⁶) "куски и закоулки русской жизни", неясные стороны политической жизни и политической публицистики XVI в., но только приоткрываются, потому и в статье больше предположений, чем утверждений^{37*}. Более того, новое о Тучковых — это и появление новых загадок.

^{37*} В этой связи нельзя не вспомнить наблюдение Б.А. Романова: "Историк Древней Руси никак не может обойтись без догадок и предположений... памятуя, что "доказательство" в его обиходе — термин слишком претенциозный, если держаться прямого его математического смысла"⁹⁷. Это наблюдение вполне можно распространить и на изучение явлений русской истории XVI в.

Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому*

30 апреля 1564 г. на службу к польскому королю Сигизмунду II Августу перешел воевода и приближенный Ивана Грозного боярин князь Андрей Михайлович Курбский. Бегству предшествовали тайные сношения: Курбскому были присланы "закрытые листы" от короля и руководителей литовской рады с предложением выехать в Литву, и он сумел оговорить выгодные условия побега и получить "королевскую охранительную грамоту"¹. Еще до побега Курбским было, по-видимому, написано второе послание старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву², откровенно выражавшее политические взгляды и чаяния княжеско-боярской оппозиции царю.

Оказавшись за рубежом, Курбский сразу же, из пограничного города, отправил "эпистолию" "царю и великому князю московскому, прелютаго ради гонения его". Курбский обличал царя и старался оправдать свой поступок, изображая себя "прогнанным без правды"³. По основной направленности (да и по стилю) послание царю близко ко второму посланию в Псково-Печерский монастырь. Это высокий образец публицистической прозы, риторического стиля, "своего рода цicerоновская речь" (определение Я.С. Лурье)⁴. Очевидно, и содержание, и форма послания были предусмотрены и обдуманы заранее, тем более, что на Руси, как и в Византии, "письма писались из расчета на чтение вслух, на известную публичность"⁵.

Царь получил послание Курбского уже в мае. В мае-июне 1564 г. Иван Грозный ездит по монастырям, посещает владения князя Старицкого. В это-то время он и обдумывает ответ "бывшему прежде... боярину и советнику, и воеводе, ныне же преступнику"⁶; ответное послание царя датировано 5 июля. В эти дни Иван Грозный — впервые или заново — четко формулировал для себя и для других основные принципы доктрины "самодержавства"⁷, т.е. неограниченной монархии, положения о богоизбранности и наследственности царской власти и ответственности царя за подданных

* Впервые опубл. в кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976. С. 304—308. (Далее: Культурные связи).

перед богом, о правах и обязанностях государя и подданных: подданные обязаны подчиняться государю, все подданные — холопы государя, и государь волен их казнить и жаловать. В своей аргументации Иван IV опирался и на общественно-историческую концепцию незадолго до того завершенной "Степенной книги"⁸ (хотя наблюдается уже и некоторое противостояние другому комплексу идей "Степенной книги" — о соправительстве светских и духовных властей). В библейскую фразеологию вносился острейший современный политический смысл: упреку Курбского в погублении "сильных во Израиле" Грозный противопоставлял суждения о праве и возможностях царя "создавать чад авраамовых" из камня.

Иван IV считал нужным и достаточно подробно (хотя и тенденциозно) охарактеризовать некоторые важнейшие события политической истории Российского государства XVI в.⁹ В послании приведены и многочисленные аналогии из так называемой священной истории, а также из истории Древнего мира и Византии¹⁰. В ту эпоху, замечает Е.А. Косминский, "политикам в их трактатах сплошь и рядом приходилось аргументировать свои теории примерами из истории, и их политические концепции оказывали влияние на их исторические воззрения"¹¹. Так обосновывались и официальное представление об истории правления первого российского царя, и опричная политика ближайших лет. Этим же целям, как выяснил Е.С. Сизов, должны были служить и современные посланию стенные росписи придела Архангельского собора, предназначенного стать усыпальницей царя Ивана (сюжеты росписей иногда даже в деталях сближаются с содержанием царского послания)¹².

Так началась полемика двух выдающихся публицистов XVI в., отразившаяся не только в этих и последующих их посланиях, формально адресованных друг другу, но и в посланиях, отправленных от имени бояр в Польско-Литовское государство в 1567 г. (и включенных в посольские книги), в дипломатической переписке и в дипломатических переговорах конца 1560-х—начала 1580-х годов, в "Истории о великом князе Московском" Курбского, в приписках¹³ к официальным летописям (внесенным в текст, видимо, уже в последние годы жизни царя)¹⁴.

Конечно, оба автора рассчитывали на то, что послания прочтает тот, кому они непосредственно направлены. Это предопределило некоторую интимность, даже беззастенчивую откровенность переписки, насыщенной малодоступными посторонним воспоминаниями и аллегориями. Достаточно осведомленные о слабостях друг друга, они старались не только самооправдаться

(а также и самовозвеличиться), но и более уязвить ненавистного противника (Иван IV не раз сравнивал Курбского с Иудой: "Како же убо ты с Иудой предателем равно причтешися"¹⁵, Курбский Грозного — с царем Иродом), о чем свидетельствуют и отбор неприятных напоминаний, и уничижающая трактовка общеизвестных фактов. Это было и "эпистолярное состязание во вкусе гуманистического века" (выражение Р.Ю. Виппера¹⁶): особое внимание уделялось ученой изощренности в подборе аналогий, толковании "священных писаний" и патристической литературы, и фактов прошлого ("аще ветхословие любиши, к семя твоя и приложим..."¹⁷, — писал царь Иван), искусству диалектики, самой стилистике сочинений — и своих, и противника.

Но одновременно (и сейчас это считается общепризнанным) перед авторами стояла задача воздействия на более широкую аудиторию, чем адресат послания и его ближайшее окружение. Это был, по определению С.М. Соловьева, публичный "словесный поединок", на который Курбский вызвал царя¹⁸. Двойная задача предопределила неровность стиля посланий и смешение "самого великолепного торжественного книжного языка"¹⁹ с просторечием, особенно заметные у несдержанного и запальчивого Ивана Грозного.

Первое послание Ивана Грозного Курбскому дошло до нас в двух редакциях: полной (или пространной) и краткой, в списках не ранее XVII в. Послание несколько раз было опубликовано; в последний раз — в 1951 г. в академическом издании "Посланий Ивана Грозного" в серии "Литературные памятники". Подготовивший послание к публикации Я.С. Лурье сопровождал издание текстов археографическим обзором и историческим комментарием. Послание издано и в пространной редакции, и в краткой, причем в пространной редакции — не только по спискам, восходящим к сборнику сочинений Курбского, составленному за рубежом, но и по спискам, хотя и дефектным, но содержащим "полный текст послания, не искаженный враждебной традицией"²⁰.

В одном из этих списков — так называемом Погодинском — послание озаглавлено: "Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене". В.П. Адрианова-Перетц признает это первоначальным авторским заглавием послания, раскрывающим подлинный его адресат²¹. Я.С. Лурье полагает, что этот текст Погодинского списка "восходит к более раннему протографу, чем текст сборников Курбского и хронографа... — вероятнее всего, к официальному тексту, посылавшемуся "во все Российское царство" (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной

литературе районы, как Юрьев и Печера)"²². В другом месте исследователь (правда, в виде предположения: "не следует ли предположить...") уточняет: "адресовав свое послание прежде всего "во все Российское царство" (откуда — списки ПК), царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра послания" Курбскому, т.е. за рубеж, «и в этот-то экземпляр и приказал вписать дополнительную обиду: "з безумным не множи словес"»²³. Впрочем, в том же издании Я.С. Лурье признает "промежуточное положение" послания Курбскому между посланиями царя, "предназначенными для русских адресатов", и "дипломатическими посланиями"²⁴.

В работе «Новые списки "Царева государева послания во все Российское царство"», изданной в 1954 г. Я.С. Лурье снова пишет о том, что "царево государево послание" действительно рассылалось по "всему Российскому царству", а заглавие его восходит к архетипу послания. Однако допускается мысль, что «мы имеем здесь название, данное кем-то из подчиненных "царя государя" (например, дьяческая помета)»²⁵. В комментариях к изданию отрывков послания в томе "Библиотеки всемирной литературы", вышедшем в 1969 г., Я.С. Лурье писал, что послание адресовано «не только и не столько самому "крестопреступнику", сколько "во все Российское царство"» (так и озаглавлена первая, древнейшая редакция послания).

Читателям "Российского царства" нужно было показать, всю неправду обличаемых бояр, а для этого недостаточно было общих слов — нужны были "живые, выразительные детали..."²⁶.

В 1952 г. в рецензии на издание "Послания Ивана Грозного" автором настоящей книги были оспорены эти положения и высказана гипотеза о том, что послание царя представляло собой не только "программное выступление против политических притязаний боярства, но и документ большого международного значения, и "все Российское царство" ознакомили с посланием не в пространной, а в краткой редакции. Послание же в пространной редакции было "написано не для рассылки" прежде всего "во все Российское царство", а именно для отправления в Польшу "Курбскому с товарищи" и рассчитано было в первую очередь на зарубежного читателя, знакомого с посланием Курбскому царя и внимательно следившего за событиями в Русском государстве"²⁷. Гипотеза получила определенный резонанс в печати²⁸. Соображения эти были затем повторены и частично развиты — тоже в очень краткой форме — и в более поздних работах²⁹.

В 1963 г. издали посмертное исследование С.Б. Веселовского "Интерполяция так называемой Царственной книги о болезни царя

1553 г.", написанное в 1945—1948 гг., в котором утверждается, "что епистолии Курбского и "Послания" царя Ивана были не перепиской двух лиц, а своего рода памфлетной борьбой царя с его изменником, рассчитанной с первой строки до последней на широкую аудиторию, и в первую очередь — на общественное мнение Польско-Литовского государства"³⁰.

Позднее была издана статья Д.П. Бакуса, полагавшего, что первое послание Курбского царю составлено именно тогда, когда нужно было произвести благоприятное впечатление на Сигизмунда II Августа³¹. Л.А. Юзефович в работе о миссии Исайи определил, что, «как Исайя, так и Курбский в значительной степени писали для одной и той же аудитории, а именно для православных или бывших православных магнатов Великого княжества Литовского»³². Недавно выявлены (Б.Н. Флорей и Л.А. Юзефовичем) в посольских делах 1581 г. — русских (Курбский, "изменивши, грамоту государю невежливо писал"³³) и польско-литовских³⁴ — неопровержимые свидетельства знакомства московского правительства и правительства Речи Посполитой с "грамотами" 1560-х—1570-х годов и Курбского, и царя Ивана^{1*}.

Д.С. Лихачев в книге 1975 г., суммируя имеющиеся наблюдения, писал: "Сочинения Курбского, а вместе с ними и адресованные ему письма Грозного проникают на Русь в результате возобновившихся культурных отношений с польско-литовской частью Руси после событий Смуты". Объясняя "странности" "в рукописном бытовании произведений Курбского и адресованных ему посланий Грозного", Д.С. Лихачев указывает на то, что "Грозный адресовал свои произведения в Литву — в Литве они и сохранились; Курбский сам писал в Литве, и его письма в России при Грозном не могли распространяться"³⁶.

В настоящем сообщении постановочного характера предпринята попытка обоснования гипотезы о той большой аудитории, для которой предназначались послания Ивана Грозного Курбскому в полной и краткой редакциях.

* * *

Вряд ли можно согласиться с мнением, будто царь Иван, "пренебрегши своим саном и положением, не преминул тотчас же ответить на епистолию беглого слуги обширнейшим посланием"³⁷. В XVI в., когда публицистика считалась высокой "учительной"

^{1*} Это можно признать дополнительной аргументацией в пользу мнения о несостоятельности гипотезы Э. Кинана, датирующего переписку Курбского и Ивана Грозного XVII в.³⁵

литературой³⁸, составление Иваном IV посланий не казалось делом, унижающим его царское достоинство, напротив, воспринималось так же, как и редактирование летописей и устный поединок о вере, — как "честное" дело. Царь не снисходил до ответа беглому боярину, он попросту не мог — согласно этикету той эпохи — оставить без внимания "эпистолию" Курбскому. Это сделать тем более необходимо, что спор принял с самого начала публичный характер. Публично защищал своего сюзерена слуга Курбского Василий Шибанов — Иван IV напомнил Курбскому о храбрости Шибанова "пред царем и предо всем народом" во время казни³⁹. За "грамотой" Курбского на границу в Озерище еще ранее ездил посланец царя⁴⁰. Сведения о бегстве Курбского, о его "изменных делах" попали в местные летописи и даже в официальную летопись, по словам которой, Курбский "на многое кровопролитие крестьянское короля и всю его раду поостряше всячески"⁴¹.

Первичной редакцией послания, как убедительно показал Я.С. Лурье, является полная редакция⁴². Курбский безусловно получил послание в полной редакции: ответ его относится к "зело широкой епистолии"⁴³. Своеобразным ответом на "широковещательное и многошумящее писание" царя явилась и "История о великом князе Московском" (включающая, очевидно, и фрагменты незавершенного пространного ответа на первое послание царя)⁴⁴.

Послание в полной редакции предназначалось прежде всего для тех, кто уже был знаком с "эпистолией" Курбского (или мог с ней познакомиться), и для тех, кому, по мнению царя, надлежало быть осведомленным об этой переписке. Иван IV последовательно ответил на все обвинения Курбского. "Ответ Грозного, — замечает Я.С. Лурье, — по своему расположению точно следует вызвавшей его "эпистолии": царь иногда отвечает кратко, иногда очень пространно, но никогда не нарушает порядка изложения у Курбского, так что письмо последнего может как бы служить оглавлением к посланию царя"⁴⁵. Царь приводит и выдержки из "эпистолии" — и без знакомства с текстом Курбского содержание послания царя и его пафос остаются зачастую малопонятными (тем самым как бы предопределялось первоначальное объединение в одном рукописном сборнике "эпистолии" Курбского и послания Ивана Грозного).

В послании царь обращается не только к Курбскому, но и к другим "крестопреступникам", постоянно употребляет обращения "вы", "ваши". Думается, что послание было обращено и к зарубежным читателям (и слушателям), хорошо знакомым с посланием Курбского и прислушивавшимся к его суждениям о России и российском самодержавии. Они были знакомы, вероятнее всего, не

только и даже не столько с посланиями Курбского, сколько с устными рассказами (насыщенными запоминающимися подробностями — реальными и легендарными) того же Курбского и других "беглых" о России кануна опричнины. Иван Грозный знал, что оценки Курбского во многом совпадают с оценками короля и его рады, что подобные версии достаточно распространены за рубежом.

Ивана IV возмущал сам факт, что там, за рубежом, решаются судить о поступках грозного царя: "Доселе русские владельцы не истязуемы были ни от кого же, но повольны были подвластных своих жаловати и казнити, а не судилися с ними ни перед кем"⁴⁶. Впоследствии он очень четко выразил эту мысль в послании 1567 г., написанном от имени боярина Федорова гетману Ходкевичу: "Того не бывало, што Литве Москва судити; полно, пане, вам и ваше месъцо справовати, але не Московское царство"⁴⁷.

Особое значение имело то обстоятельство, что к середине 1560-х годов уже стало ясно, что король Сигизмунд II Август умрет бездетным, и начинали вырисовываться контуры той внешнеполитической программы, которую правительство Ивана Грозного пыталось реализовать в Речи Посполитой через десять лет, в годы бескоролья. Как раз в 1564 г. папский посол кардинал Коммендоне доносил в Рим, что "все жители Киева благоприятствуют московскому государю по причине веры"⁴⁸. В этих условиях позиция магнатов восточных областей Польско-Литовского государства, и прежде всего православных магнатов^{2*}, да и вообще населения этих областей, особенно православного, не могла не интересовать русского царя (и так же, как и в 1570-е годы, царь показал себя все-таки недостаточно информированным о настроениях и общественной психологии литовских панов). В середине 1560-х годов Иван IV был крайне заинтересован в распространении в Литве важной для него политической информации о Российском государстве и ее противопоставлении враждебной информации, тем более, что это был период расширения международных литературных воздействий⁵⁰.

Все это, можно полагать, и побудило царя Ивана столь пространно написать ответное послание и самому, как бы опередив Курбского, поведать (конечно, в определенной интерпретации) о том, о чем Курбский предпочел не распространяться в своей изящной "эпистолии".

^{2*} Перспектива подчинения Литвы (или даже Литвы и Польши) Ивану IV, конечно, серьезно страшила Курбского. И не боязнь ли осуществления подобных намерений Ивана IV побудила Курбского предпринять попытку выслужиться и стараться выступить в роли организатора совместных военных действий русского царя и императора против султана (в 1569 г.)?⁴⁹

Тем самым как бы создавался исторический комментарий к посланию Курбского, преднамеренно почти лишенному имен и конкретных деталей. Впрочем, в эти месяцы царь не мог использовать рукописи своей библиотеки и документы Царского архива, проверять фактическую точность изложения. Отмечалось уже (П.В. Вилькошевским и др.), что многие цитаты из церковных сочинений приводились Грозным на память и это особенность его литературной манеры⁵¹. Если предположить, что какие-то "изборники" царь мог взять с собой (наряду с Псалтырем) или обнаружить в "книгохранилищах" монастырей, то лишь немногие документальные материалы могли находиться в его "походной" "постельной" казне⁵² (правда, в походы и монастырские "езды" брали иногда и летописи, точнее сказать, их "черные списки") — возвратился Иван IV в Москву 8 июля, т.е. через три дня после завершения работы над ответным посланием Курбскому.

Грозный уловил, конечно, даже намеки и иносказания в адресованной ему "эпистолии", понимал степень осведомленности Курбского о событиях в России и о поступках российского государя, знал и действительную натуру Курбского и не сомневался в том, что беглый боярин продолжит свои разоблачения. И предвидения его не обманули.

Курбский писал в "эпистолии" о том, что он надеется "много пожалован и утешен быти" своим новым государем Сигизмундом II Августом⁵³, и предупреждал царя, что не собирается прекратить борьбу и не намерен молчать о его злодеяниях ("И да, не мни мене молчаща ти о сем", "прогнанные от тебя без правды от земли ко богу вопием день и ночь"⁵⁴). Царь не мог не учитывать эту опасность.

И действительно, Курбский оказался среди членов королевского совета. А в 1567 г. литовские магнаты, зазывая московских бояр на службу к польскому королю, ссылались на пример Курбского, занявшего высокое положение в окружении короля и получившего богатые вотчины⁵⁵. Курбский сделался общепризнанным руководителем русской эмиграции в Польско-Литовском государстве (а тогда все более учащались случаи "побежания в Литву"⁵⁶) и принимал участие в военных действиях против России. Русские дипломаты настаивали на выдаче Курбского и других эмигрантов русскому государю^{3*}, "чтобы их ссорами кровь христианская не лилася", "изменники межи государей ссоры делают и на большее кровопролитье христианское поднимают"⁵⁸. Выдача

^{3*} Об официальном отношении к лицам, отъезжавшим в Российское и Польско-Литовское государства на протяжении XVI в., интересные соображения приводил еще М.А. Дьяконов⁵⁷.

Курбского рассматривалась как обязательное предварительное условие "вечного миру" (разъяснение в 1571 г. требования посольства 1567 г.), ибо и "ныне его многая измена: тайно лазучьством со государьскими изменники ссылаецца на государское лихо и на крестьянское кровопролитие"⁵⁹.

Курбский оказался связанным и с западнорусскими магнатами, и с православным духовенством. Он выступал ревнителем православия и убежденным противником униатства и протестантизма, способствовал распространению церковнославянских переводов патриотической литературы и книгопечатания, воздействуя на зарождавшуюся украинско-белорусскую полемическую литературу⁶⁰. Курбский установил сношения с высшим православным духовенством юго-востока Европы, в 1567 г. даже обратился к константинопольскому патриарху⁶¹.

Роль Курбского как информатора о политических событиях России и организатора противорусских действий еще не выяснена в деталях, но есть уже достаточно оснований полагать, что роль эта была значительной. Недаром в наказах русским дипломатам, отправляемым в Польско-Литовское государство, вменялось в обязанность "про Курбского проведати": "в какове мере с кем держит его король, и к которым паном приезж, и любят ли его королевская рада и как его при себе держат и в какове ныне мере" (наказные памяти ноября 1565 г., февраля 1567 г., января 1571 г.⁶²). По очень вероятному предположению Я.С. Лурье, Иван Грозный подозревал, что действительным автором "лотровских" (подлых) посланий к боярам в 1567 г. был Курбский⁶³. Позднее, в 1572 г., Иван Грозный скажет гонцу Воропаю, известившему его о смерти короля и о желании видеть на престоле русского царевича: "Пусть не дивятся тому, что изменники мои говорят обо мне: у них такой обычай говорить о государях своих дурно; как бы я их не учестил и не обдарил, они все не перестанут говорить обо мне дурно"⁶⁴, — и сразу же назовет Курбского.

Через несколько лет о Курбском хорошо знали уже и при дворе императора. Агент Максимилиана II писал в 1570 г., что Курбский — "человек прозорливейший и наиболее осведомленный в делах своего отечества, из которого он был, по всеобщему мнению, безвинно изгнан" (курсив наш. — С.Ш.) Считалось, что бывший "интимный советник" царя знает "подноготную московских дел"⁶⁵. В сочинениях зарубежных современников о России времени Ивана Грозного (воспоминания-записки, политические трактаты, летучие листки) все явственнее обнаруживаются следы воздействия Курбского или, точнее сказать, информации, исходившей от него.

В упоминавшихся наказах русским послам предусматривается и возможный вопрос о бегстве Курбского. По наказу 1565 г., должно было отвечать, что царь "пожаловал его великим жалованьем не по его отечеству", что отец и дед его "в таком приближение и жалованье государском не бывали" и что государь "его хотел понаказати" за "изменные дела", и при этом предписано было сказать: "Ино то не диво, что тот изменник государственной, забыв государственное великое жалованье, изменил государю нашему: езживали из государства государя нашего и не в Курбского версту, ино и те изменники государству Московскому не учинили ничего". Эта же мысль повторена в ответе гетману Ходкевичу (1567), написанном царем от имени князя Воротынского; по существу, о том же идет речь и в послании князя Мстиславского королю (также написанном, видимо, Иваном Грозным): "ино подобает ли дородному и разумному израдцею быти?"⁶⁶

В наказе 1567 г. предусматривается уже более развернутый ответ, сразу же напоминающий о посланиях Курбского и царя: велено было говорить об "изменах" Курбского и "его советников", о том, что Курбский "учал ся звати вотчицем ярославским, да изменным обычаем с своими советники хоте на Ярославле государити, да многие изменные дела учал над государем умышляти и над его государскими детьми и государственной земле учал всякое лихо умышляти"⁶⁷.

Любопытно отметить, что в посольских делах (в том числе, и в ответах Ходкевичу, написанных царем от имени бояр), употребляются "ядовитые словесы", "глаголы нечистые и кусательные" (выражения Курбского)⁶⁸ о Курбском, близко напоминающие бранно-презрительную лексику первого послания Ивана IV: "Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет", "изменник", "собака", "израдец"⁶⁹.

Особенно важно то, что в посольских наказах встречаем мысли и даже отдельные формулировки ("Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати"⁷⁰, царь "лихих казнит, а добрых жалует великим своим жалованием"⁷¹ и др.) о правах государя и государственном строе России, почти дословно напоминающие текст послания Курбскому.

Все это позволяет рассматривать послание Ивана Грозного Курбскому не только как памятник борьбы с оппозиционным боярством, но и как документ внешней политики, в той или иной мере формулировавший и доктрину "самодержавства", и, соответственно, официальную концепцию истории правления Ивана IV. Послания Курбского и Ивана Грозного стали документами международного значения. Они и были, очевидно, задуманы в

расчете на определенный политический эффект за рубежом, и прежде всего — в православной среде.

Грозный отчетливо представлял себе, что за делами его пристально следили за рубежом, сознавал, как высок был международный престиж Российского государства ("ино много великих государств, и во всех тех государствах наше слово непременно живет", — писал он впоследствии шведскому королю⁷²), и понимал, как стараются его враги "крестопреступники" уронить Русь и ее государя в общественном мнении. Послание Ивана Грозного должно было противопоставить зарубежному общественному мнению иные взгляды и иное (чем у Курбского) толкование фактов.

Иван Грозный ссылается в своем послании на международное общественное мнение, призывая "всю вселенную" в свидетели "измен" Курбского и его единомышленников: "сия их измены всей вселенной ведомы", даже в "варварских языцех", "како убо может вся вселенная исписать измен и утеснения, земьских и особных, еже вы своим злобесным умышлением сотвористе на мя?", "облыгание же их им всем явлено есть во всей вселенной" (в другой группе списков: "облыгание же их и зрады...")⁷³.

Царь уточняет даже, что известно "во всей вселенной" об этих "изменах и утеснениях" и от свидетелей — "самовидцев сим злым деянием" — купцов и дипломатов ("иже куплю творящих в нашем царствии и в посольственных прихождениях приходящим"⁷⁴). Впрочем, судя по посольским донесениям и запискам иностранцев, информация из России и в Россию поступала в то время и иными путями^{4*}.

Напоминает Иван Грозный об "иных землях", и ссылаясь на обычай наказывать изменников: "А в ыных землях сам узриши,

^{4*} Во всяком случае, в послании королю, составленном в 1567 г. от имени князя Мстиславского, Иван Грозный похвалялся знанием неприятных королю подробностей политической жизни: "То нам гораздо ведомо"⁷⁵. Правительство Ивана IV получало, по-видимому, достаточно обильную тайную информацию о политической жизни за рубежом. Михаил Литвин сообщал, что один священник, "добывая тайно из королевской канцелярии (в Польско-Литовском государстве. — С.Ш.) копии договоров, решений и протоколов совещаний, посылал их" Ивану IV⁷⁶. Штаден "покорнейше просит германского императора, чтобы его "описание не переписывалось и не стало общеизвестным! Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне: наверное, у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах (правильнее, дворах-канцеляриях — "Hofe-canzeleien". — С.Ш.)⁷⁷ через купцов, которые туда приезжают; он хорошо снабжает их деньгами для подкупа, чтобы предвидеть все (возможные) обстоятельства и предотвратить опасность"⁷⁸. Известны факты получения разнообразной информации от "амиятов" в Крыму⁷⁹.

елика содеваетца злым злая; тамо не по здешнему!.. в ыных изратец не любят: казнят их, да тем и утверждаютца", "ино таких собак везде казнят"⁸⁰. Впоследствии о "всей вселенной" Иван IV напишет и в послании польскому королю Стефану Баторию 1581 г., обвиняя его в том, что в Польско-Литовском государстве принимают беглецов-изменников⁸¹.

Однако эти общие рассуждения об "иных землях", обо "всей вселенной" достаточно четко локализуются, особенно в списках "сборников Курбского". Иван IV опирается на теоретическое положение о том, что "изменником везде казнь живет" (в других списках: "везде казнь и опала бывает"). Слово "везде", судя по содержанию послания, имело не только, так сказать, историко-географический, но и собственно исторический смысл (опыт истории), и послание должно было, по мысли Ивана IV, перед всем светом обличать измены "Курбского с товарищи". Но в послании сразу же разъясняется: "в кою поехал еси землю и тамо о сем пространнее увеси"⁸². А слова списков ПК: "Воистинну вся вселенная посмиеся, видя такую правду" — в списках сборников Курбского читаются так: "Воистину, *сие* всем окрестным в подсмеяние..." (курсив наш. — С.Ш.)⁸³

Не случайно, конечно, Иван IV напоминает и о Яне Заполье, интригами которого, по его мнению, Венгрия была ввергнута в 1520-х годах в печальное положение⁸⁴, и о деятельности тех, кто в годы его малолетства также перешел на службу к польскому королю. С ними-то он и сравнивает "бешеную собаку" Курбского: "Князь Семен Бельский да Иван Ляцкой оттекоша в Литву и тамо скакавше бесящися и в Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отвсяду на православия рати воздвизающе, но ничто же успеша..."⁸⁵ Курбский и его советники объявляются и виновниками современной "литовской брани", пагубной для православия, и Курбского предупреждают, что, участвуя в войне против России, он окажется разорителем православия ("Аще ти с ними воевати, тогда да ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестьян погубляти; аще же и руками где не дерзнеши, и ты мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши")⁸⁶.

Послание в полной редакции изобилует западнорусизмами (или полонизмами), особенно в списках "сборников Курбского". А полонизмы в сочинениях Грозного, как отмечает В.М. Тамань, специально изучавшая в этом плане русскую публицистику XVI—XVII вв., "могут быть поняты только поляками (правильнее было бы сказать — жителями Польско-Литовского государства. — С.Ш.), русский человек, не знающий польского языка, не сумел бы

разобраться в них: для него пропадет вся острота изложения, к которой стремился автор"⁸⁷.

Курбский уловил тенденции царского послания и в "Отвещании" на второе его послание (отправленном, так сказать, официально одновременно с "Кратким отвещанием на первое послание Ивана IV) прямо пишет: "...мняшеся о себе мудр всеа вселенная учитель быти, пишеша до чюжие земли и чюждых слуг, аки научающе их и наказующе"⁸⁸.

Позднее, обличая царя в гнусных поступках, Курбский в "Отвещании" на его второе послание также счел нужным сослаться на мнение людей, бывавших в России ("яко нам зде от твоя земли приходящие поведают")⁸⁹, хотя и не преминул отметить, что Иван Грозный "затворил еси царство Русское... аки во адове твердыни")⁹⁰. В "Кратком отвещании" Курбский больно уязвил самолюбие царя, упрекнув его в том, что "так варварско", "со мноюю яростию и лютостию" и столь пространно, с "преизлишними" цитатами не подобает писать "ученым и искусным мужам", особенно же царю, "так великому и во вселенной славимому", и "наипаче же в чюжую землю, идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях"⁹¹. Тем самым, можно думать, Курбский уведомил Ивана Грозного, что с "царевым посланием" ознакомился в Польско-Литовском государстве отнюдь не только он один.

Курбский, очевидно, получил тот текст послания, к которому восходят списки так называемых сборников Курбского, составленных за рубежом, и вообще большинство известных ныне списков первого послания царя. Текст этот дошел до нас в явно не исправном виде; некоторые "неясные, сомнительные и просто нелепые места"⁹² отмечены Я.С. Лурье. Следует ли из этого, однако, что текст восходит к более позднему протографу, чем текст Погодинского списка (будем его тоже называть — П)⁹³, который, как пишет вслед за Я.С. Лурье Л.В. Черепнин, "более близок к прототипу"?⁹⁴

Я.С. Лурье, обнаружив в П "более осмысленные и исправные чтения"⁹⁵ (по сравнению с другими списками) и заглавие, которое признал первичным, счел, что П "восходит... вероятнее всего, к официальному тексту"⁹⁶, а текст "сборников Курбского", искаженный переписчиками и редакторской правкой⁹⁷, подвергшийся "систематической редакторской переработке"⁹⁸, несомненно, уступает "в смысле точности передачи оригинала послания списку П с продолжением по К (список Археографической комиссии. —

С.Ш.)"⁹⁹ и восходит к "враждебной царю литературной традиции"¹⁰⁰. Эти соображения исследователя остались, однако, недостаточно обоснованными.

Сам же Я.С. Лурье писал о "дефектности" списков П и К¹⁰¹, указал на неисправности текста К и путаницу листов¹⁰²; заметны и неясные (во всяком случае, менее ясные, чем в "сборниках Курбского") чтения в ПК (например, об уходе в монастырь Сильвестра¹⁰³, о "ереси же всякой"¹⁰⁴ и др.). Но самое существенное то, что в списках "сборников Курбского" имеются добавления и разночтения, которые, говоря словами Я.С. Лурье, "едва ли можно приписать редакторской руке". И это не "одно место"¹⁰⁵, а многие места: достаточно сравнить (по тому же изданию "Посланий Ивана Грозного") описания восстания в Москве в июне 1547 г. и последующих событий, поведения бояр во время набега крымского хана в 1552 г.¹⁰⁶ Везде ли здесь можно уловить особую политическую тенденцию или враждебное отношение к Грозному? Для того, чтобы столь утвердительно писать о том, что протограф текстов "сборников Курбского" не восходит к официальному тексту послания Ивана IV, необходимо было проделать значительно более тщательную сравнительно-текстологическую работу (сравнение и списков ПК со списками "сборников Курбского", и отдельных списков этой большой группы между собой и т.п.). При этом, естественно, следовало бы привлечь наблюдения Г.З. Кунцевича, подготовившего накануне первой мировой войны издание сочинений Курбского в "Русской исторической библиотеке" (Т. XXXI). Часть гранок неизданного второго тома "Сочинений князя Курбского" с описанием известных Г.З. Кунцевичу рукописей¹⁰⁷ хранится среди материалов Археографической комиссии (в архиве Ленинградского отделения Института истории)^{5*}. Публикатор послания не обратился к этим материалам, хотя П.В. Вилькошевский еще в 1927 г. указал на "описание рукописей сочинений Курбского и Грозного, составленное пр. Г.З. Кунцевичем и находящееся в Археографической комиссии"¹⁰⁹.

Заголовки послания — и тот, на который впервые обратил внимание Я.С. Лурье, и другие — не обязательно являются именно авторскими. Р.Г. Скрынников, полемизируя с Я.С. Лурье, сравнил начальные фразы посланий Ивана IV Курбскому, шведскому королю Иоганну III и Стефану Баторию, установил их близость и признал "торжественными и многословными" первоначальными

^{5*} Эти материалы автором настоящего издания были указаны исследователям, готовившим кандидатские диссертации об "Истории" Курбского: Ю.Д. Рыкову (научный руководитель А.А. Зимин) и К.А. Уварову (научный руководитель М.А. Робинсон)¹⁰⁸.

заголовками посланий. Предположение его, что краткий заголовок ("Царево государево послание во все его Российское царство...") имел литературное происхождение и принадлежал позднейшим переписчикам¹¹⁰, нельзя оставлять без внимания.

Все известные ныне списки послания царя Ивана Курбскому составлены не ранее XVII в.¹¹¹, первоначальный текст поновлен или даже искажен переписчиками (и переплетчиками), и до предварительного сравнительного текстологического изучения всех этих списков следует ограничиваться лишь более или менее основательными предположениями.

Можно полагать, что сразу же был приготовлен не один "официальный список" послания в полной редакции, а по меньшей мере два. Один отправили за рубеж, Курбскому, а другой (или другие) остался у царя, в его личной "постельной" казне или в Царском (государственном) архиве и использовался затем в дипломатической переписке. Характерно, что послание в разных группах списков одинаково датировано 5 июля. От этих-то архетипов (отправленного к Курбскому и оставленного царем) и пошли остальные тексты списков всех редакций послания. Допустимо даже предполагать, что оба архетипа были созданы одновременно. Вряд ли царь Иван собственноручно писал огромное послание, это и не соответствовало представлениям той поры о царском достоинстве. Д.С. Лихачев, отметивший, что "стиль Грозного сохранял следы устного мышления", высказывал уже предположение, что царь "диктовал свои послания"¹¹². Не мог ли он диктовать сразу двум писцам? Не из-за этого ли возникли фразеологические расхождения, бросающиеся в глаза при сравнении списков ПК и "сборников Курбского"?

Если факт получения Курбским послания царя (а затем и возможного знакомства с ним в Литве) не вызывает сомнения, то представление о том, что послание царя в пространной редакции официально рассылалось "во все Российское царство" и являлось "агитационной литературой" 1560-х годов, кажется маловероятным. Об этом приходилось писать уже ранее. Недавно выразил свои сомнения по этому поводу и Р.Г. Скрынников, полагающий, что Я.С. Лурье "несколько модернизирует историю переписки Грозного и Курбского"; его точка зрения противоречит "аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных"¹¹³. Сам Я.С. Лурье отмечает, что первоначальная (полная) редакция сохранилась только в неофициальной или враждебной традиции¹¹⁴. Обнаружение списков (к тому же тоже поздних) послания Ивана Грозного в полной редакции "без сопровождения посланиями его врага" отнюдь не становится наи-

лучшим доказательством того, что "царево государево послание" действительно рассылалось по "всему Российскому царству"¹¹⁵. Исследователь не обратил внимания на им же отмеченные обстоятельства: хотя послания включены в сборники вместе с сочинениями, протографы которых находились в рукописных собраниях Российского государства, сами сборники состоят из тетрадей, написанных разными почерками (в списке К вообще не сохранился заголовок послания), а в Б — и на разной бумаге¹¹⁶. Части этих сборников не связаны между собой ни происхождением, ни содержанием; состав сборников случайный, и происхождение протографа интересующего нас послания остается неизвестным.

Первое послание царя Ивана в пространной редакции — значительнейший публицистический памятник 1560-х годов. По удачному определению А.А. Зимина, он "представляет собой своего рода манифест перед введением опричнины"¹¹⁷. Как "политический манифест, насыщенный интимными мотивами и жалобами", характеризует его и Р.Г. Скрынников¹¹⁸. Идеи его безусловно оказали влияние на развитие и внутренней политики, и общественно-политической мысли. Однако этот манифест, вероятнее всего, не был широко обнародован и не рассылался "во все Российское царство".

Краткая редакция послания (известная, впрочем, тоже по не вполне исправным спискам) имеет заголовок, схожий с заголовком послания в пространной редакции в списке П: "Лета 7072-го царево государево послание — все его Российское царство — на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи, о их измене"¹¹⁹. Но такой заголовок имеется не во всех списках; Я.С. Лурье указывает два списка, где заголовок был без упоминания обо "всем Российском царстве"¹²⁰.

Скорее можно предположить, что относительно широким слоям русской общественности могло стать известным послание царя именно в краткой редакции. Это послание имело иной характер, чем послание в пространной редакции, не было перегружено подробностями и длинными цитатами, более соответствуя в этом плане стилю и традиционным царских посланий (известных, в частности, и в летописном переложении), и "эпистолии" Курбского. Текст послания в списках, где заголовок напоминает заголовок списка П в пространной редакции, сопровождается текстами первого послания князя Андрея Курбского царю и послания Курбского в Псково-Печерский монастырь¹²¹.

Изучая соотношение текстов обеих редакций (по таблице, составленной Я.С. Лурье)¹²², легко убедиться, что текст в краткой редакции содержит изложение доктрины самодержавства, зато он лишен многих исторических подробностей (о внутренней политике

Российского государства и лично о государе) и характерных для полной редакции обращений к международному общественному мнению и сравнений с явлениями зарубежной жизни. В краткой редакции отсутствуют и западнорусизмы, типичные для пространной редакции. Однако трудно согласиться с мнением Я.С. Лурье, будто сокращение это вызывалось только "литературными вкусами XVI в.", в частности "едкой критикой" Курбским послания царя в пространной редакции, и тем самым "больше удовлетворяло каноническим литературным правилам XVI в."¹²³ Между тем, отмечая, что вместе со всем "светским" элементом удалено почти все, касающееся истории и политики Грозного, что остались в сущности одни цитаты из священного писания и обвинения в "погублении души", исследователь констатирует: "для нас этот текст почти не имеет ценности"¹²⁴.

На самом деле для историка представляет несомненный интерес как раз то, что оставлено в краткой редакции. Это не только основные положения доктрины самодержавства, но и особо отобранные факты политической истории: об "изменах" самого Курбского и его родственников и по по отцу, и по матери (тем самым оправдывались преследования в годы опричнины целых "родов"), о злом "совете" Сильвестра и недопустимости "священником царская творити" (тем самым оправдывалась опала членов Избранной рады и преследование духовенства), о князе-расстриженнике Рюрике Ростиславиче Смоленском, причинившем много зла Руси, об измене Тимохи Тетерина и в то же время о храбром поведении Василия Шибанова и др.¹²⁵, т.е. приводились факты, уже известные или такие, о которых как раз и следовало знать (в определенной интерпретации) "в Российском царстве" в связи с волновавшей общественность изменой "Курбского с товарищи"^{6*}.

Возможно, что послание в краткой редакции предназначалось для земского собора, созванного накануне учреждения опричнины¹²⁸. Не исключено, что составление послания в краткой редакции сопровождало составлению второго послания Курбскому или приписок в официальную летопись в конце царствования Ивана Грозного (в таком случае, на составителя действительно могли оказать влияние и замечания Курбского о стиле пространного

^{6*} Об отношении к предательству Курбского рядовых современников свидетельствует гневное упоминание о его поступке о "Повести о прихождении литовского короля Степана с великим и гордым воинством на великий и славный град Псков"¹²⁶ и характерное исправление текста известного Слова Даниила Заточника, сделанное не позже начала XVII в. Привычные слова "лепше бы ми смерть ниже Курское княжение" переписчик заменил более понятными современнику презрительными словами: "Лутче бы ми смерть, нежели Курбского княжения"¹²⁷.

послания царя, о перегруженности его текста подробностями и длинными цитатами). Но разбор послания в краткой редакции, его политической направленности и времени появления — тема особого исследования, к тому же не имеющего столь непосредственной связи с историей взаимоотношений Российского и Польско-Литовского государств.

Означает ли это, что русскому читателю не было известно первое послание Курбскому в полной редакции? Конечно, нет. Следы его непосредственного влияния отмечались уже в польской документации. Вероятно, о полной редакции послания знали приближенные царя и лица, принадлежавшие к высшим светским и духовным властям (в их числе, возможно, и игумен Псково-Печерского монастыря).

Характерно, что влияние переписки Курбского и царя Ивана IV на стилистику русских литературных памятников начала XVII в. обнаруживается прежде всего в сочинениях "вельможных историков"¹²⁹, по выражению А.С. Орлова. Они могли ознакомиться с посланиями и по спискам, пришедшим из Польши. Н.К. Гудзий подметил воздействие первого послания Курбского в повести 1620-х годов о Смутном времени, написанной князем Семеном Ивановичем Шаховским и приписывавшейся ранее князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому (который, как установила М.В. Кукушкина¹³⁰, только редактировал рукопись¹³¹). В "Летописце князя Ивана Федоровича Хворостинина" заметно знакомство с посланием Ивана Грозного в полной редакции. После изложения событий 1547 г. там написано: "А пространнее о сем пишет о пожарах и о смятении боярском в государеве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси грамоте, то писал в Литву ко князю Ондрею Курбъскому против его отписки"¹³². Хворостинин, безусловно, имел в виду послание в полной редакции, так как в послание в краткой редакции не включены сведения о московском восстании 1547 г.

В 1570-х годах Курбский пишет "Историю о великом князе Московском" и другие ответные послания царю. "История" призвана была, по мысли самого Курбского и лиц из его окружения, сыграть определенную роль в общественно-политической жизни Польско-Литовского государства. Но одновременно она должна была явиться и ответом на первое послание Ивана Грозного¹³³ в пространной редакции, известное уже в Речи Посполитой. Так события и факты русской истории, известные по посланию Ивана Грозного и снова изложенные русским публицистом-эмигрантом в остротенденциозной форме, становились опять достоянием зарубежного читателя.

К истории переписки Курбского и Ивана Грозного*

"История о великом князе Московском" А.М. Курбского, известная пока только в списках не ранее второй половины XVII в., оставляет впечатление не вполне законченного произведения. Первая часть "Истории" — по форме "хроника"¹ — была первоначально задумана как самостоятельное сочинение. От второй части — агиографической и являющейся по существу мартирологом² — ее отличают более тщательно продуманная архитектура и стилистическое единообразие. Однако и в хроникальной части выделяются куски текста, как бы нарушающие стиль изложения (и в определенной мере хронологическую последовательность).

В "Истории" обнаружено сходство — даже текстуальное — с другими известными сочинениями Курбского. Можно предполагать, что там имеются фрагменты и не дошедшего до нас (или незавершенного) пространного послания Ивану Грозному, которое Курбский готовил как ответ на первую эпистолию царя.

Для "Истории" характерны полонизмы и западнорусизмы, естественные "для эмигранта, переехавшего в Литву, в западнорусскую языковую среду"³. "История" адресована прежде всего читателям Речи Посполитой. Поскольку она предназначалась для зачастую недостаточно владевших русским языком читателей, Курбский сознательно переиначивает некоторые русские термины на польско-литовский лад: дворецкого Большого дворца называет "великим земским маршалком" (167), казначея — "подскарбием земским" (281, 297), воевод — "гетманами" (178, 187, 188, 189, 218, 220, 223, 236, 250, 285, 287), дворян и детей боярских — "шляхтой", "шляхтичами" (185, 223, 249, 252)⁴, "шляхетными мужами" (295), пишет о "благородном" "шляхетском роде" (221, 286). Слово "уезд" заменяет словом "повет" (185, 298); г. Казань сравнивает с г. Вильно ("место оно не мало, мало что от Виленского мнеише" — 196). Нередки упоминания о русских и России в третьем лице ("тамошнее царство" — 260), а также своего рода глоссы — разъяснительного характера прямые обращения к польско-литовскому читателю: "велицые гордые паны, по их языку боярове"

* Впервые опубликовано в кн.: Культурное наследие Древней Руси: [Сб. к 70-летию акад. Д.С. Лихачева]. М., 1976. С. 147–151. (Далее: Культурное наследие).

(165), "с стремнин высоких мечюще их, а по их языку с крылец" (166), "стратилатове, а по их воеводы полков" (182), "правый рог, а по их правая рука" (182), "гетмана, а по их великого воеводу" (189), "о великих же панов родех, а по их о боярских" (294).

Тем более странным кажется большое отступление (241—245, со слов: "А здешнему было королеви и зело ближаиши") об образе жизни польских панов с напоминанием о доблести волынцев и К. Острожского. Оно заметно отличается стилистически от основного текста первой части "Истории", и — главное — здесь говорится о Польско-Литовском государстве и жителях его в третьем лице ("Тако же и властелин земли тоя..."; "Паче же нецьи и велможиих" и др.) Не являлся ли этот отрывок первоначально частью какого-то сочинения, адресованного иному читателю, жителям не Польско-Литовского государства, а Российского царства?

Можно думать, что фрагменты этого сочинения включены и в другие места "Истории". В первой ее части выделяются также листы, предшествующие заключению (269—274). Если на других листах Курбский писал об Иване IV обычно в третьем лице, то здесь находим прямое обращение: "Се, царю, получил еси от шепчущих ти во уши любимых твоих ласкателей..."; "...к чему ты привели человекоугодницы? и чем ты сотворили любимыя маньяки твои?"; "...и от сего боже сохрани тебя" и т.д. Это — явное обращение к Грозному, причем, несомненно, рассчитанное на то, что адресат ознакомится с ним: "да прочтет величество твое во слове, златовещательными устами изреченному, о Ироде..." (270). Характерен и риторический прием: "О царю, прежде зело любимыи от нас! Не хотел бы малыя сея части презлости твоеи изрещи, но преодолен бых и принужден любовью Христа моего, и ревностию любви распаяхся по мученицех, от тебя избивенных неповинне, братьях наших" (273). Не фрагмент ли это готовившегося Курбским пространного ответа царю?

В "Истории" встречаются и другие примеры прямых обращений-восклицаний, свойственных, видимо, писательской манере Курбского. Это — проклятие "отечества губителям", отогнавшим Сильвестра и Адашева от царя (262), и — уже во второй части — посмертное прославление М. Воротынского (289—290) и концовка "Истории": "О безумныи и окаянныи! Забыл еси прежде тебя цареи царствовавших..." (348 и далее).

Особенно важно в плане данной работы пространное обращение к Топоркову (212—217). Следует подчеркнуть, что оно, как и обращение к царю (269—274), написано очень темпераментно, даже несдержанно, с риторическими повторами: "О глас воистинну дияволи..."; "О сыну дияволь!" (213—216), с явными признака-

ми просторечия и в то же время с цитатами из Священного писания и отцов церкви. Пространные рассуждения о Топоркове кажутся вставкой в первоначальный текст "Истории": столь неприятный Курбскому совет Топоркова ("не держи советников мудреишии себя") повторяется в "Истории" дважды (212, 216), что необычно для стиля этого произведения. Вставка (после первого упоминания о совете Топоркова) начинается словами: "Ту ми разсмотрити прилежно", и завершается фразой: "И сие оставя, да предреченным возвратимся". Схожими словами заканчивается и вставка о поляках ("оставя сию, ко предреченным возвратимся" — 245). Возможно, что вставка о Топоркове, так же, как и обращение к "губителям... Святорусского царства (262), — тоже фрагменты первоначального ответного послания царю.

Курбский пишет здесь о "нашем языке": "Понеже делом сия прелютеишая злость произвелася, якова никогда же в нашем языке бывала, от тебя беды начало приемше..." (216, 217). Не предполагалось ли адресовать это послание не только царю, но и другим русским читателям? Не собирался ли Курбский объяснить им, что именно ненавистный ему Топорков — главный виновник страшных перемен в поведении царя и в судьбе страны: "только от тебя, Васьяна Топоркова, царь... прелютостию наквашен" (217)^{1*}.

Все упоминавшиеся листы первой части "Истории" отличаются стилистически от остального ее текста. В то же время они имеют заметные черты сходства между собой: близкие риторические приемы и формулы, эмоциональный стиль прямых обращений, менее тщательная литературная обработка и широкое использование просторечия, необычайные в такой мере для стиля "Истории" и напоминающие стиль послания царя, аргументация с помощью исторических примеров и обильной цитации текстов священного писания (особенно стб. 212—216, 269—274), что как раз характерно для переписки Курбского и Грозного.

Таким образом, есть некоторые основания предполагать, что "Истории" предшествовала попытка написать пространный ответ царю. Уязвленный тоном и содержанием царской эпистолии, Курбский, видимо, стал готовить схожий по стилю ответ. Его фрагменты отслоились внутри первой части "Истории". Очень вероятно, что пространный ответ (точнее, заготовки этого текста) пригодился Курбскому и для концовки "Истории" (348—354), стилистически наиболее близкой именно к упомянутым отрывкам

^{1*} Это — ответ на вопрос, поставленный в начале "Истории", и одновременно оправдательный ответ на послание царя. "Ответ, который Курбский дает в своей "Истории", — пишет Д.С. Лихачев, — вполне в духе XVI века: всему тому виной злые советники"⁵.

ее первой части. Использование одних и тех же текстов (нередко с соответствующими поновлениями и добавлениями) в разных сочинениях было в духе литературных обычаев того времени.

Если царь предназначал свое послание отнюдь не только одному беглому боярину⁶ (но и читателям в Польско-Литовском государстве^{2*} и даже в "Российском царстве"), то и Курбский, согласно литературно-политическому этикету⁸, а также правилам литературной "игры", обращался и к читателю "Святоруского царства", "Святоруской земли" (термины эти встречаются в первой части "Истории" только в упомянутых отрывках). Курбский, видимо, готовил пространное послание вскоре после получения эпистолии царя, вероятнее всего, еще до опричнины: упоминание о А. Басманове появилось во второй части, причем с характерным эпитетом — "губитель Святоруские земли" (305). Затем, однако, в этот текст (или во фрагменты его, включенные в "Историю") вносились изменения и добавления (о времени опричнины, низложении митрополита Филиппа, нашествия орд крымского хана в 1571 г.).

Едва ли не о попытке написания пространного послания сообщает сам Курбский в "Кратком отвещании" на "зело широкую эпистолию великаго князя Московского": "А хотех на коеждо слово твое отписать, царю... но удержаж руку со тростию" (115). Небезынтересно, что в "кратком отвещании" Курбский пишет, как Иван IV, его отец и дед преследовали "единоплемянных княжат, влекомых от роду великаго Владимира" (114—115), т.е. как раз о том же (вплоть до текстуальных совпадений), о чем говорится и в разделе "Истории", содержащем прямое обращение к царю (там упоминается казнь Ряполовского, "влекомаго от роду великаго Владимира" — 272). Текст упоминавшихся листов "Истории" сходен и с "отвещанием" Курбского на вторую эпистолию царя (151) — там снова приводятся слова "совета" Топоркова, царь назван "хоронякой и бегуном" (ср. 269) и др. Очевидно, первоначальный текст ответа царю использовался автором при подготовке последующих ответных посланий.

Фрагменты предполагаемого пространного послания Курбского могли быть затем включены в "Историю о великом князе Московском", так же, как фрагменты полной редакции первого послания Ивана Грозного Курбскому — во вставки в официальную лицевую летопись.

Пока эти построения — только гипотеза. Если она окажется состоятельной, перед исследователями возникнет еще одно звено истории знаменитой публицистической схватки XVI столетия.

^{2*} "Грозный адресовал свои произведения в Литву, — пишет Д.С. Лихачев, — в Литве они и сохранились"⁷.

О рукописном сборнике с кратким летописцем*

Рукописный сборник из Музейного собрания ГБЛ № 1836 включает "Сказание" Авраамия Палицына, "Иное сказание" (с дополнениями, обрывающимися известием 7154 г. о венчании на царство Алексея Михайловича), "Родословие русских государей" и краткий летописец (или летописчик). Сборник охарактеризован в первом томе описания Музейного собрания рукописей, составленном под редакцией И.М. Кудрявцева¹. Там отмечены и более ранние описания сборника: в предисловии к изданию "Памятники древней русской письменности, относящиеся до Смутного времени"^{1*} и в составленном О.А. Державиной обзоре списков "Сказания" Авраамия Палицына. Текст "Иного сказания" использован при публикации памятника С.Ф. Платоновым в 1892 г. и в последующих переизданиях. Таким образом, рукописный сборник уже вошел в научный оборот.

Задача данного сообщения — обратить большее внимание на включенный в сборник летописчик, определить его место в составе сборника, а также попытаться сформулировать некоторые предварительные выводы, которые могут быть использованы при последующем детальном кодикологическом изучении этого интересного памятника русской книжной культуры.

Сборник датируется последней четвертью XVII в. По Л. 8—24 запись почерком рубежа XVII и XVIII вв.: "Сия книга История Николаева Коряжского монастыря вкладчика Михаила Федорова сына Звягина. Подписал Михайло Звягин своея рукою". Запись густыми черными чернилами, толстым, плохо очищенным пером сделана явно наспех, так как отдельные буквы, а иногда части слов, отпечатались на оборотах предыдущих листов рукописи, а некоторые буквы смазаны. О том, кем был Звягин, узнаем из записи на последнем листе (333 об.) рукописи: "Сия книга усолца торгового человека Михаила Федоровича сына Звягина, подписалъ, подпи-

* Впервые опубл. под названием "Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания" в кн.: Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 150—157.

^{1*} С.Ф. Платонов еще ранее кратко охарактеризовал этот список в книге "Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник". (2-е изд. СПб., 1913. С. 2, 71).

санъ...(далее оборвано). Запись черными чернилами, тонким пером, но почерк (видимо, XVIII в.) более витиеватый и замедленный. Была еще какая-то запись, частично отпечатавшаяся на обороте того же листа. (В последней тетрадке рукописи не хватает листа.) На Л. 1 рукописи киноварное украшение: щит в листьях с монограммой, отмеченной в описании Музейного собрания: "УВАКИНС?" Вязь эту предположительно можно расшифровать так: "Сия книга Михаила Звягина" или даже "Михаил сын (Федоров?) Звягин".

На Л. 25—38 запись более светлыми чернилами: "В дар отда-на своеручно того же монастыря вкладчику Артемию Родионову сыну Вахрушеву в знак пом[и]новения 1745 года". Запись почерком опытного писца, — вероятно, монастырского казначея (который нередко отвечал и за монастырскую библиотеку — "книгоохранительницу") или делопроизводителя монастырского архива².

Первоначально — во всяком случае, до записи Звягина на первых листах рукописной книги — сборник не включал летописчик. Вероятнее всего, тогда отсутствовало и пространное оглавление к "Сказанию" Палицына. Оно, как и летописчик, написано более темными и густыми чернилами, чем чернила всего текста рукописи, и почерком, отличающимся от основного почерка рукописи. Рукописная книга состоит из тетрадок в четверку по восемь листов каждая (четыре согнутых пополам больших листа). Тетрадка же с оглавлением, т.е. первая тетрадь книги, не имеет одного листа; и потому, согласно более поздней нумерации всего сборника первый лист текста "Сказания" обозначен как восьмой. Это отразилось и на последующей нумерации рукописной книги.

Начало летописчика переписали на свободное место, оставшееся после оглавления "Сказания" Палицына, т.е. на нижнюю половину Л. 7 и полностью на Л. 7 об. нынешней нумерации. Далее летописчик продолжен на тех листах, где ранее был написан текст сочинения Палицына. Переписывали уже в готовую рукописную книгу одним и тем же приемом. Текст располагался в такой последовательности: правое поле листа (параллельно обрезу книги), затем нижнее поле того же листа (параллельно нижнему обрезу книги), затем левое поле оборотного листа (также параллельно обрезу книги), и, наконец, нижнее поле того же оборотного листа (параллельно нижнему обрезу книги). На некоторых боковых полях листов, где вынесена на поле нумерация глав "Сказания" (Л. 13, 15, 19 об.), новый текст заполняет только часть бокового поля. На нижнем поле некоторых листов нет записей — там слишком крупно и размашисто были написаны слова (или части слов) записи о принадлежности рукописи Звягину (Л. 8, 9,

10, 14, 18, 20 остались незаполненными переписанным текстом, как, впрочем, и нижнее поле Л. 17 об., 19 об. и боковое поле Л. 22 об.) Летописчик переписали в рукописный сборник ранее записи, датированный 1745 г. Эта запись сделана на нижних полях листов, на местах, свободных от текста летописчика, иногда почти у нижнего края листа.

Такой своеобразный — и как будто редкий — прием переписывания летописчика на свободные поля уже исписанных листов с текстом другого сочинения (любопытный палеографический феномен!) свидетельствует не столько о недостатке или дороговизне бумаги (хотя и это следует учитывать), сколько о желании поместить летописчик именно в такой уже переплетенный историкотематический сборник.

Основное место в сборнике первоначального состава занимали сочинения, посвященные событиям так называемого "смутного времени": "Сказание" Палицына и "Иное сказание". Приложение к ним — "Родословие русских государей", кратко излагавшее родословие княжеских и боярских родов и составленное в конце XVI в., но до воцарения Бориса Годунова. Так как и "Сказание" Палицына, и "Иное сказание" начинались с характеристики событий конца XVI в., явившихся, по мнению авторов этих сочинений, причиной "смуты" начала XVII в., включение в состав сборника "Родословия" казалось тематически целесообразным. Столь же оправданным было и включение в состав Сборника краткого летописчика, где последовательное изложение событий завершается как раз временем царствования Федора Ивановича. Предварение "из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Руской земле" (Л. 7), как и послесловие в виде "Родословия русских государей", помогали осмыслить место столь подробно описываемых событий в общем ходе отечественной истории.

Вряд ли случайно в изучаемом сборнике оказался летописчик именно такого содержания со сведениями о посадe в XVI в. и о реформах, касающихся "посажан". Летописчики или краткие летописцы ("летописцы вкратце") были широко распространены в XVI и особенно в XVII вв. Это — ценные источники по истории исторических знаний и книжной культуры, свидетельствующие об интересе к определенным явлениям, о принципах и приемах отбора фактов, казавшихся особенно важными (в ту или иную эпоху или для той или иной территории). Иногда это — своеобразные конспекты более распространенных исторических сочинений; в них можно найти данные из недошедших рукописей более полного состава, из неофициальных редакций летописей. Характеризуя «небольшие литературные памятники, теперь получившие название

"кратких летописцев"», С.Н. Валк отметил: "Именно в этих записях, разбросанных иногда совершенно случайно по древнерусским сборникам и книгам, записях, которые поэтому трудно обнаружить, встречается ряд сведений, иногда ярко освещающих тот или другой исторический момент"³.

Уже сам заголовок летописчика ("Летописец, написан из старых летописцов...") показывает, что он содержит данные, выбранные из "старых" летописей. Оттуда составитель счел нужным извлечь сведения о датах рождения и смерти государей, сражениях, событиях церковной истории, "чудесах", природных бедствиях. Особо выделены факты строительства городов и церквей. Более всего подробностей о событиях XVI в., особенно о строительстве в Москве.

Начинается изложение с крещения княгини Ольги (6463), завершается событиями 7105 г., "7098-го году царь и великий князь Федор Иванович Московский и всеа Руси повеле заложити и делать на Москве Белой каменной город, вначале делать Тверские ворота, а делал город 7 лет. Того ж году в Петров пост царь и великий князь Федор Иванович Московский и всеа Руси повеле делать деревяной город по рву за Москвою рекою" (Л. 37—37 об.). После этого на Л. 38—38 об. помещены известия о времени правления Василия III (7017, 7018, 7021, 7023), об украшении соборов Московского кремля — Благовещенского и Успенского — и об освящении каменной церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи "за Москвою рекою за болотом".

В летописчике имеются ценнейшие сведения о крупнейшем городском восстании России XVI в. — московском восстании 1547 г.: "Был мятеж велик на Москве: убили миром боярина князя Юрья Васильевича Глинскаго" (Л. 28 об., курсив мой. — С.Ш.). На это свидетельство уже обращено внимание в исторической литературе⁴.

Очень интересно и датированное 7068 (т.е. 1559/60) г. известие о так называемой "земской реформе": "...приговорил государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с митрополитом и з бояры городом и волостей и сел бояром и дворяном и детем боярским // в кормление не давать для мирской подажы (в других списках — "продажи". — С.Ш.); приговорил пущать в четверти за службу, смотря по человеку да и по службе, по тому и жаловать" (Л. 32—32 об.) Земская реформа, по наблюдениям С.М. Каштанова, была распространена на крайние северо-восточные области Российского государства действительно лишь в конце 1550-х годов⁵. Не свидетельствует ли это о местной переделке (или даже местном происхождении) летописной записи?

Выразительна краткая характеристика трагических событий 1569—1570 гг.: "7077-го году царь и великий князь Иван Васильевич Московский и всеа Руси в осень громил Великий Новъград. И тое же весны недорог был хлебнаго плоду: рожь оборотилася травною метлицою, и бысть глад велик. 7078-го году по всей Руской земле бысть мор силен, многие грады и селы запустели. Того же году государь грабил Великий Новъград" (Л. 33 об.).

Летописчик такого типа известен и по другим спискам XVII в. (в хранилищах Москвы и Ленинграда). В некоторых списках он продолжен изложением событий XVII в. (главным образом, связанных с Москвой). Летописчик был, видимо, достаточно распространен тогда; его редактировал (или переписывал) и Симон Азарьин. Во всех списках имеются тождественные ошибки, восходящие, вероятно, к общему протографу — фактические ошибки в датах и наименованиях исторических лиц; любопытно детали модернизации исторических явлений (например, наименование древнерусских князей с добавлением прозвания родителей). Однако в летописнике Музейного сборника № 1836 опущены отдельные известия, приводимые в других списках (подробности о деятельности митрополита Петра, о "чудесных явлениях" в Ростове под 7009 г.); сокращенно пишутся иногда титулы московских великих князей и др. Вряд ли такие изменения мог внести в летопись москвич.

Владелец сборника принадлежал к роду усольских торговых людей и крестьян-землевладельцев, занимавших видное общественное положение и по крайней мере с конца XVI в. тесно связанных с Николо-Коряжемским монастырем. В опубликованных описаниях актов монастыря уже под 1599 г. упоминается посадский человек из Сольвычегодска Гавриил Звягин, купивший у монастыря землю. В 1613 г. он был ямским старостой, в 1630 г. целовальником. С монастырем были связаны сын его Федор и внуки и правнуки (один из них Федор в 1689 г. был тоже целовальником). Они были вкладчиками монастыря; там хранились их отдельные и завещания⁶. В опубликованных таможенных книгах 1630-х — 1670-х годов по Сольвычегодскому уезду названы Гаврило Звягин (7143), Марк и Федор Звягины (7160, 7164), Михайло Федоров Звягин (7186). М.Ф. Звягин осенью 1677 и весной 1678 гг. вел торговые дела — и один, и в компании с другими купцами. Среди товаров, "городового привозу", которые он "являл": сукна, белое железо, свинец, медь, горячая сера, нашатырь, ладан, мишура, перец, винные ягоды, "мелочь лавочная", и — что особенно важно — "бумага писчая"⁷. В Таможенной книге 7187 г. Звягины не названы. В 1690-е годы какой-то Михаил Звягин (тот

же, что торговал в 1670-е годы, т.е. внук Федора Гавриловича, упомянутый, видимо, и в дельной Звягиных 1650 г.⁸, или его племянник) был порядчиком и вкладчиком монастыря, и рядился с половниками. Под 1710 г. упоминается о пропаже духовной записи и серебряного креста умершего Михаила Звягина, хранившихся в коробке, принесенной в монастырь вкладчиком Львом Звягиным⁹.

"Сказание" Палицына в XVII и даже в XVIII вв. — одна из любимых книг русских читателей¹⁰. Среди выявленных ныне рукописных книг XVII в. с владельческими записями посадских людей и "Сказание" Палицына с записью: «Сия книга, глаголемая "История" города Устюж[на] посацкого человека Нефеда, а подписал сво[ими] тремя персты»¹¹, т.е. опять-таки рукописная книга принадлежала посадскому человеку северного города с развитыми ремеслами и с разветвленными торговыми связями. И названа рукопись жителя Устюжны-Железнопольской так же, как рукописная книга усьольца Звягина — "Историей". ("Сказание" Палицына начинается словами: "История в память предидущим родом, да не забвена будут..." Отдельные сочинения и даже сборники разных сочинений обычно называли по начальному слову первого из сочинений.) Это позволяет предполагать, что ядром сборника мыслилось сочинение Палицына.

Рассматриваемый сборник особенно интересен тем, что здесь вслед за "Сказанием" Палицына помещено "Иное сказание", написанное в дополнение, а частично, и в опровержение сочинения Палицына¹². "Иное сказание" в полном виде — в отличие от "Сказания" Палицына — в рукописных книгах встречается нечасто и все три раза (на что указывал еще С.Ф. Платонов¹³) со "Сказанием" Палицына. Изучаемая рукопись, как отметила О.А. Державина, написана тем же почерком, каким написан конец рукописи № 1503 Погодинского собрания ГПБ¹⁴. ("Иное сказание" и издано по этим двум рукописям.) Не связаны ли они происхождением с одной рукописной мастерской или с одним заказчиком? По почерку и расположению строк на листе сборник № 1836 можно предположительно отнести к образцам рукописного книжного письма последней трети XVII в., восходящим к московской школе письма или к северным монастырям, близким к той школе¹⁵. Установление происхождения этих обеих рукописей — предмет дальнейшего исследования, интересного и в плане изучения "библиогеографии" (о задачах которой писал Н.Н. Розов).

Изучаемый рукописный сборник любопытен и в плане ознакомления с кругом чтения и историческими интересами посадских людей Русского Севера и монастырской братии второй половине XVII—XVIII вв. Поскольку рукописная книга была передана в

виде вклада в монастырь и, следовательно, почиталась тогда как определенная ценность, то сборник может рассматриваться как образчик не только чтимой книги книжника — посадского человека, но и представляет интерес для изучения состава монастырских библиотек^{2*}.

Николо-Коряжемский монастырь близ Сольвычегодска (Усолья), основанный в 1535 г., в 1678 г. имел более 300 крестьянских и половничьих дворов¹⁷. Во второй половине XVII в. монастырь играл особую общественно-политическую роль в крае — там в 1642—1651 гг. был игуменом Александр, ставший позднее (в 1658 г.) первым вятским архиереем; в 1674 г. он посхимился в монастыре, где и погребен в 1679 г. Александр был видным церковным и культурным деятелем, тесно связанным со старообрядцами, получавшими от него рукописи¹⁸. Монастыри нередко, особенно в сравнительно малонаселенных местах, становились центрами местной книжной культуры. "Книгохранилище" Николо-Коряжемского монастыря конца XVI—XVII в. уже привлекала внимание исследователей; сохранились и описи ее 1586 и 1668 гг.¹⁹ Рассматриваемый сборник позволяет продолжать эти наблюдения^{3*}.

Исследование "книгохранилищ" сравнительно небольших монастырей важно и для описания прежних рукописных собраний как некогда единых комплексов, определения их происхождения, первоначального состава и возможных путей рассеяния, и для практики современной полевой археографии.

В репертуар собственного церковного чтения сочинения, включенные в сборник, не входили, и такого типа рукописные сборники становились все более редкими в монастырских библиотеках конца XVII в. Уже к середине XVIII в. Николо-Коряжемский монастырь расстался с переданным туда Звягиным рукописным сборником, и он снова оказался в руках светского владельца. А это, в свою очередь, свидетельствует о продолжающемся интересе посадских людей и крестьян Русского Севера к чтению занимательной и одновременно назидательной историко-публицистической литературы, и о тяге к осмыслению бурных событий начала XVII в., а, возможно, и к историко-ассоциативному восприятию

^{2*} Списки "Сказания" Авраамия Палицына находились в библиотеках Антониева-Сийского, Красногорского и, конечно, Соловецкого монастырей (где автор провел последние свои годы)¹⁶.

^{3*} Возникает, в частности, заманчивая тема сравнительного изучения состава библиотек, и, соответственно, круга чтения монахов и близких к монастырю лиц, в двух северных монастырях — где находили приют и старообрядцы, — в знаменитом Соловецком и в Николо-Коряжемском.

далекого прошлого и современности. В первой половине XIX в. — судя по записи — сборник принадлежал крестьянину Федору Васильевичу Кулешову (который "руку приложил" на Л. 1 об.).

Распространение кратких летописцев способствовало развитию тенденции составления исторических сочинений именно в летописной форме, а затем и консервации в Северном Приуралье и Поморье этого жанра исторического повествования²⁰.

Выяснение происхождения и редакций данного краткого летописца, сравнительное изучение всех его списков, так же, как и детальное кодикологическое исследование сборника № 1836 Музейного собрания — особенно в сравнении со сборником № 1503 Погодинского собрания — должны стать темой дальнейших специальных исследований.

Монография о книжной культуре XVI–XVII веков (О книге М.В. Кукушкиной)*

Задача монографии заведующей Отделом рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР доктора исторических наук М.В. Кукушкиной — проследить особенности рукописной книжной культуры Русского Севера, определить ее место и значение в развитии русской культуры XVI–XVII вв. История библиотек Руси XV–XVII в. в последние годы уже привлекала внимание (достаточно напомнить о трудах С.П. Луппова, Н.Н. Розова, Б.В. Сапунова, М.И. Слуховского и других ученых), но исследование М.В. Кукушкиной — первый образец столь всестороннего изучения рукописной книжности обширного региона на протяжении длительного времени. Центрами средоточия и распространения памятников письменности были в те годы монастыри, и основными объектами изучения М.В. Кукушкиной стали библиотеки монастырей Соловецкого, Антониево-Сийского, Николо-Корельского, Красногорского, Александро-Свирского, а также библиотека и книгописная школа архиепископа холмогорского и важеского Афанасия (1682–1702), к традициям которой в определенной мере восходит репертуар письменности этого района Поморья в годы юности Ломоносова.

Источниковая база работы очень основательна: не только сохранившиеся рукописные и печатные книги монастырских собраний и записи (писцов, вкладчиков) на книгах, но и упоминания о книгах — в нарративных источниках, старинные описи библиотек, или вообще "казны" (к детальному исследованию подобных описей Н.Н. Зарубин приступил еще в 1920-е годы). Впервые в книговедческом исследовании использованы с такой полнотой приходно-расходные книги.

Тщательное изучение *de visu* многих рукописных памятников сопровождалось не менее скрупулезным ознакомлением с много-

* Рец. на кн.: Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. 223 с. Оpubл.: Книга. Исследования и материалы. М., 1978: Сб. XXVII. С. 204–208. В основе статьи отзыв официального оппонента диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, защищенной в ЛОИИ в 1975 г.

образными публикациями и описаниям рукописей, в том числе рассеянными в редких местных изданиях XIX — начала XX в. (это напомнило о забытых ныне трудах краеведов и библиографов, что само по себе является уже вкладом в историю археографии и книговедения). М.В. Кукушкиной удалось выявить ранее неизвестные памятники письменности и новые списки известных уже сочинений (Повести о Петре и Февронии, Казанской истории, Сказания Авраамия Палицына и др.) и, что особенно важно, — список повести о "смутном времени", подтверждающий авторство князя С.И. Шаховского¹ (ранее ее автором обычно признавали князя И.М. Катырева-Ростовского).

Книга состоит из введения, шести глав (об истории северных монастырей и находившихся при них книжных собраний; о путях создания рукописных собраний в северных монастырях; о палеографических и кодикологических особенностях рукописных книг, созданных на Севере Российского государства в XVI—XVII вв., писцах, книжниках; о составе рукописных собраний в монастырских библиотеках XVI—XVII вв.; о хранении и библиотечном учете книжных собраний, печатной книге в северных монастырях; о книгописной школе Афанасия Холмогорского) и краткого заключения, суммирующего выводы отдельных глав.

Большую самостоятельную ценность имеют составленные автором таблицы со сведениями о покупке рукописных книг (с указанием цены), переписке рукописей (с указанием имен переписчиков, количества тетрадей и формата их, стоимости письма), о рукописях с датирующими записями или указаниями имени писца, о рукописях книжников Антониево-Сийского монастыря Феодосия и Никодима (вторая половина XVII — начало XVIII вв.), о составе книжных собраний монастырей. В последних таблицах используются данные старинных описей, позволяющие проследить изменения состава библиотек на протяжении десятилетий и даже столетий; отдельно отмечены рукописные и печатные книги. Все книги систематизированы по разделам: книги светского содержания (с подразделами: исторические произведения, литературные произведения, географические произведения, учебные книги), гражданское и церковное право, русская церковная публицистика, сборники церковно-назидательного содержания, житийная литература, богословская литература, библейские книги, богослужебные книги. В монографии много иллюстраций, особенно необходимых при изучении вопросов палеографии, истории книжного оформления. Издание сопровождается указателями рукописных и печатных произведений, имен и шифров рукописей, упоми-

наемых в тексте (сост. Л.Б. Белова), что делает монографию серьезным справочным пособием для широкого круга специалистов.

Многочисленные факты, приводимые в монографии, подтверждают сложившееся уже представление об особом уважении в книге в XV—XVII вв.: самовольная раздача или продажа рукописных книг рассматривалась как серьезное нарушение правил монастырского общежития; книги признавались такой ценностью, что их дарили для получения права включения в поминальник; рукописи, переписанные лучшими местными "писателями" (например, Сергием Шелониным в Соловецком монастыре), надлежало "с книгохранительные казны никому не продавать и не давать, держать в береженьи" (С. 99) — в этом сказывалась и гордость местными писательскими традициями! На рукописные книги — особенно редкие — пытались посягать и светские власти. С XVII в. (а в Соловецком, Антониево-Сийском и Николо-Корельском монастырях — с XVI в.) книжные собрания во всех монастырях Севера были уже не только частью монастырской казны, но рассматривались как библиотеки. Им выделялось особое помещение — книгохранительная или книжная палата; за сохранность книг нес ответственность книгохранитель. Все книги, поступавшие в библиотеку, записывали во вкладные или приходно-расходные книги; стоимость их выражалась в определенной денежной сумме.

Постоянные источники пополнения монастырских библиотек: вклады, поступления книг в качестве выморочного имущества, покупка, переписка. В крупных монастырях большая часть книг (в Соловецком около половины, в Сийском — около трети) поступала именно в виде вкладов. В маленьких монастырях книжные вклады носили случайный характер, либо, напротив (как в Красногорском), благодаря покровительству отдельных богатых доброжелателей (ярославский купец Лыткин в XVII в.), преобладали над другими источниками поступлений. Книжные вклады крестьян, из-за дороговизны книг, чаще всего были коллективным даром. Установлены имена дарителей книг — среди них цари патриархи, видные государственные и церковные деятели. Это важно не только для определения культурных связей Севера с Москвой и Новгородом, Ярославлем и другими крупными центрами, но и для выяснения сложных политических, а, возможно, и экономических (монастыри — поставщики рыбы, соли) взаимоотношений того времени, а также, несомненно, для уточнения фактов биографий некоторых известных исторических лиц. Описание выморочного имущества

дает представление о составе келейных — личных библиотек (в том числе и монахов-книголюбов, переписывавших и украшавших рукописи).

М.В. Кукушкиной удалось выявить записи о написании различных по содержанию книг за плату (деньгами или натурой). В известной ранней работе В.П. Адриановой-Перетц о ценах на книги в Древней Руси приводятся лишь две записи начала XVII в. о стоимости письма, в работе М.В. Кукушкиной только по XVI в. — более 30 записей. Это позволило сделать вывод о том, что создание рукописей за плату было достаточно распространенным явлением в северных монастырях. Очень интересны наблюдения над созданием "тиражных" сочинений — перепиской для продажи или подарков житий "своих" святых. Это было коммерческое начинание: монахи-переписчики работали за особую плату; иногда приглашали писцов со стороны. В Соловецком монастыре в середине XVII в. была организована книгописная мастерская.

В монастырях снимали копии с оригиналов, принадлежавших другим библиотекам, переписывали житийные тексты и богослужебные книги с монастырских подлинников, создавали оригинальные тексты. На примерах отдельных книжных комплексов Соловецкого и Антониева-Сийского монастырей М.В. Кукушкина попыталась проследить характер книгописных школ, особенности письма и внешнего оформления книги и изменения их на протяжении XVI—XVII вв. Выявились малоизвестные или вовсе неизвестные ранее имена переписчиков книг (нередко вносящих в рукописи редакционную правку), по почерку которых (а также иногда по характерным глоссам и поновлениям текста) можно отождествлять и датировать рукописи, оказавшиеся в других хранилищах.

Постоянное взаимодействие северных центров книжной культуры с Москвой, Новгородом, в XVII в. — с Ярославлем, определило и палеографические особенности некоторых северных рукописей (почерк, оформление листа рукописи, украшения), влияние печатных книг на оформление рукописей. В то же время образцами для обучения искусству оформления рукописной книги (почерк, иллюстрации, переплет) служили монастырские коллекции рукописей и икон. Так, Сийские евангелия 1339, 1693 гг. были "музеями" палеографии и изобразительного искусства. Более того, здесь, на Севере, особенно долго сохранялись и даже сознательно культивировались традиции оформления рукописной книги (подобно традициям сочинения былин и их исполнения). Отмечаются факты сознательного копирования при переписке особенностей

письма и оформления подлинника. Вносились, однако, и оригинальные элементы, местные стилевые традиции.

Сравнительное в хронологической последовательности изучение оформления рукописных книг разных регионов страны позволило М.В. Кукушкиной пересмотреть отдельные принятые палеографами положения. Оказывается, на Севере орнамент барокко появился уже в 1640-е годы, тогда как прежде распространение его в центре государства датировалось со второй половины XVII в. Интересны наблюдения, касающиеся палеографической терминологии. Словоупотребления в памятниках XVII в. о характере рукописания зачастую отличаются от принятых в современной научной литературе: так, "книжное письмо" — уставное с точки зрения современника, является полууставным по определению позднейших палеографов. Таким образом, обнаруживается ключ к пониманию некоторых терминов старинных документальных описей, важных для нахождения пока еще не выявленных памятников.

М.В. Кукушкина отмечает, что размеры, состав, организация книгописного и библиотечного дела находились в зависимости от экономического и общественного положения монастыря. В работе приводятся цифровые данные о числе книг. Соловецкое собрание насчитывало в 1514 г. 127 книг, к концу XVI в. — 481 рукопись и 38 печатных книг, по описи 1711 г. — 1154 рукописные и 543 печатные книги (при этом следует учесть, что библиотека пострадала во время Соловецкого восстания). По численному составу библиотеку можно сравнить с крупнейшими библиотеками — Кирилло-Белозерской и Иосифо-Волоколамской, по разнообразию репертуара также с Троице-Сергиевой. Антониево-Сийский монастырь считался вторым по значению из северных монастырей: в середине XVI в. в его библиотеке числилось 66 рукописей, по описи 1597 г. — 168 рукописных и 13 печатных книг, в 1701 г. — 387 рукописей и 374 печатные книги. В небольшом Николо-Корельском монастыре по описи 1551 г. было 57 рукописей, в 1601 г. — 87 и уже 6 печатных книг, в конце XVII в. — 121 рукописная и 168 печатных книг. Созданная в начале XVII в. библиотека Красногорского монастыря состояла из 141 рукописной и 126 печатных книг. Первая печатная книга на Севере зафиксирована Соловецкой описью 1582 г. (но можно полагать, что такие книги появлялись и прежде). С начала XVII в. наметился перелом в численном составе рукописных и печатных книг, причем любопытно, что в крупных монастырях число рукописей преобладало над числом печатных книг вплоть до XVIII в., а в мелких такое соотношение нарушилось еще во второй половине XVII в. В общем же росте

книжного собрания с начала XVII в. удельный вес печатных книг во всех монастырях был выше удельного веса рукописей. Появление печатных книг не только способствовало существенному расширению библиотек, но оказало влияние и на оформление рукописных книг (почерк, заставки). Данные, имеющиеся уже в литературе о библиотеках центра страны позволяют эти наблюдения исследователя распространить едва ли не на всю территорию Российского государства.

В работе показано, что произведения, создавшиеся в Москве, Новгороде и других традиционных центрах культуры, сравнительно скоро оказывались уже в библиотеках северных монастырей, и, прежде всего, Соловецкого и Антониево-Сийского. Эти наблюдения, особенно в сопоставлении с выводами других исследователей о рукописях Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Троице-Сергиева (Р.П. Дмитриевой), Псково-Печерского монастырей (Н.Н. Розова), с носящими обобщающий характер археографическими обзорами в недавних изданиях памятников древнерусской литературы, подготовленных сотрудниками Пушкинского Дома, позволяют говорить об основном репертуаре чтения, типичном для всей европейской России. При этом характерно, что, если абсолютное число богослужебных книг (репертуар их насчитывал свыше 20 названий) на протяжении XVI — начала XVIII в. неизменно росло, то в сравнении с общим числом книг в библиотеках оно снижалось за счет роста других разделов. Все более распространяются четьи-сборники с подбором статей светского содержания. Среди исторических памятников преобладают краткие летописцы, списки хронографов, степенных книг; представлены основные историко-публицистические сочинения (особенно о "смутном времени"). В то же время можно выделить и некоторые особенности подбора литературы — так, интерес к космографии (добавления), к словарям иностранных слов — "толкованьям неудобь познаваемым речам", возможно, объясняется пограничным местоположением Соловецкого, да и других северных монастырей. Интересны, особенно в плане изучения зарождения местных клерикальных историко-краеведческих традиций, возникшие в монастырях агнографические сочинения. Заметна сюжетная и стилистическая близость житийных памятников Севера с подобного же типа памятниками, созданными в центральных районах Российского государства. Это видно даже в деталях (достаточно сравнить сказания о чудесах копии иконы Владимирской божией матери, написанные для оправдания основания Красногорского монастыря на берегу р. Пинеги, и Оранского монастыря в районе поселений мордвы)².

Очевидны общие трафареты. Самостоятельного исследования заслуживают сборники легенд о местночтимых "святых" и иконах, в которых объединены предания, связанные с разными местными монастырями — тем самым один из монастырей (в данном случае Антониево-Сийский) берет на себя роль объединителя и хранителя таких преданий. Это — как бы микровариант соборных мероприятий общероссийского масштаба времени митрополита Макария. Не обнаруживается ли в этом и попытка противопоставить Антониево-Сийский монастырь как главный центр духовной жизни Русского Севера самому богатому и влиятельному на Севере Соловецкому монастырю (подобно тому, как это делалось в Новгороде середины XV и даже в XVI вв. по отношению к Москве)?

М.В. Кукушкина установила пути проникновения памятников в монастырские библиотеки Севера Руси: обменивались рукописями монахи северных монастырей, монастыри Севера с другими монастырями — Кирилло-Белозерским, Псково-Печерским, видимо, Иосифа-Волоколамским (именно на Севере обнаружены ранние списки сочинений Иосифа Волоцкого). Постоянно поступали рукописные книги в дар или для переписки из Новгорода (северные монастыри относились к епархии новгородского владыки) и Москвы; Красногорский монастырь получал рукописи из Ярославля. Приводятся примеры заказа на рукописи в виде вклада, т.е. организации книжных поступлений.

Приводимые исследователем данные об обращении заказчиков или переписчиков к определенным спискам рукописей, о настойчивых поисках наиболее древних списков, о консультациях со специалистами-знатоками древних языков (в середине XVII в. с Арсением Сухановым), о работе по выверке текстов существенно дополняют и конкретизируют наши знания (недавно обобщенные в трудах Д.С. Лихачева, Л.В. Черепнина и других исследователей) о зарождении "практической" текстологии, археографии, архивоведения. Образованные книжники понимали значение хороших списков для текстологической жизни памятника и старались пополнить свои собрания именно такими списками или копиями с них. При этом возникает вопрос: кто был консультантом, экспертом этих собирателей? Вероятно, не только постригшиеся в монастырях знатоки рукописной книги. Можно полагать, что кто-то сообщал соответствующие сведения и приезжавшим в Москву или в Новгород монахам, выполняя, тем самым, функции, характерные для некоторых западноевропейских гуманистов.

Рукописи монастырских библиотек оказываются обычно близкими ко времени написания памятников. В этом отношении осо-

бенно любопытен сборник Антониево-Сийского монастыря, объединяющий памятники, проводившие идею сплочения страны при главенствующей роли Москвы, важнейшие памятники времени "Избранной рады" в ранних редакциях (С. 140—141). В небольшом далеком Николо-Корельском монастыре в 1584 г. переписывали (и притом за плату) сочинения Псевдо-Дионисия Ареопита, Иоанна Дамаскина (С. 47), характерные для круга чтения Ивана Грозного и Курбского. Это делает понятным столь деятельное участие монахов даже отдаленных монастырей в публицистической идеологической борьбе конца XV—XVII вв., участие оперативное и квалифицированное, опирающееся на знакомство с основным комплексом первоисточников, в том числе новейшего происхождения. Выводы эти очень обнадеживают и археографов, позволяя надеяться на то, что при столь же внимательном ознакомлении с рукописями других бывших монастырских собраний удастся обнаружить ранние списки известных памятников письменности или такие сочинения, которые пока считаются утраченными.

Научно-перспективным представляется одновременное исследование старинных описей монастырской "книжной казны" и сохранившихся рукописей и изданий, названных в этих описях. Это позволяет составить представление не только о библиотечной "практике" тех лет — место хранения, системе учета и описания книг, — но и помогает восстанавливать состав библиотек, обнаруживать не дошедшие до нас книги. Необходимо, однако, учитывать важное наблюдение М.В. Кукушкиной, что описи не полностью отражают состав "Книжной казны" — там оказывались неупомянутыми и достаточно широко распространенные памятники (например, жития местных святых, списки которых готовили даже на продажу), и особенно дорогие рукописи, хранившиеся в храмах. Несколько категоричным кажется вывод автора, будто в монастырских библиотеках Севера не было общерусских летописных сводов. Можно полагать, что в крупных монастырях были большие летописи (составленные в Москве, Новгороде или в других городах) или фрагменты их. Отрывок московского летописца сохранился в сборнике Антониево-Сийского монастыря (Арханг. Д. 193); летописец, возможно, этот самый, упомянут в описи того же монастыря 1597 г. Монахи рано начали вести летописцы, а для таких сочинений всегда использовались пространные летописи. В Соловецком монастыре в 1589—1591 гг. переписывали какой-то большой летописец, за переписку которого заплатили 2 рубля крылошанину-старцу Митрофану (С. 48). Следовательно, в рукописи было около 500 листов (из сравнения с другими данными об оплате труда переписчиков, приводимыми в книге). Не сохранились ли

автографы Митрофана? Тогда можно было бы предпринять попытку розыска рукописи или даже идентификации с ней какого-либо из известных уже списков летописи. Не почерком ли того же Митрофана написаны и "летописцы вкратце"? Перспективным представляется и сравнительное изучение описей монастырских библиотек и монастырских архивов (для северных монастырей работы А.А.Амосова об архивных описях дают уже обильный материал для подобных исследований). Это поможет выяснить характерные для XVI—XVII вв. черты практической археографии и практики архивного дела (тем более, что в небольших монастырях составителями и тех, и других описей могли быть одни и те же лица из среды монахов-грамотеев). Небезынтересно и сравнение с системой составления описей в приказных учреждениях. Так, вывод М.В. Кукушкиной — со ссылками на описи Соловецкого монастыря 1570 г. — о том, что описи не всегда составлялись полностью заново (первоначально проверяли наличие и вновь поступившие вещи, в том числе и книги, вносили в старый инвентарь, который лишь затем переписывали), находит подтверждение в практике составления описей архива Посольского приказа XVII в. (изученной В.И. Гальцовым).

Монография М.В. Кукушкиной обогащает наши представления не только о книжной культуре XVI—XVII вв. и вообще о культурной и общественно-политической истории России того времени, но и о методике современных археографических, источниковедческих и книговедческих исследований. Книга содержит богатую и разнообразную информацию, что делает ее необходимым пособием для специалистов. Она побуждает и к дальнейшим архивным разысканиям и размышлениям, зачастую уже типологического и сравнительно-исторического характера. И это — тоже несомненное достоинство работы исследователя. Целесообразность дальнейшего — и именно в монографическом плане — всестороннего изучения книжной культуры других регионов России XV—XVII вв. очевидна.

Исследование Н.Н. Зарубина "Библиотека Ивана Грозного и его книги"

Николай Николаевич Зарубин (1893—1942) — выдающийся знаток древнерусской письменности, книговед, библиотековед, текстолог, археограф — много лет работал в Библиотеке АН СССР. 5 января 1942 г. он скончался в Ленинграде, изнуренный и обессиленный голодом первой военной зимы¹. Широко известно подготовленное Зарубиным академическое издание Моления Даниила Заточника, вышедшее в 1934 г. в серии "Памятники древнерусской литературы"². В 1920—1930-е годы Зарубин специально изучал историю библиотек и архивов России конца XV—начала XVIII в.: в архиве ученого сосредоточены копии архивных и опубликованных описей книжных собраний и вообще имущества монастырей³, архиереев и светских лиц, исследовательские труды и их фрагменты, выписки из литературы, библиографические сведения по истории древнерусской книжности. Уже в 1924 г. Зарубиным была опубликована большая статья о применении форматного принципа в расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновении. Статья эта мыслилась, очевидно, как первая в серии "Очерков по истории библиотечного дела в Древней Руси" (об этом свидетельствует и римская цифра "I" над подзаголовком ее)⁴. Зарубин принимал деятельное участие в обработке материалов картотеки памятников древнерусской письменности — "Картотеки академика Н.К. Никольского"⁵.

Личный фонд Н.Н. Зарубина, хранящийся в Рукописном отделе Библиотеки АН, пока еще мало изучен. Необходимость детального обзора этого интересного фонда очевидна. В данном сообщении ограничусь сведениями, относящимися к исследованию Зарубиным книжного собрания Ивана Грозного. В фонде Зарубина хранятся два экземпляра машинописи работы "Библиотека

* Впервые опублик. в кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. Л., 1978. С. 37—53. В 1982 г. Библиотекой АН СССР была издана книга: Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиогр. описание / Сост. Н.Н. Зарубин. Подг. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова. Под ред. С.О. Шмидта. Л., 1982. (Далее: Библиотека Ивана Грозного). Развернутое предисловие "от редактора" во многом основано на этой статье.

Ивана Грозного и его книги", датированной 1938 г., и подготовительные материалы к этой работе.

В "Историческом очерке Рукописного отделения Библиотеки Академии наук" (написанном А.И. Копаневым и В.А. Петровым) упомянута среди работ второй половины 1930-х годов составленная Зарубиным "научно-библиографическая справка" о библиотеке Ивана Грозного⁶. На эту работу ссылались М.В. Кукушкина⁷ (оказавшая мне, как и А.А. Амосов, помощь при подготовке настоящей статьи) и М.И. Слуховский⁸. Однако труд Зарубина до сих пор остается малоизвестным даже специалистам. Наша задача — ознакомить с содержанием исследования Зарубина о библиотеке и книгах Ивана Грозного и определить его научное значение.

Исследование Зарубина — 90 страниц машинописи (большей частью через два интервала, с сокращениями отдельных слов; в дальнейшем изложении при цитировании работы Зарубина эти сокращения не учитываются), с правкой лиловыми чернилами (вписаны буквы "ять", "и" десятеричное). Тем же почерком и теми же чернилами пронумерованы листы машинописи. Работа имеет титульный лист с заголовком "Библиотека Ивана Грозного и его книги". Там же указаны автор ("Н.Н. Зарубин"), количество страниц ("90"), дата ("...", ...1938"), наверху гриф "Библиотека Академии наук СССР" (подчеркнуто в тексте) и ниже: "Картотека ак. Н.К. Никольского"⁹. Видимо, эта работа предназначалась для издания^{1*}.

Очерк, озаглавленный "Библиотека Ивана Грозного и его книги", занимает 40 страниц. На с. 41—86 помещен "Алфавитный перечень книг, известных с именем Ивана Грозного" (две страницы — 61 и 62 — с большими подклейками). Это — приложение № 1, имеющее большую самостоятельную ценность. На с. 87—90 — приложение № 2, озаглавленное "Анонимная опись библиотеки Ивана Грозного XVI в., открытая проф. Дабеловым": слева текст на старонемецком языке, справа — русский перевод. Под текстом краткие комментарии. Опись публикуется — как отмечает Зарубин — по изданию Клоссиуса 1834 г.^{2*}

Труд Зарубина отличается большой основательностью, едва ли не оптимальным использованием всей известной к тому времени литературы (на русском и иностранных языках), включая газетные статьи и хроникальные заметки. Приводимые в работе фактам-

^{1*} В газете "Вечерняя Москва" от 11 декабря 1938 г. сообщалось о том, что Библиотека Академии наук СССР подготовила к печати описание книгохранилища Ивана Грозного. (За эти сведения благодарен М.И. Слуховскому.)

^{2*} Позднее опись и перевод ее с более пространными комментариями опубликовал С.А. Белокуров¹⁰.

свидетельствам (прямым и косвенным) о библиотеке и книгах Ивана Грозного сопутствуют тщательно составленные пространственные примечания библиографического, источниковедческого и историографического характера (на 1—40 страницах 64 примечания по валовой нумерации). Зарубин кратко и объективно характеризует соответствующие точки зрения, фактологические основания тех или иных выводов и наблюдений, сопровождая их нередко своими критическими замечаниями. При этом автор придерживается хронологической последовательности — по времени появления в печати работы или печатного указания на какое-либо высказывание. В этом плане исследование Зарубина может рассматриваться и как историографический очерк изучения вопроса о библиотеке московских государей в XVI столетии.

Работа начинается словами: "Прямых известий о библиотеке царя Ивана Васильевича Грозного или, что то же, великого князя Василия Ивановича, сохранилось немного" (С. 1). В основном тексте приводятся такие известия (в виде цитаты или в изложении), а в примечаниях — указания на публикацию, толкование, изучение этих известий. К ним относятся: 1) свидетельство Максима Грека, приехавшего в Москву в 1518 г.; 2) сообщение автора "Сказания о Максиме Греке" (Зарубин придерживается мнения А.И. Соболевского о том, что Сказание "по-видимому, было составлено вскоре после" смерти Максима — он скончался в 1556 г.); 3) помещенный в хронике Ниенштедта рассказ пастора Веттермана, бывшего в Москве в 1565—1566 г.; 4) открытая в 1819 г. Дабеловым анонимная опись библиотеки Ивана Грозного. Зарубин замечает по поводу этих извещий: "Никем из исследователей подлинность слов Максима Грека не опровергается, характеристика же библиотеки составителем: "Сказания" считается преувеличенной. Что касается показаний иностранцев, то рассказ Веттермана обычно принимают, опись же царской библиотеки анонимна, как по обстоятельствам ее открытия, так и по сообщаемым ею сведениям, считают не внушающей доверия, и ряд исследователей ее достоверность отрицают" (С. 7—9).

Далее приводятся "косвенные указания" на существование библиотеки Василия III и Ивана Грозного: 1) "Греческие оригинальные рукописи, с которых делал переводы Максим Грек, и существование которых в начале XVI в. в Москве дает значительную вероятность предположения об их тождестве с рукописями состава великокняжеской библиотеки" (С. 10—11); 2) письма польского гуманиста Яна Лятского, родственника коронного канцлера, к немецкому гуманисту Амербаху от 1 июля 1526 г. и 30 марта 1527 г., в которых автор выражает надежду на получение

из Москвы копий с каких-то греческих рукописей; 3) рассказ о московском пожаре 1547 (или 1548) г., передаваемый в Степенной книге и в некоторых Четвх минеях, где говорится о "греческих книгах", погибших от огня; 4) "книги, написанные лично для Ивана Грозного по его заказу" (Библия, Четвх минеи, Патерик печерский); 5) известия о книгах, присланных или поднесенных Ивану Грозному русскими и иностранцами: бывшим игуменом Троице-Сергиева монастыря Артемием, Иваном Пересветовым, "Ураком с товарищи" (арабская рукопись "Чудеса природы", отбитая в 1549 г. у казанских послов, ехавших в Крым), датским королем Христианом III (1552), архидьяконом новгородского Софийского собора Геннадием (1558), молдаво-валахским господарем Александром (1561), суздальским епископом Варлаамом (около 1580 г.), польским королем Стефаном Баторием (1581), князем Константином Острожским (1581), папским послом А. Поссевино (1581–1582); 6) известие о греческой рукописи "Константинов дар", похищенной поляками из царской казны в начале XVII в. и поднесенной в качестве подарка польским послом в 1633 г. папе римскому; 7) "державшиеся в XVI и XVII вв. упорные слухи о существовании в Москве царской библиотеки с книгами на разных языках, повлекшие за собой: а) прибытие в Москву из Литвы или Молдавии иеродиакона Иоакима ("во иноцех Исани") для розысков необходимых для книгопечатания рукописей (библии, бесед на евангелие, жития Антония Печерского) в царской "книгохранительнице" и лично беседовавшего с Иваном Грозным¹¹; б) поручение кардинала Сан-Джорджо в 1600 г. грекоуниату Петру Аркудию разузнать в Москве о греческих рукописях царской библиотеки; в) письменную просьбу ученого грека газского митрополита Паисия Лигарида (1662 или 1663 г.) к царю Алексею Михайловичу допустить его к занятиям греческими и латинскими рукописями, под которыми Зарубин — вслед за А.И. Соболевским — подразумевает "собрание иноязычных книг царской библиотеки", о чем Паисий "должен был слышать в свою бытность в Риме"^{3*} (С. 18), наличие в XVI в. до-

^{3*} В статье 1982 г. дополнительные данные: «Можно добавить, однако, еще некоторые соображения и свидетельства, как будто еще не использованные теми, кто интересовался библиотекой Ивана Грозного. Если полагать, что автором жизнеописания Максима Грека был А.М. Курбский, то его сочинения или устные рассказы, вероятно, явились одним из источников информации за рубежом об этой библиотеке. Курбского современники считали лицом, "наиболее осведомленным" о Российском государстве, знающим "подноготную московских дел"¹². У Курбского были обширные связи в Польско-Литовском государстве, причем не только с православным духовенством и магнатами, но и с лицами из католических кругов. Его знали и при дворе германского императора; он установил сношения с высшим

вольно значительных (по тому времени) книжных собраний в руках частных лиц, о чем свидетельствуют: а) вклады книгами игумена Досифея в конце XV—начале XVI в. в Соловецкий монастырь¹⁷; б) книги священника Сильвестра (в том числе и греческие рукописи)¹⁸; в) опись библиотеки Строгановых^{4*} 1578 г., книги, подаренные частным лицам (Ивану Роките, князю Константину Острожскому, Дж. Горсею) и розданные вклады по разным церквям и монастырям самим Иваном Грозным — "последних в настоящее время известно не менее 78, в том числе так называемое Добрилово евангелие — рукопись 1164 года" (С. 20). В примеч. 37 (С. 20—21) приведены очень важные наблюдения о распределении пожертвований царя Ивана по церквям и монастырям: Брянский Свенский (Свинский) монастырь — 27 книг, Соловецкий — 24 книги²⁰, Кирилло-Белозерский — 7 книг, Христофорова пустынька Николаевского Коряжемского монастыря — от 2 до 5 книг, Антониево-Сийский монастырь — 3 книги, Ростовско-Борисоглебский — 3 книги, Троице-Сергиев монастырь — 2 книги, Московский Благовещенский собор — 2 книги,

православным духовенством юго-востока Европы, даже с константинопольским патриархом¹³. Поэтому не исключена возможность нахождения в зарубежных памятниках письменности дополнительных сведений о библиотеке московских царей, почерпнутых у Курбского. Быть может, царь Иван потому и распорядился ознакомить пастора Веттермана и сопровождавших его лиц с книгами таинственной "либерей", что и до гуманистически образованных людей в Восточной Прибалтике тоже дошли слухи об этих богатствах и о том, что их скрывают? Ведь это сделано было (на что уже обратил внимание М.Н. Тихомиров¹⁴) вскоре после бегства Курбского за рубеж и начала его переписки с грозным царем.

В XVII в., как выясняется, сведения о библиотеке русских царей имелись не только у лиц, близких к Ватикану, Константинополю (Стамбулу) и Афону (знакомство с рукописями этих хранилищ кажется особенно перспективным для изучения истории библиотеки), но и у голландца Никласа Витсена, участника посольства в Москву в 1664 г., впоследствии известного ученого и государственного деятеля, близкого к Петру I. Сохранилась его дневниковая запись о том, как он спрашивал в Москве у приставов посольства о библиотеке царя. "Говорят определенно, что здесь находятся древние книги Александра Великого, а также летописи страны и карты". "Только одни наши братья имеют туда доступ", — ответили ему¹⁵. Обращает внимание указание на то, что осведомители Витсена сообщили ему ("говорят определенно") и о собрании древних рукописей, причем именно древнегреческих, и о тех документальных материалах (летописи и карты), которые хранились в государственном архиве. (Впрочем, источником сведений Витсена мог быть и Паисий Лигарид, с которым он встречался в Москве)»¹⁶.

^{4*} Автор ссылается на работы Н.Г. Богдановой и А.А. Введенского, основанные, главным образом, на изучении описи имущества Строгановых 1578 г. Старший научный сотрудник ЦГАДА Т.С. Иванова выявила недавно в архиве опись начала XVII в., также содержащую ценные сведения о библиотеке Строгановых. Эта опись готовится к печати. О частных библиотеках XVI в. более подробные сведения приведены в книгах М.И. Слуховского¹⁹.

Костромской Богоявленский монастырь — 1 книга, Яренгская Стефановская пустынь — 1 книга (Добрилово евангелие), Новоторжский Борисоглебский монастырь — 1 книга, Валаамский — 1 книга (?), церковь Зосимы и Савватия в Муроме и Ростовский Богоявленский Авраамиев монастырь ("даяние" Ивана Грозного) — не менее чем по 2 книги за каждое "строение"; 9) наконец, Зарубин отмечает "всем известную исключительную начитанность Грозного в разного рода памятниках церковно-учительной литературы и в русских летописях, а также его осведомленность в событиях из римской, литовской, польской и даже истории Грузии, чего едва ли бы он был в состоянии достичь без значительного собрания книг, находившихся под его руками". "В некоторых случаях Грозный, по-видимому, брал к себе книги у разных лиц и из книгохранилищ во временное пользование", — пишет Зарубин и при этом ссылается на "Опись домашнему имуществу" царя 1582—1583 гг. и записи на рукописных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря. "Свой интерес к инославным учениям" царь, по мнению Зарубина, "удовлетворял чтением сочинений, написанных и представленных ему приезжими иностранцами, несомненно, сохранявшихся в его казне" (С. 21—23).

Зарубин констатирует, что никто из исследователей никогда не сомневался в существовании библиотеки как у Василия III, так и у Ивана Грозного, "однако, поскольку в настоящее время ее нет, предпринятые же в конце XIX века розыски входивших в ее состав книг, и в частности греческих рукописей, успехом не увенчались, вопрос подымался лишь о том, в каких размерах следует предполагать эту библиотеку, располагала ли она более или менее значительным собранием книг иноязычных" (С. 24—25), и в примечаниях кратко излагаются — с соответствующими библиографическими ссылками — различные мнения о составе, происхождении и времени возникновения библиотеки московских государей.

Обратившись к "сохранившимся официальным документам, в которых можно было бы рассчитывать найти сведения о библиотеке Грозного" ("Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича" 1582—1583 гг. и "Описи Царского архива" 1570-х годов), Зарубин приходит к заключению, что они "почти никакими данными на этот счет не располагают" (С. 26), а «так как в описях имущества "Государства старого двора" от 1611 г., куда вошла "всякая казна" времен Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского, перечислено не свыше 53 рукописных и печатных книг на церковно-славянском языке, то совершенно ясно, что в первой четверти XVII в. библиотека Грозного как таковая для

современников уже не существовала и что в лучшем случае уже тогда от ее книг оставались на виду только единичные экземпляры» (С. 27).

Более детально останавливается Зарубин на вопросе "что случилось с библиотекой Грозного", указывая на то, что он "решается различно": одни исследователи полагают, что она погибла во время большого московского пожара (1547, 1571 или 1611 гг.); другие — что, понеся известный ущерб от пожаров, в основном была разграблена поляками в Смутное время; третьи — что она существенно не пострадала ни от пожаров, ни от грабителей, так как всегда хранилась в одном из подземных кремлевских тайников, где находится и по настоящее время (С. 28). Зарубин считает необходимым заметить, что "достоверных известий о гибели царской библиотеки при каком-либо пожаре в летописях не встречается". Поскольку от 1565—1566 г. существует свидетельство Веттермана, ясно, что библиотека не была уничтожена в 1547 г., при пожарах же 1571 и 1661 гг. Кремль уцелел (С. 29). Нет прямых указаний и на то, что она была разграблена или увезена поляками целиком в Польшу (во всяком случае, в сохранившихся материалах о переговорах о возвращении из Польши в Москву документов, вывезенных в Смутное время). "Отсюда, — пишет Зарубин, — предположение о хранении библиотеки в подземном тайнике приобретает значительную степень вероятности, хотя и оставляет непонятным, почему о ней не вспомнили впоследствии, в особенности же когда решили приступить к исправлению церковнославянских книг путем их сличения с греческими" (С. 29—31). В работе имеются указания на соображения, сформулированные еще Ф. Клоссиусом, а затем И.Е. Забелиным и С.А. Белокуровым: если бы такая библиотека существовала в XVII в., не было бы надобности отправлять для закупки греческих рукописей на Восток Арсения Суханова.

Зарубин приводит данные о хранении ценной "казны", и в частности рукописей, в подвальных помещениях в XVII в.: там находились некоторые рукописные книги личной казны царей, рукописи на греческом языке, привезенные Сухановым. Подчеркивается, что предположение, будто подземное хранилище для царской библиотеки было устроено в самом дворце, "не имеет достаточных оснований, так как в лучших списках хроники Ниенштедта соответствующее место читается: "Es hat der Moscovuter eine stattliche Liberei... unter drei Gewolber in einem (а не "seinem", как напечатано у Клоссиуса) steinern Gemache vermauert", что заставляет — вслед за Гаусманом — искать библиотеку за стенами царского дворца. Клоссиус еще прежде предполагал,

что библиотека могла быть вывезена вместе с казной в Александрову слободу". Зарубин добавляет другое возможное предположение: местом хранения ее могли стать упоминавшиеся Г. Штаденем в 1570-е годы каменные палаты в Вологде, специально построенные для хранения казны (С. 31, примеч. 51).

Далее излагаются сведения о розысках царской казны в подземных тайниках Кремля в XVIII в. и о раскопках в Кремле с целью обнаружения библиотеки в конце XIX в. и в 1914 г. (при этом Зарубин ссылается на статью И. Стеллецкого "Загадка Кремля" в газете "Известия ВЦИК" от 10 апреля 1924 г. — С. 37, примеч. 59). "Лица, полагавшие, что царская библиотека скрыта в тайнике, — замечает Зарубин, — конкретизируя свои догадки, не раз высказывали предположение, не находятся ли в этих сундуках вместе с другими ценностями также и книги Грозного" (С. 38—39).

Чувствуется, что Зарубину более других близка точка зрения академика Соболевского, верившего в существование царской библиотеки с древними рукописными книгами. В примеч. 55 (С. 35) он пишет: "Несмотря на то, что книга С.А. Белокурова ставит своей целью не беспристрастное исследование спорных вопросов, а написана с предвзятой целью доказать, что поиски царской библиотеки с древними рукописными книгами напрасны" (дается ссылка на отзыв Д.Ф. Кобеко о книге Белокурова), "его взгляды настолько вошли в научный оборот в качестве прочно обоснованных выводов, что стали достоянием университетских курсов" (А.Н. Пыпина, М.Н. Сперанского) и позволили академику М.М. Богословскому²¹ поставить Белокурову в заслугу, что его книгой полемике по поводу библиотеки Грозного "был положен конец". В действительности, однако, полагает Зарубин, участники спора, и, в частности, Соболевский и Белокуров, "каждый остался при своем мнении, не будучи опровергнут доводами противника, полемика же прекратилась просто из-за отсутствия фактического материала".

"Если, таким образом, судьба библиотеки Ивана Грозного, — заключает Зарубин, — остается до сих пор загадочной, то некоторые принадлежавшие ему когда-то книги все же могут быть указаны" (С. 39). И Зарубин предпринимает попытку, "отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту" (С. 40), составить "алфавитный перечень книг Грозного", "в основном по материалам картотеки древнерусской рукописной книжности академика Н.К. Никольского", которая уже тогда находилась — и это особо отмечает автор (примеч. 62 на С. 39) — в Рукописном отделе БАН СССР.

В состав перечня книг Ивана Грозного, — пишет Зарубин, — "вошли книги (и отчасти сочинения): 1) обнаруженные при описях его имущества и архива; 2) списанные по его заказу для него лично; 3) посылавшиеся или переданные ему разными лицами; 4) взятые им на время со стороны; 5) пожертвованные им в церкви и монастыри и жалованные частным лицам и; 6) вообще ему принадлежавшие, а также; 7) разыскивавшиеся у него современниками".

В этом плане Зарубин сам называет своим предшественником академика И.Н. Жданова, постаравшегося еще в 1870-е годы собрать указания на те сочинения, которые могли быть известны Ивану Грозному, "т.е. на те книги, которые ему принадлежали или которые ему представлялись". (В посмертно изданном труде Жданова "Сочинения царя Ивана Васильевича" эти данные приведены²².) Однако список, составленный Зарубиным, дает, как указывает и сам автор, "почти втрое больше сведений, чем приведено" у Жданова (С. 40).

Составленный Зарубиным перечень включает 154 номера с наименованиями книг (точными или примерными) или указанием числа их (№ 112—138 — 27 книг без указания названий, данные вкладом в Брянский Свинский монастырь; № 139—147 — девять книг, пожертвованных в Соловецкий монастырь; № 149—150 — две книги, присланные датским королем, и др.). На самом деле книг в упомянутом перечне больше и, видимо, значительно, так как иногда указывается под общим номером суммарное упоминание о рукописях (№ 16, 34, 44 — рукописи, о которых свидетельствует Веттерман: "греческие книги", "европейские книги", "латинские книги"; № 90 — "сербские книги", поднесенные Поссевино).

Перечень сопровождается пространным комментарием с архивными или библиографическими данными, а также иногда и с критическими замечаниями о суждениях исследователей. Так, опровергается предположение Белокурова, будто "Книга летописец, писан скорописью в затылок, Троицкой", упомянутая в числе книг "государевой постельной казны" в описи 1582—1583 гг. с пометой "отдан к Троице", названа и в описи книг "Государева старого двора" 1611 г., так как "ниоткуда не видно, чтобы летописец был взят из Троице-Сергиева монастыря на царский двор снова" (С. 58, № 47). Не согласен Зарубин и с предположением Е.И. Калужняцкого, что перевод Синтагмы был сделан по инициативе Ивана Грозного (С. 78, № 92).

В перечне упомянуты и рукописные, и печатные книги (например, печатный Апостол 1564 г., Острожская библия, иностранные издания). Зарубин присоединяется к мнению, что книги, напе-

чатанные Печатным двором, обычно подносились царю, и у Ивана Грозного должны были находиться экземпляры всех печатных московских изданий его времени (С. 42, примеч. 61).

В перечне названы книги, разнообразные и по содержанию, и по происхождению. Больше всего, конечно, рукописей духовного содержания (библии, евангелия, церковные служебные книги, Четьи минеи, отдельные жития, патристическая литература и др.), но немало и сочинений светского характера — летописи (русские, литовские, польские), памятники публицистики (сочинения самого Ивана IV, И. Пересветова, сочинения иностранцев о жестокостях царя Ивана), восточная рукопись ученого содержания. Некоторые памятники условно можно было бы охарактеризовать одновременно и как делопроизводственные материалы — материалы судебных процессов против еретиков с "вещественными доказательствами", т.е. сочинения богословско-полемиического характера; синодики казненных, посылавшиеся в монастыри.

Зарубин включает в перечень и те книги, которые получили в литературе наименование "царских", но, по его мнению, не могли непосредственно принадлежать Ивану Грозному. Так, он полагает, что утверждение издателей Великих Четых миней о принадлежности списка Московского Успенского собора Грозному представляется "весьма сомнительным" (С. 62, № 66). Включен в перечень и перевод Синтагмы Матвея Властаря 1556 г., посланный молдаво-валашским господарем Ивану IV, но не дошедший по назначению и оказавшийся в Галиции (С. 78, № 94).

Интересны соображения Зарубина о книгах священника Сильвестра "государева данья". Он не согласен с мнением Леонида (Кавелина), что отметка "государево данье" означает почтение к вкладчику ("государю Сильвестру"). Не признает Зарубин и толкования И.Н. Жданова (хотя и не пишет об этом), считавшего, что эти книги были подарены Иваном IV Сильвестру, а ранее принадлежали библиотеке царя²³. Вслед за Н.К. Никольским он считает, что книги эти были даны "государем", т.е. царем, и, "быть может, принадлежали прежде иерею Сильвестру, затем царю, который передал их в Кириллов монастырь" (С. 54, № 38).

Принцип отбора книг в перечне, однако, не всегда ясен. Почему, например, упомянуто из сочинений Ивана Грозного только Послание в Кирилло-Белозерский монастырь? Можно полагать (особенно при сравнении с приписками в последние книги Лицевого летописного свода), что в Москве оставалась и книга (подлинник или копия) его пространного послания Курбскому²⁴.

Не названы и послания Курбского, несомненно, поступившие в личную казну царя, который готовил ответные послания, постоянно

обращаясь к этим текстам. По сочинениям царя Ивана выявляются памятники отечественного и зарубежного происхождения, которые он цитировал или упоминал. На подобные памятники указывали Ивану IV в своих обращениях к нему и митрополит Макарий, Максим Грек, Сильвестр, Курбский. Вероятно, такие памятники (или хотя бы некоторые из них) должны были также находиться в личной библиотеке Ивана Грозного (или в легко ему доступной). Таким образом, перечень представляется неполным, даже если исходить из наблюдений Жданова²⁵, не говоря уже о сведениях, имеющихся в комментариях к академическому изданию "Посланий Ивана Грозного" 1951 г. и в исследованиях, появившихся позднее.

В то же время включение некоторых книг в перечень кажется недостаточно обоснованным. Так, вряд ли следует признавать книгами библиотеки царя синодики (№ 91—92), посылавшиеся в монастыри по его распоряжению (и почему только эти их экземпляры?), или все книги (в их числе и Четьи минеи Макария), которые были написаны по повелению Ивана Грозного (№ 56—65). Вряд ли в библиотеку царя должны были взять и Апостол, принадлежавший Матвею Башкину, с его пометами воском, который показывали царю и окружавшим его лицам (С. 41—42, № 3).

Вероятно, нельзя считать книгами именно библиотеки Ивана Грозного и те, которые названы в Описи Царского архива. Царский архив — это главный государственный архив, а не личный государев архив, хотя разделение это — так же, как и определение понятия "царская книгохранилища" и ее местонахождение в середине XVI в. — еще очень условно. Личным архивом была "государьская казна", о которой упоминается в помете XVI в. на Триоди постной "письма самого" Иосифа Волоцкого (С. 83, № 109), или "государева постельная казна" царя²⁶. (Впрочем, терминология в XVI в. оставалась нечеткой.) Из "государевой" казны Иван Грозный и возвращал книги (как только что упомянутую Триодь, которую в Иосифо-Волоколамском монастыре положили "вместе в коробью" с другими собственноручными рукописями Иосифа, наказав "по кельям ея не давати"), и жертвовал рукописи в церкви и монастыри. Так, "евангелъе тетр в дестъ" — драгоценная рукопись, украшенная миниатюрами и золотом, находившаяся среди книг "государевой постельной казны", — было "отдано, сказали, в Архангел в предел ко гробу" (очевидно, царевича Ивана). А о пяти евангелиях в той же описи 1582—1583 г. написано: "четыре есть, а пятое евангелие отдано к Ивану Предотече" (С. 50, № 25, 26—30).

Можно полагать, что Иван Грозный жертвовал (в виде вклада) в монастыри и церкви книги не обязательно из своей личной библиотеки, а скорее из особого фонда, ранее существовавшего или для этого и образованного. Там могли сосредоточиться и давно уже переписанные книги, и специально переписываемые с этой целью, и конфискованные или перешедшие к царю вместе с выморочным имуществом подданных. Не отсюда ли попали в монастыри некоторые книги "государева данья" из бывшей библиотеки Сильвестра? Возможно, так удастся обнаружить и разрозненные экземпляры библиотек других лиц (например, князей Старицких, князей Воротынских, А.Ф. Адашева, И.М. Висковатого, бояр Морозовых и др.). В чьем ведении находился этот фонд, пока предполагать трудно — возможно, в ведении постельничего или какого-то лица, связанного с митрополитом или с Чудовым монастырем и Благовещенским собором (так как некоторые рукописи позднее оказались в так называемом Синодальном собрании)^{5*}.

[Характеризуя книжное собрание Ивана Грозного, правильнее было бы говорить о двух библиотеках, о двух (или даже трех) разделах царского книжного фонда — античном (малодоступном или даже вовсе недоступном) и современном, которым пользовался царь и который, видимо, был доступен и для его приближенных²⁷.

В этом более доступном собрании Иван Грозный находил рукописи при написании своих посланий. К этой библиотеке могли обращаться при подготовке к диспутам на религиозные темы, в поисках исторических аналогий (в частности, редактируя летописи или при составлении "ответных" речей иностранным дипломатам). Там, видимо, были и книги — рукописные и печатные, которые царь Иван давал для прочтения или дарил отдельным лицам. Именно об этом "царском книгохранилище" упоминал Дж. Горсей; и приводить данные о подаренной ему царем печатной книге 1581 г. издания — Острожской Библии (как это делает В.Н. Осокин) в качестве доказательства существования у Ивана Грозного библиотеки старинных античных рукописей нет оснований.

Это — дворцовая, домовая библиотека, состоящая преимущественно из сравнительно новых рукописей и печатных книг, хотя могла включать и отдельные старинные рукописи. Она, как и государственный Царский архив, была в ведении тех же лиц — печатника, а также казначея и думного посольского дьяка. В их ведении должна была находиться и книгохранильница с антич-

^{5*} Следующие далее известия о структуре царской библиотеки заимствованы из статьи 1982 г.

ными рукописями — в рассказе Ниенштедта о знакомстве с книгохранилищем пастора И. Веттермана эти лица и упомянуты.

Можно полагать, по аналогии с патриаршей библиотекой, где наряду с патриаршей домовою казною существовала еще и патриаршая келейная казна²⁸, что у царя также имелась и личная, как бы подручная, библиотека. Состав ее вряд ли был неизменным^{6*}, кроме нескольких книг "священного писания" (как их принято было называть), постоянно надобных для "душеполезного" чтения (а также подаренных с "благословением" особо почитаемыми лицами), да еще, может быть, травника-лечебника. Это — "книги государевы постельные казны". Некоторые из них упомянуты в "Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов"³⁰. Важно отметить, что там названа и "книга летописец". Царь Иван — по словам Курбского — "добре веши от летописцов русских"³¹; у него никогда не ослабевал интерес к русской истории, прежде всего к описанию истории своего царствования — в официальной "исторической" интерпретации этих событий он принимал руководящее непосредственное участие.

Эта личная библиотека царя, как полагал Н.П. Лихачев, помещалась в верхнем этаже "постельных хором" дворца³² и входила в состав постельной казны государя, так же, как и его личный архив (представлявший собой тоже собрание документов неопределенного состава, главным образом временно переданных из государственных архивов, и прежде всего Царского архива³³). Постельная казна находилась в ведении постельничего. Ее могли включать и в состав "походной казны", сопровождавшей царя во время военных походов, езды по монастырям и т.д. Характерно, что в сочинениях Пересветова, Курбского, в посольских книгах читаем не об одной "казне", а о "казнах" царя Ивана IV.

Различие дворцовой книгохранильницы-"казны" и постельной книгохранильницы было скорее не качественным, а количественным. Вычленив книги собственно личной библиотеки царя крайне трудно, тем более, что личную библиотеку отличала неустойчивость состава и многие книги могли находиться там (подобно и некоторым делопроизводственным документам) во "временном пользовании". После смерти государей книги из личной

^{6*} В личной библиотеке, в "царских чертогах", должна была временно находиться и книга, содержащая погребальную церковную службу, о чем узнаем из Пискаревского летописца: «Того же году (7071. — С.Ш.) некое время послал царь и великий князь Иван Васильевич к отцу своему и богомольцу к Макарию митрополиту книги просити душеполезные. И Макарий прислаша ему погребален. И князь велики гневашесь на него тайно и рече ему: "Прислал еси ко мне погребален, а в наши царские чертоги такие книги не вносятца"»²⁹.

библиотеки поступали в дворцовую, а документы — в государственный архив. Пытаясь представить обычный круг чтения царя Ивана, определить книги, к которым он мог всегда обращаться^{7*}, следует иметь в виду не только личную, но и дворцовую библиотеку его, которую также можно называть библиотекой Ивана Грозного^{8*}.]

Перечень, составленный Зарубиным, независимо от того, с какой степенью полноты он отражает состав библиотеки Ивана Грозного, имеет большую самостоятельную ценность. Перечень важен для изучения древнерусской книжности как фактора истории культуры (а об этом в последнее время убедительно писали академик Д.С. Лихачев, А.А. Сидоров и другие ученые). Перечень интересен и в плане изучения судеб отдельных книг и собраний их, библиографии и самой системы миграции книг, для изучения биографии царя Ивана, фактов политической и культурной истории, читательских вкусов и потребностей людей XVI столетия.

Так, очень любопытны сведения о вкладах царя по опальным. Среди рукописных книг, присланных в Ростовско-Борисоглебский монастырь "по Никите по Фуникове с товарищи" (т.е. по казначею Н.А. Курцеву-Фуникову — одному из трех лиц, которые познакомили пастора Веттермана с библиотекой Ивана Грозного), наряду с Житием Михаила Клопского названа книга "Иосифа евреянина премудрого" (можно полагать, что это "История Иудейской войны" Иосифа Флавия; список того же сочинения пожертвовал Иван Грозный и в Соловецкий монастырь)³⁶ и, что особенно важно отметить, "Летописец старой" (С. 58, № 48)³⁷.

Большой интерес представляет мысль Зарубина, — объяснение, почему нельзя с должной полнотой выявить книги, принадлежавшие Ивану Грозному: "В полном объеме вопрос о книгах Грозного мог бы быть решен при том условии, если бы была приведена в известность рассеянная по разным библиотекам наша древняя рукописная и старопечатная книжность, а также были бы собраны о книгах все те данные, какие имеются во множестве во

^{7*} К таким книгам, видимо, все-таки принадлежали, вопреки сомнениям Н.Н. Зарубина, и книги Великих Четъи Миней митрополита Макария, во всяком случае, книга за октябрь, из которой царем Иваном были почерпнуты сведения о житии Уара. Эпизоды этого нетрадиционного для росписей жития изображены на стенописи Архангельского собора, непосредственно над гробницей Ивана Грозного. Детально исследовавший и датировавший росписи 1564—1565 гг. Е.С. Сизов справедливо полагал, "что появление этого сюжета в росписи приделав усыпальницы, видимо, не в последнюю очередь связано с волей самого царя Ивана"³⁴.

^{8*} Здесь оканчивается цитата из статьи 1982 г.³⁵

вкладных, прихода-расходных, писцовых, переписных книгах и тому подобных документов, — материал, остающийся до сих пор почти целиком вне поля зрения исследователей" (С. 39).

Это и программа деятельности, подсказанная, впрочем, уже прежде трудами Н.К. Никольского, Н.П. Лихачева, П.К. Симони, В.Н. Перетца, В.П. Адриановой-Перетц и других исследователей. И приятно отметить, что эта программа усилиями историков, литературоведов и особенно книговедов и библиотекведов успешно осуществляется.

Работа Н.Н. Зарубина интересна, конечно, и в плане собственно историографическом, в плане истории советской науки. Доныне предполагалось, что после бурных дискуссий на рубеже XIX и XX в. о том, существовала ли библиотека Ивана Грозного, наступило затишье, изредка нарушаемое всполохами докладов и статей И.Я. Стеллецкого. И лишь с появлением статьи академика М.Н. Тихомирова "О библиотеке московских царей (легенды и действительность)"³⁸ можно связывать несомненное "возрождение интереса к давно волновавшему ученых вопросу о библиотеке московских государей (или, как принято ее называть, библиотеке Ивана Грозного): об этом вскоре же стали писать в научных и популярных изданиях, выступать по радио и телевидению". Именно так я и писал в комментариях к статье Тихомирова, переизданной в 1968 г.³⁹

Оказалось, однако, что один из самых серьезных и образованных исследователей древнерусской письменной культуры — Зарубин еще в 1930-е годы подготовил работу о библиотеке Ивана Грозного и подошел к вопросу примерно с той же позиции, что и позднее Тихомиров, т.е. не признал убедительными односторонние выводы Белокурова (поддержанные многими видными специалистами) и полагал, что спор прекратился не из-за того, что Белокуров убедил инакомыслящих, а потому, что были на том уровне знаний исчерпаны аргументы у сторонников обеих точек зрения. И Зарубин поставил перед собой задачу пересмотреть известные уже источники, критически подойти к многочисленным уже к тому времени исследованиям (могущим содержать хотя бы косвенные данные о книгах Ивана Грозного) и обобщить все эти наблюдения, без чего немыслимо было дальнейшее исследование.

Показательны различия, так сказать, подступа к теме, ее внутреннего обоснования у Зарубина и у Тихомирова. Зарубин подошел к этой теме как к научно-перспективной на основании прежде всего эмпирических наблюдений над многообразными фактами истории древнерусской книжности и библиотечного дела, которых уже тогда (в 1920—1930-е годы) было столько, что мнение

Белокурова не могло казаться достаточно состоятельным. Тихомиров же подошел к теме как бы в плане более широких явлений истории русской средневековой культуры, опираясь не только на свои большие познания в области изучения конкретных памятников письменности и истории их бытования, но, прежде всего, исходя из убеждения, что уровень культуры Древней Руси, точнее — России XVI в. был таким, что русские люди могли и обладать подобной библиотекой, и оценивать ее как культурное богатство.

Любопытно отметить, что аргументация обоих авторов — и Зарубина, и Тихомирова — во многом близка, а из предшественников им обоим ближе других оказался Соболевский. Тихомиров вспоминает свои беседы с Соболевским в Москве⁴⁰, быть может, предопределившие в какой-то мере специальный интерес ученого к этой проблематике. Возможно, что схожей тематикой беседы были с Соболевским и у Зарубина. Ведь и Зарубин, и Тихомиров — ровесники и тогда еще молодые ученые — были участниками "Сборника статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского"⁴¹, подготовленного к его 70-летию "учениками и почитателями"^{9*}.

Труд Н.Н. Зарубина представляет значительный интерес и для изучения вопроса о библиотеке московских государей XV—XVI вв., и вообще для изучения русской книжной культуры, и для исследования истории советской науки, и полезно было бы сделать этот труд достоянием читателей, подготовив специальное его издание с предисловием и соответствующими указателями^{10*}. Думается, что оно станет не только данью признательности и уважения к памяти выдающегося советского ученого, но и будет способствовать дальнейшему углубленному изучению тех вопросов истории, которые по-прежнему привлекают внимание и ученых, и широкой общественности.

^{9*} Издание было начато набором в январе 1927 г., следовательно, статьи были представлены ответственному редактору академику В.Н. Перетцу не позднее 1926 г.

^{10*} При этом следовало бы использовать материалы Н.Н. Зарубина и о Зарубине, отложившиеся в фонде литературоведа и библиографа Николая Алексеевича Соколова в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: перечень научных трудов Н.Н. Зарубина, отзыв на них Н.К. Никольского, "автонекролог" Н.Н. Зарубина, биографический очерк "Н.Н. Зарубин", составленный Э.В. Зарубиной, и др.⁴² (За указания эти признателен А.А. Амосову.)

Максим Грек в России (О книге Н.В. Сеницыной)*

Н.В. Сеницына приобрела уже прочную известность как исследователь истории общественной мысли и культуры России XVI в., видный специалист в области палеографии, кодикологии, текстологии памятников средневековья. На ее работы — книги, статьи, публикации исторических памятников — постоянно встречаются ссылки и в отечественной и в зарубежной научной литературе. Уже более десяти лет Н.В. Сеницына особое внимание уделяет изучению творческого наследия и биографии Максима Грека. Результаты этих плодотворных изысканий нашли воплощение в книге "Максим Грек в России"¹ и в статьях и научных докладах, названных в автореферате диссертации².

Максим Грек — выдающийся мыслитель, оказавший большое непосредственное влияние на развитие общественно-политического сознания и культуры в России середины XVI в. К сочинениям Максима Грека, к фактам его биографии обнаруживали живой интерес и в последующие века. А с XIX в. началось уже научное изучение его жизни и творчества. Библиография трудов, посвященных специально Максиму Греку, насчитывает много десятков названий, и среди них — солидные монографии. Тем не менее до недавнего времени жизнь и творчество Максима Грека, характер его воздействия на русскую общественную мысль и русских политических деятелей оставались все-таки еще недостаточно изученными. Одна из причин этого в том, что не была определена степень "надежности" источниковой базы возможных исследований. Н.В. Сеницына верно указывает на то, что "сочинения Максима Грека являются главным источником для ответа на вопрос о его роли в общественной мысли того времени: показания судных списков и следственного дела, как памятников крайне тенденциозных, отражают взгляды подсудимых весьма опосредственно". (Это — уже метод; А. Ахматова тоже утверждала — и справедливо, — что "по-

* В основе статьи — отзыв официального оппонента на диссертацию Н.В. Сеницыной, представленную Ученому совету Института истории СССР АН СССР на соискание ученой степени доктора исторических наук. Отзыв составлен в феврале 1978 г. Из текста устранены выражения, относящиеся непосредственно к оценке работы как докторской диссертации. Издается впервые.

таенные стороны жизни Пушкина надо искать в его стихах, а не в III Отделении" — С. 8.) Потому-то особенно важно установить первоначальный вид сочинений Максима Грека, изменения его во времени, причины и поводы этих изменений.

Н.В. Сеницына точно определила задачу своей книги — "источниковедческое исследование, имеющее целью воссоздание творческой биографии писателя-публициста" (С. 8). И название книги "Максим Грек в России" емко и удачно отражает содержание научного труда Н.В. Сеницыной. Это — исследование о жизни и творчестве Максима Грека в России и исследование о судьбе его творческого наследия в России, т.е. не только выяснение прижизненного этапа рукописного наследия Максима Грека, определение корпуса его сочинений в целом и датировки и последовательности появления отдельных сочинений, но и выяснение "эволюции корпуса его сочинений в конце XVI—XVIII в."

Н.В. Сеницыной удалось вполне успешно осуществить свое намерение. Именно благодаря ее работе определена теперь с должной степенью достоверности источниковая база исследований о творчестве Максима Грека и возможной публикации собрания его сочинений. Начинается новый, более высокого научного уровня, этап изучения творчества и биографии Максима Грека, и Н.В. Сеницына правильно поступила, завершив свою монографию не повторением выводов предшествующих глав, а определением перспективных направлений дальнейшего изучения этой проблематики.

Книга состоит из введения, трех глав, заключения и приложений — описаний собраний сочинений Максима Грека и фотокопий рукописей и образцов почерка. Основное содержание книги и выводы ее умело изложены в автореферате диссертации, и нет нужды их повторять. Необходимо лишь отметить, что работу Н.В. Сеницыной отличают источниковедческая основательность (богатейшая источниковая база, великолепное владение разнообразными приемами источниковедческого и собственно исторического и филологического анализа), строгая логическая обоснованность суждений, уважительное — и в то же время творческое — отношение к историографическим традициям.

Значение книги Н.В. Сеницыной не только в том, что это — новое обобщающее исследование о Максиме Греке, многое по-новому объясняющее или уточняющее в его биографии и творчестве и вообще в общественно-политической истории России XVI в., но и в том, что это — выдающееся кодикологическое исследование.

Большое самостоятельное значение имеют палеографические наблюдения Н.В. Сеницыной, основанные в буквальном смысле слова на побуквенном сличении многих рукописей. Пожалуй, впер-

вые в научной литературе с такой тщательностью изучаются в палеографическом плане памятники полууставного книжного письма, при этом Н.В. Сеницына умело использует и приемы, выработавшиеся при изучении рукописей на латинском и греческом языках. Эти наблюдения, безусловно, окажутся очень важными при исследовании рукописной традиции в XVI в., особенно теперь, когда развернулось более широко изучение летописных памятников и памятников публицистики, при составлении описаний рукописных памятников (для определения даты, места написания рукописи, "стиля" письма и т.д.).

Н.В. Сеницыной удалось (конечно, в результате кропотливого труда!) установить автографы и Максима Грека, и известных переписчиков рукописей XVI в. и показать, что Максим Грек сам собственноручно правил свои произведения: тем самым предопределен более прочный фундамент для научного издания его сочинений — редкий пример выявления в древнерусской литературе последней "авторской воли" (С. 43).

Палеографические наблюдения Н.В. Сеницыной тесно взаимосвязаны с текстологическими. (Это вообще характерно для лучших современных исследований по древнерусской литературе Пушкинского Дома.) Взаимосвязь источниковедения с другими специальными дисциплинами обнаруживается все более явственно; выявляются соответственно и дополнительные основания к тому, чтобы признать археографию — во всяком случае, применительно к описанию и публикации памятников древнерусской общественной мысли — "специальной историко-филологической научной дисциплиной".

Работы Н.В. Сеницыной (и не только книга, но, пожалуй, еще в большей степени ранее опубликованные статьи) помогают составить представление о понимании "книжной культуры" в России XVI в.: о "стилях" письма и их эстетическом и общественно-этическом значении; о характере авторской оценки своих сочинений, понимании места одного или группы сочинений в системе — "корпусе" — сочинений, задачах создания собраний избранных "произведений"; об отношении к правке своих сочинений и к переводным текстам; наконец, о понимании проблемы "автор и читатель". Можно полагать, что именно авторитет Максима Грека — и не только как писателя, но и как своеобразного законодателя норм общественно-литературных представлений — предопределил в известной мере отношение к этому комплексу вопросов и писателей и читателей последующих поколений (во всяком случае, напрашиваются сравнения со сборниками сочинений Курбского и других публицистов середины и второй половины XVI в.)

Н.В. Синецкина, изучив около 100 рукописных сборников, выявила более десяти собраний сочинений Максима Грека, составленных в XVI—XVIII вв., причем два из них явно прижизненные (С. 47 и сл.) — так называемые Иоасафовское и Хлудовское, ставшие основой последующих собраний сочинений. Что касается так называемого Румянцевского собрания (уникального по составу и отличающегося "кодинологической пестротой, различиями в сортах бумаги, в размерах тетрадей и др.") (С. 177), то можно думать, что к прижизненным материалам, сохранявшимся, так сказать, в личном архиве Максима Грека, могли сразу же после его кончины добавить и другие материалы с целью использования их для составления "жития" (тем более что и некоторые водяные знаки бумаги выходят за пределы 1556 г.).

Н.В. Синецкина старается найти объяснение интереса к творчеству и жизни Максима Грека и в последующие десятилетия, выявить причины "пиков" такого интереса в определенное время. Доводы ее, как правило, убедительны. Стоит только добавить, что в конце XVI в. интерес к сочинениям Максима Грека мог быть связан не только с утверждением патриаршества и потребностью в осмыслении идей патристической литературы, но и с тем, что именно тогда — когда обнаружилась малая способность царя Федора к делам государственного управления, а царевич Дмитрий был мал, да к тому же был сыном от "незаконного" брака и приход его к власти грозил возвышением "непородных" Нагих, — возрос и интерес к обоснованию государственной роли "советников" из среды духовенства.

Интересны и наблюдения Н.В. Синецкиной о жанрах творчества Максима Грека, хотя вред ли допустимо для XVI в. столь четкое разделение "эпистолярного" и чисто "риторического" жанров (С. 53) — а послания-проповеди, послания, предназначенные для произнесения? Можно полагать, что и царские послания были рассчитаны на чтение вслух. Неточным можно признать и приписывание Я.С. Лурье мысли о "перерастании деловой эпистолярной прозы (посланий отдельным лицам) в публицистику" — об этом писали неоднократно и раньше.

Очень плодотворна мысль о том, что сочинения Максима Грека «пронизывает атмосфера "ответа", "ответности"» (С. 7). Это вообще свойственно публицистике той поры, но едва ли не после сочинений Максима Грека особенно распространилась такая практика, нашедшая особенно яркое отражение в сочинениях Курбского и Ивана Грозного и в приписках к официальным лицевым летописям. Воздействие Максима Грека на современников и мыслителей последующих поколений выражалось, надо полагать, не толь-

ко во влиянии его идей, но и в более широком распространении форм сочинений, а также и литературных выражений, фразеологизмов, характерных для творчества "Максима философа". Это заметно не только в сочинениях Курбского, старавшегося изобразить себя учеником именно Максима Грека, но даже в сочинениях антагониста Курбского царя Ивана Грозного: широко известная фраза царя об А. Адашеве: "Тако взяв его от гноища и учиних с вельможами" — близка к выражению послания Максима Грека к юноше Ивану IV: о власти бога "от гноища возносить нища, посадить его с сильными людскими", сходное выражение и в Завещании царя Ивана IV. Фраза эта восходит к библейскому тексту, но в сознание царя врезалась едва ли не под особым воздействием Максима Грека!

Максим Грек оказался в России в тот период, когда заметно возрос интерес и к античной традиции, и к византийскому наследию, стали обнаруживаться связи с идеями, характерными для западноевропейского Возрождения, и в то же время возросла потребность в осмыслении традиций отечественной истории (в частности, в их взаимосвязях со всемирной историей — ведь это время составления Хронографов!), в поисках "исторических" аналогий для современных государственных преобразований. Не случайно вокруг Максима скоро образовался "своеобразный книгописный центр", связанный "с придворной посольской средой" (С. 62), возникла, по определению В.Ф. Ржиги, "культурная близость" его со многими лицами старшего поколения, выдвинувшимися еще при Иване III (Вассиан Патрикеев прежде всего), и с наиболее образованными "деловыми" людьми (особенно важно было бы еще детально проследить характер его отношений с Дмитрием Герасимовым, о многообразии культурных интересов которого сейчас узнаем все больше нового), и с молодыми аристократами (П. Шуйский, В. Тучков и др.). Они, видимо (особенно молодые люди), не только "говаривали с Максимом книгами и спиралися меж собою о книжном", слушали не только его толкования священных текстов и византийской литературы, но и рассказы о зарубежной жизни. И в этом плане, вероятно, было бы небезынтересно рассмотреть приписываемые Максиму Греку сказания об афонских монастырях (опубликованные по новгородской рукописи 1558 г.)³, так же как и содержание всего этого большого сборника с "Пчелой" и другими памятниками преимущественно переводной литературы, в то же время содержащими сочинения, способствовавшие усвоению представления о том, что "священство" выше "царства".

При этом можно полагать, что в разговорах (как и в сочинениях) Максима Грека синтезировался освоенный до переезда в

Россию не только "западноевропейский" и "афонский опыт" (С. 4), но и специфические представления (культурные, общественно-политические) византийских эмигрантов в Италии второй половины XV в., а по умунастроению Максиму Греку (как уже отмечалось в литературе) оказался ближе Савонарола с его откровенно "учительными" — "проповедническими" тенденциями, чем эпикурейство гуманистов, вдохновлявшихся светскими знаниями и отнюдь не чуждавшихся прелестей светской жизни; круг представлений Максима Грека (речь идет именно об этом, а не о методах политического воздействия, характерных для Савонаролы) был ближе к традиционной средневековой системе мышления и к античным реминисценциям в византийской литературе. Роль именно Максима Грека и в формировании более устойчивого интереса к сочинениям византийских авторов, и в ознакомлении России с античной и западноевропейской мыслью периода Возрождения может стать темой специального исследования, в процессе которого в этом плане могут быть изучены и переводные литературные памятники, и летописи (в частности, хронографы и первые тома Лицевого свода), и сочинения Курбского и других публицистов.

Максим, вероятно, не сразу овладел, как писатель, русским языком (хотя и был знаком с южнославянскими языками) и потому-то, возможно, профессионально гордясь своим писательским призванием ("даровался языком разум и сказание" — С. 73), писал сравнительно мало в первый период своей жизни в России, ограничиваясь переводческой деятельностью, предпочитая устную учительную речь "философа"; да и следовало прежде присмотреться к русской действительности.

Максим Грек — как можно понять не только из "судных списков", но и из сочинений его самого и других современных авторов — не был чужд непосредственного участия в общественно-политической жизни, но это была, видимо, своеобразная форма участия: прежде всего путем "совета", влияния, личного нравственного примера. Уже Н.А. Казакова и Н.Н. Покровский убедительно обосновали совершенную несостоятельность обвинения Максима Грека в том, что он был чуть ли не шпионом турецкого султана⁴; Н.В. Синецкая же показала источниковедческую несостоятельность и утверждений, будто Максим Грек оговорил Берсеня (С. 133 и сл.), более того, неточность цитирования (а ведь на основании этого утверждалось, будто Максим Грек "человек сомнительной моральной чистоты" и "предателям редко удается избежать возмездия")⁵.

Однако у Максима Грека, видимо, была достаточно четкая и

отнюдь не скрываема им позиция в отношении острых вопросов современной общественно-политической жизни (развода и новой женитьбы Василия III)^{1*}, проблем нестяжательства (об этом очень интересно написано в книге Н.В. Сеницыной), вопросов о правах и обязанностях государя и взаимоотношении его с советниками, о программе государственных преобразований. И очень жаль, что этот последний комплекс вопросов, фактически определяющий во многом роль Максима Грека в конце 1540-х — начале 1550-х годов и отношение к нему влиятельных деятелей той поры, оказался, по существу, обойденным в книге. Возможно, что Н.В. Сеницына полагала, что об этом немало и интересно писал уже В.Ф. Ржиги, но ведь со времени выхода работы Ржиги прошло более 40 лет, а за эти годы литература о политической истории и об общественно-политической мысли России середины XVI в. существенно обогатилась! Тезис же о сближении взглядов Максима Грека со взглядами Башкина и Пересветова (С. 210), опирающийся на недавнюю литературу, не кажется достаточно аргументированным, не говоря уже о том, что мысль, будто Пересветов был противником холопства, находится в противоречии с содержанием произведений самого Пересветова.

Необходимость определения места сочинений Максима Грека последнего десятилетия его жизни в ряду других современных памятников публицистики и законодательной мысли периода правления "Избранной рады" очевидна; тем более что именно в эти годы сформировались характерные черты ставшего затем традиционным отношения и к его творчеству, и к его образу жизни. Но, как это ни парадоксально звучит, именно исследования Н.В. Сеницыной привели к тому, что сравнение сочинений (и взглядов) Максима Грека с сочинениями (и взглядами) современных ему публицистов или мыслителей ближайших последующих поколений становится более гипотетичным, чем раньше, ибо для равномерно детального и убедительного по выводам рассмотрения всего комплекса этих сочинений (в совокупности и в сравнении) необходимо прежде и сочинения этих авторов подвергнуть столь же всестороннему источниковедческому и особенно кодикологическому анализу, какому подверглись сочинения Максима Грека.

Можно полагать, однако, — предопределяя тем самым и не-

^{1*} Небезынтересным могло бы оказаться (особенно в историко-психологическом плане) сравнительное изучение позиций — и морально-этических и общественно-политических — Максима Грека и его современника Томаса Мора, тем более что одним из поводов для преследования последнего Генрихом VIII также было несогласие признать законность развода английского короля с первой женой и нового брака.

которые возможные перспективы дальнейших изысканий, — что Максим Грек воспринимался уже современниками (а затем это восприятие перешло и к последующим поколениям) прежде всего как "философ" — мыслитель — советник и эрудит. Так рассматривал свое предназначение, свою общественную миссию и сам Максим Грек (и об этом пишет Н.В. Сеницына — С. 146—149). И в этом-то плане целесообразно подходить к рассмотрению и оценке его общественно-политических взглядов и отношения к нему современников.

Максим Грек считал себя вправе обязанным даже учить "практической морали" лиц его окружавших, более того, давать советы правителям, даже самому государю ("царям и князям и всем сущим на властях советует предобра..."). И нравственный личный авторитет Максима Грека был значителен еще в 1520-е годы, а особенно велик стал к концу 1540-х годов. Он был авторитетом для лиц, придерживавшихся даже различных установок в серьезных общественно-государственных вопросах: своим учителем его изображал Курбский, и к нему же ездил советоваться царь Иван, к нему обращались и нестяжатели и иосифляне, и он сам писал и тем и другим. Можно думать, что именно его личная деятельность сыграла особую роль в формировании как бы образа знаковой системы общественного сознания той поры — образа "философа" — учителя, наставника. Не его ли манере поведения (в общем не контролируемого высшей светской и высшей церковной властями) пытались следовать и Сильвестр и Артемий? Вероятно, в этом плане допустимо в известной мере сравнение роли Максима Грека в высшей придворной и церковной среде с ролью Н.М. Карамзина в период, когда он стал официальным историографом.

И в этой связи любопытно рассмотрение взаимоотношений Максима Грека и Макария, сопоставление двух "типов" поведения. И сравнение Н.В. Сеницыной составления собрания сочинений Максимом Греком "с грандиозными литературными предприятиями митрополита Макария" (С. 44) кажется правомерным и научно плодотворным (тем более что оба они — правда, не всегда откровенно — придерживались того взгляда, что "священство" выше "царства"), более того, напрашивается сравнение и с предприятиями, связанными с именем Сильвестра (в частности, с росписями назидательного характера). Еще И.И. Смирнов опроверг тезис о том, будто Макарий благоволил к Максиму Греку, теперь — после изучения Судного списка — становится ясной пагубная роль Макария в период осуждения Максима. Не склонен он был, видимо, облегчить его положение и тогда, когда в связи с венчанием на царство и женитьбой Ивана IV Максим Грек имел

серьезные основания рассчитывать на амнистию. Макарий и Максим не сходились друг с другом не только в плане отношения к нестяжательству, к отдельным вопросам политической жизни или в толковании церковных догматов. У них были разные представления о роли и задачах наставника государя. Макарий был деятельным и убежденным непосредственным участником государственных политических акций (и политических интриг), Максим же старался влиять на государственную жизнь, формируя общественное мнение, воздействуя морально на сознание и государя, и его советников. И тем самым он оказался конкурентом Макария, претендовавшего тоже на первенство в плане и нравственного влияния. Можно предполагать, что отдельные (и едва ли не многие) положения, сформулированные в сочинениях или в устных беседах Максима Грека и нашедшие поддержку у читателей и слушателей, вошли потом в сочинения сподвижников Макария (или даже его самого) и тем самым стали элементами уже пропагандистской деятельности круга Макария. (И соответственно могли затем и приписываться авторству этих лиц.) И поэтому возникает задача сравнительного изучения — и в текстологическом плане, и в морально-философском — сочинений Максима Грека и сочинений круга Макария (Степенной книги, посланий-проповедей, речей, переданных в официальных летописях, и др.). Тщательное восстановление Н.В. Сеницыной первоначального облика сочинений Максима Грека и внесенных в них изменений облегчает и эту задачу исследователей. Таким образом, книга Н.В. Сеницыной действительно предопределяет интересные дальнейшие перспективы исследований.

К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века*

Лицевой свод XVI века — драгоценный памятник культуры, необычайно богатый информацией для ученых, изучающих исторические источники разных типов (письменные, изобразительные, вещественные, даже поведенческие). К настоящему времени к Лицевому своду (далее — ЛС) относят около 10 тыс. листов, украшенных примерно 16 тыс. миниатюр. Большая часть этих листов переплетена в десять книг (томов). (Порядок листов при переплетении иногда оказывался нарушенным — как в пределах ЛС в целом, так и в границах одного тома). А.Е. Пресняков, первым определивший отдельные части ЛС и рассмотревший их в совокупности, назвал ЛС "Московской исторической энциклопедией XVI века"¹. А.Е. Пресняков же еще на рубеже нашего столетия попытался (и в основе своей правильно) определить место ЛС среди других летописных памятников и их взаимосвязи, охарактеризовать политическую направленность ЛС и соотношение ЛС и других близких к нему по времени историко-культурных начинаний государственного значения.

В настоящее время имеется уже большая литература, в той или иной мере относящаяся к ЛС — специальные труды об ЛС в целом и отдельных его частях, о миниатюрах ЛС (прежде всего, монографии А.В. Арциховского и О.И. Подобедовой; замечания в работах обобщающего и частного характера (искусствоведов, историков, литературоведов, книговедов)².

В данном сообщении постановочного характера основное внимание уделяется вопросам, еще недостаточно изученным.

Прочно утвердилось уже представление о ЛС, как о едином целом, в котором не только взаимосвязаны все части словесного текста, но взаимозависимы словесный текст и миниатюры. Однако в деталях, на материале всего ЛС, а не отдельных его частей, организация этих компонентов рукописей не исследована. Общие соображения о последовательности текстового и изобразительного материала, относящегося к одному и тому же событию, о соотно-

* Впервые опубликовано в кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга: Сб. 3. М., 1983. С. 204—211. В основе статьи доклад на конференции, организованной во ВНИИ искусствознания.

шении (в пределах листа и рукописи в целом) словесного и изобразительного материала уже приводились в литературе и кажутся достаточно обоснованными. Но еще далеко не во всех случаях ясно, чем руководствовались редакторы и миниатюристы-художники при определении числа миниатюр, относящихся к тому или иному "отрезку" текста (летописным сказаниям и "статьям"), и "повествовательных единиц" (выражение Д.С. Лихачева)³ в пределах одной миниатюры. Не всегда выяснены и причины отсутствия миниатюр, связанных с некоторыми текстами: как правило, не сопровождалась рисунками тексты дидактического характера — слова священного писания, речи и послания исторических лиц, но иногда сплошной текст (без оставления места для рисунков) и на листах, посвященных важным событиям политической истории (например, началу опричнины). Е.С. Сизов, тщательно изучивший Шумиловский том ЛС, отметил, что неиллюстрированные листы в основном относятся к текстам, которые в целом не лишены миниатюр, но некоторые летописные статьи вовсе не имеют иллюстраций⁴. В отношении других томов ЛС подобная работа еще не проделана. Разнятся размеры миниатюр, причем не только при сравнении томов "хронографических" и летописей "лет новых" (времени правления Ивана Грозного), но и в пределах одного тома (т.е. листов, оформленных, видимо, одновременно и посвященных близким по дате событиям).

Нерасторжимость словесного и изобразительного компонентов в ЛС очевидна; но каждый из них имеет и самостоятельное значение и ценность. И перед исследователем встает вопрос: в какой мере допустимо вычленять эти компоненты и рассматривать независимо от словесного текста особенности рисунков, их код, реалии, приметы индивидуального мастерства.

Писатель (летописец) следовал "обряду", литературному этикету — представлениям о том, как должен совершаться тот или иной ход событий (этикет миропорядка), как должно себя вести действующее лицо сообразно своему положению (этикет поведения), какими словами должно описывать совершающееся (этикет словесный)⁵. Можно полагать, что эти наблюдения допустимо распространить и на "зрительный ряд" ЛС и говорить об "этикете изобразительном" ("живописном"). Более того, если писатель средневековья — по определению Д.С. Лихачева — «не столько изображает жизнь, сколько преображает и "наряжает ее"»⁶, то в рисунках рукописей это церемониальное "действие", "чин" становятся еще приметнее, особенно в такой парадной, необычной по размеру и оформлению рукописи, как ЛС.

Однако следует еще выяснить, в какой мере словесный этикет

и живописный этикет соответствуют, "сопутствуют" один другому в деталях, можно ли установить какую-либо сравнительную шкалу элементов словесного и живописного отображений. Важно определить и степень зависимости художника от "канонов", характер и причины отступлений от принятой для ЛС знаковой системы, непоследовательности в выборе "знака". Для этого необходимо буквально полистное сравнительное изучение всех миниатюр.

В древнерусской литературе (и это опять-таки отмечает Д.С. Лихачев) наряду с трафаретностью существовало "стремление к конкретности, к преодолению канонов, к реалистическому изображению действительности"⁷. Это характерно даже для такого официально-назидательного и торжественного по форме сочинения, как официальная летопись. Причем в рисунках ЛС подобная тенденция обнаруживается еще заметнее, чем в словесном тексте — в миниатюрах условным, заранее predetermined композициям, позам и жестам, трафаретным изображением тех или иных действий или ситуаций ("государевых сидений" с думцами и "ездов", церковных служб, сражений, сцен крещения и смерти государей и др.), зданий (церковных и дворцовых, крепостных стен), отдельных предметов сопутствуют реалии, бытовые детали, переданные с большой степенью точности и своеобразия. Изобразительное искусство в данном случае, видимо, опережало словесное⁸. Художник оказывался менее, чем писатель-летописец, стиснутым рамками официального замысла, официозной идеологии. У автора словесного текста зависимость от заказчика была большей, чем у художника. (А.В. Арциховский даже писал о переплетении в миниатюрах двух идеологий — заказчиков и мастеров⁹.) Наконец, художник, в отличие от писателя (летописца), не имел обычно протографа (или черновика), которому надлежало следовать, и традиционно-обязательные для миниатюры условности мог дополнять и тем, что почерпнуто из жизненных наблюдений.

Установлено (прежде всего, в трудах А.В. Арциховского и О.И. Подобедовой), что летописные сведения ЛС в миниатюрах иногда дополняются — и даже существенно — и своеобразно истолковываются; и миниатюры в отдельных случаях представляют собой более исчерпывающий источник исторической информации, чем летописный текст. Так, в Царственной книге в связи с упоминанием Оружейной палаты (под 1547 г.) нарисованы — и очень детально — оружие и доспехи; и в связи с упоминанием московского Кремля изображены кремлевские храмы и знаменитые иконы там находившиеся¹⁰, и т.д. Иногда именно миниатюра помогает правильному прочтению нечетко написанных слов ("кол, идеже казнят", а не "торг", как воспроизвел текст летописной

приписки С.Ф. Платонов: на миниатюре, изображающей казнь Ю. Глинского, ясно виден кол¹¹). Обнаруживается подчас и знакомство художника не только с иллюстрируемым им летописным текстом, но и с другими рукописями (летописями, публицистическими сочинениями, делопроизводственной официальной документацией). Наблюдения такого рода конкретизированы в работах об отражении в ЛС некоторых событий политической истории времени правления Ивана Грозного. В какой мере это относится к событиям отдаленных от XVI в. периодов отечественной истории? И, если это характерно для изображения событий и XII—XV вв., то какие источники (письменные, изобразительные, вещественные) тех лет были известны художнику?

Еще Ф.И. Буслаев — замечательный ученый, отличавшийся огромнейшей для его времени эрудицией, опиравшейся на опыт изучения многообразных рукописных и живописных памятников, и редкостной по проникновенности исторической интуицией, отмечал, как много дают миниатюры ЛС для изучения "подробностей, любопытных для истории внутреннего быта" XVI в.¹² Исследования А.В. Арциховского, А.Д. Горского¹³, О.И. Подобедовой и других ученых, сравнение изображений на миниатюрах с сохранившимися подлинными памятниками старины подтвердили правильность этого наблюдения. Однако в этом плане менее других изучена последняя часть ЛС — Царственная книга, хотя сравнительное детальное изучение реалий в миниатюрах, посвященных событиям именно XVI в., и сохранившихся памятников материальной культуры и данных письменных источников (лицевых и не лицевых) той же эпохи может дать особенно много исследователям.

Ф.И. Буслаев указал на то, что для миниатюр ЛС (в частности, Царственной книги) характерны "условные, идеализированные формы в одеянии фигур, не отличая эпох, когда изображаемые лица жили"¹⁴, и полагал, что они ведут свое начало еще от византийских иконописных образцов. А.В. Арциховскому удалось выделить все-таки некоторые особенности, характерные для изображений одежды русских и иноземцев, прежде всего головных уборов¹⁵. А.В. Арциховский же отметил, что художник одевал людей давних веков (в частности, западноевропейцев) по моде XVI в.¹⁶ Любопытно было бы детально проследить, в какой мере обнаруживаются такие элементы модернизации в изображении других реалий, а когда, напротив, художники с большей степенью точности отображали явления прошлых лет (и, следовательно, были осведомлены, быть может на основании предшествовавших лицевых рукописей, о внешнем облике, типических чертах этих

явлений и полагали нужным обратить на это внимание), выявить, каково соотношение в ЛС условных (восходящих, вероятнее всего, к церковной живописи) и более "реалистических" изображений, были ли в равной мере зависимы художники от стереотипов церковной живописи в изображении событий так называемой "священной истории" и событий отечественной истории, особенно нового времени?

Элементы "модернизации" заметны в изображении аксессуаров власти (например, царской короны у Ивана IV при иллюстрировании событий, происходивших до 1547 г.) и новопостроенных или перестроенных зданий давней поры — здания эти (в частности, кремлевские соборы) изображались и на листах ЛС, посвященных событиям XIV—XV вв. такими, какими их видели миниатюристы второй половины XVI в.¹⁷ Это обстоятельство может быть использовано для датирования отдельных листов и частей ЛС или даже ЛС в целом. Так, Благовещенский собор Московского Кремля на миниатюре Царственной книги (Л. 29 об.) девятиглавый. Таким он стал лишь во второй половине 1560-х годов (освящение последнего придела "Вход в Иерусалим" было в декабре 1566 г.¹⁸), следовательно, рисунок был сделан не ранее этого времени.

Ю.А. Неволиним разработана научно-перспективная методика детального сравнительного изучения иллюминированных рукописей (что позволило ему, в частности, установить знакомство московских художников лицевых рукописей второй половины XVI в. с немецкими гравюрами и наличие таких гравюр в московских собраниях). Составленный им каталог с фотокопиями и описаниями фрагментов иллюминированных рукописей (находящихся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, а также в некоторых других хранилищах) содержал ценнейшую информацию для исследователей (и особенно для археографов, занятых описанием рукописей). Эта важная научно-исследовательская работа, к сожалению, была прекращена по указанию руководителей Отдела рукописей ГБЛ, но о методике ее можно узнать из опубликованной Ю.А. Неволиним статьи¹⁹, а с некоторыми результатами работы хорошо знакомы участники научных конференций (в Ереване, Ленинграде, Москве), высоко оценившие эти исследования. Методику эту следовало бы попытаться применить и к изучению ЛС, причем и при сравнительном изучении отдельных частей (и листов) ЛС, и при сопоставлении ЛС и других лицевых рукописей и памятников древней живописи. Это поможет обнаружить пласты ЛС (в том числе разновременные), выявить разных художников, отличавшихся уровнем мастерства (способностью к изображению),

манерой исполнения — приверженностью к трафаретам или, напротив, своеобразием, степенью внимательности и последовательности в "обозначении" тех или иных явлений, составить таблицы различных изображений (и вариантов композиций), сопоставить их с канонами церковной живописи, эмблематикой памятников средневековья.

Миниатюры ЛС уже рассматривались (в XIX в. Ф.И. Буслаевым) в связи с другими памятниками изобразительного искусства (прежде всего, второй половины XVI в.) — иконами, фресками²⁰, в меньшей степени с шитьем — "живописью иглою". Выявлены черты и близости, и различия — и в манере самого изображения явлений, и в характере отражения общественно-политического сознания и эстетических норм своей эпохи. Указывалось, в частности, на то, что монументальная живопись была рассчитана на одновременное восприятие многих людей, а рукописная миниатюра — на индивидуальное восприятие. Вероятно, следует учитывать и разную степень образованности, подготовленности сравнительно широкой аудитории, которой предназначались иконы и уж подавно фресковые росписи, и тех "книжных людей", которые могли рассматривать и комментировать миниатюры ЛС, воспринимая их в тесной взаимосвязи со словесным текстом, а ЛС как целостный памятник. ЛС представляет большой интерес для исследователей и как памятник культуры (прежде всего "книжной культуры") определенной эпохи, и в плане отношения людей XVI—XVII вв. к памятникам культуры такого рода.

Необходимо учитывать и откровенно учительно-назидательную направленность миниатюр ЛС. Это — "история в лицах", где заведомо предусмотрена необходимая для лучшего усвоения повторяемость изображений сходных, однотипных явлений (ситуаций, людей, предметов). Недаром в XVII в. ЛС, по мнению И.Е. Забелина, использовали как пособие для обучения царевичей истории. (Возможно, что уже и в XVI в. оно предназначено было стать таким пособием.)

Установлено, что ЛС не просто список нескольких летописных сочинений (хронографических и Никоновской летописи), а памятник более сложного состава. Данные о хронографической части ЛС уточнены О.В. Твороговым и А.А. Амосовым. Особенно много сделано (в недавнее время Б.М. Клоссом, В.В. Морозовым, С.А. Морозовым и другими исследователями) для изучения источников лицевой летописи "лет новых". Выяснилось, что это — новая редакция летописи. Составитель (или составители) заимствовал данные из разных памятников (и их списков), определенным образом комбинировал и препариовал их. Он редактировал, а не ме-

ханически копировал летописные тексты (или отрывки из них). Возникает задача по возможности точного определения тех источников (летописей и других разновидностей источников), которые использовались при составлении ЛС, и последовательности обращения составителей ЛС к тем или иным источникам. Очевидна потребность в уточнении генеалогии известных составителям ЛС летописных списков (и их протографов) и, соответственно, стемм таких списков.

ЛС — действительно "историческая энциклопедия XVI века". И не только из-за информации, которую она давала в то время об исторических или считавшихся историческими явлениях, но и потому, что она дает ученым нашей эпохи представление об общественно-историческом мышлении, исторических знаниях людей XVI в., о способах, "обычае" — как выражались в окружении Ивана Грозного — извлекать историческую информацию.

Беловые листы ЛС написаны каллиграфическим полууставом и украшены миниатюрами. Учитывая парадный характер ЛС и сложность работы по оформлению его листов, можно полагать, что предварительно составлялись черновики этой рукописи (до нас, видимо, не дошедшие). Но в качестве черновиков (и одновременно непосредственных оригиналов для составителя) могли служить и отдельные ранее написанные рукописи. В.Ф. Покровская изучила рукопись "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия с восковыми пометами, указывавшими места миниатюр для ЛС²¹, а, следовательно, и их тематику. Открытие В.Ф. Покровской дает ключ к познанию и представлений составителей и редакторов ЛС о соотношении текстового и изобразительного материалов в ЛС. Не исключена возможность обнаружения и других рукописей, послуживших непосредственным оригиналом для писцов ЛС.

Процесс составления и редактирования ЛС сложный. Вероятнее всего, какая-то правка вносилась уже в черновики ЛС. Редактировались и беловые листы ЛС, причем не только летопись "лет новых" (на этих листах пока с наибольшей полнотой выявлены факты редактирования), но и за предыдущие годы. Редактировали ЛС в целом — и словесный текст, и изобразительный материал (это установил еще А.Е. Пресняков²²): придавалось значение не только тому, что написано, но и тому, что и как изображено. Исследование редакционной правки ЛС в целом (и словесного текста и миниатюр) с должной хронологической последовательностью и детальностью изучения каждого изменения еще не проведено.

Можно установить уже несколько моментов (или аспектов) редактирования ЛС: грамматические исправления (отмечались пропуски и неверные написания слов, букв — в последних томах

ЛС эта правка более тонким пером и более светлыми чернилами, чем остальная); формально-фактологическая правка — уточнение имен, дат, терминов и т.п.; стилистическая и, наконец, правка откровенно тенденциозно-политической направленности — зачеркивание, изменение текста, в том числе приписки в летописи "лет новых". При формально-фактологической правке обращались к разнообразным источникам, очевидно, находившимся в распоряжении редактора. (Многие из таких источников правки в последних томах ЛС указаны Д.Н. Альшицем.²³)

Правили и уже заново отредактированный текст беловых листов ЛС, причем правка была не только стилистической, но и опять-таки тенденциозно-политической. С.А. Морозов установил это для листов, на которых излагаются события времени болезни царя Ивана в 1553 г.²⁴ (то же прослеживается на листах, посвященных событиям лета 1546 г.²⁵). И все-таки редакционная работа осталась незавершенной (так как встречаются повторы одного и того же текста, а в Царственной книге предварительные наброски рисунков некоторых миниатюр и даже оставленные для миниатюр пустые места).

Некоторые изменения ЛС вызваны, безусловно, политическими обстоятельствами. Особенно заметно это в приписках, посвященных событиям времени правления Ивана Грозного. В них обнаруживается близость (иногда даже текстуальная) к посланиям Ивана Грозного Курбскому; и приписки эти приобретают особое значение для характеристики политической направленности последних частей ЛС (или даже ЛС в целом), а также датировки ЛС и заново написанных его листов. Однако имеется немало помет — чернилами и карандашом (прежде всего, сигнатуры, обозначения нумерации листов), которые трудно пока рассматривать в связи с обстоятельствами политической истории. Пометы эти выявлены не полностью; не соотнесены они с должной убедительностью и с определенным временем (годы составления ЛС или последующее время?) и с более или менее ясными целями обращения к ЛС. Не использованы еще в этом плане и описания отдельных частей ЛС, сделанные в XVIII в. (могушие содержать указания на данные, недоступные уже нашему визуальному наблюдению).

Процесс составления ЛС — видимо, достаточно длительный процесс (хотя, возможно, и прерывавшийся) и происходивший не одновременно по отношению к отдельным частям ЛС. Ясно, что это труд не одного писца и одного художника, а групп ("дружин") писцов и художников. Сколько было таких "дружин"? Из скольких лиц они состояли? В одно ли время работали? Каково было расп-

ределение обязанностей внутри "дружин"? Сколько времени должно было понадобиться на исполнение такой работы? Первоначально предположительные ответы на некоторые из этих вопросов получены преимущественно на основе изучения манеры художников. Теперь данные эти сопоставляются в деталях с палеографическими наблюдениями (особенности почерка, чернил) и данными филигранологии (А.А. Амосов и др.)

До сих пор спорным остается вопрос о годах составления и редактирования ЛС, о причинах и поводах этой деятельности. Можно признать с уверенностью, что работа эта началась не ранее венчания Ивана IV на царстве и, видимо, даже после "казанской победы", укрепившей представление о России как о мировой державе и побудившей особо задуматься о преемственности и взаимосвязях событий времен правления первого российского царя с преданиями отечественной и всемирной истории. Вне сомнений и воздействие на составителей ЛС (и инициаторов, и исполнителей этой работы) тех общественно-политических идей, которые характерны были для умонастроений в России середины XVI в. (и в формировании, и в распространении которых заметную роль сыграли митрополит Макарий и лица из его окружения, оказывавшие тогда и большое влияние на молодого царя Ивана). Но не следует упускать из виду, что в эти годы происходило становление того комплекса представлений о государственном устройстве и задачах внешней политики Российского государства, о преемственности и характерных чертах его официальной идеологии (призванной содействовать возвеличению самодержавия), о месте и предназначении России во всемирной истории, которые на долгое время закрепились в сознании и стали более, чем на столетие, знаменем правительственных политических и историко-культурных начинаний. Потому не обязательно приурочивать составление ЛС именно к самому начальному рубежу этого периода. В то же время допустимо полагать, что между замыслом создания ЛС и даже временем первоначальных заготовок к ЛС (определением списков летописей, используемых для ЛС, написанием черновиков, подбором соответствующих публицистических памятников и официальной делопроизводственной документации и пр.) и временем оформления беловика ЛС мог пройти и немалый срок.

Для уточнения датировки составления ЛС и отдельных его частей важно знать время написания тех памятников, которые безусловно использовались составителями и редакторами ЛС. Немалое значение имеют и, так сказать, мелкие датирующие признаки, в совокупности своей позволяющие определить время, ранее

которого не могла быть составлена (или переписана) та или иная часть ЛС — упоминание о точно датируемых событиях (например, о захоронении князя Владимира Андреевича Старицкого и его сына Василия в Архангельском соборе, оно могло быть не ранее 1574 г.)²⁶, изображение зданий, в таком виде завершенных не ранее определенного года, и т.д.

Особенно велико значение филигранологических наблюдений. В конце XIX в. именно исследования Н.П. Лихачева, определившего время изготовления бумаги листов ЛС, позволили убедительно доказать, что работа над ЛС велась в последние годы царствования Ивана Грозного. До этого многие авторитетные ученые относили ЛС (точнее сказать, его части) к памятникам XVII в. Эти работы Н.П. Лихачева признаны классическими; о них упоминается в учебных пособиях и по палеографии, и по источниковедению (М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина). Однако далее произошла любопытная метаморфоза: исходя из различных фактов политической культурной истории времени Ивана Грозного, ЛС — и особенно летописи "лет новых" — стали датировать только в зависимости от этих фактов (и соответствующих построений, на них основанных), по существу, не считаясь с данными филигранологии. Встречаются даже утверждения (Р.Г. Скрынникова)²⁷, будто "наблюдения за сортом бумаги в данном случае не помогают решению вопроса: классификация бумаги не отличается большой точностью и позволяет определить разве что десятилетие, но никак не год составления рукописи"^{1*}. Классификация бумаги действительно редко помогает определить год составления рукописи, но дает достаточно оснований для определения времени, ранее которого рукопись, вероятнее всего, не могла быть составлена²⁹.

Очевидна необходимость тщательного и последовательного изучения всех филиграней листов ЛС, основанного на использовании новейших пособий по филигранологии, с учетом особенностей понтюзо и вержеров листов ЛС³⁰. В этом плане многообещающей кажется методика, применяемая А.А. Амосовым при исследовании листов ЛС. А.А. Амосов правильно отмечает, что "в определении времени написания недатированных рукописей единственным объективным показателем пока остаются водяные знаки бумаги, поскольку в хронологическом определении полууставных почерков (равно как и индивидуальных стилей митиатюристов) преобладает еще доля субъективного восприятия"³¹. Тщательно выполненное исследование А.А. Амосова

^{1*} Датировка составления частей ЛС и времени их редактирования, предложенная Р.Г. Скрынниковым в статье "Загадка древнего автографа"²⁸, кажется наименее основательной из всех до сих пор предлагавшихся датировок.

показало, что главная работа по завершению Хронографической части и написанию "Летописания лет старых" происходила в середине — второй половине 1570-х годов³², подтвердив тем самым выводы Н.П. Лихачева. Считается, что окончательное оформление летописания "лет новых" происходило после завершения основной работы над предшествовавшими частями ЛС. Когда же составляли и редактировали последние части ЛС, посвященные времени правления Ивана Грозного, и почему прервали эту работу?

Сейчас ведется исследователями работа по изучению отдельных частей ЛС, особенно в сравнении с другими летописными текстами и изображениями в других лицевых рукописях. Желательно продолжить и изучение и комментирование отдельных миниатюр (или групп миниатюр) ЛС. Это расширит представление о ЛС и о методике его исследования. Однако следует остерегаться соблазна скороспелых построений, распространения на ЛС в целом наблюдений, основанных на ознакомлении лишь с частью листов ЛС. Рабочая модель при изучении ЛС и его частей необходима, но нельзя забывать, что это — предварительный вариант решения, инструмент для работы, а не ее результат.

При подходе к ЛС первостепенное значение имеет проблема кодикологическая³³. Без тщательного полистного изучения всего ЛС всякие суждения о ЛС в целом и о его пластах, о связи ЛС с общественно-политическими и историко-культурными обстоятельствами эпохи будут оставаться в большей или меньшей мере гипотетическими. Только в результате такого исследования всего ЛС можно будет с должной убедительностью говорить о последовательности и времени создания частей ЛС, о системе составления и редактирования ЛС, о характере и тенденциях вносимых в ЛС изменений, о системе отражения в ЛС общественно-политического сознания и эстетических норм определенной эпохи, о "коде" миниатюристов и его деталях, особенностях художественного мастерства тех или иных миниатюристов и о численности этих мастеров, о традициях создания кодексов (в частности, больших, многотомных, как ЛС и макарьевские Великие Минеи-Четьи), о сходстве и различиях ЛС и других памятников культуры.

Необходимо принять меры к фототипическому воспроизведению всех листов ЛС, тома которого рассредоточены по разным хранилищам. Важно, чтобы эти воспроизведения были в натуральную величину и с достаточной степенью точности передавали чернильные и карандашные пометы и исправления. Папки с фотокопиями всех листов ЛС должны находиться в тех хранилищах, где имеются сейчас отдельные тома ЛС, а также в хранилищах, наиболее богатых и лицевыми рукописями, и летописными текстами.

Только это обеспечит возможность всестороннего изучения ЛС в целом, сравнительного сопоставления отдельных его частей (томов и листов) между собой и с другими письменными и изобразительными памятниками. Это и предостережет от излишне частого обращения к подлинным уникальным рукописям. Тем самым создание фотокопий имеет и охранное значение для памятника 400-летней давности.

Желательность и своевременность организации такой исследовательской работы, такой научной кооперации ученых отмечалась на Всесоюзной научной конференции "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности", организованной в феврале 1979 г. в Ленинграде Археографической комиссией и Библиотекой Академии наук СССР. В выступлениях участников конференции (академика Д.С. Лихачева, И.В. Левочкина, В.В. Морозова³⁴ и др.) конкретизировались и возможные пути осуществления этих намерений. Работа эта является обязательным предварительным условием подготовки к изданию ЛС или хотя бы отдельных его больших частей.

Впору, видимо, составлять уже аннотированную библиографию всех материалов, в той или иной мере относящихся к ЛС и его изучению. Все более частыми — даже в популярных изданиях и в учебных пособиях — стали воспроизведения в нашей стране и за рубежом миниатюр ЛС. Эти репродуцирования тоже следовало бы учесть (сопровождая точными указаниями на листы рукописей ЛС).

Подготовка нескольких экземпляров фотокопий всех листов ЛС и составление аннотированной библиографии обеспечат возможность организации на действительно высоком исследовательском уровне достаточно подробного полистного описания всех частей ЛС (сопровожденного сведениями о воспроизведении отдельных листов или фрагментов их).

Создание аннотированной библиографии позволило бы и в историографическом плане рассмотреть историю ознакомления с ЛС и изучения его, установить зависимость уровня такого изучения от развития исторических, филологических, искусствоведческих знаний, от характера представлений о русской средневековой книжности и о ее восприятии, от степени источниковедческой оснащенности исследователей. Так обнаружится во всей конкретности и особая плодотворность взаимодействия и даже взаимопроникновения исследовательских методик источниковедов (историков и филологов) и искусствоведов при подходе к иллюминированным рукописям.

Об издании сочинений А. Поссевино*

Сочинения иезуита Антонио Поссевино (1534—1611) — папского уполномоченного, отправленного в 1581 г. в Восточную Европу для переговоров о завершении Ливонской войны, давно уже привлекают внимание ученых — отечественных и зарубежных. Они признаются важными источниками по истории завершающего периода Ливонской войны, взаимоотношений папства и России, последних лет правления Ивана Грозного.

В 1930-е годы в связи с намерением академика Б.Д. Грекова создать серию памятников "Известия иностранцев о народах СССР" С.А. Аннинский подготовил к печати текст "Московии" Поссевино на языке подлинника и его перевод, а также введение и комментарии, однако труд этот после кончины выдающегося археографа в дни ленинградской блокады до сих пор не обнаружен. Поэтому Л.Н. Годовикова, защитившая в 1971 г. в МГУ кандидатскую диссертацию "Исторические сочинения Поссевино о России XVI в.", поставила перед собой задачу перевести эти сочинения — "Московию", "Московское посольство", "Ливонию" ("Moscovia", "Missio moscovitica", "Livoniae commentarius"). Книга переводов этих сочинений с предисловием и комментариями Л.Н. Годовиковой и указателями имен и географических названий вышла в Издательстве МГУ под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.Л. Янина.

В "Предисловии" имеются сведения о биографии этого воинственного и образованного иезуита, одного из столпов контрреформации, о других его сочинениях, о литературе, в той или иной мере характеризующей его деятельность (в том числе и о новейших зарубежных работах). Л.Н. Годовикова показала и значение деятельности Поссевино в системе мероприятий папской курии и иезуитского ордена, предпринятых во второй половине XVI в. для усиления католического влияния в Восточной Европе. Все эти явления рассматриваются на широком фоне международных и политико-религиозных отношений той поры, в тесной связи с другими дипломатическими акциями. И в этом — сильная сторона

* Рец. на кн.: Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М.: Изд-во МГУ, 1983. 271 с. Опубл.: История СССР. 1985. № 1. С. 182—186.

"Предисловия". Однако к вопросу об антитурецкой лиге, к которому папы XVI в. постоянно возвращались в своей внешней политике, автор, думается, подходит несколько односторонне. Вопрос этот возник не только вследствие устремлений папского престола (желание возобновить крестовые походы, противостоять успехам реформации, "окатоличить" Восточную Европу), но и как результат возросшей агрессии Османской Порты. Во второй четверти XVI в. Порта стала сильнейшим в военном отношении государством, угрожавшим европейским странам и официально провозгласившим лозунг войны с "неверными" (т.е. с немусульманами). Это и давало папским дипломатам надежду на возможность антиосманского союза с русским царем.

Вслед за П.В. Снесаревским Л.Н. Годовикова уточняет время написания отдельных частей "Московии", ссылаясь на указание о "Московии" как о завершенном сочинении в "Ливонии" — трактате, законченном весной 1583 г. (С. 232). Об этом имеется и прямое упоминание во второй книге "Московии": там отмечено, что Москва была сожжена крымскими татарами "12 лет тому назад" (С. 42). Этот пожар был в 1571 г. (Поссевино в другом месте той же книги относит пожар даже к 1570 г. — С. 43.)

"Московия" — это своеобразный трактат историко-социологического характера с элементами служебной записки, напоминающей посольские донесения и включающей отчет об исполнении религиозной миссии ("Беседы о религии") и о дипломатических переговорах, с приложением писем и протоколов Ям-Запольского перемирия, которые велись непосредственно на заседаниях и обрабатывались в тот же день (С. 251). "Московское посольство" — служебный доклад, из которого выросла "Московия" (С. 252). Часть доклада написана спутником Поссевино — иезуитом Кампани (перевод этого текста Л.Н. Годовикова опубликовала еще в 1969 г.). Доклад напечатали в 1584 г. в "Ежегоднике", издававшемся иезуитским орденом исключительно для его членов ограниченным числом экземпляров, т.е., так сказать, для служебного пользования.

Сочинения о Московии и Ливонии не только содержат информацию о миссии Поссевино. Они рассчитаны на возможность использования его выводов и наблюдений папским престолом и другими миссионерами. Это — и практическое руководство. Поэтому представляется не совсем точным название книги — "Исторические сочинения..." Основное внимание Поссевино уделяет современности, хотя и с историческими ссылками или даже с историческим введением (как в "Ливонии").

Л.Н. Годовикова старается определить степень достоверности

сообщаемых Поссевино сведений и выявить источники его информации. Это — сочинения лиц, до Поссевино посетивших Россию или писавших о ней; труды историков (античных и польских, писавших о Прибалтике); официальная документация, с которой он ознакомился за рубежом и в России; устная информация (прежде всего, беседы с государственными деятелями, дипломатами и купцами, побывавшими ранее в России); собственные наблюдения. Из сочинений других авторов (в частности, Герберштейна) воспринято Поссевино и наименование нашей страны "Московией".

Сочинения Поссевино в сопоставлении с другими современными источниками позволяют судить о круге основных сведений, на которые опирались тогда зарубежные авторы, писавшие о России. По-видимому, основой для многих из них оставалась книга Герберштейна даже в самой архитектонике. Но если в Англии выработалась уже как бы особая традиция использования сочинений (и, вероятно, устных рассказов) своих предшественников — англичан же (наиболее выдающимся образцом такого типа сочинения является труд Флетчера), то в католической, точнее сказать, в Южной и Средней Европе широко использовались сочинения и рассказы итальянцев, польских авторов.

В то же время сочинения Поссевино свидетельствуют, что, несмотря на все возрастающий интерес папской курии к России, в канцелярии папы все еще недостаточно знали о событиях, там происходивших. Так, письмо московской великой княгине, датированное мартом 1581 г., оказалось адресованным первой жене Ивана IV Анастасии (С. 92), скончавшейся еще в 1560 г. И естественно, что Поссевино счел нужным информировать курию о семейной жизни царской фамилии, сообщил и о женах его сыновей, рассказал и некоторые подробности политической и придворной жизни. Однако сведения его, особенно о событиях и деятелях давних лет, так же, как и попытки истолковать отдельные словесные выражения или объяснить происхождение некоторых обычаев — не всегда точны (о Максиме Греке, о русском государе, при котором в начале XVI в. велись военные действия в Ливонии, о выражении "хлеб-соль" и др.) Подобного рода наблюдения интересны в источниковедческом плане при изучении вопроса о степени фактологической достоверности так называемых "сказаний иностранцев".

В сочинениях Поссевино много подробностей по истории отношений России с Речью Посполитой и Швецией, по истории России — государственно-политической и бытовой, — особо важных потому, что последний период жизни грозного царя остается

еще недостаточно изученным. Здесь исследователь почерпнет немало сведений об организации внешних сношений и придворных обычаях, об Иване Грозном, о его познаниях в церковной литературе и об отношении к католикам и протестантам, к власти папы и др.

Однако откровенно тенденциозные и отличающиеся самовосхвалением сочинения Поссевино нуждаются в строгом критическом подходе. Важно, в частности, сопоставить текст Поссевино с текстом переведенных им документов и с другими, особенно официальными источниками, посвященными тем же вопросам. Ясно, что Поссевино не раз отступал от истины, зачастую преувеличивая трудности условий своей деятельности (тем самым показывая, что ради истинной веры он готов был идти на любые жертвы), а результаты своей миссии представляя наиболее благоприятными для папского престола. Л.Н. Годовикова успешно начала эту работу, комментируя описания диспутов о вере между Иваном Грозным и Поссевино (см. С. 244—246). Так, Поссевино пишет папе, что привезенную им книгу о Флорентийском соборе "охотно приняли"; в русском же посольском документе сухо отмечено: "велели взять" (ср. С. 146 и 251). В переводах русских грамот Поссевино передает обращения царя к папе общепринятыми в посланиях католических государей терминами, не переводит титула "царь", да и вообще называет Ивана IV — соответственно польской и литовской дипломатической практике — "великим князем". Поссевино не называет и тех христианских государей, которым русский царь намеревался предложить "единение", оставив лишь одно имя императора Рудольфа II, и далее упоминаются также французский и испанский короли, английская королева, датский и шведский короли (ср. С. 146 и 251). Это, кстати, показывает и то, что в Москве не придавали большого политического значения религиозным разногласиям в лоне христианской церкви.

Знакомясь с сочинениями Поссевино, явившимися результатом его деятельности в Российском государстве, Ливонии и Речи Посполитой, сопоставляя их содержание со сведениями о кровавых, беспощадных приемах утверждения им католической веры во Франции, о применяемых им иезуитских методах противодействия реформации в Прибалтике, убеждаешься в необоснованности представления о Поссевино как о миротворце.

Это был фанатичный и хитрый дипломат, способствовавший (прежде всего, своей односторонней и неблагоприятной для русского правительства информацией) успехам Батория и Замойского в переговорах (это обстоятельно показано в трудах видного ученого

ГДР академика Э. Винтера). Поссевино более всего думал о распространении влияния папского престола и в Ливонии, и в Москве, ясно понимая, "что через Московию открывается путь в Азию с гораздо меньшими расходами и опасностями, чем через любую другую страну света" (С. 65). Он пытался оправдать такие внешнеполитические акции тем, что Россию нужно подчинить во имя спасения ее от пагубного влияния ислама. Поссевино пишет о перспективной, с его точки зрения, системе пропаганды католической веры и, соответственно, постепенном политическом внедрении папской курии и ее агентов в православные страны и страны, отложившиеся от папского престола вследствие победы реформации. Особое внимание уделяется пропаганде католических изданий на местных языках и основанию типографий, организации специальных школ миссионеров ("Никакими пушками, никаким другим арсеналом Север и Восток не будут завоеваны быстрее" — С. 230). Любопытен, в частности, в плане изучения иезуитской книжной и устной пропаганды, сам перечень сочинений, рекомендуемых для распространения и для справок.

Немалое значение Поссевино придает деятельности купцов. Он не только считает необходимым привлечь их к делу пропаганды католической веры, но и неизменно обращает внимание на организацию торговли, на ассортимент товаров, на тормозящие последствия войны для развития торговли (об этом он пишет и Ивану IV, устрашая его тем, что продолжение войны "на многие годы затруднит торговлю иноземных людей с твоими" — С. 97). Поссевино не раз просит ознакомить с его соображениями венецианский сенат. Не выполнял ли Поссевино одновременно и поручения Венеции — могущественной еще тогда торговой республики, более других итальянских государств страдавшей от притязаний Османской империи?

Вряд ли случаен и интерес Поссевино к состоянию военных укреплений, к описанию крепостей. Он не склонен был ограничиваться в своих намерениях только методами пропаганды. Интересно было бы детально сопоставить проекты Поссевино с проектом авантюриста Штадена, предложившего германскому императору план военной интервенции в Россию. Не следует забывать, что Поссевино писал накануне не только Брестской унии (что отметил П.В. Снесаревский), но и открытой интервенции в Россию начала XVII в. При этом нельзя не подчеркнуть, что Поссевино сделал очень многое для того, чтобы сплотить силы Швеции и Польши для борьбы — под флагом католического крестового похода — с Россией.

В своих рекомендациях папе Григорию XIII Поссевино не

ограничивался делами Восточной Европы. Он пишет и о "назойливой английской королеве" Елизавете I (С. 229). Англичане не только отступились от папы римского и были торговыми соперниками итальянских купцов, но и все более активно вмешивались в дела Восточной Европы (Поссевино сообщает даже о числе кораблей, которые приходят в Россию, о товарах, которыми обмениваются). Поссевино формулирует также предложения об организации контрреформации в Англии (С. 225), явно рассчитывая не только на действенность книжной пропаганды, но и на активность недовольных Елизаветой молодых аристократов. Нельзя ли попытаться рассматривать эти предложения в известной связи с планами реставрации католицизма в Англии, с планами, в которых использовалась и Мария Стюарт? Таким образом, сочинения Поссевино о Московии и Ливонии оказываются интересным источником при изучении истории не только Восточной, но и Западной Европы.

Особого рассмотрения требует вопрос о характере предисловия и комментариев. Они, конечно, необходимы в такого типа изданиях. Однако "Предисловие" кажется слишком кратким. Вероятно, полезно было бы в нем подробнее охарактеризовать литературу о Поссевино и его сочинениях. Комментарии составлены четко и, несомненно, как и "Предисловие", оказывают немалую помощь читателю, но и там вместо историографических экскурсов зачастую только библиографические отсылки. Остается пожалеть, в частности, что недостаточно использована ценная источниковедческая работа Н.П. Лихачева "Дело о приезде Поссевино", напечатанная в 1903 г. Огорчает и отсутствие унификации в употреблении прописных и строчных букв в политико-географических терминах, наименованиях учреждений ("Русское государство", "Ливонский орден", "Ватиканский архив" и другие пишутся почему-то со строчной буквы). Не всегда соблюдается унификация и в именах (Екатерина Ягеллон — на С. 8, 248 и Екатерина Ягеллонка — на С. 260 и др.) Эти замечания преимущественно археографического характера имеют определенное значение, и потому, хочется думать, что рецензируемая книга будет способствовать организации серийного издания, и уже сейчас следовало бы выработать более или менее устойчивое представление о типе книги такой серии.

Научное издание сочинений современников-иностранцев о нашей стране — давняя традиция отечественной науки. Значительным событием в исторической науке становится выход в свет книг основанного В.Т. Пашуто Свода "Древнейшие источники по истории народов СССР". В недавнее время сотрудниками Института истории СССР АН СССР и его Ленинградского отделения,

Библиотеки АН СССР и других учреждений изданы или подготовлены к печати сочинения авторов XV—XVII вв. Тематика эта давно привлекала внимание ученых — достаточно напомнить о первой большой работе В.О. Ключевского — "Сказания иностранцев о Московском государстве".

Не наступила ли пора совместными усилиями специалистов — историков и филологов (из различных научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений, хранилищ документальных памятников) — разработать долговременный план серийного типа публикаций таких сочинений. Издание серии представляется важным и для ведения исследовательской и преподавательской работы, и для противостояния тем современным буржуазным авторам, которые искажают прошлое нашей страны. Обсуждая вопрос о типе и составе издания, следовало бы, вероятно, учесть опыт вызывающих большой интерес серийных изданий "Литературные памятники" и "Памятники исторической мысли", а также опыт работы отечественных ученых предшествующих поколений и некоторых зарубежных изданий. Думается, что в такой серии издания текстов (в переводе, а иногда и на языке подлинника) непременно должны сопровождаться научными статьями (собственно историческими или, точнее сказать, источниковедческими и археографическими) и комментариями исторического и историографического характера.

Посольские книги Российского государства XV—XVI столетий как памятник истории и культуры*

С конца XV в. постепенно возобновляются широкие международные связи России и соответственно упорядочиваются формы ведения дипломатических переговоров и письменного делопроизводства внешних сношений. Эти памятники делопроизводства, в виде книг, столбцов и грамот, оказались сосредоточенными сначала в Царском архиве, а затем (не позднее начала XVII в.) в архиве Посольского приказа и назывались "посольские дела" или по наименованию государств — "дела крымские", "дела датские" и др.¹ Дошли эти документы до нас не полностью, и уже в архивных описях XVII в. отмечалось отсутствие целых групп дел, отдельных "дел" или частей (листов) их. Сохранившиеся посольские дела конца XV—XVII в. сосредоточены преимущественно в Центральном государственном архиве древних актов в Москве. Некоторые посольские дела, особенно за XV—XVI вв., опубликованы².

Посольские дела включают материалы о снаряжении русских посольств (во главе с послами или посланниками) или гонцов (напоминавших по своим обязанностям дипломатических курьеров последующего времени), о приготовлении "поминков" (подарков), грамоты главам государств и их ответные грамоты, указы посольствам, "вести" (донесения, иногда пространные) от русских дипломатических представителей за рубежом, отчеты посольств, материалы о приезде иностранных посольств, гонцов, купцов, об организации внешней торговли, международные договоры. (Договоры, устанавливающие "рубежи" — границы Российского государства с соседними, содержат важные данные для исторической географии.)

Копии грамот, указы, отчеты (а нередко и другие документы) переписывались набело со столбцов в тетради, которые затем переплетались в книги, где обычно — в хронологической последовательности — объединялась документация нескольких посольств.

* Статья 1989 г. для: *Die slavische Völker und ihre Nachbarn in Kultur und Geschichte*: [Сб. статей в честь профессора Э. Доннерта], готовившегося в университете в Галле. Публ. впервые.

С середины XVI в. постоянной становится форма наказа послам и отчета послов (а также и некоторых других документов внешних сношений) в виде статейных списков, составленных по разделам — "статьям", обычно выделяемым абзацами. Потому-то посольские книги часто называют в литературе "статьейными списками".

В наказах формулировались задачи посольства (в том числе и тайные, для чего составляли особые наказы) и предусматривались ответы на возможные вопросы о событиях в России и в соседних с ней государствах. Тем самым посольские дела становятся важным источником по истории не только внешней политики и внешней торговли, но и внутренней политики Российского государства, характера организации общественной информации.

Отчет состоял чаще всего из последовательных ответов по всем пунктам наказа ("про что проведено и про что не проведено") и дневниковых записей о пути посольства (с указанием где, когда были, что видели, с кем и о чем говорили и т.п.), встрече и приеме посольства, о ходе и результатах дипломатических переговоров. Здесь же, а иногда и отдельно, помещались "вести" (копии или пересказ документов и "речей", данные о визуальных наблюдениях) о государственных деятелях, о внутренней и внешней политике государств, где находились послы, а также и других государств. Например, передаются слова королевских советников о психически нездоровом шведском короле Эрике XIV: "Не сам у себя своей персоной" (1567) — или о казни графа Эссекса в 1603 г.: в Лондоне "было великое сетование и плачь великой во всех людех". И подобных замечаний можно обнаружить очень много.

Дневниковые записи вел подьячий или даже дьяк, а посол правил ("чернил"). Посольские подьячие, исполнявшие обязанности секретарей посольства, были обычно людьми достаточно образованными, приметливыми, хорошо осведомленными об основных явлениях российской действительности^{1*}. Записи велено было составлять "тотчас подлинно, ничего не прибавляя и не убавляя". Потом (возможно, даже уже по возвращении посольства) дневник редактировали. Следовательно, переписанный в посольскую книгу отчет не всегда был идентичным тому, который составляли на месте, — в нем могли оказаться отступления от

^{1*} Дмитрий Герасимов, начинавший служебную карьеру в конце XV в. переводчиком ("толмачом") с латыни, выполнял посольские поручения в Швеции, Дании, Пруссии, в Вене, в 1525 г. был отправлен послом в Рим. На основании именно его рассказов известный итальянский гуманист-публицист П. Джовио (Павел Иовий) описал Россию. Именно подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, бежавший за рубеж, написал в 1660-е годы по заданию шведского правительства сочинение о России, где детально охарактеризованы государственный строй и придворный обиход.

первоначального текста, зачастую более правдиво отражавшего события. Поэтому особую ценность имеют дошедшие черновые записи дневникового характера. Редактирование текста проводилось согласно определенным традиционным взглядам, отражавшим представление и о государственно-политическом и о литературном этикете.

Для посольских дел XVI в. — особенно наказов послам и ответов посольств — характерны текстуальные повторения. Это свидетельствует и о том, что при составлении очередных наказов и отчетов обращались к образцам прежнего времени. Известно и то, что перед отправлением посольств за рубеж участников их знакомили с документами прежних посольств в это государство, а также с материалами об истории и обычаях страны (и, видимо, с имеющимися в Москве сочинениями иностранцев о России). Имелись и особые книги образцов обращений к русскому и другим государям. Так определяется возможность выяснения путей формирования стандартов языковой практики российских дипломатов. Тем больший интерес имеют отступления от подобного порядка, вызванные как особенностями политических обстоятельств, так и тенденцией освежения, обогащения языка посольских документов.

Посольские книги первоначально использовались учеными при изучении истории внешней политики и дипломатии. Затем к ним стали обращаться историки и правоведы, исследующие историю государственного строя и общественного сознания³. Из посольских книг черпают сведения по истории государственных учреждений, организации делопроизводства и архивного дела, изучающие посольский обычай⁴, личный состав служилых людей, генеалогию. Посольские книги все больше привлекают внимание содержащимися там данными о внутренней политике России, о развитии общественно-политической мысли, культуры, языка⁵. В последние десятилетия — и в нашей стране, и в других странах — постоянно выходят труды, в той или иной мере опирающиеся на материал посольских книг⁶.

Посольские книги рассматривались московским правительством как источники информации международного общественного мнения — "всей вселенной" (выражение, характерное и для посольских документов, и для посланий царя Ивана). И в практике посольских переговоров нередко было ознакомление иностранных послов с содержанием отдельных дипломатических документов, касающихся сношений с другими государствами (в частности, во время споров о титуле московского государя).

В посольских книгах находим сведения о правительственной интерпретации событий и внутренней и внешней политики Рос-

сийского государства. Они помогают удостовериться в том, что в Москве старались представить опричную реформу актом не государственного значения, а касающимся лишь государева двора. В 1566 г. литовскому гонцу назначенные к нему приставы обязаны были говорить: "...у государя... некоторые опришнины нет; живет государь на своем царском дворе, и которые государю дворяне служат правдою и те при государе и живут блиско; а которые делали неправды и те живут от государя подале", а слух об опричнине объясняли "мужичьим" невежеством ("а мужичьим речам чего верити?"); в 1569 г. пребывание царя в Александровской слободе наказано было разъяснять так: "...государьская воля, где хочет, тут живет, а то село близко Москвы, а государь живет для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе"⁷. Не случайно в годы опричнины Посольский приказ продолжал официально сохранять значение главного органа внешних сношений Российского государства (и даже Курбский не счел нужным в рассчитанной на зарубежного читателя "Истории о великом князе Московском" отметить именно государственное значение реформы).

Любопытно, в частности, какие объяснения следовало давать послам в Польско-Литовское государство в ответ на возможный вопрос о бегстве Курбского. По наказу 1565 г. должно было отвечать, что царь "пожаловал его великим жалованьем не по его отечеству", что отец и дед Курбского "в таком приближеньи и жалование государском не бывали" и что государь "его хотел понаказати" за "изменные дела"; в наказе 1567 г. предусматривается более развернутый ответ: Курбский хотел "над государем", женою его и детьми "умышляти всякое лихое дело", "учал ся звати вотчиком ярославским, да изменным обычаем с своими советники хотел на Ярославли государити да многие изменные дела учал над государем умышляти и над его государскими детьми и государской земле учал всякое лихо умышляти" (здесь явно обыграно самоназвание "князь Ярославский" в послании Курбского царю 1564 г.; с посланием — как верно полагал царь — были, конечно, знакомы в Польше).

Обращения в посольской документации к "историческим" преданиям, напоминания наряду с общепризнанными тогда "фактами" из Библии и о событиях древнеримской, византийской, древнерусской истории помогают составить мнение и об уровне историко-социологических построений, и о сфере конкретно-исторических знаний, и о системе "исторических доказательств" и их опровержении.

В посольских делах формулируются и положения о праве государя всяя Руси не только на те земли, которые ныне за ним, но и

на те, которые принадлежали его предкам — государям Древней Руси ("Вся Русская земля от старины от наших прародителей наша отчина", — утверждал еще Иван III). Там же находим и обоснование взглядов на соотношение прав наследственных и выборных государей: московский царь, как "отчич и дедич" и наследник "по божьему изволению", противопоставляется польскому королю, избранному "по многомятежному человечества хотению", и незнатному шведскому королю; английскую королеву укоряют в зависимости ее от парламента и торговых компаний. Так в международные отношения вносятся элементы местнической идеологии. (Сравнительное изучение соответствующих формулировок местнических дел и посольских документов могло бы стать темой особого исследования.)

Установлено, что в посольских книгах отражены некоторые положения, характерные для литературных публицистических памятников официальной идеологии; имеются даже пересказы их содержания, цитаты. Так, положения, развитые в "Сказании о князьях Владимирских", повторены неоднократно в польских посольских книгах, так как польские короли упорно не желали признавать царский титул Ивана Грозного, а позднее и других государей. Ссылки на получение царских регалий Владимиром Мономахом становятся как бы стандартом в дипломатических переговорах с середины XVI в. ("а от начала у государей наших в обычае лежит: которой венцом венчается на царство, тот и пишется"). Но к этому добавляется еще и получение московским государем прав царя казанского, а затем и астраханского, т.е. исторические предания как бы выстраиваются в один ряд с недавними государственно-политическими приобретениями. Отмечается и международное значение венчания Ивана IV на царство в 1547 г., установившего официально единовластие ("занеже ныне землею владеет государь наш один").

Прослеживается употребление в посольских документах фразеологии и терминологии (авторские слова и цитаты) современной публицистики. Толкование слова "правда" побуждает вспомнить сочинения Ивана Пересветова. Близки к его соображениям и некоторые формулировки посольских книг об обязанностях подданных по отношению к государю, о значении для них воинской службы и пр. ("Из давних лет повелось тогда воинам веселие и пожиток, егда рать воздвигнется").

В посольских книгах обнаруживается прямая — иногда даже текстуальная — близость с посланиями Ивана Грозного Курбскому и несомненная тождественность комплекса общих представлений о происхождении и характере власти московских государей (в част-

ности, и сравнительно с польскими королями). Даже известная формула царя в послании Курбскому о праве московских государей, которые "вольны были подвластных жаловати и казнити", близка к формулировке посольских книг 1562—1563 гг.: "Государь наш волен своих холопей казнити и жаловати"⁸. Близость польских посольских книг и переписки царя с Курбским легко находит объяснение, ибо переписка эта была не просто перепиской двух лиц, а памфлетной борьбой, рассчитанной на широкую аудиторию, в первую очередь на общественное мнение Польско-Литовского государства. Это — публицистический, а следовательно и публичный, поединок⁹. Очевидна целесообразность детального сравнительного изучения — и историко-содержательного и текстологического (стилистика, словарь, редакции) — памятников публицистики и посольских дел, а также и летописей.

Посольские же книги доносят до нас и представления иностранцев о событиях российской истории, о значении деятельности тех или иных лиц. Так, например, в годы царствования Федора Ивановича, когда фактическим правителем был его шурин Борис Годунов (англичане его так и называли — "протектор"), польские представители сравнивали с ним "временного человека" конца 1540—1550-х годов Алексея Адашева, который "таково же правил". Уже одно это показывает достаточную основательность высказываний и царя Ивана, и Курбского о влиянии "Избранной рады" и ее руководителей на государственные дела, высказываний, подтверждаемых многообразными актовными и нарративными источниками. Обращает на себя внимание и то, что в ответ на доводы московской стороны о признании царского титула главными из государей католического и мусульманского мира — императором (цесарь — "всему римскому закону глава") и "турским салтаном" (который "мусульманского закона глава") — старались противопоставить представление, будто титул "царь" не христианский, а "бусурманский"¹⁰. (Схожая формулировка встречается и в современных Ивану IV западноевропейских "летучих листках".)

Обычно краткие сведения о посольствах (и в Россию и российских) приводились в XVI в. и в официальных летописях, — это позволяет не только выяснить интересные подробности политической истории, сведения о которых утрачены в посольских книгах, но и установить, какие именно моменты из отраженных в достаточно обширной посольской документации полагали нужным отметить в летописи, какова степень соответствия (и по содержанию, и по форме выражения) посольских документов и летописных текстов, какое влияние оказывала посольская документация на язык, терминологию летописи и т.д.

Посольские дела — ценнейший источник по истории языковой культуры XV—XVI вв. В это время постепенно создается единство основных норм языка и деловой письменности, административной терминологии и фразеологии. Роль "чиноначальников" Посольского приказа в этом плане была особенно значительной. И дело не только в том, что ими была закреплена, а в значительной мере и создана терминология дипломатическая и международного права Древней Руси¹¹ и благодаря им утверждались в русском языке иноязычные слова и выражения. Они влияли и на иные сферы государственного делопроизводства. К посольскому делу были приставлены особо влиятельные "думные люди", прежде всего "думные дьяки" (иностранцы называли их "канцлерами"), отвечавшие за оформление и других решений Боярской думы, составление царских грамот, памятников законодательства, описей главных архивов (Царского архива, позднее архива Посольского приказа). Несомненно их участие в составлении официальных летописей, публицистических, исторических сочинений.

Изучение посольских книг — особенно в сравнении с различными "посланиями" — расширяет наши представления и об особенностях риторики той эпохи. А ведь ораторская речь была тогда одним из мощных ресурсов литературы, почиталась особенно важной сферой словесного искусства.

Передавая свои наблюдения о незнакомой стране, содержание разговоров с иностранными послами, составители статейных списков переносили в текст привычные им понятия, нормы, термины: придворных иностранных государей (и христианских и мусульманских) называли и перечисляли согласно русской иерархии ("бояре", "дети боярские", "думные дьяки" и т.п.), названия и функции иноземных учреждений старались передать русскими определениями (или калькировали, заимствовали, перенося в русскую речь). Такое же явление характерно и для сочинений иностранцев о России.

Посольские дела много дают и для выявления элементов разговорной речи, близости "просторечия" к деловой письменности. Так, было очень употребительно слово "собака" в значении "изменник". Оно встречается и в посольских наказах, и в посольских отчетах. Это и одно из самых любимых "кусательных словес" царя Ивана (особенно в переписке с Курбским). На вопрос об измене Курбского русский посол должен был отвечать: "Курбский государю нашему изменил, собакою потек, собатцки и пропадет". Близкая формулировка и в наказе другому послу, обязанному "молвити" уже об измене Дмитрия Вишневецкого: "...притек Вишневецкой ко государю нашему, как собака, и потек от государя нашего, как собака же". Подобные выражения, очевидно, входили в пред-

ставления о "лае", когда посланнику в Польшу (1569) откровенно наказывалось: изменнику, "излаяв, да плюнути в глаза".

Автором некоторых дипломатических документов, прежде всего грамот иностранным государям, признают Ивана Грозного, включая их в издания его сочинений. В крымских делах оказалась и его переписка с бывшим приближенным опричником Василием Грязным. Возможно, что обнаружится продиктованное им и в посольских наказах, договорах. Заманчивая задача — определить тексты, составленные Ф. Карповым, А. Адашевым, Висковатым, Щелкаловыми и другими видными деятелями той поры. Это помогло бы, в свою очередь, выявлению и иных памятников, написанных при их участии.

Современные литературоведы справедливо рассматривают такие составные части посольских книг как отчеты об их поездках (основанные обычно на дневниковых записях) и как памятники повествовательной литературы. Они имеют много общего с публицистикой и определенным образом предвосхитили жанр путешествий (будучи и сами связаны с более древними образцами такого жанра — такими, как "Хождение за три моря" Афанасия Никитина и др.). Здесь особенно ясно наблюдается сближение литературы с деловой письменностью. Характерные черты этих сочинений показаны в работах Д.С. Лихачева, под редакцией которого была подготовлена книга "Путешествия русских послов XVI—XVII вв." в серии "Литературные памятники" в 1954 г.

Посольские книги — важнейший источник по истории общественно-политического сознания и психологии, культуры и языка XVI в., остающийся, однако, в этом плане еще малоизученным.

О книге А.А. Амосова

"Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование"*

В основу монографии Александра Александровича Амосова положена диссертация "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Опыт комплексного источниковедческого исследования", представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук Ученому совету Санкт-Петербургского отделения Института российской истории Академии наук. Диссертация была успешно защищена 17 декабря 1991 г. Оппонентами выступили крупные ученые специалисты член-корреспондент Академии наук Л.А. Дмитриев — заведующий Отделом древнерусской литературы Пушкинского Дома, широко известный литературовед и текстолог (теперь — увы! — покойный), Ю.Г. Алексеев — виднейший знаток истории эпохи Российского централизованного государства, Р.Г. Пихоя — создатель уральской школы археографов. Такой подбор оппонентов — филолог, историк, археограф — показателен, так как новаторское и в то же время фундаментальное исследование А.А. Амосова на стыке направлений гуманитарных наук — отечественной истории, истории древнерусской литературы, истории изобразительного искусства, историографии, книговедения и комплекса специальных исторических (или даже историко-филологических) дисциплин — источниковедения, археографии, текстологии, кодикологии, палеографии, филигранологии. И А.А. Амосов показал блестящее владение методикой всех этих научных дисциплин, обеспечившее столь результативное исследование именно в русле комплексного источниковедения, традиции которого восходят к трудам Н.П. Лихачева, А.А. Шахматова, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Н. Щепкина на рубеже XIX и XX столетий, М.Н. Тихомирова, А.В. Арциховского, Л.В. Черепнина, Д.С. Лихачева, В.Л. Янина в более близкое к нам время. И потому труды А.А. Амосова стали вехой не только в изучении древнерусских рукописей с миниатюрами и истории летописания,

* Напечатано под названием: "О книге и ее авторе". См.: Амосов А.А. "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование". М., 1998. С. 3—10.

но и в развитии исследований в сфере нескольких специальных дисциплин. Более того укрепили представление о правильности суждений тех исследователей (академиков М.Н. Тихомирова, Д.С. Лихачева и других), которые полагают, что фундаментальной основой науки являются как раз специальные историко-филологические дисциплины.

Ко времени написания диссертации, тем более подготовки ее к изданию А.А. Амосов имел уже серьезный опыт исследовательского творчества, нашедшего воплощение во многих печатных трудах и научных докладах, где собственно историческая проблематика тоже естественно совмещалась с источниковедческой, археографической. Только по теме диссертации было тогда опубликовано 24 статьи. Защита диссертации воспринималась как радостное событие нашей научной жизни. Принимал не без гордости поздравления и я: так как А.А. Амосов первым получил докторскую степень из тех, кто был и моим дипломником, и моим аспирантом, но, также, и потому, что на с. 30 автореферата диссертации можно было прочитать: "Рассмотрение возможных временных границ заключительного этапа работы над рукописями Лицевого свода приводит к убеждению, что из всех возможных и высказывавшихся мнений только мнения Н.П. Лихачева и С.О. Шмидта подтверждаются объективными показаниями знаков бумаги".

А.А. Амосов родился 10 сентября 1948 г. в с. Черевково Архангельской области. Фамилия Амосовых несколько столетий встречается в источниках по истории Поморья; некоторые лица из этого разветвленного рода играли заметную роль в местной общественной жизни — А.А. Амосов, видимо, из потомственного крестьянского клана. Отец его — инвалид войны, работал в леспромхозе, мать — учительница биологии и химии в сельской школе, которую сын окончил с золотой медалью. Сызмальства он оказался в пространстве культуры, где продолжали жизнь старинные традиции письменности, изобразительного искусства, фольклора; его родные места притягивали и археографов. Юноша возрастал в атмосфере уважения к исторической памяти. И показательно, что перечень его печатных трудов начинается статьями о родном крае в местных газетах. В Московском государственном историко-архивном институте, куда в 1966 г. поступил А.А. Амосов, сразу же обнаружил особую тягу к изучению методики исторического исследования, самих приемов исторического познания. Круг интересов его и в учебных занятиях и в научном студенческом кружке источниковедения (с которым сразу сроднился и не терял связи всю жизнь) оказался очень широким — становилось очевидно, что ему в радость и творить исторические конструкции, и отдавать силы

мельчайшим скрупулезным наблюдениям. Неутолимая любознательность, научная основательность в подходе к прошлому, и поразительное трудолюбие студента, разносторонность его устремлений и уникальная память, появление уже тогда печатных трудов, основанных на архивных изысканиях, убеждали и преподавателей в том, что это человек с незаурядным научным будущим. Подкупали, конечно, и учащих, и учащихся глубокая порядочность А.А. Амосова и присущее ему чувство собственного достоинства, неспособность к искательству и неприятие его у других, то, что ему чужды и сплетни, и завистливое злословие.

Темой дипломной работы была избрана такая, где совмещались увлеченность историей родного края и новаторская методика современного комплексного знания — "Источники по истории монастырского землевладения на Севере (Методика выявления и анализа)". Это во многом предопределило и тему кандидатской диссертации (защищенной в Ленинградском отделении института истории АН СССР в 1975 г.) — "Архивы двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций". В этой насыщенной конкретными наблюдениями монографии много нового и об источниковедении истории архивного дела на первом этапе его развития и об основных элементах "практической археографии" XVI—XVIII вв. и значение ее для формирования науки археографии, т.е. науки о выявлении, описании и публикации письменных памятников.

Кандидатскую диссертацию А.А. Амосов защищал уже сотрудником Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук, освоив значительные элементы практики археографической работы этого выдающегося тогда центра изучения письменной культуры Древней Руси и имея опыт научного общения с сотрудниками и Ленинградского отделения Института истории (где он был аспирантом и работали еще С.Н. Валк и его ученики), и Пушкинского Дома, где многосторонняя археографическая деятельность научных школ В.П. Адриановой-Перетц и Д.С. Лихачева оказалась богато результативной. Такая творческая амальгама научных школ Москвы и Ленинграда была особенно плодотворной для тянувшегося к освоению историографического наследия и в то же время неутомимого в исследовательской изобретательности молодого историка.

В Библиотеке А.А. Амосов очень много сделал для дальнейшего изучения этого богатейшего собрания памятников письменности — в плане и описания рукописей, выработки методики составления информации о них, исследования происхождения и содержания этих памятников, публикации и самих памятников, и

сведений о них, данных об обращении к ним других ученых, и для пропаганды этого культурного наследия и достижений его освоения в среде широкой общественности. Отдел и БАН в целом стали для него домом родным, предметом гордости и заботы, и именно противостояние стремлению чуждого всему этому нового директора Библиотеки порушить научные и нравственные традиции деятельности всемирно известного Отдела рукописей и фактическое отторжение от любимых занятий в БАН, вызвавшее самоотдачу общественно-административной деятельности в Государственной думе, а затем издательской деятельности, истощили физические силы и нервные возможности А.А. Амосова и приблизили его ранний трагический конец.

Работая в БАН, ставший членом Археографической комиссии Академии наук А.А. Амосов был в Ленинграде—Петербурге связующим звеном с Археографической комиссией, в проводимой по ее инициативе и под ее руководством многими хранилищами страны работе по подготовке Сводного каталога славяно-русских рукописных книг (по XVI в. включительно), Каталога личных фондов историков, организации археографических экспедиций в полевых условиях (сам почти ежегодно возглавлял — и удачно — такие экспедиции, участвовал во всесоюзных, всероссийских, региональных конференциях и семинарах такой проблематики), во многом способствовал объединению усилий специалистов в области филигранологии (на Первом всесоюзном совещании по филигранологии в 1987 г. в Москве выступил с докладом о задачах и перспективах ее развития). Ему в значительной мере обязаны и реализацией замысленной замечательным вологодским ученым П.А. Колесниковым уникальной программы многотомного описания письменных памятников (от древности до наших дней), хранящихся в музеях Вологодской области; он — и автор статей методико-историографического характера о "Вологодской программе"¹. И в нашем Отечестве, и за рубежом А.А. Амосов обрел прочную репутацию высокого авторитета в области изучения и рукописной, и старопечатной книги, выдающегося знатока специальных научных дисциплин сферы и источниковедения и связанных с ним археографии и книговедения.

Заслуга прежде всего А.А. Амосова — издание БАН в 1982 г. книги под моей редакцией "Библиотека Ивана Грозного: реконструкция и библиографическое описание". В книге напечатана работа погибшего в дни Ленинградской блокады Н.Н. Зарубина, пытавшегося реконструировать личную библиотеку царя Ивана и определить его круг чтения и подготовившего критический обзор всей литературы о библиотеке московских государей с бесценными

античными рукописями. А.А. Амосов не только комментировал исследование Н.Н. Зарубина, но и обратил особое внимание на нерассматривавшиеся автором в этой связи рукописи книг Лицевого свода и публицистику, и не менее детально чем его предшественник охарактеризовал всю литературу 1940—1980-х годов о библиотеке московских государей (причем не только статью М.Н. Тихомирова, публикации которой в 1960 г. мы обязаны возрождением веры в существование библиотеки античных рукописей, и специальных ученых штудий, но и множества популярных работ, даже газетных статей). Книга и по сей день — наиболее солидная сводка данных и об источниках XVI—XVIII вв. о библиотеке и о литературе, этому посвященной. На книгу было немало откликов и в нашей стране, и за рубежом, осуществляется ее зарубежное издание^{1*}. Тема нашего последнего телефонного разговора за несколько дней до его внезапной кончины — подготовка А.А. Амосовым дополнений о литературе 1980—1990-х годов.

А.А. Амосов принимал деятельное участие в подготовке факсимильного издания под редакцией М.В. Кукушкиной, хранящейся в БАН древнейшей иллюстрированной русской летописи, названной по имени ее давнего владельца Радзивилловской. Издание, осуществленное, наконец, при особых усилиях издательства "Глаголь" в 1994 г., стало событием в истории и науки, и книжного дела. А.А. Амосов — один из тех, кто описывал миниатюры рукописи.

Всеобогатяющийся исследовательский и научно-просветительский опыт, результативная проба своих сил в разных специальных историко-филологических дисциплинах, владение инструментарием современной научной технологии и, конечно же, энциклопедическая образованность в области знаний о культуре и общественном сознании, ментальности Древней Руси позволили А.А. Амосову приступить к подготовке поистине фундаментального труда о летописном Лицевом своде Ивана Грозного. Этот колоссального объема памятник исторической мысли — история и всемирная, и отечественная, от древнейших времен до современности — воспринимается и как выдающееся произведение письменности и изобразительного искусства. Научная литература, ему посвященная, обильна и противоречива; наибольшие разногласия вызывал вопрос

^{1*} Перевод большей части книги издан в Риме в 1998 г.: Nikolaevič Zarubin La Biblioteca di Ivan il Terribile Note e integrazioni di A.A. Amosov. Editizione italiana a cura di L. Bonchi de Michelis Postfazione di S. of Smidt on appendice Sull' Index anonimo del XVI secolo // Da Roma alla Terza Roma documenti e Studi. Volume Speciale peril IV centenario della morte di Ivan IV.

о времени заключительной работы составителей Лицевого свода и редактирования известий о событиях правления самого Ивана Грозного.

Избрать такую тему для диссертации мог человек истинного мужества и чистой души — ведь большинство ученых, с мнением которых о датировке Лицевого свода и приписок к нему А.А. Амосов не склонен был соглашаться, это — здравствующие доктора наук, имеющие немалый авторитет в научном мире. Знакома еще в 1982 г. со своей моделью "прочтения" истории создания описания времени Ивана Грозного в Лицевом своде, он осознавал, что это "требуется пересмотра (и порой кардинального) некоторых уже прочно устоявшихся в отечественной источниковедческой и исторической литературе представлений" и объяснял: "Целью исторической науки, как и любой науки, является стремление к познанию истинной природы изучаемых явлений и событий; в этой цели мы и видим нравственное оправдание изложенных соображений. Подтвердить или опровергнуть нашу модель прочтения можно лишь на основании обстоятельного и всеобъемлющего исследования последних томов Лицевого свода..."²

В этом "обстоятельном и всеобъемлющем исследовании" Лицевого свода А.А. Амосовым трудно сказать даже, что больше поражает: масштабность и ответственность поставленных задач или условие выполнения главной задачи — скрупулезность полистных наблюдений. Ведь это почти 10 тыс. листов, на которых более 16 тыс. миниатюр! А.А. Амосов подчеркивал, что предметом его исследования является "внешняя сторона памятника", материальный носитель текста и изображений — бумага и структура создававшихся тогда рукописей (летописный свод дошел до нас с большими утратами; сохранившиеся листы оказались частично перепутанными), а также способы кодирования образной информации в миниатюрах. Т.е. первоочередное внимание уделялось тому, что обычно оставалось вне поля зрения большинства его предшественников, сосредоточенных, как правило, лишь на содержательной стороне памятника (и текста, и миниатюр), на его исторической информативности и уже по одному тому ограничивающихся логической — в той или иной мере всегда субъективной — системой доказательств. Занятия такого рода относятся к проблематике кодикологии, сравнительно недавно оформившейся специальной историко-филологической дисциплины, изучающей историю изготовления, состав и судьбу рукописной книги (от латинского слова "codex" — книга; родительный падеж — "codicis"). И при издании диссертации именно это слово вошло в заголовок монографии.

А.А. Амосов не считал возможным использовать отдельные элементы внешней критики источников "без предварительного изучения всех ее составляющих"³.

А.А. Амосов впервые после Н.П. Лихачева в конце XIX в. изучал одновременно все рукописи, составляющие основной корпус Лицевого свода и даже близкие к нему по происхождению и манере исполнения, и главное внимание, вслед за Н.П. Лихачевым, уделил методике датирования рукописей по показаниям водяных знаков — филиграней, учитывая при этом все варианты и разновидности филиграней (Н.П. Лихачев ограничивался иногда установлением видов их, не отмечая другие варианты). Учитывал А.А. Амосов и накопленный опыт наблюдений о возможной зависимости используемой бумаги (здесь особое значение имеют труды В.Н. и М.В. Щепкиных).

История создания Лицевого свода прослеживается А.А. Амосовым на основе последовательного изменения филиграней по методике, разработанной автором. Принципиально новым является и раздел книги, посвященный анализу формальных признаков миниатюр и выявлению семантики языка художника средневековья. Столетней давности исследование Н.П. Лихачева о филигранях Лицевого свода вернуло памятник, относимый тогда учеными к XVII в., последним годам царствования Ивана Грозного. Выводы Н.П. Лихачева сразу же были признаны образцовыми (прежде всего великим его современником академиком А.А. Шахматовым) и вошли позднее как классический пример в учебники академиков М.Н. Тихомирова по источниковедению (1940, 1962), Л.В. Черепнина по палеографии (1956), в книгу академика Д.С. Лихачева о текстологии (2-е изд. в 1983 г.)⁴.

Тем не менее в послевоенные годы стали появляться работы — и притом одна интереснее другой и по живости изложения, и по остроте постановки вопросов — которые обосновывали отнесение приписок на листах Лицевого свода о событиях времени Ивана Грозного к более ранним годам его правления. Опирались при этом не на датировку филиграней, а на обстоятельства государственно-политической истории и на памятники политической публицистики. Выявление в Лицевом своде и одном из изданий Печатного двора Александровской слободы однотипной бумаги казалось основанием использования наблюдений и над филигранями для более ранней датировки завершения работы над Лицевым сводом. Это мнение даже представлено как единственное (по существу "навязано") в статье "Летописный свод Лицевой" в словаре книжников и книжности Древней Руси⁵ (хотя это и в противоречии с историографо-методическими принципами выдающегося значения спра-

вочника, обычно демонстрирующего наличие разных взглядов на происхождение и датировку литературных памятников).

Выводы А.А. Амосова о датировке и составных частях Лицевого свода на уровне конструкций точных наук, да и основаны они на технологиях, применяемых в этих науках. В точных науках в подобных ситуациях обычно ищут взамен прежних — оказавшихся не во всем обоснованными объяснений, новые, соответствующие новому знанию. Совершенно очевидно, что рано или поздно придется так поступить и ученым-гуманитариям, продолжая изучение летописного Лицевого свода.

Это налагает особые обязательства на ученых, занятых исследованием эпохи Ивана Грозного. Государь этот правил более 50 лет, и личность его наложила заметный отпечаток и на историю его времени, и на толкование исторических событий современниками и потомками. Это ясно ощущается и в приписках к своду, изменяющих и трактовку, и оценку событий недавнего времени. Но, если периодам правления Избранной рады и опричнины посвящены многие книги и статьи, то последние годы жизни Ивана Грозного по-прежнему остаются слабоизученными, хотя Р.Г. Скрынников в своей известной книге "Иван Грозный" эффектно озаглавил страницы о событиях тех лет "Последний кризис". Источники, датируемые концом 1570-х — началом 1580-х годов не сопоставлены еще одни с другими с должной деятельностью, как не сопоставлены данные и серьезных исследований о начале освоения Сибири, о завершении Ливонской войны, попытках ограничения монастырского землевладения, о симптомах правовым путем оформить полное закрепощение крестьян, о сменяющихся брачных намерениях царя-вдовца, о сватовстве с девицей, родственной английскому королевскому дому. Напомним и о пришедших именно тогда к царю мыслях о бегстве за рубеж, и о нечаянном убийстве сына-наследника. О пересмотре оценок событий и лиц прошлого, о страхе приближающегося конца свидетельствует и составленный в 1580-е годы Синодик — ведь это показатель отношения и к прошлому, и к настоящему, и к будущему. В контексте с этими и другими пока еще менее исследованными явлениями тех лет, прежде всего отраженными и в литературных памятниках, и следует искать взаимосвязи с приписками к лицевым летописям.

Об этом задумывался и сам А.А. Амосов — глубокий знаток источников (особенно нарративных), современных созданию и редактированию Лицевого свода. Но полагал недопустимым в монографии с определенными задачами и методикой исследования выходить за пределы того, что дают "объективные данные, полученные из самого оригинала изучаемого памятника"⁶. Самоуваже-

ние и душевное целомудрие, характерные для его личности, отразились и в его исследовании.

Книга издается посмертно. Александр Александрович скончался от сердечного приступа у себя дома, в Петербурге, 15 апреля 1996 г. Книга подготовлена к печати его другом и сотоварищем по Вологодской программе В.В. Морозовым — старшим научным сотрудником Археографической комиссии в Москве, автором серьезных исследований и о Лицевом своде.

Внезапная кончина необычайно одаренного и высокоэрудированного ученого, человека светлой души и большого обаяния глубоко опечалила многих. В мае 1996 г. в Пушкинском Доме состоялось заседание памяти А.А. Амосова, где говорили о нем, вспоминали его коллеги из Москвы, Петербурга, Новосибирска и других городов России — Материалы этого заседания и перечень печатных трудов А.А. Амосова напечатаны в Археографическом ежегоднике за 1996 год (М., 1998). Незабвенный Александр Александрович Амосов обладал счастливым даром и восприятия, и воспроизводства культуры, воплощал в своей творческой деятельности и корневые простонародные культурные традиции, и традиции веков научной культуры Москвы и Петербурга.

Примечания

Вопросы истории России XVI века

в советской исторической литературе 1950-х—начала 1960-х годов

- ¹ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1952. Т. I; М., 1954. Т. II. С. 361; 353. Примеч. I. со с. 1 (149). (Далее: Бахрушин. Труды).
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 5. С. 338.
- ³ См.: Ленин В.И. Соч. Т. 27. С. 307.
- ⁴ См. об этом: Черкасов Н.К. Записки советского актера. М., 1953. С. 380—382.
- ⁵ Хрущев Н.С. К новым успехам литературы и искусства. М., 1961. С. 4.
- ⁶ Доклад после исправлений был напечатан: Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // ВИ. 1956. № 8.
- ⁷ См. информ. сообщение: Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // ВИ. 1956. № 9.
- ⁸ Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине Ивана IV // ВИ. 1956. № 9.
- ⁹ Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XV вв. / Сост. В.Н. Шумилов. Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1954.
- ¹⁰ Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина / Под ред. И.М. Кудрявцева. М., 1961. Т. I.
- ¹¹ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1.
- ¹² Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории / Отв. ред. А.И. Андреев. М.; Л., 1958.
- ¹³ Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. 1957; Лукьянов В.В. Краткое описание рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Ярославль, 1958. Вып. III.
- ¹⁴ Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960; см. его же сообщения в ТОДРА; Голубев И.Ф. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области: Краткий обзор. Калинин, 1960.
- ¹⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26.
- ¹⁶ Левина С.А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРА. 1955. Т. XI; Она же. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРА. 1957; Т. XIII; Она же. Воскре-

сенская летопись XVI в. // ТМГИАИ. 1957. Т. 10; *Лаптев В.В.* Воскресенская летопись // ЗЛГПИ. Л., 1955. Т. 102; *Азбелев С.Н.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

¹⁷ *Подобедова О.И.* К вопросу о составе и происхождении лицевого летописного свода второй половины XVI в. // ПИ. М., 1961. Вып. IX; *Альшиц Д.Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Тр. ГПБ. Л., 1957. Т. I(IV). (Далее: *Альшиц*. Источники); *Шмидт С.О.* Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // ПИ. М., 1956. Вып. V.

¹⁸ Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II; *Тихомиров М.Н.* Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. // ИСССР. 1957. № 3.

¹⁹ *Наносов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. IV. (Далее: *Наносов*. Летописные памятники); Он же. Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. Вып. VI. М., 1958. Попыткой обобщения сведений о летописях хронографах является учебное пособие, подготовленное в МГИАИ. См.: *Зимин А.А.* Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. М., 1960.

²⁰ Послания Иосифа Волоцкого / Подг. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959; *Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. (Далее: *Казакова*. Вассиан Патрикеев); Пересветов / Подг. текста А.А. Зимина. Под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1956. (Далее: *Пересветов*); *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. (Далее: *Дмитриева*. Сказание); Повести о житии Михаила Клопского / Подг. текстов и вступ. ст. Л.А. Дмитриева. М.; Л., 1958; *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. (Далее: *Моисеева*. Валаамская беседа); Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954.

²¹ *Тихомиров М.Н.* Новый материал об Иване Грозном // ТОДРА. М.; Л., 1958. Т. XIV. (Далее: *Тихомиров*. Новый материал); *Казакова Н.А.* Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // Там же; *Корецкий В.И.* Борьба крестьян с монастырями в России XVI — начала XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. Вып. 6. (Далее: ВИА).

²² Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.Н. Тихомирова (гл. ред.), М.А. Алпатова, А.Л. Сидорова. М., 1955. Т. 1; *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. М., 1957; Историография истории СССР (до 1917 г.) / Под ред. В.Е. Илларионого и И.А. Кудрявцева. М., 1961.

²³ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков / Подг. к печати А.А. Зимин. М., 1956; М., 1961. Ч. II // Сост. Л.В. Черепнин; М., 1958. Ч. III. Отдельные акты XVI в. опубликованы

во втором томе издания: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Сост. И.А. Голубцов.

²⁴ Перечень опублик. в АЕ за 1957 и 1960 гг. См. также: *Каштанов С.М.* К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот // ИА. 1956. № 3.

²⁵ *Каштанов С.М.* Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI века // АКД. М., 1958; Он же. Иммунитетные грамоты 1534—1538 гг. как источник по истории внутренней политики периода регентства Елены Глинской // ПИ. М., 1959. Вып. VIII; Он же. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1547 г.) // ИЗ. 1960. Т. 66; Он же. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Исторические науки. 1959. № 4.

²⁶ *Маньков А.Г.* Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI века как источник по истории крестьян // ПИ. М., 1955. Вып. VI; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в.: Сб. документов / Подг. текста А.Г. Манькова. Л., 1955.

²⁷ *Мерзон А.Ц.* Писцовые и переписные книги XV—XVII веков // ТМГИАИ. М., 1956.

²⁸ *Павлов-Сильванский В.Б.* Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. // АЕ за 1959 год.

²⁹ *Витов М.В.* Приемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг: На примере Шунгского погоста Обонежской пятины // ПИ. М., 1956. Вып. V.

³⁰ *Мухамедьяров Ш.Ф.* Малоизвестная писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. // Изв. Казан. филиала АН СССР. Сер. гум. наук. 1957. № 2.

³¹ См. об этом: *Шапиро А.Л.* Об имущественном неравенстве и социальном расслоении крестьянства в эпоху феодализма // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. (Далее: *Шапиро.* Об имущественном неравенстве). С. 28; ЕАИ за 1958 г. Таллин, 1959. С. 13 (статья В.К. Яцунского).

³² См. об этом: Памятники русского права // Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1956.

³³ *Зимин А.А.* Губные грамоты XVI в. из Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1956. Вып. 18; *Леонтьев А.К.* Устюжская губная грамота 1540 г. // ИА. 1960. № 4; *Носов Н.Е.* Губной наказ Новгородской земле 1559 г. // ИА. 1959. № 4.

³⁴ *Мюллер Р.Б.* Некоторые замечания об издании законодательных актов XVI в. // ПИ. М., 1961. Вып. IX.

³⁵ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. // Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. См. также: *Шмидт С.О.* К истории составления описей Царского архива XVI века // АЕ за 1958 год; *Левина С.А.* Попытки систематизации архива Посольского приказа в 1614 году // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 16.

³⁶ *Альшиц Д.Н.* Разрядная книга московских государей XVI в. (официальный текст) // ПИ М., 1958. Вып. VI.

³⁷ *Буганов В.И.* Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII в. как исторический источник // АКД. М., 1955; Он же. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. // ПИ. Вып. VI. М., 1958; Он же. Сокращенная редакция разрядных книг 1559—1605 гг. АЕ за 1957 год; Он же. Сокращенная редакция разрядных книг 1550—1636 гг. // ПИ. М., 1961; Вып. IX. Он же. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // ИА. 1959. № 4.

³⁸ *Бычкова М.Е.* Родословные книги середины XVI века // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 16. Интересные сведения башкирских шежере о присоединении Башкирии к Российскому государству обобщены Р.Г. Кузеевым. См.: СЭ. 1957. № 4.

³⁹ Исторические песни XIII—XVI веков. Сер. "Памятники русского фольклора". Подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1960; *Соколова В.К.* Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М., 1960; *Путилов Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.; Л., 1960; *Пропп В.Я.* Песня о гневе Грозного на сына // Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и лит-ры. 1958. Вып. 3, № 14; *Горелов А.* Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России // РЛ. 1961. № 1; *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков: Очерки по истории народных верований. М., 1957. (Далее: *Чичеров. Зимний период*); *Русский фольклор: Материалы и исследования.* М.; Л., 1956—1960. Вып. I—V: *Русский фольклор, 1945—1959: Библиогр. указатель.* Сост. М.Я. Мельц. Под ред. А.М. Астаховой и С.П. Луппова. Л., 1961.

⁴⁰ *Данилова Л.В.* Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России // Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. Л., 1958. (Далее: *Данилова. Исторические условия*).

⁴¹ ВИ. 1960. № 4.

⁴² *Нечкина М.В.* О "восходящей" и "нисходящей" стадиях феодальной формации. (К постановке вопроса) // ВИ. 1958. № 7.

⁴³ ЕАИ за 1958 г. (Таллин, 1959) и за 1959 г. (М., 1961). Печ. материалы симпозиума 1960 г. в Киеве [Киев, 1962].

⁴⁴ *Копанев А.И.* Население Русского государства в XVI в. // ИЗ. М., 1959. Т. 64.

⁴⁵ *Победимова Г.А.* К вопросу о стабильности населения вотчины XVI в.: На примере Иосифо-Волокол. монастыря // ТЛОИИ. М.; Л., 1958. Вып. 2.

⁴⁶ Материалы по истории земледелия СССР (к истории отдельных культурных растений СССР): М.; Л., 1956; Сб. II. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1959; Сб. III. М., 1960. Сб. IV.

⁴⁷ *Горская Н.А.* Зерновое земледелие центральных областей Русского государства во второй половине XVI — начале XVII в.: По мате-

риалам хозяйственной отчетности монастырей центральной части Русского государства // АКД. М., 1955; Она же. Земледельческие орудия центральной части Русского государства второй половины XVI — начала XVII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. III. Там же опубликована и другая интересная работа — статья Ш.Ф. Мухамедьярова "К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI веках", в которой показано, что земледелие было основным видом производственной деятельности татар и других народностей, живших на территории Казанского ханства в конце XV—XVI в.

⁴⁸ Петров В.А. Слуги и деловые люди в монастырских вотчинах XVI в. // ТЛОИИ. Вып. 2; Горфункель А.Х. Перестройка хозяйства Кирилло-Белозерского монастыря в связи с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. // УЗ Карело-фин. пед. ин-та. Петрозаводск, 1955. Т. II, вып. 1.

⁴⁹ См.: Ленин В.И. Соч. Т. 6. С. 38.

⁵⁰ Скрынников Р.Г. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и в первой половине XVI в. // УЗ ЛГПИ. 1957. Т. 150, вып. 1; Он же. Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70 годах XVI в. // Там же. 1959. Т. 188.

⁵¹ См. также: Мухамедьяров Ш.Ф. Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958.

⁵² Данилова. Исторические условия. С. 120—122.

⁵³ Панеях В.М. Кабальное холопство в Русском государстве XVI в. // АКД. Л., 1961; Он же. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабаках Спасо-Прилуцкого монастыря // ПИ. М., 1956. Вып. V; Он же. Из истории кабального холопства в XVI в. // ТЛОИИ. Вып. 2.

⁵⁴ Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // ВИ. 1959. № 6. С. 147.

⁵⁵ Корецкий В.И. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. АКД. М., 1957; Он же. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в.: к проблеме заповедных лет и отмены Юрьева дня // И СССР. 1957. № 1.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 77—78.

⁵⁷ Там же. Т. 7. С. 347.

⁵⁸ Выступление на симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы: ЕАИ за 1958 г. С. 142.

⁵⁹ Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого "второго издания крепостничества" в Средней и Восточной Европе // ВИ. 1958. № 2. С. 97. Выступление С.Д. Сказкина на аграрном симпозиуме. См.: ЕАИ за 1958 г. С. 141.

⁶⁰ Ленин В.И. Соч. Т. 29. С. 439.

⁶¹ Струмилин С.Г. О мерах феодальной России // Вопросы истории народного хозяйства СССР. М., 1957; Спасский М.Г. Денеж-

ное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1955. Т. 44; и др.

⁶² См.: Ленин В.И. Соч. Т. 3. С. 329.

⁶³ Определение акад. С.Д. Сказкина см.: ЕАИ за 1959 г. С. 364.

⁶⁴ Струмилин С.Г. К вопросу о генезисе капитализма в России // ВИ. 1961. № 9; Он же. О внутреннем рынке России XVI—XVIII вв. // И СССР. 1959. № 4. Далее: Струмилин. (К вопросу о генезисе капитализма); Голобуцкий В.А. О начале нисходящей стадии феодальной формации // ВИ. 1959. № 5. Критические замечания по поводу этих статей В.К. Яценским (И СССР. 1960. № 2. С. 196) и А.Л. Сидоровым (ВИ. 1961. № 12. С. 34—35).

⁶⁵ Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1960. С. 212.

⁶⁶ Струмилин. К вопросу о генезисе капитализма. С. 62—63.

⁶⁷ См.: Ленин В.И. Соч. Т. 3. С. 329.

⁶⁸ Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960.

⁶⁹ Ленин В.И. Соч. Т. 26. С. 229.

⁷⁰ Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому государству. Л., 1955.

⁷¹ Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Очерки социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957. (Далее: Пронштейн. Великий Новгород). К сожалению, А.П. Пронштейн недостаточно охарактеризовал губительные последствия похода Ивана IV в Новгород в 1570 г. См. также: Рабинович Г.С. Ремесло и мелкое товарное производство в Новгороде XVI в. // УЗ ЛГПИ. Т. СХХХІ.

⁷² Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. 2-е изд. М., 1956 (1-е изд. вышло в 1952 г.).

⁷³ Громыко М.М. Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. М., 1960. Т. XVII.

⁷⁴ Энгельс Ф. Конспект первого тома "Капитала" Маркса. М., 1932. С. 17.

⁷⁵ Подтверждения этому находим и в интересной статье: Хорошкевич А.Л. Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии // ВИ. 1960. № 2.

⁷⁶ Шапиро. Об имущественном неравенстве. С. 35.

⁷⁷ Данилова. Исторические условия. С. 138; Дружинин Н.М. Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации // Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей. Л., 1958. (Далее: Дружинин. Социально-экономические условия). С. 196.

⁷⁸ Дружинин. Социально-экономические условия. С. 193.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 728.

⁸⁰ Ленин В.И. Соч. Т. 20. С. 368.

⁸¹ Там же. С. 372.

⁸² Тихомиров М.Н. О происхождении названия "Россия" // ВИ. 1953. № 11. [Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. (Далее: Тихомиров. Российское государство). С. 11—17].

⁸³ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XVI веках. М., 1960. (Далее: Черепнин. Образование). С. 5—6.

⁸⁴ Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XV века. М.; Л., 1958. (Далее: Смирнов. Очерки). С. 3.

⁸⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки соц.-экон. и полит. истории России XVI в. М., 1960. (Далее: Зимин. Реформы). С. 224.

⁸⁶ Смирнов. Очерки. С. 3.

⁸⁷ Сахаров А.М. В.И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // ВИ. 1960. № 4. С. 85—86.

⁸⁸ Цит. по: Энгельс Ф. Заметки о Германии // Крестьянская война в Германии. М., 1952. С. 166. См. об этом: Данилова. Исторические условия. С. 126.

⁸⁹ Ленин В.И. Соч. Т. 1. С. 137.

⁹⁰ Каштанов С.М. Из истории последних уделов // ТМГИАИ. М., 1957. Т. 10; Он же. Ограничение феодального иммунитета правительством русского централизованного государства в 1-й трети XVI века // ТМГИАИ. М., 1958. Т. 11; Шульгин В.С. Ярославское княжество в системе Русского централизованного государства в конце XV — первой половине XVI в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 4. (Далее: НДВШ).

⁹¹ Ленин В.И. Соч. Т. 8. С. 178.

⁹² Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. Гл. VI. (Далее: Носов. Очерки).

⁹³ Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // УЗ МГУ. М., 1954. Вып. 167. С. 26—27 [опубл. в наст. издании].

⁹⁴ Шмидт С.О. Соборы середины XVI века // И СССР. 1960. № 4.

⁹⁵ Зимин А.А., Преображенский А.А. Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.) // ВИ. 1957. № 12. С. 140—141; Самсонов А.М. Антифеодальные народные движения в России и церковь. М., 1955.

⁹⁶ Носов. Очерки.

⁹⁷ Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI века // И СССР. 1959. № 6.

⁹⁸ Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI в. // И СССР. М., 1958. Т. 63; Он же. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 год; Он же. Список наместников в первой половине XVI в. // АЕ за 1960 год.

⁹⁹ Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания центрального государствен-

ного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961. С. 193. (Далее: Леонтьев. Приказы).

¹⁰⁰ Смирнов. Очерки. Ч. III; Зимин. Реформы. Гл. VIII; Он же. О сложении приказной системы на Руси // Докл. и сообщ. Ин-та истории АН СССР. М., 1954. Вып. 3; Он же. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // ИЗ. М., 1956. Т. 55; Он же. "Приговор" 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве // И СССР. 1958. № 1; Он же. К изучению таможенной реформы середины XVI в. // ИА. 1961. № 6; Тихонов Ю.А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. / ИЗ. М., 1955. Т. 53; Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954; Он же. О классификации центральных правительственных учреждений XVI—XVII вв. // ИА. 1958. № 1; Буганов В.И. Государев разряд 1556 г. и реформы 50-х годов XVI в. // И СССР. 1957. № 5; Поляк А.Г. Комментарии к изданию "Памятники русского права". М., 1956. Вып. IV; Волынский В. Назревшие вопросы в изучении истории развития приказного управления на Руси // Сборник студенческих работ Среднеазиатского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Ташкент, 1956. Вып. IV; Шмидт С.О. Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений: Опыт изучения описи Царского архива // ТМГИАИ. М., 1957. Т. 8; Он же. Царский архив, и др.

¹⁰¹ Смирнов. Очерки. Ч. II; Зимин. Реформы. Гл. VII; Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева; Альшиц Д.Н. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // И СССР. 1959. № 4; и др.

¹⁰² Ленин В.И. Соч. Т. 17. С. 93, 94.

¹⁰³ Там же. Т. 4. С. 243.

¹⁰⁴ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы "Казанской войны" (1545—1549) // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 6. С. 249—253. (Далее: Казанская война).

¹⁰⁵ Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине при Иване IV // ВИ. 1956. № 9.

¹⁰⁶ Зимин А.А. Преобразования государственного аппарата в годы опричнины // НДВШ. Исторические науки. 1961. № 4.

¹⁰⁷ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год; Он же. Социальный состав опричного двора // АКД. М., 1961. В том же плане исследуется персональный состав верхушки земских деятелей в работе: Печуро С.С. Земские служилые люди в годы опричнины: К постановке вопроса // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 16.

¹⁰⁸ Корецкий В.И. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича "великим князем всеа Руси" // ИА. 1959. № 2; Каштанов С.М. О внутренней политике Ивана Грозного в период "великого княжения" Симеона Бекбулатовича // ТМГИАИ. М., 1961. Т. 16; Шмидт С.О. Неизвестные документы XVI века // АИ. 1961. № 4.

¹⁰⁹ Черепнин Л.В. Основные этапы развития феодализма в России

// Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г.: Докл. советской делегации. М., 1956. С. 159.

¹¹⁰ Гальперин Г.Б. К вопросу о форме правления Русского государства XV — первой половины XVI в. // УЗ ЛГУ. Л., 1958. Вып. 255.

¹¹¹ См.: Ленин В.И. Соч. Т. 17. С. 47.

¹¹² Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. // ВИ. 1958. № 5. [Тихомиров. Российское государство. С. 42—69.]

¹¹³ Tcherepnine L. Le rôle des zemski Sobory en Russie lors de la guerre des paysans au debut du XVIIe siecle // Album Helene Maud Cam. Louvain; Paris, 1960. P. 249—266; Шмидт С.О. Соборы середины XVI в. // ИСССР. 1960. № 4.

¹¹⁴ [См. вышедшие позднее труды: Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исслед. соц.-полит. истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 120—161. (Далее: Шмидт. Становление); Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.].

¹¹⁵ Каштанов С.М. К проблеме местного управления в России первой половины XVI в. // ИСССР. 1959. № 6. С. 141; и сл.

¹¹⁶ Интересные соображения на этот счет см. в кн.: Зимин. Реформы. С. 398.

¹¹⁷ Архив Маркса и Энгельса. Т. IX. С. III.

¹¹⁸ [Подробнее см.: Шмидт. Становление. С. 262—307].

¹¹⁹ Зимин. Реформы. С. 167.

¹²⁰ Бахрушин. Труды. Т. II. С. 356.

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 416.

¹²² Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 67—68.

¹²³ Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961; Шмидт С.О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Там же.

¹²⁴ Шмидт С.О. Казанская война (1545—1549) // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 6; Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х годах XVI в. // УЗ Саратов. гос. ун-та. Харьков, 1956. Т. XVII.

¹²⁵ Кумыков Т.Х. К вопросу о присоединении Кабарды к России: Сб. по истории Кабарды // Тр. Кабард. науч.-исслед. ун-та при СМ Кабардинской АССР. Нальчик, 1956. Вып. 5.

¹²⁶ Месхиа Ш.А., Цинцадзе Я.З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений X—XVIII вв. Тбилиси, 1958; Юлдашев М.Ю. Некоторые документальные данные о связях Средней Азии с Россией (XVI—XVII вв.) // Изв. АН УзССР. Сер. обществ. наук. Ташкент, 1958. № 4.

¹²⁷ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. 1; Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1; Емельянов И.П. Очерки по истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958; Очерки по истории Баш-

кирской АССР. Уфа, 1957. Т. 1, ч. 1; Очерки Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957.

¹²⁸ *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к России // Материалы к истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. (Далее: *Тихомиров. Присоединение Чувашии*); [*Тихомиров. Российское государство. С. 91—115.*] *Гимади Х.Г.* Об историческом значении присоединения Татарии к Русскому государству // Изв. Казан. филиала АН СССР. Сер. гум. наук. 1955. Вып. 1. См. его статью в кн.: 440-летие присоединения Башкирии к Русскому государству: Сборник. Уфа, 1958; *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960; *Алексеева Е.П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957; и др.

¹²⁹ *Бояршинова Э.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; *Сергеев В.И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // ВИ. 1959. № 1.

¹³⁰ *Зутис Я.Я.* К вопросу о ливонской политике Ивана IV // Изв. СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. 9. № 2; *Лиги Х.М.* Положение и классовая борьба эстонского крестьянства в начале Ливонской войны (1558—1561). Таллин, 1961.

¹³¹ *Круус Х.Х.* Балтийский вопрос в XVI в. в зарубежной исторической литературе // ВИ. 1959. № 6.

¹³² *Королук В.Д.* Ливонская война. М., 1954.

¹³³ *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

¹³⁴ *Новицкий Г.А.* Русско-шведские отношения в середине XVI века и война 1554—1557 гг. // Вестн. МГУ. 1956. № 2; Он же. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях XVI века // Скандинавский сборник. Таллин, 1957. Вып. II.

¹³⁵ *Дербов Л.А.* Борьба русского государства за Прибалтику и Белоруссию в 60-х годах XVI века // УЗ Саратов. гос. ун-та. Харьков, 1956. Т. XVII; Он же. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576) // Там же. Саратов, 1954; Т. XXXIX; *Снесаревский П.В.* Миссия Поссевино в России. Происки Ватикана в России во 2-й половине XVI века // УЗ Калинингр. гос. пед. ин-та. 1955. Вып. 1.

¹³⁶ *Кужелёва Л.Н.* О боевом использовании артиллерии в важнейших сражениях Ливонской войны 1558—1583 гг. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1958. Вып. 3.

¹³⁷ См.: *Зимин. Реформы. С. 472.*

¹³⁸ Данные о разорении см. в работах Б.Д. Грекова, А.И. Копанева, В.В. Дорошенко и других авторов.

¹³⁹ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 165.

¹⁴⁰ См.: Там же.

¹⁴¹ *Накашидзе Н.И.* Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1955; *Прончатов Н.Ф.* Англо-русские отношения в конце XVI в. (80—90-е годы) // АКД. Горький, 1955.

¹⁴² *Жордания Г.* Очерки по истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959. Ч. 1.

¹⁴³ *Лурье Я.С.* Известия о Варфоломеевской ночи в русских "посольских делах" XVI в. // ВИРА. М., 1958. Вып. VI; Он же. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 г.: По материалам Венского архива // АЕ за 1957 год; Он же. Католическая реакция и подготовка интервенции против Русского государства. Конец XVI — начало XVII в. // Ежегодник музея истории религии и атеизма. М.; Л., 1957. Вып. 1.

¹⁴⁴ *Поршнев Б.Ф.* К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. // УЗ Академии общественных наук. М., 1948. Вып. II.

¹⁴⁵ *Лурье Я.С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в.: К постановке вопроса // Международные связи России до XVII в.; *Шахмалиев Э.М.* Об англо-русских торговых противоречиях на Переднем Востоке второй половины XVI в. // УЗ Азербайд. гос. ун-та. 1958. № 5; Он же. Англо-венецианские торговые противоречия на Переднем Востоке второй половины XVI в. // Там же. 1957. № 12.

¹⁴⁶ *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.

¹⁴⁷ Доклад акад. М.П. Алексеева на IV Международном конгрессе славистов в Москве в 1958 г. См.: Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.) // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960.

¹⁴⁸ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. (Далее: *Зимин. Пересветов*). На эту книгу были напечатаны рецензии в советских изданиях (ВИ. 1959. № 4; ИСССР. 1959. № 1; Вестн. истории мировой культуры. 1958. № 5; Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка. 1959. Т. XVIII. Вып. 5; Изв. высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1960. № 1; Вест. МГУ. Сер. экономики, философии и права. 1959. № 3), а также в зарубежных: *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas*. Berlin, 1960. Bd. 4; *Analele Romino-Sovietice. Seria istorice*. 1961. N 1(33); *Slavonic and East-European Review*. London, 1959. N 89.

¹⁴⁹ *Моисеева.* Валаамская беседа.

¹⁵⁰ *Лапшина Р.Г.* Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. IX; *Шелестов Д.К.* Свободомыслие в учении Феодосия Косого (50—60-е годы XVI в.) // ВИРА. М., 1954. Сб. II; *Корецкий В.И.* К вопросу о социальной сущности "нового учения" Феодосия Косого // Вестн. МГУ. Сер. ист.-фил. 1956. № 2.

¹⁵¹ См.: *Ленин В.И.* Национальный вопрос (тезисы по памяти) // Ленинский сборник. М., 1937. Т. XXX. С. 62.

Социально-политическая история.
Государственный строй

Правительственная деятельность А.Ф. Адашева

- ¹ Ленин В.И. Соч. Т. 8. С. 178.
- ² ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 620—621; Т. 13. С. 155, 455, 457; Т. 20. С. 472; Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М., 1951. Т. VII. С. 292. (Далее: Хронографическая летопись).
- ³ Смирнов И.И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9/10. С. 107—108; Бахрушин С.В. Предпосылки "Всероссийского рынка" в XVI в. // УЗ МГУ. М., 1946. Вып. 87. С. 60—63.
- ⁴ Летопись издана дважды по спискам XVIII в. А.А. Титовым: Летопись Великоустюжская. М., 1889. С. 47; Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1902. С. 6.
- ⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 307.
- ⁶ ПИГ. С. 27.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. IV. С. 405. Примеч. 1.
- ⁸ ЛЗАК. Вып. 16. С. 193.
- ⁹ Хронографическая летопись. С. 291—292.
- ¹⁰ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1939. С. 38—39. [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 358].
- ¹¹ ПИГ. С. 36—37.
- ¹² Яковлев А.И., Яковлева О.А. Новая летопись // Огонек. 1950. № 42. С. 21.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 131; Т. 20. С. 449, 452; ЦГАДА. Дела Турецкие. Кн. 2. Л. 4.
- ¹⁴ ПИГ. С. 36.
- ¹⁵ ПИГ. С. 33, 94; РИБ. Т. XXXI. Стб. 165.
- ¹⁶ ЦГАДА. Дела Крымские. Кн. 10. Л. 84.
- ¹⁷ ДРВ. Ч. XIII. С. 33, 34.
- ¹⁸ ДРК. С. 124, 126.
- ¹⁹ ПИГ. С. 37.
- ²⁰ Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1942. С. 16.
- ²¹ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 632.
- ²² РИБ. Т. XXI. Стб. 170.
- ²³ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 157. (Далее: Лихачев Н.П. Дьяки).
- ²⁴ Старина и новизна. СПб., 1907. Кн. 12. С. 319; Чт. МОИДР. М., 1848. Кн. 7. С. 86.
- ²⁵ Синодик Московского Богоявленского монастыря (рукопись XVI в.) ГПБ ОР: Рукописи гр. Толстого. IV. № 196 (рукопись мне

любезно указала О.А. Яковлева); Синодик Костромского Богоявленского монастыря (1584 г.) ГА Костромской обл. Ф. 558, № 3. Л. 88об. — 89; Синодик Московского Чудова монастыря (рукопись XVI в.); Лихачев Н.П. Дьяки. С. 136—137.

²⁶ См.: Русский биографический словарь. Т. 1. Статья "Адашевы".

²⁷ ПСРЛ. Т. 5. С. 103; Т. 13. С. 49; Т. 24. С. 155.

²⁸ АЗР. Т. IV. С. 376.

²⁹ Турецко-русский словарь / Под ред. В.А. Гордлевского. М., 1945.

³⁰ См.: ЧОИДР. 1912. Кн. 4. С. 243; Временник МОИДР. Т. X. С. 244; ТКДТ. С. 62, 72, 122, 165, 75, 179; Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. по писцовым книгам. Киев, 1914. С. 74, 87, 201.

³¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 170, 278.

³² ЦГАДА. Портфели Миллера. № 285. Тетр. 1-я. Д. 6.

³³ Петров П.Н. История родов Российского дворянства. СПб., 1886. Т. 1. С. 82—83.

³⁴ Лихачев Н.П. О происхождении А.Ф. Адашева, любимца царя Ивана Грозного // Ист. вестн. 1890. Май. Т. 40.

³⁵ Лихачев Н.П. "Государев Родословец" и род Адашевых. СПб., 1897. С. 5. (Далее: Лихачев Н.П. "Государев Родословец").

³⁶ Мятлев Н.В. Тысячники и московское дворянство XVI ст. Орел, 1912. С. 16, 28; ТКДТ. С. 57, 148.

³⁷ ГА Костромской обл. Ф. 558. № 3. Л. 88об. — 89.

³⁸ Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1881. Т. 1. С. 255; Там же воспроизведена фотокопия этой грамоты.

³⁹ ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии. № 5600.

⁴⁰ Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отд. 3-й для Костромской и Плесской десятины (по документам XV—XVIII вв.). М., 1912. Вып. 5. С. 156—157.

⁴¹ ЦГАДА. Центр. Гос. Межевой архив Костром. губ. Экон. примеч. по Кинешем. уезду (дело № 22). Порядковый номер по описи 568.

⁴² ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии. № 1195, 3785, 4994, 8866.

⁴³ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. С. 146. (Далее: Веселовский. Феодальное землевладение).

⁴⁴ ПИГ. С. 37.

⁴⁵ ЦГАДА. Центр. Гос. Межевой Архив Костром. губ. Д. 42. Л. 59. Порядковый номер по описи 448.

⁴⁶ О добыче соли в районе р. Солоницы см.: Курочкин А.Г. Посад Большие соли Костромского уезда // Костром. ведомости. 1886. 26 нояб. № 47.

⁴⁷ Веселовский. Феодальное землевладение. С. 152—153.

⁴⁸ Этим указанием обязан покойному Сергею Владимировичу Бахрушину.

- ⁴⁹ Лихачев Н.П. "Государев Родословец". С. 5; Сб. РИО. Т. 59. С. 44.
- ⁵⁰ ААЭ. Т. 1. № 256.
- ⁵¹ ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии. № 1195, 8866.
- ⁵² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях. СПб., 1874. Т. 1. С. 413.
- ⁵³ ПИГ. С. 36—37.
- ⁵⁴ Цит. по: Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1816—1829. Т. 1—12. Т. VIII. Примеч. 184. (Далее: Карамзин. История). Собрание Государственных Грамот и Договоров. Т. II. № 37.
- ⁵⁵ Васенко П.Г. Хрущовский список "Степенной книги" и известие о земском соборе 1550 г. // ЖМНП. 1903. Апр.; Шмидт С.О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. М., 1950. Т. 7, вып. 5. С. 446 (Далее: Шмидт. Челобитенный приказ).
- ⁵⁶ Лихачев Н.П. Дьяки. С. 169.
- ⁵⁷ Садилов П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1951. С. 531. (Далее: Садилов. Очерки).
- ⁵⁸ ПИГ. С. 526.
- ⁵⁹ Грек Максим. Казань, Соч. 1859. Т. II. С. 348.
- ⁶⁰ ДРВ. Ч. XIII. С. 37, 38, 39; ДРК. С. 4.
- ⁶¹ Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548 г. // Изв. Археол. общества. 1861. Т. III. С. 49.
- ⁶² ПИГ. С. 39—40.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.
- ⁶⁴ РИБ. Т. XXXI. Стб. 210.
- ⁶⁵ ААЭ. Т. 1. № 238. С. 246.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 235.
- ⁶⁷ ДРВ. Ч. XIII. С. 58, 59; ДРК. С. 5.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 238.
- ⁶⁹ ДРВ. Ч. XX. С. 40.
- ⁷⁰ ЦГАДА. Ф. 125. Без номера.
- ⁷¹ ДРК. С. 173, 181, 188, 212.
- ⁷² ДРВ. Ч. XIII. С. 75, 78, 79, 82; ДРК. С. 9.
- ⁷³ Местничество. Дела, собранные П.И. Ивановым // РИС. М., 1838. Т. II. С. 61—66 (подч. мной. — С.Ш.).
- ⁷⁴ ДРВ. Ч. III. С. 62; ДРК. С. 166.
- ⁷⁵ Записки отделения Русской и славянской археологии Археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. Отд. III. С. 70.
- ⁷⁶ РИБ. Т. XXXI. Стб. 210, 246, 237.
- ⁷⁷ ДРВ. Ч. XX. С. 38; ДРК. С. 165.
- ⁷⁸ ДРК. С. 161.
- ⁷⁹ Неволлин К.А. Собр. соч. Т. VI. С. 155.
- ⁸⁰ Сергеевич В.И. Древности русского права. СПб., 1903—1909. Т. 1—3; Т. 1. С. 461 и сл. (Далее: Сергеевич. Древности); Забелин И.Е.

Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1918. Ч. 1; М., 1915. Ч. 2. С. 395. (Далее: Забелин. Домашний быт).

⁸¹ ПИГ. С. 38.

⁸² Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 29. (Далее: Котошихин).

⁸³ Лихачев Н.П. "Государев Родословец". С. 37.

⁸⁴ ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии. № 7741.

⁸⁵ Сергеевич. Древности. Т. 1. С. 462, 463.

⁸⁶ ДРК. С. 165.

⁸⁷ ГБЛ ОР. Фонд И.Д. Беляева. № 6. (1512). Л. 491, 493.

⁸⁸ Забелин. Домашний быт. С. 330, 347, 349, 354, 355, и сл.

⁸⁹ Там же. С. 299, 320—325.

⁹⁰ Савва В. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 191—200. (Далее: Савва. Посольский приказ).

⁹¹ Веселовский С.Б. Две заметки о Боярской думе // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 299. (Далее: Сб. Платонову. 1911).

⁹² РИС. М., 1838. Т. II. С. 96.

⁹³ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 259. (Далее: Ключевский. Боярская дума); Сергеевич. Древности. Т. 1. С. 423. Лихачев Н.П. Дьяки. С. 168.

⁹⁴ Лихачев Н.П. Думное дворянство в Боярской думе XVI в. СПб., 1896. (Далее: Лихачев Н.П. Думное дворянство).

⁹⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 666.

⁹⁶ Сб. РИО. Т. 53. С. 40. (1519 г.); АЗР. Т. II. С. 252 (1534 г.); Сб. РИО. Т. 59. С. 301. (1549 г.) и т.д.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 431.

⁹⁸ Там же. С. 522.

⁹⁹ ДРК. С. 161.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 472.

¹⁰¹ РИС. Т. II. С. 38, 65.

¹⁰² Сб. РИО. Т. 59. С. 301.

¹⁰³ Лихачев Н.П. Думное дворянство.

¹⁰⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 666.

¹⁰⁵ Там же. Т. 59. С. 468—469.

¹⁰⁶ ДРК. С. 173.

¹⁰⁷ Памятники дипломатических сношений Древней России. 1851. Т. 1. С. 483, 501; Сб. РИО. Т. 38. С. 85.

¹⁰⁸ Сб. РИО. Т. 35. С. 262.

¹⁰⁹ Щербачев Ю. Два посольства при Иване IV в Дании // Русский вестн. 1887. Июль. С. 116 (подч. мной. — С.Ш.).

¹¹⁰ Хронографическая летопись. С. 296.

¹¹¹ Иконников В.С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 469. (Далее: Иконников. Максим Грек).

¹¹² Ржиги В.Ф. И.С. Пересветов — публицист XVI века. М., 1908. С. 79—80.

- ¹¹³ Катаев И.М., Кабанов А. Описание актов собрания графа Уварова. М., 1905. № 56. С. 63—64.
- ¹¹⁴ ААЭ. Т. 1. № 289. С. 349.
- ¹¹⁵ См.: Шмидт. Челобитенный приказ.
- ¹¹⁶ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. № 12, 113. (Далее: Наместничьи... грамоты Московского государства).
- ¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 26.
- ¹¹⁸ Наместничьи... грамоты Московского государства. С. 32.
- ¹¹⁹ Грамота, по копии середины XVIII ст., опубл. в прил. к кн.: Латкин Н.В. Дневник путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. СПб., 1852. Ч. 2.
- ¹²⁰ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 332 и сл.
- ¹²¹ Амвросий. История Российской иерархии. М., 1815. Ч. VI. С. 413—418, 422—433.
- ¹²² АИ. Т. 1. № 154.
- ¹²³ Шмидт. Челобитенный приказ. С. 457—458.
- ¹²⁴ ГБЛ ОР. Муз. 6689. Л. 237—242 об.
- ¹²⁵ Наместничьи... грамоты Московского государства. С. 69—73.
- ¹²⁶ ДДГ. С. 363.
- ¹²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 152.
- ¹²⁸ Забелин. Домашний быт. С. 350 и сл.
- ¹²⁹ ЦГАДА. Дела Крымские. Кн. 10. Л. 8 об.
- ¹³⁰ ДДГ. С. 363.
- ¹³¹ Временник МОИДР. М., 1850. Кн. 7.
- ¹³² Лихачев Н.П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 26 (ср.: ААЭ. Т. 1. № 289. Ящик 36). (Далее: Лихачев Н.П. Библиотека).
- ¹³³ Лихачев Н.П. Библиотека. С. 58, 63.
- ¹³⁴ Опись Царского архива опубл. не вполне исправно в: ААЭ. Т. 1. № 289 (подч. мной. — С.Ш.)
- ¹³⁵ Забелин И.Е. Заметка к спору о Царском архиве // Археол. изв. и заметки. 1894. № 8/9. С. 3. (Далее: Забелин. Заметки к спору).
- ¹³⁶ ГБЛ ОР. Ф. Беяева. № 6 (1512). Л. 493 (подч. мной. — С.Ш.)
- ¹³⁷ ДРК. С. 145.
- ¹³⁸ ДРВ. Т. XX.
- ¹³⁹ ТКДТ. С. 55, 57.
- ¹⁴⁰ ДРК. С. 161.
- ¹⁴¹ Бахрушин С.В. "Избранная рада" Ивана Грозного // ИЗ. Т. 15. С. 43—44.
- ¹⁴² АИ. Т. 1. № 154. Указы III, VII, VIII.
- ¹⁴³ Белокуров С.А. О Посольском приказе в XVI в. М., 1906; Савва. Посольский приказ. Вып. 1. С. 372 и сл.
- ¹⁴⁴ Сб. РИО. Т. 59. С. 611.
- ¹⁴⁵ ААЭ. Т. 1. № 289. С. 354.

- 146 Об участии Адашева в летописании см.: Ясинский А.Н. Московский государственный архив в XVI в. Киев, 1889. (Далее: Ясинский. Архив); Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1983. С. 26. (Далее: Пресняков. Царственная книга); Лавров Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК. Вып. 1/34.
- 147 Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1940. Т. 1. С. 131.
- 148 ААЭ. Т. 1. № 289. С. 354.
- 149 Временник МОИДР. М., 1850. Кн. 7. С. 7.
- 150 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. Л., 1947. С. 372. (Далее: Лихачев Д.С. Летописи).
- 151 Забелин. Заметки к спору.
- 152 Шумаков С.А. К истории Московских приказов // Юрид. записки. 1911. Вып. II/III. С. 521.
- 153 Лихачев Д.С. Летописи. С. 370.
- 154 Лихачев Н.П. Дьяки. С. 551; Он же. "Государев Родословец".
- 155 Судебник. 2-е изд. С. 129.
- 156 Ленин В.И. Соч. Т. 1. С. 137.
- 157 РИБ. Т. XXXI. Стб. 134.
- 158 Лихачев Н.П. "Государев Родословец". С. 7.
- 159 ДРК. С. 181.
- 160 ПСРЛ. Т. 13. С. 271; Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // ИЗ. Т. 10. С. 91. (Далее: Тихомиров. Малоизвестные памятники).
- 161 Прил. к кн.: Лихачев Н.П. Библиотека.
- 162 Зимин А.А. Предисловие к изданию ТКДТ. С. 16—18.
- 163 ТКДТ. С. 167.
- 164 Там же.
- 165 РИБ. Т. XXXI. Стб., 172—173.
- 166 Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI ст.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. С. 5.
- 167 ПИГ. С. 37—38.
- 168 Сб. РИО. Т. 129. С. 32.
- 169 ПСРЛ. Т. 13. С. 238.
- 170 Виппер Р.Ю. Общество, государство и культура Запада в XVI в. // Мир Божий. 1897. Апр. С. 102.
- 171 ПИГ. С. 209.
- 172 Чт. МОИДР. 1846—1847. Кн. VII. С. 10.
- 173 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. С. 933—934.
- 174 Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 165.
- 175 Сыромятников Б.И. Регулярное государство Петра Великого и его идеология. М., 1943. Ч. 1. С. 199.
- 176 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. VI. С. 370.

**Русские полоняники в Крыму
и система их выкупа в середине XVI века**

- ¹ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 79.
- ² ГИМ ОР. Синодальное собр. № 929. Л. 73. Житие Геннадия Костромского.
- ³ ЦГАДА. Дела крымские. Кн. 7. Л. 68; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. 1940. Вып. 61. С. 15. (Далее: Сыроечковский. Мухаммед-Герай).
- ⁴ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 436.
- ⁵ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1. С. 18–19. (Далее: Мемуары).
- ⁶ ГИР ОР. Воскресенское собр. № 55. Л. 50 об.
- ⁷ Мемуары. С. 18.
- ⁸ Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории древностей. Одесса, 1867. Т. VI. С. 359. (Далее: Броневский).
- ⁹ Lamansky W. Les Secret d'Etat de Venise et les relations de la republique a la fin du XV et au XVI siecle avec les grecs, les slaves et les turcs. SPb., 1883. P. 380. (Далее: Lamansky. Les Secrets).
- ¹⁰ Мемуары. С. 20; Lamansky. Les Secrets. P. 382.
- ¹¹ Бережков М.Н. Русские пленные и невольники в Крыму // Тр. VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. II. С. 355–356. (Далее: Бережков).
- ¹² Там же. С. 358–359.
- ¹³ ГИМ ОР. Синодальное собр. № 929. Л. 71 об.–72.
- ¹⁴ Там же. Воскресенское собр. № 55. Л. 51.
- ¹⁵ ГБЛ ОР. Четьи-Миней Германа Тулупова. № 673. Л. 329 об.; Собр. Уварова. № 533. Л. 22.
- ¹⁶ Бережков. С. 355–359.
- ¹⁷ Лохвицкий А. О пленных по древнерусскому праву (XV – XVII вв.). М., 1855. Гл. III. С. 4 и сл.
- ¹⁸ ЦГАДА. Дела Крымские. Кн. 8. Л. 173 и сл.
- ¹⁹ Там же. Кн. 10. Л. 131.
- ²⁰ Макарьевский Стоглавник // Тр. Новгород. губерн. учен. арх. комиссии. 1912. В. 1. (Далее: Макарьевский стоглавник).
- ²¹ Стоглав. Изд-е Кожанчикова. СПб., 1883. С. 224. (Далее: Стоглав).
- ²² Сыроечковский. Мухаммед-Герай. С. 15.
- ²³ Макарьевский стоглавник. С. 20, 104.
- ²⁴ Там же. С. 20, 105; Стоглав. С. 45.
- ²⁵ Броневский. С. 357, 363–364.
- ²⁶ ГИМ ОР. Воскресенское собр. № 55. Л. 49 об.–50.
- ²⁷ Полосин И.И. "Закуп" и "вдач" по Русской Правде // УЗ Ин-та истории РАН ИОН. М., 1928. Т. 5. С. 191.
- ²⁸ ЦГАДА. Дела Крымские. Кн. 9. Л. 29 об., 32 об.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. 9. Ст. 146, 445.
- ³⁰ ЦГАДА. Дела Крымские. Кн. 9. Л. 23.

³¹ Там же. Л. 22–24, 29 об., 32, 52–54.

³² Мемуары. С. 21.

³³ ЦГАДА. Дела Крымские. Кн. 9. Л. 24–24 об., 54 об.–55.

³⁴ Там же. Л. 29.

³⁵ ПИГ. С. 47.

³⁶ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 44, 268; Шмидт С.О. Казанская война С. 207–208, 228–234.

³⁷ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Ч. 1. С. 31–32, 312–315.

³⁸ Сборник Муханова. М., 1836. № 76.

Книга А.А. Зимина "Реформы Ивана Грозного"

¹ Назовем лишь некоторые из них: О сложении приказной системы на Руси // Докл. и сообщения Ин-та истории АН СССР. 1954. № 3; К истории военных реформ 50-х годов XVI в. // ИЗ. М., 1956. Кн. 55; Приговор 1555–1556 гг. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве // ИСССР. 1958. № 1; И.С. Пересветов и его современники. М.; Л., 1958; Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 год. М., 1958; О составе дворцовых учреждений в XVI в. // ИЗ. М., 1958. Кн. 63. Отметим также важнейшие публикации: Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / Под ред. М.Н. Тихомирова и А.А. Зимина. М., 1948; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50–60-х годов XVI в. М.; Л., 1950; Сочинения И.С. Пересветова / Подг. текст А.А. Зимин. М.; Л., 1950; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Подг. к печати А.А. Зимин. М., 1956. Ч. 2. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. Сер. "Памятники русского права". М., 1956. Вып. 4, и др.

² Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 203–245.

³ См. список ее печатных трудов в кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков // ТЛОИИ АН СССР. М.; Л., 1960. Вып. 2. С. 488–493.

⁴ Пронштейн. Великий Новгород. С. 239, 242.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 418.

⁶ См.: Ленин В.И. Соч. Т. 1. С. 137.

⁷ Зимин А.А. О составе дворцовых учреждений в XVI в. // ИЗ. М., 1958. Т. 63. С. 202.

⁸ Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 30–31.

⁹ ДРК. С. 1, 6.

¹⁰ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ. 1957. С. 70. (Далее: Зимин. Боярская дума).

¹¹ Моисеева Г.Н. Старшая редакция "Писания" митрополита Макария Ивану IV // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 470.

¹² Зимин. Пересветов. С. 83–84.

¹³ ПСРЛ. Т. 8. С. 297; Очерки истории исторической науки в

СССР. М., 1955. Т. 1. С. 77 (глава написана академиком М.Н. Тихомировым).

¹⁴ Шмидт С.О. Соборы середины XVI века // ИСССР. 1960. № 4. С. 79—80.

¹⁵ Об этой грамоте см. Каштанов С.М. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548) // ИЗ. М., 1960. Т. 66. С. 264.

Дьячество в России середины XVI века

¹ Носов. Очерки. С. 44.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 269.

³ РИБ. Т. 3. Стб. 247.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 675.

⁶ Цит. по: Любич-Романовский В. Сказания иностранцев о России XVI и XVII вв. СПб., 1843. С. 21.

⁷ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. и коммент. И.И. Полосина. М., 1925. С. 78—85. (Далее: Штаден); Леонтьев. Приказы. С. 32.

⁸ Пронштейн. Великий Новгород. С. 215—216; Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 135.

⁹ Цит. по: Клибанов А.И., Корецкий В.И. Послание Зиновия Отенского дьяку Я.В. Шишкину // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 220. (Далее: Клибанов, Корецкий).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 149—150.

¹¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 221, 490.

¹² Там же. Стб. 222.

¹³ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 391 и сл.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 448.

¹⁵ Тихомиров. Малоизвестные памятники. С. 86.

¹⁶ ПИГ. С. 33.

¹⁷ Хронографическая летопись. С. 288.

¹⁸ Смирнов. Очерки. С. 170 и сл.

¹⁹ Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // ИЗ. Т. 46. С. 280. (Далее: Тихомиров. Записки о регентстве).

²⁰ Сб. РИО. Т. 129. С. 32.

²¹ Лихачев Н.П. Дьяки. С. 157.

²² Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 100.

²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 237.

²⁴ Там же. С. 141.

²⁵ РИБ. Т. III. Стб. 249.

²⁶ Лихачев Н.П. Дьяки. С. 30, 131, 157; Местнический справочник XVII в. / Изд. Ю.В. Татищева. Вильна, 1910. С. 13, 26, 27, 41, 80 и др. (Далее: Местнический справочник).

²⁷ Лихачев Н.П. Дьяки. С. 140, 149.

- ²⁸ ПРП. Вып. IV. С. 366.
- ²⁹ Садилов. Очерки. С. 129 и сл.; Местнический справочник. С. 67.
- ³⁰ Лихачев Н.П. Дьяки. С. 132, 135—139, 549.
- ³¹ Цит. по: Мятлев Н.В. Челобитная Михаила Татищева. М., 1907. С. 5—6.
- ³² Лихачев Н.П. Дьяки. С. 258—462.
- ³³ Веселовский С.Б. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник // ПИ. М.; Л., 1940. Вып. II. С. 270.
- ³⁴ О его деятельности см.: Зимин. Пересветов. С. 42—44, 50.
- ³⁵ Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. М., 1935. С. 88—90. (Далее: Сыроечковский. Гости-сурожане).
- ³⁶ Домострой. М., 1908. С. 68.
- ³⁷ Пронштейн. Великий Новгород. С. 30, 147, 221—222.
- ³⁸ Сыроечковский. Гости-сурожане. С. 95.
- ³⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 243, 246.
- ⁴⁰ Лихачев Н.П. Дьяки: Указатель. С. 76.
- ⁴¹ Местнический справочник. С. 66.
- ⁴² Зимин. Боярская дума. С. 68, 70.
- ⁴³ Лихачев Н.П. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // Изв. Рус. генеалог. об-ва. СПб., 1900. Вып. 1. С. 117. (Далее: Лихачев Н.П. Родственные связи).
- ⁴⁴ Местнический справочник. С. 66—67.
- ⁴⁵ Лихачев Н.П. Родственные связи. С. 119.
- ⁴⁶ Кобеко Д.Ф. Дьяки Щелкаловы. СПб., 1908.
- ⁴⁷ Садилов. Очерки. С. 244, 313—316.
- ⁴⁸ Местнический справочник. С. 66—67.
- ⁴⁹ Штаден. С. 80, 81, 85.
- ⁵⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 403.
- ⁵¹ Тихомиров. Записки о регентстве. С. 283.
- ⁵² Клибанов, Корецкий. С. 218—219.

Восточная политика России накануне "Казанского взятия"

- ¹ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 гг. СПб., 1906. С. 373. (Далее: Олеарий).
- ² Масса Исаак. Краткое известие о Московии начала XVI в. М., 1937. С. 23. См. также: Горсей. С. 21; Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 284—285. (Далее: Савва. Московские цари).
- ³ Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1953. С. 247—248; (Далее: Гудзий. История); Соколова В.К. Русские исторические песни XVI в. // Славянский фольклор. М., 1951. С. 19 и сл.
- ⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 363.
- ⁵ Руссов Б. Хроника. [Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края]. Рига, 1879. Т. II. С. 336.

⁶ Цит. по: Коган-Бернштейн Ф.А. Жан Боден. Жизнь и творчество. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1943. С. 16 (машинопись).

⁷ См. об этом: Виппер Р.Ю. Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 60. (Далее: Виппер. Иван Грозный). См. также: Поршнев Б.Ф. К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв. // УЗ Академии обществ. наук при ЦК КПСС: Вопр. истории. М., 1948. С. 10.

⁸ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 67—68; Шмидт. Казанская война. С. 194 и сл.

⁹ ПСРЛ. Т. 4. С. 342.

¹⁰ Из этих трудов выделяется в интересующем нас плане кн.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. (Далее: Худяков. Очерки).

¹¹ ОЦА (см.: Указатель).

¹² См.: Тихомиров. Присоединение Чувашии. С. 102. Он же. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 469.

¹³ Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // ИЗ. Т. 34. С. 239—240; Она же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 181 и сл.

¹⁴ См.: Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963. С. 303 и сл. (Далее: Греков. Очерки).

¹⁵ ЦГАДА. Ф. 127. Дела Ногайские. Кн. 4. Л. 33—40 об.; Бурдей Г.Д. Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50 годах XVI века // УЗ Саратов. гос. ун-та. Харьков, 1956. Т. XVII. С. 191.

¹⁶ ЦГАДА. Дела Ногайские. Кн. 4. Л. 20.

¹⁷ ДРК. С. 150—151.

¹⁸ Тихомиров. Присоединение Чувашии. С. 103—104.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 486.

²⁰ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. 1. С. 135—136.

²¹ ПСРЛ. Т. 19. С. 330.

²² ПСРЛ. Т. 13. С. 468. См.: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец // ЛЗАК. Вып. XVI. С. 405 и сл. (Далее: Кунцевич. Казанский летописец).

²³ ЦГАДА. Ф. 123. Дела Крымские. Кн. 10. Л. 95 об.

²⁴ Худяков. Очерки. С. 122.

²⁵ См. об этом: Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // УЗ МГУ. Кафедра истории СССР. М., 1954. Вып. 167. (Далее: Шмидт. Адашев).

²⁶ Архив Маркса и Энгельса. Т. VII. С. 246.

²⁷ Пискаревский летописец / Подг. к печ. О.А. Яковлева // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 56. (Далее: Пискаревский летописец).

²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 468.

- ²⁹ Там же. С. 468—469.
- ³⁰ Там же. С. 469—470.
- ³¹ Там же.
- ³² ОЦА. С. 39.
- ³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 470.
- ³⁴ Там же. С. 465; ДРК. С. 149.
- ³⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 466, 460; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 458—459, 472. (Далее: Веселовский. Опричнина).
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 479—480.
- ³⁷ Карамзин. История. Т. VIII. Примеч. 230.
- ³⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 470.
- ³⁹ ЦГАДА. Дела Ногайские. Кн. 4. Л. 104.
- ⁴⁰ Миллер В.Ф. К песням об Иване Грозном // Этногр. обозрение. 1904. № 3. С. 34—44. (Далее: Миллер. Песни).
- ⁴¹ История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 123.
- ⁴² Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. 1. С. 374.
- ⁴³ Там же. С. 377.
- ⁴⁴ Тихомиров. Россия в XVI столетии. С. 469.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 472.
- ⁴⁶ Худяков. Очерки. С. 132—133.
- ⁴⁷ ЦГАДА. Дела Ногайские. Кн. 4. Л. 75 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 61 и сл.
- ⁴⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 473.
- ⁵⁰ Там же. Т. 19. С. 90, 261.
- ⁵¹ Там же. Т. 8. С. 281, 291.
- ⁵² Там же. Т. 13. С. 473.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. С. 474.
- ⁵⁵ Там же. Ср.: Тихомиров М.Н. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания // ИЗ. Т. 13. С. 264.
- ⁵⁶ ГБЛ ОР. М., 1509. Л. 827 (Этот текст мне любезно указала С.А. Левина).
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 474.
- ⁵⁸ Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // Изв. Об-ва Археологии, истории и этнографии при Казанск. ун-те. Казань, 1899. Т. XV. С. 290; Миллер. Песни. С. 44—45.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 475.
- ⁶⁰ Там же. Примеч. 5.
- ⁶¹ ПСРЛ. Т. 19. С. 374—375; Казанская история / Подг. Г.Н. Монсеевой. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 111. (Далее: Казанская история).
- ⁶² ПСРЛ. Т. 6. С. 308—309.

¹ [Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.]

² См. также: Демьянов В.Г. Публикации и описания русских рукописей за рубежом с 1950 по 1960 г.: Библиогр. обзор // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 78—103.

³ АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 215—235.

⁴ См. об этом: Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Докл. сов. делегации. М., 1955. С. 56—78.

⁵ Корецкий В.И. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. (к проблеме заповедных лет и отмены Юрьева дня) // ИСССР. 1957. № 1.

⁶ ПРП. М., 1956. Вып. IV: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV—XVII вв.; Русские повести XV—XVII вв. М., 1972; Пронштейн А.П., Задера А.Г. Практикум по истории СССР. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1964; Материалы по истории крестьян в России XI—XVII вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958, и др.

⁷ ОЦА (там же указана литература)

⁸ Тихомиров М.Н. О библиотеке московских царей: Легенды и действительность // Новый мир. 1960. № 1. С. 196—202.

⁹ См.: Библиография русского летописания / Сост. Р.П. Дмитриева. М.; Л., 1962.

¹⁰ См.: Тихомиров М.Н. Русские летописи: вопросы их издания и изучения // Вестн. АН СССР. 1960. № 8.

¹¹ Хронографическая летопись.

¹² Исследования по славянскому литературоведению и фольклору: Сборник. М., 1960. С. 175—207. См. там же текст доклада А.А. Зимины на V Международном съезде славистов в Софии (1963) "Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв."

¹³ Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II: Документы по истории России XV—XVII вв.

¹⁴ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951. Ч. 2. Гл. 1. Архивы. (Далее: Черепнин. Архивы).

¹⁵ См.: Черепнин Л.В. У истоков архивоведения и актового источниковедения ("практической дипломатики") в России // Вопр. архивоведения. 1963. № 1.

¹⁶ Ретковская Л.С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. М., 1954. (Далее: Ретковская. Смоленский собор.); Сизов Е.С. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. (Далее: Сизов. Датировка).

¹ Статья по содержанию примыкает к ранее опубликованным работам автора "Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе (Сб.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 91—36 (особенно С. 105—115)) и "Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. (в послевоенные годы)" (ЕАИ. 1962. Минск, 1964. С. 181—194). В обеих работах указаны основные труды по этой тематике, и их названия в статье, как правило, не приводятся.

² Бобиньская Ц. Пробелы в источниках: Методол. анализ // ВИ. 1965. № 6. С. 80—81; Люблинская А.Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма // ТЛОИИ. Вып. 10. С. 282—283; Шмидт С.О. О Московском восстании 1547 г. // ТЛОИИ. Вып. 9. С. 114—116.

³ Подробнее см.: ЕАИ 1962. С. 181—182, 190—192.

⁴ Сербина К.Н. Из истории возникновения городов в России XVI в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 136.

⁵ Павленко Н.И. Спорные вопросы генезиса капитализма в России // ВИ. 1966. № 11. С. 87.

⁶ Черепнин Л.В. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в.: Из истории производительных сил и производственных отношений // ПИ. М., 1955. Вып. IV. Он же. Формирование класса феодально-зависимого крестьянства на Руси // ИЗ. Т. 56; Каштанов С.М. О происхождении понятия "крестьяне" и его применении в актовых источниках XIV—XVI вв. // Тез. докл. и сообщ. седьмой (Кишиневской) сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1964.

⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Очерки русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 145—146, 150.

⁸ Чичеров. Зимний период.

⁹ Kula W. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Значение документальных богатств ЦГАДА для советской исторической науки // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 34.

¹¹ См. об этом: ЕАИ. 1962. С. 189—190.

¹² Вестн. МГУ. История. 1967. № 3.

¹³ Данилов А.И. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука // Средние века. М., 1963. Вып. 24. С. 11—12.

¹⁴ Новое о прошлом нашей страны. (Памяти академика М.Н. Тихомирова). М., 1967. С. 143—157. (Далее: Новое о прошлом).

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 728.

¹⁶ Ключевский В.О. М., 1959. Соч. Т. 8. С. 182—222, 368—389. См. также рец. С.М. Середонина на кн. С.В. Рождественского о служилом землевладении в XVI в. (ЖМНП. 1897. № 5. С. 228—248).

¹⁷ Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием "Образование Великорусского государства". Пг., 1920. С. 3.

¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 156.

¹⁹ Там же. Т. 29. С. 248.

²⁰ Вербин А.И., Серцова А.П. Исторический материализм и некоторые методологические вопросы исторической науки // Методологические вопросы общественных наук. М., 1966. С. 340. О преемственности научных идей см. также: Румянцев А.М. Вступающему в мир науки // Наука убеждать: Сб. статей. М., 1967. С. 211, 212; и сл.

²¹ Черепнин. Образование. Гл. II; Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960; Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства, конец XIII—начало XVI в. М.; Л., 1965.

²² Шунков В.И. "Опыт" в сельском хозяйстве Сибири XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1.

²³ ВИ. 1963. № 12.

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 387.

²⁵ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. С. 148.

²⁶ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. С. 148—149.

²⁷ Дружинин. Социально-экономические условия. С. 196.

²⁸ Шапиро. Об имущественном неравенстве. С. 24—35.

²⁹ Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого "второго издания крепостничества" в Средней и Восточной Европе // ВИ. 1958. № 2. С. 97.

³⁰ Цит. по: Шмидт С.О. Памяти учителя: Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова // АЕ за 1965 год. С. 22.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 248—249.

³² См., напр.: Hauser H. La modernité du XVI siècle. Paris. 1930; 2-е изд. с доп. Paris, 1963.

³³ Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1948. Т. V—VI. С. 53.

³⁴ Pach Z.P. Die ungarische Agrarenwicklung im 16—17. Jahrhundert. Abbiegung vom Westeuropäischen Entwicklungsgang. Budapest, 1964. См. рец.: Шапиро А.Л. Труд венгерского ученого, посвященный "второму изданию крепостничества" // Вестн. ЛГУ. 1966. № 20. С. 157—159.

³⁵ Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI веке. Рига, 1960.

³⁶ Braudel F. La Méditerranée et le Monde méditerranéen a l'époque de Philippe II. Paris, 1949; 2-е изд.: Paris, 1966.

³⁷ Смирнов И.И. Проблема крепостничества и феодализма в советской исторической литературе // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 98.

³⁸ Докучаев В.В. Соч. М., 1950. Т. IV. С. 291, 356—357.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 405.

⁴⁰ См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Гл. VIII. Значение окраин. Внутренний или внешний рынок? // Полн. собр. соч. Т. 3.

⁴¹ Дружинин. Социально-экономические условия. С. 196; Данилова. Исторические условия. С. 136—138.

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 7.

⁴³ Сахаров А.М. В.И. Ленин о социально-экономическом развитии феодальной России // ВИ. 1960. № 4. С. 85.

⁴⁴ ЕАИ. 1960. Киев, 1962. С. 569—570.

⁴⁵ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России, Первая половина XVIII в. М., 1964; Милов Л.В. Исследование об "Экономических примечаниях" к генеральному межеванию. М., 1965.

⁴⁶ Боровой С.Я., Жидков Г.П., Кахк Ю.Ю. и др. К вопросу о зависимости интенсивности и форм антифеодальной борьбы крестьянства от основных тенденций развития экономики и степени эксплуатации крестьян // Тез. докл. и сообщ. девятой (Таллинской) сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1966.

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.

⁴⁸ Дорошенко В.В. Очерк аграрной истории Латвии в XXI веке; Лиги Х.М. Положение и классовая борьба эстонского крестьянства в начале Ливонской войны (1558—1561). Таллин, 1961; Тарвел Э.Фолварк, пан и подданный. Аграрный вопрос в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI — начале XVII в. Таллин, 1964.

⁴⁹ Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963 (1-е изд. вышло там же в 1960 г.)

⁵⁰ См. об этом рецен. Г.А. Новицкого и А.М. Сахарова на книгу Д.П. Маковского (ИСССР. 1962. № 2). См. также: ЕАИ. 1962. С. 192.

⁵¹ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. 1928. № 3. С. 131—132.

⁵² См.: ЕАИ. 1962. С. 61—94.

⁵³ Braudel F. Civilisation matérielle et capitalisme (XV-e—XVIII-e siècle). Paris, 1967. P. 51 e.s.

⁵⁴ Носов Н.Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России: "Лучшие люди" и "торговые мужики" двинских актов XVI в. // ВИД. Л., 1968. Т. 1.

⁵⁵ Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII в. М., 1966. Гл. "Эволюция категорий крестьянства в XVII вв."

⁵⁶ См. об этом рец. С.О. Шмидта на кн. В.И. Корецкого "Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России" (М., 1975) // ИСССР. 1975. № 1.

⁵⁷ Историк-марксист. 1939. № 2. С. 160—161; См. также: Шмидт С.О. В.И. Шунков — источниковед и археограф. (Первые десятилетия творческой деятельности) // АЕ за 1967 год; Кушева Е.Н. О работе В.И. Шункова по подготовке издания кабальных книг конца XVI — начала XVII в. и записных книг старых крепостей 1597—1598 гг. // АЕ за 1975 год.

Русский город XVI века

¹ Носов Н.Е. Русский город в XVI столетии // Россия и Италия. С. 41—87.

² Россия и Италия. С. 282—287.

³ Сестан Э. Итальянские города в XIV—XVI веках // Россия и Италия. С. 9—40.

⁴ Опубликовано в кн.: Тихомиров. Российское государство. С. 342—347.

⁵ Документы советско-итальянской конференции историков. М., 1970. С. 243—251.

⁶ [Подробнее см.: Шмидт. Становление. Раздел "Становление Земских соборов".]

Таинственный XVI век

¹ Цит. по: Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. М., 1866. Ч. 2. С. 119.

² Тихомиров. Российское государство. С. 11—17 (статья о происхождении названия "Россия").

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 333—334.

⁴ Там же. Т. 20. С. 179.

⁵ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы. Мысли об истории. М., 1968. С. 349.

⁶ Воронин Н.Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1958. С. 236. (Далее: Воронин. Владимир).

⁷ Виппер. Иван Грозный. С. 173.

⁸ [Подробнее см.: Шмидт. Становление. Раздел "Местничество и абсолютизм".]

⁹ [Подробнее см.: Шмидт. Становление. С. 211—246.]

¹⁰ Сизов. Датировка.

Книга Н.Е. Носова

о становлении сословно-представительных учреждений

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. 602 с. (Далее: Носов. Становление).

Памятные даты начала Московского царства

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153.

² Дмитриева. Сказание. С. 49—53, 114—118, 154.

³ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 275 (Далее: Вальденберг. Древнерусские учения).

⁴ Основная дореволюционная литература указана в кн.: Савва. Московские цари.

⁵ Шмидт. Становление.

⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 154.

⁷ Там же. Т. 4, вып. 3. С. 619.

⁸ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 112. (Далее: Псковские летописи).

⁹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 193–194. (Далее: Тихомиров. Летописание). См. также: Тихомиров. Малоизвестные памятники. С. 20.

¹⁰ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 135, 136; (Далее: Лихачев Д.С. Развитие). Он же. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 99. (Далее: Лихачев Д.С. Человек).

¹¹ ПСРЛ. Т. 21. С. 634–635.

¹² Там же. С. 188.

¹³ Карамзин. История. Т. VIII. Примеч. 163. О Латухинской степенной книге см.: Васенко Пл. Заметки к Латухинской степенной книге. СПб., 1902. Отд. оттиск.

¹⁴ Тихомиров. Летописание. С. 168–173, 179–180; ПСРЛ. Т. 34. С. 28.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 49–50.

¹⁶ Там же. Т. 13. С. 150–151; Т. 20. С. 468–469.

¹⁷ Лихачев Д.С. Человек. Гл. 6.

¹⁸ Он же. Летописи. С. 364.

¹⁹ Там же. С. 367–368.

²⁰ Там же. Гл. 19. Архивы и летопись.

²¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 246–248.

²² Вальденберг. Древнерусские учения. С. 275 и сл.

²³ О времени составления Лицевого свода и последней его части — Царственной книги — см.: Амосов А.А. Из истории создания лицевого свода: Организация работ по написанию и оформлению // Древнерусское искусство. М., 1983. С. 3; Шмидт С.О. К изучению Лицевого свода // Там же. [Переп. в наст. издании] (В обеих статьях указана основная литература). См. также: Морозов В.В. Царственная книга как памятник летописания XVI века: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1979. (Далее: Морозов. Царственная книга).

²⁴ Kämpfer Fr. Das russische Herrscherbild von den Anfängen bis Peter dem Grossen. Recklinghausen, 1978. S. 193–197.

²⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 149–150.

²⁶ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 239–255. (Далее: Шмидт. Российское государство).

²⁷ РИБ. Т. XXXI. Стб. 9.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 451–453.

²⁹ Пресняков. Царственная книга. С. 13. Примеч. 22.

³⁰ См. о времени составления этого сочинения: Тихомиров М.Н. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III // Тихомиров. Исторические связи. С. 78–82 (впервые статья опубликована в 1928 г.) (Далее: Тихомиров. Выпись); Он же. Страница из жизни Ивана

Пересветова // Тихомиров. Российское государство. С. 73; См. также: Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 402; Шмидт. Выпись. [Переп. в наст. издании].

³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 222–228. С. 517–522; Т. 29. С. 111–116.

³² Кунцевич. Казанский летописец. С. 494–495.

³³ Казанская история. С. 167.

³⁴ Об особом почитании архангела Михаила Иваном Грозным см.: Лихачев Д.С. Канон и молитва ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 17–20.

³⁵ Лихачев Д.С. Летописи. С. 368.

³⁶ ОЦА. С. 115.

³⁷ Там же. С. 36.

³⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 209–210.

³⁹ Глинские // Рус. Биограф. словарь. Т. "Герберский — Гогенлоэ". М., 1916. С. 317; Временник ОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 157, 195.

⁴⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 437, 452.

⁴¹ О наиболее вероятной датировке иконы см.: Морозов В.В. Геральдика на иконе "Благословенно воинство" // Советская археология. 1983. № 2.

⁴² См.: Шмидт С.О. Восточная политика России накануне "Казанского взятия" // Международные отношения. Политика. Дипломатия, XVI–XX вв. М., 1964. С. 538–539. [Переп. в наст. издании]; Он же. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. С. 56–59.

⁴³ См.: Савва. Московские цари. С. 397.

⁴⁴ Котошихин. С. 1.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 37. С. 173.

⁴⁶ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 263 и сл. (Далее: Лихачев Д.С. Поэтика. 1979).

О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Т. 1. С. X. (Репринтное воспроизведение пятого издания).

² См. об этом в кн.: Kämpfer Fr., Stökl G. Rulland an der Schwelle zur Neuzeit. Das Moskauer Zartum unter Ivan IV Groznyi. Stuttgart, 1988. См. также: Goehrke C. Entwicklungslinien und Schwerpunkte der Westlichen RuЯlandsmedievistik // Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus; Ohio, 1985. P. 167–186.

³ Об этом см.: Новая и новейшая история. 1966, № 6. С. 176.

⁴ Об этом см.: ВИ. 1986. № 1. С. 148.

⁵ Об этом см.: Новая и новейшая история. 1987. № 1. С. 148.

⁶ Schmidt S.O., Gutnova E.V., Islamov T.M. Absolutism in Russia and the West European Countries: A Comparative Study // Rapports XVI Congrès international les sciences historiques. Stuttgart, du 25 афут а 1-er septembre 1985. Stuttgart, 1985. F. 2. P. 431–432; Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России: опыт сравнит. рассмотрения // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42–58.

⁷ Шмидт Сигурд Оттович: Библиогр. указатель / Сост. Л.И. Шохин. Отв. ред. В.А. Муравьев. Предисл. акад. Д.С. Лихачева. М., (МГИАИ), 1987. (Далее: Шмидт: Библиогр. указатель).

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 405.

⁹ См. об этом: Шмидт. Становление. С. 272–273.

¹⁰ О Боярской думе см.: Шмидт. Российское государство. С. 90 и сл. (Приведены данные и по историографии вопроса.)

¹¹ Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. Казань, 1982. С. 44–47.

¹² Шмидт С.О. О дьячестве в России середины XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 181–190. [Переп. в наст. издании]; Schmidt S.O. Les diaks dans la Russie de la seconde moitié la XVI siècle // Histoire sociale, sensibilités collectives et mentalités. Mélanges Robert Mandrou. Paris, 1985. P. 551–560.

¹³ Это выяснено еще П.А. Садиковым (Садиков. Очерки).

¹⁴ Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРА. 1958. Т. XIV. С. 258. [Переп. в наст. издании.]

¹⁵ Свак Д. Советская историография реформ середины XVI в. Ч. 1 // Annales universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio historica. Budapest, 1985. Т. XXIV.

¹⁶ Смирнов. Очерки. Гл. 4. Законодательный процесс.

¹⁷ Зимин. Реформы.

¹⁸ См.: Список печатных трудов А.А. Зимины // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 274–284; Библиография трудов А.А. Зимины // Essays in Honor of A.A. Zimin. Columbus; Ohio, 1985. P. 59–88.

¹⁹ Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М., 1972. Разрядные книги в последние годы публикуются Институтом истории СССР (сост. А.П. Богданов) АН СССР (см. в библиогр. списке трудов В.И. Буганова // АЕ за 1988 год).

²⁰ Бычкова М.А. Родословные книги XVI–XVII вв. М., 1975.

²¹ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 195 и др. (Далее: Каштанов. Очерки).

²² Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906. С. 26.

²³ См. об этом: Амосов А.А. Архивная опись как источник информации об утраченных актах // СА. 1975. № 1.

²⁴ Шмидт. Становление. С. 9, 15, 82, 312.

²⁵ Staden H. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat / Hgb. von Frepstein. Hamburg, 1964. S. 49.

²⁶ Тихомиров. Российское государство. С. 350.

²⁷ Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. Гл. XVII. Ст. 55. См. также: Гл. XI. Ст. 1, 2; Гл. XVI. Ст. 35.

²⁸ Веселовский С.Б. О драматической повести "Иван Грозный" А.Н. Толстого // АЕ за 1988 год. М., 1989.

²⁹ Torke H.I. Gab es in Moskau Reich des 17. Jahrhunderts eine Bürokratie? // Forschungen zur osteuropäische Geschichte. Berlin, 1986. Bd. 38.

³⁰ Пресняков А.Е. Московское царство. Пг., 1918. С. 109, 112.

³¹ Леонтьев. Приказы. С. 196, 197.

³² Rude and Barbare Kingdom: Russia in the Accounts of Sixteenth-Century English Voyagers / Ed. by E. Lloid Betti and O. Robert Crummey, 1968 (Glossary and Index of Russian Terms).

³³ Словарь архивной терминологии социалистических стран. М., 1982. Вып. 1. С. 55.

³⁴ Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII—XIX вв. (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 48—49.

³⁵ Штаден. С. 83, 84. См. также: Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 290, 343, 353. (Далее: Черепнин. Палеография).

³⁶ Kotošixin Grigorij. O Rossii v sarstvovanie Alekseja Mihailovica // Text and commentary A.A. Pennington. Oxford, 1980.

³⁷ Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973; 2-й изд. М., 1981.

³⁸ Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М. (МГИАИ), 1985. С.О. Шмидтом написан текст пособия, С.Е. Князьковым подготовлены документальные приложения — "образцы" дел. В этом издании указана основная литература.

³⁹ Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1986. Гл. 2, 3 (Формирование основ административного права).

⁴⁰ ПРП. Вып. 4. С. 353—355, 544.

⁴¹ Судебники. С. 149, 214; Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 140, 141; Илюшенко М.П., Кузнецова Т.В. Формуляр документа. М., (МГИАИ), 1986. С. 6—7.

⁴² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 50—51.

⁴³ Неизвестные документы XVI века / Подг. к печати С.О. Шмидт // ИА. 1961. № 4. С. 153—154.

⁴⁴ Судебники. С. 351—352, 374.

⁴⁵ Там же. С. 374.

⁴⁶ Копанев А.И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // ВИД. Л., 1974. Вып. IV. С. 142.

⁴⁷ Тихомиров. Российское государство. С. 358.

⁴⁸ Ныне эти документы хранятся в ЦГАДА.

⁴⁹ Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959. Т. 6. С. 237.

⁵⁰ Шмидт. Российское государство. Ч. 1. "Хранила царские".

⁵¹ Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма / Сообщ. С.К. Богоявленский // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Смесь. С. 26–33.

⁵² Князьков С.Е. Приемы использования и изучения судебно-следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М., (ИИ СССР), 1979.

⁵³ Шмидт. Становление. Раздел III. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса).

⁵⁴ Юзефович Л.А. "Как в посольских обычаях ведется..." М., 1988.

⁵⁵ Подробнее см.: Рогожин Н.М. К вопросу о публикации посольских книг конца XV — начала XVII в. // АЕ за 1979 год. М., 1981. (Далее: Рогожин. Публикация посольских книг); Он же. К вопросу о сохранности посольских книг конца XV — начала XVIII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М. (ИИ СССР), 1988,

⁵⁶ Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В.И. Савва. М., 1983.

⁵⁷ Сергеев Ф.П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев, 1971. (Далее: Сергеев. Дипломатическая терминология); Он же. Русская терминология международного права XV–XVII вв. Кишинев, 1972 (Далее: Сергеев. Терминология международного права).

⁵⁸ Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 219, 232.

⁵⁹ ОЦА.

⁶⁰ Опись архива посольского приказа 1626 года / Подг. к печати. В.И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1, 2.

⁶¹ Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подг. текста и коммент. А.А. Зимина. Под ред. Л.В. Черепнина. М., 1978. (Далее: Зимин. Архив).

⁶² Особое значение для историка копийных книг показано в: Черепнин. Архивы.

⁶³ См. об этих материалах: Семерилов А.В. Из истории академической словарной картотеки // Лингвистические источники. Фонды Ин-та русского языка. М., 1967.

⁶⁴ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 5 (Далее: ПЛДР).

⁶⁵ Тихомиров. Летописание. С. 173.

**Митрополит Макарий
и правительственная деятельность его времени**

¹ Лихачев Д.С. Литература "Государственного устройства", Середина XVI в. // ПЛДР. М., 1985. Т. 7 (середина XVI в.). С. 5.

² Литература указана в статье: Дробленкова Н.Ф. Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси, Вторая половина XIV—XVI вв. Л., 1989. Ч. 2. Л—Я. С. 76—88. См. также литературу, указанную в статье: Игумен Макарий (Веретенников П.И.). Митрополит московский Макарий и церковнолитературная деятельность его времени // Тысячелетие крещения. С. 275—289.

³ Смирнов. Очерки.

⁴ Шмидт. Становление; Он же. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и Казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977.

⁵ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961; Шмидт С.О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты // Ист.-археол. сб. [В честь А.В. Арциховского]. М., 1962. С. 319—325.

⁶ О деятельности Сильвестра появились статьи И.В. Курукина. В основе их — диссертация, написанная под научным руководством автора настоящей книги.

⁷ Шмидт С.О. К изучению "Истории" князя Курбского. (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь: [Сб. к 60-летию акад. Б.А. Рыбакова]. М., 1968. (Далее: Славяне и Русь). [Переп. в наст. издании].

⁸ Жарков И.А. К истории московских пожаров // ИА. 1962. № 3. С. 224—225. (Далее: Жарков. Пожары).

⁹ Тихомиров. Летописание. С. 172.

¹⁰ Шмидт С.О. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // ПИ. М., 1956. Вып. 5. Он же. Становление. Разд. 1.

¹¹ Шмидт. Российское государство.

¹² Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. к изд. Н.Н. Покровский. Ред. С.О. Шмидт. М., 1971. (Далее: Судные списки Максима Грека).

¹³ Словарь книжников и книжности Древней Руси, Вторая половина XIV—XVI века. Ч. 2. С. 80—81.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 181.

¹⁵ ПИГ. С. 22.

¹⁶ Шмидт. Казанская война. С. 252.

¹⁷ Шмидт С.О. Памятные даты начала московского царства // Проблемы изучения культурного наследия: [Сб. в честь акад. Д.С. Лихачева]. М., 1985. С. 167—176. [Переп. в наст. издании].

¹⁸ Морозов В.В. Икона "Благословенно воинство" как памятник публицистики XVI века // Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII века. М., 1984. С. 17—31.

¹⁹ Тихомиров М.Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII веков // Тихомиров. Летописание.

²⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.

²¹ Тихомиров. Новый материал. С. 254, 255.

²² Шмидт. Становление. С. 239.

²³ Об Афанасии см.: Макарий, игумен (Веретенников П.И.). Все-российский митрополит Афанасий // Богословские труды. М., 1984. Сб. 25. С. 247—259; Покровский Н.Н. Афанасий (в миру Андрей) // Словарь книжников и книжности Древней Руси, Вторая половина XIV—XVI в. М., 1988. Ч. 1. А—К. С. 73—79.

А.Ф. Адашев и Ливонская война

¹ Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: История СССР. М., 1962. С. 132—133.

² Немного позже это мнение повторилось в кн.: Зимин. Реформы. С. 172.

Судебники и формирование системы делопроизводства в Российском государстве

¹ Подробнее см.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: Исследование соц.-полит. истории времени Ивана Грозного. М., 1996. См. особенно прил. II "О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века". На это исследование автор и опирается в данной статье.

² Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973; Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI—XVII вв. М., 1985. С.О. Шмидтом написан текст учебного пособия, С.Е. Князьковым подобраны документальные приложения — "образцы" дел.

³ Подробнее см.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. С. 302—329. Разд. "Писари русские".

⁴ Текст Судебников приводится по изданию "Судебники XV—XVI веков". (М.; Л., 1952). В плане данной работы интересны не только комментарии к этому изданию, но и историко-правовой обзор к изданию "Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV: Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства. XV—XVII вв." (Далее: ПРВ).

⁵ Судебники XV—XVI веков. С. 252.

⁶ Там же. С. 268.

⁷ ПРВ. Вып. IV. С. 310.

⁸ Судебники XV—XVI веков. С. 269 (ссылка на кн.: Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859).

⁹ ПРВ. Вып. IV. С. 309—310.

**"Московское государство": к объяснению наименования
Российского государства XVI–XVII столетий**

- ¹ Татищев В.Н. История Российская. Л., 1966. Т. VI. С. 141, 339, 352, 368, 161.
- ² Карамзин Н.М. История государства Российского (репринт. воспр. 5-го изд. 1840-х годов). М., 1989. Т. VI, кн. 2. Стб. 217; Т. VIII. Стб. 56.
- ³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1979. Т. 10. С. 120.
- ⁴ См.: Фомичев С.А. Автограф из Пушкинского музея А.В. Онегина // Русское подвижничество: Сб. к 90-летию Д.С. Лихачева. М., 1996. С. 229.
- ⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1995. Т. VII. С. 506–507 и др. См. также: Иллерицкий В.Е. Исторические взгляды В.Г. Белинского. М., 1953. Гл. 4; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 55 и сл.
- ⁶ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М., 1947 Т. III. С. 570–571.
- ⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. С. 153.
- ⁸ Кавелин К.Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 45, 46; Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997. С. 48–50.
- ⁹ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1988. Кн. II. С. 438, 439; М., 1989. Кн. III. С. 9 и сл.; 717.
- ¹⁰ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 433.
- ¹¹ Berry L.E., Crummey R.O., ed. Rude and barbarous Kingdom: Russia in the accounts of sixteenth-century English voyagers. Madison; Milwaukee; London, 1968.
- ¹² Mervaud M., Roberti I.-Cl. Une infinie brutalité; L'Image de la Russie dans la France des XVI-e et XVII-e siècles. Paris, 1991.
- ¹³ Сергеев Ф.П. Формирование русского дипломатического языка, XI–XVII вв. Львов, 1978. С. 131.
- ¹⁴ Соловьев С.М. Соч. Кн. III. С. 131, 615.
- ¹⁵ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 344.
- ¹⁶ Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1938. Т. 50. Стб. 451.
- ¹⁷ См. об этом: Шмидт С.О. "История государства Российского" Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Всемирная история и Восток: Сб. к 70-летию С.Л. Тихвинского. М., 1989. С. 187–202. Переизд. в кн.: Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 257–270.
- ¹⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI, кн. 2. Стб. 5, 6.
- ¹⁹ Цит. по публ.: Литературная учеба. 1988. № 4. С. 99, 100, 102.
- ²⁰ Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский — наставник наследника царского престола // Русское подвижничество. С. 203 и сл.

²¹ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. 6-е изд. М., 1908. С. 87–88.

²² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 196.

²³ Пресняков А.Е. Российские самодержцы. С. 429.

²⁴ Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и России: Опыт сравнительного изучения // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 4; Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 441–443.

²⁵ Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 7.

²⁶ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910. С. 205–211.

²⁷ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 7.

²⁸ Roe Marshall. Foreign Descriptions of Muscovy. An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus Ohio, 1995 (Slavica Publishers).

²⁹ См. об этом: Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 227, 229.

³⁰ Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 175.

³¹ Соловьев А. Великая, Малая и Белая Русь // Вопр. истории. 1947. № 7. С. 24–38.

³² Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси, Вторая половина XIV–XVI вв. Л., 1988. Ч. 1 (А–К). С. 195–196 (автор Н.А. Казакова).

³³ См. об этом: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 71.

³⁴ Рыбаков Б.А. Новооткрытая карта Московии 1525 г.; Старков В.Ф. Описание карты 1525 г. // Отечеств. архивы. 1994. № 4. С. 3–15.

³⁵ Д'Амато Дж. Сочинения итальянцев о России конца XV – XVI века: Ист.-библиогр. очерк. 2-е изд. М., 1995. С. 80.

³⁶ Шмидт С.О. Восточная политика России накануне "Казанского взятия" // Международные отношения. Политика. Дипломатия, XVI–XX вв.: Сб. статей к 80-летию И.М. Майского. М., 1964. С. 540.

³⁷ Цит. по: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 71.

³⁸ Лурье Я.С. Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 г.: По материалам Венского архива // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 461–466.

³⁹ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. 1: Борьба из-за Ливонии. С. 481, 489, 548, 593, 605, 614, 616, 617, 627, 647, 654, 655, 663, 668, 669, 686, 687, 707, 711, 712; Флоря Б.Н. Русско-польские отноше-

ния и Балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 25 и сл.

⁴⁰ Базылев Л. Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 145.

⁴¹ Kappeler A. Yvan Groznyi in Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des Westlichen Rußlandbildes. Frankfurt a/M., 1972.

⁴² Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Рус. ист. журн. (Пг.) 1922. Кн. 8. С. 29.

⁴³ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 59.

⁴⁴ Там же. С. 129.

⁴⁵ Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб., 1884. С. 222.

⁴⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66, 74, 147.

⁴⁷ Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 15.

⁴⁸ Лукомский Г.К. Московия в представлении иностранцев XVI—XVII в.: Очерки П.Н. Апостола. Берлин, 1922. С. 9—10.

⁴⁹ Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 49—50, 141—142 (пер. уточнен. — С.Ш.).

⁵⁰ Там же. С. 7.

⁵¹ Эти слова в цитатах из сочинения де Ту, приведенных в кн.: Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII веках. Л., 1978. С. 219, 223.

⁵² Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1991. С. 15.

⁵³ Невилль. Записки о Московии. М., 1996. С. 7, 8.

⁵⁴ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. С. 87, 90—91.

⁵⁵ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. "Сказание" Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 18.

⁵⁶ Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906. С. XVII, 1, 17.

⁵⁷ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера "Of the Russe Common Wealth" как исторический источник. СПб., 1891. Введение.

⁵⁸ Горсей Дж. Записки о России, XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 50.

⁵⁹ Буссов К. Московская хроника. С. 68, 70; Pое Marshall. Op. cit. С. 146.

⁶⁰ Россия глазами иностранцев. М., 1986. С. 319.

⁶¹ Левинсон Н.Р. Записки Айрмана о Прибалтике и Московии 1666—1670 гг. // Ист. зап. М., 1945. Т. 17. С. 289, 307.

⁶² Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 27.

⁶³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 114, 115, 135; 135; 128, 130, 133, 139, 142, 144; 93, 96, 147; 120; 141 (послед. цитат).

⁶⁴ Хорошкевич А.Л. Россия и Московия: Из истории полит.-геогр. терминологии // Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1976. Т. 10. С. 47–57.

⁶⁵ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 83–84.

⁶⁶ Там же. С. 84 (примеч. 45).

⁶⁷ Хорошкевич А.Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 40.

⁶⁸ Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. М., 1908. С. 88.

⁶⁹ Цит. по: Сборник РИО. СПб., 1882. Т. 35. С. 460.

⁷⁰ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства, вторая половина XV века. М., 1952. С. 509, 540–541.

⁷¹ Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы "Казанской войны" (1545–1549) // Труды Моск. гос. ист.-архив. ин-та. М., 1954. Т. 6. С. 237–239.

⁷² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. С. 63.

⁷³ Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. С. 17 и сл.

⁷⁴ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 11–17 (впервые напечатано: Вопр. истории. 1953. № 11. С. 93–96).

⁷⁵ Шмидт С.О. К истории переписки Курбского и Ивана Грозного // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: Сб. к 70-летию Д.С. Лихачева. М., 1976. С. 147–148.

⁷⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 9, 101, 106.

⁷⁷ Там же. С. 103, 105.

⁷⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 108–109.

⁷⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903. Т. 1. Стб. 956.

⁸⁰ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1814. Ч. II. № 281.

⁸¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 103.

⁸² Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1. С. 203.

⁸³ Сыскное дело о ссоре межевых судей стольника кн. В. Ромодановского и В. Сукина 1635 г. // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 7. С. 86.

⁸⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 392–395.

⁸⁵ Завещание обычно датировали 1572 г. Ныне имеются серьезные основания для датировки его 1577–1579 гг. см.: Юрганов А.Д. О дате написания завещания Ивана Грозного // ОИ. 1993. № 6. С. 125–141.

⁸⁶ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 523, 524, 525, 527.

⁸⁷ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 259; М., 1978. Т. 34. С. 299.

⁸⁸ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. М., 1851. Т. 1. С. 933–934; Соловьев С.М. М., 1989. Кн. IV. С. 201.

⁸⁹ Соловьев С.М. М., 1989. Кн. III. С. 561, 604, 605, 616, 696.

- ⁹⁰ Соловьев С.М. М., 1989. Кн. IV. С. 214; Дьяконов М.А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889. С. 156.
- ⁹¹ Послания Ивана Грозного. С. 143; Соловьев С.М. Кн. III. С. 653.
- ⁹² Соловьев С.М. Кн. III. С. 655.
- ⁹³ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 19.
- ⁹⁴ Послания Ивана Грозного. С. 276.
- ⁹⁵ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. С. 86—88.
- ⁹⁶ Там же. С. 123.
- ⁹⁷ Там же. С. 193.
- ⁹⁸ Там же. С. 203.
- ⁹⁹ Там же. С. 273.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 277, 300, 304, 305.
- ¹⁰¹ Там же. С. 235, 277.
- ¹⁰² Посольская книга по связям России с Англией, 1613—1614. М., 1979. С. 35, 44, 45 и др.
- ¹⁰³ Kopovarov S. Twenty Russian Royal Letters (1626—1634) // Oxford Slavonic Papers. 1958. Vol. VIII. P. 139, 143, 146, 152.
- ¹⁰⁴ Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке / Сост. В.И. Савва. С. 223.
- ¹⁰⁵ Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588—1592 гг. М., 1988. С. 22, 124—125.
- ¹⁰⁶ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 96; 86; 95; 124; 115 (послед. цитат).
- ¹⁰⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. С. 105, 107, 360, 372.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 70, 69.
- ¹⁰⁹ Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. С. 27, 28.
- ¹¹⁰ Там же. С. 107, 506.
- ¹¹¹ Там же. С. 114, 116.
- ¹¹² Там же. С. 106—107.
- ¹¹³ Там же. С. 524.
- ¹¹⁴ Сербина К.Н. "Книга Большого чертежа" и ее редакции // Ист. зап. М., 1945. Т. 14. С. 133, 134, 140, 142, 143.
- ¹¹⁵ Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 1. С. 401, 404, 414, 447, 452. (Далее: ААЭ).
- ¹¹⁶ Грамоты перепеч. в кн.: Дробленкова Н.Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 230, 233—234, 227—228, 235, 228—229 (послед. цитат).
- ¹¹⁷ Там же. С. 75—76.
- ¹¹⁸ Там же. С. 221—222.
- ¹¹⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 315.
- ¹²⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 64.

¹²¹ Там же. С. 94–96, 102, 111, 116, 117, 119, 135, 136, 202, 225, 226, 229.

¹²² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Коммент. Л., 1987. С. 17, 18, 162. (Термин "Московское государство" в предметно-терминологическом указателе к тексту — С. 420.)

¹²³ Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. С. 37, 38, 43, 44, 46.

¹²⁴ Собрание государственных грамот и договоров. М., Ч. II. № 281.

¹²⁵ Акты, относящиеся к истории Земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1909. С. 15–18; *Тихомиров М.Н.* О происхождении названия "Россия" // *Вопр. истории.* 1953. № 11. С. 95–96.

¹²⁶ *Хорошкевич А.Л.* Символы русской государственности. С. 40.

¹²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 69; Акты, относящиеся к истории Земских соборов. С. 24, 26, 38, 51, 59, 60, 65, 67, 69.

¹²⁸ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб., 1906. С. 1–4, 89, 124, 126.

¹²⁹ *Копреева Т.Н.* "Ведомство желательным людям": Из автобиографических материалов А.Л. Ордина-Нащокина // *Археографический ежегодник за 1964 год.* М., 1965. С. 345, 347–349. См. также С. 338, 339, 340.

¹³⁰ Послания Ивана Грозного. С. 9, 10, 71, 125, 127, 208, 209, 144, 213, 143 (последовательность цитат).

¹³¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси, вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. (Казанская история. Автор Т.Ф. Волкова.) С. 450 – 458.

¹³² Казанская история. М.; Л., 1954. С. 54.

¹³³ *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е. изд. СПб., 1913. С. 440.

¹³⁴ Казанская история. С. 58, 73, 144, 173 и др.

¹³⁵ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 4; *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 232–246.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 194, 195, 197, 198, 200 и др.

¹³⁷ Там же. С. 192.

¹³⁸ Там же. С. 206, 208, 209, 211, 217, 218.

¹³⁹ Там же. С. 213.

¹⁴⁰ Там же. С. 219.

¹⁴¹ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 2, 3, 5–7, 9, 11, 14, 16, 18.

¹⁴² ПЛДР. М., 1987. С. 24, 30, 32, 56, 546.

¹⁴³ Там же. С. 64, 66.

¹⁴⁴ Там же. С. 142, 130.

¹⁴⁵ Там же. С. 146.

¹⁴⁶ Там же. С. 318, 324, 328, 330, 348, 350, 354, 356.

¹⁴⁷ РИБ. СПб., 1908. Т. XIII, вып. 1. Стб. 268, 454.

¹⁴⁸ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.

¹⁴⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 231, 132, 235, 237, 238.

¹⁵⁰ Иное сказание // Сокровища древнерусской литературы. Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 88.

¹⁵¹ Кукушкина М.В. Семен Шаховской — автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 75—78.

¹⁵² РИБ. СПб., 1908. Т. XIII. Стб. 1, 67.

¹⁵³ Там же. Стб. 3, 69; 16; 22, 96; 24, 101.

¹⁵⁴ Там же. Стб. 7, 47; 16, 89; 20, 45; 60, 148 (послед. цитат).

¹⁵⁵ Там же. Стб. 7, 75; 9, 78.

¹⁵⁶ Там же. Стб. 73; 61, 149; 64, 1.

¹⁵⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 129.

¹⁵⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси XVII в. СПб., 1993. Ч. 2. С. 257—262. (Летописец Новый. Автор Я.Г. Солодкин)

¹⁵⁹ ПСРЛ. М., 1968. Т. 34. С. 143, 145, 147, 151, 157, 162, 173.

¹⁶⁰ Там же. С. 177.

¹⁶¹ Там же. С. 181, 184—186, 188, 199.

¹⁶² Там же. С. 201, 202.

¹⁶³ ПЛДР (Конец XVI — начало XVII века). С. 538, 539.

¹⁶⁴ Исторические песни XIII—XVI веков. М.; Л., 1960. С. 96—97; Соколова В.К. Русские исторические песни XVI в. // Славянский фольклор. М., 1951. С. 19 и сл.

¹⁶⁵ Русская историческая песня. Л., 1990 (Библиотека поэта. Малая серия. 4-е изд.). С. 106, 129, 133; 155.

¹⁶⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1935. Т. 7: Драматические произведения. С. 466 (коммент. Г.О. Винокура к трагедии "Борис Годунов").

¹⁶⁷ Шмидт С.О. Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского "Бориса Годунова" // Лит. обозрение. 1997. № 3. С. 65—77.

¹⁶⁸ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 25—27.

¹⁶⁹ Шлихтенг А. Указ. соч. С. 21—22, 23.

¹⁷⁰ Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. М., 1985. С. 17—19. См. также С. 32—33. Подробнее см.: Соболева Н.А. Герб Москвы: К вопросу о происхождении // ОИ. 1997. № 3. С. 3—22. (особ. С. 15, 17).

¹⁷¹ Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию, 1650—1652. Тифлис, 1926. С. 4.

¹⁷² Schaefer H. Moskau das dritte Rom: Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der Slawischen Welt. Darmstadt, 1957. S. 117—128.

¹⁷³ Филюшкин А.И. "Царствующий град Москва..." // Российская монархия: Вопр. истории и теории. Воронеж, 1998. С. 10—23.

¹⁷⁴ Забелин И. История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 50—52.

¹⁷⁵ Успенский Б.А. Избр. труды 2-е изд. М., 1996. Т. 1: Семиотика истории, семиотика культуры. С. 83—123 (статья "Восприятие истории в Древней Руси и доктрина "Москва — третий Рим").

¹⁷⁶ Синицина Н.В. Учреждение патриаршества и "Третий Рим" // IV centenario dell' istituzione del patriacato in Russia. 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma, 1966. Р. 66.; Она же. Два мира: Возможность взаимопонимания // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 47.

¹⁷⁷ Цит. по: Наше наследие. 1991. № 6. С. 46.

Часть II

Культура. Публицистика

Заметки о языке посланий Ивана Грозного

¹ ПИГ. С. 449 (В дальнейшем все цитаты из посланий Ивана Грозного даются по этому изданию с указанием страницы).

² Отдельные положения статьи были кратко изложены в рец. на ПИГ. См.: ИОЛЯ. 1962. Т. XI, вып. 4.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. VII, С. 27.

⁴ Ленин В.И. Национальный вопрос. (Тезисы по памяти) // Ленинский сборник. Т. XXX. С. 62.

⁵ Толстой А.Н. О драматургии. М., 1934. С. 19.

⁶ РИБ. Т. XXXI. Стб. 113.

⁷ Данные такого рода обобщены в исследованиях С.Д. Никифорова. См.: Из наблюдений над языком и стилем посланий Ивана Грозного // УЗ. Мос. гос. пед. дефект. ин-та 1941. Т. 1. С. 59–85; Из наблюдений над значением некоторых глагольных форм в памятниках второй половины XIV в. // УЗ МГПИ им. В.И. Ленина. 1948. Т. XLI. С. 19–76. См. также его учебное пособие "История русского литературного языка" (М., 1947. С. 34–35).

⁸ РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 129, 148.

⁹ Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 62. (Далее: Адрианова-Перетц. Очерки).

¹⁰ О синонимике имен существительных в сочинениях Грозного см.: Помигалова М.И. Лексика посланий Ивана Грозного: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.

¹¹ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950. С. 19–24. (Далее: Булаховский. Исторический комментарий).

¹² РИБ. Т. XXXI. Стб. 113.

¹³ ААЭ. Т. 1. № 289; ЦГАДА. Ф. 138. Опись Архива Посольского приказа 1614 г.; [ОЦА]; Ясинский. Архив. С. 10; Шмидт С.О. Царский архив XVI века и архивы правительственных учреждений // ТМГИАИ. М., 1957. Т. VIII. С. 271.

¹⁴ Лихачев Д.С. Летописи. С. 370 и сл.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 110.

- ¹⁶ Лурье Я.С. Археографический обзор посланий Ивана Грозного // ПИГ. С. 530.
- ¹⁷ РИБ. Т. XXXI. Стб. 6.
- ¹⁸ Там же. Стб. 153.
- ¹⁹ Там же. Стб. 4. Примеч. 26.
- ²⁰ О польской лексике в сочинениях Ивана Грозного см.: Тамань В.М. О польской лексике в языке русских памятников XVI и первой половины XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
- ²¹ ЦГАДА. Крымские книги. № 10. Л. 12.
- ²² Садилов. Очерки. С. 533.
- ²³ Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Пересветов. С. 55.
- ²⁴ Савицкая С.А. Особенности языка посланий Ивана Грозного: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Львов, 1953; Никифоров С.Д. Из наблюдений над языком и стилем.
- ²⁵ Лихачев Д.С. Иван Грозный — писатель // ПИГ. С. 465. См. также: Он же. Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // [Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1975. (Далее: Лихачев Д.С. Великое наследие); Он же. Стил ь произведений Грозного и стил ь произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.]
- ²⁶ РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 116.
- ²⁷ Там же. Стб. 134—135.
- ²⁸ Адрианов-Перетц. Очерки. С. 37, 92, 93.
- ²⁹ Слово Даниила Заточника / Подг. к печ. Н.Н. Зарубин. Л., 1932. С. 61.
- ³⁰ РИБ. Т. XXXI. Стб. 169.
- ³¹ [Лихачев Д.С., Панченко А.М. "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976. С. 36—38.]
- ³² Пискаревский летописец. С. 73—74, 159; [ПСРЛ. Т. 34. С. 189.]
- ³³ РИБ. Т. XXXI. Стб. 267.
- ³⁴ Пискаревский летописец. С. 85; [ПСРЛ. Т. 34. С. 194]
- ³⁵ Послание И. Таубе и Э. Крузе / Пер. М.Г. Рогинского // Рус. ист. журн. 1922. Кн. 8. С. 49 (Далее: Послание И. Таубе и Э. Крузе). То же писал и Гваньини. См.: Там же. С. 20. Предисл.
- ³⁶ Пискаревский летописец. С. 80; [ПСРЛ. Т. 34. С. 92.]
- ³⁷ ПИГ. С. 57, 121; РИБ. Т. XXXI, Стб. 169.
- ³⁸ Стоглав. С. 31.
- ³⁹ Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 39—40.
- ⁴⁰ Олеарий. С. 373.
- ⁴¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 116, 129.
- ⁴² Там же. Стб. 275.
- ⁴³ Там же. Стб. 116.
- ⁴⁴ Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 165.
- ⁴⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 593.
- ⁴⁶ Булаховский. Исторический комментарий. С. 23—24; Орлов А.С.

О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. XIII, кн. 4. С. 363 и сл.

⁴⁷ Адрианова-Перетц. Очерки. С. 93; Гудзий. История. С. 319.

⁴⁸ Садилов. Очерки. С. 533.

⁴⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 321–322.

⁵⁰ Там же. С. 156.

⁵¹ Там же. С. 807.

⁵² Там же. С. 593.

⁵³ Адрианова-Перетц. Очерки. С. 93.

⁵⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб. М., 1912. Т. 4. С. 251–252.

⁵⁵ Адрианова-Перетц. Очерки. С. 93.

⁵⁶ РИБ. Т. XXXI. Стб. 270.

⁵⁷ Там же. Стб. 269.

⁵⁸ Адрианова-Перетц. Очерки. С. 95–97, 99–102.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 267.

⁶⁰ Адрианова-Перетц. Очерки. С. 101.

⁶¹ Там же. С. 92.

⁶² РИБ. Т. XXXI. Стб. 267.

⁶³ Там же. Стб. 115.

⁶⁴ ПИГ. С. 210.

⁶⁵ РИБ. Т. XXXI. Стб. 133.

⁶⁶ Послание И. Таубе и Э. Крузе. С. 33.

⁶⁷ ПИГ. С. 157; Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // ИЗ. Т. 23. (Далее: Альшиц. Приписки).

⁶⁸ Соколова М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1952. С. 23–24.

⁶⁹ ПИГ. С. 37.

⁷⁰ Максим Грек. Сочинения. Казань, 1859. Т. II. С. 348.

"Сказание о взятии Астрахани"

в летописной традиции XVII – начала XVIII веков

¹ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. II. Н. 2. С. 1811.

² Хлебников П. Астрахань в старые годы. СПб., 1906. Ч. I. Вторая половина XVI века. С. V.

³ Краткое описание рукописи см.: Каталог рукописных книг Г.М. Прянишникова (машинопись, ГБЛ ОР).

"Слово о Дардане-царе"

в рукописной книге XVI века

¹ Древнерусская повесть. Библиография истории древнерусской литературы / Сост. В.П. Адрианова-Перетц, и В.Ф. Покровская. М.; Л., 1940. Вып. 1. С. 74–75; Библиография древнерусской повести / Сост. А.И. Назаревский. М.; Л., 1955. С. 92.

² Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Куше-

левым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 3. С. 58. (Далее: *Кушелев-Безбородко*).

³ История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 167—169.

⁴ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972. С. 87—88.

⁵ Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX веков. Ярославль, 1957.

⁶ Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. № ССССIII.

⁷ Шмидт С.О. Малоизвестная запись новгородского книжника XVI в. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 148—152.

⁸ Кушелев-Безбородко. Вып. 1. С. 251—256.

⁹ Историко-археологический сборник. К 60-летию А.В. Арциховского. М., 1962. С. 318—325.

¹⁰ Скрынников Р.Г. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРА. М.; Л., 1962. Т. XVIII. С. 99—116. (Далее: Скрынников. Курбский и его письма).

¹¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 6.

¹² Там же. Стб. 153.

О времени составления "Выписи" о втором браке Василия III

¹ Карамзин. История. Т. VII. Примеч. 277, 343.

² ЧОИДР. 1847. № 8. Смесь. С. 1—8. "Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочтении второго браку и о разлучении первого брака чадородия ради. Творения Паисеино старца Ферапонтова монастыря".

³ Об обстоятельствах этого дела см.: Иконников. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 455 и сл. (Далее: Иконников. Максим Грек). Там же см. об использовании фактических данных "Выписи" в исторической литературе.

⁴ Ныне в ГИМ ОР. Чудовское собр. № 53/355.

⁵ ЧОИДР. 1889. № 3. С. 43—46. Хронографы Московского Чудова монастыря.

⁶ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. V—XIV. (Далее: Белокуров. Библиотека). См. также С. 217—220.

⁷ Зимин А.Е. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРА. Л., 1976. Т. XXX. С. 133, 135. Археографический обзор списков и публикация на С. 135—148.

⁸ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1900. Т. II (первая половина). С. 732—733. (Далее: Голубинский. История церкви).

⁹ Чернов С.Н. К ученым несогласиям на суде над Максимом Греком // Сборник Платонову. 1922. С. 49—50, 53—57.

¹⁰ Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и с Византией. М., 1969. С. 78—82. (Далее: Тихомиров. Исторические связи).

¹¹ Рукопись XVII в. ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 1386 (Описание Леонида. М., 1894. Ч. III. С. 76—79).

¹² Шмидт С.О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 369.

¹³ РИБ. Т. XXXI. Стб. 163.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Иван Грозный и Сербия // Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ. М., 1945. Вып. 1. С. 4—6; (Далее: Тихомиров. Иван Грозный и Сербия). Он же. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. 1947. С. 192—193. [Обе работы перепеч. в кн.: Тихомиров. Исторические связи]; Тихомиров М.Н. Страница из жизни Ивана Пересветова // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию академика М.П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 401—402 [Перепеч. в кн.: Тихомиров. Российское государство.]

¹⁵ Казакова. Вассиан Патрикеев. С. 68—71.

¹⁶ Рыков Ю.Д. Редакции "Истории" князя Курбского // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 131—134.

¹⁷ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947. С. 122—123. (Далее: Будовниц. Русская публицистика).

¹⁸ Иконников. Максим Грек. С. 458.

¹⁹ Черепнин. Архивы. Ч. 2. С. 317—320.

²⁰ Зимин А.А. О методике изучения повествовательных источников XVI в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 205.

²¹ ТОДРА. Т. XXX. С. 135.

²² Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подг. Н.Н. Покровский. Отв. ред. С.О. Шмидт. М. 1971. С. 39. (Далее: Судные списки Максима Грека).

²³ Зимин. Архив. С. 156—157.

²⁴ ДДГ. С. 415.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 123. Дела Крымские. Кн. IV. Л. 2 об.; ОЦА. С. 101—102.

²⁶ Белокуров. Библиотека. С. XI.

²⁷ Лихачев Д.С. От исторического имени литературного героя к вымышленному // ОЛЯ. 1956. Т. XV, вып. 3. С. 203.

²⁸ Сперанский М.Н. Из наблюдений над сложными словами (composita) в стиле литературной русской школы XV—XVI вв.: Из истории византийско-югославяно-русских связей // Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

²⁹ Левина С.А. Имена и фамилии в описи архива Посольского приказа 1614 г. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 153—156. Ср.: Лихачев Д.С. Текстология. М.; Л., 1962. С. 77, 84—85, 399 и сл. (Далее: Лихачев Д.С. Текстология).

³⁰ Иконников. Максим Грек. С. 457.

³¹ ГИМ ОР. Чудовское собр. № 533 (355). Л. 290—300 ("Слово о святогорском монастыре, зовемыи Иверский, в нем же церкви Успение

пресвятые богородицы", "Воспоминания отчасти Святые горы Афонская, како наречена бысть Святая гора и коих ради вин тако прозвася").

³² [ГА Ярославской обл. Коллекция рукописей. № 1256. Л. 29–333 об.]; Шмидт С.О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. [С. 355–363].

³³ Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 332.

³⁴ Дуйчев И. Центры византийско-славянского сотрудничества // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIV. С. 121 и сл.

³⁵ Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910. С. 183–185; Сперанский М.Н. Из истории русско-славянских литературных связей. С. 178 и др.

³⁶ ЧОИДР. 1847. № 8. С. 7–8.

³⁷ О Гаврииле см.: *Radojicic D.S.* Старые сербские писатели русского происхождения (с конца XV – по конец XVII в.) // Годишњак филозофскога факултета у Новом Саду. 1960. Кн. V. С. 202–204, 217.

³⁸ ЧОИДР. 1847. № 8. С. 5.

³⁹ Казакова. Вассиан Патрикеев. С. 298.

⁴⁰ Тихомиров М.Н. Новый памятник московской политической литературы XVI в. // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч. 2. С. 106; Он же. Летописание. С. 155–166.

⁴¹ См.: Насонов. Летописные памятники. С. 254.

⁴² Ретковская. Смоленский собор. С. 20 и сл.

⁴³ Воронин. Владимир. С. 209–211.

⁴⁴ ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 1386 (116). Л. 304–304 об. Ср.: ГИМ ОР. Чудовское собр. № 53 (365). Л. 284–284 об. (см. также: ЧОИДР. 1889. № 3. С. 45; ЧОИДР. 1847. № 8. С. 5).

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 126.

⁴⁶ ЧОИДР. 1847. № 8. С. 3.

⁴⁷ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 203. О пожарах, голодовках, массовых волнениях, вражеских нашествиях в эти годы см.: Носов. Очерки. С. 223–227; Шмидт. Казанская война. С. 227–234.

⁴⁸ Постниковский летописец. Прил. к статье: Тихомиров. Записки о регентстве. (Далее: Постниковский летописец). [То же в кн.: Тихомиров. Летописание. С. 167–182; ПСРЛ. Т. 34]. Хронографическая летопись; Пискаревский летописец [То же в кн.: ПСРЛ. Т. 34.]

⁴⁹ Хронологическая летопись. С. 291; Постниковский летописец. С. 287; [ПСРЛ. Т. 34. С. 29.]

⁵⁰ РИБ. Т. XXXI. Стб. 167–168, 294–295.

⁵¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 345.

⁵² РИБ. Т. XXXI. Стб. 167.

⁵³ Ясинский А.Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 116. (Далее: Ясинский. Курбский).

- ⁵⁴ Власьев Г.А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1, ч. 2. С. 399. (Далее: Власьев. Потомство Рюрика).
- ⁵⁵ РИБ. Т. XXXI. Стб. 295.
- ⁵⁶ О родственных связях Глинских, Оболенских и Челяднинных см.: Веселовский. Опричнина. С. 128.
- ⁵⁷ Подробности событий 1546 г. см.: Веселовский. Опричнина. С. 261–263, а также в трудах: Смирнов. Очерки. С. 108–112; Зимин. Реформы. С. 268–271; Альшиц. Источники. С. 132–133.
- ⁵⁸ Власьев. Потомство Рюрика. С. 402.
- ⁵⁹ Новое известие о России времени Ивана Грозного: "Сказание" Альберта Шлихтинга / Пер. А.И. Малеина. Л., 1934.
- ⁶⁰ Веселовский. Опричнина. С. 421.
- ⁶¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 278.
- ⁶² ПСРЛ. Т. 13. С. 448.
- ⁶³ Пискаревский летописец. С. 73–74 (см. также: С. 159); [ПСРЛ. Т. 34. С. 189.]
- ⁶⁴ Постниковский летописец. С. 286; [ПСРЛ. Т. 34. С. 27.]
- ⁶⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 149. Ср. С. 448–449.
- ⁶⁶ Казанская история. С. 83.
- ⁶⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 149.
- ⁶⁸ Казанская история. С. 83.
- ⁶⁹ РИБ. Т. XIII. Стб. 270.
- ⁷⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 149, 449.
- ⁷¹ Постниковский летописец. С. 286; [ПСРЛ. Т. 34. С. 27.]
- ⁷² ПСРЛ. Т. 13. С. 448–449.
- ⁷³ О летописных вставках см.: Шмидт С.О. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного // СА. 1966. № 1, 2. (Далее: Шмидт. Лицевые летописи). [Подробнее: Шмидт. Российское государство. С. 238–256.]
- ⁷⁴ Постниковский летописец. С. 286, 187.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 4, вып. 3. С. 618–619. См. также: Хронографическая летопись. С. 291; ПСРЛ. Т. 13. С. 149.
- ⁷⁶ Карамзин. История. Т. VIII. Примеч. 153; Т. IX. Примеч. 204; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 306.
- ⁷⁷ Псковские летописи. С. 116.
- ⁷⁸ Хронографическая летопись. С. 291–292.
- ⁷⁹ Там же. С. 292.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 619.
- ⁸¹ Псковские летописи. С. 111.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 13. С. 159; Хронографическая летопись. С. 291; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 619; Псковские летописи. С. 112.
- ⁸³ Постниковский летописец. С. 288; [ПСРЛ. Т. 34. С. 29.]
- ⁸⁴ См.: Тихомиров. Выпись. С. 93; [Он же. Исторические связи. С. 81.]
- ⁸⁵ ГБЛ ОР. Ф. 303. Кн. 530. Л. 1056. Духовная эта помещена Т.В. Масленниковой в приложении к ее дипломной работе о Домострое, написанной под руководством А.А. Зими́на в 1962 г. в МГИАИ.

⁸⁶ Еремин И.П. О художественной специфике древнерусской литературы // РЛ. 1958. № 1. С. 79 и сл.; Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я.С. Лурье. М.; Л., 1964. С. 60–61.

⁸⁷ Порфирий (Успенский). Восток христианский. Афон. Киев, 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 66; СПб., 1892. С. 333. (Далее: *Порфирий. Восток*).

⁸⁸ ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 61.

⁸⁹ Порфирий. Восток. Ч. 1. Отд. 1. С. 385; Отд. 2. С. 66; Ч. III. Отд. 2. С. 353–354.

⁹⁰ См. работы: Тихомиров. Иван Грозный и Сербия. С. 5; [Он же. Исторические связи. С. 86]; Петр Рареш и Иван Грозный // Сборник к 70-летию П. Константинеску-Яшь. Букурешти, 1965. С. 194–195; Радойчич Дж.С. Сербско-румынские отношения XIV–XVII века // Годишньак филозофског факултета у Новом Саду. 1956. Кн. 1.

⁹¹ Черепнин Л.В. Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков // Вековая дружба. Кишинев, 1961. С. 87–108.

⁹² ЧОИДР. 1847. № 8. С. 2.

⁹³ Шмидт. Казанская война. С. 247 и сл.

⁹⁴ Макарий [Булгаков]. История русской церкви. СПб., 1874. Т. VII, кн. 2. С. 417; Андреев Н.Е. Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1935. Т. VII. С. 243; [Andrejev N. Studies in Moscow. London, 1970. (Далее: *Andrejev. Studies*).]

⁹⁵ Пискаревский летописец. С. 56; Шмидт С.О. Восточная политика России накануне "Казанского взятия" // Международные отношения. Политика. Дипломатия. М., 1964. С. 547.

⁹⁶ Яцимирский А.И. Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541–1551 гг. // ЖМНП. 1909. № 5. С. 159.

⁹⁷ Леонид. Историческое летописание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. С. 94.

⁹⁸ ЧОИДР. 1881. Кн. 2. С. 60 и сл.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 21. С. 605–609. См. этом памятнике см.: Будовниц. Русская публицистика. С. 123–124. [См. также: Розов Н.Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М., 1965.]

¹⁰⁰ "Летописец князя Ивана Федоровича Хворостинина" (ГИМ. ОР. Собр. Уварова. № 1386/116).

¹⁰¹ Denisoff Elie. Une biographie de Maxime le Grec par Kourbski // *Orientalia christiana periodica*. Roma, 1954. Vol. XX. No 1/2.

¹⁰² Житие опубликовано С.А. Белокуровым. См.: Белокуров. Библиотека. С. XXI–XXVIII. "Сказание о преподобном Максиме Философе..."

¹⁰³ Там же. С. XIV.

¹⁰⁴ Об этом см.: Порфирий. Восток. Ч. 1. С. 346.

¹⁰⁵ Судные списки Максима Грека. С. 7.

**К изучению "Истории" князя Курбского
(О поучении попа Сильвестра)**

- ¹ Ясинский. Курбский. С. 98—100.
- ² Косминский Е.А. Историография средних веков. М., 1963. С. 29 и сл. (Далее: Косминский. Историография).
- ³ Шмидт С.О. К истории соборов в XVI в. // ИЗ. Т. 76. С. 4—141. (Далее: Шмидт. К истории соборов).
- ⁴ РИБ. Т. XXXI. Стб. 161.
- ⁵ Лихачев Д.С. Человек. Гл. 6.
- ⁶ РИБ. Т. XXXI. Стб. 168.
- ⁷ Там же. Стб. 169—170.
- ⁸ ПИГ. С. 57.
- ⁹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 128—129.
- ¹⁰ Шмидт. Лицевые летописи.
- ¹¹ Тихомиров. Записки о регенстве. С. 288; [ПСРЛ. Т. 34. С. 30.]
- ¹² Жарков. Пожары. С. 226.
- ¹³ ГПБ ОР. Л. 264.
- ¹⁴ РИБ. Т. XXXI. Стб. 166—168.
- ¹⁵ Тихомиров. Выпись; Шмидт С.О. О времени составления "выписи" о втором браке Василия III // Новое о прошлом. (Далее: Шмидт. Выпись. [Перепечатано в настоящем издании.]
- ¹⁶ Стоглав. С. 31.
- ¹⁷ О характере проповедей-поучений в XVI в. см.: Николаевский П.Ф. Русская проповедь в XV—XVI вв. // ЖМНП. Ч. 137. 1868.
- ¹⁸ Об этом послании см.: Голохвастов Д.П., Леонид. Благовещенский Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 12—14, 79—80; (Далее: Голохвастов, Леонид); Смирнов. Очерки. С. 236—237; Зимин. Пересветов. С. 50 и сл.
- ¹⁹ Пискаревский летописец. С. 56; [ПСРЛ. Т. 34. С. 181—182.]
- ²⁰ РИБ. Т. XXXI. С. 169.
- ²¹ Там же. Стб. 129.
- ²² Голохвастов, Леонид. С. 12.
- ²³ Ржигз В.Ф. Опыт по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист // ТОДРЛ. Т. 1. Л., 1934. С. 53—54. (Далее: Ржигз. Максим Грек).
- ²⁴ РИБ. Т. XIII. С. 278.
- ²⁵ Там же. Т. XXXI. Стб. 396.
- ²⁶ Косминский. Историография. Гл. II, III.
- ²⁷ РИБ. Т. XXXI. Стб. 170, 210.
- ²⁸ Там же. Стб. 169, 170: Ср.: Стб. 129.
- ²⁹ Там же. Стб. 171.
- ³⁰ Там же. Стб. 212.
- ³¹ Там же. Стб. 151.
- ³² Там же. Стб. 259, 276. Ср.: Стб. 137.
- ³³ Там же. Стб. 216.
- ³⁴ Там же. Стб. 209.
- ³⁵ Там же. Стб. 210, 212.

- ³⁶ Там же. Стб. 164—166.
³⁷ Ясинский. Курбский. С. 91, 99.
³⁸ РИБ. Т. XXXI. Стб. 155. См. также: Стб. 147.
³⁹ Там же. Стб. 212, 213.
⁴⁰ Там же. Стб. 216.
⁴¹ Там же. С. 211.
⁴² Там же. Стб. 154—155.
⁴³ Синицына Н.В. Федор Иванович Карпов — дипломат, публицист XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.
⁴⁴ ТОДРЛ. Т. I. С. 42.
⁴⁵ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 341. См. также: С. 339.
⁴⁶ Смирнов. Очерки. С. 147.
⁴⁷ Лихачев Д.С. Человек. С. 15—16; Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 183.
⁴⁸ Карамзин. История. Т. VIII. С. 95.

О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)

¹ ПИГ. С. 162—193 (в дальнейшем все цитаты из послания приводятся по этому изданию, страницы указываются в тексте в скобках).

² В том же году Послание опубликовано Д.С. Лихачевым в VIII томе ТОДРЛ (М.; Л., 1951. С. 247—286).

³ ПИГ. С. 180.

⁴ РИБ. Т. XXXI. Стб. 334, 415—418.

⁵ Там же. Стб. 325.

⁶ Там же. Стб. 338.

⁷ Шмидт. Лицевые летописи.

⁸ Веселовский С.Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // ИЗ. М., 1941. Т. 19. Диаграмма (С. 101).

⁹ Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до II четверти XVII века. М., 1910. Т. 1., вып. II. С. 198.

¹⁰ О Левкии см.: Кобрин В.Б. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 301. (Далее: Кобрин. Две жалованные грамоты).

¹¹ ПИГ. С. 173.

¹² Там же.

¹³ Кобрин. Две жалованные грамоты. С. 299—300.

¹⁴ ПИГ. С. 581.

¹⁵ ДДГ. С. 483.

¹⁶ Горсей Дж. Записки о Московии XVI века. / Пер. Н.А. Белозерской. СПб., 1900. С. 36. (Далее: Горсей).

Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский)

¹ Покровский Н.Н. Сибирская находка // ВИ. 1969. № 11. (Далее: Покровский. Сибирская находка). В момент публикации статьи рукопись находилась в печати.

² [Судные списки Максима Грека. С. 116. См. также: С. 7. (От редактора.)]

³ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 223.

⁴ О роде Морозовых см.: Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 196 и сл. (специально о Тучковых — С. 205—207). (Далее: Веселовский. Землевладельцы).

⁵ ГПБ ОР. Погодин. собр. № 1564. Л. 41—42 об. См. также: Каштанов. Очерки.

⁶ АСЭИ. Т. III. № 250; РИС. М., 1842. Т. 5. С. 18, 20, 21, 23.

⁷ Веселовский. Землевладельцы. С. 206.

⁸ ОЦА. С. 100.

⁹ Зимин. Боярская дума. С. 51. Примеч. 116.

¹⁰ РК. С. 61, 64, 67.

¹¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 16, 385; Т. 20. С. 391; Сб. РИО. Т. 95.

¹² ПСРЛ. Т. 20. С. 385, 391.

¹³ Веселовский. Землевладельцы. С. 206; Зимин. Боярская дума. С. 51. Примеч. 116.

¹⁴ О представлении людей XVI в. о возрасте мужчины см.: Максим Грек. Соч. Казань, 1862. Ч. III. С. 281.

¹⁵ РК. С. 16.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 557. См. также: ПСРЛ. Т. 6. С. 272.

¹⁷ Пресняков А.Е. Завещание Василия III // Сб. Платонову. 1922. С. 78. (Далее: Пресняков. Завещание).

¹⁸ Левина С.А. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. XI.

¹⁹ Пресняков. Завещание. С. 77. Примеч. 4; С. 78. Примеч. 2. См. также: ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 121, 123; Т. 20. С. 449.

²⁰ Пресняков. Завещание. С. 78.

²¹ АЗР. СПб., 1848. Т. II, III; Смирнов. Очерки. С. 34, 44.

²² Веселовский. Землевладельцы. С. 207.

²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 98.

²⁴ Там же. С. 432. [См. также: Шмидт. Российское государство. С. 223—239.]

²⁵ Веселовский. Землевладельцы. С. 207.

²⁶ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. II. С. 14—15.

²⁷ Носов. Становление. С. 220—222.

²⁸ Вкладная книга в копии С.Б. Веселовского: ААН СССР. Ф. 620.

Оп. 1. № 18 (подлинник в Загорском музее). Сведениями по вкладной книге обязан любезности А.Л. Станиславского.

²⁹ ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18. Л. 130.

³⁰ Там же. Л. 193.

³¹ Зимин. Боярская дума. С. 51. Примеч. 116.

³² См.: АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 612.

³³ Веселовский. Землевладельцы. С. 206.

³⁴ ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18. Л. 193.

³⁵ ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 777. Л. 31.

³⁶ Зимин. Боярская дума. С. 56.

³⁷ Там же. С. 57. Примеч. 195.

³⁸ Там же. С. 59. Примеч. 219.

³⁹ Там же. С. 63. Примеч. 255.

⁴⁰ Там же. С. 63.

⁴¹ ААН СССР. Ф. 620. Оп. 1. № 18. Л. 129 об.

⁴² Там же. Л. 193—193 об.

⁴³ АСЭИ. Т. 1. № 612.

⁴⁴ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. II. С. 14.

⁴⁵ Веселовский. Землевладельцы. С. 157, 205.

⁴⁶ Там же. С. 206. Примеч. 32.

⁴⁷ АСЭИ. Т. 1. С. 633 (примеч., сост. И.А. Голубцовым).

⁴⁸ Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. Статья Л.А. Дмитриева (особенно глава "Тучковская редакция жития Михаила Клопского"; там же указана основная литература).

⁴⁹ Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. С. 353.

⁵⁰ Там же. С. 357—358; ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 576.

⁵¹ Каштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века (№ 432, 446, 479, видимо, 490) // АЕ за 1957 год. М., 1958.

⁵² РК. С. 104.

⁵³ Там же. С. 10.

⁵⁴ См.: Веселовский. Землевладельцы. С. 206.

⁵⁵ ПИГ. С. 29.

⁵⁶ Там же. С. 33.

⁵⁷ Альшиц. Приписки. С. 263—265.

⁵⁸ РИБ. Т. XXXI. Стб. 167.

⁵⁹ Там же. Стб. 133.

⁶⁰ Ясинский. Курбский. С. 23.

⁶¹ ААЭ. Т. 1. № 172. (С. 141).

⁶² Иконников. Максим Грек. С. 576—577; Иванов А.И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969. С. 69, 141, 149, 178. (Далее: Иванов. Максим Грек).

⁶³ Максим Грек. Соч. Казань, 1860. Ч. II. С. 347 — Слово XXVII (у В.С. Иконникова — Максим Грек. С. 577 — неверно указано Слово XXVI).

- ⁶⁴ Ржизга. Максим Грек. С. 37, 81.
- ⁶⁵ Иконников. Максим Грек. С. IV и др.
- ⁶⁶ Покровский. Сибирская находка. См. также: Голубинский. История церкви. Т. II (первая половина). С. 712.
- ⁶⁷ ААЭ. Т. 1. № 172. С. 141.
- ⁶⁸ Шмидт. Выпись. С. 115—116.
- ⁶⁹ Максим Грек. Соч. Т. II. С. 418.
- ⁷⁰ ААЭ. Т. 1. № 172. С. 143.
- ⁷¹ Там же. С. 144.
- ⁷² Голубинский. История церкви. Т. II (первая половина). С. 717.
- ⁷³ Сибирский список. Л. 329; ЧОИДР. 1847, № 7. С. 5.
- ⁷⁴ Казакова Н.А. О "судном списке" Максима Грека // АЕ за 1966 год. М., 1967. С. 36.
- ⁷⁵ Покровский. Сибирская находка. С. 133, 134.
- ⁷⁶ Максим Грек. Соч. Т. II. С. 237.
- ⁷⁷ ГИМ ОР. Собр. Уварова. № 777. Л. 31.
- ⁷⁸ РК. С. 9.
- ⁷⁹ Лихачев Н.П. Дьяки. С. 85. Примеч. 5.
- ⁸⁰ РК. С. 9—10.
- ⁸¹ См.: Повесть о житии Михаила Клопского. С. 73.
- ⁸² См.: Покровский. Сибирская находка. С. 137.
- ⁸³ ГИМ ОР. Воскресенское собр. № 82. Текст опубликован (в вольной транскрипции) Амфилохием. (Описание Воскресенской Ново-иерусалимской библиотеки. М., 1875. С. 130—131).
- ⁸⁴ ГИМ ОР. Воскресенское собр. № 80.
- ⁸⁵ Иконников. Максим Грек. С. 175.
- ⁸⁶ Это отмечено и на Л. 1 рукописи (Белокуров. Библиотека. С. ССLXXI; Иванов. Максим Грек. С. 48).
- ⁸⁷ РИБ. Т. XXXI. Стб. 163—165.
- ⁸⁸ Шмидт С.О. К изучению "Истории" князя Курбского: О поучении попа Сильвестра // Славяне и Русь. С. 372—373; [Перепеч. в наст. изд.]
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ РИБ. Т. XXXI. Стб. 164.
- ⁹¹ ПИГ. С. 263; См.: Шмидт. Местничество и асболютизм. (Постановка вопроса) // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 188—189; (Далее: Абсолютизм) [См.: Шмидт. Российское государство.]
- ⁹² РИБ. Т. XXXI. Стб. 165.
- ⁹³ Там же. Стб. 167.
- ⁹⁴ Повести о житии Михаила Клопского. С. 77.
- ⁹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 449.
- ⁹⁶ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. С. 16.
- ⁹⁷ Там же.

Об адресатах первого послания Ивана Грозного
князю Курбскому

¹ Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. Предисл. [Н.Д. Иванишева]. С. II—III; Скрынников Р.Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 57—58; (Далее: Скрынников. Переписка). Он же. Иван Грозный. М., 1975. С. 90—91.

² Andrejev N. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev // Slavonic and East European Review. London, 1955. Vol. XXXVIII. No. 81. То же см.: Andrejev. Studies; Скрынников. Курбский и его письма.

³ РИБ. Т. XXXI. Стб. 1, 6. См. также: Стб. 114.

⁴ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 448.

⁵ Каждан А.П. Византийская культура. М., 1968. С. 170.

⁶ ПИГ. С. 72, 10.

⁷ Ср.: ПИГ. С. 259.

⁸ Бахрушин. Труды. Т. II. М., 1954. С. 322—323.

⁹ Подробнее об этом см.: Шмидт. Становление. С. 30—36, 241—243.

¹⁰ Лихачев Д.С. Иван Грозный — писатель // ПИГ. С. 455; Дуйчев И.М. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. XV. 1958; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XI—XVII вв. М., 1973. С. 209—210. (Далее — Алпатов. Историческая мысль).

¹¹ Косминский. Историография. С. 105. О характерных чертах русской историографии XVI—XVII вв. см.: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941; Робинсон А.Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хиландарский. М., 1963.

¹² Сизов. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964.

¹³ Альшиц. Приписки.

¹⁴ Шмидт. Лицевые летописи; Он же. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. М., 1975.

¹⁵ ПИГ. С. 20, 82; 55, 119.

¹⁶ Виппер. Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 67.

¹⁷ ПИГ. С. 17, 79. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1970. Кн. IV. С. 158; (Далее: Соловьев. История). Вилькошевский П.В. К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к Курбскому // ЛЗАК. Л., 1926. Вып. 33. С. 73. (Далее: Вилькошевский. Послания Ивана Грозного).

¹⁸ Соловьев. История. М., 1960. Кн. III. С. 544.

¹⁹ Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII вв.). М., 1975. С. 252.

²⁰ ПИГ. С. 533.

- ²¹ Там же. С. 451.
- ²² Там же. С. 540.
- ²³ Там же. С. 553.
- ²⁴ Там же. С. 468—469.
- ²⁵ ТОДРА. 1954. Т. X. С. 309.
- ²⁶ Изборник. М., 1969. С. 759.
- ²⁷ Шмидт С.О. [Рец. на изд.:] Послания Ивана Грозного // ИОЛЯ. 1952. Т. XI. Вып. 4. С. 389—390.
- ²⁸ ТОДРА. Т. X. С. 309; Зимин А.А. Русская публицистика конца XV—XVI вв. М., 1959 (ротапринт). С. 41.
- ²⁹ Шмидт. К истории соборов. С. 141; Он же. Становление. С. 242—244.
- ³⁰ Веселовский. Опричнина. С. 291.
- ³¹ Backus D.P. A.M. Kurbskii in the Polish-Lithuanian State // Acta Balto-Slavica. Bialystok, 1969. Т. IV. Р. 47.
- ³² Юзефович Л.А. Миссия Исаян (1561 г.) и Остафий Волович // Советское славяноведение. 1975. № 2. С. 80—81. (Далее: Юзефович. Миссия Исаян).
- ³³ Флоря Б.Н. Новое о Грозном и Курбском. (Далее: Флоря. Новое) // ИСССР. 1974. № 3. С. 144, 145.
- ³⁴ Юзефович Л.А. Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского // АЕ за 1974 г. М., 1975.
- ³⁵ См.: Лихачев Д.С. Существовали ли произведения Курбского и Грозного? // Лихачев Д.С. Великое наследие: Указатель литературы. С. 348, зарубежная литература названа в кн.: Скрынников. Переписка. С. 4.
- ³⁶ Лихачев Д.С. Великое наследие. С. 336—337.
- ³⁷ Будовниц. Русская публицистика. М.; Л., 1947. С. 281.
- ³⁸ Конрад Н.И. От редколлегии // Литературные памятники: Итоги и перспективы серии. М., 1967; Лихачев Д.С. Развитие.
- ³⁹ ПИГ. С. 13, 75, 126.
- ⁴⁰ Скрынников. Переписка. С. 88—94; Флоря. Новое. С. 144.
- ⁴¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 13. С. 383. См. также Псковскую летопись (ПСРЛ. Т. 4. С. 315).
- ⁴² ПИГ. С. 557.
- ⁴³ РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 114; см. также С. 134—135; Вильковский. Послания Ивана Грозного. С. 74; ПИГ. С. 529.
- ⁴⁴ Шмидт С.О. К изучению "Истории" Курбского // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции: Сб. статей в честь академика Д.С. Лихачева. М., 1976. (Далее: Культурное наследие). [Перепеч. в наст. изд.]
- ⁴⁵ ПИГ. С. 530.
- ⁴⁶ Там же. С. 104, 44.
- ⁴⁷ Там же. С. 276.
- ⁴⁸ Цит. по: Соловьев. История. Кн. III. С. 618—619.
- ⁴⁹ Об этом см.: ПИГ. С. 492—495; Лурье С.Я. Донесения агента

императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А.М. Курбским в 1569 году: По материалам Венского архива // АЕ за 1957 год. М., 1958. (Далее: *Лурье. Донесения*).

⁵⁰ *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). М., 1963. (Далее: *Голенищев-Кутузов. Гуманизм*); *Лурье Я.С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1963. Т. XIX. С. 276.

⁵¹ *Вилькошевский.* Послания Ивана Грозного. С. 73.

⁵² О "постельной" казне см.: *Шмидт.* Адашев. С. 45–46.

⁵³ РИБ. Т. XXXI. С. 6–7.

⁵⁴ Там же. С. 5–6.

⁵⁵ ПИГ. С. 266; Сб. РИО. Т. 71. С. 513.

⁵⁶ Об этих "бегунах" см.: ПИГ. С. 471–472; *Веселовский.* Опричнина. С. 122 и сл.; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 116–119. (Далее: *Зимин. Опричнина*).

⁵⁷ *Дьяконов М.А.* Власть московских государей. СПб., 1889. С. 188–199.

⁵⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 467–454.

⁵⁹ Там же. С. 718, 467.

⁶⁰ *Крип'якевич П.* Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII с. Київ, 1953. С. 21; *Алпатов.* Историческая мысль. С. 150. Подробнее см.: *Голенищев-Кутузов.* Гуманизм. С. 30 и сл.

⁶¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. (ЦГАДА. Ф. 138. № 2. Л. 69 об.); *Шмидт.* Становление. С. 37–38.

⁶² Сб. РИО. Т. 71. С. 322, 468, 778.

⁶³ ПИГ. С. 653.

⁶⁴ *Соловьев.* История. Кн. III. С. 621; *П-ский. М. [Петровский].* Князь А.М. Курбский. Казань, 1873. С. 20.

⁶⁵ *Лурье. Донесения.* С. 492–495.

⁶⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 321; ПИГ. С. 246, 266.

⁶⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 648; *Соловьев.* История. Кн. III. С. 584. Ср.: Там же. С. 586 (1570 г.); Кн. IV. С. 733.

⁶⁸ РИБ. Т. XXXI. Стб. 113, 116.

⁶⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 321 и др. См.: *Шмидт.* О языке посланий. С. 263–264.

⁷⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 110; Абсолютизм. С. 191.

⁷¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 466; *Зимин.* Опричнина. С. 122.

⁷² ПИГ. С. 152.

⁷³ Там же. С. 54, 43, 103.

⁷⁴ Там же. С. 42, 103.

⁷⁵ Там же. С. 252.

⁷⁶ Мемуары. С. 47.

⁷⁷ *Staden.* S. 65.

⁷⁸ *Штаден.* С. 58.

⁷⁹ *Шмидт С.О.* К характеристике русско-крымских отношений

второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961.

⁸⁰ ПИГ. С. 31, 91.

⁸¹ Там же. С. 228.

⁸² Там же. С. 49, 114.

⁸³ Там же. С. 35, 95.

⁸⁴ Там же. С. 47; *Жданов И.Н.* Соч. СПб., 1904. Т. 1. (Далее: *Жданов*). С. 115–116.

⁸⁵ ПИГ. С. 32, 92. О деятельности С.Ф. Бельского за рубежом см.: *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 290.

⁸⁶ ПИГ. С. 11, 73.

⁸⁷ *Тамань В.М.* К вопросу о польском влиянии на литературный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 204.

⁸⁸ РИБ. Т. XXXI. Стб. 153.

⁸⁹ Там же. Стб. 157.

⁹⁰ Там же. Стб. 135.

⁹¹ Там же. С. 113–114.

⁹² ПИГ. С. 529.

⁹³ Там же. С. 544.

⁹⁴ *Черепнин.* Палеография. С. 18.

⁹⁵ ПИГ. С. 538.

⁹⁶ Там же. С. 540.

⁹⁷ Там же. С. 522.

⁹⁸ Там же. С. 551–552.

⁹⁹ Там же. С. 553.

¹⁰⁰ Там же. С. 529.

¹⁰¹ Там же. С. 541.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 41, 101.

¹⁰⁴ Там же. С. 50, 114.

¹⁰⁵ Там же. С. 553.

¹⁰⁶ Там же. С. 35, 95 и сл.; 53 и 117; 56 и 120 и др.

¹⁰⁷ *Уваров К.А.* Неизданный труд Г.З. Кунцевича (обзор гранок второго тома Сочинений князя Курбского) // АЕ за 1971 г. М., 1972.

¹⁰⁸ *Шмидт.* Становление. С. 34.

¹⁰⁹ *Вилькошевский.* Послания Ивана Грозного. С. 75. Примеч. 1.

¹¹⁰ *Скрынников.* Переписка. С. 80. Ср.: ПИГ. С. 9, 148, 213.

¹¹¹ См. наблюдения Д. Уо (D.C. Waugh) в кн.: *Keenan E.L.* The Kurbskii — Gronzyi Apokripha. Cambridge; Massachusetts, 1971.

¹¹² *Лихачев Д.С.* Великое наследие. С. 270. См. также: *Лихачев Д.С.* Текстология. С. 60.

¹¹³ *Скрынников.* Переписка. С. 79–81.

¹¹⁴ ПИГ. С. 559.

¹¹⁵ ТОДРА. Т. X. С. 309.

- 116 ПИГ. С. 540; ТОДРЛ. Т. X. С. 306—307.
- 117 Зимин. Опричина. С. 120.
- 118 Скрынников. Переписка. С. 81.
- 119 ПИГ. С. 124; ср. С. 9.
- 120 Там же. С. 554, 555.
- 121 Там же. С. 554.
- 122 Там же. С. 555—556.
- 123 Там же. С. 557—558, 533.
- 124 Там же. С. 533.
- 125 Там же. С. 124—138.
- 126 Повесть о приходе литовского короля Степана с великим и гордым воинством на великий и славный град Псков. М.; Л., 1952. С. 40—41.
- 127 Малышев В.И. Новый список Слова Даниила Заточника // ТОДРЛ. Т. VI. С. 194—196.
- 128 См.: Шмидт. Становление. С. 243—244.
- 129 Орлов А.С. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.; Л., 1939. С. 245.
- 130 Кукушкина М.В. Семен Шаховской — автор повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975.
- 131 Гудзий Н.К. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского // Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 308—309.
- 132 ГИМ ОР. Собрание Уварова (по описанию Леонида — № 1386). № 116. Л. 320 об.—321; Шмидт. Становление. С. 35—36.
- 133 Шмидт С.О. К изучению "Истории" князя Курбского. (О Поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. С. 367; Скрынников. Переписка. С. 106 и сл. См. также: С. 88—89.

К истории переписки Курбского и Ивана Грозного

- ¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. 161—276. Далее в скобках указываются столбцы по этому изданию.
- ² Лурье Я.С. Судьба беллетристики в XVI в. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 442.
- ³ Лихачев Д.С. Курбский и Грозный — были ли они писателями? // РЛ. 1972. № 4. С. 204. (Далее: Лихачев Д.С. Курбский и Грозный). См. также: Damerau N. Russisches und Westrussisches bei Kurbskij. Wiesbaden, 1963.
- ⁴ См. примеч. Дж. Феннела (*Fennell Y.L.I. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge, 1965. P. 12, 42—43, 184*).
- ⁵ Лихачев Д.С. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков // РЛ. 1972. № 2. С. 22.
- ⁶ Шмидт. Становление. С. 36, 243.
- ⁷ Лихачев Д.С. Курбский и Грозный. С. 204.
- ⁸ О литературном этикете см.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1967. С. 84 и сл.; [Он же. Поэтика. 1979. С. 80—102.]

¹ Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. Описание. М., 1961. Т. 1. № 1—3005. С. 305—306.

² О приемах документации и системе описания рукописей в северных монастырях XVII—XVIII вв. см.: *Амосов А.А.* Архивы двинских монастырей: Очерки их истории, организации и складывания архивов духовных корпораций: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; *Он же.* Архивная опись как источник информации об утраченных актах // *СА.* 1975. № 1. С. 61—65.

³ *Валк С.Н.* Археографическая деятельность академика М.Н. Тихомирова // *АЕ* за 1962 год. 1963. С. 6.

⁴ *Шмидт.* Становление. С. 90 и сл. (Указана литература).

⁵ *Каштанов С.М.* Ценное свидетельство о земской реформе середины XVI века // *СА.* 1968. № 5. С. 49—54.

⁶ *Курдюмов М.Г.* Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии: Акты Коряжемского монастыря // *ЛЗАК.* СПб., 1911. Вып. 23. С. 1—182.

⁷ Таможенные книги Московского государства XVII века. М., 1950. Т. 1; М., 1951. Т. 2; М., 1951. Т. 3. С. 400, 414, 418.

⁸ *ЛЗАК.* Вып. 23. С. 71.

⁹ Там же. С. 178.

¹⁰ *Державина О.А.* "Сказание" Авраамия Палицына и его автор // *Сказание Авраамия Палицына* / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1955. С. 22.

¹¹ *Бакланова Н.А.* Значение владельческих записей на древнерусских книгах как источника для истории русской культуры // *АЕ* за 1962 год. М., 1963. С. 202; *Она же.* Русский читатель XVII века // *Древнерусская литература и ее связи с новым временем.* М., 1967. С. 186. См. также: *Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 84.

¹² *Кушева Е.Н.* Из истории публицистики Смутного времени XVII в. // *УЗ Сарат. гос. ун-та. Пед. ф-т.* 1926. Т. 5. Вып. 2.

¹³ *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания... С. 2, 445.

¹⁴ *Державина О.А.* Списки "Сказания" Авраамия Палицына, хранящиеся в отделе рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина // *ЗОР ГБЛ.* 1952. Вып. 14. С. 73.

¹⁵ См. об этом: *Костюхина Л.М.* Книжное письмо в России XVII в. М., 1975.

¹⁶ См.: *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977. С. 104, 109, 147, 159.

¹⁷ *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. 71.

¹⁸ *Никитников Г.* Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863. С. 7—10; *Бубнов Н.Ю.* Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. Сог-

ласно вкладной книге монастыря, Александр дал туда много рукописей (не менее 28) и печатных книг. (Сведениями этими обязан А.А. Амосову.)

¹⁹ Лихачев Н.П. Библиотека Коряжемского монастыря в 1586 г. // Библиограф. 1889. № 3. Отд. 1. С. 86—87; Перетц В.Н. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древней русской литературы // Slavia. Praha. Рос. 3. Ses. 2/3; Зарубин Н.Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси // Сборник Российской публичной библиотеки: Материалы и исследования. Пг., 1924. Вып. 2, т. 2. С. 202; Луппов С.П. Книга в России в XVII веке. С. 156, 162; Слуховский М.И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973. С. 162; Сапунов Б.В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 41.

²⁰ См.: Чирков С.В. О некоторых типологических особенностях пермских летописей XIX в. // Уральский археографический ежегодник за 1975 год; Он же. Великоустюжская летопись и местное летописание в XVIII—XIX вв. // Северный археографический сборник. Вологда. [1979. Вып. VII.]

Монография о книжной культуре XVI—XVII веков (О книге М.В. Кукушкиной)

¹ См.: Кукушкина М.В. Семен Шаховской — автор повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 75—78.

² Шмидт С.О. К истории монастырской колонизации XVII в. ("Повесть о начале Оранского монастыря") // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. Сб. 12. С. 297—309.

Исследование Н.Н. Зарубина "Библиотека Ивана Грозного и его книги"

¹ Исторические очерки: Обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II (XIX—XX вв.). С. 61; История Библиотеки Академии наук СССР, 1714—1964. М.; Л., 1964. С. 434.

² Отзывы на это издание и перечень других печатных трудов Н.Н. Зарубина см. в составленной Н.Ф. Дробленковой (под ред. В.П. Адриановой-Перетц) "Библиографии советских русских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг." (М.; Л., 1961).

³ О снятых Н.Н. Зарубиным машинописных копиях описей библиотеки Соловецкого монастыря см.: Кукушкина М.В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. // АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 357—358.

⁴ Сборник Российской публичной библиотеки. Материалы и исследования. Пг., 1924. Т. II, вып. 1. С. 190—229.

⁵ О "Картотеке" см.: Зарубин Н.Н. Академик Н.К. Никольский // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. М.; Л., 1936. № 4. С. 122—

123; *Покровская В.Ф.* Картотека академика Н.К. Никольского // Труды Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 142—150; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки АН. Вып. II. С. 184—190 (автор — В.Ф. Покровская). См. также: С. 65; *Адрианова-Перетц В.П.* Картотека Н.К. Никольского // *Вопр. языкознания.* 1961. № 1. С. 121—125.

⁶ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. С. 65—66.

⁷ История Библиотеки Академии наук СССР. С. 423; *Кукушкина М.В.* Рукописные книги, подаренные Иваном Грозным в Антониево-Сийский и Соловецкий монастыри // *Культурное наследие.* С. 393.

⁸ *Слуховский М.И.* Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968. С. 182.

⁹ История Библиотеки Академии наук СССР. С. 423.

¹⁰ *Белокуров.* Библиотека. С. 267—270.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Юзефович Л.А.* Миссия Исая (1561 г.) и Остафий Волович // *Советское славяноведение.* 1975. № 2 (указана и новейшая литература).

¹² *Лурье.* Донесения. С. 463 и сл.

¹³ *Шмидт С.О.* Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбскому // *Культурные связи.* С. 313—314. (Далее: *Шмидт.* Об адресатах). [Перепеч. в наст. изд.]

¹⁴ *Тихомиров М.Н.* Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 286—287. (Далее: *Тихомиров.* Русская культура).

¹⁵ Перевод подготовлен к печати Р.И. Максимовой.

¹⁶ [Библиотека Ивана Грозного. С. 9—10.]

¹⁷ Подробнее об этом: *Розов Н.Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // *ТОДРА.* М.; Л., 1962. Т. XVIII; *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977.

¹⁸ Подробнее об этом см.: *Розов Н.Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.) // *Исследования источников по истории русского языка и письменности.* М., 1966.

¹⁹ *Слуховский М.И.* Библиотечное дело в России до XVIII века; Он же. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., 1973.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Кукушкина М.В.* Рукописные книги, подаренные Иваном Грозным. С. 390—393.

²¹ См.: *Рус. ист. журн.* 1922. Кн. 8. С. 239 (статья "О трудах С.А. Белокурова по русской истории").

²² *Жданов.* Т. 1. С. 128—142,

²³ Там же. С. 131.

²⁴ См.: *Шмидт С.О.* Об адресатах. С. 320.

²⁵ См.: *Жданов.* Т. 1. С. 142—148.

²⁶ О личной казне Ивана Грозного см.: *Шмидт.* Адашев. С. 45—48, [Шмидт. Российское государство. С. 126—151].

²⁷ *Слуховский М.И.* Русская библиотека XVI—XVIII вв. С. 137.

²⁸ *Луппов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 170—171.

²⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.

³⁰ Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 7. Смесь. С. 6—7.

³¹ РИБ. Т. XXXI. Стб. С. 133.

³² Лихачев Н.П. Библиотека. С. 25—26, 63.

³³ Шмидт. Адашев. С. 45—46.

³⁴ Сизов. Датировка. С. 170—172.

³⁵ [Библиотека Ивана Грозного. С. 10—12.]

³⁶ См. подробнее: Покровская В.Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР. М.; Л., 1966. (Далее: Покровская. Лицевой свод).

³⁷ Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря XV, XVI, XVII и XVIII столетий. Ярославль, 1881. С. 5.

³⁸ Новый мир. 1960. № 1. С. 196—202.

³⁹ Тихомиров. Русская культура. С. 427.

⁴⁰ Там же. С. 283.

⁴¹ Сб. ОРЯС АН СССР. Л., 1928. Т. 101. № 3.

⁴² См. об этом в кн.: Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Новые поступления в Отдел рукописей (1952—1966): Краткий очерк. Л., 1968. С. 60.

Максим Грек в России (О книге Н.В. Синицыной)

¹ Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. Страницы издания указываются далее в основном тексте (в скобках).

² Там же. С. 39—40.

³ Шмидт С.О. Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 355—363. На С. 356 указаны другие памятники, опубликованные из этого рукописного сборника.

⁴ Казакова Н.А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. М., 1968. Т. XXVIII; Она же. Очерки по истории русской общественной мысли, первая треть XVI века. Л., 1970; Покровский. Сибирская находка; Он же. Новые данные о соборных судах 1525, 1531, 1549 гг. // Судные списки Максима Грека.

⁵ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 278, 279.

К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века

¹ Пресняков А.Е. Московская историческая энциклопедия XVI в. // ИОРЯС. СПб., 1900. Т. V, кн. 3. См. также: Подобедова О.И. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI века // ПИ. М., 1961. Вып. IX. Чирков С.В. А.Е. Пресняков как источниковед и археограф: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

² Новая основная литература указана в статьях: Амосов А.А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. (Далее: Амосов. Лицевой свод); Шмидт С.О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного // Древняя Русь и славяне. М., 1978. См. также работы, опубликованные после написания данного доклада: Амосов А.А. Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного: Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV; Морозов. Царственная книга.

³ Лихачев Д.С. Поэтика. 1979. С. 40.

⁴ Сизов. Датировка. С. 138—139.

⁵ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 95.

⁶ Там же. С. 98.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ Шмидт С.О. О приписках к лицевым летописям времени Ивана Грозного // Средневековая Русь. М., 1976. С. 123.

⁹ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 4—5. (Далее: Арциховский. Миниатюры.)

¹⁰ Шмидт С.О. Первое упоминание об Оружейной палате и миниатюры Царственной книги // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. II.

¹¹ Шмидт. Становление. С. 60—63.

¹² Для истории русской живописи XVI века... // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. II. С. 309.

¹³ Горский А.Д. Древнерусская соха по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. // Ист.-арх. сб. М., 1962. С. 339—351; Он же. Еще одно изображение сохи XVI века // Вестн. МГУ. 1963. Сер. IX. История. № 3. С. 17—22.

¹⁴ Для истории русской живописи XVI века. С. 309.

¹⁵ Арциховский. Миниатюры. С. 100—102.

¹⁶ Там же. С. 101.

¹⁷ Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 172.

¹⁸ Маркина Н.Д. Из истории возникновения приделов Благовещенского собора в 60-х годах XVI века // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1973. Вып. 1. С. 74, 80—81.

¹⁹ Неволин Ю.А. Методика работы над "Иллюстрированным каталогом иллюминированных рукописей в собраниях ГБЛ" // ЗОР ГБЛ. М., 1976. Вып. 37.

²⁰ Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972; Гребенюк В.П. Лицевое "Сказание об иконе Владимирской Богоматери" // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972.

²¹ Покровская. Лицевой свод.

²² Пресняков. Царственная книга.

²³ Альшиц. Источники.

²⁴ Морозов С.А. Летописные повести по истории России 30–70-х годов XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 15–16.

²⁵ Шмидт С.О. К истории редактирования Царственной книги // Россия на путях централизации. М., 1982.

²⁶ Сизов. Датировка.

²⁷ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 26. Примеч. I.

²⁸ Шмидт С.О. О датировке приписок в Лицевом летописном своде // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 307–308.

²⁹ Интересны и полезны в методическом отношении наблюдения о бумаге XVI в. С.М. Каштанова. См.: Каштанов С.М. По следам Троицких актов XVI в. // ЗОР ГБЛ. М., 1978–1979. Вып. 38–40.

³⁰ Амосов. Лицевой свод. С. 25.

³¹ Там же. С. 36.

³² Лебедева И.Н. Кодикология — наука о рукописных книгах // ВИД. Л., 1972. Вып. IV; Киселева Л.И. Кодикология и новые методы описания рукописей // Всесоюзная научная конференция "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности": Тез. докл. Л., 1979. С. 20–21.

³³ Морозов В.В. К вопросу о системе описания разрозненных рукописей (Лицевой летописный свод XVI в.) // Всесоюзная научная конференция "Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности". Тез. докл. Л., 1979. С. 38–39.

Посольские книги Российского государства XV–XVI столетий как памятник истории и культуры

¹ Краткую характеристику документации внешних сношений Российского государства см. в кн.: Шмидт С.О., Князьков С.Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М., 1985. С. 59–65.

² Об этих публикациях см.: Рогожин. Публикация посольских книг. Много цитат из неопубликованных посольских книг в изд.: Савва. Посольский приказ. Вып. 1, 2.

³ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. 3-е изд. СПб., 1910; Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. М., 1986 (указана основная литература).

⁴ Юзефович Л.А. Русский посольский обычай XVI века // ВИ. 1977. № 8.

⁵ Шмидт С.О. Русские книги посольских сношений с Польско-Литовским государством конца XV — XVI в. как памятник по истории общественно-политической мысли и культуры // Międzynarodowy Kongres slawistow w Warszawie 1973. Streszenia Referatow i Komunikatow. Warszawa, 1973. Р. 1038–1039; Он же. Российское государство. С. 56 и сл. (указана основная литература).

⁶ См.: *Donnerl E.* Das Moskauer Rubland. Kultur und Geistesleben im 15 und 16. Jahrhundert. Leipzig, 1976; *Iwan Grozny der Schreckliche*. Berlin, 1980.

⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 331–591.

⁸ Там же. С. 122, 110.

⁹ *Шмидт*. Об адресатах.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 59. С. 451, 475.

¹¹ *Сергеев*. Дипломатическая терминология; *Он же*. Терминология международного права.

**О книге А.А. Амосова "Лицевой летописный свод Ивана Грозного:
Комплексное кодикологическое исследование"**

¹ *Шмидт С.О.* Об авторах этой книги // Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1998. Ч. 4, вып. 3. С. 3–5.

² *Амосов А.А.* Датировка и кодикологическая структура "Истории Грозного" в Лицевом летописном своде: Заметки о бумаге так называемой Царственной книги) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. XIII. С. 192.

³ Там же. С. 158.

⁴ Памяти Н.П. Лихачева посвящен XXVI том продолжающегося издания "Вспомогательные исторические дисциплины", вышедший в 1998 г., уже после кончины А.А. Амосова. В открывающей книгу статье охарактеризована и публикуемая ныне его монография. См.: *Шмидт С.О.* К 60-летию со дня кончины академика Н.П. Лихачева. (Об изданиях последних лет.) С. 16–17.

⁵ Словарь книжников и книжности Древней Руси, вторая половина XV–XVI в. Л., 1989. Ч. 2(Л–Я). С. 30–32 (автор Б.М. Клосс).

⁶ Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIII. С. 193.

Список сокращений

ААН	— Архив Академии наук
ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. СПб., 1836—1838. Т. I—IV
АЕ	— Археографический ежегодник
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841—1842. Т. 1—2
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841—1843. Т. 1—5
АЛОИИ	— Архив ЛОИИ
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964
АЮ	— Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838
БАН	— Библиотека Академии наук
ВИ	— Журнал "Вопросы истории"
ВИД	— Издание "Вспомогательные исторические дисциплины"
ГА	— Государственный архив... области
ГБЛ	— Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека)
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека)
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печ. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1951
ДРВ	— Древняя российская вивлиофика. СПб., 1788—1791. Ч. 1. 20
ДРК	— Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901
ЕАИ	— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы

ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОР ГБЛ	— Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В.И. Ленина
ИА	— Журнал "Исторический архив"
ИЗ	— Исторические записки
ИИ СССР	— Институт истории СССР АН СССР
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт
ИОЛЯ	— Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИСССР	— Журнал "История СССР"
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук
МГИАИ	— Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	— Московский государственный университет
МОИДР	— Московское общество истории и древностей российских
НДВШ	— Научные доклады высшей школы
ОИ	— Журнал "Отечественная история"
ОР	— Отдел рукописей
ОЦА	— Опись Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Подг. к печ. С.А. Левина и С.О. Шмидт. Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960
ПИ	— Проблемы источниковедения
ПИГ	— Послания Ивана Грозного / Подг. текст Д.С. Лихачев и Я.С. Лурье. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951
ПЛДР	— Памятники литературы Древней Руси
ПРП	— Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства, XV—XVII вв. / Под ред. Л.В. Черепнина
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИБ. Т. XXXI	— Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. Т. 1
РИО	— Русское историческое общество
РИС	— Русский исторический сборник
РК	— Разрядная книга 1475—1598 гг. / Подг. к печ. В.И. Буганов. М., 1966.
РЛ	— Журнал "Русская литература"
СА	— Журнал "Советские архивы"

- Сб. Платонову. 1922 — Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922
- Судебники — Судебники XV—XVI веков / Подг. текст Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнин. Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1952
- ТКДТ — Тысячная книга и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печ. А.А. Зимин. М., 1950
- ТЛОИИ — Труды ЛОИИ
- ТМГИАИ — Труды МГИАИ
- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук
- УЗ — Ученые записки
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (ныне — Российский государственный архив древних актов)
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

Указатель имен*

- Абрамович Г.В. 160
Август, римский имп. 292, 300
Аврамов Ф. 86
Адамс Кл. 267
Адаш Иванов сын Головин 58
Адаш Тохтамыш 57
Адашев А.Ф. 3, 4, 7, 45, 46, 50, 51, 53, 54–65, 67–69, 71–84, 97–100, 102, 111, 119, 124–131, 133, 134, 144, 198, 222, 243, 244, 246–248, 277, 310–312, 336, 341, 343, 384, 415, 424, 453, 455, 471, 472, 476, 477, 481, 486, 499, 522, 527, 528
Адашев Д.Ф. 55, 58, 99, 126, 248
Адашев Ф.Г. 55, 57, 58, 60, 63, 64, 124, 126, 133, 336
Адашевы (Одашевы) 58–60, 64, 79, 126, 476
Адашевы-Ольговы 59
Адрианова-Перетц В.П. 12, 47, 139, 144, 145, 255, 302, 303, 307, 319, 348, 367, 398, 418, 458, 466, 487, 507–509, 526, 527
Азарьин С. 391
Айдеяр (Булатка) 316
Айрман Г.-М. 269, 502
Александр, игумен 393
Александр Македонский 195, 408
Александр, молдавско-валашский господарь 407
Александр Невский Ярославич 115
Александр I 217
Александр II 261, 301
Александров В.А. 163
Алексеев М.П. 146, 475, 494, 511
Алексеев Ю.А. 161
Алексеев Ю.Г. 165, 172, 456
Алексеева Е.П. 474
Алексей, митр. 241, 245
Алексей Михайлович 282, 287, 292, 294, 299, 387, 407, 496, 505
Алеф Г. 223
Алпатов М.А. 466, 520, 522
Альберт Кампенский 263
Альшиц Д.Н. 19, 143, 436, 466, 468, 472, 509, 513, 518, 520, 530
Амвросий 480
Амербах 406
Амосов А.А. 5, 6, 8, 403–405, 419, 434, 437, 438, 456–464, 493, 495, 525, 526, 529–531
Амфилохий 519
Анастасия Романовна 62, 208, 357, 443

* © Составители В.М. Морозов, А.В. Мельников

- Ангелина 336
 Андреев А.И. 224, 465
 Андреев Н.Е. 143, 514, 520
 Андрей Боголюбский 319
 Андрей Иванович, кн. Старицкий 68, 106, 143, 240, 354
 Андрей Кобыла 60
 Анисим, еванг. 350
 Анна Даниловна, жена Данилы Романовича 62
 Антоний Печерский 407
 Анфим Селиверстов 110
 Аннинский С.А. 441
 Аньезе Г. 264
 Апостол П.Н. 502
 Аркудий П. 407
 Арсений Елассонский 268
 Артемий, иг. 349, 407, 427
 Арциховский А.В. 152, 160, 183, 429, 431, 432, 456, 498, 510, 529
 Астахова А.М. 468
 Афанасий Холмогорский (Афанасий), архиеп. 395, 396
 Афанасий (Андрей), митр. 244, 245, 358, 499
 Афродита, мифол. 307
 Ахматова А.А. 420

 Базилевич К.В. 271, 503
 Базылев Л. 502
 Бакланова Н.А. 525
 Бакус Д.П. (Baskus D.P.) 369, 521
 Барбаро 501
 Барбашин 315
 Барберини Р. 104, 227, 267, 250
 Баренц В. 268
 Барма 116
 Бармин Ф. 211
 Барсов 314
 Барсуков А.П. 477
 Басарга 200
 Басманов А.Ф. 386
 Басманов Ф.А. 332
 Басманов 296
 Бахрушин С.В. 9, 10, 13, 15, 37, 42, 50, 56, 76, 164, 170, 239, 246, 261, 465, 473, 476, 477, 480, 491, 520
 Башкин М. 63, 414, 426
 Белин А. 70
 Белинский В.Г. 92, 256, 257, 500
 Белова Л.Б. 397
 Белозерская Н.А. 516
 Белокуров С.А. 225, 258, 324, 337, 405, 410—412, 418, 419, 480, 495, 510, 511, 514, 519, 527
 Бельские 97, 200, 355, 356
 Бельский И.Д. 56, 64, 96, 100, 106
 Бельский И.Ф. 355, 357, 358
 Бельский С.Ф. 376, 523
 Беляев И.Д. 479, 480
 Бережков М.Н. 482
 Бернадский В.Н. 498
 Берри Л. (Berry L.E.) 227, 250, 500
 Берсень И. 358, 359, 425
 Бескровный Л.Г. 140
 Бестужев-Рюмин К.Н. 258
 Биязев Ивашка 295
 Бобиньская Ц. 489
 Бобров И.Д. 66
 Богданец Якимов сын ростовец 362
 Богданов А.П. 495
 Богданова Н.Г. 408
 Богословский М.М. 258, 411, 525

Богоявленский С.К. 497
 Боден Ж. 117, 264
 Бодянский О.М. 323, 324
 Болотников И. 24, 86
 Борис Годунов см. Годунов Б.Ф.
 Боровой С.Я. 491
 Бояршинова З.Я. 474
 Брике 362
 Бродель Ф. (Braudel F.) 167, 171, 490, 491
 Броневский М. 482
 Брюхов И.И. 355
 Бубнов Н.Ю. 525
 Буганов В.И. 19, 147, 148, 247, 276, 468, 472, 495
 Будовниц И.У. 9, 139, 146, 147, 171, 239, 326, 511, 514, 521
 Буйносова-Ростовская П.П. 112
 Булаховский Л.А. 507, 508
 Бурдей Г.Д. 473, 486
 Буслаев Ф.И. 319, 432, 434, 529
 Буссов К. 255, 269, 502
 Бычкова М.А. 468, 495
 Боде-Кольчев 328

 Вавилов Н.И. 168
 Валк С.Н. 139, 140, 176, 224, 225, 319, 390, 458, 525
 Вальденберг В.Е. 492, 493
 Варвара, жена Никиты Романовича 62
 Варкоч Н. 268
 Варлаам Хутынский 320
 Варлаам, еп. 407
 Варсонофий 86, 87
 Васенко П.Г. 478, 493
 Василевская Е.А. 327
 Василий Амасийский 349
 Василий Великий 349

Василий Владимирович, кн. Старицкий 438
 Василий Окулович 330
 Василий II, 390
 Василий III Иванович 66, 73, 82, 85, 87, 97, 105, 111, 153, 190, 193, 194, 207, 212, 219, 240, 257, 264–266, 270, 323–326, 328–330, 335, 337, 338, 345, 353, 354, 357, 359–363, 406, 409, 426, 493, 510, 514, 515, 517
 Васильев А.В. 160
 Васильев В.И. 8
 Вассиан Косой 326
 Вассиан, игумен 110, 245
 Вахрушев А.Р. 388
 Введенский А.А. 408
 Веера Г. де 268
 Вельяминов-Зернов В.В. 128, 487
 Вербин А.И. 490
 Веретенников П.И. 498, 499
 Вернадский Г.В. 259, 500
 Веселовский С.Б. 15, 27, 110, 143, 148, 160, 171, 223, 226, 236, 237, 259, 332, 354–356, 368, 477, 479, 485, 487, 496, 497, 513, 516–518, 521, 522
 Веттерман И. 406, 408, 410, 412, 416, 417
 Вешняков И.М. 56, 65, 66, 68, 73, 76, 111, 316
 Викиней 86
 Вилар П. 167
 Вилькошевский П.В. 372, 378, 520–523
 Винокур Г.О. 295, 506
 Винтер Э. (Winter E.) 16, 445

- Виппер Р.Ю. 10, 13, 195, 259,
 367, 481, 486, 492, 520
 Висковатый И.М. 69, 80, 105,
 106, 110, 114, 119, 128, 133,
 143, 225, 238, 242, 247, 415,
 455
 Витов М.В. 151, 152, 161, 467
 Витсен Н. 268, 408
 Вишневецкий Д. 296, 310, 454
 Владимир Андреевич, кн. Ста-
 рицкий (князь Володимир)
 62—64, 304, 438, 472
 Владимир Мономах 207, 213,
 215, 298, 328, 452
 Владимирский-Буданов М.Ф.
 258
 Владислав, король Польский 280
 Власьев Г.А. 513
 Волкова Т.Ф. 505
 Волович О. 521, 527
 Вольнский В.А. 472
 Вольтер Ф.А. 116, 218
 Воронин Н.Н. 15, 194, 492,
 512
 Воронцов В.М. 332, 333
 Воронцов И.М. 73, 333
 Воронцов И.Ф. 68
 Воронцов Ф.С. 96, 332, 333, 363
 Воронцовы 96, 97, 241
 Воропай 373
 Воротынские 415
 Воротынский 350, 374
 Воротынский М.И. 96, 384
 Востоков А.Х. 510
 Выродков И.Г. 60
 Вяземский А. 316, 317
 Вяземский П.А. 256

 Габсбурги 124
 Гавриил, свящ. 330, 512
 Гальперин Г.Б. 473
 Гальцов В.И. 236, 281, 403, 497
 Гаусман 410
 Гваньини А. 268, 282, 508
 Гедиминовичи 200
 Гейденштейн Р. 268
 Геннадий Костромской 482
 Геннадий, архидиакон 407
 Генрих II, король французский
 148
 Генрих VIII, король английский
 426
 Герберштейн С. 193, 228, 251,
 264—267, 330, 443, 502
 Гиманди Х.Г. 474
 Гирей 117, 120, 122
 Гизо Ф. 179
 Глинская А. 331, 336
 Глинская Е.В. 194, 214, 323, 326,
 330, 332, 337, 354, 358, 361,
 467, 484
 Глинские 52, 97, 214, 241, 330,
 332, 335, 339, 494, 513
 Глинский М.В. 51, 64, 211, 241,
 331
 Глинский М.Л. 335, 354
 Глинский Ю.В. 51, 308, 339,
 390, 432
 Годовикова Л.Н. 441, 442, 444
 Годунов Борис Федорович 50, 83,
 123, 188, 196, 198, 246, 256,
 277, 279, 285, 287, 290—
 292, 389, 409, 453
 Годунов Ф.Б. 296
 Голенищев-Кутузов И.Н. 522
 Голицин В.В. 198
 Голобуцкий В.А. 26, 470
 Головин И. (Фома) П. 76
 Голохвастов Д.П. 515
 Голубев И.Ф. 465

- Голубинский Е.Е. 324, 326, 360, 510, 519
- Голубцов И.А. 17, 148, 160, 161, 171, 178, 238, 467, 518
- Горбатые 96
- Гордлевский В.А. 477
- Горелов А.А. 153, 468
- Горенский 68
- Горсей Дж. 215, 269, 352, 408, 415, 485, 502, 516
- Горская Н.А. 22, 151, 161, 164, 171, 468
- Горский А.Д. 152, 160, 161, 163, 432, 490, 529
- Горфункель А.Х. 172, 469
- Готье Ю.В. 265, 505
- Гофман И. 20
- Грабарь В.Э. 259
- Градовский А.Д. 201
- Гребенюк В.П. 529
- Греков Б.Д. 15, 147, 155, 166, 441, 474
- Греков И.Б. 486, 523
- Грекул Ф.А. 329
- Грибоедов А.С. 297
- Григорий, служилый человек 85
- Григорий XIII, римский папа 445
- Громов Г.Г. 160
- Громыко М.М. 29, 470
- Грязной В. 61, 68, 306, 310, 312, 455
- Губин Постник 106, 114, 210, 237, 238, 241
- Гудзий Н.К. 153, 382, 485, 509, 524
- Гутнова Е.В. 495, 501
- Дабелов 405, 406
- Давид, библ. царь 344
- Далматов П.Ф. 111
- Даль В.И. 86, 274, 503, 509
- Даниил Заточник 307, 341, 346, 381, 404, 508, 524
- Даниил Переяславский 245
- Даниил, митр. 240, 242, 323, 355, 360, 361
- Данилов А.И. 489
- Данилова Л.В. 21, 468, 469, 470, 471, 491
- Дориа А. 124
- Дариан (Адриан, Дариян) 319—321, 509
- Даулет-Гирей (Девлет-Гирей) 128, 129, 311
- Делиль Г. 268
- Демидова Н.Ф. 227
- Демьянов В.Г. 488
- Демьянов Я.А. 57
- Демьянов Я.В. 106
- Денисов Э. (Denisoff Elie) 363, 514
- Дербов Л.А. 44, 474
- Дербыш-Алей (Дервиш-Алей, Дервиш-Али, Дербыш) 121, 314—316
- Державин Г.Р. 297
- Державина О.А. 327, 387, 392, 525
- Джан-Али 123, 130, 131, 133
- Джеймс Р. 295
- Дженкинсон А. 267
- Дженнаби 128
- Джовио (Павел Иовий) 264, 270, 449
- Дитятин И.И. 201
- Дмитриев В.Д. 23
- Дмитриев Л.А. 144, 288, 456, 466, 518
- Дмитриев Ф.М. 499

- Дмитриева Р.П. 144, 400, 466, 488, 492
- Дмитрий, внук Ивана III 207
- Дмитрий (Димитрий) Иванович (младший, Дмитрий Иванович Углицкий) 66, 196, 234, 423
- Дмитрий (Димитрий) Иванович (старший) 62, 62, 68, 195
- Дмитрий Герасимов, Митя Малый 264, 424, 449, 500
- Дмитрий Донской Иванович 115, 214
- Дмитрий Иванович Жилка 75
- Дмитрий Михайлович 287
- Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий I, Григорий Отрепьев) 256, 287, 289, 291, 292, 295, 296
- Добровольский Б.М. 468
- Добролюбов Н.А. 92, 483
- Докучаев В.В. 168, 490
- Долгорукий В.Г. 112
- Доннерт Е. (Donnert E.) 448, 531
- Дорогобужская 332
- Дорогобужский И.И. 331, 332
- Дорошенко В.В. 28, 166, 167, 170, 470, 474, 490, 491
- Досифей 408, 527
- Дракула 144, 145, 514
- Дробленкова Н.Ф. 12, 283, 498, 504, 526
- Дружина Володимиров 112
- Дружинин Н.М. 15, 163, 470, 490, 491
- Дубровский С.М. 13, 465
- Дуйчев И.М. 512, 520
- Дьяконов М.А. 263, 372, 501, 504, 530
- Д'Амато Дж. 501
- Евфимий 11, 240
- Едигер (Гедигер) 215
- Екатерина Ягеллон 446
- Екатерина II 118
- Елизавета I, королева английская 188, 278, 279, 446
- Елизаров Е.С. 107
- Елисеев С.А. 260
- Емельянов И.П. 473
- Енбарс 123
- Енин Г.П. 291
- Еремин И.П. 514
- Еремея (Иеремия) пророк, библ. 321
- Ермак Тимофеевич 295, 468, 474
- Ермолаев И.П. 495
- Ермолай-Еразм 52, 159, 146, 338
- Жарков И.А. 498, 515
- Жданов И.Н. 54, 412—414, 523, 527
- Жидков Г.П. 491
- Жолкевский С. 280
- Жордания Г. 47, 475
- Жуковский В.А. 261, 297, 500
- Забелин И.Е. 66, 75, 79, 410, 434, 478—480, 506
- Загряжский Д.Д. 87
- Задера А.Г. 488
- Замойский Я. 270, 444
- Замысловский Е.Е. 265, 502
- Заполье Ян 376
- Зарубин Н.Н. 395, 404—407, 409—413, 417—419, 459, 460, 508, 526, 527
- Заруцкий И.М. 289
- Заусцинский К. 239
- Захаровы-Гнильевские 109

Захаров-Гнильевский В.Г. 105, 211

Захаров-Гнильевский Я.Г. 211

Захарьин М.Ю. 335, 361

Захарьины 63, 97, 335, 357

Захарьин-Яковля И.П. 111

Звягин Гавриил, посадский человек 391

Звягин Гаврило 391

Звягин Л. 392

Звягин М. 391

Звягин Михаил (младший) 392

Звягин М.Ф. 387, 388, 391—393

Звягин Федор (Гаврилович) 391, 392

Зенг Фейт 20, 148

Зильберман И.Б. 40

Зимин А.А. 12, 17, 19, 28, 32, 35—37, 39, 45, 48, 73, 91—102, 140, 141, 143—146, 148, 153, 160, 161, 164, 165, 172, 188, 193, 202, 223, 236, 240, 246, 247, 324, 326, 327, 356, 378, 380, 466, 467, 471—475, 481, 483, 485, 488, 494, 495, 497, 499, 510, 511, 513, 515, 517, 518, 521, 522, 524, 527

Зиновий Отенский 105, 114, 484

Зиновьев И. 279

Зутис Я.Я. 28, 474

Иван, нижегородец 86

Иван Грозный (Иван IV Васильевич, царь Иван, Иван Васильевич Московский) 3, 4, 6, 9, 10—13, 16, 31—33, 36, 38—41, 45, 46, 50—56, 58—63, 65, 66, 68, 69, 73—75,

77, 79, 81—84, 89, 91, 92, 96, 97, 100, 102, 104—108, 115—117, 119—123, 127—133, 135—139, 141—144, 146, 148, 153, 169, 188, 190—201, 207—216, 219, 222, 225, 231, 234, 237, 239—241, 243—249, 256, 259, 264, 265, 267, 270—272, 274, 275, 277, 278, 280—282, 287—289, 291—293, 295, 298, 299, 302—312, 314—316, 321, 324—326, 329, 331—352, 354, 357, 358, 362, 363, 365—386, 390, 391, 402, 404—418, 424, 427, 430, 432, 433, 435—439, 441, 443—445, 450, 452—456, 459, 461—463, 465, 466, 468, 470—474, 476, 477, 479, 480, 483—487, 492—495, 496, 499, 502—505, 507—509, 513, 514, 516, 520—524, 526—529, 531

Иван (Иоанн) III Васильевич 10, 27, 65, 66, 74, 114, 193, 197, 207, 210, 217, 219, 225, 249, 256, 257, 260, 261, 265, 267, 271, 282, 355, 424, 452

Иван Иванович (сын Ивана IV, царевич Иван) 74, 195, 275, 414

Иван Иванович (сын Ивана III, царевич Иван) 74

Иван Данилович Калита 193, 257

Иванишев Н.Д. 520

Иванов А.И. 518, 519

Иванов П.И. 478

Иванова Т.С. 408

Ивашка 200

- Ивина Л.И. 18, 149
Иден Р. 268
Иевлев 506
Иеремия, патриарх 280
Иисус Христос 350, 384
Иконников В.С. 314, 326, 479, 509–511, 518, 519
Иларион, монах 349
Иллерицкий В.Е. 466, 500
Илья Муромец 116
Ильяш Рареш 336
Илюшенко М.П. 496
Имин-Гирей 88
Индова Е.И. 170, 491
Иоаким, иеродиакон (в иночестве Исайя) 407
Иоанн Дамаскин 402
Иоанн Златоуст 362
Иоанн Предтеча 345, 390, 415
Иоанн, еванг. 362
Иов, патриарх 280, 290
Иоган III, король шведский 312, 378
Иона, митр. 245, 330
Иосиф Волоцкий 144, 414, 466
Иосиф Флавий 417, 435
Ирод 367, 384
Исайя 369, 521, 527
Исайя, библ. 343
Исак Собака 242, 338, 498, 511
Исламов Т.М. 495, 501
Исмаил 120, 121, 127, 129
Исмаил, мурза 63, 314, 315
Иуда, апостол 367
Ишим 316
- Кабанов А. 480
Кавелин К.Д. 92, 257, 500
Каждан А.П. 329, 520
Казаков Т. 353–354
- Казакова Н.А. 47, 144, 145, 326, 360, 425, 466, 501, 511, 512, 519, 528
Калужняцкий Е.И. 412
Кальвин Ж. 117
Каменцева Е.И. 139, 160
Кампани 442
Каппелер А. (Kappeler A.) 265, 502
Карамзин Н.М. 45, 50, 190, 209, 217, 256, 261, 271, 277, 295, 297, 301, 323, 334, 347, 427, 478, 487, 492–494, 500, 510, 513, 516
Карнковский Ст., архиеп. 83
Карл I, король английский 279, 280
Карл V, император 124
Карпов Ф.И. 346, 455, 516
Катаев И.М. 480
Катанов Н.Ф. 487
Катырев-Ростовский И.М. 292, 382, 396, 524
Кахк Ю.Ю. 491
Каштанов С.М. 18, 33, 35, 64, 139, 149, 150, 158, 161, 171, 174–181, 202, 224, 240, 351, 352, 390, 467, 469, 471–473, 483, 489, 495, 517, 518, 525, 530
Келевдерий (Кевдекерий) 328, 330
Кемпфер Фр. (Kämpfer Fr.) 211, 493, 494
Кинан Э. 369, 520, 523
Киселева Л.И. 530
Клибанов А.И. 47, 48, 145, 475, 484, 485
Клеймола М. 223
Клобуков И. 110

- Клобуков М.И. 106, 107
 Клобуковы 109—111
 Клосс Б.М. 434, 531
 Клоссиус Ф. 405, 410
 Ключевский В.О. 15, 147, 161, 192, 197, 198, 232, 245, 258, 261, 269, 271, 447, 479, 489, 491, 497, 501—503
 Князьков С.Е. 210, 496, 497, 499, 530
 Кобеко Д.Ф. 411, 485
 Кобрин В.Б. 39, 223, 247, 352, 472, 483, 516
 Ковальченко И.Д. 496, 499
 Коган-Бернштейн Ф.А. 486
 Кожанчиков 87, 482
 Колесников П.А. 459
 Колесникова Т.А. 146
 Коллман Н. 223
 Колычев И.А. 328
 Колычев И.В. 328
 Колычева Е.И. 139
 Колычевы 328
 Коммендоне 371
 Конрад Н.И. 521
 Константинеску-Яшь П. 514
 Контраини А. 263, 501
 Копанев А.И. 12, 21, 147, 152, 161, 170, 172, 178, 205, 405, 468 474, 497
 Копреева Т.Н. 505
 Копылов А.Н. 163
 Корецкий В.И. 24, 99, 140, 145, 161, 172, 276, 351, 466, 469, 472, 475, 484, 485, 488, 491
 Королюк В.Д. 44, 474
 Косминский Е.А. 366, 515, 520
 Костомаров Н.И. 50, 258, 478
 Костюхина Л.М. 356, 525
 Котошихин Г. 66, 215, 229, 286, 287, 449, 479, 494, 496, 505
 Кочетов С.И. 327
 Кочин Г.Е. 163, 490
 Кошкин Ю.З. 357, 361
 Кошкины-Кобылины 60
 Крамми Р.О. (Roberf O. Crummeу) 223, 227, 250, 259, 496
 Крипьякевич П. 522
 Кромвель 268
 Крон, мифол. 307
 Крузе Э. 265, 502, 508, 509
 Круус Х.Х. 44, 474
 Крылов И.А. 297
 Кубенские 363
 Кубенский И.И. 97, 332, 333, 355, 363
 Кудеяр, лит. 194, 310
 Кудрявцев И.А. 466
 Кудрявцев И.М. 387, 465
 Кудрявцев О.Ф. 501
 Кужелева Л.Н. 474
 Кузеев Р.Г. 468
 Кузнецова Т.В. 496
 Кузьмина В.Д. 327
 Кукушкина М.В. 382, 395, 396, 398—400, 402, 403, 405, 460, 506, 525—527
 Кулешов Ф.В. 394
 Куля В. (Kula W.) 159, 489
 Кумыков Т.Х. 473
 Кунцевич Г.З. 135, 212, 378, 486, 494, 523
 Курбский А.М. 31, 36, 45, 50—57, 59, 61—63, 65, 66, 79, 81, 83, 92, 105, 107—109, 137, 143, 146, 153, 187, 190, 199, 241, 243, 244, 246, 248, 264, 272, 277, 288, 298, 303—310,

- 321, 323, 325, 326, 331, 332,
337–347, 351, 357, 358,
362–386, 402, 407, 408,
413–416, 422–425, 427,
436, 451–454, 475, 498, 501,
503, 508, 510–512, 514–524
- Курбский М.М. 358
- Курбский С.Ф. 296, 345, 362,
363
- Курбские 358, 363
- Курдюмов М.Г. 525
- Курицыны 114
- Курлятев Н. 342
- Курлятев И.Д. 73, 306
- Курмачева М.Д. 465
- Куручкин А.Г. 477
- Курукин И.В. 248, 498
- Курцев-Фуников Н.А. 417
- Кучак 119
- Кушева Е.Н. 20, 43, 148, 486,
491, 525
- Кушелев-Безбородко Г. 509, 510
- Лавров Н.Ф. 481
- Лаковрич (Калаковрич, Колаков-
рич) 328, 330
- Ланге Юбер 117
- Лаппо-Данилевский А.С. 158,
177, 178, 181, 224, 258, 456,
489
- Лаптев В.В. 466
- Лапшина Р.Г. 145, 475
- Ларин Б.А. 237, 145, 520
- Ласкирев М.Д. 60, 65, 80
- Ласкирев Ф.М. 64, 65
- Ласкиревы 79
- Ластка И.Д. 64, 72
- Латкин Н.В. 480
- Лебедев Н. 239
- Лебедева И.Н. 530
- Левина С.А. 236, 354, 465, 467,
487, 511, 517
- Левинсон Н.Р. 502
- Левкий, архим. 352
- Левочкин И.В. 440
- Лейбниц Г.В. 268
- Лексин Ю.С. 3
- Ленин В.И. 11, 12, 21, 24, 28, 31,
33, 38, 51, 95, 162, 169, 170,
172, 207, 220, 257, 258, 465,
469–473, 475, 476, 481, 483,
489–492, 500, 507
- Леонид (Кавелин) 413, 51, 514,
515, 524
- Леонтьев А.К. 36, 148, 227, 467,
471, 472, 484, 496
- Лиги Х.М. 22, 28, 44, 155, 170,
474, 491
- Лимонов Ю.А. 502
- Литвак Б.Г. 228, 496
- Лихачев Д.С. 47, 78, 79, 139,
142, 144, 145, 207, 209, 210,
213, 216, 237, 239, 288, 296,
348, 369, 379, 383, 385, 386,
401, 417, 430, 431, 440, 455,
456–458, 462, 466, 481,
493–495, 498, 500, 503,
507, 508, 511, 516, 520, 521,
523, 524, 529
- Лихачев Н.П. 50, 51, 57–59, 65,
67, 75, 80, 109, 314, 416, 418,
438, 439, 446, 456, 457, 462,
476–481, 484, 485, 519, 526,
528, 531
- Ллойд Бетти Э. (Lloid E. Betti)
496
- Ломоносов М.В. 116, 217, 296,
395, 485
- Лотман Ю.М. 262
- Лохвицкий А. 482

- Лукомский К.Н. 266, 502
 Лукьянов В.В. 16, 319, 465
 Луппов Н.П. 15, 525–527
 Луппов С.П. 395, 468
 Лурье Я.С. 47, 114–146, 351, 365, 367, 368, 370, 373, 377–381, 423, 466, 475, 501, 508, 514, 521, 522, 524, 527
 Лысцов И.А. 80
 Лыткин, купец 397
 Любавский М.К. 484
 Любименко И.И. 92
 Любич-Романович В. 484
 Люблинская А.Д. 489
 Людовик XV, король французский 269
 Ляпунов П.П. 284
 Ляцкий (Лятский) И. 376
 Лятской Ян 406

 Мадиссон Ю.К. 20
 Майский И.М. 115, 501
 Макарий, романский митроп. 337, 514
 Макарий (Булгаков) 514
 Макарий, игумен см. Веретенников П.И.
 Макарий, митр. 38, 54, 97, 127, 135, 209, 213, 238–246, 336–338, 342, 343, 356, 357, 361, 362, 414, 416, 417, 427, 428, 437, 483, 498, 514
 Маковский Д.П. 26, 170, 470, 491
 Макиавелли Н. 195
 Максим Грек (Максим Философ) 61, 63, 65, 70, 82, 159, 193, 240, 242, 312, 323, 324, 327, 328, 331, 335–338, 344–346, 356, 358–363, 366, 406, 407, 414, 420–428, 443, 478, 479, 498, 509–511, 514, 515, 517, 518, 519, 528
 Максимилиан II, имп. 264, 373, 475, 501, 522
 Максимова Р.И. 527
 Малейн А.И. 513
 Малышев В.И. 16, 144, 465, 524
 Мамай 214
 Мамай Адашев 57
 Мандру Р. (Mandrou R.) 159, 184, 495
 Маньков А.Г. 12, 17, 22, 139, 150, 151, 161, 164, 183, 256, 467
 Маржерет Ж. 266, 267, 502
 Мария Стюарт 446
 Маркина Н.Д. 529
 Маркс К. 12, 23, 30, 41, 46, 83, 92, 113, 124, 161, 165, 168, 193, 220, 309, 465, 469, 470, 473, 474, 476, 481, 483, 486, 489, 490, 495, 508
 Марк, патриарх. 324, 330, 331, 333, 334
 Марфа 335
 Масленникова Н.Н. 470, 484
 Масленникова Т.В. 513
 Масса И. 116, 215, 268, 485
 Матвеев А.А. 268
 Матвеев А.С. 268, 282
 Матвей Властарь 413
 Матфей, ев. 362
 Матфик Пахомов 200
 Махмет (Магаммет), пророк 350
 Мей 190
 Мейерберг А. 268, 269
 Мельников Ю.Н. 235
 Мельц М.Я. 468

- Меньшой Путятин 335
 Мерзон А.Ц. 17, 140, 173, 178, 467
 Месхиа Ш.А. 473
 Микулин Г.И. 279
 Микулинский С.И. 96, 134
 Миллер В.Ф. 487
 Миллер Г.Ф. 480
 Милов Л.В. 170, 491
 Мильтон Дж. 268
 Милюков П.Н. 258
 Минин К. 289
 Митрофан, старец 402, 403
 Митяев К.Г. 148
 Михаил архангел 213
 Михаил Клопский 240, 353, 363, 417, 466, 518, 519
 Михаил Литвин (Михалон Литвин, Венцеслав Николаевич) 86, 267, 375, 502
 Михаил Федорович Романов 279, 281, 282, 285, 287, 290–294, 299
 Михайлов Е.В. 329
 Мишуриной Ф. 166, 355
 Мнишек М. 289, 296
 Мнишки 289
 Моисеева Г.Н. 47, 48, 144–146, 466, 475, 483, 487
 Моклоковы 109
 Мор Т. 426
 Мордовина С.П. 223
 Морозов В.В. 247, 434, 440, 464, 493, 494, 498, 529, 530
 Морозов М.Я. 110, 357
 Морозов С.А. 434, 436, 530
 Морозовы 60, 353, 517
 Мстиславские 200
 Мстиславский 375
 Мунехин М. 114
 Муравьев А.В. 139
 Муравьев В.А. 495
 Муромцев В. 344, 365, 520
 Мустафа-ага 87
 Мухамедьяров Ш.Ф. 19, 467, 469
 Мухаммед-Герай 482
 Муханов Л. 483
 Мюллер Р.Б. 19, 148, 467
 Мясоед Вислый 109
 Мятлев Н.В. 58, 477, 485
 Нагая М. 196
 Нагие 423
 Нагой А.Ф. 87
 Назаревский А.И. 319, 509
 Назаров А.И. 15
 Назаров В.Д. 161, 223
 Накашидзе Н.И. 474
 Насонов А.Н. 12, 138, 357, 466, 512, 518
 Настасья, жена А.Ф. Адашева 62
 Нафан, библ. 344
 Невиль де 268, 502
 Неволин К.А. 65, 478
 Неволин Ю.А. 433, 529
 Некрасов Н.А. 286
 Нерсисянц В.С. 496, 530
 Нефед 392
 Нечкина М.В. 21, 163, 468
 Ниенштедт 406, 416
 Никитин А. 455
 Никитников Г. 525
 Никифоров Г. 320
 Никифоров С.Д. 507, 508
 Никодим, мон. 396
 Николаевский П.Ф. 515
 Николай I 301
 Никольский Н.К. 404, 405, 411, 413, 418, 516, 526, 527

Новиков Н.И. 295
 Новицкий Г.А. 44, 247, 474, 491
 Новодворский В. 278
 Новосельский А.А. 17, 43, 85,
 86, 139, 140, 259, 482
 Новосельцев А.П. 329, 473
 Новосильцев Л. 83
 Ноготков-Оболенский М. 311
 Носов Н.Е. 12, 26, 33, 35, 37, 41,
 148, 149, 161, 165, 182, 186,
 187, 201–206, 355, 467, 471,
 484, 491, 492, 517

Оболенские 513

Овчина-Оболенский Ф.И. 331
 Овчина-Телепнев-Оболен-
 ский Д.Ф. 332
 Овчина-Телепнев-Оболен-
 ский М.Ф. 194, 332
 Овчинин Д.Ф. 332
 Овчинин Ф.И. 332
 Овчинникова Е.С. 327
 Ожегов С.И. 228, 250
 Олеарий А. 268, 269, 485, 508
 Оливье Д. 114
 Ольга, кн. 390
 Ольгов И.К. 58
 Ольговы 58, 60
 Онегин (Отто) А.Ф. 256, 500
 Ордин-Нащокин А.Л. 288, 505
 Орлов А.С. 239, 382, 508, 524
 Осокин В.Н. 415
 Островский А.Н. 301
 Острожский К. 384, 407, 408

Павел, апостол 350

Павленко Н.И. 157, 489
 Павлов-Сильванский В.Б. 160,
 161, 151, 467

Павлов-Сильванский Н.П. 167
 Паисий Лигарид, митр. 407,
 408
 Паисий Хиландарский 337, 520
 Паисий, старец Ферапонтова
 м-ря 324–325, 335–337, 510
 Палецкий Д.Ф. 129–131
 Палицын А. 290–293, 387–389,
 392, 393, 396, 506, 525
 Панеях В.М. 23, 150, 161, 469
 Панченко А.М. 508
 Парфений Уродивый 494
 Патрикеев В. 144, 323, 326, 330,
 331, 424, 466, 511, 512
 Пах Ж.П. (Pach J.P.) 166, 490
 Пашуто В.Т. 171, 446
 Пейрле Х.-Г. 268
 Пенков И.Д. 96
 Перельман И.Л. 151
 Пересветов И.С. 48, 70, 123,
 137, 144–146, 163, 192, 306,
 312, 326, 328, 331, 336, 338,
 341, 407, 413, 416, 426, 452,
 466, 475, 479, 483, 493, 494,
 508, 511, 515
 Перетц В.Н. 418, 419, 526
 Петр Бориславич 346
 Петр Волосский 327
 Петр Рареш 336, 514
 Петр I 11, 46, 47, 116, 217, 218,
 220, 224, 246, 257, 260, 294,
 299, 408, 481, 493
 Петрей П. 268
 Петров В.А. 405, 469
 Петров П.Н. 57, 477
 Петров Ф.А. 500
 Петровский М. 522
 Петрок Ярцев 106
 Петр, апостол 208
 Петр, митр. 208, 209, 245, 391

- Петр, св. муромский 396
 Петухов В.И. 19, 151
 Печуро С.С. 472
 Пиксанов Н.К. 186
 Пимен, арх. 320, 352
 Писемский И.П. 57
 Писемский Ф.А. 278
 Пихоя Р.Г. 456
 Пичета В.И. 15
 Платонов С.Ф. 11, 50, 258, 262, 283, 288, 289, 387, 392, 432, 479, 501, 505, 510, 517, 525
 Плеханов Г.В. 258
 Плюханов М.Б. 262, 501
 По Маршалл (Рое Marchall) 263, 501, 502
 Победимова Г.А. 22, 468
 Погодин М.П. 92, 492
 Подобедова О.И. 152, 429, 431, 432, 466, 528, 529
 Пожарский Д.М. 274, 285
 Позднеев А.В. 327
 Покровская В.Ф. 319, 435, 509, 527–529
 Покровский М.Н. 163, 258
 Покровский Н.Н. 149, 327, 353, 425, 498, 499, 511, 517, 519, 528
 Полосин И.И. 15, 20, 165, 148, 482, 484
 Поляк А.Г. 472
 Помигалова М.И. 507
 Попов А. 516
 Попов А.Н. 323
 Порфирий (Успенский) 514
 Поршнев Б.Ф. 47, 475, 485
 Поссевино А. 44, 268, 270, 407, 412, 441–446, 502
 Потемкин П.И. 144, 279
 Похилевич Д.Л. 28, 166
 Преображенский А.А. 471
 Пресняков А.Е. 162, 178, 211, 227, 260, 262, 354, 429, 435, 481, 489, 493, 496, 500, 501, 518, 528, 529
 Приемкова-Ростовская 111
 Прозоровские 304, 306
 Пронский-Шемякин Ю.И. 314, 315
 Прончатов Н.Ф. 474
 Пронштейн А.П. 28, 29, 470, 483–485, 488
 Пропп В.Я. 153, 468
 Прянишников Г.М. 314, 509
 Псевдо-Дионисий Ареопагит 402
 Путилов Б.Н. 153, 468
 Путиловы 58
 Пушкарев С.Г. 259
 Пушкин А.С. 195–197, 218, 256, 269, 282, 295–297, 301, 302, 421, 500, 506, 507
 Пушкин Е.М. 111
 Пушкин 296
 Пыпин А.Н. 411
 Рабинович Г.С. 470
 Радойчич Д.С. (Radojicic D.S.) 330, 512, 514
 Разин С.Т. 116, 294, 318
 Ракита И. 224, 247
 Расмуссен К. 224, 247
 Рейтенфельс Я. 268
 Репин И.Е. 190, 195
 Ретковская Л.С. 153, 488, 512
 Ржига В.Ф. 424, 426, 479, 515, 519
 Римский-Корсаков Н.А. 190
 Рингубер Л. 268
 Роберти Ж.-К. (Roberti I.U.) 259, 500

- Робинсон А.Н. 327
 Робинсон М.А. 378, 520
 Рогинский М.Г. 508
 Рогов А.И. 138
 Рогожин Н.М. 224, 247, 260, 497, 530
 Рождественский С.В. 489, 517
 Рожков Н.А. 161, 164, 258
 Розов Н.Н. 392, 395, 400, 514, 527
 Романов Б.А. 15, 27, 147, 148, 206, 253, 353, 364, 519
 Романовы 327, 358
 Ромодановский В. 503
 Ростовские 143
 Ростовский С. 106, 310
 Рубинштейн Н.Л. 170, 491, 520
 Руджиеро Ф. 267
 Рудольф II, имп. 444
 Румянцев А.М. 178, 490
 Русин Иванов, сын Семенов 335
 Руссов Б. 116, 485
 Рыбаков Б.А. 22, 165, 185, 260, 263, 319, 339, 346, 498, 501, 502, 510, 516
 Рыков Ю.Д. 326, 378, 511
 Рылов Ф. 112
 Рюрик 289, 513
 Рюрик Ростиславич Смоленский 331
 Рюриковичи 57, 79, 96, 200, 476
 Ряполовский 386

 Сабуров И.Д. 358, 361
 Сабуровы 60
 Савва В.И. 223, 235, 237, 247, 255, 258, 479, 480, 485, 492, 494, 497, 504, 530
 Савицкая С.А. 508
 Савонарола 425
 Садиков П.А. 112, 172, 237, 478, 485, 495, 508
 Сан-Джорджо 407
 Самсонов А.М. 471
 Сапунов Б.В. 395, 526
 Сатин Постник 56, 60, 210
 Сафаргалиев М.Г. 43
 Сафа-Гирей 119, 123, 131
 Сафронов А.Г. 163
 Сахаров А.М. 21, 471, 491
 Сахаров А.Н. 8, 171, 491
 Сахыб-Гирей 85, 88, 128
 Свак Д. 495
 Селим, султан 338
 Семен Борисович Брюхо (Серапион) 356
 Семериков А.В. 497
 Семен Ростовский 63
 Семион Касаевич 63, 64
 Сенька Федоров Попов 180
 Сербина К.Н. 157, 283, 489, 504
 Сергеев В.И. 474
 Сергеев Ф.П. 235, 260, 497, 500, 531
 Сергеевич В.И. 66, 258, 478, 479
 Середонин С.М. 258, 489, 502
 Серцова А.П. 490
 Сестан Э. 185, 492
 Сигизмунд II Август, король польский 365, 369, 371
 Сигизмунд III 57
 Сидоров А.А. 15, 417, 466
 Сидоров А.Л. 470
 Сизов Е.С. 153, 199, 366, 417, 430, 488, 492, 520, 528–530
 Сильвестер 55, 56, 63, 97, 98, 106, 110, 111, 241–245, 248, 308, 311, 312, 320, 325, 335, 338, 339, 341, 342, 344, 346,

- 351, 378, 381, 476, 484, 486,
490, 495, 498, 513, 515–
517
- Симеон Бекбулатович 39, 115,
304, 289, 472
- Симеон Гордый 257
- Симеон, свящ. 63
- Симони П.К. 418
- Синий Д.Т. 58, 60
- Синицина Н.В. 300, 362, 420–
423, 425–428, 507, 516,
528
- Сицкие (Ситцкие) 197, 306
- Сказкин С.Д. 24–26, 164–165,
469, 470, 490
- Скопин-Шуйский М.В. 290, 295
- Скрынников Р.Г. 22, 151, 165,
172, 378–380, 438, 463, 469,
510, 521, 523, 524, 530
- Скуратов-Бельский (Малюта)
Г.Л. 68
- Слуховский М.И. 146, 395, 405,
408, 526, 527
- Смирнов И.И. 10, 12, 13, 31–34,
36, 38, 42, 43, 91–93, 96–
98, 102, 143, 146, 147, 161,
165, 167, 188, 202, 223, 239,
247, 255, 346, 427, 471–473,
476, 484, 486, 490, 495, 498,
513, 515–517
- Смирнов Н.А. 42
- Смирнов П.П. 188
- Смирнова Н.Д. 329
- Снесаревский П.В. 442, 445,
474
- Собакин В. 311
- Соболева Н.А. 299, 506
- Соболевский А.И. 406, 407, 411,
419, 512, 524
- Соколов Н.А. 419
- Соколова В.К. 153, 468, 485, 506
- Соколова М.А. 312, 148, 509
- Солиман II, султан 148
- Соловьев А.В. 264, 501
- Соловьев С.М. 15, 50, 56, 92,
218, 257, 260, 271, 277, 278,
367, 476, 500, 503, 504,
520–522
- Соломония (Соломонида, Софья)
193, 194, 196, 323, 326, 329,
330, 361
- Сабуровы 326
- Спасский М.Г. 469
- Сперанский М.Н. 323, 411, 511,
512
- Срезневский И.И. 311, 332, 512
- Сталин И.В. 3, 12, 13, 84
- Станиславский А.Л. 223, 518
- Старицкие 415
- Старков В.Ф. 501
- Стеллецкий И.Я. 411, 418
- Стефан Баторий (король Степан)
144, 195, 268, 281, 304, 376,
378, 407, 444, 521, 524
- Стрейс Я. 268
- Стрешнев И. 67
- Строганов Г. 72, 75
- Строганова 205, 408
- Струмилин С.Г. 26, 160, 469,
470, 490
- Сукин Б.И. 60, 111
- Сукин В. 503
- Сукин В.Б. 111
- Сукин М. 111
- Сукин Ф.И. 76, 111, 211
- Сукина У. 112
- Сукины 109, 111, 112
- Сулаш 56
- Суморин Ф. 72
- Суханов А. 401, 410

- Сырков А.Д. 110
 Сырков Ф.Д. 110, 187
 Сыроечковский В.Е. 482, 485
 Сыромятников Б.И. 481
 Сююндук Тулусупов 317
 Сююн-Бике 121—125
- Тамань В.М. 376, 508, 523
 Таннер Б.Ф. 268
 Тарвел Э.В. 28, 166, 170, 491
 Татищев В.Н. 79, 217, 255, 256, 500
 Татищев М.И. 110, 485
 Татищев Ю.В. 484
 Таубе И. 265, 502, 508, 509
 Творогов О.В. 434
 Теве А. 267
 Телятевский А. 68, 78
 Тереулдуван 134
 Тетерин И.В. 60
 Тетерин Тимофей (Тимоха) 105, 107, 108, 110, 304, 381
 Тимофеев И. 291, 333, 344
 Титов А.А. 476
 Тихвинский С.Л. 500
 Тихомиров М.Н. 3, 15, 16, 31, 40, 78, 103, 106, 128, 136, 138—140, 142—144, 147, 159, 161, 164, 165, 170, 172, 178, 181, 185, 187, 191, 205, 210, 226, 232, 237, 241, 245, 265, 272, 289, 297, 314, 323—326, 329, 330, 338, 408, 418, 419, 438, 456, 457, 460, 462, 465, 466, 473, 474, 481, 483, 484, 486—490, 492—499, 502—506, 510—516, 525, 527, 528
 Тихонов Ю.А. 472
 Токман И. 358
 Толочанов 506
- Толстой А.К. 190, 196, 198
 Толстой А.Н. 10, 302, 496, 507
 Толстой Л.Н. 301
 Толстой 476
 Топорков В. 62—63, 111, 243, 344—346, 384—386
 Торке Х.-И. (Torke H.I.) 223, 226, 496
 Тотуй 87
 Траханиотовы 79
 Третьяков И.И. 211
 Трубецкой М. 332
 Трубецкой Ф.М. 68
 Ту, де 267, 502
 Тулупов Г. 482
 Тургенев П. (Дурнов) 121, 129, 316, 318
 Турилов А.А. 329
 Турков Е. 99
 Туров П. 126
 Турунтай-Пронской И.И. 241
 Тучка Б.В. 355
 Тучка В.Б. 355—357
 Тучка И. 357
 Тучков Василий Михайлович 353, 356, 357, 359—363, 424
 Тучков Василий (Васильевич) 355, 356
 Тучков И.В. 356, 361
 Тучков И.М. 355
 Тучков Михаил Васильевич 353—363
 Тучков М.М. 355
 Тучкова И.И. 357, 361
 Тучкова Мария 356, 358
 Тучковы 353, 360—364, 516
 Тьеполо Ф. 267
 Тьерри 179
 Тютин Х. 76, 110
 Тютин Ю. 358

Уваров К.А. 378, 523
Ульфельдт 227, 250
Ульяна, жена Романа Юрьевича
62
Уо Д. (Waugh D.C.) 523
Урак 407
Усманов А.Н. 474
Успенский Б.А. 506
Устрялов Н.Г. 92, 332
Устюгов Н.В. 139, 160
Утямыш-Гирей 119, 123, 125

Фабри И. 263, 270
Феврония, св. Муромская 396
Федор Алексеевич 294
Федор Большой 75
Федор Иванович (Иоаннович)
50, 196, 246, 275, 277, 278,
281, 283, 287, 289—291, 293,
296, 389, 390, 409, 423,
453
Федор (Федька) Павлов 316, 317
Федоров И.П. 278, 298, 332,
333, 371
Федюк Адашев сын Головин 58
Федор Жареный 358—360
Феннел Дж. (Fennell Y.L.I.) 524
Феодорит, архим. 349
Феодосий Косой 48, 145, 475
Феодосий, арх. 62, 97
Феодосий, монах 396
Фехнер М.В. 29, 43, 94, 164, 470
Филарет, патр. (Ф.Н. Романов)
279, 280, 287, 291, 293, 295
Филимон 350
Филипп, митр. 242, 386
Филофей 114, 240
Филюшкин А.И. 300, 506
Флетчер Дж. 104, 113, 269, 443,
482, 502

Флоря Б.Н. 278, 369, 501, 503,
521
Фомичев С.А. 500
Фонвизин Д.И. 297
Форстен Г.В. 501
Хабаров И.И. 355
Хворостинин И.А. 324
Хворостинин И.Ф. 382, 514
Хворостинина 111
Хилков А.Д. 64, 80, 111
Хилков Д. 55
Хлебников П. 314, 509
Хованский И.А. 294
Ходкевич 371, 374
Холмский А. 358
Хорошкевич А.Л. 270, 285, 470,
503, 505
Хоткевич Гр. 278, 310
Христиан III, король Датский 407
Хрущев Н.С. 12, 465
Худяков М.Г. 486, 487
Цани Э. 268
Цинцадзе Я.З. 473
Цир 475, 501, 522
Цыплятев Е. 358, 362
Цыплятев И.Е. 111
Челядина А. 332
Челяднины 513
Чемберлен Т. 268
Ченслор Р. 267
Черемисинов И. 126, 131
Черепнин Л.В. 12, 15, 17, 31, 32,
40, 138, 143, 147, 148, 149,
158, 160, 161, 163, 167, 171,
175, 183, 184, 188, 259, 377,
401, 438, 456, 462, 466, 467,
471, 472, 488—490, 496, 497,
500, 511, 514, 523, 525
Чернов А.В. 472

Чернов С.Н. 148, 324, 510
 Чернышев В.И. 6
 Чернышев Д.В. 6
 Чернышевский Н.Г. 257, 500
 Чечулин Н.Д. 161, 258
 Чирков С.В. 526, 528
 Чистов К.В. 159
 Чичерин Б.Н. 92
 Чичеров В.И. 153, 159, 468, 489
 Чулков А. 316

 Шапиро А.Л. 21, 171, 467, 470, 490
 Шаскольский И.П. 44, 247, 474
 Шахмалиев Э.М. 475
 Шахматов А.А. 456, 462
 Шаховский С.И. 292, 293, 382, 396, 506, 524, 526
 Шах-Али (Шигалей) 119–135, 316
 Шевяков В.Н. 13, 38, 465, 472
 Шекера И.М. 28
 Шелестов Д.К. 145, 475
 Шелонин С. 397
 Шереметев 350
 Шереметев Иван Васильевич
 Большой 58, 59, 119, 128, 133, 134
 Шереметевы 477
 Шерман И.Л. 140
 Шефтель М. 147
 Шехонские 57
 Шибанов В. 370, 381
 Шигона И.Ю. 335
 Шишкин Я.В. 57, 105, 114, 484
 Шишкины 58
 Шишкин-Ольгов И.Ф. 126
 Шлитте Г. 148
 Шлихтинг А. 267, 269, 298, 332, 502, 506, 513

Шмидт С.О. 3, 5, 6, 8, 66, 67, 141, 143, 146–148, 153, 188, 235, 236, 320, 404, 457, 460, 466, 467, 471–473, 476, 478, 480, 481, 483, 484, 486, 489–501, 506, 507, 510–517, 519–531
 Шмурло Е.Ф. 259
 Шохин Л.И. 495
 Штаден Г. 104, 112, 113, 169, 225, 227–229, 250, 251, 267, 411, 445, 484, 485, 495, 496, 522
 Штейнберг 120
 Шуйские 56, 97, 106, 200, 240, 354, 355, 357, 363
 Шуйский А.М. 332
 Шуйский Василий (Василий IV) 287, 290–292, 294, 355, 409
 Шуйский В.И. 112
 Шуйский Иван 355
 Шуйский И.В. 354
 Шуйский П.И. 360, 424
 Шульгин В.С. 33, 471
 Шумаков С.А. 79, 179, 237, 481
 Шумилов В.Н. 16, 465
 Шунков В.И. 140, 141, 163, 173, 178, 490, 491

 Щекин Б.А. 111
 Щелкалов А.Я. 110–112, 280, 352
 Щелкалов В.Я. 110, 112
 Щелкаловы 106, 109, 110, 112, 455, 485
 Щенятев М. 52
 Щепкин В.Н. 456, 462
 Щепкина М.В. 462
 Щербатов М.М. 190
 Щербачев Ю. 479

Эйзенштейн С.М. 199
Энгельс Ф. 12, 24, 42, 53, 92,
158, 465, 469–471, 473, 474,
476, 481, 483, 485, 486, 489,
490, 495, 508
Эрик XIV, король шведский 449
Эссекс, граф 449

Юзефович Л.А. 224, 247, 369,
497, 521, 527, 530
Юлдашев М.Ю. 473
Юнус 129
Юрий 282
Юрий Васильевич 62, 74, 194,
212
Юрганов А.Д. 503
Юсуф 120–123, 129, 131

Ядигер (Гедигер) 135
Яков I, король английский 279,
280
Яковлев А.И. 178, 259, 476, 480,
483
Яковлев М.А. 319
Яковлева О.А. 16, 54, 58, 144,
476, 477, 486

Ямгурчи (Енгурчей) 314–317
Янбулат 316
Янин В.Л. 183, 441, 456
Яницкий Н.Ф. 477
Ясинский А.Н. 332, 340, 358,
481, 507, 512, 515, 516,
518
Яцмирский А.И. 514
Яцунский В.К. 170, 152, 467,
470

Bonchi L. 460
Domerau N. 524
Frepstein 495
Goehrke C. 494
Hauser H. 490
Konovalov S. 504
Lamansky W. 482
Mervaud M. 500
Pennington A.A. 496
Stökl G. 494

Содержание

От автора	3
Вопросы истории России XVI века в советской исторической литературе 1950-х — начала 1960-х годов	9

Часть I

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Правительственная деятельность А.Ф. Адашева	50
Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI века	85
Книга А.А. Зимина "Реформы Ивана Грозного"	91
Дьячество в России середины XVI века	103
Восточная политика России накануне "Казанского взятия"	115
Издание и изучение советскими учеными источников по истории России XVI века (в послевоенные годы)	136
К изучению аграрной истории России XVI века	155
Монография С.М. Каштанова "Очерки русской дипломатики"	174
Русский город XVI века	182
Таинственный XVI век	190
Книга Н.Е. Носова о становлении сословно-представительных учреждений	201
Памятные даты начала Московского царства	207
О приказном делопроизводстве в России второй половины XVI века	217

Митрополит Макарий и правительственная деятельность его времени	239
А.Ф. Адашев и Ливонская война	246
Судебники и формирование системы делопроизводства в Россий- ском государстве	249
"Московское государство": к объяснению наименования Россий- ского государства XVI—XVII столетий	255

Часть II

КУЛЬТУРА. ПУБЛИЦИСТИКА

Заметки о языке посланий Ивана Грозного	302
"Сказание о взятии Астрахани" в летописной традиции XVII —на- чала XVIII веков	313
"Слово о Дариане-царе" в рукописной книге XVI века	319
О времени составления "Выписи" о втором браке Василия III	323
К изучению "Истории" князя Курбского. (О поучении попа Силь- вестра)	339
О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса)	348
Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский)	353
Об адресатах первого послания Ивана Грозного князю Курбско- му	365
К истории переписки Курбского и Ивана Грозного	383
О рукописном сборнике с кратким летописцем	387
Монография о книжной культуре XVI—XVII веков. (О книге М.В. Кукушкиной)	395
Исследование Н.Н. Зарубина "Библиотека Ивана Грозного и его книги"	404
Максим Грек в России. (О книге Н.В. Синицыной)	420
К изучению Лицевого летописного свода второй половины XVI века	429
Об издании сочинений А. Поссевино	441

Посольские книги Российского государства XV–XVI столетий как памятник истории и культуры	448
О книге А.А. Амосова "Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование"	456
Примечания	465
Список сокращений	532
Указатель имен	535

Научное издание

Шмидт Сигурд Оттович

**Россия
Ивана
Грозного**

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией
"Наука — история"
Н.Л. Петрова

Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *А.Б. Васильев,*
Г.В. Дубовицкая, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 07.07.99. Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Гарнитура Академическая. Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,0. Усл.кр.-отт. 35,0. Уч.-изд.л. 38,1
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3317

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга—почтой"

117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга—почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга—почтой")
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга—почтой")
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга—почтой")
660049 Красноярск, проспект Мира, 84
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7
117383 Москва, Мичуринский проспект, 12
103642 Москва, Б. Черкасский пер., 4
630200 Новосибирск, ул. Восход, 15, комн. 508б
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга—почтой")
142292 Пущино Московской обл., МР "В", 1 ("Книга—почтой")
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга—почтой")
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга—почтой")
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в издательство по адресу:
117864, Москва, ул. Профсоюзная, 90;
тел. (095) 334-98-59*

С.О.Шмидт **Россия И** вана Грозного